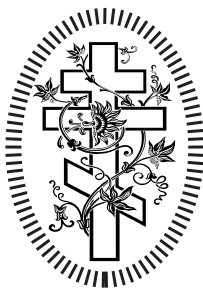

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства
Космология духа и циклы истории
Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
Синодикъ или Куликовская битва в лицах
Русская цивилизация: экологический аспект
Великие русские достижения
Русская община
Русская артель
Русская партия в первой четверти XIX века
Славянская идеология
Экономическая теория славянофилов и современная
Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова
Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое
Экономика Сталина
Артель и артельный человек
История как Промысл Божий

**В. Ю. КАТАСОНОВ,
В. Н. ТРОСТНИКОВ, Г. М. ШИМАНОВ**

**ИСТОРИЯ
КАК ПРОМЫСЛ
БОЖИЙ**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014**

УДК 930.1
ББК 63.3(0)
К 29

В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов

История как Промысл Божий / Отв. ред. О. А. Платонов. —
М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 640 с.

В книге современных русских мыслителей раскрывается суть промысла Божьего в истории человечества, показана божественная деятельность мировой жизни, сохраняющая мир и направляющая его к предназначенной ему цели бытия; непрестанное действие всемогущества, премудрости и благодати Божией, которыми Господь сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, вспомоществует всякому добру, а возникающее через удаление от добра зло пресекает и обращает к добрым последствиям. Христианство указывает еще на бесконечную любовь Божию в обновлении человечества искуплением и возведении его к высшему нравственному совершенству.

ISBN 978-5-4261-0083-1

© В. Ю. Катасонов, 2014

© В. Н. Тростников, 2014

© Институт русской цивилизации, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Вашему вниманию предлагается книга, представляющая собой сборник работ трех авторов – В. Ю. Катасонова, В. Н. Тростникова и Г. М. Шиманова. Первые два автора – ныне здравствующие. Валентин Юрьевич Катасонов – экономист-международник, Виктор Николаевич Тростников – математик и философ. Третий, Геннадий Михайлович Шиманов, известный православный мыслитель, писатель, один из идеологов русского национального возрождения, ушел из жизни 24 мая 2013 года. На первый взгляд, работы очень разные. Но все они, так или иначе, нацелены на постижение смысла мировой и русской истории. То есть это работы не по истории, а, как сейчас принято говорить, по историософии.

По своему жизненному опыту и образованию авторы очень разные. Но их объединяет прежде всего православное мировоззрение. Осмысление ими исторического процесса осуществляется на основе Священного Писания, трудов святых отцов, интеллектуально-духовного наследия лучших русских мыслителей, в том числе славянофилов.

Второе, что свело авторов в этой жизни, – Русское экономическое общество им. С. Ф. Шарапова, которое ставит своей задачей православное осмысление экономики, возвращение созданного нашими предками интеллектуального и духовного наследия, критика нынешней либеральной и антихристианской заразы, проникающей в Россию под видом разных «экономических теорий» и «экономических

школ». Ни у кого из авторов нет сомнения, что экономика вторична по отношению к таким сферам общественной жизни, как политика, идеология, культура. Для православного человека является очевидным, что корни общественного устройства уходят в духовно-религиозную сферу. Экономика – наиболее видимая и ощущаемая каждым человеком сфера, но она лишь чуткий индикатор изменений, зарождающихся в духовно-религиозной сфере. Все три автора придерживаются подхода к пониманию и исследованию структуры общества и движущих сил общественных процессов через призму концепции цивилизации. Основы этой концепции еще в XIX веке были заложены русским мыслителем Н. Я. Данилевским.

Третьей особенностью авторов является то, что никто из них не является профессиональным историком. Наверное, это неслучайно. Дело в том, что на протяжении многих десятилетий история в наших высших учебных заведениях подавалась с позиций исторического материализма, а это не могло не отразиться самым пагубным образом на миропонимании и мировосприятии наших профессиональных историков. Сегодня вроде бы о марксизме и историческом материализме никто не вспоминает. Навязываемой обществу идеологией стал либерализм, но корни у него те же, что и у марксизма: материализм, атеизм, примитивный детерминизм и др. Впрочем, сегодня история подается просто как набор неких фактов, дат и имен. А общего осмысления всей совокупности событий не происходит. Именно образовавшийся вакуум идей заставляет думающих людей самим искать ответы на непростые вопросы, относящиеся к метафизике исторического процесса. Впрочем, непрофессиональные историки, выступающие на страницах данной книги, не пытаются «изобретать велосипед» или «открывать Америку». В первую очередь они ищут ответы на «вечные вопросы» в работах наших мудрых предшественников. Поэтому в соавторы сборника

можно смело включить десятки и сотни имен, начиная от древнегреческих философов Платона, Аристотеля, вселенских святителей и учителей Иоанна Златоуста и Василия Великого и заканчивая святителем Феофаном Затворником, Федором Достоевским, Василием Леонтьевым, Львом Тихомировым, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым).

Сегодня на всех уровнях обсуждается вопрос о том, что нам нужен хороший учебник истории. Хороший учебник для молодого поколения России, для русских. А значит, для тех, кто являются осознанными или неосознанными носителями гена, содержащего код русской цивилизации. Этим сокрытым от непосредственного чувственного восприятия кодом является православие. Люди православные и воцерковленные эту простую истину понимают. Вот, например, что пишет Борис Галенин в статье «О концепции нового учебника по истории»: «В русском человеке и в русском народе – а русскими мы называем всех любящих Россию и сохраняющих верность ей, русской идее и культуре, – до сих пор сохраняется во многом православная оценка происходящего в стране и в мире. Но эта оценка уже почти никем не связывается с православием. Наши люди забыли, не знают и не понимают, что их мироощущение – столь отличное от “западного” – порождено православием. В результате этого непонимания, забвения и нежелания узнать складывается на наших глазах ситуация, в которой, с одной стороны, русский народ продолжает быть опасным для мирового глобализма своим мироощущением и уничтожение его, по крайней мере на духовном уровне, будет продолжено всеми силами “прогрессивного человечества”. А с другой стороны – отсутствие понимания русским человеком своих православных корней и истоков не дает русскому народу осознанно противостоять грозящему духовному, а вслед за духовным и физическому, уничтожению. Новый

учебник русской истории должен стать оружием победы русского человека, русского народа в ведущейся против нас информационной войне»¹.

Для того чтобы создавать учебники по всемирной и русской истории для наших школьников и студентов, следует опираться на прочный методологический фундамент. Применительно к исторической науке такой фундамент нередко называют историософией.

Данный сборник можно назвать книгой по православной историософии. Вместе с тем нам не очень нравится термин «историософия». Чаще всего историософию определяют как философию истории. Но авторы сборника придерживаются мнения, что сама по себе философия – плод достаточно поврежденного грехом человеческого ума. Известный духовный писатель игумен Никон (Воробьев) (1894–1963) говорил, что философия представляет собой «историю человеческих заблуждений». Между прочим, в некоторых учебниках и словарях авторство выражений «философия истории» и «историософия» приписывается французскому энциклопедисту и воинствующему безбожнику Вольтеру, к которому нормальный русский человек всегда относился с подозрением.

Точнее предмет данной книги можно назвать православной метафизикой истории. Метафизика – понятие, которое зародилось в Древней Греции. Аристотель определял ее как «первую философию», чья задача – изучать «первые начала и причины», или как науку о божественном, «теологию». Метафизика истории призвана постигать начала и концы мировой истории, а также ее логику и движущие силы («причины»). Осмысление метафизики истории возможно лишь на почве религиозного сознания. Тот же самый исторический материализм все внимание

¹ Галенин Борис. О концепции нового учебника по истории // Русская народная линия, 12.04.2014. Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/special_opinion/o_koncepcii_novogo_uchebnika_istorii/

концентрировал на «движущих силах» истории, к коим он относил «развитие производительных сил» и «классовую борьбу». О началах и концах мировой истории в историческом материализме вопрос даже не поднимался, подлинной метафизики там не было и в помине.

Православное постижение истории базируется на понимании того, что общественные процессы есть результат синергетического взаимодействия Бога и человека. Человек – творение Бога. Но и после появления человека на свет Бог продолжает его творить совместно с самим человеком. Развитие человека происходит в процессе его трудовой деятельности, а также в результате его деятельности в других сферах жизни (семейной, общественной, государственной). Человек является со-творцом самого себя и со-творцом истории. Но под мудрым присмотром Бога. Здесь Бог выступает уже в качестве Промыслителя.

Определений Промысла Божия много, но суть их сводится к следующему: после акта творения мира и человека Бог направляет их развитие к конечной цели бытия. В некоторых религиях и философских системах Промысл выступает в виде некоего фатума или рока. В православии Промысл Божий не лишает человека свободы. Православное понимание истории чуждо жесткого детерминизма, присущего не только вульгарному материализму, но и многим модификациям протестантизма, которые принято называть деизмом¹.

Итак, с одной стороны, история, общественные процессы – сфера, в которой действует Бог. С другой стороны,

¹ Дейзм (от лат. deus – бог) – религиозно-философское направление, признающее существование Бога и сотворение Им мира, но отрицающее большинство сверхъестественных и мистических явлений, божественное откровение и религиозный догматизм. Большинство деистов полагают, что Бог после сотворения мира не вмешивается в течение событий; другие деисты считают, что Бог все же влияет на события, но не управляет ими полностью. Внутри деизма существует много течений. Рамки деизма невозможно точно определить, поскольку сама концепция деизма не предполагает жестких канонов.

внимательно наблюдая и изучая историю, человек может и должен постигать Бога.

Как учат святые отцы, Бог может открываться человеку в трех основных сферах: природе, самом человеке и истории¹. В самом Писании говорится о возможности познания Бога через устройство сотворенного *физического мира*. Псалмопевец говорит: «Небеса проповедуют славу Божию» (Пс. 18:2). Апостол Павел тоже пишет: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1:20). В этих и во многих других текстах Писания, таких как псалмы – «песни природы», – говорится, что Бог оставил о Себе свидетельство в том мире, который Он сотворил. Бог вспоминается чаще всего в связи с тем, насколько поразительным выглядит и какое глубокое впечатление производит сотворенный мир, свидетельствующий о могучей и мудрой личности, которая способна замыслить и произвести такое сложное разнообразие и красоту. Обычный человек, созерцающий красоту заката, астроном, изучающий звезды бесконечного космоса, биолог, рассматривающий через микроскоп клетки организма, – все они восхищаются свидетельствами величия Божьего.

Вторая область проявления Откровения – это высочайшее из земных творений Божьих, сам человек. Божье откровение усматривается в физическом устройстве и умственных способностях человека. Но еще яснее личность Бога и Его действие проявляются в нравственной и духовной стороне жизни человека. Особенно если человек понимает, что он создан по образу и подобию Бога.

Третьей областью проявления общего откровения является история. Коль скоро Бог работает в мире и продвигается при этом к достижению определенных целей, мы можем обнаружить направление Его действий в событиях,

¹ См.: Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. 5-е издание. М.: Сретенский монастырь, 2003. – Глава 5. Откровение.

которые происходят в рамках истории. Однако откровение Бога как Промыслителя, по мнению православных богословов, дается человеку труднее, чем первые два упомянутых выше вида откровения¹. Именно третьему виду откровения и посвящена предлагаемая читателю книга, которую мы дерзнули назвать «История как Промысл Божий».

*Председатель Русского экономического
общества им. С. Ф. Шарапова
профессор В. Ю. Катасонов*

¹ В книге известного современного богослова А.И. Осипова «Путь разума в поисках истины», ссылка на которую дана выше, достаточно подробно рассматриваются вопросы постижения Бога через познание природы и познание человека. А вот о познании Бога через исторический процесс говорится крайне мало. В указанной книге рассматривается лишь один аспект исторического процесса – эсхатология (учение о конце мира, земной истории человечества).

В. Катасонов

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ. ИСТОРИОСОФИЯ Л. А. ТИХОМИРОВА

(Доклад, прочитанный на заседании Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова, посвященном 90-летию со дня смерти русского общественного деятеля и мыслителя Льва Александровича Тихомирова (1852–1923))

Кто ведет человечество и куда? – Христианин решает это иначе, чем ученые башибузки. Бог ведет человечество к последней цели его; сие сознать и указать должен историк.

Епископ Феофан Затворник

Если ребенку преподали знания по истории (особенно в христианскую пору), о жизни и обычаях других народов, о бедах и скорбях, которые они претерпели, отойдя от Бога и Его заповедей, о том, сколь радостна и великолепна жизнь тех, кто верен Господу, ребенок, прозрев жизнь и мыслетворчество нашего времени, не станет жертвой новомодной философии и взглядов. Главной заботой сегодняшнего образования является то, что школа не дает детям чувства историчности. Страшная, роковая ошибка! Ребенок лишен возможности черпать примеры из жизни людей прошлого. А история, увы, все время повторяется. Разве не интересно узнать, что и

в былые времена находились те, кто восставал против Бога, и что из этого вышло. Как другие люди меняли свою жизнь, выделяясь тем самым среди остальных, служа нам примером и поныне. Чувство принадлежности ко времени очень важно донести до детей.

Иеромонах Серафим (Роуз)

История (как наука) без историософии – это то же самое, что тело без души.

М. Г. Шиманов, известный русский публицист, член Русского экономического общества им. С. Ф. Шаранова

Предлагаемый читателю текст является попыткой лаконичного изложения творческого наследия Л. А. Тихомирова в части, касающейся метафизического постижения человеческой истории. Что-то среднее между тезисами и конспектом. Первоначальный текст доклада, подготовленный к заседанию, в несколько раз больше по объему. Мой замысел – познакомить читателя с творчеством Тихомирова, разбудить в нем интерес к историософии нашего великого мыслителя. Думаю, что слишком объемный текст не позволил бы решить эту задачу, а лишь отпугнул бы неподготовленного читателя.

Итак, в нашем разговоре ключевым словом является «историософия». Это, согласно толковым словарям, «понимание, истолкование и т.п. каких-либо исторических явлений с определённых мировоззренческих позиций»¹. Дословный перевод означает *историческая мудрость*. Очень часто слову «историософия» подбирают синоним: *философия истории*. Если говорить об историософии Тихомирова, то она больше, чем философия. Потому что базируется не только и не столько на мудрованиях человеческих, сколько

¹ Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

на Священном Писании и Священном Предании, на догматах православия, откровении, святых отцах.

При этом следует сделать три предварительных замечания. Во-первых, текст конспекта отражает лишь наиболее фундаментальные положения трудов Льва Александровича. Те, которые можно назвать историософскими. За «кадром» осталось множество интересных конкретных деталей, относящихся к социологии, философии, богословию, истории России и всемирной истории, гносеологии и антропологии. Во-вторых, в предлагаемом читателю тексте я выражаю некоторые собственные мысли, которые были навеяны знакомством с творчеством Л. А. Тихомирова. В-третьих, прошу у читателя прощения за то, что вторгаюсь в ту сферу, которая формально лежит за пределами моих профессиональных знаний (я – экономист). Делаю это лишь по той причине, что у нас до сих пор крайне мало работ о Л. А. Тихомирове, его творчестве и о христианской историософии в целом¹.

¹ Справедливости ради следует сказать, что все-таки работы об историософии Л. А. Тихомирова имеются. Мне известны две: 1) О. А. Милевский. Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований. Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии АлтГТУ. Вып. 8. Барнаул, 2008. (Интернет. Режим доступа: <http://do2.gendocs.ru/docs/index-412058.html>); 2) Посадский А. В., Посадский С. В. Историософия Л. А. Тихомирова и перспективы христианской культурологии // Христианство и культура. Сборник научных трудов. СПб., 2001 (Интернет. Режим доступа: http://www.pokrov-forum.ru/science/prav_phil_kult/statia/tichomirov_i_christ_kulturologia-s5.php). **Обе работы интересные и полезные. Но они не покрывают всего спектра историософских проблем, которые рассматривал в своих работах Л. Тихомиров.** Большая часть первой работы посвящена эсхатологическому аспекту историософии Тихомирова (то есть аспекту, связанному с последними днями земной истории человечества). Вторая работа делает акцент на философской стороне историософии Тихомирова, оставляет в тени важнейшие религиозно-мистические стороны понимания истории. К тому же она достаточно невелика по объему (несколько страниц). Творческим наследием Л. А. Тихомирова сегодня занимается целый ряд исследователей: А. В. Репников, С. М. Сергеев, М. Б. Смолин, А. Г. Трифонов, А. Р. Ефименко. В их работах также затрагиваются некоторые аспекты историософии Л. Тихомирова.

1. Актуальность идей Л. А. Тихомирова в области историософии. Основные положения концепции мировой истории Л. А. Тихомирова изложены в его фундаментальном труде «Религиозно-философские основы истории» (1914–1918). Отчасти также в его другом фундаментальном труде «Монархическая государственность» (1905), работе «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира» (1907), романе «В последние дни» (1920). Историософская концепция Л. А. Тихомирова является последовательно христианской, православной (при этом по ряду вопросов у Льва Александровича имеются свои, частные мнения, не противоречащие ключевым догматам православия). До сегодняшнего дня работа «Религиозно-философские основы истории» является одним из наиболее полных и глубоких историософских произведений в отечественной и мировой литературе. Работа основывается на твердом фундаменте православного богословия, святых отцов, лучших (имевшихся на тот момент) работ отечественной и зарубежной философии. Сегодня мир входит в фазу сильной «турбулентности», и нам становится трудно понять вектор дальнейшего развития человечества. Более того, перед лицом этого хаоса многие христиане оказываются в растерянности (если не сказать отчаянии). В этих условиях работа Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» становится как никогда востребованной. Она укрепляет не только наш ум, но также веру.

2. Л. А. Тихомиров – пророк, мало известный в собственном отечестве. Необходимо всячески пропагандировать (а отчасти и популяризировать) работу, чтобы с ней могли познакомиться наши сограждане (все, но в первую очередь христиане). К сожалению, на сегодняшний день даже не все профессиональные историки (в частности, те, которые преподают историю в высшей школе) читали указанную работу Л. А. Тихомирова. Зато они готовы блеснуть своей эрудицией и рассказать о многотомной работе

известного английского историка А. Тойнби «Постижение истории». А наиболее «продвинутые» вспомнят даже про «Философию истории» Гегеля. Иные доценты и профессора даже толком не могут сказать, когда жил Л. А. Тихомиров и что он написал. Про наших бедных студентов я вообще молчу. В общем, как всегда: «Нет пророка в своем отечестве». Надеюсь, что для кого-то знакомство с представленными мною тезисами может стать первой ступенькой к изучению творческого наследия Тихомирова в части, касающейся постижения мировой истории с позиций православия.

3. Об «экономическом материализме». Л. Тихомиров обратил внимание на то, что в конце XIX – начале XX века в индивидуальном и общественном сознании нашего народа воцарился так называемый экономический материализм. Вся научная деятельность, вся мыслительная энергия, все устремления человечества сначала в мире, а затем и в России развернулись в сторону материальных условий жизни человека. В мыслительной и творческой сфере это: естествознание, техника, прикладные науки, направленные на освоение и «покорение» природы; в экономической сфере – «всемерное развитие производительных сил»; в социально-политической сфере – борьба за справедливость в распределении материальных благ. В этом проявляется стихийный материализм современного общественного сознания. Одновременно на общество и человека стали смотреть как на часть материального мира. История стала восприниматься как непрерывная цепочка причинно-следственных связей экономического и материального характера. Примечательно, что современник Л. Тихомирова религиозный философ С. Булгаков также обращал внимание на доминирование материалистического начала в индивидуальном и общественном сознании в мире и в России в конце XIX – начале XX века. Именно поэтому вульгарно-материалистические идеи Маркса пали в России на благодатную почву и дали свои ядовитые

всходы. С. Булгаков в своей известной работе «Философия хозяйства» называл такое сознание «экономическим материализмом», пытался объяснить его происхождение и причины доминирования, искал пути «преодоления» на христианской почве. Сразу отметим, что искания С. Булгакова оказались малоплодотворными, поскольку он, как бывший «легальный марксист», продолжал оставаться под сильным влиянием материалистических идей марксизма и немецкой «классической» философии, которая легла в основание марксизма (отсюда увлечение Булгакова космизмом как способом «освобождения» человечества, отсюда и его ересь «софианства» и проч.). Нематериальная и надматериальная сторона жизни человека и общества перестала интересовать современного человека. Сложился безрелигиозный взгляд на историю. Тихомиров в начале своей книги (введение) и в ее конце (девятый отдел «Воскресение языческой мистики и экономический материализм») дает критику «экономического материализма, ставит в правильное соотношение материальные и духовные стороны жизни человека. Тихомиров пишет: «Сфера материальных условий есть нечто внешнее нам, хотя и облекающее нас. Она имеет для нас свою историю, но лишь постольку, поскольку наша внутренняя сфера даст ей направление. Она по внешности владеет нами, но по нашим желаниям и целям составляет только материал для нашей деятельности. Такое очевидное для нас отношение между этими двумя сферами нашего существования делает для нас вполне реальным вопрос не только о причине, но и о цели в жизни нашей, и, стало быть, в жизни человечества. Это понятие о цели, этот вопрос – “для чего” – мы вводим в понимание жизненного и исторического процесса, отчего только и может являться философское понимание его».

4. История как процесс духовной борьбы. История человечества – арена борьбы, прежде всего духовной, а уже потом политической, экономической и военной. Эта борьба

ба – продолжение той борьбы, которая началась с момента бунта Денницы, ангела света, который увлек за собой треть обитателей ангельского мира, то есть еще до сотворения человека и появления человечества. Тихомиров, между прочим, исподволь постоянно вспоминает этого ангела, когда говорит об особой роли иллюминатов (есть версия, что иллюминаты так себя называли, обратившись к образу Денницы). Земная история человечества началась с грехопадения первых людей (Адама и Евы) и их изгнания из рая (Книга Бытия). Земная история человечества имеет не только начало, но и конец. Конец описан в Новом Завете, особенно подробно в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Особое внимание Л. Тихомиров уделяет именно концу земной истории. Видимо, по той причине, что книга «Религиозно-философские основы истории» писалась в годы Первой мировой войны и двух «русских» революций (февраль и октябрь 1917 года), когда многим казалось, что не только в России, но и мире наступают «последние дни».

5. Внешние события истории и духовная борьба.

История в духовном смысле – разворачивание во времени содержания души человека (человечества). Мир есть отражение нас самих. Несправедливость и агрессивность мира есть несправедливость и агрессивность в нас самих. Неустроенность российской жизни есть лишь неустроенность нашей собственной души. Попытки установления внешней справедливости не прибавляют справедливости в мире.

6. О субъективно-объективном подходе к постижению истории. Есть два традиционных подхода к описанию и объяснению истории: а) подход объективистский, стремящийся уйти от вкусовых оценок; основан на коллекционировании фактов, их классификации; в последнее время даже предпринимаются попытки математической (компьютерной) обработки больших массивов информации; б) субъективный подход, основанный на интерпретациях; при этом одни и те факты разные авторы интерпре-

тируют по-разному (иногда с точностью «до наоборот»). Это жанр мемуарной литературы, дневников, «исторических портретов» и т.п. Но если исходить из посыла, что главным субъектом истории является Бог, тогда задача решается следующим образом: а) человек (субъект) постигает Бога – это элемент субъективного познания; б) поняв Бога, человек постигает его замысел в отношении человечества; для человек замысел (Промысл) Бога выступает как объективное начало. Таким образом, для истинного христианина, по мнению Л. А. Тихомирова, история воспринимается как *субъективно-объективный процесс*. Нетрудно понять, что такое постижение истории существенно отличается от кабинетных методов изучения истории. Человек постигает Бога не в кабинетах, – по крайней мере не только в кабинетах.

7. История – процесс Богочеловеческий. *Ее творят и Бог, и человек.* Причем, что очень важно, Бог не посягает на свободу человека. За человеком сохраняется свобода выбора. Человек творит одновременно и историю, и самого себя. Причем забывается, что с точки зрения судьбы человека для него важнее, каков будет результат второй. Земная история, земная жизнь – временна. Душа – вечна. Человек спасается или гибнет через свое участие в истории. Общественная жизнь – здесь и сейчас – это всегда нравственный и духовный выбор. Человек может ошибаться в своем выборе. Чем лучше он будет понимать историю, тем меньше ошибок он совершит здесь и сейчас.

Хотя историю творят Бог и человек, но в самой истории проявляется (согласно святым отцам) *три воли*: а) воля Бога; б) воля человека; в) воля дьявола. Дьявол ничего не творит, но он может паразитировать на том, что создает Бог и человек. Он (дьявол) использует для этого хитрость¹.

8. Демоны и люди-демоны в истории. Вся история – движение временного мира в Вечность. Процесс управля-

¹ Между прочим, хитрить и хитить – однокоренные слова.

ется Богом, а не дьяволом или политиками, имеющими доступ к рычагам управления обществом. Ибо Бог бесконечно мудрее и могущественнее всех мудрецов, политиков и дьявола. Помимо своей воли и желания и мудрецы, и дьявол оказываются в услужении Бога, пребывая в иллюзии, что именно они управляют миром. Ангельский мир в этом процессе не участвует. Принято считать, что падшие ангелы (бесы, демоны) не способны творить. Они лишь имитаторы, ловкие иллюзионисты, занимаются перераспределением уже созданного. Но важно подчеркнуть, что любые ангелы – лишь вестники. Они не наделены силой творить, в отличие от человека. Так что ангельский мир – вне исторического процесса. Конспирологические теории часто придают чрезмерно большую роль духам inferнального мира. Этакая смесь конспирологии с оккультной мистикой. Другое дело, что в историческом процессе могут принимать участие *люди-демоны*, через которых inferнальные духи пытаются управлять историческим процессом. Между прочим, у святителя Николая Сербского есть деление людей на три категории: а) богоподобные люди; б) звероподобные люди; в) демоноподобные люди, или люди-демоны¹.

9. О «царском пути» и разделениях в обществе. В п. 7 мы сказали, что цели человека, участвующего в историческом процессе, могут искажаться под влиянием дьявола. Неискаженный этим влиянием вектор движения человека – к Богу. Святые отцы называли это «царским путем», имея в виду, что именно этот путь ведет человека к Царству Божию. Л. Тихомиров показал в «Религиозно-философских основах истории», что большую часть времени человечество уклонялось от «царского пути», уходило в крайности, а история представляла собой борьбу людей, которые принадлежали к этим полюсам. Но истины не было ни на одном, ни на другом полюсе. Еще на

¹ См.: Святитель Николай Сербский (Велимирович). Царев завет. Псков, 2011. С. 33.

примере Иудеи времен Христа можно видеть эти противоположности, которые уводили еврейский народ от «царского пути». Это были партии фарисеев и саддукеев. Итак, влияние дьявола (сатаны) на человека и общество осуществляется через бесконечно большое количество слуг этого начальника «духов злобы поднебесной». Эти духи поляризованы, это духи небытия, духи разделившегося царства, которое опустеет (Мф. 12:25). Об этом разделяющем влиянии «духов злобы поднебесной» достаточно подробно пишет прот. Владимир Соколов: «Можно сказать, что дьявол действует через крайности. Крайности – это две его руки, но он скрывает это, создавая вражду между теми его полюсами, которыми сам же владеет. Он делает это для того, чтобы перебрасывать из одной руки в другую адептов враждующих между собой крайностей, потому что в таком противостоянии возникает ложная альтернатива: всегда кажется, что на другом полюсе истина. Этой изощренной ложью дьяволу удастся оттянуть тех, кто примыкает к полярным течениям, от точки Бытия, где только и возможно стояние в Боге и познание истины Жизни»¹. Идеальным выбором человека в жизни является не поворот направо или налево (категории политические), а движение вверх – в вечную благодатную жизнь. Поворот направо или налево будет означать еще один виток в поисках «царского пути». Некоторые «царский путь» рассматривают как срединный путь, который вычисляется чуть ли не геометрически – как биссектриса. Для объяснения «царского пути» нам потребуется не геометрия, а стереометрия. Третий путь невидим для плотского человека, воспринимающего мир лишь в двух измерениях. Ярким примером современной ложной альтернативы дальнейшего общественного развития России у нас рассматриваются две социально-экономические модели – капитализм и со-

¹ Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 407.

циализм. Находятся некоторые искатели «царского пути» для России, которые говорят о некоем третьем пути для России. На поверку это оказывается какой-то эклектической моделью, созданной на основе капитализма и социализма. Что-то наподобие модели «смешанной экономики». При этом третьего измерения человеческой жизни авторы таких моделей не видят. Увы, такая духовная слепота не является исключительной особенностью современного времени. Даже во времена, когда христианство было доминирующей религией, в обществе имели место разделения. Но тогда эти разделения имели не политическую природу, а происходили на основе полярных ересей. В книге «Религиозно-философские основы истории» имеется большое количество примеров таких полярных ересей и порождаемых ими социальных противостояний.

10. Союз крайностей в борьбе с Богом. Впрочем, когда дьявол видит, что появляются люди, группы людей, которые отказываются идти за лидерами крайних партий, которые нащупали единственно верный путь спасения и вышли на него, то он делает все возможное для того, чтобы эти крайности соединились и боролись с носителями правды и истины. Та же самая новозаветная история показывает, что жестоко между собой враждовавшие фарисеи и саддукеи объединились в своей ненависти ко Христу и совместно участвовали в Его убийстве. Новая и новейшая история дает немало примеров того, как правые и левые партии объединяются для того, чтобы организовывать гонения на христиан. Идеологии капитализма и коммунизма, даже если они открыто не выступают против Церкви и христианства, все равно подразумевают, что их идеалом является атеистическое общество. Несмотря на то что в тактических целях последовательные строители и капитализма, и коммунизма могут заигрывать с верующими и говорить, что они «разделяют» их убеждения, Л. Тихомиров показал, что такие идеологические полюса (капитализм и

коммунизм) вполне уживаются в рамках монистического мировоззрения (см. п. 19) и «экономического материализма» (п. 37) и прокладывают путь антихристу. Л. Тихомиров убедительно показывает, что атеистическое состояние общества – переходная фаза к религии открытого сатанизма, к прямой борьбе с Богом.

11. О прошлом, настоящем и будущем. О бытии и небытии. Все бытие – в настоящем. Точка настоящего связывает человека с *Вечностью*, с Источником жизни. Обращенность в прошлое или будущее, жизнь прошлым или будущим – иллюзия жизни. Свящ. Владимир Соколов об этих увлечениях прошлым и будущим пишет следующее: «...во времена таких кризисных поляризаций происходит обращение или к прошлому (как, например, в эпоху Возрождения на Западе и во время раскола в России), или к выдуманному несуществующему будущему, как это было с социалистами-утопистами (что характерно для всех хилиастических направлений, в том числе и для коммунизма)»¹. Инфернальные духи делают все возможное для того, чтобы оторвать человека от точки бытия, увести его в небытие.

Обращение к прошлому – как правило, погружение в язычество, природное начало, чрезмерное увлечением национализмом (на почве крови). Пассивное, созерцательное отношение к истории. Индуизм, платонизм. Монофизитство. Фашизм. Это, как отмечает свящ. В. Соколов, так называемый *дух циклического времени*. Тяга к прошлому – требование души.

Обращение к будущему – увлечение хилиазмом (создание подобия Царства Небесного на земле). Адепты этого духа – «дети вдовы», строители нового храма искусственной природы, космополиты, им чуждо чувство крови, предков. Они в пределе – атеисты. Примеры такого мировосприятия:

¹ Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 388.

ереси арианства, пелагианства; философия Аристотеля; картезианство (философия Декарта).

12. Марксизм как наиболее влиятельная разновидность хилиазма. Идея коммунизма родилась в недрах христианства как идея хилиазма (социалисты-утописты еще сохраняли связь с христианством). Затем коммунизм преодолел свое христианское происхождение, приобрел ярко выраженные свойства атеистического мировоззрения (марксистская разновидность). Но сейчас коммунизм преодолевает свой воинствующий атеизм, на Западе вполне уживается с религией (яркий пример – Уго Чавес). Впрочем, коммунизм никогда не был атеистическим. Это была разновидность пантеизма. Культ вождей, которые выступали «мозгом нации». Которые и после смерти – «вечно живые». Хилиастический дух, как отмечает свящ. В. Соколов, – это так называемый *дух исторического времени*. Тяга к будущему – требование даже не души, а плоти. Технократия, технологии, алгоритмы, рациональное знание – неизменные атрибуты духа хилиазма. Душа этому духу ненавистна. Она (душа) намного сложнее, чем все технико-технологические достижения человека духа хилиазма, она разоблачает «грандиозность» его достижений.

13. О смысле истории. Особое внимание Л. А. Тихомиров уделяет раскрытию *смысла истории*. Историю надо изучать не только через выявление причин исторических событий, ища ответа на вопрос «почему?». Обычно историю изучают как смену одних событий другими, причем одни выступают причинами, а другие следствиями. *История представляется как цепь причинно-следственных связей*. Надо пытаться понять историю через *постижение целей*, то есть, ища ответ на вопрос «зачем?». Первый подход предполагает *знание фактов* истории (событий, людей, дат). Второй подход ориентирует на *понимание истории*.

14. Человек – существо целеполагающее (и этим определяется его роль и место в историческом про-

цессе). И это его главное отличие от животного. Человеку важно понимать, каковы цели жизни. Не только личной, но также общественной. Без этого он лишается ориентиров – нравственных, творческих, социальных, становится живым автоматом. Тем, что для носителей современной идеологии является идеалом, эталоном – *homo economicus*. Кстати, еще наш русский ученый-филолог, президент Российской академии наук адмирал А. С. Шишков считал, что «человек» и «цель» – слова однокоренные (у некоторых славянских народов буква «ч» заменялась на букву «ц»)¹. Тихомиров писал в «Религиозно-философских основах истории»: «Это упорство нашего сознания (искать цель жизни. – В. К.) вполне законно, ибо, примиряясь с невозможностью понять цели жизни, мы осудили бы себя на бессознательность существования, а потому должны были бы отказаться от всего высокого в своей личности и признать, что нет различия между высоким и низким. Вопрос о том, что высоко и благородно, а что низко и гнусно, всецело зависит от целей жизни. То, что для одних целей было бы высоко, для других целей придется признать нелепым. Оценку своей личности и свою выработку мы можем производить только применительно к тем или иным целям мировой жизни, и если их нет или если мы их не знаем, то нет и личной осмысленной жизни, нет, стало быть, именно того, из-за чего стоит жить». Итак, без понимания цели личной и общественной жизни (и тем без размышления над данным вопросом) происходит следующее: а) человек превращается в животное; б) исчезают ориентиры, критерии, которые помогают определить, что хорошо, а что плохо, что высоко, а что низко, что благородно, а что гнусно.

¹ См.: Славянорусский корнеслов. СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2007. Впрочем, у А. С. Шишкова имелась и другая версия происхождения слова «человек». Не исключено, что оно произошло от «слово» (в этом случае слово «человек» звучало как «словек»). Однако, в конечном счете, никакого противоречия между двумя версиями нет, поскольку конечной целью христианина является соединение с Богом Словом.

15. О субъектах целеполагания в истории. В мире существует *три уровня целей (субъектов целеполагания)*. Первый – Бог. Второй – общество. Третий – отдельный человек (индивидуум). Между этими уровнями существуют связи. Человек ставит свои цели, учитывая цели общества – официально декларируемые или неофициальные, господствующие де-факто. О целях высшего уровня он часто не задумывается. Если общество и человек не задумываются о высших целях или вообще о них не задумываются, неизбежно возникают и накапливаются серьезные проблемы, которые переходят в кризис. Чисто рационалистическая наука не отвечает на вопросы о целях субъектов – это не ее задача. Свящ. Владимир Соколов отмечает: «Беда современного сознания состоит в том, что в его мировоззрении отсутствует даже малейший намек на Промысл Божий. Уже в XVIII веке из лексикона, а вместе с тем и из кругозора русской интеллектуальной элиты исчезла такая богословская категория, как Промысл. Поэтому и в историософии с тех пор можно наблюдать антропологический крен – главным делателем истории сделался человек. *Влияние Бога на историю, даже если и признается Его существование, не учитывается – Бог остается в стороне от Своего творения, тем более истории*»¹. Этот перекося уже был виден в отечественной богословской литературе XIX века (учебники по догматическому богословию). Уже не приходится говорить про работы «профессиональных» светских историков – Татищева, Карамзина, Ключевского, Соловьева, Платонова. Ближе всех к правильному изложению русской истории приблизился генерал А. Д. Нечволодов, написавший «Сказание о Русской земле». На книгах по истории XIX века виден отпечаток антропоцентризма, западного гуманизма, давшего бурные побег на почве западного протестантизма. Россия формально была страной православной, а протестантский дух проникал через

¹ Свящ. Владимир Соколов. Там же. С. 370 (курсив мой. – В. К.).

книги, школу, университеты. Сегодня все программы университетов на 100% протестантские. Даже в духовной академии этот дух протестантизма бьет в нос. На Россию сильное влияние оказывал Гегель. Хотя он был протестантом, у него в понимании движущих сил истории наблюдалась другая крайность – Абсолютный дух, который является источником саморазвития, а человек здесь не при чем. Мы обсуждали на заседаниях Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова творческое наследие С. Булгакова, который увлекался немецкими философами. Мне его София отчасти также напоминает гегелевский Абсолютный дух. Таким образом, мы некритически заимствовали от Запада два историософских подхода: а) социальный (историю творят люди); б) натуралистический (история – результат саморазвития Абсолютного духа).

16. О Божественном целеполагании. Всемирная история – жизни миллионов и миллиардов людей, причем каждый из них преследовал (преследует) свои личные цели. Но есть цель мировой жизни, преследуемая Богом как Творцом и Промыслителем этого мира. Бог не мог ограничиться лишь творением (созданием) этого нашего мира. Любой человек, создавая какую-либо вещь или нематериальное произведение, всегда преследует какую-то цель. Тем более нельзя предположить, чтобы Бог – Сама Мудрость – занимался бы тем, что мы называем «искусство ради искусства». Если у человека вся его жизнь состоит из целей, то тем более у Бога должна быть цель: «Всякая же созидательная роль может быть свойственна только тому, у кого имеются разум и воля, а в действиях разумного и волящего существа всегда имеются цели. Наши силы в распоряжении природой относительно невелики, но мы знаем, что мы при этом всегда имеем цели воздействия, и это настолько увеличивает нашу мощь, что неизмеримо громадные пассивные силы природы нам повинуются, совершают то, чего мы хотим. Может

ли быть хоть малейшее сомнение, что Высший Разум, создавший или хоть только устроивший мир, точно так же влагал в него Свои цели, желал и желает чего-то достигнуть и, следовательно, достигает, как достигаем мы в пределах наших малых сил?» – читаем мы во введении «Религиозно-философских основ истории». Личные цели могут находиться в русле Божественной цели, могут с ней не совпадать, а могут ей и противоречить. Л. Тихомиров пишет о соотношении Божественного целеполагания и человеческой воли: «На этом анализе мы впервые вступаем в предчувствие того, что мировая жизнь есть область великой борьбы, в которой решались и решаются судьбы человечества, не только то, чем люди сами хотят быть и чего они желают для себя, но то, что Высшими силами вселенского бытия поставлено **целью** мировой жизни, той целью, для которой люди получили именно данную, а не какую иную природу и способности».

17. Протестантский способ восприятия истории.

Протестантские воззрения возникли в России давно. Образовался духовный надлом, его обычно связывают с появлением старообрядчества. Но он произошел задолго до XIX, XVIII и даже XVII века. Вспомним спор Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (начало XVI века). Собственно, спора никакого у двух преподобных не было. Спор начался у последователей преподобных. Закончился победой «стяжателей». Была нарушена существовавшая ранее гармония, целостности Церкви (вертикальное измерение – обращенность к Богу; горизонтальное измерение – соборность). Ослабление вертикального измерения привело к тому, что Церковь как соборный институт стала превращаться в социальную организацию. Отказ от патриаршества, переход к синодальному устройению также способствовали нарушению этой гармонии и целостности. Об этом хорошо написал Георгий Флоровский в своем фундаментальном труде «Пути русского богословия».

Церковь, утратив вертикальное измерение, превратилась в социальное учреждение. Поэтому всякий человек даже со стороны оценивает Церковь как и всякие другие институты – общественные организации, корпорации, политические партии. *Соборность стала трансформироваться в коллективизм, а затем коллективизм деградировал в стадность. Человек стал терять свободу.* Пытаясь покорить силы природы, человек опирался на социальную деятельность, но социальная деятельность ущемляла его духовную свободу. Как сказал апостол Павел: «Где дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17)¹.

18. Социальные и духовные цели истории: взаимоисключение или несовпадение? Задачи социального преобразования мира, как ни парадоксально это звучит, наносили ущерб личностному совершенствованию человека. Особенно если преобразования мыслились как революция. В марксизме все именно так: а) сначала задача материального характера – развитие производительных сил; б) затем задача социальных преобразований (совершенствование производственных отношений, прежде всего через решение вопросов собственности на средства производства); в) в конце этой цепочки – человек. Он-то деградирует! Велика цена достижений на первых двух этапах борьбы человека за свое счастье. По большому счету, человек в этой схеме даже не цель, а средство, подчиненное мертвой материи под названием «производительные силы». Церковь болела со всем обществом. Из нее стало уходить понимание и ощущение соборности, она стала замещаться коллективизмом. До стадности пока дело не дошло. Но утрата некоей духовной энергии налицо. Появилась атмосфера теплостыдности и пассивности.

¹ О том, как Россия заражалась протестантским духом мировосприятия вообще и восприятия истории в частности, можно прочитать в уже упоминавшейся нами книге прот. Владимира Соколова «Мистика или духовность? Ереси против христианства» (раздел третий: «Общество и мистика. История и мистика»).

19. Безверие как причина исторической слепоты.

Настоящее понимание истории невозможно без *религиозной веры*, которая помогает человеку понять, что есть Бог, каково его вмешательство в жизнь человечества и отдельно взятого человека и т.п. По-гречески *православие выражается словом «ортодоксия»*. В греческом языке это не только православие, но также *правомыслие*. Надо учиться правильно мыслить. Правильно мыслить может только тот, кто имеет связь с Богом, который есть Истина. Целостный подход – важный признак, условие правомыслия. Дьявол – разделитель. Поляризация, разделение, раскол – вот методы дьявола. Он нам подбросил и диалектику с ее законом единства и борьбы противоположностей (берет свое начало у гностиков). Человек может не верить в Бога, но он должен понимать, что это неверие не имеет никаких доказательств, это не результат какого-либо знания, а просто *атеистическая вера*. Но тогда надо быть последовательным: если мы не признаем Бога, то тогда надо отказаться от всякой философии истории. Атеист может познавать лишь внешние связи явлений, а этих связей – мириады. Атеист просто потонет в море этих явлений и связей. Познание целей истории мы можем искать только с помощью религии, которая позволяет постигать личного Бога. Именно личного Бога, имеющего сознание и цели. В буддизме, например, нет личного Бога, там нет смысла искать цели истории. Это такая философия, на которой невозможно понимание истории.

20. Религиозные воззрения и философские учения как предмет исторического исследования. Историю крайне сложно изучать как совокупность бесконечного количества различных событий, между которыми могут возникать мириады прямых и обратных связей. Человеческий ум и даже мощный компьютер не в состоянии осваивать такие массивы информации, тем более что речь идет о событиях прошлого. Как бы исчезает объект исследования. События были и исчезли. Остались лишь отпечатки

этих событий в виде каких-то документов и предметов материальной культуры. Невнятные следы могут приводить к неоднозначным толкованиям прошлых событий. Представления человечества об истории до сих пор весьма обрывочны. Одно тысячелетие идет за другим, а память человечества сохраняет очень немногое. Люди обычно в жизни руководствуются ближайшими целями, большей частью связанными с низшими материальными потребностями. Если над всеми этими сиюминутными целями носится идея об общем смысле жизни, то в большинстве случаев люди бродят около этого вопроса как в тумане. В каждом поколении появляются какие-то символы, мифологические образы, с помощью которых люди пытаются описывать высшие цели. Но со временем они забываются, становятся достоянием узкого круга специалистов. В мифах, символах, памятниках культуры находит отражение религиозная идея соответствующего народа и соответствующей эпохи. Такие религиозные памятники плюс сохранившиеся в рукописях философские теории – важнейшие объекты, которые Тихомиров и предлагает поставить в центр внимания историка. Вместо событий Л. А. Тихомиров предлагает изучать *философские и религиозные взгляды, теории, системы*, существовавшие в разные времена. Конечно, этих теорий и систем также было в истории очень много, одни сменяли другие. Но все-таки на основе определенных критериев можно производить отбор наиболее репрезентативных и изучать их взаимное влияние, борьбу, умирание и рождение на их месте новых. Работа Л. А. Тихомирова как раз представляет собой сгруппированную в хронологическом порядке и на основе иных принципов совокупность религиозных воззрений и философских систем. Приведу цитату из «Религиозно-философских основ истории» для подкрепления описанной методологической позиции Л. Тихомирова: «Идеи составляют отвлеченную формулировку тех сил, которые взаимодействуют между

собою в жизни. Но рассматривать содержание и соотношение религиозно-философских идей легче, нежели улавливать безмерную сложность исторических событий. Ошибаются те, которым религиозно-философские познания кажутся чем-то отвлеченным, не имеющим в жизни практического значения. Наоборот, философское познание дает нам истинный ключ к познанию исторической эволюции». От себя добавлю, что правильно понятая история философии может рассматриваться как лаконичное изложение мировой истории. Но подчеркиваю: «правильно понятая». В советское время мы изучали и сдавали в институте предмет «история философии». Но, конечно, изучая курс «истории философии», основанный на догматах исторического материализма и диалектического материализма, понять смысл исторического процесса было невозможно.

21. Л. А. Тихомиров о двух системах мировосприятия и миропонимания. Все философско-религиозные теории и системы, в конечном счете, можно разделить на две большие группы: а) системы монистического взгляда на мир; б) системы дуалистического взгляда на мир. По сути, между ними существует непреодолимая стена. *Системы монистического мировосприятия* исходят из того, что существует извечно материальный мир. В рамках этого мира допускается существование какого-то духовного начала, даже каких-то божеств. Но, в конечном счете, самым духовным началом обладает человек. Человек – вершина этого мира, он призван господствовать над миром. Наиболее яркие формы монистического мировоззрения – материализм, пантеизм, язычество. При таком мировосприятии возникает идея *Царства Человеческого* (или же каких-либо других духовных существ). *Системы дуалистического мировосприятия* предполагают существование двух миров – мира Бога, Творца и Промыслителя, – и мира материального, тварного, созданного Богом. Наиболее известные формы такого мировоззрения – ре-

лигия древних евреев (Моисеева религия) и христианство. Между монистическим и дуалистическим мировосприятием всегда существовала и существует борьба. Все существующее составляет *Царство Божие*, даже если тварный ум не осознает своей безусловной зависимости от Божией воли или не хочет находиться в этой зависимости. Идея Царства Божия впервые явилась перед людьми в Моисеевом откровении, в окончательном же раскрытии принесена Спасителем. Еврейство новозаветного времени (талмудический иудаизм) в значительной степени исказило ее. Царство Божие оно променяло на идею Царства Человеческого, причем не просто Человеческого, но конкретно – еврейского. Магометанство, восприняв ту же идею Царства Божия, еще больше исказило ее. Монизм и дуализм как два основных мировоззрения пытались не раз в истории человечества сближаться и синтезироваться, Л. А. Тихомиров приводит многочисленные примеры таких попыток. Красной нитью, проходящей через всю работу «Религиозно-философские основы истории», является мысль Тихомирова о том, что никакие попытки конвергенции двух мировоззрений, и тем более их слияния в единое, универсальное учение и мировоззрение, успехом не кончались. Подобно воде и маслу, они не смешивались. Искусственные союзы быстро разваливались, и стороны опять занимали полярные позиции. Вот что писал по этому поводу Тихомиров: «...невозможно органически слить столь противоположные идеи, невозможно охватить их какой-либо другой высшей объединяющей идеей, а можно только механически “синтезировать”, соединить вместе, причем, не будучи уничтожены в этом синкретизме, они продолжают внутреннюю борьбу и снова расходятся, как расплываются на отдельные слои вода и масло, сколько бы их ни взбалтывали в одном сосуде». Два основных мировоззрения самодостаточны и автономны. Это надо помнить современным экуменистам, которые носятся с

разными проектами создания единой вселенской религии. Фактически за многими такими проектам просматриваются попытки монистического лагеря поглотить, уничтожить дуализм. Для наглядности мною составлена *таблица «Основные признаки (характеристики) двух основных религиозно-философских представлений о мире (бытии) по Л. А. Тихомирову»* (приводится в Приложении).

22. Наиболее последовательно дуалистического мировоззрения придерживается христианство. Изначально носителями дуалистического мировоззрения были религии: иудаизм, христианство, ислам (магометанство). Однако на протяжении веков дуализм в этих религиях размывался разными ересями. Христианство наиболее ревниво и пристально следило за тем, чтобы никакие инородные идеи, относящиеся ко второму направлению, не проникали внутрь христианского дуализма. Евреи и магометане в этом смысле оказались более «толерантными». Тихомиров пишет по этому поводу: «Так, в христианстве гностицизму скоро было отказано даже в наименовании христианского учения. Хуже у евреев с Каббалой, которая продолжает оставаться элементом якобы еврейского учения, хотя находится в коренном противоречии с действительным моисеизмом и учением пророков. В магометанстве пантеистические секты также не отрезаны безусловно от правоверного учения. Тем не менее все-таки, когда мы говорим о еврейской вере, мы разумеем под этим отнюдь не каббализм, а или моисеопроphetические доктрины, или талмудическое их истолкование, а говоря о магометанстве, разумеем учение Магомета с основным его документом – Кораном». Большие потери за две тысячи лет понесло и христианство: сначала от единой Церкви отпала римо-католическая ее часть, затем (после Реформации) – протестантская часть. Осталось неповрежденным ортодоксальное христианство, или православие. Впрочем, когда мы говорим «христианство», то имеем в виду именно ортодоксальное христианство.

23. О царствах: земном и Божием. Собственно, все стремления людей и обществ могут быть направлены на достижение одной из двух целей. В рамках первого мировоззрения люди пытались и пытаются строить *земное царство и подобие рая на земле*. В рамках второго люди воспринимают земную жизнь как временную, ищут *Царство Божие*. Кстати, работа Тихомирова «Философско-религиозные основы истории» имеет подзаголовок «*Борьба за Царство Божие*». Борьба за Царство Божие ведется здесь, на земле, а в полной мере Царство Божие обретается человеком лишь после земной жизни, на небе. Там Царство Божие становится Царством Небесным. Идея Царства Божия, по мнению Л. Тихомирова, – центральная, коренная в христианском мирозерцании. При этом он часто ссылается на мнение своего современника, протоиерея профессора университета Св. Владимира. П. Я. Светлова, который считал, что даже идеи искупления или любви уступают место всеобъемлющей идее Царства Божия¹. Описать Царство Божие в его полноте достаточно сложно и даже невозможно. Ведь это Царство Духа. Тихомиров пишет в этой связи: «Все это, конечно, безусловно непостижимо для нынешнего нашего **разума**, как и апостол говорит: “проповедуем премудрость Божию тайную, сокровенную” – “как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”. “А нам, – говорит апостол, – Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все пронизает, и глубины Божии” (1 Кор. 2:7–10). Но формулировать в человеческих представлениях то, что открывается только в Духе – невозможно. Это станет ясно в Царстве Духа. В здешнем существовании полагается лишь начало развития Царства Божия, с характером некоторой эволюции, как можно видеть из притчей о закваске хлебной, о сеятеле и плевелах и т.д.».

¹ Работа П. Я. Светлова называется «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания» (1906).

24. Царство зла. Утрата человечеством идеи Царства Божия, переключение его умственных, душевных и физических сил на строительство царства земного неизбежно приводит человечество к тому результату, на который оно не рассчитывало. А именно к царству зла. Царство зла попускается Богом, т.к. Бог создал ангелов и человека свободными существами. Царство зла появилось еще до грехопадения человека в раю. На примере Денницы мы видим, что грех богоборчества заразителен. Против Бога выступил не только Денница, но за ним последовала треть всех ангелов. Из них и составилось царство зла. Если те ангелы поддались «стадному» чувству, то падшие ангелы (дьявол и его слуги) стали действовать уже более осмысленно. Они стали враждовать с Богом, привлекая на свою сторону людей.

Именно после грехопадения людей в раю началась вторая серия строительства царства зла. Третья серия начнется тогда, когда к политической власти над миром придет антихрист, который открыто заявит о своем богоборчестве.

25. Четыре вехи земной истории. В укрупненном виде всю историю человечества Л. А. Тихомиров представляет в виде *четырех основных этапов*: 1) сотворение Богом людей и жизнь первых людей в раю; 2) грехопадение первых людей и их изгнание из Рая; 3) земная жизнь людей, представляющая собой борьбу между Царством Божиим и царством зла; 4) завершение земной жизни, временное воцарение антихриста, Второе Пришествие Христа, переход всех людей, составляющих «народ Божий», в Царство Божие на небе. Особый интерес Л. Тихомиров проявляет к четвертому периоду (о чем мы скажем ниже).

26. Гносеологические основы постижения истории. Тихомиров делит знание на два основных вида. *Первый вид* – знание опосредованное, внешнее, чувственное (основанное на показаниях органов наших внешних чувств). *Второй вид* – знание непосредственное, внутрен-

нее, сверхчувственное. С помощью первого знания мы познаем физический мир. При этом с помощью первого знания мы не можем судить о внутреннем существе предмета, оно нам дает некоторое представление о внешних отношениях предмета к тому, что вне этого объекта... Второе знание нам также известно, просто мы о нем редко задумываемся. С его помощью мы постигаем наше собственное «я»: нашу волю, цели, идеалы, движущие побуждения и т.п. То, что не может постичь ни один внешний наблюдатель. Довольно часто мы встречаем лозунг, идущий из древности: «Познай себя». Сегодня даже книжки с такими названиями выходят. Но никакие микроскопы, рентгеновские аппараты, компьютеры и даже детекторы лжи не способны проникнуть внутрь человеческого «я». В лучшем случае они могут уловить некие психофизические реакции, которые являются лишь отраженным светом.

27. О внутреннем познании. Из двух способов познания (внутреннее и внешнее) внутреннее познание более важно. Без него познание внешнее было бы неполным. Внутреннее познание необходимо для постижения всего того, что не относится к физическому миру и что недоступно для пяти органов чувств. Если в мире есть сознание, воля и чувство, то постичь их можно только с помощью внутреннего познания. Человек, подобно радиолокатору, с помощью внутреннего познания ищет в окружающем мире то, что может иметь сознание, волю и цели. Наиболее «зрячие» находят Бога – некое личное начало, пребывающее вне физического мира, обладающее сознанием, волей и целями. Тихомиров совершенно справедливо говорит, что внешнее и внутреннее познание могут дополнять друг друга. Один вид знания иногда помогает понять, насколько достоверно другое знание. Так, в отношении целей личной жизни и исторического процесса указания религии значительно дополняются данными *внешней исторической науки*. Итак, историческое познание состоит из: а) философии истории, опирающейся

на религиозное знание; б) внешней исторической науки. Современный человек почти исключительно свои познания об истории черпает из второго источника.

28. Об откровении как источнике знания. Знание, получаемое в результате непосредственного общения человека и Бога, называется *откровением*. Кроме истинных откровений могут быть также ложные откровения. Л. Тихомиров приводит примеры псевдооткровений: индуизм, каббала, оккультизм, астрология. Истинным Откровением, по мнению Л. Тихомирова, является лишь то, которое он называет моисее-христианским. Во всех других философиях бытия явны признаки работы человеческого ума, иногда очень высокого, но всегда человеческого. Как пишет Л. Тихомиров, «другие религии обыкновенно начинают с уверений о непостижимости Бога, а затем разбирают его в таких подробностях, во всех элементах, в численных соотношениях сил, что непостижимого не остается ровно ничего. А рядом с этими тонкими сведениями о существовании Бога мы видим в их откровениях грубейшие ошибки, например по естествознанию, которые немислимы были бы со стороны Божества». Моисее-христианское Откровение действительно не имеет ничего общего с теми представлениями, которые рождаются у человека в этом мире, то есть человеческими представлениями. Во-первых, идея сотворения мира Богом из ничего. Человеческие представления предполагают сохранение вещества и энергии. Во-вторых, «все философии бытия, созданные вне Откровения, представляют Бога некоторой огромной силой, но не всемогущим. Только христианское Откровение показывает Его действительно Всемогущим», – отмечает Л. А. Тихомиров. Бог бесконечен во времени и пространстве («время» и «пространство» применительно к Богу – понятия условные). Бесконечность – атрибут Бога. В тварном мире все конечно. Конечно пространство. Конечно время. Итак, по Тихомирову, христианское Откровение сводится к сле-

дующему: «Таким образом, христианское Откровение разъясняет нам величайшие проблемы бытия – свободы, ответственности, добра и зла, и разъясняет их в таком смысле, которого люди сами по себе, своим разумом тварного существа не могли бы себе представить. **Все** другие откровения, наоборот, говорят именно то, что люди могут представить себе при помощи своего собственного разума, почерпывающего основания суждений в наблюдении явлений и законов тварного мира».

29. О самопознании и познании Бога. Когда человек познает самого себя, то происходит соединение субъекта и объекта познания. Они неразрывны. Для того чтобы человек мог познавать Бога, также должно произойти соединение субъекта и объекта, то есть человека и Бога. Вера – начальный пункт процесса познания Бога, целью которого является максимально полное соединение человека и Бога. Это как раз и происходит в рамках религии. Религия – восстановление разорванной связи человека с Богом. Бог не относится к числу предметов физической природы. Но из этого нельзя делать вывод о том, что Его нет. Предметным способом мы не можем обнаружить нашего сознания и нашей воли, но мы при этом не доходим до абсурдного вывода о том, что нас не существует. Наше внутреннее сознание дает нам твердое убеждение в нашем существовании. А дальше можно продолжить следующую цепочку заключений. Если нет уверенности в существовании «я», мне надо признать, что и пять моих чувств физического восприятия также эфемерны (или недостоверны). Ведь эти чувства принадлежат личности, называемой «я». Тогда я должен признать, что недостоверен (эфемерен) и тот внешний физический мир, который я воспринимаю с помощью зрения, слуха и других чувств. Все мы живем и действуем на основании последовательного признания: а) объективности моего «я»; б) достоверности пяти чувств, принадлежащих «я»; в) реальности

внешнего мира, познаваемого пятью чувствами. В начале нашей цепочки, напомним, – признание достоверности моего «я», которое мы делаем на основе признания такого способа познания, как внутреннее, сверхчувственное знание. *Достоверность знания, достигаемого внешними чувствами, основывается на признании существования нашей личности. Познание человеком Бога и самопознание человеческого «я» тесно взаимосвязаны.* В самопознании «я» человек задает вопросы: откуда я взялся? зачем я живу? как надо жить? что будет со мной после смерти? Ответить на них лишь на основе самопознания «я» невозможно. Требуется принимать в расчет существование Бога. В этом случае первые, предварительные ответы на эти вопросы будут: меня создал Бог. Он меня создал для каких-то Своих целей. Жить надо так, чтобы максимально учитывать эти цели (даже если их не принимаешь). После смерти моя участь будет определяться Богом... Но это лишь предварительные, не очень конкретные и исчерпывающие ответы. Человек должен от признания существования Бога перейти к познанию Бога для того, чтобы ответы стали более полными... Конечно, познание Бога происходит прежде всего в виде откровения. Но это откровение дополняется, в свою очередь, постижением своего «я» и познанием тварного физического мира.

30. Искание смысла личной жизни и жизни человечества и есть искание Бога. А искание Бога, наоборот, предполагает постижение смысла личной жизни и жизни человеческой. А смысл – это цели. Наука не может и не должна отвечать на вопросы о смыслах и целях. Это сфера религии. Отыскав смысл жизни, мы находим Бога. Найдя Бога, мы постигаем смысл жизни. Без Бога жизнь бессмысленна. Все «смыслы» без Бога не выдерживают критики. Загоняют человека в угол уныния и отчаяния.

31. О факторах исторического процесса, внечеловеческих и надчеловеческих. Современный человек

чаще всего имеет безрелигиозное мировоззрение, он воспринимает историю как борьбу человеческих интересов в самом узком (материальном) смысле, и действие других факторов – внечеловеческих и надчеловеческих – он не допускает или игнорирует. Между тем даже атеисту известно действие факторов *внечеловеческих*, а именно природных. Никто с этим не спорит. Иногда даже атеистически мыслящие историки вспоминают об этих факторах – естественно, наиболее значимых, например, землетрясения, извержения вулканов, засухи и т.п. А вот о факторах *надчеловеческих*, обусловленных действием Бога, почему-то начисто забывают. Даже если историк лично верующий человек, признающий существование Бога, в своих научных профессиональных изысканиях он тут же забывает об этом факторе, называемом в богословии Промыслом Бога. Между тем даже крупные внечеловеческие факторы, выражающиеся в природных изменениях, являются *второстепенными* по отношению к факторам надчеловеческим. Потому что внечеловеческие факторы могут порождаться волей Бога. Тот, кто не усматривает проявлений *Высшей Личной Силы* в переживаниях своей собственной личности и в событиях своей личной жизни, конечно, не усмотрит их и в человеческой истории. Но тот, кто подмечает в своей жизни действие Высшей Личной Силы, тот не может не допускать таких же проявлений в жизни других людей, следовательно, в коллективности их, в их преемственной исторической жизни Бог – объективное начало. Человек познает Бога и Его цели через призму откровения, человек – субъект познания Бога. Таким образом, мы имеем *субъективный подход к объективному факту*.

32. О целеполагании в истории и социальном детерминизме. Внутреннее противоречие монистических учений. Человек – существо, имеющее разум и волю. Разум участвует в формулировании целей, воля – в их реализации. Личный Бог также обладает сознанием и волей.

Он также определяет цели и добивается их реализации. Целеполагание отличает человека от животного. *Деизм* – учение, согласно которому Бог лишь творит мир, а затем удаляется и взирает на Свое Творение. Он не вмешивается в развитие мира. Мир развивается без участия Творца. Это мир без Промыслителя. На почве деизма рождаются разные философские теории, согласно которым историю делают гении, толпа, человечество, наука и техника и проч. и проч. *Пантеизм* – еще большее умаление Бога. В рамках такого мировоззрения Богу отводится роль некоей «программы», по которой происходит развитие физического мира. Это не Личный Бог с разумом и волей. В пантеизме бог пишется с маленькой буквы, он оказывается ниже человека, вернее, человек становится богом. Поскольку в человеке наиболее высока концентрация божественного субстрата, который более или менее равномерно распространен во всем физическом мире, пантеизм и материализм смыкаются. *Марксизм* с его «законами» развития производительных сил – разновидность пантеизма. Вот что пишет Тихомиров о различных философских учениях, которые двигателем истории определяют мертвую материю или, в крайнем случае, органическое вещество: «Вся жизнь – физическая, умственная, психическая – составляет лишь орудие и последствие приспособления человека к природе в процессе обмена веществ... Личная этика, понятия о достоинстве человека, о том, что благородно и высоко, – все это складывается в таком виде, как требует общественность данного типа, в свою очередь, являющаяся созданием техники производства... человеческая общественная жизнь представляет простой процесс развития органического вещества, совершающийся по законам физики, химии, космических влияний и т.д. Эта грубая философия, выбрасывающая из души три четверти ее содержания, дает образчик того, в какую ничтожность низводит человека, в конце концов, горде-

ливая идея автономности. Избавившись от зависимости от Бога, он переходит в полное рабство силам природы, где нет ничего, кроме роковой необходимости». «Роковая необходимость» в марксистской философской литературе называется *социальным детерминизмом*. Марксизм не может выйти из этого тупика. Он признает детерминизм, при этом призывает трудящиеся массы к классовой борьбе. Одно с другим не вяжется. На это обратил внимание С. Булгаков в своей работе «Философия хозяйства». Между прочим, он был в молодости «легальным марксистом». В *буддизме* также нет Личного Бога, поэтому буддизм – философия, которая обходится без допущения в мире высших целей. В буддизме высшее начало – ничто, а ничто обходится без целей и смыслов. Это философия (религия) суицида.

33. Об агностицизме и познании истории. Деизм, пантеизм, материализм, марксизм (как разновидность материализма) неизбежно вырождаются в *агностицизм*, но на этом процесс не останавливается: агностицизм перерастает в атеизм, атеизм – в богоборчество и сатанизм. Начинаются всякие искания и конструирования бога – богоискательство, богостроительство. В XVII–XIX веках появляются попытки сконструировать «религию разума», «религию человечества». Особо стоит сказать об агностицизме. Его теоретиком справедливо следует считать Канта. У него реально существующим является только «Я познающее». Я – единственное сущее в мире, все прочее – лишь познаваемое, то есть только мыслимое, мною творимое, из меня исходящее, вне моего представления не существующее. Это философский нигилизм, который назван вежливо «агностицизмом». *Фейербах* продолжал мысль Канта: *человек первичен, Бог – вторичен. Не Бог создает человека, а человек создает Бога*. Вот откуда дуют ветры богоискательства и богостроительства, которыми занималась наша интеллигенция накануне револю-

ции 1917 года (Богданов, Луначарский, поэты-символисты, даже Сергей Булгаков). Они были уже в шаге от того, что произнес Ницше: «Бог умер». Но вернемся к Фейербаху. Он считал, что абсолютом, в котором можно и нужно искать точку опоры, является даже не человек, а человечество, коллективный человек. Человечество и есть бог, по Фейербаху. Вспомним, с чего начиналась перестройка в нашей стране: с того, что высшим авторитетом признавались общечеловеческие ценности. Об этом Горбачев говорил в течение нескольких лет. Фактически это были идеи Фейербаха, которого Ленин в работе «Три источника и три составные части марксизма» называл материалистом. Да, Фейербах был материалистом, но при этом он не был абсолютным атеистом. Квинтэссенцией человечества у Фейербаха является государство. Оно и определяет общечеловеческие ценности, нормы поведения, управляет людьми, составляющими человечество. Как пошутил современник Тихомирова проф. В. Кожевников (которого цитирует Тихомиров), философия Фейербаха привела его в полицейский участок.

34. Об объектах поклонения человека. Постепенная эволюция человечества просматривается через смену объектов, которым люди поклоняются и подчиняются:

1. Бог (как Творец и Промыслитель).
2. Человек, человечество, гении (герои истории), человеческий разум.
3. Природа, материя.
4. Сатана.

Человек начинал с языческого поклонения различным объектам природы (животные, камни, звезды, солнце, луна, ветер, горы и др.). А затем, пройдя многие периоды истории, опять вернулся к поклонению силам и предметам неживой природы (техника, производительные силы). Только он на этом не останавливается. Он идет дальше – к поклонению

сатане. Тихомиров обращает внимание, что в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе) все это предсказано.

35. О поклонении человека человеку и гуманизме.

Чтобы человека оторвать от Бога, надо было насаждать идею автономности человека. Для этого были использованы идеи *рационализма* – идеи проникновения в тайны мира собственными силами человека, без помощи Откровения. Самоконтроль – важная часть познавательных способностей человека. Эта функция ослабевает, человек начинает давать завышенные оценки своим способностям познавать мир. Отцом рационализма принято считать *Декарта*. Но Декарт был набожным человеком, полагал, что его учение о познании лишь укрепляет религию. Но дело в том, что разум у Декарта – самостоятельное средство познания. У Декарта человек познающий может обходиться без Бога... Позитивизм, в свою очередь, способствовал формированию *деизма* – «усеченного» варианта *религиозного мировосприятия*. Признается существование Бога как Творца, но не как Промыслителя. Бог из человеческой истории изгоняется. Мир и историю творит человек. Субъектами человеческой жизни становятся: а) человек; б) человечество; в) отдельные группы людей: партии, общества, классы, народы, религиозные общины и т.п. Незаметно деизм трансформируется в *атеизм*. Большинство мыслителей в XVIII веке примыкают к атеизму. Как уступка религии мог допускаться пантеизм. Деистам, пантеистам и атеистам очень помог немецкий философ Кант, который в своих умственных исканиях дошел до полного отделения человека от Бога. Кант фактически попытался Бога «убить». У этого философа существует только мое познавательное, познающее Я. Только оно реально. О существовании всего остального он не может сделать каких-либо твердых заключений. Человек конструирует мир в своем сознании. Не Бог создает человека по Канту, а человек создает какого-то своего бога. Бога безличного,

некую абстракцию под названием Абсолютный Дух. Так постепенно Бог вытесняется на периферию жизни. Человек объявляется богом. «Умствования» Канта продолжил Л. Фейербах. Он обратил внимание на то, что люди разные, каждый – источник своей собственной истины. Поэтому отдельный человек не может быть «абсолютом». *Абсолютом может выступить лишь человечество.* Истина есть нечто коллективно-человеческое. Посмотрите на сегодняшние информационные сообщения, касающиеся самых разных тем и событий. Там постоянно дается ссылка на некое «человечество»: «во имя человечества», «общечеловеческие ценности», «в интересах человечества», «мнение человечества» и т.п. Можно еще вспомнить «властителя умов» интеллигенции Огюста Конта (позитивная философия). Его взгляды – разновидность философии человекобожия. В отличие от Фейербаха он предлагает поклоняться не человечеству и не искать у человечества ответы на вопросы, а обращаться лишь к знаменитым, гениальным людям. Они выступают в виде «богов». Только довольно странно называть их «богами». Потому что, во-первых, Конт не верил в бессмертие души. Во-вторых, потому, что представление о том, кого сделать богами, принадлежит самим людям. Как гении могут выступать в качестве «абсолютов», если все остальные (негениальное человечество) может назначать и смещать гениев? Конт говорил, что даже если гении и смертны, то все равно они продолжают жить в памяти людей. Но люди могут запросто гения и похоронить. Был Ленин, который был «живее всех живых». Скоро его могут «похоронить» (я имею в виду не в прямом, а переносном смысле). В общем, философия Конта – своеобразная *религия человечества*, причем активной стороной в ней выступает не объект поклонения, а сами поклонники. *Позитивная философия* – допускается существование лишь того, что может быть зафиксировано пятью органами чувств. Все остальное – непознаваемо. У

французского просветителя Кондорсе разум объявил себя хозяином всего мира.

36. О «преодолении» гуманизма. Материалисты «преодолели» гуманизм, заменив человека мертвой материей. Впрочем, часто материалисты произносят всякие дежурные слова о высоком предназначении человека. Все мы помним слова Горького: «Человек – это звучит гордо». Такие слова нужны были для облагораживания марксизма. Человека как личности в такой модели общества просто нет. Есть просто продукт производственных отношений и производительных сил. Именно такими словами последовательный марксист Каутский описывал человека социалистического общества. Он даже не исключал, что произойдет определенное понижение качественных характеристик человека при социализме по сравнению с какими-то предыдущими периодами времени. Что же, это неизбежно. К этому надо быть готовым, социализм «превыше всего».

37. Вопросы свободы и необходимости. Свобода, воля выражаются *творением*, необходимость – *рождением*. Едва ли можно найти символы более верные для олицетворения этих двух отвлеченных идей. Человек, который приходит в этот мир, одновременно и создается (творится), и рождается. Творится он Богом как свободная, вольная личность. При творении человек получает Духа. Рождается другим человеком как личность несвободная, зависящая от земных условий, смертная. Здесь Тихомиров ссылается на нашего славянофила А. С. Хомякова. Только при создании из небытия мы могли явиться существами свободными. Если человек рождается, он имеет источник своего рождения, он связан пуповиной с этим источником, он несвободен и смертен. Итак, о чудо, процесс творения продолжается! Он не завершился много тысяч лет назад. Ошибочно некоторые думают, что Бог с тех пор почивает. Нет, Он продолжает творить. Но люди не получают свободу раз и навсегда. Они выбирают между свободой и не-

волей (необходимостью). Если бы человек был эманацией Бога (то есть рождался бы от Бога), то не имел бы свободы, а тянулся бы почти механически к своему Источнику не как свободная личность, а как составная часть Божества. Свободный же человек, то есть сотворенный, может сам выбирать: идти к Богу, удаляться от Него, даже идти против Бога. Точно так же, как это сделал в свое время сотворенный Богом ангел Света (Денница). Исторические и политические реалии – надводная часть универсальной и всеобъемлющей реальности движения от небытия к Бытию, которым управляет Бог. Бог создал из небытия этот мир. Бог создает каждого человека из небытия (акт творения наряду с актом рождения) и далее ведет человека от колыбели до могилы

38. О добре и зле. Довольно много разных богословско-философских конструкций протестантского толка, которые убаюкивают совесть и бдительность человека. Такие конструкции включают в себя такие элементы: а) нет добра и зла; нет носителя зла – дьявола (это, мол, аллегорический образ, не имеющий реального воплощения); б) нет гибели человеческой; в) человек рождается от Бога, после смерти к нему возвращается. В православном учении все иначе: а) Бог создает добро, зла он не создает; б) человек, созданный Богом, имеет свободу; он может пользоваться этой свободой, создавая как добро, так и зло (наряду с человеком этим могут также заниматься падшие ангелы, которые также были созданы Богом и, таким образом, обладали изначально свободой). Любовь и свобода – нравственные идеалы, которые мудрые люди совершенно правильно связывают с их началом и источником – Богом.

39. Критерий оценки истории. Еще древние говорили: **«Человек – мера всех вещей»**¹. Сегодня эта простая

¹ «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» – изречение самого известного представителя античной софистики Протагора (ок. 490 – ок. 420 г. до н.э.).

истина забыта. Сегодня мы все меряем вещами. Вернее, даже не вещами, а деньгами. А еще точнее – каббалистическими знаками, потому что современные деньги – понятие виртуальное, все более утрачивающее связь с миром вещей, но зато укрепляющее связь с миром инфернальных духов. Свящ. Владимир Соколов поднимает вопрос о необходимости *антропологического критерия*: «Нельзя оценивать историю ее государственными, военными, технологическими, финансовыми, культурными и другими достижениями. Цель истории – обновленный человек, способный войти в Царствие Божие. Поэтому не человек для истории, а история для человека... При оценке эпохи важны критерии самой оценки. К сожалению, у нас уже сложились стереотипные оценки – мы оцениваем эпохи по достижениям в политике, в экономике, в науке, в искусстве, отношение же к человеку остается на последнем месте, тогда как это должно быть главным в оценке достижений эпохи»¹. Попробуем, например, оценить советскую эпоху. Сегодня довольно часто и справедливо говорят о том, что в СССР существовала мощная экономика, была создана социальная инфраструктура, на высоком уровне находилось образование. С этим трудно не согласиться. Более того, следует подчеркнуть, что мы до сих пор по инерции пользуемся этим советским «багажом». Это одна сторона медали. Но есть и другая сторона медали. О ней пишет свящ. В. Соколов: «Безволие, неумение мыслить, крушение нравственных устоев – все это наследие по большей части именно советской эпохи»². От себя добавлю: миллионы так называемых порядочных людей (распространенное в советское время выражение) очень быстро перестроились, от их «порядочности» ничего не осталось. Я был свидетелем десятков таких метаморфоз. Поначалу я был шокирован. Нас учили, что «человек

¹ Свящ. Владимир Соколов. Указ. соч. С. 477.

² Там же, с. 490.

произошел от обезьяны». А тут приходилось наблюдать обратную метаморфозу: люди становились даже не обезьянами, а жестокими хищниками.

40. О прогрессе. К вопросу о критерии оценки истории самым тесным образом примыкает вопрос о «прогрессе». Слово, которое модно не только сегодня, оно было в обиходе у политиков, социологов, историков и философов и в прошлом, и в позапрошлом веках. У нас бóльшая часть книг по истории (особенно марксистского толка) представляет весь исторический процесс как социально-экономическую поляризацию (дифференциацию) общества и борьбу с этой поляризацией. Это называется борьбой за счастье. Успех этой борьбы, по мнению сторонников этой точки зрения, и определяет прогресс человечества. Вся эта борьба состоит, по сути, из двух задач: а) создать как можно больше благ для потребления; б) обеспечить максимально равномерно распределение этих благ среди членов общества. Впрочем, что касается первой задачи, то она присутствует как в идеологии капитализма, так и в идеологии социализма. Этот материализм их очень роднит. В книге Л. Тихомирова основное внимание уделено дифференциации не социально-экономической, а духовно-нравственной. Христиане понимают, что духовно-нравственная дифференциация неизбежна. Так говорит Священное Писание и Священное Предание. «Не мир пришел Я принести, но меч» – вот слова Спасителя (Мф. 10:34). Поэтому задача христианина состоит не в том, чтобы противостоять этой поляризации, а в том, чтобы остаться за оградой Церкви. И, может быть, помочь спасти ближним. Но весь мир христианин спасти не может. Христос говорил о христианах как малом стаде. Идеи хилиазма (тысячелетнего Царства Божия на земле) чужды истинному христианству, рассматриваются как ересь. Кстати, тему духовно-нравственной поляризации общества как содержания исторического процесса и понима-

ние истинного прогресса очень лаконично и убедительно изложил прот. Валентин Свенцицкий в своей известной работе «Диалоги» (1928). Вот, в частности, фрагмент его рассуждений на тему прогресса: «*Прогресс не есть соиздание материального блага, а разделение противоположных нравственных начал.* Внешняя история мира есть простое следствие этих внутренних столкновений, этой борьбы. Этот процесс разделения прежде всего касается взаимоотношений Церкви и мира. Здесь дифференциация приводит к решительному и полному их противоположению. Затем тот же процесс касается Церкви, ее в особенности. Здесь отсеивается чистая пшеница от сорных трав. Затем он проходит через всю мирскую жизнь – и здесь одних *приближает к спасению* в порядке естественно-природного развития, других – повергает в бездну окончательного растрепания. Этот процесс поэтому касается каждой человеческой души, где смешанные начала добра и зла все резче и резче разделяются и все ожесточеннее противоборствуют. Этот процесс в своих последних стадиях развития окончательно разрывает связь между Церковью и миром, Христом и Велиаром. Церковь приводит к чистоте Апостольского века. Мир – к окончательному нравственному падению. Каждая отдельная душа ставится перед необходимостью выбрать себе господина»¹.

41. О революции и эволюции в истории. До XVIII века человечество не знало идеи революции (исключение составляли христианские сектантские движения типа анабаптизма). Тихомиров считает, что идея революции – атеистический вариант практической реализации религиозного идеала христианства. *Идея революции* как быстрого переворота всего мира имела место лишь в христианском учении о конце мира. Впрочем, *анабаптисты* (начало XVI века) также смотрели на революцию как на религиозное событие, рассматривая ее как начало периода хилиазма,

¹ Прот. Валентин Свенцицкий. Диалоги. М.: ДАРЪ, 2007. С. 351.

вслед за которым наступит конец земной истории¹. Люди стали забывать Бога, полностью переместили все свои мысли и мечты в мир земного. Но при этом на психологическом уровне люди все еще несли в себе представление о том, небесном идеале. И они начали тот небесный идеал воплощать здесь, на земле. Это можно было сделать только с помощью революции. Революция как скачок из царства необходимости в царство свободы, революция как переход из земной жизни в Царство Небесное была заменена революцией как переходом из одного земного состояния в другое. Нет ничего более противного законам земной природы, как *революция*, ибо в земной природе существует только *эволюция*. Человек решил попрасть законы земной жизни и организовать революцию.

42. О первоначальных религиозных корнях идеи социализма и революции. Идея социализма и социалистической революции, по мнению Тихомирова, имеет религиозные корни. Человек постепенно отходит от Бога, но матрица христианского мировоззрения отпечатывается глубоко в том слое человека, который Тихомиров называет психологией. В психологическом коде (матрице) запечатлеваются понятия о должном, о благородном, о чести, о высоком и низком и т.п. Итак, происходила утрата веры при сохранении религиозной христианской психики. Соответственно, на уровне психики оставалось особое (псевдорелигиозное) восприятие революции. Только 99% носителей этой идеи в этом себе не отдавали отчет. Более того, будучи атеистами и агностиками, они протестовали бы против такой постановки вопроса. Впрочем, с появлением марксистской версии социализма он уже утратил всякую связь с христианством. До Маркса социализм выводился из внутренней природы человека, а Маркс определил со-

¹ О революции, которую в начале XVI века в Германии учинили анабаптисты, достаточно подробно написано в работе И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории».

циализм как общественное устройство, которое возникает под влиянием внешних материальных условий жизни человека (называл он их производительными силами). В марксизме социализм стал окончательно атеистическим и материалистическим. Тихомиров считает марксистский вариант социализма наиболее извращенным. Автор «Религиозно-философских основ истории» подчеркивает: идея социализма не есть результат развития производительных сил. По Марксу, эта идея зарождается среди наемных работников, пролетариев. Однако мы видим, что эта схема не имеет под собой оснований. Основоположники утопического социализма отнюдь не пролетарии. Роберт Оуэн – богатейший фабрикант, Сен-Симон – богатый аристократ, Фурье также не принадлежал к рабочему классу. Все они так или иначе сохраняли какую-то связь с христианством. Так, Сен-Симон написал книгу «Новое христианство». Между прочим, С. Булгаков также ловил Маркса на этом противоречии. Классик говорил, что идея социализма должна зародиться внутри рабочего класса под влиянием новых экономических условий. Однако социализм марксистского толка появился не в грохочущих цехах какого-то завода в Бирмингеме, а в тихом и достаточно комфортном кабинете человека по имени Мардохей Леви (настоящее имя Карла Маркса), принадлежащего к потомственному роду раввинов и талмудистов. Чувство социализма, как считает Тихомиров, – общечеловеческое. Он отмечает: «Это общечеловеческое чувство создается не условиями производства, а именно той человеческой природой, которую думает привести к нулю односторонняя теория экономического материализма». Кстати, Тихомиров объясняет причины неудач социалистических проектов, предпринимавшихся социалистами-утопистами: «Достаточно лишь указать, что весь утопический социализм держится на убеждении в том, что социалистическое общество можно и должно воздвигать на психоло-

гии людей. Нужно было испытать множество бесплодных попыток устройства социалистических общин для того, чтобы исчезла эта уверенность, прямо противоречащая всему, что мы знаем о природе людей. И, однако, эта вера и до сих пор не исчезла, хотя существует теперь преимущественно в идее анархического социализма».

43. Тихомиров предвидел, что социалистические проекты из утопических могут стать вполне реальными. Но и в условиях реального социализма религиозное чувство у человека не будет истреблено. Вот цитата из «Религиозно-философских основ истории»: «Мы не станем рассматривать и гадать, в какой степени и в каких формах общество будущего приобретет социалистический характер. Несомненно, что множество сторон жизни все более “обобществляются”, социализируются. Несомненно, с другой стороны, что лучшие социалистические умы отказываются предвидеть формы будущего социалистического общества, как, например, известный Эдуард Бернштейн. Мы не станем также предугадывать, в какой степени в социалистическом обществе будет допускаться свобода личности. Общество человеческое социализируется уже давно, и эта социализация во множестве случаев ограничивает личную свободу. Однако нельзя сказать, чтобы личность в настоящее время была всесторонне менее свободна, чем прежде. Напротив, во многих отношениях ее свобода расширена и лучше гарантирована. Что будет в социалистическом обществе, – мы не знаем. Очень вероятно, что свобода и в нем получит известные гарантии. Но дело не в том. Если мы допустим, что будущее общество представит ту самую картину, которую рисует, например, Каутский, и что в нем свобода личности будет чрезвычайно связана зависимостью от общества, то все же остается вопрос: исчезнут ли тогда в людях помышления и заботы о сверхчувственном?» И немного ниже Тихомиров отвечает: «...предположения о том, что элементы ре-

лигиозные и мистические вымерли или вымрут в душах людей, в том числе и рабочих, совершенно ни на чем не основаны. Эти запросы не вымерли и не вымрут, потому что они порождаются реально существующими силами в душе самого человека и в мире, вне его простирающемся. Те или иные условия производства ничего не изменяют. Если они и влияют на психику человека, то лишь в тех отношениях, которые связаны с условиями производства, а не с тем, чтобы они создавали человека в его целостном существе». Мы сами сегодня можем подтвердить: несмотря на мощную атеистическую пропаганду власти в течение семидесяти лет существования советской власти в нашей стране, атеизм оказался крайне недолговечным и даже эфемерным явлением. Десятки миллионов людей обратились к вере. Другое дело, что эта вера пока слаба. Да и очень большое число людей ударилось в ложную мистику, которая уводит человека от Истинного Бога. Но говорить об отсутствии «духовности» в нашем сегодняшнем обществе не приходится. Оно оказалось даже более религиозным, чем общество Запада, где формально не было гонений на Церковь.

44. Критика марксистского и материалистического понимания истории. Тихомиров посвятил этому предпоследний, *девятый, раздел* своей работы, который называется «Воскресение языческой мистики и экономический материализм». Особое внимание уделено критике положения о том, что движущей силой общественного развития являются «производительные силы». Это наиболее одиозная форма пантеизма. В теории марксисты придерживались такого «истматовского пантеизма», а в практической работе выступали с позиций атеизма. От того, что атеизм был назван «научным», он не стал более убедительным. Доказать отсутствие Бога намного сложнее, чем решить противоположную задачу. Кстати, «экономический материализм» лишь на короткое время сумел создать что-то

похожее на атеистическое общество. Уже через некоторое время у людей все равно просыпаются потребности духовного характера. Но это уже не потребность единения и общения с Богом, а желание мистики. Мистики, которая, как отметил Тихомиров, носит языческий характер и подталкивает человека в объятия сатаны. Тут на память приходят слова апостола Петра:

«Ибо если, избегнув скверн мира чрез познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья [идет] валяться в грязи» (2 Петр. 2:20–22).

Тихомиров говорил, что в XX веке в дополнение к монистическому и дуалистическому мировосприятию появляется еще одно самостоятельное мировосприятие – сатанизм. Во времена Тихомирова сатанизм находился еще в зачаточном виде, но он предвидел, что это мировоззрение может стать со временем доминирующим¹.

45. «Закон соответствия» в марксизме и в христианстве. Читая Тихомирова, я вспомнил хорошо знакомый старшему поколению по курсу исторического материализма «закон соответствия». Основоположник марксизма сформулировал этот закон следующим образом: тип производственных отношений соответствует уровню развития производительных сил. В христианском мировосприятии также имеется аналог «закона соответствия». Все это на уровне здравого смысла, поэтому мы даже не называем его «законом». В мире, в истории существует всего лишь

¹ Впрочем, многие духовно чуткие люди в России предчувствовали возможность такого развития мира. Например, княгиня Елизавета Александровна Шавельская-Борк написала и издала в 1912 году книгу с многозначительным названием: «Сатанисты XX века». Современное издание книги: Е. А. Шавельская. Сатанисты XX века. М.: ФЭРИ-В, 2004.

два типа экономических отношений. Первый тип: отношения братства, взаимопомощи, сотрудничества, любви. Второй тип: отношения вражды, корысти, конкуренции, ненависти. Первый тип отношений – созидательный. Второй тип отношений – разрушительный. Все зависит от человека, его духовно-нравственного состояния. Это действительно закон соответствия. Если человек с Богом, стремится к Богу, то в таком обществе превалирует первый тип экономических отношений. Если человек без Бога, отходит от Бога, то в обществе доминируют отношения второго типа. Общество может декларировать высокие цели, но если общество атеистическое, оно неизбежно будет сползать ко второму типу отношений. Человек без Бога неизбежно обречен на жизнь в аду рабовладельческо-капиталистических отношений. Кстати, это прекрасно понимал Сталин. Он пытался выстраивать первый тип экономических отношений, но духовно-религиозный базис общества тормозил это строительство. А то, что он пытался выстраивать, это видно по дискуссиям вокруг проекта учебника политической экономии. Но отсутствие необходимого «соответствия» препятствовало выстраиванию нового типа экономических отношений.

46. Л. Тихомиров о противоречиях марксистского понимания истории. Обратим внимание еще на некоторые наблюдения Тихомирова по поводу общества, которое основывается на идеологии экономического материализма. Такое общество не может находиться в духовно-религиозном вакууме. Атеистическое пространство начинает заполняться разного рода языческой мистикой. В девятом разделе книги Тихомиров возвращается к вопросу *о роли субъективного фактора (человека) в истории*. В марксизме социальный детерминизм доведен до крайности. Человек – атом социальной механики. Но при этом марксизм говорит о необходимости классовой борьбы, диктатуре пролетариата, организации политической пар-

тии и т. п. Это противоречие в марксизме остается¹. Тихомиров разбирает фундаментальный тезис марксизма о том, что экономика влияет на человека. Человек – продукт материальных условий. А человек на экономику не влияет. Тихомиров пишет: «Слабейшая сторона экономического материализма состоит именно в том, что он решает *односторонне* вопрос об отношениях между человеком и экономическим производством, указывает на зависимость человека от экономики и забывает о зависимости экономики от человека». Правда, скороговоркой говорится о том, что человек – часть производительных сил. Но это какая-то деталь машины производительных сил, которая не меняется во времени. После Маркса, в начале XX века, появились работы Вернера Зомбарта и Макса Вебера, которые сделали попытку описать влияние человека на экономику, причем у них человек – более сложное и динамичное начало, чем социальный атом Маркса².

47. Эсхатологический аспект историософии Л. Тихомирова. Эсхатология – учение о последних временах вселенной, земного мира и человека, их гибели (обычно рассматриваемое в рамках богословия). Это учение является не только изложением поступательного движения в совершенствовании человечества на пути к завершению, но стремится определить смысл бытия, постигнуть тайны тварного мира и жизни человека. Недооценка важности этого учения ведет к печальным последствиям. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что еще с 1900-х годов Л. Тихомиров начал заниматься серьезными теологическими исследованиями, в частности *толкованием Апокалипсиса*. Он слыл одним из самых авторитетных

¹ На это противоречие марксизма обращает внимание свящ. Владимир Соколов: «...марксисты начали с отрицания личности в истории, а кончили абсолютизацией роли вождя в истории» (Указ. соч., с. 441).

² Подробнее об этом см.: В. Ю. Катасонов. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2013.

экспертов в этом вопросе. В 1907 году его увлечение пророчествами Апокалипсиса нашло свое выражение в исследовании «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира», появившемся в журнале «Христианин» (1907, № 9), а чуть позднее оно было издано отдельной брошюрой. В этом теологическом сочинении автор предлагал свою систему чтения и толкования Апокалипсиса. Опираясь на разработанную им систему, Л. Тихомиров, исходя из апокалипсического учения о семи Церквах, развивал идею о том, что в нем рассматриваются семь эпох христианской истории. Углубляя этот тезис, он приходил к выводу, что «наше время должно быть отнесено к пятой эпохе... пятый период Сардийской церкви принадлежит вообще к самым печальным», а именно «апокалипсическая характеристика этой эпохи как бы представляет зеркало с отражением нашего псевдохристианского лика», «весь мир теперь только носит имя христианского, но нигде противоположность между именем жизни “Святой Руси”, “Православия” и полной мертвенностью веры не поражает нас до такой степени, как в современной России»¹. Темой апокалипсиса и эсхатологией Лев Александрович был увлечен до конца жизни. В его основном труде «Философско-религиозные основы истории» этой теме посвящен заключительный, десятый отдел, который называется «Завершение круга мировой эволюции». В художественной форме свои эсхатологические представления Лев Александрович выразил в повести «В последние дни» (1920). По увлекательности и глубине данное произведение не уступает знаменитым «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (вместе с «Краткой повестью об антихристе») Владимира Соловьева. Даже превосходит, поскольку В. Соловьев в «Трех разговорах» допускает серьезные отступления от Священного Писания, святых отцов и

¹ Тихомиров Л. А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира // Апология веры и монархии. М., 1999. С. 461–462.

положений богословской науки в части, касающейся эсхатологии (например, В. Соловьев проводит идею хилиазма – установления Царства Божия на земле после уничтожения антихриста). Одна из основных мыслей Тихомирова, связанных с эсхатологией, очень проста: любое «поклонение твари вместо Творца» неизбежно закончится «безумием поклонения Антихристу»¹. В данном материале мы не даем подробного описания эсхатологических представлений Л. Тихомирова о последних днях мира. Эта сторона творчества Льва Александровича достаточно подробно исследована проф. О. А. Милевским, поэтому мы отсылаем читателя к его работе².

48. Христианское восприятие истории кардинально отличается от мирского. Независимо от того, учитывают люди волю Бога или нет (или даже идут сознательно против Его воли), они все, в конечном счете, участвуют в реализации той цели, которая задумана Богом. В ходе исторического процесса люди могут что-то созидать («материальный прогресс»), но могут разрушать, убивать, создавать хаос (внешне выглядит как материальный, культурный и нравственный регресс). Но и в этом случае они трудятся на Бога, его конечные цели. Чем более человек забывает Бога, тем более непостижимой кажется ему история. Апостол Павел говорил: «Мы проповедуем Христа распятого – и иудеям соблазн, эллинам безумие» (1 Кор. 1:23). «Мудрость мира сего – безумие перед Богом» (1 Кор. 3:19). Современному человеку, пропитанному «духом времени», христианское понимание истории может казаться либо «соблазном», либо «безумием».

49. Христианин XXI века должен быть вооружен православной историософией. В дополнение к трудам

¹ Л. Тихомиров. В последние дни. М.: Артос-Медиа, 2004. С. 20.

² Милевский О. А. Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований. Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии АлтГТУ. Вып. 8. Барнаул, 2008. С. 153–192.

Л. А. Тихомирова для постижения христианской историософии можно было бы рекомендовать труды таких наших философов, историков, богословов XIX–XX веков, как А. С. Хомяков («Записки по всемирной истории»), Н. Данилевский («Россия и Европа»), Н. Бердяев («Смысл истории»), Л. Карсавин («Философия истории»), прот. Валентин Свенцицкий («Диалоги»), прот. Василий Зеньковский («История русской философии»), прот. Георгий Флоровский («Пути русского богословия»). Среди современных наиболее интересны такие авторы, как В. Тростников («Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты»), О. Забегайло («Духовное понимание истории»), прот. Владимир Соколов («Мистика или духовность? Ереси против христианства»), Г. Шиманов («Причины гибели христианской цивилизации»). Я называю только тех авторов, которые известны лично мне. В целом на фоне громадной массы работ, в том числе фундаментальных монографий, по разным аспектам мировой и отечественной истории количество историософской литературы выглядит очень скромно. В выходящих у нас учебниках по философии истории на первых местах оказываются имена О. Шпенглера, А. Тойнби и, как это ни странно, все того же К. Маркса. Количество отечественных авторов, упоминаемых в учебниках, очень скромное. Уже прошло 95 лет с того момента, когда Лев Александрович поставил точку в своем труде, который продолжался четыре года. Считаю, что его книга «Религиозно-философские основы истории» по-прежнему остается главной в списке православных историософских работ. Где-то у прот. Г. Флоровского я прочитал, что в современном мире богословское невежество становится смертным грехом для православного человека. Думаю, то же самое можно сказать в отношении незнания верующим человеком XXI века азов православной историософии.

Приложение 1
(относится к пункту 21 доклада)

Основные признаки (характеристики) двух основных религиозно-философских представлений о мире (бытии) по Л. А. Тихомирову

	Дуалистическое мировоззрение	Монистическое мировоззрение
1. Определение	Бытие представлено в виде двух миров: Бог и сотворенный Богом мир	Бытие одно, единое. Бог и материальный мир представляют собой единый «сплав»
2. Источник мировоззрения	Божественное Откровение, запечатленное в ветхозаветных книгах (Откровение Бога Моисею). Окончательное оформление Откровение получило в Новом Завете. Каждый человек, стремящийся к Богу, может, кроме того, иметь свои личные Откровения. Такие Откровения являются процессом приближения человека к Истине. Истина и Бог в этом мировоззрении совпадают	Непосредственное восприятие человеком материального мира органами чувств. Это восприятие может быть оформлено в виде ложного откровения. На более поздних этапах на место откровения приходит наука, которая претендует на то, чтобы не только дать ответы на все вопросы об устройстве мира, она пытается также обосновать цели жизни человека и общества
3. Религиозные и философские системы	Ветхозаветная религия древних евреев, христианство (православие)	Талмудический иудаизм, каббала, ислам, пантеизм, выродившийся протестантизм, марксизм, другие философские школы материализма. Талмудический иудаизм и каббала – результат «заражения» ветхо-

		заветной религии древних евреев различными гностическими учениями. Выродившийся протестантизм – также результат «скрещивания» христианства с талмудическим иудаизмом и различными еретическими учениями
4. Взгляд на создание мира	Мир создан Богом-Творцом. Три основных творения Бога: а) материальный мир (природа); б) ангельский мир (нематериальный или тонкий материальный); в) человек	Мир существует извечно, никем не создавался. Это утверждение распространяется и на «божественный элемент» мира, присутствующий в природе
5. Представления о Боге	Бог существовал извечно, Он является Творцом и Промыслителем в отношении материального мира. Бог выступает в качестве Личного Начала. То есть Он имеет такие свойства (характеристики), как сознание, волю, цели	Бог – неразрывная часть материального мира. Может признаваться существование многих богов. В их иерархии один выступает в качестве главного бога – демиурга (устроителя вечно существующей природы). Часто богом выступает некое безличное начало
6. Об управлении материальным миром и земной жизнью	Управление осуществляет Бог-Промыслитель. В соуправлении может участвовать человек, если он улавливает волю Бога	Управление осуществляет бог-демиург. Возможны варианты, когда на место бога-демиурга заступает человек

<p>7. О человеке</p>	<p>Человек – часть созданного мира, но при этом он – особое творение, созданное по образу и подобию Бога, то есть стоит над всем остальным тварным миром. Человек наделен свободой</p>	<p>Человек – часть материального мира. Некий «сгусток», «концентрат» «божественного материала», рассеянного по всему материальному миру. Это позволяет человеку быть над остальной материальной природой, он становится «богом», иногда даже «богом-демиургом»</p>
<p>8. Взаимоотношения человека и Бога</p>	<p>Полученная человеком свобода позволяет ему стремиться к Богу, удаляться от Него, даже враждовать с Богом. Иногда человек выстраивает свои отношения с Богом осознанно, иногда они складываются стихийно, без понимания со стороны человека. В любом случае Бог проявляет любовь к человеку. Не посягая на свободу человека, Бог, любя человека, помогает ему найти правильный путь в жизни. Человек может общаться с Богом, но не может управлять Богом</p>	<p>Множество моделей взаимоотношений. Человек может подчиняться богам, особенно богу-демиургу. В какой-то момент человек чувствует, что он стоит над материальным миром, сам становится как бог. Другие боги ему уже не нужны. В обществе воцаряется атеизм-гуманизм. В таком обществе может возникать целая иерархия «людей-богов». Такие «люди-боги» чаще всего выстраивают свои отношения с «простыми смертными» на основе личного авторитета, обмана и силы (в разных комбинациях). «Люди-боги» чаще всего вступают в прямую вражду с Богом, т.к. рассматривают Бога в качестве своего</p>

		«конкурента». Религиозная «толерантность» перерастает в воинствующее богоборчество
9. О будущем земного мира	Земной мир конечен. Земная история завершается после исполнения замысла Бога о человеке и человечестве	Земная история бесконечна. Возможны разные варианты описания такой истории: циклическое развитие, спираль, прогресс и др.
10. О происхождении, жизни и смерти человека	Человек – существо плотское и духовное. Как плотское существо он рождается (плоть от плоти). Но как существо духовное человек создается (творится) Богом. Будучи смертен по плоти, человек имеет бессмертную душу. Дальнейшая (посмертная) судьба души человека определяется его земной жизнью	Человек – существо материальное. Если и признается наличие души, то душа – атрибут, продолжение, функция человеческой плоти. Человек смертен, вместе с плотью исчезает и душа. Существующая на уровне подсознания идея бессмертия заменяется суррогатами бессмертия (бессмертие в детях, в плодах творчества, в славе и т.п.)
11. О свободе и необходимости в жизни человека и общества	Рождение предопределяет несвободу человека (необходимость). Но как творение Божие человек свободен. Свобода проявляется в выборе человека между добром и злом. Благодаря свободе человек может приближаться к Богу, может от Него удаляться, может даже враждовать с Богом.	Человек, будучи материальным существом, зависит от внешней среды, прежде всего природных условий. Идея свободы сводится прежде всего к борьбе с природными условиями, к «покорению» природы. Отсюда – особый упор на технику и экономику как средства обретения человеком свободы

<p>12. Об устройении человеческой жизни (общественно-политический идеал)</p>	<p>Царство Божие и его разновидность – Царство Небесное (после конца земной истории). Царство Божие – сообщество людей, добровольно и осознанно воспринимающих Бога как своего Царя, независимо от того, какие земные правители в данный момент находятся у власти. Человек может подчиняться земным властям в том случае, если их требования не противоречат требованиям и принципам Высшего Правителя – Бога. В небесной жизни имеет место прямое подчинение человека (его бессмертной души) Небесному Царю. За пределами Царства Божия оказываются те, кто в земной жизни забывал Царя или активно боролся с Ним.</p>	<p>Царство человека на земле. По своей сути это царство неизбежно становится царством зла, несмотря на красивые лозунги. Это очевидно и понятно, т.к. человек, забывший Бога и даже стремящийся занять место Бога, неизбежно становится слугой и рабом дьявола. Странники монизма не могут дать удовлетворительно ответа на вопрос, зачем человеку нужно «светлое будущее», если его жизнь конечна. Человек, вероятно, загружает свое сознание проектами будущего, чтобы уйти от кошмаров, порождаемых идеей конечности человеческой жизни. С другой стороны, дьявол также заинтересован в том, чтобы человек загружал свое сознание разного рода «проектами» «светлого будущего», чтобы он (человек) не начал думать о Боге и спасении</p> <p>В некоторых учениях царство земное ограничивается отдельным народом или религией. Так, в талмудическом иудаизме – царство Израиля.</p>
--	--	---

		В исламе – царство мусульманских народов
13. Степень влияния (популярность)	Во все времена последователей сторонников было меньшинство по отношению к численности всего человечества. В древние времена это было небольшое племя евреев, получивших Откровение через Моисея и окруженное язычниками. Во времена официального христианства истинных сторонников дуализма также было не очень много. Выражаясь словами Самого Христа, это было « <i>малое стадо</i> »	«Едва ли подлежит сомнению, что численный перевес всегда принадлежал тому слою, который верил в самобытность природы и не верил в Бога Создателя» (Л. А. Тихомиров)

Приложение 2

Устройство мира (христианское мировосприятие)¹

Бог – Царь тварного мира		
Тварный мир	Царство Божие	Царство зла
Мир ангелов	Ангелы, продолжающие служить Богу. Иерархия ангельского мира	Денница и другие падшие ангелы
Человечество (общество)	Цивилизация Авеля	Цивилизация Каина

¹ Таблица составлена на основе работы Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» с учетом авторской концепции деления человечества на цивилизации Авеля и Каина.

Человек (внутренний мир личности)	Добродетели, порожденные духом (человек духовный)	Грех, порождаемый похотью души и плоти (человек душевный и плотский)
Физическая природа	Природа несет на себе отпечаток Бога-Творца	Природа несет на себе отпечаток разрушения. «Нарушение внутренней гармонии человека может иметь последствием лишь такое же нарушение всей мировой гармонии» (Л. Тихомиров)

В. Катасонов

КАИНИТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

(Послесловие к книге «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”»)

И негоже нам навлекать на себя проклятие
Божие за наименование зла добром.

(Ис. 5:20)

1. Глубинные исторические и духовные корни капитализма.

Только что вышла в свет моя книга «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”»¹. Я не буду пересказывать этот объемный труд. Скажу лишь, что авторский замысел состоял в том, чтобы отойти от традиционного

¹ Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013.

«экономического» подхода к объяснению капитализма (такой подход стал традиционным после выхода в свет «Капитала» К. Маркса). Я попытался дать многомерную картину этой модели общественного устройства, добавив социальное, политическое и духовное измерения. Такая многомерная картина дала неожиданный результат: выяснилось, что капитализм – это не только феномен последних столетий. Он имеет глубокие исторические корни. Я это показал на примере древнего мира – Вавилона, Ассирии, Римской империи. Уже там капитализм достиг значительного развития, в основе которого лежали накопление денег и ростовщическая деятельность. В своей книге указанный типа общества я назвал **денежной цивилизацией**.

Европейский и американский капитализм XIX–XX веков – лишь частный случай «денежной цивилизации», насчитывающей несколько тысячелетий. Никак нельзя согласиться с широко распространенным сегодня мнением, что капитализм берет свое начало с Реформации XVI–XVII веков, которая породила протестантскую этику. Популярность такой точки зрения объясняется некритическим восприятием «раскрученной» сегодня книги немецкого социолога Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (в своей книге я попытался показать узость подходов Вебера и его ошибки).

После сдачи рукописи книги в издательство я мысленно продолжал работать над книгой. И пришел к следующему выводу (который не нашел четкого отражения в вышедшей книге): капитализм – современное название той цивилизации, которая возникла даже не в Вавилоне или Ассирии, а гораздо раньше – на самой заре существования человечества, еще в допотопные времена. Называется она **каинитской цивилизацией**¹ – по имени Каина, первого сына наших прародителей Адама и Евы. Отсчет капитализма от этих времен позволяет лучше понять общие за-

¹ Другие варианты названия: каинова, каинская цивилизация.

кономерности земной истории человечества. А также метафизически осмыслить наше сегодняшнее общественное устройство, которое мы называем не очень внятными терминами «капитализм», «современная цивилизация», «рыночная экономика», «цивилизованное общество» и т.п.

Историки, социологи, археологи, теологи, представители других наук изучают разные периоды человеческой истории, разные расы и народы, разные религии и конфессии, разные типы производительных сил и хозяйств и постоянно «открывают» все новые цивилизации. В некоторых справочниках и энциклопедиях их количество исчисляется сотнями. Цивилизации определенными способами классифицируются и группируются, чтобы можно было хоть как-то разобраться в этом пестром калейдоскопе. Но очень немногие исследователи и мыслители доходят до понимания того, что все многообразие цивилизаций можно свести к двум типам:

- а) цивилизации Авеля (авелева цивилизация);
- б) цивилизация Каина (каинова, каинская или каинитская цивилизация).

Главным водоразделом между этими двумя типами цивилизаций являются различия не в уровне развития производительных сил, не в государственном и политическом устройстве, не в национальности и расах людей, а различия духовного порядка. Прежде всего различия в отношении человека к Богу.

Итак, мы отметили, что капитализм – одно из не очень внятных и точных названий каинитской цивилизации. Что касается термина «денежная цивилизация», то он точнее раскрывает сущность каинитской цивилизации (при условии, если деньги воспринимать не только как экономическую, но и как духовную категорию). Но все-таки каинитская цивилизация – более широкое понятие, чем «денежная цивилизация», поскольку во времена Каина и его первых потомков (до Ламеха) денег еще не было,

т.к. существовало натуральное хозяйство. Правда, исключать существование денег при более поздних допотопных потомках Каина нельзя. Даже если бы археологи сделали открытие, что допотопные люди пользовались деньгами, мы бы не могли с полной уверенностью сказать, что это была «денежная цивилизация». Скорее, это была подготовка падшего человека к переходу к «денежной цивилизации» – такому состоянию общества, в котором деньги из простого средства обмена превращаются в цель жизни, из слуги делаются хозяином человека.

Полагаю, что нам не следует отказываться от термина «денежная цивилизация». Он вполне хорош для тех, кто лишь пытается войти в понимание проблемы. Нам следует учитывать, что сегодня многие люди (особенно молодого поколения) очень смутно представляют себе трагические события, которые описаны в первых главах Книги Бытия. В том числе события, связанные с убийством Авеля Каином и расколом человечества на две части: сообщество потомков Авеля, имеющих центром притяжения Бога, и сообщество потомков Каина, имеющих центром притяжения дьявола. Для таких современных секуляризированных людей термин «каинитская цивилизация» мало о чем будет говорить, а историю убийства Авеля Каином они могут воспринимать лишь как нраво-учительный миф.

Однако для более глубокого понимания человеческой истории и нынешнего общественного устройства термин «каинитская цивилизация» более предпочтителен. Он особенно уместен для тех людей, которые относятся к библейской истории Авеля и Каина не как к сказке или мифу, а как к историческому факту, как ко второй величайшей катастрофе человечества (первая катастрофа – изгнание Адама и Евы из рая, с чего, собственно, и началась земная история людей). С учетом сказанного вышедшую мою книгу без каких-либо натяжек можно было бы на-

звать: «Капитализм. История и идеология “каинитской цивилизации”».

2. О разделении человечества

Земная история человечества началась немного более 7,5 тыс. лет назад, когда произошло изгнание Адама и Евы из рая.

Первые люди (адамиты), жившие в допотопные времена, отличались высоким развитием, так как еще недавно общались с Самим Богом. При этом условия их жизни не были столь обременительными (благоприятный климат, плодородная земля), как у современных людей. «Покорять природу» адамитами не надо было, особой нужды в совершенных орудиях труда они не испытывали. Труд еще не был чрезмерно тяжелым испытанием для первых людей. Сообщество первых людей (Адам, Ева, их дети) было единым, неразделенным.

Разделение человечества произошло после убийства Каином Авеля. С позиций исследователей Библии, уже до Потопа зародилось два типа падшей цивилизации – **авелева**, стремившаяся ко спасению, и **каинова**, все больше и больше отпадавшая от Бога. Каинова и авелева цивилизации не прекращали своего существования на протяжении многих тысячелетий вплоть до наших дней. Авель, как известно, не оставил после себя потомства. Поэтому миссия Авеля была возложена на Сифа – третьего сына Адама и Евы, который появился на свет уже после убийства Авеля. Довольно часто в литературе можно встретить такой взгляд на типы живших и живущих на Земле людей: упомянутые три главных сына первых людей являются **прообразами трех типов людей**, Каин – *плотских*, Авель – *духовных*, наконец, Сиф – *душевных*. Последний тип – люди, находящиеся между духовными и плотскими, в состоянии выбора и борьбы; не достигшие жизни чистого духа, но

и удалившиеся от жизни чисто животной¹. Именно за их души идет война на Земле уже многие тысячи лет. Конечно, часть потомков Сифа пополняла и пополняет лагерь каинитов. Но твердый остаток сифитов образует духовное потомство Авеля.

При этом между потомством Авеля и потомством Каина шло и продолжается постоянное противоборство – прежде всего в духовной сфере, хотя иногда оно приобретало форму военной, политической и экономической борьбы. Сейчас сосредоточим наше внимание прежде всего на каиновой цивилизации. В самом общем виде ее историю можно разделить на два больших периода:

- а) допотопный;
- б) послепотопный.

3. Об основных признаках допотопной каиновой цивилизации

Уже в допотопное время в жизни Каина и его потомков ярко проявились основные признаки каиновой цивилизации – о них мы узнаём прежде всего из Библии, особенно Книги Бытия (главы 4–6). Выделим ключевые признаки. Обратим внимание на тесную взаимную связь признаков.

1. Отпадение от Бога – замена Бога богатством. Отпадение человека от Бога выражается в падении веры в Бога и Его решающей роли в жизни человека. Каини-

¹ В Первом послании к коринфянам мы находим упоминание всех трех типов людей: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2:14–15). Из этих слов видно, что апостол именует **«душевными»** людей, живущих мирскими, земными интересами, но не подпавших полностью под власть злого начала; а **«духовными»** – имеющих общение с Духом Господним, тех, для которых открыт высший духовный мир. В том же Первом послании к коринфянам о **«плотских» людях** сказано так: «...Потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?..» (1 Кор. 3:3).

ты перестали почитать Бога и стали полагаться только на свои силы, всячески развивая производительные силы, накапливая богатства, ища в них источник и смысл жизни. Каиниты перестали верить в жизнь вечную, бессмертие. По их мнению, существование человека ограничивается земной жизнью. Отсюда принцип: «Бери от жизни все, что можешь». Потакание своим страстям, гедонизм. В той или иной мере у первых потомков Каина наблюдались признаки богоборчества и поклонения сатане (неосознанно). С каждым последующим поколением богоборческие наклонности каинитов становились все более явными. Об отпадении Каина и его потомков от Бога и переходе их к поклонению богатству свидетельствуют имена первых каинитов¹:

Каин – приобретать собственность, привязанность к материальному;

Енох – воспитанник (в духе отца);

Ирад – духовное падение, приносящее все больше зла;

Мехиалель – забывший Бога (жизнь вечную) и забытый Богом;

Мафусаил – желающий смерти;

Ламех – духовный (внутренний) упадок, духовное опустошение.

2. *Отношение каинитов к другим людям – изоляционизм.* Каин после убийства стал испытывать постоянный страх за свою жизнь, недоверие и подозрительность в отношении окружающих людей. Епископ Сергей (Соколов) подчеркивает, что Каина ни на минуту не оставлял страх. Какова причина? – «Вор видит во всех остальных тоже воров и думает, что у него могут украсть. Убийца боится, что и его убьют»².

¹ О. Н. Забегайло. Духовное понимание истории / 2-е изд. М.: Серебряные нити, 2009. С. 192–193.

² Епископ Сергей (Соколов). История Ветхого Завета. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008.

Важным элементом жизни Каина стала изоляция от окружающих людей через создание искусственных барьеров. Каин после убийства Авеля стал проживать в городе – однако это не был город в современном смысле слова, это был участок земли, окруженный оградой, ограждением. Такая изоляция была проявлением чувства одиночества каинитов, при этом она еще больше усиливала это одиночество. В этой особенности поведения первых каинитов просматривается развившийся позднее эгоизм и индивидуализм. А еще позднее эта особенность перерастает в чувство превосходства каинитов над остальными людьми.

3. *Отношение каинитов к другим людям – агрессия и желание убивать.* Удивительным образом изоляционизм и страх каинитов уживались со склонностью к агрессии в отношении окружающих людей. В каинитах присутствовало желание убивать окружающих людей; убийство стало неотъемлемой частью жизни каинитов. Тем более что со временем каиниты стали воспринимать остальных людей как «недочеловеков», «гоев», «быдло». Осознанно или неосознанно каиниты через убийство людей совершали жертвоприношение тому, кому они поклонялись, – дьяволу. Некоторые святые отцы именно так и трактовали убийство Авеля – как жертвоприношение Каина дьяволу.

4. *Отношение к природе – агрессия и «покорение».* После убийства, совершенного Каином, у него возникло восприятие окружающей природы как враждебной окружающей среды. Для каинитов характерен переход от гармоничного взаимодействия с природой к ее «покорению»; такое агрессивное отношение к природе опиралось на всемерное развитие производительных сил; дополнительным фактором изменения характера взаимоотношений человека и природы стало то, что после первого в истории человекоубийства природные условия жизни людей ухудшились. Про Каина и его потомков в Священном Писании сказано: «проклят от земли» (Быт. 4:11).

5. *Семейная жизнь – многоженство, разврат, испорченные дети.* Потомок Каина Ламех положил начало разврату и многоженству – полигамии (Быт. 4:19), что было против изначального Божьего постановления о браке (один мужчина – одна женщина). Имел две жены (Аду и Циллу). Бездуховный отец Ламех породил и бездуховных детей (Иовала, Иувала, Тувалкаина, Ноему). Они – символ развращенной, языческой, технократической, безбожной цивилизации. Некоторые исследователи обращают внимание, что именно после Ламеха начался новый этап допотопной каинитской цивилизации, который ускорил развязку – Всемирный потоп.

6. *Переход к городской жизни.* Причин для перехода к городской жизни Каина и его потомков было по крайней мере две.

Во-первых, страх, боязнь других людей, которые будут мстить за убийство. Каин, как мы сказали выше, провел границу между собой и окружающими его людьми¹.

Во-вторых, неспособность заниматься трудом на земле. Напомним, что Бог Адаму сказал: «**проклята земля за тебя**» (Быт. 3:17); это означало, что отныне человеку придется проливать пот для того, чтобы вырастить пропитание на земле. А Каину Бог сказал: «**проклят ты от земли**» (Быт. 4:11). Это уже совсем иная ситуация. Из-за потери силы от земли убийца вынужден искать замену ее в чем-то другом. Убийца не может быть нормальным земледельцем и крестьянином, и поэтому он ищет для себя новую форму бытия – урбанизацию.

Есть еще одна причина того, почему каиниты стали жить за городской оградой. *По преданию, после совершен-*

¹ Интересно, что даже гораздо позднее, после Потопа, города могли создаваться для укрывательства убийц. Читаем во Второзаконии: «Тогда отделил Моисей три города по эту сторону Иордана на восток солнца, чтоб убегал туда убийца, который убьет ближнего своего без намерения, не быв врагом ему ни вчера, ни третьего дня, и чтоб, убежав в один из этих городов, остался жив» (Втор. 4:41–42).

ного убийства на Каина стали охотиться дикие звери (до этого они на людей не нападали). Именно тогда Земля перестала быть для человека домом и превратилась в «окружающую среду». Человек, совершающий смертный грех, разрывает связь не только с Богом, но и со всей природой. Механизм этого разрыва объяснить затруднительно, но последствия его – очевидны¹.

В Книге Бытия сказано: «И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох» (Быт. 4:17) Конечно, это не был город в буквальном смысле слова, скорее речь может идти о некоем участке, имеющем ограждение. Потомки Каина создали первый настоящий город как скопление достаточно большого количества людей (таких же каинитов) на ограниченной территории. Священник Д. Сысоев пишет: «...один из древнейших городов Шумера, Эриду, соименен внуку Каина Ираду, а основатели его, по свидетельству шумерцев, пришли с востока. Основание этого города они относили к допотопным временам»².

Следствием перехода к городской жизни стало:

а) нарушение привычного образа жизни человека, лишение его возможности общения с природой, занятий сельских хозяйством, лицецерения Творца через познание Его творения – природы;

б) взаимное «инфицирование» людей разного рода пороками;

в) появление новых видов занятий (которые до этого могли существовать лишь в зачаточном виде): торговли, ремесел, проституции;

¹ Кстати, в истории Церкви много примеров, когда святые (то есть люди, восстановившие в себе эту связь с Богом и сотворенным Им миром) общались с самыми опасными хищниками как с домашними животными. Вспомним хотя бы наших Сергия Радонежского и Серафима Саровского, которые кормили медведей из рук. Или же святого Герасима Иорданского, которому служил лев.

² Священник Даниил Сысоев. Летопись. От сотворения мира до исхода / 2-е изд. М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2011. С. 183.

г) первое крупное разделение труда: труда сельского и труда городского (ремесленного); возникновение на этой почве товарно-денежных отношений; хотя в Книге Бытия ничего не говорится о существовании денег в жизни допотопных людей, но они должны были уже существовать.

Интересны некоторые характеристики допотопной городской жизни, данные Иосифом Флавием в его труде «Иудейские древности». Он, в частности, отмечает, что люди добровольно не желали селиться в городах, Каин загонял их туда силой. Города становились своеобразными разбойными гнездами, из которых каиниты нападали на незащищенных людей. «Свои владения он увеличивал грабежами и насилием и, приглашая своих сотоварищей к совершению бесстыдств и разбойничанию, он становился руководителем и наставником их в разных гнусностях. Изобретением весов и мер он изменил ту простоту нравов, в которой жили дотоле между собой люди, так как жизнь их вследствие незнакомства со всем этим была бесхитростна, и ввел вместо прежней прямоты лукавство и хитрость. Он первый поставил на земле разграничительные столбы, построил город и, укрепив его стенами, принудил своих близких жить в одном определенном месте»¹.

7. *Переход к агрессивному кочевничеству.* Потомок Каина Иавал (один из сыновей Ламеха) был родоначальником всех кочевников (Быт. 4:20) – жестокой и воинственной части человечества. Имя *Иовал* может быть переведено как *отец живущих в шатрах, имеющий стада*². Авель также имел дело со скотом, но он был простым пастухом, его стада находились на одних и тех же полях. Кочевое скотоводство, выражаясь современным языком, было более «рентабельным». Некоторые толкова-

¹ Цит. по: Священник Даниил Сысоев. Летопись... С. 185. Священник Даниил Сысоев, приводя эту цитату, дает следующий свой комментарий: «Так что Каина можно считать родоначальником паспортной системы, торговли и частного землевладения» (с. 185).

² О. Н. Забегайло, с. 193.

тели считают, что Иовал занимался не просто скотоводством, а продавал скот. Вот что пишет свящ. Д. Сысоев: «Слово “стада”, упомянутое здесь (имеется в виду стих 20 из главы 4 Книги Бытия. – В. К.), в буквальном переводе означает “купленный скот”. Очевидно, он первый усовершенствовал торговую систему, введенную Каином, и создал рынок животных»¹. Обогащение стало целью жизни Иовала. Кочевое скотоводство неизбежно таило в себе угрозу конфликтов и войн в связи с вторжением каинитов в ареалы обитания других людей и племен.

Некоторые авторы даже считают, что именно от Иовала берет свое начало *капитализм*. Напомним, что изначальный смысл слова *«капитал»* (лат. capital) – скот. Почему капитализм берет свое начало от этого слова? – Потому что скот периодически дает прирост, приплод. Происходит увеличение стада, количества голов животных. Капитал в современном понимании – стоимость, имущество, деньги, которые обладают свойством «самовозрастания».

8. *Индустриальный (технократический) характер цивилизации*. Основатель промышленных ремесел – Тувалкаин, последний из потомков Каина, чью родословную еще можно проследить отдельно от Божьей линии Адама-Сифа (Быт. 4:22). Его принято считать основателем индустриальной цивилизации со всеми ее атрибутами: «Тувалкаин – ковач всех орудий из меди и железа; основатель (безбожной, атеистической) науки и промышленности в целях производства вооружения для ведения агрессивных войн за обладание собственностью и получения удовольствий и развлечений»². То, что мы узнаем о промышленном характере допотопной каиновой цивилизации из Священного Писания, дополняется данными археологии. Металлургия и обработка металлов имеют гораздо более давнюю историю, чем нам говорит официальная наука. Вот что пишет

¹ Священник Даниил Сысоев. Летопись... С. 187.

² О. Н. Забегайло, с. 193.

по этому поводу священник Д. Сысоев: «Современная наука желает отнести появление металлургии к временам гораздо более поздним и верит, что первые люди были грубыми дикарями, использовавшими орудия из камня и дерева. Но существует ряд археологических свидетельств того, что и здесь библейское повествование о Тувалкаине достовернее научных предрассудков»¹.

9. *Появление искусства и культуры, оторванных от Бога.* Потомок Каина *Иувал* (один из сыновей Ламеха) был изобретателем музыкальных орудий (Быт. 4:21). Разные толкователи сходятся в том, что Иувал – отец играющих (на гуслях, свирели), основоположник музыки, искусства, то есть развлечений, отвлекающих мысли и чувства (душу) человека от Бога. Искусство и культура стали средством развлечения, а точнее – отвлечения человека от Бога.

Исследователь церковного пения В. И. Мартынов пишет: «...если причиной ангельского пения является избыток благодати, то причина возникновения музыки коренится в утрате благодати... Музыкальные звуки, возбуждая особым образом душу человека, способны приводить ее в некое возвышенное и приятное расположение, напоминающее райское блаженное состояние и в какой-то мере восполняющее его отсутствие, на короткое время позволяя забыть ей о тяжких заботах мира. Таким образом, музыка, являющаяся неким заменителем, или эрзацем, нетленной райской пищи, могла возникнуть и стать необходимой только в результате утраты человеком райского блаженства вообще и способности слышать ангелов в частности»². По мнению этого автора, музыка, созданная Иувалом, имела магический характер. Она была сродни наркотику, приводящему человека в состояние экстаза, создававшему ощущение чрезмерной энергии, способности управлять стихиями мира, бессмертия без Бога.

¹ Священник Даниил Сысоев. *Летопись...* С. 189–190.

² Цит. по источнику: священник Даниил Сысоев. *Летопись...* С. 187–188.

Не лишне современному человеку задуматься над смыслом слова «искусство». Образуемое от этого существительного прилагательное «искусственный» означает прежде всего *неестественный*. Получается, что искусство можно понимать как средство поддержания неестественной жизни, то есть жизни, оторванной от Бога и природы. Между прочим, искусство имеет корень «искус». Это не случайно. Оно может при определенных условиях predispose человека к греху. В словаре В. Даля слово «искусство» имеет как положительный, так и негативный смысл. В частности, давая толкование слова «искусать», Владимир Иванович пишет: «Искусство также противоплагается природе и тогда означает всякое дело рук человеческих. Искусство – половина святости, лицемерие, лукавство».

10. *Проституция и разврат*. В Книге Бытия особое внимание уделяется *Ноемее, сестре трех братьев – Иовала, Иувала и Тувалкаина*. Имя ее может быть переведено как «прекрасная». Все толкователи сходятся на том, что она была основательницей такой «профессии», как проституция. Ноема – символ проституции и разложения нравов во взаимоотношениях мужчин и женщин. Женщины в каиновой ветви допотопных людей именуется «дщерями человеческими», которые соблазняли сынов Божиих – мужчин из ветви Авеля–Сифа. В результате происходило смешение двух цивилизаций на физиологическом уровне. Человечество благодаря искусству обольщения женщин каиновой ветви успешно шло к своей гибели.

4. Сосуществование двух цивилизаций до Великого потоп

Мы уже отметили, что каинова цивилизация сосуществовала с *цивилизацией Авеля–Сифа*. Скажем несколько слов о последней, чтобы лучше понять рассматриваемый

нами вопрос. Принято считать, что в отличие от Каинова рода потомки Сифа не имеют ничего выдающегося с человеческой точки зрения. Они жили в деревнях, пасли скот и обрабатывали землю, даже Ламех (в 9-м поколении!) обрабатывал землю, – как и заповедовал Господь Бог. Некоторые исследователи, базируясь на преданиях и данных археологии, склонны считать, что Сиф изобрел искусство письменности. Кроме того, он основал астрономию, а также тесно с ней связанную математику¹. При необходимости потомки Сифа могли решать и сложные технические проблемы. Но лишь при необходимости, если на это была воля Бога. Ною Бог внушил задачу построения ковчега. Праведный Ной на протяжении 120 лет строил сложнейшее и гигантское по тем временам судно. Оно с честью выдержало стихийные бедствия Всемирного потопа (в то время как суденышки всех остальных людей были погребены морской пучиной).

Потомки Сифа (некоторые) занимались еще одним трудом: они были проповедниками Божьего Слова! И Енох (Иуд. 1:14), и Ной (2 Пет. 2:5) проповедовали о грядущем Божьем Суде! Фактически потомки Сифа образовали первую в истории человечества Церковь: «Так впервые на земле началось общественное служение Создателю. До этого и Адам, и Авель, и Сиф молились и совершали жертвоприношения в одиночестве, а начиная с Еноса (сын Сифа. – В. К.), ощущавшего себя слабым человеком (именно это и означает его имя) пред лучезарным Ликом, истинные почитатели Господни стали объединяться, для того чтобы совместно возносить молитвы и жертвы пред очами Всеведущего... Люди, участвовавшие в совместной молитве и жертвах, естественным образом стали особым обществом, Первоцерковью, и получили название “ягвистов”, или “сынов Божиих”»².

¹ Цит. по источнику: священник Даниил Сысоев. Летопись... С. 197–199.

² Там же, с. 200.

Итак, потомки Каина поначалу не соприкасались с потомками Авеля – Сифа, первые проживали в городах, вторые жили и трудились на земле. Но потомки Авеля – Сифа, называемые сынами Божиими, сознательно дистанцировались от порочных потомков Каина (сынов и дочерей человеческих). Как пишет свт. Димитрий Ростовский, «Сиф получил и заповедь от отца Адама – оберегать свое потомство, чтобы оно не смешалось с богоненавистным племенем Каиновым»¹. Вначале развратные потомки Каина, ушедшие с благодатного пути, не принимались в общество прочих адамовых детей, оставшихся на благодатном пути. Но в какой-то момент времени в невидимой стене, разделявшей две ветви потомков Адама и Евы, появилась брешь, началось кровосмесительное общение сынов Божиих и дочерей человеческих, причем последние выступали активной стороной, выступая в роли соблазнительниц: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Быт. 6:2). В результате смешанных браков грех, как зараза, захватывал все большую часть допотопного человечества.

Убывание благодати в сынах Божиих можно проследить даже по именам потомков Сифа. Например, шестым в списке допотопных праведников (по Книге Бытие) числится *Иаред*. Буквальный перевод его имени – «опускаться (в духовном развитии): тот, чье духовное развитие ниже, чем у отца». Девятым в списке (перед Ноем) стоит *Ламех* – «ослабевший, пришедший в упадок». В конечном счете потомки Сифа сравнялись с потомками Каина, на земле остался один лишь праведник – *Ной* со своим семейством.

Допотопные люди получали полный набор тех грехов, которые в свое время проявил Каин:

– жадность и пренебрежительное отношение к Богу – истинному источнику всякого богатства (жертвопри-

¹ Святитель Димитрий Ростовский. Летопись, повествующая о деяниях от начала миробытия до Рождества Христова. М., 1998.

ношение Богу он совершил по принципу «На Тебе, Боже, что нам негоже»);

– зависть (которая появилась в связи с тем, что жертва Авеля была принята Богом, а его, Каинова, жертва – не была);

– хитрость (Каин хитростью заманил Авеля на поле);

– покушение на жизнь других людей (убийство Авеля);

– обман (вспомним лживый ответ Каина на вопрос Бога «Где Авель, брат твой?» – «Не знаю»);

– дерзость в отношении Бога (дерзкий ответ Каина Богу: «...разве я сторож брату моему?»);

– отношение к окружающим людям как к своим врагам (страх Каина, его слова: «Всякий, кто встретится со мною, убьет меня»).

К этим «базовым», «корневым» грехам потомки Каина добавляли свои, новые грехи: богоборчество, материализм, желание чувственных удовольствий, погоня за богатством, многоженство, разврат, страсть к развлечениям и т.д.

5. Об археологии, пирамидах и гневе Божьем

Хотелось бы обратить внимание на то, что сведения о допотопной цивилизации современный человек в основном черпает из Священного Писания, прежде всего Книги Бытия. Между тем эти сведения целесообразно дополнять данными науки, прежде всего археологии¹. Это очень расширяет наши представления. О высоком уровне развития науки и техники того времени свидетельству-

¹ См., в частности: Райт Дж. Э. Библейская археология / Пер. с англ. СПб.: Библиополис, 2003; Василиадис Н. Библия и археология / Пер. с греч. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003; Келлер В. Библия как история / Пер. с англ. М.: Крон-Пресс, 1998; Прот. Стефан Ляшевский. Библия и наука. М., 1996; Священник Андрей Горбунов и другие авторы. Атлантида или допотопная цивилизация? О допотопном сатанинском проекте и его современном ремейке. Опыт исследования. Б. м., 2011.

ют такие материальные следы допотопной цивилизации, как пирамиды, которые существуют не только в Египте, но обнаружены археологами во многих других частях мира – в Мексике, Перу, других странах Латинской Америки, Китае, Крыму и т.д. Доскональное изучение этих памятников материальной культуры допотопного периода человеческой истории показывает, что и сегодня человечество еще не достигло тогдашних высот в технологиях строительства, добычи и обработки камня, перемещении гигантских грузов и т.п. Мы не будем сейчас углубляться в анализ различных версий того, каким образом допотопные люди осуществляли свои гигантские проекты и какое назначение имели пирамиды (мнений по этому поводу сегодня очень много). Здесь подчеркнем лишь два существенных и очевидных момента:

1) гигантские пирамиды – проекты допотопной, а не послепотопной цивилизации (как это считалось ранее);

2) пирамиды распространены были по всей планете, что позволяет утверждать: допотопная цивилизация была глобальной.

Чтобы не быть голословным, приведу отрывок из одного исследования, касающегося допотопной цивилизации, причем исследования с позиций православных представлений о творении мира и человеческой истории: «В начале нашего исследования мы сказали о создании в допотопные времена некоей богоборческой системы, которую Всемирный потоп и разрушил. Из последующего изложения нетрудно сделать вывод о том, что пирамиды входили в эту систему, составляя, быть может, ядро ее. Во всяком случае, ясно, что им предназначалась немалая роль в этом сатанинском проекте. Пирамиды были построены до Потопа. А теперь мы можем видеть только часть остатков (ибо многие остатки находятся на дне океанов и морей) этой разрушенной системы (включавшей в себя пирами-

ды). Когда остатки и следы допотопной цивилизации находят и начинают исследовать, то выдвигают различные предположения, придумывают версии: “вот в этом месте находилась Атлантида!”, “эти объекты построили инопланетяне!” и т.д. А это не Атлантида и не инопланетяне, а допотопная цивилизация. Или, если уж употреблять слово “Атлантида”, то надо признать, что “цивилизация атлантов” находилась не на ушедшем под воду острове в Атлантическом океане или в каком-то конкретном регионе планеты, а была распространена по всей земле, то есть была, что называется, глобальной»¹.

Итак, под воды Всемирного потопа ушла цивилизация, которая в технологическом отношении была очень развитой. Это лишнее напоминание нынешним людям с материалистическим мировоззрением. Никакая наука и техника не спасет от гнева Божия человечество, если оно будет продолжать двигаться по наезженной колее каинской цивилизации.

6. После Великого потопа: хамитский период каинитской цивилизации

Не будем описывать события, которые принято называть Всемирным потопом. Они достаточно полно описаны в Книге Бытия (главы 6–9). Потоп подвел черту под допотопной историей каиновой цивилизации, которая продолжалась 2262 года. Бог решил с помощью стихийного природного бедствия поставить заслон на пути дальнейшего развития человечества по пути каиновой цивилизации. Потоп был не уничтожением человечества, но своеобразным его очищением. Начало послепотопному человечеству должны были дать праведный Ной и его дети.

¹ Подробнее об этом см.: Священник Андрей Горбунов и другие авторы. Атлантида или допотопная цивилизация? О допотопном сатанинском проекте и его современном ремейке. Опыт исследования. Б. м., 2011. С. 18.

Послепотопная история каиновой цивилизации может быть разделена на два больших периода:

1) от окончания Всемирного потопа до I века н.э., который можно условно назвать *хамитским*;

2) от начала отпадения от Заветов Единого Бога части потомства Аврамова, прежде всего фарисеев и саддукеев (духовных вождей богоизбранного еврейского народа) до нашего времени; он может быть условно назван *фарисейско-саддукейским*.

Всемирный потоп, однако, не уничтожил полностью «ген» Каина («семья Каиново») в послепотопных людях. Этот «ген» является не биологическим, а духовным. Поэтому никакая «чистота крови» не может быть гарантией того, что человек не встанет на путь Каина. Развращение человечества и его отпадение от Бога возобновилось.

Хамитский период каинской цивилизации продолжался примерно 3245 лет и назван по имени Хама – одного из трех сыновей Ноя.

Параллельно *хамитской цивилизации* развивалась другая ветвь человечества: потомки Сима и Иафета (два других сына Ноя) несли миссию продолжения *цивилизации Авеля–Сифа*.

Сим положил начало семитским (ближневосточным) этническим группам (евреям, ассирийцам, сирийцам и еламитами). У него было пять сыновей, именами которых названы народы, произошедшие от них: Елам – еламиты; Ассур – ассирийцы; Арфаксад – народы северо-запада Месопотамии; Луд – лидийцы; Арам – арамейцы. Из Южной Месопотамии (Сумеры) симиты переселились сначала в Палестину, а затем в Китай (за 2500 лет до н.э.), Японию (за 1000 лет до н.э.) и Америку (народы майя – инки и ацтеки).

Иафет имел семь сыновей, от которых произошли различные народы: Гомер – германцы; Магог – скифы; Мадай – мидийцы; Иован – греки, итальянцы, римляне;

Фувал (Тувал) – тибарены; Мешех – грузины; Фирас – фракийцы. Иафеты расселились по всей земле. Они положили начало индоевропейским народам.

Однако стало происходить быстрое смешение людей – носителей этих двух цивилизаций. Это наглядно проявилось в Вавилоне, где самые разные языки (представлявшие ветви Хама, Сима, Иафета) участвовали на протяжении нескольких десятилетий в сооружении башни до небес под предводительством Нимрода – внука Хама.

Башня в Вавилоне была разрушена Богом, а народы были разметаны по всему лицу земли и начали говорить на разных языках. Это была очередная вселенская катастрофа после Всемирного потопа. Таким образом Бог «притормозил» процесс деградации человеческого рода, поставив между народами и племенами пространственно-географические границы и языковые барьеры. После разрушения Вавилонской башни наблюдался спад в уровне жизни и хозяйственной деятельности большей части тогдашнего человечества. Вот что по этому поводу пишет О. Н. Забегайло: «Вавилонское рассеяние людей по всей земле вынуждало племена к кочующему образу жизни. В связи с этим охота и собирание плодов предшествовали развитию сельского хозяйства, скотоводства и тем более промышленности. Поэтому каменные орудия труда (палеолит), охота и собирательство, физическая деградация людей были необходимой начальной ступенью развития послепотопных цивилизаций до тех пор, пока не завершилось расселение людей по земле, не восстановились утраченные технологические знания и не были открыты и освоены новые месторождения руд и других полезных ископаемых»¹. Примечательно, что после разрушения Ва-

¹ О. Н. Забегайло, с. 197. Как отмечает О. Забегайло, на эту вселенскую катастрофу (разрушение Вавилонской башни и рассеяние народов) наложилось еще одно катастрофическое событие – глобальное похолодание: «После Потопа, по мнению ученых, произошло еще одно глобальное катастрофическое событие, завершившее формирование

вилонской башни и рассеяния языков по Земле продолжительность жизни человека резко сократилась – примерно в два раза.

Но вернемся к хамитской ветви человечества. Хам – родоначальник афро-азиатских этнических групп. От его четырех сыновей произошли народы:

Хуш – народы Северной Африки и Вавилона;

Мицраим – египтяне;

Фут – ливийцы;

Ханаан – ханаанейцы, или финикийцы.

Кроме того, потомки Хама пошли в Индию (черные индусы, после которых в Индии появились белые индусы, то есть восточные иафеты) и Китай (монголы, после которых в Китай пришли из Южной Месопотамии семиты, принесшие с собой высокий уровень культуры). Из Китая хамиты проникли в Северную Америку¹. После Потопа и вавилонского рассеяния опять возобновился ползучий процесс смешения народов, представлявших разные культуры и цивилизации. Об этом, в частности, можно прочитать в Ветхом Завете, где потомки Авраама и Сима, несмотря на суровые запреты, смешивались с инородцами и иноверцами, прежде всего жителями Ханаана. Читаем у

послепотопного облика земли. В 2345 г. до н.э. Земля столкнулась с астероидом, имевшим диаметр не менее 80 км. Астероидный удар резко изменил наклон оси собственного вращения Земли. Вследствие этого и других факторов произошло резкое глобальное похолодание, по традиции называемое ледниковым периодом... Таким образом, после Потопа установились суровые природно-климатические условия. В результате массового вымирания, прежде всего гигантских видов флоры и фауны, за короткий промежуток времени резко сменился растительный и животный мир планеты. Произошло снижение уровня развития человека» (там же, с. 195–196). Добавим от себя, что такой низкий уровень развития человека непосредственно после Всемирного потопа многими представителями современной науки воспринимается как начальная точка развития человечества. Отсюда рождаются различные теории эволюции и происхождения человека из обезьяны, иные научные ереси.

¹ Однако до них (за 2,5 тыс. лет до н.э.) в Америке из Китая появились семиты – народ майя (О. Н. Забегалло, с. 200).

О. А. Забегайло: «Со временем симиты смешались с хамитами: в Месопотамии (Вавилон), Палестине (земля хананская – хамова), Китае (аккадические семиты смешались с монголами-хамитами)»¹.

Основными очагами каинской (хамитской) цивилизации в послепотопный период истории были империи: Вавилонская, Египетская, Ассирийская, Персидская, Древняя Греция, Древний Рим. Были и сравнительно небольшие государства, но с ярко выраженными признаками каинской цивилизации. Например, Финикия, которая занимала важные позиции в средиземноморской торговле. В этих империях и государствах большое распространение получили города, ремесла, торговля, появилось денежное обращение и ростовщичество, расцвели различные языческие религии, господствовали культ богатства и чувственных удовольствий, развращенность нравов была запредельной, человеческая жизнь не стоила ровным счетом ничего (процветали человеческие жертвоприношения), в основе хозяйства лежал рабский труд, велись постоянные захватнические войны, в военных столкновениях и восстаниях гибли тысячи и тысячи людей. Имеются несколько иные оценки того, где находились в дохристианскую эпоху основные центры цивилизации Каина–Хама. О. Забегайло, в частности, выделяет пять таких центров: «Типичными представителями хамитского типа цивилизации являлись многие жители Шумера, Вавилона, Египта, а затем Индии и Китая»². Как видим, два центра находились далеко к востоку от тех мест, которые принято считать «колыбелью человечества» (Месопотамия, Средиземноморье).

Хамитская цивилизация в принципе воспроизводила все основные черты допотопной каиновой цивилизации. Но появились и некоторые новые черты. В частности, мы

¹ О. Н. Забегайло, с. 200.

² Там же, с. 379.

упомянули рабский труд. *Рабство* появилось во времена Хама, началось с сына его Ханаана. На это обращает внимание св. Иоанн Златоуст: «В древности не было раба. Но нам надобно узнать, откуда произошло рабство. *Проклят Ханаан отрок: раб будет братьям своим* (Быт. 9:25). Смысл слов таков: ты будешь рабом, потому что обнаружил срамоту отца своего. Видишь ли, что рабство – от греха, что от нечестия произошло рабство?»¹

Также Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что одновременно с рабством появляется *имущественное неравенство* между людьми: «Грех сделал рабом Ханаана и, лишив свободы, привел в подчинение. Отсюда-то началось рабство. До того времени между людьми не было такой изнеженности и такой роскоши, чтобы один нуждался в услужении других, но каждый служил сам себе, все были в равной чести, и не было никакого неравенства. А как явился грех, то и нарушил свободу, и уничтожил достоинство, дарованное людям от природы, и ввел рабство...»²

7. Живая ветвь человечества: от Евера до Святой Руси

Конечно, на протяжении всей истории после Потопа всегда была некоторая часть человечества (остаток), которая дистанцировалась от духовных потомков Каина. Даже энергичному и сильному властителю Нимроду не удалось объединить под своими знаменами строительства мировой державы и Вавилонской башни всех людей. Среди потомков Сима был праведный *Евер*, который отказался от участия в богоборческом проекте Нимрода. Как отмечал св. Димитрий Ростовский, «относительно праотцев Христовых, происходивших от Сифова племени

¹ Св. Иоанн Златоуст. СПб., 1898. Кн. 1, с. 859.

² Цит. по: Иеромонах Евфимий (Саморуков). Два пути. Путь благодатный и путь безблагодатный. М.: Русская идея, 2012. С. 169–170.

и живших до Потопа, нет никакого сомнения, что все они были справедливыми и святыми. Относительно же сих, которые после Потопа от Ноя до Авраама по именам вспоминаются, мы не можем сказать, чтобы все они были праведными, кроме Сима и Евера... Разве только те, может быть, пожилые праведниками, кои родились во дни Ноя, то есть Арфаксад, Каинан и Сала... После же его смерти один только правнук Евер называется добрым, тогда как о прочих нет известий»¹.

Через 47 лет после смерти Ноя Арфаксад вместе со своим домом переселился из Армении в Междуречье. В то время когда Арфаксад, Сала и все семейство переходили через реку Тигр (2659 г. от сотворения мира), у Салы родился сын. Как пишет св. Димитрий Ростовский, «Арфаксад дал младенцу, своему правнуку, имя Евер, что значит “переход”. От сего Евера произошли евреи»². Все святые отцы однозначно толкуют смысл такого имени. Это символ перехода (или бегства) от рабства греху к свободе от греха, к покровительству Бога. На примере Нимрода и Евера мы видим вечное противостояние сынов человеческих и сынов Божиих. Свящ. Даниил Сысоев пишет: «Два современника показывают нам ту громадную бездну, таящуюся в сердце человека. Человек может быть прекрасным, как Евер, или ужасным, как Нимрод... Представьте себе, как может влиять на человека то, что ему противостоит не только его семья или его народ, а все человечество. Необходима сверхъестественная сила для того, чтобы противостоять натиску общественного презрения, которому подвергся Евер со стороны обезумевшей в своем энтузиазме толпы сторонников Нимрода»³.

¹ Святитель Димитрий Ростовский. Летопись, повествующая о деяниях от начала миробытия до Рождества Христова. М., 1998.

² Там же.

³ Священник Даниил Сысоев. Летопись... С. 379.

Именно от потомков Евера произошел Авраам – еще один праведник послепотопного человечества. Ко времени Авраама (с момента разделения языков в Вавилоне прошло примерно 670 лет) идолопоклонство опять захватило все племена и народы. Этим заразился даже отец Авраама Фарра: «Фарра, отец Авраама и отец Нахора, и служили другим богам» (Нав. 24:2). Авраам дал начало избранному Богом еврейскому народу, на который Им была возложена миссия спасения не только самого себя, но и всех народов. Бог Своей невидимой рукой вел избранный Им народ, но тот все время стремился уклониться со спасительного пути. Мы это видим, читая Ветхий Завет, наполненный различными сценами и историями, которые свидетельствуют о диких нравах потомков Евера и Авраама. Надо иметь в виду, что евреи целых четыре столетия находились в Египте – центре хамитской цивилизации, причем большую часть времени как пленники. Они опять свыклись с язычеством, стали почитать вместо Бога идолов, перестали соответствовать той миссии, которая была на них возложена Богом. По сути, их нельзя было уже отличить от окружающего мира, живущего по законам Каина¹.

С момента призвания Авраама Богом прошло 616 лет. И еврейскому народу был брошен «спасательный круг» в виде писаного Закона, который был вручен Богом вождю еврейского народа Моисею на горе Синай (десять заповедей, которые были запечатлены на скрижалях). «Бог писаным Законом дал им не только опору их ослабшему естественному закону, а и оградил их жизнь со всех сторон – отвне и изнутри. Бог законом оградил их как бы высокою оградой от внешнего влияния, оградил их и от внутреннего разложения, оградил их от выхода в опас-

¹ См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Гл. 16. «Избрание Израиля».

ность – все это ради скорейшего пришествия Спасителя мира. Закон стал для них детоводителем ко Христу, как бы светильником для освещения их пути ко Христу»¹. Писанный закон – ветхозаветная часть Библии – был дан потомкам Авраама не сразу, а по частям – в течение примерно 1200 лет. Писанным законом Бог стремился держать еврейский народ в узде, отвлечь его от соскальзывания в колею каинитской цивилизации.

Важнейшим событием нашей истории было появление на земле две тысячи лет назад Иисуса Христа, воплощение Бога в виде Сына Человеческого. Это ключевое событие земной истории отодвинуло человечество от края пропасти вселенской катастрофы и дало импульс развитию цивилизации Авеля–Сифа. Указанная цивилизация стала с этого момента называться *христианской*². О. А. Забегайло пишет: «Симо-иафетова (авелева) цивилизация стремилась и стремится до сих пор к спасению. Она берет свое начало от Сима. От Сима к Аврааму идет прямое потомство, и в нем указывается десять поколений. Далее от Авраама идут Исаак, Иаков, Иуда. От Иуды до царя Давида имеется девять поколений, а от Давида до Иисуса Христа – 41 поколение. Иисус Христос – семьдесят седьмой, начиная от Бога. Иисусом Христом заканчивается семитическая и начинается христианская ветвь спасающегося типа цивилизации»³. Основные этапы развития христианской цивилизации:

- время апостолов и первых христиан (I–III вв.);
- Первый Рим (IV в.);
- Второй Рим – Византия (V–XV вв.);
- Третий (Последний) Рим – Святая Русь (XV–XXI вв.).

¹ Иеромонах Евфимий (Саморуков). Два пути. Путь благодатный и путь безблагодатный. М.: Русская идея, 2012. С. 207.

² См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Отдел пятый. «Христианская эпоха» (главы 29–35).

³ О. Н. Забегайло, с. 197–198.

8. Фарисейско-саддукейская ветвь

Но вернемся к нашему предмету – каинитской цивилизации. На сравнительно длительный период времени победное шествие цивилизации Каина по нашей планете было приторможено. В литературе этот период истории чаще всего называют Средними веками. Однако цивилизация Каина никогда не исчезала с лица Земли.

После пришествия Христа на Землю, Его распятия и вознесения четко обозначился последний период развития цивилизации Каина – *фарисейско-саддукейский*. Самое удивительное, что фарисеи и саддукеи – потомки праведных Авраама и Евера. Тех патриархов, от которых началось то ответвление человечества, которое принято называть «древними евреями», «богоизбранным народом», первыми последователями монотеистической религии в слепопотопном мире. История еврейского народа – ярчайший пример того, что праведность и святость предков не гарантирует праведности и святости потомков. Священник Даниил Сысоев пишет в этой связи: «Если Евер отказывался строить Башню, то его потомки возглавляют процесс ее восстановления. Если он сохранил язык богообщения, ибо жил молитвой, то его потомки заявляют, что им “трудно дается молитва после Шоа (уничтожение евреев нацистами)”. Если он перешел реку и своей верой оправдался, то мнимые евреи, отказываясь признать пришедшего Мессию и принять св. крещение, теряют право на это славное имя»¹.

Следует отметить, что предпосылки для перехода к этому периоду закладывались еще за несколько веков до пришествия на нашу Землю Иисуса Христа. Но все это

¹ Священник Даниил Сысоев. *Летопись...* С. 379. Автор далее продолжает: «Ибо по плоти евреями могут называться не только потомки 12 колен (Израиля. – В. К.), но и многие арабские племена, иудеи, жители Иордании, ряд индийских племен (дравиды) и даже цыгане и спартанцы (1 Мак. 12:21)» (там же, с. 379).

делалось тайно и прикрывалось лукавыми заверениями в верности закону Моисея и пророкам. Фарисеи и саддукеи – духовные вожди потомков Евера, Авраама и Моисея – сбросили свои маски и открыто показали свою богоборческую сущность, когда они распяли Сына Божия Иисуса Христа – Мессию, Которого еврейский народ ожидал на протяжении многих веков. А также выступили гонителями первых христиан, то есть тех иудеев и язычников, которые поверили во Христа Спасителя.

Подспудное развитие фарисейско-саддукейской цивилизации началось еще задолго до Христа – примерно 2500 лет назад. То есть фарисейско-саддукейский период как бы накладывается на хамитский период; носители хамитской языческой культуры начинают активное «инфицирование» богоизбранного народа. В VI–V вв. до н.э. вожди еврейского народа оказались в вавилонском плену и под влиянием вавилонского чернокнижия, оккультизма и магии начали вносить серьезные «коррективы» в религию древних евреев (Пятикнижие Моисеево и книги пророков). Эти искажения и отклонения нашли свое отражения в Талмуде и еврейском учении каббалы, которые стали создаваться еще во времена пребывания еврейских вождей на берегах Вавилона¹.

Никак нельзя согласиться с теми, кто утверждает, что еврейская каббала начала складываться лишь после разрушения Второго Иерусалимского храма, когда евреи оказались в изгнании. О. Забегайло (ссылаясь на дореволюционного автора Н. А. Бутми) справедливо пишет: «В вавилонском плену иудеи создали свою секту каббалистов. Они считали, что обладают “высшим знанием” (Преданием), полученным от Иеговы. По их мнению, Иегова передал эти знания через своих ангелов, Адама, Сима, Исаака,

¹ См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Гл. 25 «Появление Каббалы», гл. 26 «Каббалистическое мировоззрение», гл. 27 «Практическая Каббала», гл. 28 «Общее значение Каббалы».

Моисея и Давида. А в I в. н.э. эти знания иудеи изложили письменно в книге “Зогар” (основной части каббалы). Однако на деле знания, имеющиеся в каббале, получены не от Единого Бога, не через Откровение (как это в Библии у Моисея), но от людей – языческих жрецов и стоящих за ними демонических духов»¹.

Само фарисейство, кстати, также берет свое начало от вавилонского плена. Спаситель во время Своего земного служения постоянно обрушивался именно на фарисеев, которые под личиной внешнего благочестия старались повести за собой по гибельному пути других людей. Их «тайное знание» – каббала – было не просто философией, а откровенным богоборчеством. Н. А. Бутми отмечал, что в каббалистическом учении бог отождествляется и сливается со всей природой, вселенной, то есть это типичный пантеизм². Далее, каббалисты стирают грань между добром и злом. Это, в свою очередь, становится оправданием разврата и других пороков³. Человек, следующий по пути каббалы, неизбежно становится добычей бесов.

Важной чертой идеологии еврейских вождей-каинитов с этого времени стало положение о завоевании мирового господства. Постановка такой цели была логическим продолжением борьбы каинитов с Богом: через установление

¹ О. Н. Забегайло, с. 381.

² Н. А. Бутми. Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914.

³ Согласно учению каббалы, «бог имеет разум, волю и чувства. Главным чувством в боге, по Каббале, является удовлетворение сексуальных потребностей: весь мир представляется здесь как беспредельное брачное ложе. Отсюда – “законность” страстей, человеческих пороков, развратного образа жизни, культ распутства. Таким образом, человеческие пороки и страсти стали главным оружием бесов, действующих через иудеев-каббалистов против падшего человечества, особенно против христианства. Каббалистический бог бессознателен, как бессознательна вся природа, с которой он слит, отождествлен. А так как человек является венцом природы, то он (человек, его ум, знания) выше Бога. Поэтому Бог “подчиняется” всему, что захочет раввин, обладатель “высших знаний”, которых Творец мира не имеет» (О. Н. Забегайло, с. 382).

власти над всем миром они надеялись полностью заместить Бога. Богоизбранный еврейский народ на протяжении нескольких веков как бы находился на развилке мировой истории, выбирая между путем Авеля и путем Каина¹.

Окончательно фарисеи и саддукеи превратились в «нового Каина», когда они, подобно первому Каину, совершили страшное убийство – распятие Христа на Голгофе. В толковании блаженного Феофилакта Болгарского на Евангелие от Луки (глава 11) сказано: «Господь обнаруживает, что иудеи – потомки Каина и наследники его злобы, когда говорит, что вся кровь, пролитая от Авеля до Захарии, взывается от рода сего».

Идейной основой борьбы каинитов с Богом и сынами Божиими на протяжении 2500 лет служили Талмуд и еврейская каббала. Они не только искажали религию древних евреев, запечатленную в Писаниях и Пророках, но были их прямым отрицанием². С наступлением новой эры человечества основная злоба послепотопных каинитов переключилась с древнееврейских пророков и дохристианских праведников на Христа – нового Авеля – и его последователей – христиан.

Усиление фарисейско-саддукейской цивилизации происходило (и происходит) в той мере, в какой наблюдалось (и наблюдается) ослабление цивилизации христианской³. Первым серьезным ударом по вселенскому христианству было отпадение от Церкви западной ее части, которая объявила себя самостоятельной Католической церковью, но при этом встала на путь искажения и извращения истинного христианства. В середине XV века

¹ См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Гл. 17. «Воспитание и падение Израиля».

² См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Отдел восьмой «Тайные учения и общества» (главы 41–47); Н. А. Бутми. Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914.

³ См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Отдел седьмой «Новозаветный Израиль» (главы 41–47).

под ударами турок пала Византия – оплот христианства в тогдашнем мире. Наконец, серьезным ударом была Реформация, которая привела к появлению разных толков протестантизма, который лишь номинально (формально) сохранял видимость христианства, а внутренне был носителем каинского мировоззрения и образа жизни.

Реформация открыла путь для так называемых буржуазных революций, а они, в свою очередь, дали толчок развитию современного капитализма – новейшей формы каиновой цивилизации.

Конечно, каиниты проявляли постоянную активность в деле подрыва христианских устоев тогдашнего мира. Результатами этой подрывной деятельности стало появление новой религии – ислама, распространение основанных на иудейской каббале различных вариантов гностицизма, создание тайных обществ иудеев в Западной Европе (секты альбигойцев, катаров, ордена тамплиеров, иллюминатов и т.п.), организация разветвленной сети масонских лож, распространение идей Возрождения, гуманизма и просвещения и т.д.

Кстати, во многих таких обществах практиковалось (и продолжает практиковаться) почитание Каина, что не оставляет никаких сомнений относительно духовного родства их членов с первым человекоубийцей. Как следует из Библии, все потомки Каина были уничтожены Потопом вместе со всей их цивилизацией. Но у масонов свое видение истории человечества. Известный русский духовный писатель С. Нилус в книге «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле» (другое название – «Близ есть, при дверех...») приводит масонскую легенду о строителе храма Адонираме – родоначальнике «вольных каменщиков». В этой кощунственной легенде истинный Бог выступает «злым» и «жестоким» началом, которому противостоят потомки Каина – доблестные мятежники, возглавляемые Люцифером («добрым богом»

масонов и сатанистов). Адонирам представлен в этой легенде прямым потомком Каина – якобы сына Люцифера и Евы, поэтому Адонирама легенда называет «сыном Денницы». Согласно легенде, один потомок Каина якобы сумел пережить Всемирный потоп. Это был Тувалкаин (другое имя – Вулкан). По легенде, он вступил в связь с женой Хама (одного из трех сынов Ноя), и она родила ему Хуша, отца Нимрода. Таким образом, Нимрод, по версии легенды об Адонираме, получается потомком Люцифера, Каина и допотопных строителей пирамид, то есть он выходит таким преемником, продолжателем допотопной богоборческой системы в послепотопном мире. Если у христиан Нимрод – духовный потомок Каина, то у масонов и сатанистов – кровный. С. Нилус называет масонов, почитающих Денницу-Люцифера, Каина, Нимрода, Адонирама, «детьми дьявола». В конце своего изложения легенды об Адонираме С. Нилус пишет:

«Пароль и лозунг этих детей дьявола:

Месть Богу.

Месть сынам Божиим.

Это вопль из преисподней самого Денницы-Люцифера, в безумии своем ополчившегося на Творца своего и Творца видимого и невидимого мира»¹.

9. Основные признаки современной каинитской цивилизации

Каково же состояние каинитской цивилизации сегодня, в начале XXI века? Следует признать, что все те десять признаков каинитской цивилизации допотопного периода, которые мы перечислили выше, присутствуют и сегодня. Сущность каинитской цивилизации – та же. Может быть, конкретные формы проявления несколько иные.

¹ Сергей Нилус. Близ есть, при дверех... О том, чему не желают верить и что так близко. М.: Альта-Принт, 2004. С. 238.

1. *Отпадение от Бога – замена Бога богатством.* В начале XXI века (по сравнению с предыдущими несколькими веками, даже XX веком) мы наблюдаем переход к откровенному богоборчеству. Каинитская (фарисейско-саддукейская) цивилизация начинает открытое гонение на истинное христианство по всему миру – примеров этому сегодня тысячи.

Одновременно произошел переход к открытому поклонению сатане (в ряде стран Запада даже легально существует церковь сатаны). В рамках традиционных христианских конфессий (католицизм, различные направления протестантизма) уже почти забыты слова Спасителя «не можете служить Богу и маммоне», сделан окончательный выбор в пользу маммоны. Фактически под вывесками различных христианских номинаций скрывается церковь маммоны.

Спасение человек ищет не в Боге, а в богатстве, причем он стремится к *бесконечному* приумножению богатства. Как известно, бесконечность – важный признак истинного Бога. Однако здесь происходит незаметная подмена одной – Божественной – бесконечности, другой – ложной – бесконечностью, которая предлагается человеку дьяволом¹. Сегодня происходит погоня за богатством даже не за материальным, а виртуальным – выражающимся в знаках на бумаге или даже магнитных носителях (виртуальные деньги).

Некоторая часть каинитов («избранные») имеют еще более безумные планы и цели: они хотят не только богатства, но также мирового господства. Иначе говоря, они хотят встать на место Бога и над Богом. Такие попытки уже были в истории мира: ангел Денница, который посягнул на Бога; Нимрод, который строил в Вавилоне башню «до

¹ См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Раздел девятый «Воскресение языческой мистики и экономический материализм» (главы 55–62).

небес», и т.д. Если раньше «избранные» каиниты держали свои планы мирового господства в тайне, то сегодня они уже перестали их скрывать и даже афишируют. Видимо, они считают, что уже близки к заветной цели и мировой процесс необратим.

2. *Отношение каинитов к другим людям – изоляционизм, «социальный расизм» и т.д.* К началу нынешнего века сложилась очень узкая группа людей, которые живут изолированно от остального человечества. Это так называемый «золотой миллион». Это мировая элита. Она не просто находится вне человечества, она живет над человечеством. Все остальные миллиарды людей – «недочеловеки», «скоты», «гои» и т.д. Далекое не все люди, даже последовательно придерживающиеся идеологии каинитов и участвующие в практической реализации каинитских планов, могут рассчитывать на то, чтобы быть в числе «избранных». Одни каиниты уничтожают других каинитов. Это проявление своеобразного «социального расизма».

Кроме изоляционизма и «социального расизма» межличностные отношения характеризуются также многими другими особенностями. Даже в небольших социумах, в которых с социальной, культурной, этнической или религиозной точек зрения присутствуют однотипные люди, человек не готов ничем поступаться ради своих ближних в рамках малого социума (а уж про дальних и говорить не приходится). Многие авторы обращают внимание на *отсутствие у каинитов каких-либо признаков жертвенности*. Более того, четко просматривается обратное жертвенности качество – *паразитизм* (желание и способность жить за счет других)¹. Вот мнение одного из современных отечественных авторов: «Каин обычно не ценит ничего, кроме комфорта, и все эти жертвы видятся ему бессмыс-

¹ О паразитизме как социальном явлении современной жизни см.: С. Т. Филимонов. *Экономика без паразитов*. М.: Самотека: МИД «Осознание», 2010.

ленными ритуальными действиями, продиктованными страхом. Любимый его аргумент – риторический вопрос “ради чего?”. Сам он безумно боится смерти, отчего непрерывно выторговывает у мироздания как можно бóльшую продолжительность догробного существования. Но про это явление, а также про креативное потомство Каина – не сейчас. А вот про отсутствие будущего у каина можно больше и не писать. Ибо и рождение детей, и защита своей страны, и тяжелый созидательный труд – требуют жертв. А каин будет выпивать все соки из того, на чем он паразитирует, пока не сгинет в небытие»¹.

3. *Отношение каинитов к другим людям – агрессия и желание убивать.* Совсем недавно, в прошлом веке, человечество пережило две мировых войны, развязанных современными каинитами. Сейчас каиниты готовят (уже фактически развязали) Третью мировую войну, которая может стать последней в истории человечества. Кроме этого, используются самые разнообразные «мирные» средства сокращения численности населения на планете – начиная от программ «планирования семьи», поощрения гомосексуализма и других извращений и кончая широким внедрением генетически модифицированных продуктов.

4. *Отношение к природе – агрессия и «покорение».* Об этом особенно много говорить нет смысла. И так все знают, что сегодня мир вошел в фазу острого экологического кризиса, который способен уничтожить все человечество – не только «скотов» и «гоев», но и «избранных».

5. *Семейная жизнь – многоженство, разврат, испорченные дети.* Кризис семьи как социального института налицо: разводы, неполные семьи, однополые браки, «планирование семьи», ювенальная юстиция, супружеская неверность, разращение детей, пропаганда порока и сексуальных извращений, лишение родителей звания «отец» и

¹ Федор Михальчев. Cain vulgaris: цивилизация, отказавшаяся от жертв // Однако. 21.12.2012.

«мать» (присвоение им в документах наименований «родитель № 1» и «родитель № 2»), агрессивный феминизм и т.д. и т.п. Это намного «круче», чем полигамные браки допотопных людей.

б. Переход к городской жизни: бóльшая часть человечества сегодня живет в городах с их стадионами, ресторанами, ночными клубами, театрами, бизнес-центрами, универмагами, университетами, биржами и финансовыми центрами, «спальными районами» и пр. То есть города сегодня стали центрами порока, разврата, низкопробных развлечений. Города даже утратили свою прежнюю экономическую роль. По крайней мере, в крупных городах стран «золотого миллиарда» производства почти не осталось. Вся экономическая деятельность в городах сводится к торговле и финансовым посредническим операциям и спекуляциям. Крупные города – сосредоточие фондовых, товарных и валютных бирж, коммерческих и инвестиционных банков, различных юридических контор и страховых компаний, инвестиционных фирм и фондов. Города превратились в мощных спрутов-паразитов, сосущих соки из окружающих территорий и дальних стран.

О городской «культуре» (без кавычек это слово в данном контексте просто невозможно употреблять) как важнейшем признаке современной каинитской цивилизации можно говорить долго. Гениальный А. С. Пушкин выразил суть этой городской «культуры» всего в немногих строчках. Привожу диалог Земфиры и Алеко из поэмы «Цыганы»:

Земфира

Скажи, мой друг, ты не жалеешь

О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда бы ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий...

Хоть этим строкам уже скоро будет два столетия (поэма написана в 1824 году), однако мало что изменилось в нравах и атмосфере городской «культуры». Разве что пленниками городов стало намного больше людей. Во времена Пушкина за оградой «душных» городов в России

проживало всего несколько процентов русских людей. Сегодня, согласно официальной статистике, почти 3/4 жителей России – горожане. Даже в индустриальной Англии в тот момент еще не было преобладания городского населения над сельским. Сегодня весь мир в условиях гигантского развития транспорта, средств коммуникаций и полной либерализации потоков людей, капиталов и товаров стал одним громадным мегаполисом. Лишь отдельные «оазисы» дают человеку на время забыть о «неволе душных городов». Но дух каинитской «культуры» проникает и в такие «оазисы» – через телевидение, радио, интернет, телефонную связь.

7. *Переход к агрессивному кочевничеству.* Роль агрессивных кочевников сегодня выполняют транснациональные корпорации (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ), захватывающие мировые товарные и финансовые рынки, поглощающие компании и предприятия других стран, устанавливающие контроль над природными ресурсами Земли. Сегодня как никогда проявляется в полной мере космополитический характер капитала: для него «отечеством» является та страна или территория, где он может получить максимальную прибыль. Уже не приходится говорить о космополитизме владельцев ТНК и ТНБ: они рассматривают весь мир как пространство для своей «охоты».

8. *Индустриальный (технократический) характер цивилизации.* Сегодня этот признак каинитской цивилизации не вызывает никакого сомнения. Стоит лишь обратить внимание на два принципиально новых момента.

Во-первых, индустриальные мощности сегодня из стран «золотого миллиарда» перемещаются за пределы этой зоны на периферию мирового хозяйства. Территорией индустриализации становится почти вся наша планета. Что касается стран «золотого миллиарда», то они сегодня получили название «постиндустриального общества». Эти страны сами уже почти не производят промышлен-

ную продукцию и многие другие материальные блага, но при этом активно пользуются этими благами.

Во-вторых, все больше проявляется антигуманный, разрушительный характер технологий, потому что процесс создания и использования этих технологий контролируется современными каинитами. Например, компьютерные и коммуникационные технологии ставят под контроль («электронный колпак») все человечество. Ядерные и авиационно-космические технологии в первую очередь используются в военной сфере. Вместе с развитием техносферы растут угрозы, связанные с возможными технологическими катастрофами. Например, аварии на атомных электростанциях или разливы нефти в океане. Растут риски использования объектов техносферы для разного рода диверсий и провокаций. Обостряется экологическая обстановка во всем мире, поскольку технологии нацелены на перемалывание природных ресурсов планеты и хищническое использование биосферы.

9. *Появление искусства и культуры, оторванных от Бога.* Так называемые искусство и культура стали мощнейшими средствами развлечения. А точнее сказать – средствами отвлечения человека от Бога. Сегодня они не только «отвлекают», но также «привлекают». За внешней пошлостью, развратом, безвкусицей «произведений» «искусства» и «культуры» явно проглядывает образ того самого дьявола, который совратил первых людей и подвиг Каина на убийство. Все эти современные Элвисы Пресли, Джоны Ленноны, Аллы Пугачевы, Майклы Джексоны являются «миссионерами» фарисейско-саддукейской цивилизации. Собирательный образ всей этой «творческой элиты» – Саломея, дочка Иродиады (Мк. 6:22), которая вошла в историю не только и не столько как танцовщица, сколько как соучастница убийства.

Священник Александр Круглов пишет о так называемой *духовной элите* современного мира: «По-

прежнему страх гонит по земле духовных наследников Каина, именующих себя обыкновенно духовной элитой. По-прежнему они рвутся в науки, искусство, коммерцию, вкладывают в суету все силы и страсть души. Результатом этого духовного блуда становятся спруты банковской системы, бесчеловечные эксперименты, а также параноидальная какофония звуков, цвета, слов, именуемая гениальными творениями»¹.

10. Проституция и разврат. Об этом даже говорить не хочется. Всем этим пропитана современная жизнь. Содомский образ жизни стал нормой. Думаю, что еще до наступления последних дней дожди из горячей серы прольются над многими современными Содомами и Гоморрами.

Небольшое личное отступление. Во время своей командировки в США в конце 1990 года я посетил Нью-Орлеан (там проходила одна конференция). Даже на фоне других американских городов Нью-Орлеан выделялся своей атмосферой карнавала и разврата (разврат там выставлялся напоказ, видимо – для привлечения туристов). Известно, что этот город – американская столица гомосексуалистов и лесбиянок. Почему-то в тот момент я вспомнил историю про Содом и Гоморру и подумал, что с Нью-Орлеаном обязательно что-то должно произойти. Действительно, через несколько лет (в 2005 году) этот город был затоплен в результате природных катаклизмов. Но я уверен, что эти катаклизмы были попущены Богом. Это была крупнейшая природная катастрофа в США – по крайней мере, за последнее столетие. К сожалению, большая часть американцев, живущих в атмосфере каинитской цивилизации, истинных причин указанной природной катастрофы так и не поняли.

Итак, бурное развитие каинитской цивилизации и финальная сцена мировой истории начались со времен так на-

¹ Священник Александр Круглов. Последняя война. М.: Просветитель, 2004. С. 223.

зываемых буржуазных революций¹. Сначала развитие происходило в границах отдельных стран и народов. Сегодня оно приобрело глобальные масштабы. Глобализация конца XX – начала XXI века – бурный процесс распространения каиновой цивилизации по всей планете.

10. О «прогессе»: от почитания Бога к поклонению идолам

С каждым столетием (а в динамичном XXI веке и с каждым годом) каинитская цивилизация все больше влияет на общий вектор развития человечества. Навязываемая нам с помощью СМИ, науки, системы образования и институтов культуры точка зрения сводится к тому, что этот вектор общественного развития называется «прогрессом». «Прогресс» измеряется с помощью таких незамысловатых показателей, как валовой внутренний продукт (ВВП). Но такое понимание прогресса базируется исключительно на каинитском мировоззрении, которое находится в антагонистическом противоречии с христианским миропониманием.

Главный критерий общественного прогресса (регресса) с христианской точки зрения предельно прост: приближение общества (или отдельной его части) к Богу или, наоборот, отдаление от Него.

Человек на протяжении всей мировой истории чему-то поклонялся, к чему-то стремился, чему-то верил и доверялся. Одним словом, в океане житейских невзгод искал себе спасительные маяки. Можно уверенно сказать, что

¹ Напомним, что слова «буржуазия», «буржуа» происходят от французского слова *bourgeoisie*, а оно, в свою очередь восходит к латинскому слову *burgus*, что означает укрепленный город. Таким образом, истинный смысл буржуазных революций заключается в переходе от цивилизации Авеля (христианской цивилизации) к цивилизации Каина, основой которой является городская культура со всем ее безбожием и безобразием (именно безобразием, поскольку человек такой цивилизации перестает быть образом Божиим).

выбор человеком (обществом) *объектов своего поклонения* определяет характер его религиозного сознания и выступает важным видимым признаком прогресса или регресса человечества.

Всю историю человечества можно представить в виде нескольких видов поклонений.

Первый вид. Поклонение человека Богу как Творцу, Промыслителю, источнику жизни человека – временной (земной) и вечной. Такое поклонение было во все времена человеческой истории, но наиболее ярко и последовательно такое поклонение проявляли представители цивилизации Авеля-Каина в допотопные времена, в послепотопные времена – Авраам и его потомки – ветхозаветные евреи, в более поздние времена – христиане. Такое поклонение можно назвать *истинным Богопочитанием*.

Второй вид. Поклонение человека твари, то есть тому, что создано Творцом. Такой вид поклонения называется *классическим или натуралистическим язычеством*¹. В разных народах и в разные времена объектами поклонения были:

- животные, птицы, растения;
- стихийные силы (молния, ветер, море, гроза и т.п.);
- объекты неживой природы Земли (горы, камни и т.п.);
- космос (солнце, звезды, луна).

В философской, богословской и исторической литературе эти поклонения называются натурализмом (широкое понятие), фетишизмом (предметы), анимализмом, зоотеизмом (животные), сабеизмом (звезды, луна, солнце).

Обличению этого вида язычества посвящены многие страницы Священного Писания (почти во всех книгах Ветхого Завета говорится об уклонениях избранного Богом еврейского народа в классическое язычество).

¹ См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Раздел второй «Языческая эпоха».

Третий вид. Поклонение человека человеку. В древние времена имело место поклонение царям, императорам и верховным жрецам, которые воспринимались народом как боги или полубоги. Так, упоминавшегося нами выше Нимрода (строителя Вавилонской башни) его современники воспринимали не только как диктатора и царя, но и как бога. Этот бог позднее получил имя Ваала. Целая галерея богов античной эпохи имели многие черты реально существовавших людей – императоров, царей, вождей или были некими собирательными образами¹.

В Новое время обожествляться стал человек вообще. Его даже не надо было «прописывать» на небесах или Олимпе. Такое обожествление получило название *гуманизма, гуманистического язычества*. Гуманистическое язычество получало свое «научное» и «философское» обоснование в разных теориях либерализма и неолиберализма.

Четвертый вид. Поклонение человека творениям человека. Объекты поклонения – результаты научного, художественного, производственного творчества человека. К ним следует отнести производительные силы, иные объекты материальной культуры, науку, произведения искусства. Такой вид поклонения можно назвать *производственно-культурным язычеством*, или, еще ко-

¹ Примечательно, что некоторые персонажи допотопной каинитской цивилизации попали в пантеон античных божеств, правда с измененными именами. Например, Иовал (отец кочевых скотоводов) у греков стал богом по имени Пан. Иувал (изобретатель музыкальных инструментов) в Древней Греции преобразовался в Аполлона. Тувалкаин (ковач, кузнец) стал у древних римлян Вулканом, а у греков – Гефестом. Ноема (соблазнительница, основательница «древней» профессии) стала именоваться Афродитой – Венерой (подробнее см.: Д. Щедровицкий. Введение в Ветхий Завет. Книга Бытия. М., 1994). В эпоху Возрождения в Италии и других странах Европы эти античные божества стали вновь объектами поклонения теряющих свой христианский дух европейцев. Многие из них даже не догадывались, что объектами их поклонения и восторга являются персонажи, берущие свое начало в допотопной каинитской цивилизации.

роче, – *экономическим язычеством*¹. Оно было характерно для эпохи промышленного капитализма, СССР и других социалистических стран. Впрочем, экономический и гуманистический виды язычества близки друг к другу и могут сосуществовать в одном обществе. Действительно, чем выше уровень развития производительных сил в обществе, тем выше самомнение человека, тем больше возникает веры в собственные силы homo sapiens, тем меньше вспоминается истинный Творец и Промыслитель. Отсюда появление и распространение в XX веке идей «сверхчеловека», отсюда торжественное заявление Фридриха Ницше: «Бог умер!».

Отсюда, кстати, и безумная идея строительства рая на земле в виде безбожного, атеистического и даже боготорческого социализма. Логика тогдашних каинитов-революционеров была предельно простая: «Если человек может властвовать над природой, он тем более сможет построить такое общество, которое соответствует его социальным идеалам и нравственным представлениям». Л. Тихомиров в этой связи писал о ситуации в мире и России в начале XX века: «Хотя человечество действительно устраивается автономно, не признавая никакого Бога или богов, но устраивается исключительно на основе здешнего материального бытия, не признавая никакого другого. Будучи автономным, человечество стало материалистичным и атеистичным... Начинается революционно-социалистический переворот, который упраздняет и все прежние неправды, и все неравенство, и все помехи к счастью людей, слив их в одно коллективное целое, совместно трудящееся, совместно пользующееся продуктами своего

¹ В философской литературе также используется термин «*экономический материализм*». В частности, таким термином широко пользовался прот. Сергей Булгаков в своей известной работе «Философия хозяйства». См. также: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. – Раздел девятый «Воскресение языческой мистики и экономический материализм» (главы 55–62).

труда и не убаюкивающее себя никакими идеями загробного “Царствия Божия”, но устраивающее свое собственное царствие здесь, на земле, и упраздняющее религиозную идею, способную только помешать великим задачам человеческого автономного счастья здесь, на земле»¹.

Пятый вид. Поклонение человека числам и символам, которые постепенно утрачивают всякую связь с реальным миром. Речь идет в первую очередь о деньгах, которые превратились в цифры. Это не металлические (товарные) деньги и даже не наличные бумажные деньги. Это безналичные деньги, существующие в виде электронных записей в компьютерах, – чисто виртуальный объект, создаваемый по законам и правилам каббалистики. Поклонение таким числам можно назвать *денежным язычеством*. С моей точки зрения, в самих деньгах никакой особенной мистики нет. А вот изменившееся к ним отношение человека является зримым индикатором того, что отходящий и окончательно забывающий Бога человек впадает в полное безумие («Рече безумец в сердце своем: несть Бог» – Пс. 13:1). А такой безумец становится легкой добычей падших духов.

По мере усиления каинитской цивилизации и ослабления авелевой цивилизации происходило ослабление истинного богопочитания и постепенно усиливалось значение классического (натуралистического) язычества. Последующие виды поклонения – также язычество, но уже *модернизированное*. В настоящее время в наибольшей степени в мире распространен пятый вид, который условно можно назвать «денежным язычеством». При денежном язычестве устанавливается полная власть дьявола над человеком. Кто кому служит, тот тому и раб. В эпоху зрелого денежного язычества производственно-культурное и гуманистическое язычество еще продолжает существо-

¹ Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. С. 525.

вать, но постепенно уходит на второй и даже третий план. Гордость человека своими достижениями улетучивается, самомнение рассеивается. После двух мировых войн XX века, различных катаклизмов последних десятилетий слова «Человек – это звучит гордо» уже выглядят нелепо и глупо. У среднестатистического человека появляются страх, уныние, отчаяние.

11. О конце каинитской цивилизации

Святые отцы постоянно напоминали, что те идолы, которым люди в разные времена поклонялись и продолжают поклоняться, сами по себе – ничто. Но за ними любят скрываться падшие духи, придающие объектам поклонения чудотворные силы и свойства и порабащивающие своих поклонников. За таким объектом, как деньги, скрывается известное всем божество по имени «маммона». Господь прозорливо видел сегодняшние наши времена, когда люди будут поклоняться не Ваалу или Астарте, а именно маммоне. Поэтому он и говорил: «Не можете служить Богу и маммоне». Мне кажется, что эти слова Спаситель адресовал не только и не столько людям тогдашней Иудеи и Палестины, сколько современному человечеству. «Денежное язычество» – зрелая форма каинитской цивилизации. Я об этом виде язычества специально ничего здесь говорить не буду – о нем все сказано в моей книге «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”». Могу лишь подчеркнуть, что в эпоху денежного язычества дьявол перестал скрываться за разными красивыми словами о «свободе, равенстве и братстве», явил себя открыто человечеству, перешел к прямому, «ручному» управлению людьми и народами. Истинные каиниты также перестали таиться, вышли из тени и стали открыто поклоняться сатане.

В заключение еще раз стоит подчеркнуть ту очевидную мысль, что каинитская цивилизация объединяет лю-

дей не по принципу крови, их принадлежности к тем или этносам¹. Речь идет не о крови, а о духе. Зачем им надо прикрываться вывеской нации? Чтобы обвинять других людей в национальной фобии, создать почву для стихийных погромов, вслед за которыми начинаются военные конфликты, большие и малые войны, уносящие тысячи и миллионы человеческих жизней. Массовые убийства происходят не на почве каких-то эмоций или личной неприязни. Речь идет о жертвоприношениях каинитов своему богу – дьяволу, то есть это не бытовые и даже не политические убийства, а ритуальные. За убийством следует ложь, обман. Вот почему после войн начинается активная работа по фальсификации истории этих войн. А в результате фальсифицируется вся мировая история. Восстановление исторической правды возможно лишь на основе христианского, духовного осмысления Священного Писания.

И наконец еще один момент. Как мы знаем из Книги Бытия, человечество в допотопный период быстрыми темпами приближалось к своему трагическому финалу в значительной степени вследствие того, чтобы Сыны Божии (сифиты) входили в общение с дочерьми человеческими (каиниты). Имело место блудодеяние на плотском уровне, в виде кровосмешения.

Сегодня для тех, кто еще стоит вне каинитской цивилизации, существует также сильное искушение блудодеяния. Но не плотского, а духовного. Речь идет о том, что нынешние христиане – «сыны Божии» – порой входит в духовное общение с теми, кого можно назвать «дочерьми человеческими». А на самом деле эти «дщери человеческие», как сказано в Откровении от Иоанна, – *«сборище сатанинское»* (дословный перевод – *«синагога сатаны»*) – Откр. 2:9).

Я об этих «дщерях человеческих» достаточно подробно написал в своей книге – это бесчисленное множе-

¹ Напомним, что у Евангелиста Луки Ной (от которого произошли все послепотопные люди) происходил от Сифа, а не Каина (Лк. 3:36-38).

ство людей, которые независимо от своей формальной религиозно-конфессиональной принадлежности являются последовательными сторонниками и поклонниками единой, универсальной религии – «религии денег». Эти люди, как я пишу в своей книге, объединены сегодня в «церковь маммоны». Без больших натяжек эту церковь можно также назвать церковью Каина или «синагогой сатаны».

Поэтому «Сынам Божиим» надо благоразумно держаться подальше от «дщерей человеческих». Конечно, часть христиан соблазнится сладкоголосыми призывами современных сирен, прельстится миражами каинитской цивилизации. Но какой-то остаток Сынов Божиих сохранится. Во время Великого потопа спасся благочестивый Ной со своим семейством. В последние времена спасется семейство «нового Ноя» – истинные христиане. А спасительным ковчегом «нового Ноя» будет единая, святая, соборная и апостольская Церковь.

Возникает естественный вопрос: как «Сынам Божиим» дистанцироваться от «дщерей человеческих»? Особенно если последние агрессивно и назойливо пытаются ворваться в жизнь христиан? Одно из таких средств, известных христианству на протяжении уже почти двух тысяч лет, – таинство, которое называется по-гречески *метанойя*, что переводится как «перемена ума». Я о самом таинстве говорить не буду (это дело пастырей). Удивительно лишь то, что русский человек перевел греческое слово как «покаяние». Такое звучание таинства лишний раз напоминает христианину историю Каина и помогает понять его смысл: изгнание из себя Каина, то есть соответствующего отношения к Богу, людям и миру.

Человечество вступило в финальную фазу своего земного существования. Второго потопа не будет. Будут события последних времен, которые описаны в Новом Завете, особенно в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе).

Каинитская цивилизация (и вся земная история) заканчивается, как пишет Л. А. Тихомиров, со Вторым Пришествием Спасителя, «кончается полным истреблением богоборческих сил людей, зверя и сатаны. С неба ниспал огонь от Бога и уничтожил их (Откр. 20:9). Антихрист и пророк схвачены и оба живые брошены в огненное озеро (Откр. 19:17–19). Туда же ввержен и диавол, прельщавший людей (Откр. 20:16)... Так замыкается круг мировой эволюции. Царство мира соделывается Царством Господа. Все созданное приходит к той гармонии, в которой было создано, после продолжительного периода, в течение которого гармония была нарушена восстанием диавола и грехопадением человека. Но «новое небо и новая земля» приходят в первобытную гармонию уже в ином состоянии: человечество сознательно, по собственному выбору, по влечению ума, склонности и воли пришло к Богу, своему Создателю, иногда тяжелым трудом, иногда жертвуя для этого всеми земными благами и самой земной жизнью. Оно уже выше всяких искушений, всяких грехопадений. Оно составляет сынов Божиих не только по рождению, но по сознательной воле и желанию своему.

Обновленный мир вверяется ему уже по достоинству его, и само человечество становится преображенным, получая новые силы для жизни с Богом и исполнения Его предначертаний в мире»¹.

А какова судьба тех, кто представляет каинитскую цивилизацию? «Все же оказавшееся неспособным к такому божественному направлению своей свободной воли выбрасывается в иную форму существования, именуемую “огнем вечным”. Об этом состоянии, о Божественных целях и предначертаниях относительно его мы, в сущности, почти не можем судить, по крайней мере, теперь, в настоящей жизни, когда должны думать о том, чтобы прийти

¹ Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. – М.: Москва, 1997, с.586-587.

к Богу и избежать “огня вечного”, приготовленного для дьявола и ангелов его”¹.

Прошу прощения у читателя, если пересказываю очевидные для грамотного и верующего во Христа человека истины. Но без учета этих простых и очевидных истин изучать современный капитализм – совершенно безнадежное и пустое занятие. Если мы не будем видеть глубинные, библейские исторические и духовные корни нынешней капиталистической цивилизации, то все наши рассуждения о путях выхода из ее тупиков будут превращаться в «негодное пустословие и прекословия лжеименного знания» (Тим. 6:20).

В. Катасонов

О НИМРОДЕ И ЕВЕРЕ

В то время, в которое жили Евер и Неврод, среди людей уже умножилось всякое зло, и всякий грех в них утвердился, став как бы естественным явлением. Посему-то люди легче склонились не к доброму совету Евера, а к злему совету Неврода, как к естественной себе некой вещи... Так праведный Евер едва смог убедить свой род и отвести его от небогоугодного дела, а Неврод легко увлек за собою все прочие роды.

*Димитрий Ростовский.
Келейный летописец, гл. 33*

О двух полюсах человечества и двух линиях мировой истории

Только что вышла в свет моя книга «Капитализм. История и идеология “денежной цивилизации”». В ней я

¹ Там же, с.587.

попытался рассмотреть капитализм не только как экономическое явление, но также придать картине социальное, политическое и, что особенно важно, духовное измерение. И пришел к неожиданному выводу, что за вывеской так называемого капитализма скрывается цивилизация, которая возникла еще до Великого потопа. Исходным пунктом этой цивилизации стала *вторая величайшая катастрофа человечества* – убийство Авеля Каином (*первая катастрофа* – грехопадение Адама и Евы и их изгнание из рая). От этого события вселенского значения начинается развилка человеческой истории, возникают два пути, две цивилизации. Потомки Каина (сначала кровные, а позднее духовные) стали носителями каинитской цивилизации. Сиф, третий сын первых людей, дал начало сифитской цивилизации. Потомки Сифа (сначала кровные, а позднее духовные) старались помнить завет Адама о том, чтобы они не смешивались с потомками Каина. На них была возложена миссия продолжать духовную линию Авеля.

Вся человеческая история – борьба между каинитской и сифитской цивилизациями. Борьба прежде всего духовная, но иногда переходившая и в острые формы военного противостояния. К сожалению, кровные потомки Сифа лишь на первых порах строго придерживались наставления Адама, дистанцировались от каинитов, были, как сказано в Книге Бытия, истинными Сынами Божиими, то есть духовными потомками Авеля. Позднее крепость их духа стала ослабевать, они стали смешиваться с потомками Каина («дщерями человеческими»). Большая часть потомков Ноя постепенно пополнила духовный стан Каина, стала нечестивой, забыла Бога. Результатом такого отпадения человечества стал Великий потоп, смывший всех потомков Каина (третья вселенская катастрофа). Богом был спасен единственный праведник Ной со своим семейством.

Далее начинается новая страница истории, но сценарий все тот же: часть человечества становится духовными

продолжателями дела Каина (по линии Хама, сына Ноя). Другая часть человечества (представленная сыновьями Ноя Симом и Иафетом и их потомками) пошла по пути Сифа. Внутри потомков Сифа, в свою очередь, уже на первых шагах послепотопной истории возникло размежевание: часть из них чувствовали себя духовными потомками Авеля, становились носителями авелевой цивилизации; другая часть соблазнялась земными целями, материальными достижениями и плотскими «радостями» (вплоть до откровенного разврата) общества потомков Каина и пополняли духовный стан каинитов.

Таким образом, все человечество оказалось разделенным на две цивилизации, два полюса – Каина и Авеля. Цивилизация Сифа представляет собой неустойчивое образование людей, оказывающихся перед жестким выбором и рано или поздно, осознанно или неосознанно делающих свой выбор в пользу одного из двух полюсов. Уже давно бóльшая часть сифитов стала делать (и продолжает делать) выбор в пользу царства земного, меньшая – в пользу Царства Небесного. Когда исчезнут последние благочестивые сифиты, выбирающие Царство Небесное, то дальнейшее продолжение земной жизни человечества утратит смысл для Творца. Таково в самом общем виде содержание всей мировой истории.

Прошу прощения за изложенное выше предисловие: я уверен, что истинно образованным и верующим во Христа людям сказанное мною является вполне очевидным. Такое предварение необходимо для того, чтобы более убедительно рассказать читателю об одной судьбоносной развилке всемирной истории. Развилке, которая имеет отношение к *культурно-просветительскому движению (обществу) «Переправа»*. Это общество было создано в 2007 году по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и определило своей задачей духовное воз-

рождение нашего общества посредством образовательно-просветительской работы. При создании организации было выбрано название «Переправа». Оно отражало цель и содержание ее работы – помочь людям из мира неверия, атеизма и сомнений прийти в мир веры, Бога и Церкви¹.

Нимрод как символ послепотопной цивилизации Каина

Итак, возвращаемся к временам Великого потопа. Через некоторое время после этого события на свет появился Нимрод – сын Хуша и внук Хама (положившего начало послепотопной истории каинитской цивилизации). Тот самый Нимрод, который стал объединять под своими хамитско-каинитскими знаменами послепотопное человечество. Примечательно, что Нимрод переводится как «бунтовщик», «мятежник», «возмутитель».

В Книге Бытия читаем о Нимроде: «Сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом; поэтому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом. Царство его составляли: Вавилон, Эрех, Аркад и Халне, в земле Сеннар» (Быт. 10:8–10).

Считается, что именно Нимрод (он же – Мардук) – основатель первого царства, называемого в литературе вавилонско-халдейским. Наиболее распространенная датировка его царствования: 1792–1750 гг. до н.э.²

Нимрод – один из наиболее выдающихся «героев» каинитского рода. Свое царствование он начал со строи-

¹ Автор данного материала является членом «Переправы». Официальное название организации: автономная некоммерческая организация «Культурно-просветительское общество “Переправа”». Подробнее об организации «Переправа» можно узнать на ее сайте по адресу: pereprava.org

² Камо грядеши, Вавилон? / Составитель В. И. Кремень. М.: Паломник, 2002. С. 5. Отметим, что первым серьезным историком, описавшим жизнь и деятельность Нимрода, был Иосиф Флавий (37–100 гг. н.э.). О Нимроде этот еврейский историк пишет в «Иудейских древностях».

тельства городов, крупнейшим среди них был Вавилон¹. Известный специалист по библейской истории Александр Лопухин пишет о Нимроде, что «по своему характеру он напоминает первого строителя городов – Каина с его ближайшим потомством. Он основал город (Вавилон), который быстро разросся в большую, гордую столицу, ставшую во главе многочисленного населения с целым рядом других соседних городов»².

По мере роста города Вавилона амбиции и самомнение Нимрода стали расти, появились еще более глобальные планы: «Не удивительно, что такой успех наполнил Нимрода и его потомков необычайной гордостью. Они начали мечтать об основании всемирной монархии, чтобы объединить под своей властью все народы земли и господствовать над ними...»³ Нимрод начал строить мировую империю.

Под знаменами Нимрода собралось почти все послепотопное человечество. Людей Нимрод объединял как силой, так и «высокой» идеей – проектом строительства «башни до небес». Речь идет о Вавилонской башне. Историки, богословы, философы обычно говорят, что Нимрод с помощью «башни до небес» хотел защититься от новых потоков (память о Великом потопе еще была свежа в памяти людей). Но это было не просто техническое сооружение, это был откровенный вызов Богу. Это была безумная идея скрыться от гнева Божия с помощью каких-то рукотворных средств, приобрести автономность и даже полную свободу от Творца и Промыслителя.

Нимрод начал сооружение башни в 1787 году до н.э.⁴ Историки утверждают, что на «великой стройке» труди-

¹ Название города Вавилон происходит от аккадских слов «Баб-илу», что означает «Врата бога».

² Александр Лопухин. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2008. С. 64.

³ Там же, с.64.

⁴ Там же, с. 5. Датировка указанного события согласно другому источнику: «От Потопа и до богопротивного столпотворения (до построения

лось более 600 тысяч человек. Были задействованы новые технологии строительства (в частности, использование обожженного кирпича)¹. Стал применяться (впервые в истории человечества) рабский труд. Энтузиазм вождей и жрецов сочетался с гнетущей атмосферой жестокости: «Строительство шло в очень жестких условиях: за упавший кирпич убивали виновника. Сверху лучники стреляли в небо – таким был психологический фон постройки»². Чем больше погружаешься в изучение истории строительства Вавилонской башни, тем больше убеждаешься: это был первый опыт глобализма, а Нимрод был первым «глобалистом».

Обобщенное описание, основанное на данных археологии и истории, приводится во «Всемирной истории»: «Основание башни было шириной девяносто метров; столько же метров она имела в высоту. Из этих девяноста метров тридцать три приходились на первый этаж, восемнадцать – на второй и по шесть метров – на остальные четыре. Самый верхний этаж высотой в пятнадцать метров был занят храмом Мардука. Покрытый золотом, облицованный голубым глазурованным кирпичом, он был виден издалека и как бы приветствовал путников. Каждый большой вавилонский город имел свой зиккурат (то есть храмовую башню. – В. К.), но ни один из них не мог сравниться с Вавилонской башней. На ее строительство ушло восемьдесят пять миллионов кирпичей; колоссальной громадой возвышалась она над всей округой... Вавилонскую башню строили целые поколения правителей: то, что начинал дед, продолжали внуки... Зиккурат был святыней, принадлежащей всему народу, он был местом,

Вавилонской башни) прошло только 530 лет, а за это время люди быстро размножились» (Иеромонах Евфимий (Саморуков). Два пути. Путь благодатный и путь безблагодатный. М.: Русская идея, 2012, С. 175).

¹ Камо грядеши, Вавилон? / Составитель В. И. Кремень. М.: Паломник, 2002. С. 5–7.

² Епископ Сергей (Соколов). История Ветхого Завета. СПб., 2008. С. 164.

куда стекались тысячи людей для поклонения верховному божеству Мардуку»¹.

И по мере того как росла высота башни, росли гордыня, самомнение и безумие царя. Нимрод повсюду строил храмы, и в них он устанавливал статуи. Сначала изваяния различных языческих божков, а затем и свои собственные статуи. Нимрод возомнил себя богом!

Кончилась вся эта история плачевно для Нимрода и остальных строителей.

Во-первых, чтобы пресечь нечестивые планы людей, Бог осуществил разделение единого языка на многие языки. Люди перестали понимать друг друга, стройка остановилась, люди стали разбредаться по разным углам земли. Так появились народы, нации, языки и наречия. «И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» (Быт. 11:9).

Во-вторых, плачевная участь постигла и саму башню. Одна часть ее упала на землю. Другая часть была сожжена небесным огнем. Третья часть в виде руин сохранилась до наших дней. Надо полагать, в назидание следующим поколениям.

В-третьих, согласно преданиям, во время разрушения башни погиб и сам Нимрод. Для его почитателей это было самое настоящее потрясение, т.к. они считали своего вождя бессмертным богом.

События времен Нимрода можно назвать *четвертой вселенской катастрофой человечества*². К сожалению,

¹ Всемирная история: В 24 томах. Мн.: Харвест, АСТ. Том 3 (Век железа), 2003. С. 218.

² Существуют различные датировки этой катастрофы (разделение языков и разрушение башни). Так, известный дореволюционный специалист по библейской истории Александр Лопухин пишет: «Это было через 352 года после Потопа по еврейскому счислению и через 1207 лет – по греческому. Последнее счисление представляется более

многие народы не извлекли надлежащих уроков из этой катастрофы, продолжая следовать по пути каинитской цивилизации. Более того, последующие поколения сохранили в своей памяти Нимрода как великого героя, почти бога. Нимрод в древнем Вавилоне был обожествлен под именем *Мардука*. У шумеров его звали *Амар-уту*, у греков – *Зевс*, у индийцев – *Индра*, у славян – *Перун*, у семитов – *Ваал*. Римляне поклонялись Нимроду под именем *Бахуса* (бар Куш – сын Куша)¹. Вплоть до сегодняшних дней в тайных оккультных обществах и масонских ложах Нимрод почитается наряду с Люцифером, Каином и другими «героями» inferнального мира.

Вавилонская башня – не только символ каинитской цивилизации с ее грубым материализмом. Это еще и символ ложного мудрования и «лжеименного знания» (Тим. 6:20), отрывающегося от Божественного откровения. В частности, Максим Исповедник так толковал строительство башни: «Так как строившие башню прежде двинулись с востока – области света (я имею в виду область единственного и истинного ведения о Боге), а затем пришли в землю Сеннаар (Быт. 11:2–4), которая толкуется как “богохульные уста”, то они впали в многообразие мнений о Божестве и, складывая словно кирпичи речи каждого мнения, стали возводить, словно башню, многобожное безбожие»². Как

вероятным, так как дает больше исторического пространства для совершения изложенных выше событий» (Александр Лопухин. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2008. С. 65–66). У других авторов можно встретить иные датировки. Разночтения возникают в результате того, что в разных вариантах Ветхого Завета существуют некоторые различия в данных о датах рождений первых сыновей библейских патриархов (эти даты важны для датировки вавилонской катастрофы). А. Лопухин сравнивает греческий, самаританский и еврейский тексты и приходит к выводу, что для датировки событий библейской истории более приемлемы греческий и самаританский тексты, чем еврейский вариант.

¹ Свящ. Даниил Сысоев. Летопись начала. От сотворения мира до исхода. М., 2012. С. 334.

² А. В. Кортасhev. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947. С. 83.

точно использован образ Вавилонской башни для обличения разного рода лжефилософов и лжебогословов, число коих в наше время растет как снежный ком!

История праведного Евера как символ «Переправы»

Конечно, на протяжении всей истории после Потопа всегда была некоторая часть человечества (остаток), которая дистанцировалась от духовных потомков Каина. Даже энергичному и сильному властителю Нимроду не удалось объединить под своими знаменами строительства мировой державы и Вавилонской башни всех людей. Среди потомков Сима был праведный Евер, который был современником Нимрода и отказался от участия в богоборческом проекте последнего. Как отмечал святитель Димитрий Ростовский, «относительно праотцев Христовых, происходивших от Сифова племени и живших до Потопа, нет никакого сомнения, что все они были справедливыми и святыми. Относительно же сих, которые после Потопа от Ноя до Авраама по именам вспоминаются, мы не можем сказать, чтобы все они были праведными, кроме Сима и Евера... разве только те, может быть, пожилые праведниками, кои родились во дни Ноя, то есть Арфаксад, Каинан и Сала... После же его смерти один только правнук Евер называется добрым, тогда как о прочих нет известий»¹.

Через 47 лет после смерти Ноя Арфаксад вместе со своим домом переселился из Армении в Междуречье. В результате семитское племя Арфаксада оказалось в центре поселений Нимрода, среди язычества². Арфаксад решил уйти за пределы царства Нимрода. В то время когда Арфаксад, Сала и все семейство переходили через реку

¹ Святитель Димитрий Ростовский. Летопись, повествующая о деяниях от начала миробытия до Рождества Христова. М., 1998.

² Епископ Сергей (Соколов). История Ветхого Завета. СПб., 2008. С. 163.

Тигр (2659 год от сотворения мира), у Салы родился сын. Как пишет св. Димитрий Ростовский, «Арфаксад дал младенцу, своему правнуку, имя Евер, что значит “переход”. От сего Евера произошли евреи»¹. Все святые отцы однозначно толкуют смысл такого имени. Это символ перехода (или бегства) от рабства греху к свободе от греха, к покровительству Бога. На примере Нимрода и Евера мы видим вечное противостояние сынов человеческих и сынов Божиих. Известно, что Нимрод всячески завлекал Евера, призывал его присоединиться к своему богоборческому проекту, но Евер отказался.

Священник Даниил Сысоев пишет: «Два современника показывают нам ту громадную бездну, таящуюся в сердце человека. Человек может быть прекрасным, как Евер, или ужасным, как Нимрод... Представьте себе, как может влиять на человека то, что ему противостоит не только его семья или его народ, а все человечество. Необходима сверхъестественная сила для того, чтобы противостоять натиску общественного презрения, которому подвергся Евер со стороны обезумевшей в своем энтузиазме толпы сторонников Нимрода»².

Таким образом, мы видим, что Евер – важнейшее звено в той послепотопной ветви человечества, которую мы называем цивилизацией Авеля. Кстати, Евер – единственный из потомков Ноя, кто сохранил тот язык, на котором разговаривало человечество до разделения языков. Это был язык общения с Богом. После Евера ключевой фигурой в ветви Сынов Божиих стал Авраам. Далее от Авраама идут Исаак, Иаков, Иуда. От Иуды до царя Давида имеется девять поколений, а от Давида до Иисуса Христа – 41 поколение. Иисус Христос – семьдесят седьмой, начиная от Бога. Иисусом Христом заканчивается семитическая и начинается *христианская ветвь* спасающегося

¹ Там же.

² Священник Даниил Сысоев. Летопись... С. 379.

типа цивилизации. Основные этапы развития христианской цивилизации:

- время апостолов и первых христиан (I–III вв.);
- Первый Рим (IV в.);
- Второй Рим – Византия (V–XV вв.);
- Третий (последний) Рим – Святая Русь (XV–XXI вв.).

Те наши современники, которые называют себя «евреями»¹, полагают, что Евер – это именно их прародитель. Кстати, далеко не все, гордо называющие себя «евреями», что-то внятное могут сказать о Евере². Уверенно могу утверждать, что Евер – это духовный прародитель христиан, а современные «евреи», окончательно забыв Бога, не имеют на Евера никаких прав. Это не моя личная точка зрения. Это позиция церковная. Вот что, в частности, пишет священник Д. Сысоев: «...очевидно, что истинными евреями являются только православные христиане... а те, кто ложно именуют себя евреями, на самом деле таковыми не являются. Они во всем противоположны своему предку по плоти. Если Евер отказался строить Башню, то его потомки (от себя добавлю: мнимые, самозванные. – В. К.) возглавляют процесс ее восстановления. Если он сохранил язык богообщения, ибо жил молитвой, то его потомки (самозванные. – В. К.) заявляют, что им “трудно дается молитва после Шоа” (уничтожение евреев нацистами). Если он перешел реку и своей верой

¹ Я здесь ставлю кавычки потому, что в этническом плане те, кто называют себя евреями, не имеют никакого отношения к ветви Сима – Евера – Авраама и т.д. Это потомки хазар, которые по своему происхождению тяготеют к хамитской ветви человечества. Об этом свидетельствуют многие ученые. Например, наш историк Л. Гумилев, который назвал современное еврейство «химерой». В Израиле наиболее убедительно и последовательно это показал профессор университета в Тель-Авиве Шломо Занд. Об этом он, в частности, пишет в своей книге «Кто и как избрал еврейский народ» (М.: Эксмо, 2012).

² Поразительно, но авторитетный историк еврейского народа С. Дубнов в своей «Краткой истории евреев» вообще не упоминает Евера. Родоначальником еврейского племени он сразу же называет Авраама (С. Дубнов. Краткая история евреев. М.: М. Шевчук, 2001. С. 13–14).

оправдался, то мнимые евреи, отказываясь признать пришедшего Мессию и принять св. крещение, теряют право на это славное имя»¹.

Св. Димитрий Ростовский уделял очень большое внимание событиям священной истории, связанной с именами Нимрода и Евера. Он подчеркивал необходимость почаще вспоминать эти события для вразумления своих современников: «В то время, в которое жили Евер и Неврод, среди людей уже умножилось всякое зло, и всякий грех в них утвердился, став как бы естественным явлением. Посему-то люди легче склонились не к доброму совету Евера, а к злему совету Неврода, как к естественной себе некой вещи, “бывше, – по Апостолу, – естеством чада гнева”. Давал им Евер добрый совет – угождать Богу, а не прогневать Его, но сие богоугождение им казалось какою-то странною вещью, ибо они не имели навыка в добрых делах. Давал им Неврод противоположный совет, который не был угоден Богу, и они ухватились за него, как за привычное им дело, ибо они утвердились в богопрогневании, которое стало для них обычным. Так праведный Евер едва смог убедить свой род и отвести его от небогоугодного дела, а Неврод легко увлек за собою все прочие роды»². Насколько актуально эти слова звучат сегодня, в начале XXI века, когда бóльшая часть человечества оказалась вовлеченной в строительство новой вавилонской башни, называемой «глобализацией»!

Думаю, теперь читатель понял, какое отношение библейская история о Нимроде и Евере имеет к нашей духовно-просветительской организации «Переправа». Евер – символ перехода от царства греха и власти Нимродов к Царству Бо-

¹ Свящ. Даниил Сысоев. Летопись... С. 378–379. Автор тут же добавляет: «Ибо по плоти евреями могут называться не только потомки 12 колен, но и многие арабские племена, идумеи, жители Иордании, ряд индийских племен (дравиды) и даже цыгане и спартанцы» (там же, с. 379).

² Димитрий Ростовский. Келейный летописец. Гл. 33.

жнему и власти Христа. Духовный смысл слов «переход» и «переправа» одинаков. Современные христиане не должны забывать, что они – духовные потомки Евера, и вдохновляться его праведностью и верой в Бога.

Почти все современное человечество встало под каинитские знамена современных Нимродов. Ослепленное и вдохновленное призывами нынешних вождей, оно участвует в реализации различных технических и экономических проектов – в безумной надежде, что современная техническая цивилизация сможет защитить их от гнева Божия и страшного суда. Единственное отличие нынешнего времени от времен вавилонского Нимрода состоит в том, что в XXI веке люди предпочитают поклоняться не только статуям Нимродов, но также выбирают других кумиров. Язычество приобрело очень разнообразные и изощренные формы. Основным кумиром стали деньги, а их высшим богом – маммона.

«Переправа» – сообщество тех, кто не желает участвовать в современных глобальных проектах строительства различных вавилонских башен; тех, кто не желает присоединиться к толпам людей, желающих стать гражданами царства Нимрода; тех, кто не желает поклоняться ни статуям современных Нимродов, ни денежным кумирам, ни иным языческим богам и их изваяниям.

Мы заявляем, что решительно уходим из этого современного Вавилона. Мы зовем с собой тех, кому стало невыносима жизнь в этой каинитской цивилизации, все более приобретающей признаки земного ада. Для этого нам, подобно праведному Еверу, необходимо совершить «переход», «переправу» через невидимую реку земной жизни человечества, разделяющую эту жизнь на две диаметрально противоположные цивилизации. «Переправа» – символ перехода из царства Каина – Нимрода – дьявола в царство Авеля – Евера – Бога.

В. Катасонов

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО РАБСТВА В ИСТОРИИ

Как имеющие на ногах оковы не могут удобно ходить, так и те, которые собирают деньги, не могут взойти на небо.

Прп. Иоанн Лествичник

Рабство богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сетей, пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств, – милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение перед Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас.

Свт. Иоанн Златоуст

Богатство соединяет в себе два противоположных зла: одно сокрушает и омрачает – это есть забота; другое расслабляет – это есть роскошь.

Свт. Иоанн Златоуст

1. На чем зиждется современное социальное рабство?

Мне постоянно приходится писать и говорить о современном *социальном рабстве*, которое имеет множе-

ство форм. Это и наемное, и долговое, и налоговое, и коррупционное, и тюремное, и прямое (физическое) рабство. При всех внешних отличиях все эти формы социального рабства представляют собой отношения между людьми, в рамках которых (отношений) одни люди присваивают труд (продукты труда) других людей. Все формы социального рабства основываются на использовании двух основных средств: а) силы; б) обмана.

В древнем мире (в том числе Древнем Риме) рабство базировалось прежде всего на использовании *физической силы*. Современное рабство базируется прежде всего на использовании *обмана*. Это неудивительно: в качестве рабов в современном мире так или иначе выступает более 99% населения планеты. Для того чтобы «золотому миллиону» (кучке мировых ростовщиков, олигархов) надежно держать в подчинении несколько миллиардов рабов, не хватит никакой физической силы.

В настоящее время численность сотрудников правоохранительных органов в США, по данным Федерального бюро расследований США, составляет 1 млн человек, из них 70% – полицейские. Численность населения США составляет более 300 млн человек. Таким образом, на одного полицейского приходится более 400 американцев. В Российской Федерации численность сотрудников милиции на середину 2010 года превысила 1,4 млн человек. При численности населения России немногим более 140 млн человек получаем, что один милиционер «обслуживает» примерно 100 жителей страны.

Полицейские силы во всех странах мира имеют тенденцию увеличиваться. Вот и у нас в Российской Федерации число тех, кто служит в милиции (полиции), уже превысило численность вооруженных сил. Власть имущие больше боятся собственного народа, чем внешних врагов. Да и тех, кто служит в вооруженных силах, сегодня тренируют больше не для ведения оборонительных

войн, а для «подавления внутренних беспорядков». Следует иметь в виду, что «физическая сила» – это тоже рабы, которые должны держать в узде других рабов. Поэтому власть имущие всегда пребывают в напряжении: а вдруг полиция и вооруженные силы вместо подавления «внутренних беспорядков» направят свою энергию на свержение власти рабовладельцев? Такое в истории человечества случалось не раз.

Поэтому ставка делается на *обман* как основное средство сохранения и укрепления власти рабовладельцев. Задействуются все способы и формы оболванивания народа с целью предотвращения возможных возмущений со стороны рабов. Это и открытая дезинформация, и замалчивание, и искажение реальных фактов, и подготовка «информационных продуктов», замешанных на лжи с добавками правды. Для обмана народа используются все институты современного общества: средства массовой информации, учреждения культуры, книжные издательства, университеты, школы, политические партии и т.п. Эффективность обмана резко повышается, если переходить от «разовых» дезинформационных акций к систематической и всесторонне координируемой дезинформационной работе. А такая систематическая работа означает уже *«информационную войну» против собственного народа*. И такая война в нашей стране и в большинстве стран мира ведется уже давно.

Подаваемая соответствующим образом информация оказывает воздействие не только на разум, но и подсознание человека. Имеет место *манипуляция (управление) сознанием и поведением* общества и отдельных его членов¹. Конечно, манипуляция сознанием не сводится лишь к информационным (дезинформационным) воздействиям на человека. Используются также другие средства. Напри-

¹ См.: С. Г. Кара-Мурза. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001; С. Г. Кара-Мурза. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005.

мер, примитивные *развлечения* – они отвлекают человека от серьезных размышлений и резко понижают порог сопротивления. Эффективность манипулирования сознанием резко повышается, если оно дополняется агрессивным навязыванием обществу *специальных средств одурманивания сознания*. К таковым относятся спиртные напитки, табак, наркотики. Они оказывают разрушающее действие на сознание человека, его психику, тело. Люди с ослабленным сознанием являются идеальным объектом эксплуатации для современных рабовладельцев.

При постоянном воздействии на человека с помощью дезинформации и специальных средств не только ослабевают его сознание и тело, но также *засыпает совесть*. Существует множество определений слова «совесть». Но если говорить коротко, то под совестью понимается средство различения человеком добра и зла. Это «внутренний компас» человека. Если он ломается, то человек чаще всего начинает делать выбор в пользу зла. С христианской точки зрения совесть – это категория духовная, она дана человеку при рождении Богом и призвана вести человека в течение жизни к Богу. Любое отклонение у духовно здорового человека в сторону зла начинает ему сигнализировать «угрызениями совести». Человек даже со сломанным «внутренним компасом» тем не менее остается существом религиозным, но центром притяжения для него в этом случае оказывается не Бог, а нечто иное. Это нечто иное – языческие боги. В истории человечества было много языческих богов, в каждую эпоху и в каждом народе – свой набор. Например, в античном мире наиболее распространенными были: Юпитер-Зевс (первое название – римское, второе – греческое), Минерва-Афина, Апполон, Диана-Артемиды, Меркурий-Гермес, Нептун-Посейдон, Сатурн-Крон, Венера-Афродита. У наших предков-славян: Перун, Лада, Дажьбог, Сварог, Ярила, Макошь, Огонь-Сварожич, Водяной, Велес и т.д. Человек

становится рабом таких языческих богов, он оказывается в *духовном рабстве*.

Самое удивительное, что *чем в большую зависимость от таких языческих богов попадает человек, тем легче его обратить в социальное рабство*. Особенно очевидным это становится в эпоху капитализма. Современный человек со сломанным «внутренним компасом», то есть отошедший от Бога, поклоняется целому пантеону языческих богов в виде вещей или даже виртуальных образов. Этот пантеон представляет собой иерархическую систему, на вершине которой находится главный языческий бог – маммона. Большая часть современных людей поклоняется сразу всем языческим богам. Но наиболее последовательные фанатики являются *языческими монотеистами*: всю свою жизненную энергию концентрируют на поклонении только одному, высшему языческому богу – маммоне. Рассмотрим подробнее, каким образом современное духовное рабство в виде поклонения языческим богам создает благоприятные условия для социального рабства.

2. Потребительское рабство как форма духовного рабства

Итак, рядовые язычники эпохи капитализма – *политеисты*. Проще говоря, они поклоняются сразу многим богам-идолам. Эти боги-идолы – бесконечный мир вещей и виртуальных образов, которые продуцирует современная капиталистическая экономика. Капитализм сегодняшнего дня – это *капитализм потребления*. По крайней мере, тот капитализм, который существует в зоне обитания «золотого миллиарда». Сами апологеты современного капитализма с гордостью говорят о Западе как об «обществе потребления». Но речь идет не просто о «потреблении» как некоем акте удовлетворения жизненно необходимых потребностей человека.

Во-первых, сегодня «потребление» – это прежде всего «сверхнормативное», или «избыточное», потребление, целью которого является *получение удовольствий*.

Во-вторых, это целый ритуал, который включает в себя планирование того, что человек собирается потреблять, процесс поиска источников предметов потребления (ресторанов, туристических компаний, компаний-производителей, магазинов), акт покупки предметов потребления (товара, услуги), сам процесс потребления. Впрочем, далеко не всегда процесс «потребления» заканчивается потреблением как таковым. Важен сам процесс, который погружает человека в мир мечтаний и образов, отвлекает от насущных жизненных проблем. То есть потребление из материального процесса отчасти превращается в нечто виртуальное. Сегодня указанный ритуал занимает бóльшую часть жизни обывателя: так или иначе он погружен в процесс «потребления» даже в течение рабочего времени, иногда он продолжает думать о «потреблении» даже во сне.

В этом плане современный капитализм имеет некоторое сходство с капитализмом Древнего Рима; впрочем, имеются и различия. Мы выше говорили о роскоши, обжорстве и расточительном образе жизни верхушки Рима (патриции). У этой верхушки лишь 1% всего бюджета (условно) тратился на удовлетворение жизненно необходимых потребностей, а 99% – на удовлетворение так называемых «избыточных» потребностей, причем среди последних было даже немало «противоестественных» потребностей. Хозяева-рабовладельцы не очень-то заботились об удовлетворении даже жизненно необходимых потребностей своих рабов, тем более им и в голову не могла прийти мысль расширять круг этих потребностей. Кое-какую заботу патриции проявляли в отношении удовлетворения потребностей люмпен-пролетариев, проводя политику «хлеба и зрелищ». И все.

А вот при нынешнем капитализме все по-другому. Мы видим «трогательную» заботу капиталистов о потребностях наемных работников и о том, чтобы последние получали «удовольствия» по максимуму.

Во-первых, с целью максимизации «удовольствия» денежные капиталисты предлагают наемным работникам кредиты для «стимулирования спроса», то есть для покупки дополнительных товаров и услуг. Об этом мы уже говорили выше в контексте «долгового рабства».

Во-вторых, стратегической линией поведения капиталистов всех мастей и видов (денежных, торговых, промышленных) является максимальное *расширение круга потребностей наемного работника*. В свое время известный американский промышленник Генри Форд заметил, что *промышленный капитализм отличается от финансового капитализма тем, что первый удовлетворяет потребности человека, а второй их создает*¹. Существуют потребности базовые, или жизненно необходимые (в пище, одежде, тепле, крыше над головой). Такие потребности были предусмотрены Творцом. В структуре потребностей жителей периферии мирового капитализма они по-прежнему занимают основное место. А вот у среднестатистического жителя стран «золотого миллиарда» их доля все больше сокращается. Растет удельный вес других, «новых» (или «ложных») потребностей². В состав «новых» потребностей входят:

1. Потребности, связанные с повышением *комфорта*. К ним относятся потребности в просторных домах и квартирах, кондиционерах и самой изощренной бытовой технике с микропроцессорами, сотовых телефонах с десятками функций, унитазах с музыкой и подогревом, электрических зубных щетках, туфлях из крокодиловой кожи

¹ С. В. Вальцев. Закат человечества. С. 197.

² Данный вопрос подробно рассмотрен в следующем источнике: Д. Невидимов. Религия денег, или Лекарство от рыночной экономики.

и тысячах других мыслимых и немыслимых предметах и услугах. В некоторых случаях комфорт действительно облегчает жизнь человека, но 90% предметов комфорта, имеющих на рынке, являются явно *избыточными*. Например, в салонах дорогих марок автомобилей имеется бесчисленное количество различных кнопок, но, как показывают исследования, водитель и пассажиры активно используют меньше половины имеющихся функций (кнопок), а о назначении некоторых и вовсе не имеют никакого представления.

2. Потребности *виртуальные*. К ним относятся потребности повышения престижа (имиджа). Это потребности во многих тех же предметах комфорта, но при этом сами предметы должны быть с «брендом» (фирменным знаком), который повышает в глазах окружающих «рейтинг» («капитализацию») человека, обладающего таким предметом, а заодно повышает самооценку человека. Многие люди покупают даже не предмет комфорта, а «бренд». Предмет как таковой человеку не нужен или почти не нужен. «Бренд» нередко стоит дороже, чем сам предмет; последний выступает лишь в качестве материального носителя «бренда». То есть затраты на рекламу (основное средство создания «бренда») могут многократно превышать затраты на производство. «Существует целая группа товаров, цена которых состоит более чем на 99% из затрат на продвижение, главным образом, на рекламу»¹.

3. Потребности *противоестественные*. Они не были предусмотрены Творцом. Более того, в отношении таких потребностей в большинстве традиционных религий (не сатанинских сект!) существуют жесткие запреты. Это потребности в наркотиках, сигаретах, «секс-услугах», пор-

¹ С. В. Вальцев. Закат человечества. С. 199. Вот что пишет С. В. Вальцев о рекламе как средстве формирования виртуальных потребностей человека: «Реклама давно не является информационным сообщением. Рекламное продвижение с середины прошлого века активно использует технику гипноза» (там же, с. 200).

нографии, садизме, жестоких зрелищах, азартных играх и т.п. Эти потребности формируются (а отчасти и удовлетворяются) через интернет, телевидение, другие средства массовой информации, кинотеатры, книги.

За счет резкого расширения круга «ложных» потребностей капиталисты *добиваются усиления зависимости потребителя*. Многие «новые» потребности действуют подобно наркотикам, человек вынужден не просто регулярно приобретать товары и услуги, необходимые для удовлетворения «новых» потребностей, но также наращивать «дозы» потребления таких товаров и услуг. Через некоторое время после приобщения к таким «новым» товарам и услугам человек готов даже отказаться ради них от каких-то «базовых» товаров и услуг. Например, не пообедать ради того, чтобы сыграть в «рулетку». У социологов это называется изменением «структуры потребностей». Многие маркетологи (специалисты компаний, которые изучают структуру потребностей покупателей, их предпочтения, разрабатывают сбытовую политику компаний и т.п.) сделали для себя простые «открытия»:

а) наибольший спрос современный человек предъявляет на те товары и услуги, которые удовлетворяют наиболее «низменные» его потребности;

б) для дальнейшего роста «низменных» потребностей необходимо их стимулировать, для чего используются специальные методы.

На самом деле об этом уже многие века назад говорили святые отцы: чем ниже духовный (религиозный) уровень человека, тем более он склонен к греху и страсти; чем ниже духовные потребности, тем выше потребности «низменные»; при сильной духовной деградации человека «низменные» потребности оказываются более важными, чем даже жизненно необходимые материальные потребности¹.

¹ См.: Ю. М. Зенько. Основы христианской антропологии и психологии. М.: Речь, 2007.

Дух потребительства оказывает решающее влияние на поведение человека, который смысл своей жизни все больше сводит к потреблению. *Средство превращается в цель*. Это, пожалуй, самая страшная «мутация», которая произошла в человеке: от поклонения Богу как Творцу и Промыслителю он перешел к поклонению вещи. Это разновидность язычества, которую можно назвать *потребительским язычеством*. Раньше, во времена христианства человек был *рабом Божьим*. Ныне он стал *рабом вещей*, а фактически, как единодушно говорят святые отцы, – рабом того, кто враждует с Богом, то есть дьявола. Внутренняя духовная мутация человека находит свое отражение в его мыслях, словах, поведении, образе жизни. Вот как описывают эти внешние проявления человеческой мутации американские социологи: «В 1986 году Америка еще насчитывала больше высших учебных заведений, чем торговых центров. Не прошло и пятнадцати лет, как число торговых центров стало вдвое превышать число высших учебных заведений. В век синдрома потребительства торговые центры заменили собой церкви как символ культурных ценностей. Действительно, 70% граждан США еженедельно посещают торговые центры, а это больше, чем число людей, регулярно бывающих в церкви»¹.

Потребительское язычество превращает процесс покупок (шопинг) в своего рода наркотик, без которого современный человек с сильно атрофированными духовными потребностями уже не может обходиться. В большинстве случаев приобретаемые товары не очень нужны такому одержимому человеку². Как всякая страсть, то есть

¹ Дж. де Граф и др. Потреблятьство: болезнь, угрожающая миру. М., 2003. С. 32.

² Лишь один пример: в американских магазинах second-hand примерно 20% продаваемой одежды является новой (та, которая ни разу не одевалась, с бирками). Видимо, в процесс шопинга входит не только посещение магазинов для покупки товаров, но также процесс сдачи товаров в магазины second-hand (С. В. Вальцев. Закат человечества. С. 30).

устойчивая зависимость от каких-то вредных привычек, потребление превращается в болезнь. Многие врачи считают страсть к постоянным покупкам тяжелым неврозом. От него особенно страдают женщины (около 25% женщин в странах Запада). Более 800 тысяч немцев страдают от «шопинговой» зависимости, признаваемой психиатрами такой же болезнью, как алкоголизм и наркомания. Об этом говорится в обнародованном исследовании Технической больничной кассы (ТКК) Нижней Саксонии. Цифра в 800 тысяч – это практически «так или иначе зарегистрированные случаи», но число «скрытых шопингманов» явно гораздо выше¹. Немецкие ученые назвали эту болезненную страсть специальным термином – «ониомания» (греч. *opios* – для продажи; *mania* – безумие). В русском языке схожими терминами являются «шопоголизм», «шопинголизм», «шопингомания».

Такую зависимость можно назвать «*потребительским рабством*». Добиваясь установления устойчивой зависимости человека от мира вещей, капиталисты тем самым повышают эффективность других видов рабства – прежде всего наемного и долгового.

В заключение приведем отрывок из интересной статьи, в которой раскрывается духовная сущность «потребительского рабства» как неотъемлемой черты современной денежной цивилизации: «Вторым по мощности и масштабности процессом жизнедеятельности социумов цивилизации денег является индустрия удовольствий: еды, развлечений, секса, алкогольных полков и т. п.» (на первое место в денежной цивилизации автор ставит банковско-административную деятельность. – В. К.). По числу занятых индустрия утех, развлечений и прочих удовольствий лидирует среди всех прочих секторов жизнедеятельности. Так называемая сфера обслуживания всевозможных потребительских интересов, сопровожда-

¹ Интернет. Режим доступа: http://www.nvpp.ru/show_dict_810.htm

емых физиологическими удовольствиями, – краса и гордость западной цивилизации – ее же и тест на нравственное уродство, которое густо закамouflировано модными одеждами, красочными упаковками потребительских товаров, сигарет, пива, крепких алкогольных напитков, роскошными интерьерами ресторанов, баров, казино. Вся эта “цивилизованная” преуспевающая публика, неодолимо предрасположенная к алкоголизации, блуду, педофилии, гомосексуализму, казнокрадству, воровству, предумышленным убийствам и всем прочим смертным грехам, неколебимо мнит себя лучшей частью человечества, блистая роскошью, знаками отличий, званиями и т.п. И превращая в сплошные развлечения не только досуг, но зачастую и время своих профессиональных занятий, имея под рукой для этого обслугу на все.

Люди культуры массового потребления доступных удовольствий лгут так же легко и естественно, как дышат. Воруют столь же привычно и обыденно, как чистят зубы. Практически всю свою взрослую жизнь сохраняют детские привычки к удовольствиям, сладкому и игрушкам, которые меняют только модификацию, конфигурацию. Воздушные шары, мороженое и плюшевых медвежат сменяют модные костюмы, драгоценности, мерседесы, яхты, марки телевизоров, коллекционных ружей и т.п. цивилизованная мишура, виды и модификации которой беспрерывно множатся, забавляя и услаждая все новые поколения взрослых детей с укладом пещерной психики. Процесс реставрации и строительства все новых величественных храмов никоим образом ничего не меняет в главном жизненном устремлении людей цивилизации денег – получение удовольствий от жизни любыми способами и средствами, прежде всего с помощью приверженности к алкоголю, курению, сексуальным непотребствам. Что уже само по себе даже в минимальном и самом дешевом наборе занимает все свободное время жизни, не оставляя

практически ничего для человеческой духовности. Сами эти множества людей, подвигающихся на разнообразных ролях “сферы услуг”, специализируются и “совершенствуются” только в умении провоцировать и поощрять физиологические инстинкты “широких народных масс” потребителей в весьма узком и однообразном до бедности спектре: от обжорства до необузданного секса, обильно приправленных табаком, алкоголем, наркотиками, разнообразными эстрадными шутками-прибаутками на эти темы. Вся эта индустрия шоу-досугов не только “занимает” низкопробно-пищеварительной масскультурой практически все свободное время жизни “народных масс”, но и изымает не менее 2/3 их семейного бюджета, их зарплаток, обогащая разнообразных видео-, аудиомагнатов, всяких там хитроумных пришельцев из космоса, управляющих незрелыми головами и душами аборигенов через их желудки и крайнюю плоть»¹.

Из приведенного отрывка следует, что «индустрия удовольствий»:

1) занимает первое место в экономике «зрелой» «денежной цивилизации» по величине занятых в ней работников (а также по доле в официальном ВВП);

2) отнимает у человека большую часть (не менее 2/3) его денежных доходов²;

3) создает не только и не столько товары и услуги, сколько «нового человека» («живую машину»), лишенного всякого духовного начала и в полной мере отвечающего требованиям «денежной цивилизации».

¹ Г. Водолеев. Люди цивилизации денег // Интернет. Режим доступа: <http://ari.ru/news/34549fbf8/>

² В главе 3 мы рассматривали механизмы изъятия продукта, произведенного наемным работником при капитализме («раздел пирога»). Отъем части «пирога» работника «индустрией удовольствий» относится к третьему «разделу пирога» (в сфере обращения). Доля «пирога», отнимаемая в результате третьего «раздела», в условиях современного капитализма неуклонно растет в результате роста потребностей наемного работника в продукции «индустрии удовольствий».

3. Денежное рабство как добровольный духовный выбор

Еще раз повторим: в Древнем Риме существовал «*потребительский капитализм*». Его отличительной чертой было то, что деньги все-таки оставались *средством*, а *конечной целью* жизни было «избыточное» потребление и получение максимального «удовольствия». И современное западное общество также является «*обществом потребления*». Но «избыточное» потребление – это лишь одна ипостась этого общества. Другой ипостасью является накопление капитала, причем прежде всего в денежной форме.

Страсть к накоплению капитала занимает в современном капитализме главенствующее место по отношению к страсти потребления, поэтому *такой капитализм можно назвать «накопительным»*. Страсть эта еще более иррациональна, чем страсть «избыточного» потребления: человек получает удовлетворение от цифр и чисел, обозначающих суммы на банковских счетах; свои успехи и неудачи, свои цели и планы он измеряет цифрами и числами, которые часто не имеют никакого материального обеспечения и наполнения; стремление к наращиванию числовых показателей не имеет никаких пределов.

Люди, которые обуяны страстью потребления, как мы выше сказали, отходят от Бога, они язычники и становятся *рабами вещей*. А те, кем завладевает страсть накопления, еще дальше отстоят от Бога, они тем более язычники и становятся *рабами денег*. Еще Ф. Бэкон сказал: «Деньги – хорошие слуги, но плохие хозяева». Бэкон, как известно, был протестантом. Понимал ли он сам до конца смысл слов «плохие хозяева»? Да, деньги человека закабаляют, делают его рабом, истощают физически и нервно. Но святые отцы православия видели дальше и глубже, чем протестанты. Они понимали, что сами по себе деньги – не более чем условные знаки, в духовно-нравственном плане они нейтральны, не могут быть источником зла или добра. Но за деньгами пря-

чается тот, кого евангелист Иоанн Богослов называл «лжецом» и «убийцей». Денежные знаки – это лишь червяк, а дьявол – крючок, которого не видят те, кто охотится за этими знаками. А попадая на этот крючок, человек лишается не только душевного спокойствия, здоровья и жизни, но чаще всего и спасения своей души, которая, как известно, бессмертна. За деньгами прячется не просто «плохой хозяин», а жестокий и беспощадный хозяин, который сначала мучает своего раба, а потом убивает. Такое *денежное рабство* – самое страшное из всех видов рабства.

Кстати, в публицистической и философской литературе термин «денежное рабство» стал использоваться с XIX века, когда капитализм уже проявил в полной мере свою сущность. Особенно последовательно критику финансового капитала и «денежного рабства» проводили немецкие философы, писатели, политики (преимущественно с социалистических позиций). Примеры использования термина «денежное рабство» в немецкой литературе:

1) политик Фридрих фон Раумер («Исторический справочник», 1869);

2) писатель Рудольф фон Готшталль (роман «Золотой теленок», 1880);

3) философ Людвиг Бюхнер (книга «Чужое и свое из современной духовной жизни», 1890);

4) общественный и политический деятель Готфрид Федер («Сломать кабалу процента», 1919).

В России этот термин «денежное рабство» стал популярным после того, как его использовал Л. Н. Толстой в своей известной работе «Рабство нашего времени» (кстати, первоначально автор планировал дать работе название «Денежное рабство»)¹.

¹ Работа впервые была опубликована в 1900 году, однако она содержала «купюры». В полном объеме работа была издана в 1917 году за рубежом (Берлин, изд-во Генрих Каспари). Хотя исследователи данную работу называют статьей, ее объем достаточно велик – без малого сто страниц. С работой можно ознакомиться в интернете.

Как соотносится «денежное рабство» с другими формами рабства? Оно очень схоже по своему содержанию с «долговым рабством», то есть рабством, порождаемым ссудным (денежным) капиталом. Но все-таки «денежное рабство» понятие более широкое. Оно подразумевает не только юридическую зависимость одного человека от другого, которая возникает на почве кредитных отношений и долга. Это зависимость *духовного порядка*, когда человек сам, добровольно определяет для себя цель своей жизни – деньги. Деньги становятся хозяином такого человека. Долговое рабство возникает для должников, а их хозяином является денежный капиталист, который выдает кредиты. Наемное рабство возникает для лишенных средств производства работников, а их хозяином является промышленный капиталист, который нанимает их на работу. А вот в узах денежного рабства могут находиться (и находятся) все люди независимо от социального положения: как должники, так и кредиторы (денежные капиталисты); как наемные работники, так и работодатели (промышленные капиталисты). Одним словом, *в условиях современного капитализма в состоянии «денежного рабства» оказывается большинство членов общества*. Все надеются на деньги больше, чем на Бога. Все наивно полагают, что деньги смогут дать здоровье, любовь, счастье. А некоторые безумцы дошли даже до такого, что с помощью денег надеются продлить себе жизнь или даже обрести бессмертие. Например, покупая за громадные деньги различные органы тела в качестве «запасных частей». Или заключая с медицинскими центрами договоры на глубокое замораживание своего тела после смерти, рассчитывая, что в дальнейшем «продвинутая» наука сумеет их воскресить. Такие безумцы забывают слова Спасителя: «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хоть на один

аршин?»¹ Такое безумие сопоставимо с психическим заболеванием, его можно назвать *«деньгоманией»*.

Мы выше много раз говорили о том, что в кошелек наемного работника норовят залезть многие социальные паразиты. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, у него самого появляется желание залезть в чужой кошелек. Часто эти мыслишки облачаются в очень красивые и благородные формы. Тем более что власти призывают всех граждан быть «сознательными патриотами» и добровольно участвовать в построении «финансового капитализма». И вот наш наемный раб начинает участвовать в разных «финансовых проектах». Например, в построении «пирамиды Мавроди». Заметьте, в ее построении в конце 1990-х годов участвовали не какие-то неграмотные люди, многие «строители» «пирамиды» имели высшее образование и даже ученые степени. Они не могли не понимать, что любая «финансовая пирамида» строится для того, чтобы меньшинство обобрало большинство. И такие «строители» мечтают попасть в группу «избранного меньшинства», то есть украсть деньги из кошельков «неизбранных».

Заметим, что в Америке «сознательность» граждан намного выше, чем в России. Там уже давно повально участвуют в разного рода финансовых «пирамидах» – за исключением младенцев, детей младшего школьного возраста, пациентов психиатрических изоляторов, обитателей тюрем (строгого режима), бомжей, а также очень небольшой группы «маргиналов» (их там называют «отсталыми», «подозрительными», «финансово безграмотными», «людьми с отклонениями от норм социального поведения», «врагами социального прогресса» и т.п.). В

¹ Мф. 6:27. Кстати, некоторые толкователи считают, что в данном отрывке в греческом оригинале речь идет именно о продлении жизни, а не об увеличении роста.

Америке это массовое движение строителей финансовых «пирамид» именуется «народным капитализмом»¹. Там все взрослые люди (за исключением заключенных, бомжей и «маргиналов») покупают и продают ценные бумаги, размещают деньги на банковских депозитах, играют в казино, берут кредиты и кредитные карточки, закладывают свое имущество и т.п. Если в 1989 году 27,8% американских семей вкладывали средства в акции, то в 1998 году этот показатель увеличился почти вдвое – до 53,9%. В 2008 году на домохозяйства приходилось примерно 40% активов фондового рынка. То есть американские домохозяйства оказались очень важной категорией участников фондового рынка США наряду с пенсионными фондами и другими американскими институциональными инвесторами².

Таким образом, складывается странная ситуация: все или почти все находятся в состоянии «денежного рабства», все так или иначе страдают от этого рабства (не только бедные, но даже самые богатые), но при этом вера в деньги не ослабевает, а только крепнет. *В отличие от долгового, наемного и иных видов рабства «денежное рабство» является добровольным.* Это лишний раз доказывает духовное происхождение этого вида рабства – ведь поклоняться божеству можно тогда, когда искренне веришь в существование этого божества и его всемогу-

¹ А вот в учебниках по психиатрии это называется «лудомания». По-русски говоря, – «игромания», то есть пристрастие к азартным играм. Болезнь такая же тяжелая, как и зависимость человека от наркотиков. В Америке распространена финансовая лудомания, то есть страсть к игре на финансовых рынках. Болезнь очень «заразная». Сегодня зараза перекинулась через океан и в нашу страну, но пока процент пораженных ею в России намного ниже, чем в Америке.

² О. Платонов, Г. Райзеггер. Почему погибнет Америка. Взгляд с Востока и Запада. М.: Алгоритм, 2005. С. 350; В. Ю. Катасонов. О проценте: осудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных экономических проблем «денежной цивилизации». Книга 1. М.: НИИ школьных технологий, 2011. С. 257.

щество. Поэтому общество, базирующееся на такой вере, лучше называть не «капитализмом» (в этом понятии акцент делается на социально-экономической стороне общества), а «денежной цивилизацией». В последнем термине мы делаем акцент на деньгах как духовном ядре общества, на деньгах как объекте духовного поклонения людей, на деньгах как высшей цели земного существования.

Замысел врага рода человеческого, стремящегося полностью поработить душу человека, предельно прост: сначала заставить его добровольно исполнять обязанности «денежного раба», а затем – и наемного. И, как мы увидим ниже, он в этом за последние десятилетия чрезвычайно преуспел.

4. Христианство о денежном рабстве

Христианские авторы также уделяют большое внимание проблеме «денежного рабства», правда они чаще используют традиционные богословские понятия, связанные с видами грехов и страстей: «сребролюбие», «поклонение золотому тельцу», «любостяжание», «корыстолюбие», «лихоимство» и т.д. Иногда используются термины «поклонение маммоне», «маммонизм».

Красной нитью через размышления христианских авторов о вреде любостяжания проходит мысль, имеющая отношение к нашей теме: *там, где царит дух любостяжания и сребролюбия, неизбежно будут возникать отношения рабства: одни будут рабовладельцами, другие – рабами. Но при этом первые будут хотеть стать еще большими рабовладельцами, вторые – рабовладельцами. В царстве любостяжания труд не будет восприниматься в качестве потребности, все будут от него отвращаться.*

Исходным пунктом размышлений христианских авторов являются слова Спасителя: «Никто не может служить двум господам. ...Не можете служить Богу

и маммоне»¹. Не менее важными являются слова Спасителя: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»². Когда человек «заземляет» сердце свое на золото, то он лишается связи с Богом – источником вечной жизни, а лишившись этой связи, он лишается спасения. Священное Писание наполнено историями и притчами о богатстве и бедности, которые разъясняют смысл указанных выше слов Спасителя.

Кратко перечислим некоторые ключевые моменты христианского учения о богатстве и бедности.

1. *Богатство и бедность не несут в себе ни зла, ни добра.* Все зависит от самого человека и от того, как он пользуется своим материальным положением.

2. *То богатство, которым располагает человек, – это не его имущество, это имущество Бога, а человек лишь пользователь.* Прежде всего это земля и природные ресурсы, которые были созданы Творцом еще до того, как был создан человек. Образно выражаясь, Бог как хозяин природы является принципалом, а человек, который трудится на земле, – Его вассалом. У святых отцов много размышлений на тему того, почему христианин не может не быть рабом Божиим. У некоторых людей христианское звание «раба Божьего» вызывает недоумение, возмущение, вопросы. Мы не будем сейчас погружаться в эту интересную тему, а приведем лишь одну причину такого высокого (с точки зрения христианина) звания: потому, что работник на земле является вассалом Бога как хозяина этой земли. Причем, в отличие от многих земных хозяев (принципалов) в лице римских патрициев или средневековых феодалов, которые часто проявляли жестокость к своим рабам или вассалам, Бог является любящим хозяином.

3. *Богатство свободы не дает. Богатство (желание богатства, труды по его добыванию, обладание бо-*

¹ Мф. 6:24.

² Мф. 6:21.

гатством, утрата богатства) создает дополнительные проблемы и духовные риски для человека. Богатство может человека погубить, как духовно, так и физически. Известный духовный писатель епископ Петр (Екатериновский) пишет о вреде богатства для спасения души: «Как желание обогатиться, так и обладание богатством погружают наш дух в бесчисленные заботы житейские, охлаждают, очерствяют сердце, питают, усиливают гордость, утучняют чувственность, открывают путь к целому полчищу пороков, всегда доставляют средства к ним. А хотя бы и не было грубых пороков, однако приобретение богатства почти всегда бывает соединено с большими трудами и заботами, обладание соединено со страхом, а потеря сопровождается скорбью»¹. Премудрый Соломон, богаче которого не было никого в подлунном мире, хорошо прочувствовал ту тяжесть, которая ложится на плечи богатого: «Лучше небольшое при страхе Господнем, нежели большое сокровище, и при нем тревога»².

Иоанн Златоуст прямо говорит, что *деньги могут доводить богатого до рабства*: «Нет никого богаче человека, избравшего бедность добровольно и охотно. Кто же богат: тот ли, кто каждый день заботится, старается собрать как можно больше и боится, чтобы в чем-нибудь не оказалось недостатка, или тот, кто ничего не собирает, живет в совершенном довольстве и ни в чем не нуждается? Добродетель и страх Божий сообщают дерзновение перед Богом; *деньги же доводят до рабства*»³.

¹ Епископ Петр. Указание пути к спасению. ТСП, 1905. С. 63–64; цит. по: Протоиерей Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или О том, как стать нестяжательным. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. С. 18.

² Притч. 15:16.

³ Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Собрание поучений. ТСП, 1993. Том 2. С. 238. (Курсив мой. – В. К.)

Погоня человека за богатством подобна желанию безумного человека догнать свою тень: чем быстрее бежит человек, тем быстрее она от него удаляется. Накопление богатства может делать человека беднее, поскольку страсть любостяжания не стоит на месте, она опережает накопление богатства: «Приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего» (Иоанн Златоуст)¹.

4. Богатство может не только истязать человека, лишать его мира и душевного спокойствия, но также может подталкивать его к совершению различных грехов. Как говорит Иоанн Златоуст, «богатство для невнимательных служит средством к порокам». А вот еще его высказывание на эту тему: «Над богатыми диаволу нет нужды много трудиться, богатство делает их совершенно готовыми к падению». А святитель Григорий Богослов предупреждает: «Богатство – самый проворный приспешник в худом, потому что при могуществе всего спродручнее сделать зло»².

5. Любовь к деньгам и имуществу вредна не только для души отдельного человека. *Любостяжание может быть губительно для целых народов.* Вот что говорит пророк Иеремия: «Домы их (Израиля) перейдут к другим, равно поля и жены, потому что Я простру руку Мою на обитателей сей земли, говорит Господь. Ибо от малого до большого, каждый из них предан корысти»³.

6. *Предназначение богатства.* Богатство – это излишек имущества, которое человеку посылает Бог. Поэтому богатый человек должен правильно распорядиться этим имуществом: для него это *средство спасения*, «спасательный круг», который ему бросает Господь. В евангельской истории о богатом юноше Христос прямо говорит: «Про-

¹ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: ДАРЪ, 2006. С. 176.

² Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: ДАРЪ, 2006. С. 122, 123, 128.

³ Иер. 6:12–13.

дай имение и раздай нищим»¹. Столь радикальный шаг сегодня вряд ли готовы совершить многие богатые люди, но вот передавать излишек своего имущества бедным они должны, если, конечно, хотят «быть совершенными», «иметь сокровища на небесах»².

7. *Бедные, не менее чем богатые, могут быть одержимы страстью любостяжания.* Достаточно вспомнить события почти вековой давности, когда «революционеры» грабили и убивали богатых. Бедные хотят стать богатыми, то есть из рабов они хотят превратиться не в людей свободного труда, а в рабовладельцев. Святые и благочестивые люди боялись и боятся принимать дары (или, по крайней мере, оставлять их у себя), потому что «при получении по какому-нибудь случаю ценной вещи или значительного числа денег тотчас же является в сердце упование на это имущество, а упование на Бога хладеет или ослабевает. Если не остеречься, то не замедлит явиться и привязанность к имуществу. Привязанность или пристрастие к имуществу легко может обратиться в страсть, по причине которой совершается незаметным образом отречение от Христа в сердце, хотя уста и продолжают исповедовать Его»³.

8. Стремление к богатству приводит к тому, что стяжатель часто использует такие средства, которые представляют собой прямое нарушение главных заповедей. Например, заповедей «не убий», «не укради». *Такое богатство несправедливо*, оно духовно губительно для стяжателя. Особенно часто на несправедливый характер значительной части богатства обращал внимание Иоанн Златоуст: «Глаза корыстолюбца не успокаиваются до тех пор, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-звериному»⁴. «Кто у другого отнимает деньги и ввергает его

¹ Мф. 19:21.

² Там же.

³ Епископ Игнатий (Брянчанинов). Сочинения. СПб., 1905. Т. 5. С. 285.

⁴ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: «ДАРЪ», 2006. С. 180.

в нищету, тот себя предаёт смерти; другого в этом мире изнуряет нищетой, а себе приготовляет вечное наказание»¹.

Иоанн Златоуст в своих проповедях постоянно подчеркивал, что стяжатель даже хуже вора и разбойника, так как отнимает имущество других людей не таясь: «Нет ничего опаснее любостяжания; хотя бы ты к своим хранилищам приделывал цепи и запоры, напрасно будешь делать все, если заключил внутри любостяжание, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие любостяжатели не подвергаются этому? Непременно подвергнутся, хотя и не вдруг; а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда; они соблюдают для большего наказания. Притом, если они сами избегнут, то наследники их испытают заслуженное ими. Но, скажешь, справедливо ли это? Весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное несправедно, хотя сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо и потому справедливо может пострадать. Ибо если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то мог ли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних, которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком; а если не знаешь, то я укажу тебе другой путь и не лишу тебя врачевства: раздай все бедным и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. От имущества все будут одинаково обнажены, но одни из людей будут покрыты грехами, нажитыми с имуществом. Что мы

¹ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: «ДАРЪ», 2006. С. 114.

сделаем в тот день, когда обнаженный и лишившийся всей собственности предстанет перед страшным судилищем, и никто не будет защищать нас? Что ты скажешь Судии? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда человеческого суда уже не будет; или лучше, не можешь и теперь, ибо и теперь тот суд – в своей силе»¹.

9. *Православие не призывает к добровольной бедности. Более того, оно призывает к созиданию богатства (тех, кто к этому способен духовно, умственно и физически) для того чтобы можно было исполнять заповеди Бога.* Например, учитель раннего христианства Климент Александрийский восклицает: «Каким образом тот, кто сам ничего не имеет, насытит алчущего, напоит жаждущего, примет странника? Богатство есть орудие... Если орудие употребляют с умением и как следует, оно будет полезно»². Православие – это не только молитва и созерцание, православие – это действие и труд. Труд как физический, так и умственный. Для того, чтобы, уподобившись Богу как Творцу видимого и невидимого мира, создавать богатства – материальные и культурные. Вспомним, в частности, русское монашество. Именно монахи были первопроходцами, которые осваивали пространства Русского Севера и создавали там обители. А после этого рядом с обителями возникали города, ярмарки, строились заводы. Прот. Сергей Булгаков заметил по этому поводу: «Духовная энергия подвижников перековывалась в материальное богатство края»³.

10. Для того чтобы успешно трудиться и создавать богатства, человек должен всегда прибегать к помощи Бога. *Успешный труд – всегда синергия (соединение) энергии человека и энергии Бога.* Недаром слово «богатство»

¹ Там же, с. 116-117.

² Цит. по: Христианин и деньги. Нужны ли православному деньги и можно ли их честно заработать: Сборник статей. М.: ОБРАЗ, 2007. С. 40.

³ Там же.

имеет происхождение от слова «Бог». Во-первых, человек получает свое основное имущество (землю, природные ресурсы) от Бога. Бог – собственник, человек – пользователь этого имущества. Во-вторых, человек производит что-то новое (то, чего в окружающей природе нет) также с помощью Бога. Как говорил Спаситель, «ничего без Меня творить не можете».

Святые отцы рассматривали вопрос о *страсти любостяжания* в контексте общего христианского учения о страстях. Соответственно, их волновало два основных вопроса: а) какова природа данной страсти? б) как предотвратить «заражение» человека этой страстью или как ее искоренять (если она уже поразила душу человека)?

Выше мы уже сказали, что зло заключено не в самом богатстве, а в отношении человека к нему. Спаситель прямо предупреждает: «Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества»¹. Это и другие места Евангелия, относящиеся к теме любостяжания и сребролюбия, подробно растолковывает святой Иоанн Златоуст.

Во-первых, он отмечает, что сребролюбцы – *больные люди*, они похожи на пьяниц или чревоугодников, которых постоянно тянет к вину или к яствам. Причем *страсть эта имеет свойство нарастать, она не имеет границ*: «Ибо как эти (пьяницы. – В. К.), чем больше пьют вина, тем более распалют в себе жажду и тем сильнее разжигают огонь, так и предавшиеся сильной страсти к деньгам никогда не успокаиваются, но чем более получают, тем более в них поднимается пламень страсти»². «Сребролюбие есть ненасытность души, которая поглощает много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучается же-

¹ Лк. 12:15.

² Иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Собрание поучений. ТСП, 1993. Том 2. С. 207.

ланием. Нет такого обилия богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево»¹.

Во-вторых, страсть любостыжания *не относится к разряду врожденных* (в отличие, например, от страсти гнева или похоти). Она приобретает уже в сравнительно взрослом состоянии. Однажды войдя в душу человека, эта страсть уже там поселяется надолго и всерьез: она «не врождена нам и не происходит от нашей природы; иначе она была бы в нас с самого начала; но вначале не было золота, и никто не любил золота»².

В-третьих, страсть любостыжания передается от человека к человеку *как заразная болезнь*: «Каждый, соревнуя жившим прежде его, увеличивал эту болезнь, а предшественник возбуждал страсть к приобретению в своем преемнике даже против его воли. Люди, как скоро видят светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, – всячески стараются иметь еще больше, так что первые бывают причиною этого зла для вторых, эти для последующих. Между тем если бы первые хотели жить скромно, то не были бы учителями для других»³.

В-четвертых, страсть любостыжания связана с целым рядом других страстей и греховных чувств. Например, со страстью властвовать над другими людьми. Или с желанием чужого имущества, что, как известно, относится к одному из десяти основных грехов: «Любовь к богатству бесконечна, и чем дальше ты будешь идти, тем дальше будешь отстоять от конца, и чем больше будешь желать чужого, тем сильнее будут увеличиваться мучения»⁴.

¹ Там же, с. 262.

² Там же. Том 1. С. 39.

³ Там же.

⁴ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: ДАРЪ, 2006. С. 40. (Курсив мой. – В. К.)

Христос не апеллировал ни к государственным деятелям, ни к «народным массам» с призывом изменить существующий социально-экономический строй (во времена Христа этот строй, мягко выражаясь, был «несправедливым»). И это, надеюсь, понятно сегодня и нам, живущим в стране, в которой был проведен неудачный социалистический «эксперимент». Он был неудачным по очень простой причине: «здание» социализма пытались строить на песке «неверия», которое стало питательной почвой для любостяжания. Да, мы жили достаточно скромно, но мы жили в затхлой атмосфере материализма, а такая атмосфера идеальна для размножения «червей» любостяжания. И эти «черви» стали поселяться в сердцах людей. Внешне все было пристойно и, с материалистической точки зрения, – даже внушительно. Но эта «внушительность» была внешней, а нутро нашего общественного организма было изъедено «червями». Многие были готовы с радостью приветствовать новый, капиталистический строй «молодой» России, рассчитывая, что потаенные мечты любостяжания наконец-то будут реализованы. Господь прямо предупреждал каждого отдельно взятого человека против накопления капитала, то есть *против индивидуального капитализма*: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»¹. Из этих слов следует очевидный ответ на вопрос: как надо бороться с нынешним капитализмом? – Не посредством подготовки очередной революции (лимит на революции в России вышел), а через очищение своих сердец, прежде всего очищение от страсти любостяжания.

Каждый из нас может внести свою лепту в борьбу со страстью любостяжания. Вот что по этому поводу пишет

¹ Мф. 6:19–21.

прот. Вячеслав Тулупов: «...вина за то, что в мире утвердился культ золотого тельца, лежит на многих поколениях людей. В том числе и на вашем с нами поколении. Когда нас охватывает дух сребролюбия, это отражается и на наших близких. Беря с нас пример, они начинают подпадать под власть любостяжания. И наоборот, когда мы искореняем в себе страсть сребролюбия, тогда вносим свою лепту во всеобщую победу над поклонением идолу богатства»¹.

Христианская аскетика дает ответы на то, как бороться со страстями, в том числе со страстью сребролюбия, как предотвратить превращение денег из «хорошего слуги» в «плохого хозяина», как противостоять «денежному рабству»².

В. Катасонов

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненной труда, чтобы избавить нас от... рабства и привести к полной свободе.

Свт. Иоанн Златоуст

¹ Протоиерей Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или О том, как стать нестяжательным. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002. С. 13

² См.: Священник Павел Гумеров. Православная аскетика, изложенная для мирян. О борьбе со страстями / 2-е изд. М.: Сретенский монастырь, 2010; Православное отношение к деньгам. М.: ДАРЪ, 2006; Протоиерей Вячеслав Тулупов. Игольные уши, или О том, как стать нестяжательным. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2002; Христианин и деньги. Нужны ли православному деньги и можно ли их честно заработать: Сборник статей. М.: ОБРАЗ, 2007; Священник Александр Захаров. О богатстве и бедности. М.: Глагол, 2000.

Вас совесть не может упрекать за имение тленных денег, если вы будете ими владеть, а не они вами.

Прп. старец Макарий

А как дети причастны плоти и крови, так и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству.

Евр. 2:14–15

1. Христианство и рабство

Христианство возникло в недрах Римского государства и Римской империи. Еще на протяжении четырех с лишним веков христианство и Римская империи сосуществовали, причем на протяжении почти трех веков христианство было гонимо римскими императорами и находилось на нелегальном положении. Лишь в начале IV в. н.э. оно было легализовано и стало официальной религией при императоре Константине Великом. Тем не менее с момента своего возникновения христианство оказывало свое невидимое влияние на состояние рабства в Римской империи. Именно невидимое. Поскольку христиане не оказывали явной поддержки рабству, но и не призывали к его немедленному насильственному свержению. Конечно, христианским идеалом было общество, основанное на любви и отсутствии эксплуатации человека человеком. Как говорил апостол Павел, «по пришествии же веры... нет раба, ни свободного»¹. Но ранние христиане были достаточно трезвыми и терпеливыми людьми, понимая, что для достижения такого социального идеала сначала

¹ Гал. 3:25, 28.

необходимо внутреннее изменение людей. А это требует времени, сил и терпения. Были на первых порах попытки смягчить лишь наиболее жестокие формы рабства через смягчение сердец рабовладельцев.

Рабы и господа как члены Христианской церкви не имели никакого различия. Они молились одному и тому же Богу, вместе пели священные песни, преломляли один и тот же хлеб и пили из одной Святой чаши. Господин уже не мог относиться к рабу как к бездушной вещи, как к бессловесному орудию. Раб без всякого ограничения делался полноправным членом общины. Он мог занимать даже должность епископа. Худое обхождение с рабами считалось достаточным основанием для отлучения от Церкви. «Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах», – учит апостол Павел¹.

Обнаруженный в 1883 году греческим ученым Бриением исторический документ периода раннего христианства, названный «Дидахе, учение Господа, преподанное через двенадцать апостолов», гласит: «Не подобает относиться к твоему рабу или твоей рабыне, которые уповают на того самого Бога, с жестокостью, дабы они не устрашились Бога, Который владычествует над вами обоими, ибо Он придет призвать не по лицеприятию, но тех, которых приготовил Дух».

Впрочем, христианство старалось в равной степени увещавать и рабов в духе любви. Апостол Павел прямо говорит: «Рабы, повинуйтесь господам вашим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу»². Свт. Феофан Затворник толкует этот стих из послания ефесянам так: «Рабство в древнем мире было широко распространено. Св. Павел не перестраивал гражданский быт, а изменял людские нравы. И потому он берет

¹ Кол. 4:1.

² Еф. 6:6.

гражданские порядки как они есть и влагает в них новый дух жизни. Внешнее он оставляет, как оно установилось, а обращается к внутреннему и ему дает новый строй. Преобразование внешнего шло изнутри, как следствие свободного развития духовной жизни. Переделай внутреннее, и внешнее, если оно нелепо, само собою отпадет»¹.

В одном из посланий ап. Павла упоминается греческий раб по имени Онисим, принадлежавший Филимону, богатому собственнику из города Колоссы в Малой Азии. Онисим, будучи уже верующим в Христа, сбежал из дому и пытался спрятаться, как рассказывали в первых поколениях христиан, у самого Павла. Последний же повелел беглецу вернуться к своему хозяину, который затем должен был решить, как с ним обойтись, ибо Филимон сам был верующим².

Христианская церковь первых веков не только облагораживала рабов и требовала отношения к ним как равноправным людям, но и считала похвальным делом, если господин сам отпускал раба. Многие язычники, обращаясь в христианство, освобождали всех своих рабов в день крещения или избирали для этого торжественные христианские праздники, особенно Пасху. Рассказывают про одного римлянина, который, сделавшись христианином, в праздник Пасхи даровал свободу всем своим рабам, их у него было 1250 человек. С III века устанавливается традиция процедуру освобождения рабов совершать в церкви в присутствии пресвитера и общины. После прочтения освободительной грамоты пресвитер молился Богу о ниспослании благословения на дальнейшую судьбу освобожденного. Нередко и язычники отпускали рабов, но они совершенно не думали и не заботились о том, как бу-

¹ Святитель Феофан Затворник. Толкование Послания св. апостола Павла к Ефесянам. М., 1893. С. 444–445.

² Филим. 1:10–18. Согласно церковной истории, позднее оба (и хозяин Филимон, и раб Онисим) стали христианскими апостолами.

дет складываться их последующая жизнь. Освобожденные рабы, таким образом, оказывались не у дел. Вопросами их трудоустройства никто не занимался. Многие из них пополнили ряды преступников. По-другому обстояло дело в христианских общинах. Прежние господа всячески старались помогать освобожденным. Господа смотрели на бывших рабов как на своих христианских братьев, оказывали необходимую поддержку. Воспитываясь в христианской атмосфере, освобожденные преображались на глазах, становились людьми, полезными для Церкви и общества.

Вот одна из многих историй того времени о том, как христиане боролись с рабством. Это история о епископе Павлине Милостивом, жившем в Италии в конце IV – начале V века н.э.; ее поведал наш святой XX века архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий): «Он происходил из весьма знатного, высокого рода; в двадцатилетнем возрасте он был назначен сенатором, потом консулом – это крупные, важные должности, потом губернатором важнейшей римской области Кампании. И все презрел он, все оставил, раздал имение свое нуждающимся и стал иноком. Он испытал немало поношений, издевательств, насмешек даже от прежних слуг своих, но ничем не смущался. Сделавшись епископом, он стал щедро раздавать нищим церковное имущество. В его время произошло нашествие на Италию вандалов, дикого и жестокого народа. Вандалы покорили римлян и увели в плен множество людей, а епископ Павлин, сколько хватало денег, выкупал пленников. Пришла к нему бедная вдова, плача и прося выкупить ее единственного сына, взятого в плен вандалами. Он сказал: “Милая моя, денег у меня больше не осталось, но сделаем вот как: отведи меня в стан вандалов, пусть возьмут меня вместо сына твоего, а его отпустят”. И сам предался в плен вандалам. Вандальский князь, этот дикий, жестокий человек, был поражен кротостью и благородством нового раба своего: он наблюдал за ним и изумлялся тому,

какое сердце билось в груди Павлина. И случайно он узнал, что это епископ. Он был поражен и проникся таким благоговением к этому благородному человеку, что не только отпустил его самого, но вместе с ним отпустил и всех пленных римлян. Так самим собой выкупил из плена святой Павлин много несчастных пленных римлян. Так сбылись вот эти слова Павловы, *чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу*»¹.

В древней Церкви, как отмечается в одном энциклопедическом словаре по теологии, изданном за рубежом, «уже Климент Александрийский (†215) под влиянием идей стоиков о всеобщем равенстве полагал, что по своим добродетелям и внешнему виду рабы ничем не отличаются от своих господ. Отсюда он делал вывод, что христиане должны сокращать число своих рабов и некоторые работы выполнять сами. Лактанций (†320), сформулировавший тезис о равенстве всех людей, требовал от христианских общин признания брака среди рабов. А римский епископ Калист Первый (†222), сам вышедший из сословия несвободных людей, признавал даже отношения между высокопоставленными женщинами-христианками и рабами, вольноотпущенниками и свободнорожденными, в качестве полноценных браков. В христианской среде уже со времен первенствующей Церкви практиковалось освобождение рабов, как это явствует из увещания Игнатия Антиохийского (†107) к христианам не злоупотреблять свободой ради недостойных целей.

Однако правовые и социальные основы разделения на свободных и рабов остаются неизменными. Не нарушает их и Константин Великий (†337), который, несомненно под влиянием христианства, дает епископам право освобождения рабов посредством так называемого объявления

¹ Православное отношение к деньгам. М.: ДАРЪ, 2006. С. 266–268.

в церкви (*manumissio in ecclesia*) и публикует ряд законов, облегчающих участь рабов»¹.

Впрочем, некоторые святые отцы предостерегали против того, чтобы начать немедленное массовое освобождение рабов, небезосновательно полагая, что это может привести к социальному хаосу и экономическому упадку. В том же энциклопедическом словаре, в частности, читаем: «... В VI веке проблема неволи активно обсуждается среди христианских богословов. Так каппадокийцы – Василий, архиепископ Кесарии (†379), Григорий Назианзин (†389), а позднее Иоанн Златоуст (†407), опираясь на Библию, а может быть и на учение стоиков о естественном праве, высказывают мнение о райской реальности, где царило равенство, которое вследствие грехопадения Адама... сменилось различными формами человеческой зависимости. И хотя эти епископы много делали для того, чтобы в повседневной жизни облегчить участь рабов, они энергично выступали против всеобщей ликвидации рабства, которое было важно для экономического и общественного строя империи»².

Для понимания того, что ранее христианство было, выражаясь современным языком, «толерантно» в отношении рабства, надо иметь в виду состояние рабства в первые века нашей эры. Быстро сокращались масштабы рабства, а само оно приобретало черты патриархального, а классическое (то есть наиболее жестокое) рабство уходило в прошлое. Каутский обвиняет ранних христиан в «толерантности» по отношению к рабству³, но вслед за

¹ Theologische Realenzyklopaedie. Band 31. Berlin–New-York, 2000. S. 379–380.

² Ibid., s. 380.

³ Вот один из фрагментов такой критики: «Крайне ошибочно было думать, что христианство уничтожило рабство. Напротив, оно дало ему новую опору. Античный мир держал рабов в повиновении только при помощи *страха*. Христианство впервые возвысило безвольную покорность рабов на степень *нравственной обязанности*, которая должна выполняться с радостью» (К. Каутский, с. 382).

тем сам признает, что положение рабов той эпохи было лучше, чем положение «пролетариев» (под последними он понимал обезземеленных крестьян и разорившихся ремесленников, численность которых быстро увеличивалось в эпоху позднего Рима) и что проблема рабства в римском обществе постепенно уходила на второй план. Каутский пишет: «Раб стал редкой и дорогой вещью, рабское хозяйство уже больше не рентировалось (то есть не давало дохода. – В. К.), в сельском хозяйстве рабство было замещено колонатом, а в городской промышленности – свободным трудом. Из орудия производства предметов необходимости раб все больше превращался в предмет роскоши. Главной функцией рабов являлось теперь услужение у знатных и богатых... Положение между рабами и свободными пролетариями... увеличивалось все больше, в то время как число первых быстро уменьшалось, а число вторых в крупных городах все больше росло. Обе эти тенденции должны были еще больше оттеснить на задний план рабский элемент в христианской общине. Неудивительно поэтому, что христианство в конце концов перестало обращать внимание на рабов»¹. С данным высказыванием К. Каутского трудно не согласиться. За исключением последней фразы, что «христианство в конце концов перестало обращать внимание на рабов». Мы уже выше показали, что апостолы и святые отцы раннего христианства уделяли внимание проблеме взаимоотношения рабов и их хозяев, а раннее христианство в целом ускорило уход прямого рабства с исторической сцены.

Вместе с тем мы не отрицаем и роль экономических и политических факторов, которые способствовали сворачиванию рабства в Древнем Риме (резкое сокращение притока новых рабов и их удорожание). К. Каутский в своей работе «Происхождение христианства» пытается игнорировать духовно-нравственное влияние христианства на

¹ К. Каутский, с. 383.

указанный процесс. Или даже пытается доказать, что оно защищало рабство, что противоречит тем фактам, которые он сам же приводит¹.

2. Христианство и феодализм

Согласно марксистской схеме исторического процесса, после рабовладельческого строя как общественно-экономической формации следовала следующая формация, называемая *феодализмом*. Большинство авторов определяют хронологические рамки феодализма периодом с V века н.э., когда произошло крушение Римской империи, и XVI–XVIII веками, когда в европейских государствах произошли буржуазные революции, открывшие простор развитию капитализма. Иногда в качестве символического рубежа называется Великая французская революция 1789 года. Считается, что в «чистом» виде в Европе феодализм просуществовал примерно тысячу лет, потому что в последние два-три века его существования, по мнению некоторых историков, в его недрах уже развивались капиталистические отношения (это период так называемого первоначального накопления капитала, на котором мы специально остановимся ниже).

Что такое феодализм? Возьмем определение из авторитетного источника советского времени: «Феодализм (нем. *Ecudalismus*, франц. *feodalite*, от позднелатинского *feodum*, *feudum* – фео́д), классово антагонистическая формация, представляющая – во всемирно-историческом развитии – этап, стадияльно следующий за рабовладельческим строем и предшествующий капитализму. В исто-

¹ Подробнее о соотношении экономических и духовно-религиозных факторов в сворачивании рабства см.: И. Свенцицкая. Раннее христианство: страницы истории. М.: Изд-во политической литературы, 1994; В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви. М.: Хроника, 1994; Смирнов Е. И.. История христианской церкви. – М.: Изд-во Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1996.

рии многих народов Ф. был первой классово антагонистической формацией (то есть непосредственно следовал за первобытно-общинным строем). При всем многообразии конкретно-исторических, региональных разновидностей Ф. и его стадийных особенностях ряд общих черт характеризует производственные отношения этого строя. Во-первых, наличие феодальной собственности, выступающей как монополия господствующего класса (феодалов) на основное средство производства – землю, то есть как собственность феодальной иерархии в целом (или как верховная собственность государства); при этом собственность на землю была неразрывно связана с господством над непосредственными производителями – крестьянами (для феодала ценность представляла земля не сама по себе, а в соединении с работником, ее возделывающим, – основным и решающим элементом производительных сил того времени). Во-вторых, наличие у крестьянина самостоятельного хозяйства, ведущегося на формально “уступленном” ему господином наделе, который фактически находился в наследственном пользовании одной и той же возделывавшей его крестьянской семьи. Не располагая правом собственности на землю, такая семья являлась собственником своих орудий труда, рабочего скота и другой движимости. Из отношений феодальной собственности вытекало “право” феодала на безвозмездное присвоение прибавочного продукта крестьянского труда, то есть право на феодальную земельную ренту, выступавшую в виде барщины, натурального или денежного оброка. Таким образом, феодальный способ производства основан на сочетании крупной земельной собственности класса феодалов и мелкого индивидуального хозяйства непосредственных производителей – крестьян, эксплуатируемых с помощью внеэкономического принуждения (последнее столь же характерно для Ф., как экономическое принуждение для капитализма). Поскольку крестьянин был фактическим

владельцем своего земельного надела, внеэкономическое принуждение (которое могло варьироваться от крепостной зависимости до простого сословного неполноправия) было необходимым условием присвоения феодалом земельной ренты, а самостоятельное крестьянское хозяйство – необходимым условием ее производства. Такая специфическая для Ф. форма подчинения непосредственного производителя и его эксплуатации открывала возможность функционирования индивидуально-семейного крестьянского хозяйства, наиболее соответствовавшего достигнутому к тому времени уровню производительных сил, в качестве основы общественного производства в целом. Утвердившаяся в эпоху Ф. известная хозяйственная самостоятельность крестьянина (в сравнении с положением раба при рабовладельческом строе) открывала некоторый простор для повышения производительности крестьянского труда и развития производительных сил общества. Этим, в конечном счете, определялась историческая прогрессивность Ф. по сравнению с рабовладельческим и первобытнообщинным строем»¹.

Если говорить о феодализме, который возник на обломках Римской империи, то он стал продолжением той формы, которая начала складываться еще в недрах империи, – *колоната*. Колоны – арендаторы земли (а иногда и орудий труда), которые вносили владельцу участка арендную плату – как в натуральной, так и денежной форме. Колонами считались любые арендаторы – как рабы, так и свободные. Первоначально между ними в юридическом плане проводилась четкая грань: рабы были квазиколонатами и были ограничены в личных правах. Вместе с тем перевод раба на положение колона повышал стимул работника к труду и был выгоден рабовладельцу, который таким образом увеличивал свой доход и снимал с себя

¹ Феодализм // Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. Т. 27. М.: Советская энциклопедия, 1977.

бремя постоянного контроля за работником. Постепенно квазиколоны стали основным видом колонов, они стали получать некоторые личные права, а вносимая ими арендная плата стала напоминать натуральный и денежный оброк крепостного.

Отношения, существовавшие между феодалом и крепостным, различаются лишь способами и формами эксплуатации первым второго, сущность остается одной и той же – рабство. Таким образом, человечеству помимо патриархального и классического рабства стало известно еще и *феодалное рабство*. Феодалное рабство имеет много разновидностей и оттенков. Некоторые его формы напоминают прямое рабство – чаще патриархальное, но иногда и классическое (римское). Более поздние его формы – капиталистическое рабство, о котором еще будет разговор.

Мы не собираемся погружаться в тонкости исследования европейского феодализма, а лишь отметим: в разных странах в разные моменты времени существовали три основных типа крестьян-работников.

Первый – свободные крестьяне с наделами земли. Они были подданными монарха (короля, царя), подчинялись только ему (в том числе осуществляя уплату налогов, неся воинскую повинность и т.п.), судиться могли только судом монарха. Таких крестьян иногда было мало, но они были на протяжении всей эпохи феодализма почти во всех странах.

Второй – поземельные зависимые крестьяне. Собственной земли у них не было, они пользовались землей феодала, уплачивая ему ренту. При этом могли оставить своего хозяина (феодала) и перейти к другому.

Третий – лично зависимые крестьяне, или крепостные. Они также получали землю от феодала в пользование, но оставить своего хозяина и перейти к другому не могли. Крайняя форма крепостничества, приближающаяся к рабству, – когда феодал распоряжался работником: мог его наказывать без суда, продавать и т.д.

Формы ренты, или отчуждения труда работника (крепостного) его хозяином (феодалом, помещиком) при феодализме:

- а) барщина (работа на участке хозяина);
- б) натуральный оброк (отчуждение части продукта труда, произведенного на участке крепостного);
- в) денежный оброк (отчуждение части продукта, произведенного на участке крепостного в денежной форме).

Как сказано в приведенном выше отрывке из Большой советской энциклопедии, отчуждение труда (продукта труда) осуществляется посредством *внеэкономического принуждения*. А ведь при рабовладении также имеет место внеэкономическое принуждение. Таким образом, *границы между крепостным и прямым рабом достаточно условны*. Известный советский исследователь феодализма Б. Ф. Поршнев подчеркивал, что *четкой границы между прямым рабством и феодальным рабством нет*: первый вид рабства представляет собой полную собственность хозяина на работника, второй вид – неполную. Однако и при прямом рабстве работник может получать некоторые « послабления » и « свободы » (например, – право на обзаведение женой, детьми, имуществом; даже быть отпущенным на свободу по истечении определенного срока), и при феодальном рабстве работник может лишаться некоторых элементарных прав (например, быть проданным другому хозяину)¹.

Ранний и средний феодализм – период таких отношений между работником и хозяином, которые напоминают патриархальное рабовладение. А вот поздний феодализм, основывающийся на денежном оброке, более близок к римскому классическому рабовладению, при котором рабовладелец рассматривал раба не просто как работника или слугу, а прежде всего как источник денежного дохода. В феодальном обществе усиливается « жаж-

¹ См.: Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964.

да денег», «вирус» «духа капитализма» начинает быстро развиваться, ослабляя организм феодального общества и ускоряя его смерть.

За «кадром» приведенного выше развернутого определения феодализма остается очень важный момент – *отсутствие в феодальном обществе того «духа капитализма», который был характерен для древнеримского общества.* Да, феодальная знать любила роскошь и богатство, умела выбивать из своих вассалов и крестьян дань (оброк) как в натуральной, так и денежной форме. Но вот одержимости в «делании денег» у феодалов не было (скорее была одержимость в «трате денег»). Если бы такая одержимость была, то было бы крупное товарное производство, был бы торговый и денежный капитал. Все это было, но не в тех масштабах, которые были характерны для древнеримского капитализма. «Вирус» «духа капитализма», конечно, присутствовал и присутствует в душах людей в любые времена. *Но в Средние века общество имело сильный «иммунитет», который не давал развиваться этому «вирусу», он находился в «подавленном» состоянии.* Источниками этого «иммунитета» были *христианство и Церковь.* Человек той эпохи прекрасно понимал, что «нельзя поклоняться Богу и маммоне». Общество той эпохи на фундаменте христианского учения выработало определенные этические стандарты, которые делали торговлю деньгами и делание денег презренным занятием. Да, многие люди и в те времена любили богатство и деньги. Но при этом они ненавидели или, по крайней мере, презирали «делание» денег и богатства. И на протяжении многих веков ненависть и презрение к «деланию» денег были сильным «тормозом» в стремлении к бесконечному увеличению абстрактного денежного богатства. Наиболее ярко ненависть к «деланию» денег проявилась в осуждении ростовщичества, ограничениях и запретах на такое

«делание» денег. С точки зрения современного банкира, это было «иррациональным» поведением.

Еще в начале XIX века среди историков (как в России, так и за рубежом) превалировало представление о Средних веках (особенно раннем Средневековье) как о «золотом времени» человечества. С появлением марксизма и апологетических теорий, защищавших капитализм, в XIX веке произошла полная смена оценок средневекового периода истории. Теперь его стали величать «мрачным Средневековьем»¹. Если отойти от марксистской схемы исторического процесса, базирующейся на понятии «общественно-экономическая формация», то общество, которое возникло на обломках Римской империи, следовало бы назвать «христианской цивилизацией». Речь, конечно же, идет о применении этого понятия к странам Европы, где христианство утвердилось в качестве главенствующей религии. В европейском обществе христианские заповеди были лишь идеалом, реальное общество было крайне далеко от этого эталона. Можно приводить тысячи примеров того, как христианские заповеди нарушались и королями, и феодалами, и иерархами Католической церкви, и простым народом. Ситуация усугублялась тем, что лишь в раннем феодализме в Западной Европе было истинное, неповрежденное (православное) христианство². По мнению некоторых авторов, в «чистом» виде христианская цивилизация существовала в Византии – Втором Риме, где христианство избежало «мутации»³. Более тысячи лет назад происходит «мутация» христианства

¹ Новая плеяда историков стала называть своих предшественников снисходительно – «романтической» школой.

² См.: В. Тростников. Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М.: издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004.

³ См.: В. Н. Тростников Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М.: издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004.

в Европе – оно становится католическим, содержит в себе ряд «повреждений»¹. Но нельзя и недооценивать положительное влияние христианства даже в его католическом варианте на устройство общественной жизни в Западной Европе. Оно на протяжении многих столетий сдерживало смертоносное действие тех «вирусов», которые в свое время привели к гибели языческий Рим. В том числе «вирус» капитализма, который имел множество разновидностей.

На языке Христианской церкви эти разновидности «вируса» называются «страстью стяжательства», «страстью сребролюбия», «страстью лихоимства», «страстью хищения», «страстью скверноприбытчества» и т.п. Эти страсти-вирусы «заражают» «тело» общества незаметно. Болезнь развивается поэтапно.

На *первом этапе* страсти-вирусы «заражают» отдельные «клетки» общественного организма – отдельных людей. И поражают страсти-вирусы не кровь и не плоть людей, а их души (или, как говорят святые отцы, – «сердца»).

На *втором этапе* страсти-вирусы передаются от одного человека к другому. Начинается «эпидемия», которая в короткий срок может поразить все «тело» общества – его экономику, политику, культуру, идеологию (подобно тому, как обычный вирус может поражать одновременно все органы тела человека – печень, сердце, мозг и т.п.).

На *третьем этапе* начинается «умирание» зараженного организма общества. В экономике, в частности, под влиянием действия страстей-вирусов полностью нарушаются процессы сбалансированного «обмена веществ» (товарно-денежных обменов). Нарушение экономических «метаболизм» приводит к периодическим и все более глубоким кризисам и в конечном счете к летальному исходу (распаду общества).

¹ Разговор об этом выходит за рамки данной работы. Подробно данный вопрос освещен в следующем источнике: О. Н. Четверикова, А. В. Крыжановский. Культура и религия Запада. Религиозные традиции Европы: от истоков до наших дней. М.: ОАО «Московские учебники», 2009.

Часто «смерть» общественного организма сопровождается революциями, гражданскими войнами, экономическими кризисами, ведущими к массовой физической гибели отдельных «клеток» (людей). Однако отдельные «клетки» физически выживают и становятся «строительным материалом» для формирования нового общественного организма. Но вместе с этими «клетками» в новый организм заносятся все те же страсти-вирусы. Через некоторое время они начинают работу по разрушению этого нового общественного организма.

Экономисты, политики, государственные деятели обычно спохватываются лишь тогда, когда начинается третий этап развития «болезни», когда она видна невооруженным глазом, когда каждый член общества («клетка») начинает буквально физически ощущать проявления и последствия «болезни» всего общественного организма. Как правило, на этом этапе «лечение» сводится к грубым вмешательствам в «тело» общественного организма с помощью «ножа». Такие грубые «хирургические операции» (на обычном языке их называют экономическими, политическими, социальными «реформами») могут давать лишь некоторое временное облегчение болящему общественному организму. Могут быть и неудачные «операции», которые лишь ускоряют летальный исход.

Лишь духовно зрячие люди чутко ощущают присутствие в нашем мире (вернее – в сердцах) «страстей-вирусов». Именно они прекрасно понимают, что бороться с болезнями общественного организма надо прежде всего на «клеточном» уровне. Лучше всего – подавлять действие страстей-вирусов внутри самих себя. Но для этого нужны, по крайней мере, три условия:

- а) люди должны знать о существовании таких страстей-вирусов и об их смертоносном действии;
- б) люди должны иметь волю бороться со страстями-вирусами;
- в) люди должны уметь вести эти борьбу.

Церковь (истинно христианская) и ее члены прекрасно знают об этих «секретах» общественных нестройностей. И истинные христиане делают все возможное для спасения самих себя, а в конечном счете, и всего общественного организма. Но в конце XV – начале XVI века Западная (Католическая) церковь сама начала «болеть», поскольку страсти-вирусы поразили сердца многих иерархов и клириков этой церкви. Болезнь эта проявилось в так называемой *Реформации*. Она завершилась появлением еще более «мутированной», чем католицизм, модификации христианства – *протестантизма с его «духом капитализма»*. В эпоху позднего феодализма произошло ослабление «иммунитета» отдельных «клеток», возникла угроза жизни всей западноевропейской цивилизации (которую мы все-таки, при всех оговорках, можем назвать христианской).

Не следует думать, что феодализм и рабство – взаимоисключающие понятия. Мы еще раз подчеркиваем, что рабство – такой тип отношений между людьми, когда труд (результаты труда) одного человека присваивается другим человеком. То есть рабство – это отношения эксплуатации одного человека (группы людей) другим человеком (другой группой людей). Таким образом, общество, которое существовало в Средние века, было далеко не совершенным, имела место эксплуатация одного человека другим человеком. Более того, такие отношения явно противоречили христианским идеалам и христианским заповедям. Ведь если все называть своими именами, то присвоение труда (продукта труда) одного человека другим – это кража. Нарушалась важнейшая заповедь «*Не укради!*». Нарушение этой (и многих других заповедей) ослабляло общественный организм того времени.

Следует обратить внимание на те «передержки», которые допускали и допускают многие историки и социологи при описании Средних веков. Причем как марк-

систские, так и буржуазные. И те и другие рассматривали и рассматривают Средние века как «мрачную эпоху» мировой истории. А для этого постоянно напоминают о проклятом «крепостническом рабстве», тем самым осознанно или неосознанно намекая, что христианство и рабство неотделимы друг от друга (или, по крайней мере, не исключают друг друга). Данная тема очень серьезна и выходит за рамки данной работы. Между тем объективные исследователи отмечают, что в первой половине эпохи Средних веков в Западной Европе преобладал *свободный труд*. Вот, например, в учебниках В. П. Будановой¹, С. Д. Сказкина², В. Ф. Семенова³ говорится, что во многих крупных европейских государствах (Англия, Франция, Западная Германия) крепостная зависимость появляется лишь в IX–X веках. Стало быть, *в период Раннего средневековья (а это без малого полтысячи лет) на значительной территории Европы в сельском хозяйстве использовался труд свободного земледельца*. В Северной Европе (Дания, Швеция, Норвегия) было много свободных крестьян – собственников земли. Лишь в конце XV – начале XVI века там начинается насильственное превращение крестьян-собственников во временных арендаторов⁴. Поздно появилось крепостное право и в ряде других европейских стран. Среди них – *Россия*. Лишь при царе *Алексее Михайловиче* Соборное уложение 1649 года установило бессрочное прикрепление крестьянина к земле. Однако при этом владелец поместья не мог посягать на жизнь крестьянина, лишать его земельного участка. Хотя Соборное установление уже разрешало передачу крестьянина от одного владельца к другому, но лишь при условии, что он

¹ В. П. Буданова. Средние века. М., 2006.

² С. Д. Сказкин. История средних веков. М., 1977.

³ В. Ф. Семенов. История средних веков. М., 1975.

⁴ Об этом можно прочитать, в частности, в книге А. Я. Гуревича «Свободное крестьянство феодальной Норвегии» (М., 1967).

будет «посажен» на землю и наделен необходимым личным имуществом.

По-настоящему крепостное закабаление крестьян в России происходило в XVIII веке, когда оно стало действительно напоминать рабство. Например, в 1747 году помещику было предоставлено право продавать своих крестьян в рекруты любому лицу. В 1760 году помещик получил право ссылать своих крестьян в Сибирь, а в 1765 году – не только в Сибирь, но и на каторжные работы. В 1767 году крестьянам было запрещено подавать жалобы (челобитные) на своих помещиков. Таким образом, крестьяне были действительно превращены в «живое имущество». Это было уже близко к настоящему рабству. Такое порабощение произошло после того, как Петр I прорубил «окно в Европу». А Европа (и особенно Англия) на полных парах уже двигались к капитализму, развивались товарно-денежные отношения. Англия произвела «зачистку» земель от крестьян, превратила эти земли в пастбища и стала активно закупать зерно на мировом рынке, в том числе в России. Помещики стали получать деньги от вывоза зерна, у них все больше разгорался «аппетит» на деньги и роскошную жизнь, а «аппетит» можно было удовлетворять только за счет усиления эксплуатации крестьян. Это и было причиной того, что крепостничество в России стало расцветать пышным цветом лишь тогда, когда в Европе стал расцветать пышным цветом капитализм.

Надо сказать, что даже в эпоху расцвета крепостничества в России далеко не все крестьяне находились в крепостной зависимости от помещиков. Крепостное право не получило распространения на значительной части территории Российской империи: на Русском Севере, на большей части Уральского региона, в Сибири (где основную часть сельского населения составляли черносошные, затем государственные крестьяне), в южных казачьих областях. Также свободные крестьяне существовали наряду

с крепостными и в других странах Европы. Например, в скандинавских странах во все века существовали так называемые *бонды* – свободные крестьяне (хотя они не всегда имели собственную землю, подвергаясь эксплуатации со стороны крупных землевладельцев или государства)¹.

У большинства наших школьников, студентов (да и взрослых людей с высшим образованием) понятия «феодализм», «Средние века», «крепостничество» воспринимаются как однопорядковые, почти как ряд синонимов. Понятно, каковы причины такого «оптического обмана»: сохраняющееся марксистское искаженное восприятие истории через призму «общественно-экономической формации». К сожалению, авторов, которые толково разъясняют, что между указанными понятиями нельзя ставить знак равенства, не так уже много. Один из них – наш современный русский философ Ю. Бородай. Он, в частности, пишет: «Факт: *европейское крепостничество – явление относительно позднее* (курсив мой. – В. К.). В своей классической форме первоначально оно устанавливается в Германии под воздействием мощного спроса на хлеб в переживающей “чистку земли” Англии <...> В Россию крепостничество пришло позже: и хронологически, и стадияльно его ужесточение совпадает с этапами расширения “окна в Европу” <...> Во времена своей молодости западный капитализм одарил нас помещичьим крепостничеством, которое продержалось в России до 1861 года»².

Даже классики марксизма с их «железной» схемой истории как смены общественно-экономических формаций не могли не признать того, что «настоящее» крепостничество в Западной Европе появилось не в первой, а второй половине эпохи Средних веков. Вот, например, в «Капитале» читаем: «В XV веке немецкий крестьянин,

¹ См.: А. Я. Гуревич. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

² Ю. Бородай. Третий путь // Наш современник. 1991, № 10.

хотя и обязан был почти всюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще *был, по крайней мере фактически, свободным человеком* (курсив мой – В. К.)... но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Мекленбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных»¹.

Мы уже неоднократно подчеркивали: Маркс многие события европейской истории просто констатировал, не находя (в силу своего материалистического взгляда на историю) вразумительного их объяснения. И в данном случае он просто вынужден признать очевидный факт: крепостное рабовладение – особенность позднего Средневековья (что входило в противоречие с его схемой исторического процесса как смены общественно-экономических формаций). А причинно-следственная связь между кризисом европейского христианства в виде Реформации и крепостным закабалением свободного крестьянина для Маркса-материалиста остается непостижимой.

3. Христианство и капитализм

Вглядываясь в процессы духовной энтропии древнего мира и особенно Римской империи, понимаешь, что все это повторяется сегодня. К сожалению, приходится констатировать: человечество, пройдя непростую траекторию двухтысячелетней истории, возвращается на исходные позиции. Оно, выражаясь словами апостола Петра, «как пес возвращается на свою блевотину»², то есть возвращается к рабовладельческому капитализму.

Мир в массовом порядке стал поклоняться маммоне. Общественный строй таких идолопоклонников можно назвать *маммонизмом*. Одним из первых стал

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. / 2-е изд. Т. 23. С. 248.

² 2 Петр. 2:22.

употреблять слово «маммонизм» немецкий философ и социолог Рудольф Юнг. Он использовал это слово для характеристики капитализма, подчеркивая его паразитическую сущность в работе «Национальный социализм: его основа, развитие и цели» (1919). Примерно в это же время другой немец – Готфрид Федер также активно использовал термин «маммонизм» в своей работе «Сломать кабалу процента!»¹. Но словечко это нигде не прижилось. Уж слишком оно резало ухо и будоражило совесть людей, которые числили себя христианами!

Зато в обиход вошло слово «капитализм», который Христос вроде не обличал и не запрещал. Рядовому обывателю оно мало что говорило. Маркс в «Капитале» сознательно пытался увести читателя от размышлений по поводу духовного происхождения капитализма и акцентировал внимание на «чистой» экономике, а также «производительных силах». Это было не просто сделать, потому что в той же Англии многие уже догадывались, что капитализм – это прежде всего *религия* и лишь во вторую очередь – экономика. Английский историк и философ Т. Карлейль еще в то время, когда Маркс только обдумывал свой будущий труд «Капитал», писал (1843): «Поистине, с нашим евангелием маммоны мы пришли к странному выводу! Мы говорим об обществе и все же проводим повсюду полнейшее разделение и обособление. Наша жизнь состоит не во взаимной поддержке, а, напротив, во взаимной вражде, выраженной в известных законах войны, именуемой “разумной конкуренцией” и т.п. Мы совершенно забыли, что чистоган не составляет единственной связи между человеком и человеком. “Мои голодающие рабочие?” – говорит богатый фабрикант. – “Разве я не нанял их на рынке, как это и полагается? Разве я не уплатил им до последней копейки договорной пла-

¹ Г. Федер. Сломать кабалу процента! // Великая гражданская война 1941–1945 (Научное издание). М.: ООО «ФЭРИ-В», 2002. С. 309–347.

ты? Что же мне с ними еще делать?» Да, культ маммоны воистину печальная вера»¹.

Наиболее умственно продвинутым членам общества профессора от политической экономии внушали в духе марксизма: «капитализм» – это «способ производства» (или «общественно-экономическая формация»), и к «свободе совести» он не имеет никакого отношения.

В XX веке капитализм себя достаточно дискредитировал, и идеологи, обслуживающие мировую олигархию, стали подыскивать замену слову «капитализм». Такой заменой оказалось словосочетание «рыночная экономика», «рыночная система». Американский экономист Дж. Гэлбрейт пишет: «Были начаты поиски неопасной альтернативы термину “капитализм”. В США предприняли попытку использовать словосочетание “свободное предпринимательство” – оно не прижилось. Свобода, подразумевавшая принятие свободных решений предпринимателями, не являлась убедительной. В Европе появилось словосочетание “социал-демократия” – смесь капитализма и социализма, сдобренная состраданием. Однако в США слово “социализм” вызывало в прошлом неприятие (да и в настоящем это неприятие осталось). В последующие годы стали использовать словосочетание “новый курс”, но все же его слишком отождествляли с Франклином Делано Рузвельтом и его сторонниками. В итоге в научном мире прижилось выражение “рыночная система”, так как оно не имело негативной истории – впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла...»²

¹ Карлейль Т. Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1994. С. 348.

² Гэлбрейт Дж. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: Европа, 2009. С. 20; см. также: Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». М.: НИИ школьных технологий, 2011. С. 57–62.

Замена вывески произошла, а духовное содержание осталось прежним – маммонизм. Люди верят не в «способ производства», не в «общественно-экономическую формуляцию», не в «рынок», они верят в деньги! О. Бронсон с прискорбием констатирует: «Маммонизм стал религией англосаксонского мира, а о Боге мы просто напросто забыли. Мы утратили веру в благородное, прекрасное и справедливое»¹. Сначала эта религия маммонизма рядилась в одежды христианства (протестантизм в разных модификациях), затем стала все больше приобретать черты язычества (порой рядящегося в одежды атеизма), наконец показала свой звериный оскал сатанизма.

Сегодня во многих странах Запада деятельность *сатанистов* уже легализована. В США, например, в 1970 году церковь сатаны была принята в Национальный совет церковей США. По некоторым данным, сегодня в Америке насчитывается 8 тысяч «собраний» сатанистов, объединяющих около 100 тысяч человек. Власти США открыто оказывают поддержку сатанистам. Так, президент Рейган в 1987 году признал публично «важную роль сатанизма в современной американской жизни» и призвал учитывать интересы этой части избирателей. Открытым финансовым спонсором церкви сатаны в Америке выступает крупная американская корпорация «Проктер энд Гэмбл»².

Многие авторы, стоящие на позициях цивилизационного подхода к описанию общества и истории, считают, что современный мир представляет собой сочетание нескольких цивилизаций. Ими в зависимости от доминирующей в обществе (государстве) религии выделяются западная цивилизация (католицизм и протестантизм), исламская (ислам в разных модификациях), конфуцианская, иудаистская, буддистская и несколько более мелких. При этом акцентируется внимание на различиях в

¹ Цит. по: С. В. Вальцев. Закат человечества. С. 43.

² С. В. Вальцев. Закат человечества. С. 101–102.

цивилизациях, но не замечается их усиливающаяся «духовная конвергенция»¹.

Ряд исследователей пытается дать более тонкую картину мира, показать его цивилизационное разнообразие: например, выделить в рамках западной цивилизации католическую (Южная Европа, Латинская Америка), протестантскую (Северная Америка, Великобритания, часть континентальной Европы), в рамках исламской – шиитскую и суннитскую и т.д. Однако, по нашему мнению, подобные подходы к описанию современного мира основываются на достаточно формальном подходе: учете числа людей, которые себя причисляют к той или иной религии или тому или иному духовному течению. Сегодня мы наблюдаем быстрые процессы размывания традиционного религиозного сознания в условиях агрессивной глобализации. Большинство авторов обращают внимание прежде всего на *экономическое и финансовое измерение глобализации*. Между тем самым главным является *духовное ее измерение*. К сожалению, маммонизм подвергает быстрой эрозии все основные мировые религии, «дух капитализма» обитает сегодня не только над Америкой, Англией или Голландией. Он витает сегодня и над Китаем, и над Африкой, и над Россией – «Третьим Римом». С учетом нынешних духовно-энтропийных процессов мы рискуем сделать следующее заключение: цивилизационная картина современного мира предельно упростилась; некогда существовавшая на планете «цветущая сложность» (выражение нашего русского философа XIX века К. Леонтьева) редуцировалась до уныло-серой, монотонной картины глобальной *«денежной цивилизации»*².

¹ См., например: Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: ООО «АСТ», 2003.

² В. Ю. Катасонов О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных экономических проблем «денежной цивилизации». Книги 1 и 2. М.: НИИ школьных технологий, 2011.

Мы уже не раз употребляли в нашей работе этот термин. Сейчас лишь подчеркиваем *универсальный, глобальный характер «денежной цивилизации»*, а также некоторое лукавство современных социологов и политологов, которые своими сложными умственными изысканиями уводят нас от понимания этой жутковатой простоты устройства современного мира. Нам хотелось бы ошибаться. Но мы в таком суждении не одиноки. Вот, например, Геннадий Водолеев пишет: «... в человеческих обществах всей нашей цивилизации... в 95 случаях из 100 выбор между деньгами и должным, нравственным поступком совершается дееспособным человеком... без колебаний всегда в пользу первых. Причем в социальных сферах “деловых” людей, политиков такой выбор присутствует в 100 случаях из 100... Исключение составляют разве что сотни миллионов касты неприкасаемых Индии, отверженные других обществ, которые никогда не принадлежали цивилизации денег, да еще северные народы»¹.

Среди всех цивилизаций, существовавших и существующих на планете, нас, русских людей, наверное, больше всего волнует судьба христианской цивилизации, которая возникла на развалинах римской цивилизации и сформировалась в Византии при императоре Константине Великом (Второй Рим). В средние века христианская цивилизация сложилась в Европе, а после Крещения Руси князем Владимиром – на просторах нашей Родины (Третий Рим)².

Сегодня существует много даже чисто внешних признаков трансформации христианской цивилизации в «денежную». Это особенно бросается в глаза на Западе. Интерес к традиционным формам религии там постоянно

¹ Г. Водолеев. Люди цивилизации денег // Интернет. Режим доступа: <http://ari.ru/news/34549fbf8/>

² См.: В. Н. Тростников Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты. М.: издательский дом Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», 2004.

падает. Например, в ФРГ с 1991 по 1998 год число людей, регулярно посещающих церкви, уменьшилось более чем в 2 раза: с 14,7 до 7%. Менее серьезно, но не менее неуклонно этот процесс происходил в Италии (сокращение почти на треть), не говоря уже о Франции, где о церкви и кюре вспоминают только при регистрации браков и конфирмации. Нотр-Дам превратился в большой музей-ресторан, куда приходят толпы, жующие гамбургеры и «стиморол», чтобы поглазеть на древние ритуалы. Думается, для этих людей воскресная месса стоит в одном ряду с гаданием на картах и показательным выступлением колдунов вуду. В Великобритании 44% взрослого населения не исповедуют никакой религии. Особенно много неверующих среди молодежи от 18 до 24 лет – 66 %. По мнению одного из ведущих английских религиоведов П. Брайерли, через 40 лет лишь 0,5% населения страны будут посещать церковные службы¹.

Приходится констатировать простую закономерность: чем более прочные позиции захватывает капитализм («денежная цивилизация»), тем быстрее исчезает христианство, тем быстрее происходит переход общества в эпоху постхристианства. Нас могут обвинить в излишней драматизации ситуации. Но напомним хорошо известную истину: без осознания факта своего заболевания человек вряд ли имеет шанс на выздоровление.

К сожалению, официальные религии сегодня все чаще играют роль неких декораций, предназначение которых – скрывать уродливое и зловещее духовное нутро «денежной цивилизации». Пожалуй, последним духовным оплотом борьбы с «денежной цивилизацией» остается православие².

¹ С. В. Вальцев. Закат человечества. С. 42. См. также: О. Н. Четверикова, А. В. Кржижановский. Культура и религия Запада. М.: ОАО «Московские учебники», 2009.

² См.: В. П. Филимонов. Святое православие и тайна беззакония – XXI век. М.: Вектор, 2006; Испытание наших дней. В защиту церковного единства. М.: Даниловский благовестник, 2003; Священник Александр Круглов. Последняя война. М.: Просветитель, 2004.

Русская Православная Церковь сформулировала свою позицию по ключевым вопросам устройства общества в документе, который называется «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (принят в 2000 году). Особый интерес с точки зрения обсуждаемых нами вопросов представляют раздел VI «Труд и его плоды» и раздел VII «Собственность».

Приведем отрывок из документа, касающийся трудовых отношений: «Работающий вправе пользоваться плодами своего труда: “Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? Кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое” (1 Кор. 9:7,10). Церковь учит, что отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом.

Священное Писание говорит: “Не обижай наемника... В тот же день отдай плату его... чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха” (Втор. 24:14–15); “Горе тому, кто... заставляет ближнего своего работать даром и не отдает ему платы его” (Иер. 22:13); “Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа” (Иак. 5:4).

Вместе с тем заповедь Божия повелевает трудящимся заботиться о тех людях, которые по различным причинам не могут сами зарабатывать себе на жизнь, – о немощных, больных, пришельцах (беженцах), сиротах и вдовах – и делиться с ними плодами труда, “чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всех делах рук твоих» (Втор. 24:19–22). Продолжая на земле служение Христа, Который отождествил Себя именно с обездоленными, Церковь всегда выступает в защиту безгласных и бессильных. Поэтому она призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, здоровый – больного, трудоспособный – престарелого. Духовное благополучие и самосохранение общества возмож-

ны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств» (VI.6).

Также важным является следующий фрагмент: «...отторжение и передел собственности с попранием прав ее законных владельцев не могут быть одобрены Церковью. Исключением может быть такое отторжение собственности на основе соответствующего закона, которое, будучи обусловлено интересами большинства людей, сопровождается справедливой компенсацией. Опыт отечественной истории показывает, что нарушение этих принципов неизбежно приводит к социальным потрясениям и страданиям людей» (VII.3).

Фактически в этих отрывках в сжатой форме представлена позиция неприятия нашей Православной Церковью различных форм современного рабства, прежде всего наемного. Правда, документ избегает слов «капитализм», «рабство», «наемный труд» и т.п. Многие тезисы документа требуют дальнейшей проработки, конкретизации и детализации; необходимы развернутые предложения по обеспечению социальной справедливости, раскрытию творческого потенциала работников и т.п. К сожалению, прогресса в данном направлении за десять с лишним лет мы не заметили. Скорее, наблюдаются даже попытки провести некоторую «ревизию» положений «Основ социальной концепции».

Определенные силы (как внешние, так и внутренние) пытаются использовать официальную Православную Церковь для прикрытия «ползучей» агрессии Запада на духовном пространстве России, окончательного утверждения здесь духовного фундамента «денежной цивилизации». Одним из последних примеров использования «церковного фасада» МП РПЦ (Московской Патриархии Русской Православной Церкви) для утверждения в России

«денежной цивилизации» является подготовка рабочей группой при МП РПЦ концепции так называемого «православного бэнкинга». Это откровенная попытка Запада добиться не только юридической, но и церковной (духовной) легализации ростовщичества в России, то есть попытка добиться со стороны Церкви благословения долгового рабства. А одновременно и попытка дискредитации Русской Православной Церкви¹.

Еще один пример – разработка и принятие в 2004 году по инициативе и при участии экспертов, близких к МП РПЦ, документа под названием «Свод нравственных принципов и правил хозяйствования». В указанном документе не дается принципиальной оценки сложившегося в России общественно-экономического строя, вместо этого содержится набор совершенно банальных «рекомендаций», адресованных «волкам-капиталистам», как им следует «цивилизованно» и «гуманно» поедать «овец-работников». Это еще одна попытка создать в России «капитализм с православным лицом». Впрочем, правильное сказать: попытка создать у православных людей иллюзию, что в России строится такой капитализм, потому что в природе не существует ни христианского, ни католического, ни православного капитализма. Везде это один и тот же строй смертоносного маммонизма².

Впрочем, попытки определенных сил как внутри церковной организации, так и внешних по отношению к ней доказать совместимость капитализма и христианства наблюдаются с XIX века. Основной упор в этих попытках делался на то, что частная собственность «священна». Причем не делалось различия между частной собственностью на фабрики, заводы и землю, с одной стороны, и частной

¹ Подробнее см.: О. Н. Четверикова. «Новая церковная экономика» под вывеской «этичного бизнеса» // Наше дело. № 2 (4), 2011.

² Подробнее см.: В. Ю. Катасонов. «Моральный кодекс строителя капитализма» // Наше дело. 2010, № 2.

собственностью на жилище и различного рода личное имущество – с другой. А «благословение» «священного» права частной собственности на средства производства фактически означало и молчаливое «благословение» наемного рабства¹.

Конечно, в нашей Церкви были отдельные служители, которые активно обличали отдельных капиталистов за их несправедные богатства, хищения и эксплуатацию, а также представителей власти, насаждавших в России капиталистическое рабство. Яркий пример – святой праведный Иоанн Кронштадтский. Он не только обличал, но и практически спасал людей, ставших жертвами капитализма. Через его руки каждый год проходили миллионы рублей, которые он раздавал неимущим; кроме того, он организовал в Кронштадте «работный дом» для трудовой реабилитации люмпенизированных людей; трудоустраивал безработных и прошедших трудовую реабилитацию². Однако четкой социальной позиции у всей церковной организации не было. Это, с нашей точки зрения, привело к тому, что антикапиталистические идеи и лозунги в 1917 году оказались в руках откровенных богоборцев.

За двадцать лет существования Российской Федерации капитализм в нашем обществе успел пустить доста-

¹ В 1924 году митрополит Сергей (Страгородский) написал записку, в которой он признал, что в церковном учении о собственности имели место определенные искажения в части, касающейся частной собственности. Он назвал три причины таких искажений: 1) богословская наука в России находилась под сильным влиянием протестантизма; 2) зависимость Церкви от государства (со времен Петра Первого, который упразднил патриаршество, заменив его Синодом; в дальнейшем этот орган церковного управления превратился в подобие министерства, управляемого правительством); 3) сильным увлечением Церкви борьбой с идеями социализма, в частности с идеей общественной собственности; это породило стремление Церкви еще активнее защищать частную собственность. (См.: Н. В. Сомин. «Святая» нажива // Интернет. Режим доступа: http://narpolit.ru/tochka_opory/svyataya_nazhiva_09-15-57.htm).

² См.: Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания очевидцев. М.: Отчий дом, 2004.

точно глубокие корни в сфере имущественных и трудовых отношений. Православным приходится жить в этой враждебной среде и искать способы приспособления к ней. Но не стоит доказывать, что эта среда является «естественной», что капитализм не мешает христианам спасаться, что это «социальный идеал» христианства. Формирование иллюзий типа «православного бэнкинга» или «капитализма с православным лицом» может привести к той же ситуации, которая сложилась в России век назад: перехвату откровенно богоборческими силами инициативы борьбы с капитализмом, отходу русского народа от Церкви, ложной «симфонии» церковной верхушки и государственно-монополистической верхушки¹.

Мы уже неоднократно говорили, что, с социально-экономической точки зрения, рабством является любая форма отношений между людьми, в результате которых продукт, произведенный одним человеком, помимо его воли и желания присваивается другим человеком. Такое присвоение называется *социальным рабством*, и оно может иметь много конкретных форм: патриархальное, классическое, наемное, долговое, налоговое, коррупционное и т.п. С правовой точки зрения такое присвоение может иметь законное основание (быть легитимным); с морально-нравственной точки зрения это всегда хищение. С христианской точки зрения это нарушение одной из основных заповедей – «Не укради». Следовательно, *христианство не может быть «нейтральным» по отношению к капитализму как строю, в котором делается все возможное для того, чтобы юридически и идеологически*

¹ Сходную мысль формулирует Н. Сомин: «Можно предположить, что капитализм в России всерьез и надолго. Поэтому Церкви придется как-то поддерживать отношения с новым строем, чтобы в его рамках существовать и работать. Но избави Боже благословлять капитализм и записать его в необходимые основы христианской жизни» (См.: Н. В. Сомин. «Святая» нажива // Интернет. Режим доступа: http://narpolit.ru/tochka_opory/svyataya_nazhiva_09-15-57.htm).

легализовать грех, «упразднить» заповедь «не укради». Помимо этой *восьмой заповеди*, также делается все возможное для «упразднения» тесно с ней связанной *десятой заповеди* «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего»¹. Без этого желания не было бы, в конечном счете, и кражи продукта, произведенного другим человеком, не было бы и рабства².

Но вернемся к истории Древнего Рима. Мы постарались показать поразительное сходство раннего и позднего капитализма в разных сферах: хозяйственной, государственного управления, социальных отношений, а также духовной. Но есть и принципиальные отличия нынешнего капитализма от римского.

Во-первых, люди Древнего Рима впервые в истории человечества стали на скользкую и опасную дорожку капитализма и лишь смутно подозревали о существовании пропасти, к которой эта дорожка вела. Современный человек, хотя бы немного знакомый с историей, имеет вполне конкретное знание о существовании этой пропасти.

Во-вторых, люди той давней эпохи не имели спасительной христианской веры и Церкви, которые необходимы для противостояния «духам злобы поднебесной», то есть маммоне и его inferнальному воинству. У современного человека такое спасительное оружие есть.

Наивно думать, что возрастающую энтропию современного «денежного» капитализма можно остановить с помощью каких-то политических и экономических реформ, с помощью «инноваций», «модернизаций» и прочих «перестроек». Да, конечно, нужны и политические, и

¹ Исх. 20:15–17.

² Такое желание выступает в качестве прилога, за которым следует уже сама кража («прилог» – богословский термин, означающий первую греховную мысль, возникающую без желания и даже против воли человека и побуждающую его к греху).

экономические реформы, но они вторичны. Как и 2000 лет назад, разрушительному началу «денежного» капитализма, представляющего собой закамуфлированную форму сатанизма, эффективно может противостоять только христианство. Этому в равной мере учит как Священное Писание, так и история Древнего Рима.

Наивны также призывы некоторых невоцерковленных представителей нашей интеллигенции в годы «перестройки» начать «выдавливать из себя по капле раба» (А. П. Чехов). Накануне Первой мировой войны и 1917 года наша интеллигенция очень своеобразно «выдавливала из себя по капле раба»: она стала стремительно отходить от Церкви, считая зазорным носить звание «раб Божий»¹. В христианстве на протяжении двух тысяч лет активно используется выражение «раб Божий». Святые отцы оставили нам многочисленные объяснения того, что означает данное выражение. Отметим лишь, что для христиан это почетное звание – в отличие от раба человеческого. Почетное хотя бы потому, что Сам Христос считал Себя Рабом Бога Отца. В Библии есть Книга пророка Исаии, где грядущий Мессия-Спаситель предстает в образе раба Господа: «Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля; но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли»². В Евангелии Христос неоднократно говорил, что Он на землю «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»³. И апостол Павел пишет, что Христос для спасения людей принял «образ раба»⁴. И если Сам Спаситель называл Себя служителем и рабом Божьим, то

¹ См.: Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М.: Правило веры, 2004.

² Ис. 49:6.

³ Мк. 10:45.

⁴ Фил. 2:7.

неужели Его последователи постыдятся называть себя так? И апостолы также называли себя рабами Бога. Например: «Павел, раб Бога, апостол же Иисуса Христа»¹. И именно потому, что в некогда Святой Руси многие перестали быть рабами Божьими, они стали социальными рабами.

В годы советской власти не одно поколение школьников также дружно повторяло: «Мы не рабы, рабы не мы». Однако эти атеистические мантры не помогали: вместо «освобождения труда» с каждым годом происходило все большее «закабаление труда», с каждым годом советские люди все больше превращались в работников, которые «ходят на работу». Наша «перестройка» и наши «реформы» – логическое продолжение процесса «закабаления труда».

Многие так и не поняли глубинные причины этого энтропийного процесса, сваливая все наши беды на Горбачева, Ельцина, Запад, ЦРУ, масонов и т.п. Все эти личности, организации, общества, группы лишь воспользовались нашей слабостью. Кто-то правильно сказал: «Не они сильны, а мы слабы». А почему мы оказались слабыми? Потому что, к сожалению, забыли простые, но вместе с тем спасительные слова Евангелия:

Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий делающий грех есть раб греха.

Но раб не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно.

Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете².

Социальное рабство есть результат рабства духовного, а рабство духовное есть результат греха. Таким образом, освобождение от рабства социального возможно только через освобождение от рабства духовного, то есть через освобождение от греха. И самое главное в приведенном

¹ Тит. 1:1.

² Ин. 8:34-36. Также: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32).

отрывке из Евангелия: человек не может самостоятельно освободиться от порабощения греху, освобождение возможно только через Христа (христианство)¹.

4. Христианская альтернатива социальному рабству

Нам крайне важно понять, что альтернативой капиталистическому и всякому другому рабству является *свободный труд*. Свободный труд предполагает, что создаваемый человеком продукт принадлежит ему, и исключительно ему принадлежит право распоряжаться этим продуктом. В том числе человек может добровольно, по совести делиться своим продуктом с другими людьми, особенно теми, кто в нем действительно нуждается. Тема свободного труда выходит за рамки данной книги. Отметим лишь, что лишь при свободном труде раскрывается в полной мере творческий потенциал человека, работник превращается в трудящегося.

Хотя в нашей работе неоднократно использовалось понятие «труд» для описания различных форм рабства, мы это делали только исходя из устоявшегося, привычного мнения, что «труд» и «работа» – синонимы. В немалой степени этому способствовала пропаганда в нашей стране так называемой теории трудовой стоимости как составной части марксизма. Эта теория, как мы показали в нашей работе, описывает процесс капиталистической эксплуатации, причем затраты физической и умственной энергии наемного работника (раба) в процессе производства продукта в ней обозначаются понятием «труд»². Если же го-

¹ Мысль о том, что человек без Христа самостоятельно не может избавиться от греха и спастись, многократно повторяется во всех Евангелиях. Например, в трех Евангелиях приводится история о богатом юноше. Христос в этой истории говорит, что богатому самостоятельно, без помощи Бога, спастись нельзя (см.: Мф. 19:25; Мк. 10:26; Лк. 18:26).

² Корректно было бы называть эти затраты «работой», а «теорию трудовой стоимости» было целесообразно переименовать в «теорию рабочей стоимости».

ворить строго, то рабству соответствует понятие «работа» (отсюда – «рабство»). А человек, свободный от оков рабства, занимается «трудом». Если попытаться наиболее коротко определить различия между «работой» и «трудом», то можно сказать следующее: «Работать может и человек, и машина. Трудиться может только человек».

Работа – это затраты физической и умственной энергии для производства какого-то продукта. Духовно-нравственного элемента она не содержит: насилие над работником лишает его нравственного выбора. Идеальный раб – живая машина, биологический робот.

Труд кроме упомянутых затрат энергии имеет еще духовное и нравственное содержание (определение цели, выбор средств). Лишь в труде в полной мере реализуется творческий потенциал человека. Раб не в состоянии в полной мере вернуть те таланты, которые он получил при рождении от Бога и которые с процентом Бог рассчитывает получить назад от Своего раба¹. Только свободный от рабства человек может с хорошим прибытком вернуть своему Хозяину полученные таланты.

Работа – это обязанность, тягостное ярмо, наказание², от которого человек стремится избавиться любыми способами. Труд – это потребность человека, который стремится восстановить утраченную с Богом связь. Труд – это творчество, трудящийся делается подобным Богу как Творцу видимого и невидимого мира. В системе здоровых потребностей человека труд занимает не менее важное место, чем потребность в еде и питье. Истинно творческие личности (коих сегодня очень немного) готовы даже жертвовать другими важными потребностями ради того, чтобы создавать. Более того, труд – эффектив-

¹ См. притчу о талантах: Мф. 25:13–30.

² Прежде всего это наказание со стороны Бога, которое понесли первые обитатели рая, нарушив запрет не вкушать плодов с дерева познания добра и зла. Наказание состояло в том, что человеку было вменено добывать насущный хлеб в поте лица своего (Книга Бытия, глава 3).

ное средство избавления от рабства. Эту парадоксальную на первый взгляд мысль следующим образом выразил свт. Иоанн Златоуст: «Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу наполненной труда, чтобы избавить нас от... рабства и привести к полной свободе»¹.

В русской и мировой художественной литературе постоянно в той или иной форме встречается простая и в то же время глубокая мысль о том, что человек, находясь под ярмом «денежного» рабства, лишается способности к творческому труду и растрчивает попусту тот аванс, который Бог дал человеку (талант). Яркий пример такого художественного произведения – повесть Н. В. Гоголя «Портрет». Главный герой этой повести – молодой, подающий надежды бедный художник Чертков продает душу дьяволу. После этого он начинает работать в качестве модного портретиста. Его живописный труд превращается в ремесло, он всячески угождает своим заказчикам, не жалеет денег на свою рекламу. Одновременно растут его богатство и слава. Лишь в конце жизни Чертков понимает: он обменял талант на деньги. Зависть к молодым талантливым художникам толкает его на безумные шаги: он скупает их картины и уничтожает их. Потом сходит с ума и умирает. Кстати, в этой же повести (второй части) мы видим другого героя – также художника, который в юности написал портрет одного ростовщика. После смерти ростовщика этот портрет переходил из рук в руки и всем его владельцам приносил несчастья. Художник понимает, что совершил великий грех, и затем в монастыре, ведя строгую жизнь, борется за искупление этого греха. В конце концов он достигает больших вершин в иконописи, венцом его творчества становится икона Рождества Иисуса Христа. Перед своей смертью этот художник завещает сыну своему (тоже художнику) уничтожить портрет ростовщика, который на самом деле был портретом дьявола.

¹ Цит. по: Православное отношение к деньгам. М.: ДАРЪ, 2006. С. 19.

Кстати, художник Чертков из первой части повести резко изменил свою жизнь после того, как приобрел этот самый портрет в картинной лавке. В первую же ночь после покупки ростовщик, изображенный на портрете, ожил, явился Черткову и обещал ему много денег...¹

Совсем недавно мне на глаза попала книга о знаменитом австралийце Джулиане Ассанже, гражданском активисте, который взломал секретные электронные базы данных американских ведомств (Министерства обороны, Государственного департамента) и через свой сайт WikiLeaks обнародовал громадное количество секретных американских документов. Безусловно, австралиец показал знание тонкостей в сфере компьютеров, интернета, шифровального дела, высокий профессионализм при поиске нужных баз и их «взлому». В этой книге приводится интервью Дмитрия Великовского (журнал «Русский репортер») с Ассанжем. Это интервью отчасти объясняет, в чем секрет недостижимого мастерства Ассанжа, с которым не могут конкурировать самые опытные специалисты корпораций и государственных ведомств. Приведем фрагмент интервью²:

«Дмитрий Великовский: И ты никогда не пытался поработать на всем этом?»

Джулиан Ассанж: Нет. Просто это было безумно интересно. А деньги – нет.

Д. В.: Да, но многие на твоём месте не отказались бы от легкого заработка, верно?»

Д. А.: Многие и не отказывались – воровали данные о кредитках и все такое. Я тоже мог бы. Но у меня, если угодно, был свой этический стандарт. И откуда не умирал с голоду, я вполне мог позволить себе его придерживаться.

¹ Прошу читателя за столь упрощенный пересказ повести. Повесть надо читать, она злободневна, помогает понять искушения современной «денежной цивилизации».

² ВИКИЛИКС. Компромат на Россию. М.: Эксмо, 2011. С. 45–46.

Вообще те, кто зарабатывал взломами, в нашем сообществе не пользовались уважением. Кстати, они были хуже нас с профессиональной точки зрения: достигнув уровня, достаточного для того, чтобы зарабатывать деньги, они переставали совершенствоваться, им было этого достаточно. Действительно хороши были только те, кто постоянно развивался, кого интересовал сам процесс».

Мы сейчас не даем какой-либо нравственной, юридической или политической оценки деятельности Ассанжа, а лишь обращаем внимание на его мысль: погоня человека за деньгами задерживает его развитие, превращает в «ремесленника», ни о каком творческом труде в этом случае речи быть не может.

К сожалению, в нашей экономической и социологической литературе обозначенные выше «нюансы» не считаются предметом «науки» и вообще не обсуждаются. Тем самым затрудняется понимание различий между рабством и свободным трудом.

Вероятно, эти нюансы улавливали люди, жившие в России до революции 1917 года. Если познакомиться с «Материалами к словарю древнерусского языка» (фактически – полноценный словарь), подготовленными русским филологом-славистом И. И. Срезневским (1812–1880), то там значения слов «труд» и «работа» также различаются. Первое означает деятельность свободного человека, второе применяется к деятельности рабов и вообще несвободных людей¹.

Понимание различий между трудом и работой позволяет более точно описывать экономические отноше-

¹ Полагаем, что и в советское время партийные идеологи улавливали эти нюансы и в пропагандистских целях предпочитали называть экономически активную часть населения Советского Союза «трудящимися», а не «работниками». Кстати, первое объединение российских марксистов называлось «Освобождение труда». Подразумевалось, конечно, освобождение человека от *наемного рабства* и превращение его в *трудящегося*.

ния в разные эпохи и в разных цивилизациях. Приведем пример. Когда происходит эксплуатация одного человека другим, то первый из них создает продукт, а второй его присваивает. Мы этот продукт по привычке называем «продуктом труда», а правильнее было бы именовать его «продуктом работы». Таким образом, второй становится владельцем «продукта работы», или (коротко) – «рабовладельцем». *Следовательно, никакой натяжки в том, что мы называем капиталистического работодателя «рабовладельцем», нет.* В качестве рабовладельца выступают: латифундист и «всадник» эпохи Древнего Рима; помещик и ростовщик эпохи феодализма; промышленный капиталист и банкир эпохи современного капитализма.

На различие между трудом и работой в свое время обратил внимание наш выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев (который, кстати, был не только химиком, но и серьезным экономистом). Вот мнение Дмитрия Ивановича: «Тут мы касаемся предмета едва ли ясного в общем представлении... Не всякая работа есть труд. Работа собственно есть понятие чисто механическое... труд вовсе не есть непременно работа, хотя часто сопровождается работою. Что же, спрашивается, такое труд? Где же его признаки? Где же его мерка? <...> Труд обуславливается полезностью совершаемого не для одного себя, но и для других... что и выражается, в сущности, прежде всего этическими представлениями о труде для других, своих ближних, за что и наступает рай в душе... не всем ясно то значение, какое имеет труд для внутреннего здоровья, для свежести духа. Сколько слышите и видите больных душой. Универсального лекарства нет и для духа, как нет для тела... Латиняне и евреи, от которых мы приняли столь многое, того еще не понимали... Труд есть смерть крайнего индивидуализма, есть жизнь с обязанностями и только от них проистекающими правами; он предполагает понимание общества не как кагала, назначаемого

для пользы отдельных лиц... Работа может быть страдою, труд же есть наслаждение, полнота жизни, то слияние с общим началом, которое в абстракте понимали еще жители Индии... Труд принадлежит будущее... нетрудящиеся будут отверженцами – и печальная, очень крупная ошибка многих новейших учений состоит именно в смешении работы с трудом, рабочего с трудящимся... Работу можно дать, к работе принудить, труд – свободен был и будет, потому что он по природе своей сознателен, волен, духовен, сложен и необходим... Работа не творит... Небывшее, действительно новое делает лишь труд; его нет в природе, он в вольном, духовном сознании людей, живущих в обществе, и отдельное лицо труда может выдать неизмеримо много, на целые поколения разработки, на беспредельную пользу... Работа утомляет. Труд возбуждает... Труд... определяет то этикой проповедуемое смирение, которое даже при мене говорит: «Бери, если хочешь и нравится тебе, взамен своего мое, я ничего от тебя не требую»... Грядущее – труд, а не работе, сложному, а не простому»¹.

В русском языке кроме слов «работа» и «труд» есть еще одно очень важное слово – *служение*. Господь постоянно призывал Своих учеников помогать, или служить, своим ближним (а также и не очень ближним). Не всегда такая помощь может представлять собой творческую деятельность. Господь напоминает нам о том, что надо накормить голодных, напоить жаждущих, одеть нагих, посетить больных и заточенных в темницах, принять странников². Он призывает своих последователей (христиан)

¹ Д. И. Менделеев. Письма о заводах. Письмо первое // Собр. соч. Том XX. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 326.

² Мф. 25:35–46. В русском языке используется именно слово «служение», а не «служба» или «оказание услуг», поскольку помощь другому человеку означает (как сказано в указанных стихах Евангелия от Матфея) помощь самому Богу. В отношении Бога принято говорить «служение Богу», поэтому помощь другому человеку также называется «служением».

делать полезные дела, ничего не требуя взамен. По форме рабство и служение похожи: в обоих случаях плоды деятельности одного человека достаются другому человеку. Но это внешнее сходство. А различие принципиальное, духовного порядка: в одном случае отчуждение плодов является насильственным, в другом случае – добровольным, по любви и состраданию к другому человеку. Таким образом, служение наряду с творческим трудом выступает альтернативой различных форм рабства.

Хотелось бы отметить еще один важный момент, вытекающий из различий труда и работы. А именно то, что современная «денежная цивилизация», базирующаяся на наемном труде, является не только социально несправедливой, но также *экономически неэффективной*. Наемное рабство современного капитализма так же неэффективно, как рабство Древнего Рима (особенно последних веков его существования). В какой-то книге я прочел очень точное определение наемного работника: это домашнее животное, которое надо постоянно подгонять и контролировать. А вот как описывал основатель и директор МНТК «Хирургия глаза» академик С. Н. Федоров трудовые отношения в современной экономике: «Сегодня во всем мире есть наемные работники – поденщики, которым платят поденную плату. Тот, кто платит, старается дать минимум, поденщик же в свою очередь старается работать меньше. Поэтому в такой экономике идет постоянная “гражданская война” (курсив мой. – В. К.)». Далее он показывает, чем может закончиться такое «сотрудничество» между работодателем и наемным работником: «Допустим, я (наемный работник. – В. К.) пришел на работу, средства производства не мои, и товар уже не мой, и деньги не мои. Какая связь между мной и этим товаром? Только через зарплату. Если у меня зарплата низкая, я работаю неинтенсивно, сырье ворую. Денег в обороте становится все меньше, и хозяин делает зарплату еще меньше. В результате вся эта систе-

ма становится похожей на самолет, попавший в штопор, – пока не упадет на землю, не остановится»¹.

Подобно тому как на смену классическому рабству в Древнем Риме пришел колонат, а затем свободный крестьянский и ремесленный труд, современное человечество неизбежно должно будет перейти от наемного рабства к свободному труду, если только оно сохранило остатки совести, разума и воли. В противном случае альтернативой нынешнему рабству будет гибель павшего человечества².

Человечество в истекшем XX веке пыталось вырваться из пут «денежного» капитализма как наиболее зловещей формы капиталистического рабства и создать общество, основанное на свободном труде. Альтернативами оказались два практически апробированных варианта (проекта) – *социализм и национал-социализм*.

Первый проект (социализм) продержался в нашей стране – Советском Союзе – семьдесят лет, но не выдержал испытания временем и не смог дать человеку до конца свободного труда³. В значительной степени причина победы Октября в нашей стране состояла в том, что большевики чутко уловили чаяния народа, его жажду свободного труда, и провозгласили лозунги: фабрики – рабочим, земля – крестьянам, управление производством – трудящимся, власть – народу. Но лозунги так и остались лозунгами. На наш взгляд, главная причина того, что в советском обществе человек так не перестал до конца быть рабом, про-

¹ «Идет глобальное воровство труда человека...» (интервью со Святославом Федоровым, основателем МНТК «Микрохирургия глаза») // Экономическая газета. № 13 (254), август 1999.

² См.: Россия перед Вторым Пришествием. Пророчества русских святых / Сост. С. Фомин. М, 2003.

³ Кстати, далеко не все лидеры социалистической революции в нашей стране даже на уровне лозунгов ставили задачу построения общества, основанного на свободном труде (уже не говоря о практической реализации такой задачи). Например, Л. Троцкий открыто предлагал строить социализм с помощью принудительного труда людей, согнанных в «трудовые армии».

ста: работник не стал полноценным хозяином производимого им продукта. Первое следствие такого положения: он был отстранен от принятия решений о распределении и перераспределении произведенного продукта. Второе следствие: при советском строе не сумел раскрыться в полной мере творческий потенциал работника, работник не превратился в трудящегося. Вот что по этому поводу пишет Андрей Басов: «А что произошло после 1917 года? Да в отношении имущественных прав работников опять ничего. Сменилось опять только основание притеснения. Вместо мотива владения кем-то средствами производства основанием стало то, что все сделанное для общественной пользы автоматически становится государственным по мотиву, что, де, государство якобы и есть народ... В СССР казна сама без посредников занималась изъятием и распределением результатов труда народа»¹. Правда, как во всяком правиле, здесь также имеются свои исключения. Для небольшой части советских людей работа действительно стала творческим трудом. Речь идет прежде всего о технической (и в некоторой части – творческой) интеллигенции. Без плодов такого творческого труда (создание ядерного оружия, запуск человека в космос, разработка новых видов оружия и военной техники) советский проект прекратил бы свое существование гораздо раньше². Безусловно, нельзя назвать рабским труд советских людей в годы Великой Отечественной войны. Это был добровольный самоотверженный труд, это было общее дело всего народа, и результатами этого труда (освобождение

¹ Андрей Басов. Механика современного рабства // Интернет. Режим доступа: <http://www.andrey-basov.net/p/rabstvo.htm>

² Справедливости ради следует отметить, что некоторая часть людей в западных странах (прежде всего техническая интеллигенция) также занимается творческим трудом. При этом в СССР количество занятых творческим трудом, по некоторым оценкам, было существенно больше, чем на Западе (см.: О. А. Платонов. История русского народа в XX веке. Т. 1–2. М., 1997).

страны от захватчиков) воспользовался весь народ. Однако трудно отрицать, что в годы «зрелого» и «перезрелого» социализма советские люди преимущественно «ходили на работу», а творческий труд занимал в их жизни все меньшее место. В результате эффективность советской (социалистической) экономики неуклонно падала...

Второй проект (национал-социализм) в его наиболее совершенной форме был апробирован в Германии, но не только не смог обеспечить немцам свободного труда, но продемонстрировал миру образцы «лагерного рабства», привел к неисчислимым бедствиям и также сошел с исторической сцены. Уже не приходится говорить о том, что в нацистском проекте с самого начала главный акцент делался не на освобождении «высшей» (арийской) расы из-под гнета капиталистического рабства, а на рабском закабалении покоренных народов в интересах этой «высшей» расы¹.

Оба указанных проекта не могли избавить человечество от капиталистического рабства, так как были не только далеки от христианства, но проявляли в отношении христианства скрытую (при нацизме) или откровенную (при социализме) враждебность.

Некоторые авторы, которые затрагивают тему рабства – как прошлого, так и настоящего, порой делают слишком категорический вывод: *рабство – неистребимая сущность человека и человеческого общества*. Для защиты данного тезиса нередко ссылаются на книги Ветхого и Нового Завета, которые в общей сложности охватывают большую часть времени существования человечества, начиная с момента сотворения первого человека Богом. На страницах Священного Писания тема рабства действительно присутствует постоянно. В Симфонии на Ветхий и Новый Завет слово «раб» и другие слова с корнем «раб» в общей сложности встречаются 400 раз (практически во

¹ См.: С. А. Гурулев. Еще раз о расизме, нацизме и их идеологе Розенберге // Вопросы истории. 2006, № 5.

всех книгах). Кроме того, около 50 раз встречается слово «рабыня» и производные от него¹.

Помимо всего в перестроечные годы выходило и продолжает выходить немало работ, которые утверждают *неистребимость рабства в России*. При этом используется посыл об изначально «рабской природе» русской души, русского человека. Такие работы призваны подавить волю тех слоев нашего общества, которые активно выступают против утверждения «денежной цивилизации» в нашей стране. Они призваны выполнить те же цели, которые выполняли работы идеолога III Рейха *Альфреда Розенберга*, призывавшего превратить русских людей в рабов «высшей», арийской расы. Справедливости ради следует отметить, что за годы социализма привычка русских людей к свободному творческому труду была сильно подорвана. Но речь сейчас не об этом, а том, что якобы *изначально* русскому народу была присуща склонность к рабству и рабскому труду. Такое утверждение можно назвать «мифом» и даже откровенной ложью².

Как бы там ни было, большинство авторов, соприкоснувшихся с темой рабства, спешит сделать неутешительное заключение: рабство было, рабство есть, рабство будет. Вот пример таких суждений: «Таким образом, все известные государственные системы как лежали на имущественном рабстве своих же народов, так лежат на нем и сейчас... Как зависел человек от степени, в которой ему кто-то отдаст (если отдаст) плоды его труда для собственного жизнеобеспечения, так и осталась эта чисто произ-

¹ Симфония. Ветхий и Новый Завет. Минск: Харвест, 2001. С.638–641, 642, 643, 729, 730, 731.

² Исчерпывающая критика подобного мифа о «русском рабстве» дана в работах нашего историка Владимира Мединского (см., в частности: В. Мединский. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов» [Серия «Мифы о России»]. – М.: Олма Медиа Групп, 2009). Еще раньше об этом мифе и его происхождении писал академик И. Р. Шафаревич в своей известной книге «Русофобия» (см.: И. Р. Шафаревич: Сочинения в 3 томах. М.: Феникс, 1994. Том 2. С. 86–230).

вольная зависимость. Что при фараонах, что при рыцарях, царях и королях, что при капиталистах, что при советах, что опять при капиталистах. Чтобы как можно сильнее в публике затуманить этот факт, утаить его суть, любая идеологическая пропаганда муссирует вопрос только в разрезе того, в пользу кого реализуются блага, что можно толковать как угодно и спорить бесконечно и безрезультатно. Но за счет кого по факту идет реализация благ, все идеологии молчат, воды в рот набрав, или нагло лгут, что только в голову взбредет»¹.

С тем, что одной из основных функций идеологии прошлого и настоящего является тотальная маскировка всяческих форм рабства, мы согласны. А вот тезис, что рабство было всегда, требует определенных комментариев и уточнений. Возможно, что оно действительно было всегда, но почти никогда ему не удавалось добиваться абсолютной монополии в сфере трудовых отношений. Иначе говоря, с рабством почти всегда сосуществовал свободный труд. Даже в Древнем Риме, как мы говорили, в самый расцвет классического рабства свободный труд наделенных землей граждан не исчез окончательно. Даже в самые суровые времена средневековья наряду с крепостными крестьянами были свободные земледельцы.

В той же России, как мы говорили, были обширные территории (например, Русский Север), где крепостничества никогда не существовало (черносошенные, государственные крестьяне). Было также монастырское хозяйство, которое демонстрировало образцы свободного, высокопроизводительного творческого труда². Было казачество, которое занималось как ратным трудом, так и трудом сельскохозяйственным, который базировался на общинном землевладе-

¹ Андрей Басов. Механика современного рабства // Интернет. Режим доступа: <http://www.andrey-basov.net/p/rabstvo.htm>

² См.: Р. Капинос. Монастырское хозяйство: экономические отношения и место в современной национальной экономике. М. ИЭ РАН, 2006.

нии¹. Были интересные примеры создания предприятий на базе церковных общин, приходов². В строительстве и мануфактурном производстве большую роль играли артели, которые также основывались на свободном труде³. Накануне Первой мировой войны Россия занимала первое место по развитию многих форм кооперации (производственной, кредитной, сбытовой, закупочной); кооперация также помогала людям труда сохранять истинную экономическую свободу. В 1914 году в России было 30 тысяч различных кооперативов с числом членов более 10 млн человек⁴.

Есть интересные примеры и в современной жизни. Например, Китай постепенно отходит от своих жестких идеологических установок в экономике. Судя по всему, он ищет «третий путь», то есть хозяйственную модель, альтернативную социалистической и капиталистической. В рамках этой новой модели руководство страны поощряет создание предприятий с рабочим самоуправлением (коллективный сектор экономики) – на основе принятого в 1992 году закона «О коллективных предприятиях в городе и коллективных предприятиях на селе». Уже в 1995 году доля коллективного сектора в валовой продукции превысила 40 процентов⁵.

¹ См.: В. П. Трут. Проблемы экономического положения казачьих хозяйств и социальная дифференциация казачества // Интернет. Режим доступа: <http://fstanitsa.ru/category/menyu/istoriya/zolotoi-vek/vp-trut-problemy-ekonomicheskogo-polozheniya-kazachikh-khozyaist>

² См.: С. Ф. Шарапов. После победы славянофилов. М.: Алгоритм, 2005.

³ См.: О. А. Платонов. Русский труд. М., 1991; О. А. Платонов. Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990. Особо обращаем внимание на исследование русского историка и юриста Николая Васильевича Калачева (1819–1885) «Артели в древней и нынешней России», которое была переиздано в наше время (см.: Третий путь – есть ли он у России. К истории русской политэкономической мысли. М.: Современник, 2004. С. 267–326).

⁴ М. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004. С. 80. Подробнее о кооперации в России см.: А. Д. Билимович. Кооперация в России до, во время и после большевиков. М.: Наука, 2005.

⁵ Александр Коновалов. Народные предприятия: за или против // Экономика и жизнь. 14.01.2010 (№ 1).

Даже в странах развитой «денежной цивилизации» имеются «островки» свободного труда. Речь идет о кооперативах и предприятиях, работники которых являются одновременно их владельцами. Всего в более чем 70 странах мира принято законодательство, позволяющее создавать предприятия, в которых работники являются собственниками предприятий и производимого продукта¹. Наиболее развито законодательство, регулирующее деятельность народных предприятий в США, Великобритании, Испании, Франции, Италии, Швеции, Израиле. В США сегодня около 11 млн американцев (12% рабочей силы страны) являются совладельцами предприятий, на которых они работают. На таких предприятиях рабочего самоуправления, как показывают исследования, производительность труда существенно выше, чем на классических капиталистических предприятиях. В качестве примера свободного труда на базе кооперативов можно назвать федерацию кооперативных предприятий «Мандрагон» в Испании, где в общей сложности трудится около 20 тысяч человек². В рамках Европейского союза образована Европейская федерация работников-собственников, в которую входят союзы и ассоциации всех европейских стран.

Называя предприятия, в капитале которых участвуют работники, «народными предприятиями», некоторые авторы противопоставляют их капиталистическим предприятиям. С нашей точки зрения, народные предприятия в странах Запада являются лишь разновидностью капиталистических предприятий. Находясь в условиях капиталистического рынка, они не могут не ставить своей задачей получение максимальной прибыли; в противном случае они не выдержат конкуренции и станут банкротами. Для

¹ Там же.

² А. Голованов. На свой завод, к своему станку // Интернет. Режим доступа: http://www.narpolit.com/tochka_opory/na_svoiy_zavod_k_svoemu_stanku...18_20_31.htm

того чтобы народные предприятия перестали быть капиталистическими, необходима перестройка экономических отношений в масштабах всего общества. Но и такие народные предприятия с точки зрения интересов всего общества являются шагом вперед по сравнению с обычными частнокапиталистическими предприятиями.

Промежуточной формой между частнокапиталистическими предприятиями и народными предприятиями за рубежом являются капиталистические предприятия, на которых работодатели заключают с трудовыми коллективами коллективные договоры о распределении прибыли (участии рабочих в прибыли). Эта форма хозяйствования призвана повысить мотивацию работников, является альтернативой помесячной (повременной) зарплате. Отдельные примеры участия работников в прибыли капиталистического предприятия относятся еще к XIX веку. Так русский экономист А. Н. Миклашевский в своей статье «Доля в прибыли» (1893) отмечал, что в мире имелось около 200 предприятий (в Англии, Франции, Германии, США, других странах), где применялась система участия работников в прибыли. Один из ярких примеров применения системы участия в прибылях – автомобильная компания Генри Форда (1920–1930-е годы): помимо базовой повременной ставки зарплаты работники компании получали определенную часть прибыли по завершении года¹. Отметим, что на сегодняшний день именно помесячная оплата является доминирующей в мире, что сдерживает рост производительности труда. Конечно, такое «партнерство» труда и капитала не обеспечивает эффективного участия работников в управлении предприятием, да и соглашение о разделении прибыли между хозяевами и работниками имеет

¹ А. Н. Миклашевский. Доля в прибыли // Третий путь – есть ли он у России. К истории русской политэкономической мысли. М.: Современник, 2004. С. 223; Генри Форд. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989.

ограниченный срок действия. Вместе с тем в некоторых случаях система участия работников в прибылях может быть первым шагом на пути к реальному самоуправлению; по условиям коллективных договоров может предусматриваться выкуп за счет прибыли части акционерного капитала в пользу рабочих. Постепенно повышая таким способом долю участия работников в капитале предприятия, коллектив работников может получить контрольный пакет акций и преобразовать предприятие в народное.

Законодательство зарубежных стран (в первую очередь стран Запада) посредством легализации народных предприятий дает гражданам хоть какую-то альтернативу наемному рабству. Причина таких послаблений очевидна – стремление олигархии повысить материальную мотивацию работников и таким образом укрепить слабеющую экономику капитализма. Не случайно программа участия работников в капитале предприятий в США (программа ESOP¹) была начата в 1974 году, когда американская экономика испытывала очень серьезные трудности: во-первых, был крайне неустойчив доллар (вследствие того, что США в 1971 году отказались от размена доллара на золото из своих запасов, и недоверие к американской валюте усилилось); во-вторых, в 1973 году в мире начался энергетический кризис, который особенно больно ударил по западной, в том числе американской экономике. Правящие круги США судорожно искали пути выхода из кризисного положения, и на программу ESOP возлагали определенную надежду как на средство преодоления кризиса.

В то же время власти всех стран (как государственные власти, так и денежные власти в лице центральных банков), последовательно охраняя интересы ростовщиков, всячески противодействуют принятию каких-либо законов, которые позволили бы ослабить долговое рабство.

¹ ESOP (Employee Stock Ownership Plan) – «План участия работников в акционерной собственности».

Но и в этой сфере гражданам удается кое-что сделать в явочном порядке, особенно на местном уровне¹.

В сегодняшней России, несмотря на разгул дикого олигархического капитализма, также имеются «островки» свободного труда. Речь, в частности, идет об акционерных обществах работников, или *народных предприятий*. О них, к сожалению, очень мало что известно гражданам Российской Федерации – не только рядовым, но даже специалистам в области экономики и управления². Доля работников в капитале таких предприятий составляет от 75 до 100 процентов. По данным Росстата, количество акционерных обществ работников в стране – около 200. Эффективность их функционирования несравненно выше, чем предприятий других форм собственности. Именно в силу того, что такие предприятия обладают мощным потенциалом роста, они становятся объектом постоянных посягательств со стороны крупного бизнеса. Частный монополистический капитал, во-первых, стремится поглотить такие привлекательные в инвестиционном отношении предприятия, используя целый ряд запрещенных методов, включая рейдерские захваты. Во-вторых, частный капитал в принципе не заинтересован в существовании народных предприятий, которые наглядно демонстрируют экономическую неэффективность и социальную ущербность крупного частнокапиталистического бизнеса.

Таким образом, перед гражданами России стоит задача, с одной стороны, защиты существующих народных предприятий; с другой стороны, преобразования частно-

¹ См.: В. Ю. Катасонов. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных экономических проблем «денежной цивилизации». Книга 2. М.: НИИ школьных технологий, 2011; Бернанд А. Лиетар. Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель, 2007.

² Деятельность таких предприятий регулируется принятым в 1998 году Федеральным законом «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)».

капиталистических (а отчасти и государственных) предприятий в народные¹.

Хорошо известно, что защита прав работников с помощью профсоюзов в нынешней России является крайне неэффективной. Даже наиболее боеспособные профсоюзные организации концентрируют свое внимание на вопросах заработной платы (прежде всего своевременной выплаты), социального страхования, защиты работников от увольнений, безопасности производства и т.п. В то же время задача реального участия работников в управлении оказывается на периферии внимания профсоюзов, а задача участия работников в капитале предприятий не ставится даже на перспективу. Как показывает практика, профсоюзы пока не реализуют тех прав по управлению предприятиями, которые дает работникам Трудовой кодекс РФ, принятый в 2001 году². В советское время было такое выражение: «Профсоюзы – школа коммунизма». Необходимо, чтобы сегодня профсоюзы реально стали бы для работников «школой самоуправления».

Смена организационно-правового статуса предприятий – необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы началось превращение работы в свободный труд. Должны меняться и сами люди – члены трудового коллектива.

¹ Подробнее об акционерных обществах работников (народных предприятиях) в современной России см.: Третий путь – есть ли он у России. К истории русской политэкономической мысли. М.: Современник, 2004; Александр Коновалов. Народные предприятия: за или против // Экономика и жизнь. 14.01.2010 (№ 1); Сергей Титов. Эффективность народных предприятий // Экономика и жизнь. 11.06.2010 (№ 22); А. Голованов. На свой завод, к своему станку // Интернет. Режим доступа: http://www.narpolit.com/tochka_opory/na_svoiy_zavod_k_svoemu_stanku...18_20_31.htm; Михаил Коновалов. Союз совладельцев-собственников // Интернет. Режим доступа: <http://rospil.ru/newrussia/neweco/shukty/shukty13.htm>

² Глава 8, статьи 52 и 53 ТК РФ. Были даже попытки принять закон об участии работников в управлении предприятием, однако они не увенчались успехом (см.: Т. Ю. Коршунова. О концепции Федерального закона об участии работников в управлении организацией // Управление персоналом. № 12, 2004).

Например, люди по привычке могут продолжать воровать имущество с предприятия, а управленцы – злоупотреблять своим служебным положением. Поэтому при создании народных предприятий особенно важным является вопрос отбора членов трудового коллектива (оценка нравственных сторон личности, психологической совместимости, профессиональных качеств, дисциплинированности и т.п.)¹.

Функционирование народных предприятий не должно осуществляться лишь на базе материальной мотивации работников. Если «жажда денег» в трудовом коллективе начнет доминировать над *моральными стимулами*, то может произойти трансформация бывших наемных работников не в свободных трудящихся, а в капиталистов, которые будут стремиться к наращиванию прибыли любой ценой. Мы уже отмечали выше, что работа из необходимости и обузы может и должна превратиться в творческий труд как жизненную потребность. В традициях русского общества моральная мотивация трудовой деятельности всегда была доминирующей или, по крайней мере, важной. Вот что по этому поводу пишет О. А. Платонов: «Русская экономическая мысль подводит нас к необходимости уничтожения порочных бюрократических форм мотивации труда путем применения примитивных систем материального стимулирования. Насаждению рабской психологии, которая присуща большинству современных менеджеров, русская мысль противопоставляет выстраданную многими поколениями наших предков систему моральных стимулов, в основе которой лежит отношение к труду как духовно-нравственной ценности, потребности в творческом, интересном, самостоятельном труде, желание проявить себя наилучшим образом»².

¹ См.: Как сделать, чтобы не получилось «как всегда» // Третий путь – есть ли он у России. К истории русской политэкономической мысли. М.: Современник, 2004. С. 345–358.

² О. А. Платонов. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006. С. 776.

Без перехода российской экономики на рельсы свободного труда в принципе невозможно решение ни одной из тех социально-экономических задач, которые в последние годы провозглашались руководством страны (модернизация, удвоение ВВП, развитие инновационной экономики, диверсификация экономики, борьба с коррупцией, создание мощного «среднего класса» и т.п.). Власти страны постоянно говорят и о такой социально-политической задаче, как демократизация нашего общества. Между тем такую демократизацию следует начинать с нашего хозяйства. Частнокапиталистический бизнес и наемное рабство – это продолжение все той же *административно-командной экономики*, только не на макроэкономическом уровне (как в советское время), а на уровне отдельно взятого капиталистического предприятия (микроэкономическом уровне). Особенно ярко тоталитарный, антидемократический характер управления проявляется в крупных компаниях; появился даже термин *«корпоративный тоталитаризм»*. Кто-то остроумно заметил, что при входе сотрудника в здание корпорации «Декларация прав человека» перестает действовать. Вместо нее вступает в силу свод внутренних правил и норм. Корпорация – это набор людей-шестеренок, которые должны крутиться и не иметь собственного мнения и голоса. В противном случае шестеренку меняют, исключений не бывает.

Американский политолог Чарльз Линдблом еще в 1976 году сказал, что «крупные частные корпорации плохо вписываются в демократическую теорию. По правде говоря, они вообще в нее не вписываются»¹. Сегодня уже многие социологи и политологи обращают внимание на то, что крупные корпорации и демократия несовместимы. При этом основное внимание уделяется «внешнему» аспекту антидемократизма корпораций: подавлению

¹ Колин Крауч. Приватизированное кейнсианство, корпорации и демократия // Русский журнал. 20.08.2009.

крупным капиталом любых проявлений демократии в обществе в целом (политические выборы, политическую власть, гражданское общество, общественное сознание и т.п.). И очень мало говорится о «внутреннем» аспекте, то есть полном подавлении демократии и прав человека внутри самой корпорации – лишении работников права голоса при принятии любых вопросов, даже тех, которые непосредственно касаются условий их работы; нарушении трудового законодательства; превращении рабочих коллективов в тоталитарные секты и т.п. Таким образом, *мы сегодня имеем административно-командную модель экономики, только в еще худшем варианте по сравнению с советской моделью* (в советской модели, в частности, было макроэкономическое планирование; в нынешней модели оно фактически отсутствует; советская экономика была диверсифицированная, нынешняя держится лишь на «трубе» и т.п.).

Лишь на базе народных предприятий, где рычаги управления и произведенный продукт принадлежат членам трудового коллектива, возможна *демократизация труда*. Без демократизации труда невозможна общая демократизация нашего общества.

В настоящий момент самой приоритетной является следующая задача: довести до сознания миллионов граждан нашей страны, что наемному капиталистическому рабству имеются вполне реальные альтернативы в виде народных предприятий, артелей, казачьих сельскохозяйственных общин, монастырских и приходских хозяйств, производственных и потребительских кооперативов, кредитных товариществ, обществ взаимного страхования и т.д.

Для того чтобы вырваться из окружения капиталистического рабства, людям не надо «изобретать» никаких «измов», которые им периодически подбрасывает «враг рода человеческого». Фактически человечество в последние сто лет выбирало между «плохим» и «очень плохим»: между

капитализмом и социализмом (если не брать в расчет еще такой «боковой» вариант, как национал-социализм). Они лишь представляют разные формы духовного и социального рабства. Ни частнокапиталистическая, ни государственная собственность не смогли обеспечить соединения работника с результатами его работы. Человечеству нужен *«третий путь»*, который освободил бы человека:

- от духовного рабства (через христианство);
- социального рабства (через свободный труд)¹.

Надо вспомнить, что свободный труд как альтернатива рабству существовал и существует в обществе. Подробнее об этой альтернативе, если Бог даст, мы попытаемся сказать в следующей книге.

В. Катасонов

О ДРЕВНЕМ РИМЕ, РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ И КОНЦЕ ИСТОРИИ

Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас...

Еккл. 1:9–10

¹ О концепции «третьего пути» см.: Ю. Бородай. Третий путь // Наш современник. № 9, 1991; И. Р. Шафаревич. Две дороги – к одному обрыву. М.: Айрис-Пресс, 2003; Третий путь – есть ли он у России. К истории русской политэкономической мысли. М.: Современник, 2004; А. В. Чаянов. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // А. В. Чаянов. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989. С. 114–143; А. М. Величко. Христианство и социальный идеал. М.–СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД, 2000; М. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

1. Современный капитализм — реинкарнация Древнего Рима

К сожалению, сегодня, в условиях «информационной свободы», среднестатистический человек имеет весьма смутное представление о Древнем Риме и его социально-экономическом устройстве. История Древнего Рима толком не изучается ни в школах, ни в высших учебных заведениях. Зачем тратить время? Идея более глубокого изучения этой истории встречает такое же сопротивление, какое, например, проявляется чиновниками от образования при попытках ввести в школах изучение «Основ православной культуры». Мол, римская история безнадежно ушла в прошлое и может представлять интерес лишь для отдельных чудаков (их сегодня почему-то окрестили «ботаниками»). По мнению чиновников, более актуальная, например, образовательная проблема – ликвидация «финансовой неграмотности» школьников. Пусть дети лучше изучают «основы рыночной экономики». Не подозревая, между прочим, что так называемая рыночная экономика (политически корректное название капитализма) существовала уже в Древнем Риме.

Кстати, некоторые нынешние школьники и студенты вообще воспринимают словосочетание «Древний Рим» лишь как название города, который сегодня является столицей Италии (по преданию, был основан в 754 году до н.э.). А между тем это название общества (государства и даже цивилизации) с более чем тысячелетней историей. Оно возникло на территории Апеннинского полуострова в 6 веке до н.э., позднее охватило территорию всего Средиземноморья, а завершило свое существование в 5 веке н.э. В самом общем виде исторический путь Древнего Рима можно разделить на три периода:

– царский (длился до 509 года до н.э., когда из Рима был изгнан последний царь Тарквиний Гордый);

– республиканский (длился до момента восшествия на престол первого римского императора Октавиана Августа в 27 году до н.э.);

– императорский (длился до 476 года н.э., когда с престола был изгнан последний римский император Ромул Август).

В 476 году н.э. закончила свое существование Западная Римская империя, от нее отпала Восточная Римская империя, которую часто называют *Византией* (или *вторым Римом*). Она просуществовала еще около тысячи лет – до 1453 года, когда столица Византии Константинополь пал под натиском турок.

Рабство в мире существовало задолго до того, как появилось государство под названием «Древний Рим». Вот что мы читаем об истории рабства в одном из широко известных за рубежом энциклопедических словарей: «Рабство появляется с развитием сельского хозяйства приблизительно 10 тысяч лет тому назад. Люди стали использовать пленников на сельскохозяйственных работах и заставляли их работать на себя. В ранних цивилизациях пленные долго оставались главным источником рабства. Другим источником являлись преступники или люди, которые не могли заплатить своих долгов. О рабах как низшем классе впервые сообщают письменные памятники Шумерской цивилизации и Месопотамии около 3500 лет тому назад. Рабство существовало в Ассирии, Вавилонии, Египте и древних обществах Среднего Востока. Оно практиковалось также в Китае и Индии, а также среди жителей Африки и индейцев в Америке. Рост промышленности и торговли способствовал еще более интенсивному распространению рабства. Возник спрос на рабочую силу, которая могла бы производить товары на экспорт, и потому рабство достигло пика своего развития в греческих государствах и Римской империи. Рабы выполняли здесь основные работы. Большинство из них трудились в

рудниках, ремесленном производстве или в земледелии. Другие использовались в домашнем хозяйстве в качестве слуг, а иногда врачей или поэтов. Около 400 года до Р.Х. рабы составляли треть населения Афин. В Риме рабство распространилось так широко, что даже простые люди имели рабов. В древнем мире рабство воспринималось как естественный закон жизни, который существовал всегда. И лишь немногие писатели и влиятельные люди видели в нем зло и несправедливость¹. Добавим, что рабство воспринимали как вполне естественный порядок многие философы античности – Аристотель, Платон, Сократ и др. Например, Аристотель писал в своей «Политике»: «Очевидно, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами полезно и справедливо».

Античная эпоха – тот не очень длинный отрезок истории человечества, на котором впервые произошло пересечение рабства и капитализма. Есть, правда, мнение, что такое пересечение произошло еще раньше – в древнем Вавилоне. Однако до нас дошло слишком мало источников, и достаточно сложно сказать, в какой мере в древнем Вавилоне был развит капитализм и как он сочетался с рабством².

Тут нам следует сказать, что изначально в Древнем Риме существовало *патриархальное рабство* – сравнительно мягкая форма рабства, которая до этого уже существовала в других странах, в том числе в Древней Греции. При патриархальном рабстве основным производителем является крестьянин со своим земельным наделом, зависящий лишь от государственной власти, но лично свободный. А патриархальные рабы выступают в качестве

¹ The World Book Encyclopedia. London-Sydney-Chicago, 1994. P. 480–481. См. подробнее большую статью «Рабство» в: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 51. Терра, 1992. С. 35–51.

² См.: А. И. Кравченко. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. М.: На Воробьевых горах, 1997; Джеймс Веллард. Вавилон. Расцвет и гибель города Чудес / Пер. с англ. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2004.

дополнительной рабочей силы. Нередко их главным предназначением является обслуживание хозяина и его семьи. Патриархальное рабство существует в среде преимущественно натурального хозяйства.

В античных странах – Греции и Риме – на смену патриархальному рабству приходит *классическое рабство*, которое характеризуется высокой степенью эксплуатации рабов. Рабский труд используется для производства товарной продукции, классическое рабство существует в условиях определенного развития рыночных, товарно-денежных отношений. И хотя классическое рабство сначала появилось в Греции¹ и лишь потом – в Древнем Риме, именно в последнем оно получило наибольшее развитие. За пределами античного мира в ту эпоху классическое рабство в сколько-нибудь значительных масштабах не существовало. О различии между патриархальным и классическим рабством можно сказать очень коротко: если в первом случае хозяин смотрел на раба почти как на члена своей семьи, то во втором случае – почти как на вещь.

Нас наиболее интересует та часть истории Древнего Рима, когда зародилось и приобрело достаточно зрелые формы классическое рабство. Это вторая половина Республиканского периода и Императорский период. Своего пика классическое рабство в Древнем Риме достигло в II–I веках до н.э., когда отодвинуло свободный крестьянский и ремесленный труд на второй план.

До начала XIX века, когда еще в научный и политический обиход не было введено слово «капитализм», да и сам капитализм не получил должного развития, историки, естественно, не проводили никаких параллелей между древностью и современностью. А вот начиная с середины XIX века некоторые историки обратили внимание на то, что наряду с классическим рабством в Древнем Риме существовал *ка-*

¹ Классическое рабство в Древней Греции стало быстро развиваться в VIII–VI вв. до н.э., а своего расцвета достигло в V в. до н.э.

питализм. Среди них – выдающийся авторитет в области истории Древнего Рима немец Теодор Моммзен, известный своей многотомной «Историей Рима»¹. Этот автор часто использует слово «капитализм» для описания хозяйства и финансов древнеримского общества.

Существование капитализма в древнем мире впервые серьезно обосновал выдающийся немецкий историк Эдуард Мейер в своих книгах «Экономическое развитие древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898). Об этом же говорил не менее выдающийся историк, социолог и философ Макс Вебер. Он известен нам как автор издававшейся много раз на разных языках книги «Протестантская этика и дух капитализма». Свои мысли о существовании капитализма в древнем мире он изложил в своей мало известной российскому читателю работе «Аграрная история древнего мира» (1907).

Примерно в то же время (начало XX века) о капитализме древнего мира писали немцы Вернер Зомбарт (работы «Буржуа», «Евреи и хозяйственная жизнь») и Карл Каутский («Происхождение христианства»), а также итальянский юрист и экономист Джузеппе Сальвиоли («Капитализм в античном мире»).

Из отечественных авторов можно назвать блестящего русского историка и археолога академика Михаила Ивановича Ростовцева (1870–1952), который после революции 1917 года эмигрировал из России. Работая в западных университетах, он написал в 20–30-х годах прошлого века

¹ Первые три тома, охватывающие период от основания Рима до падения республики, вышли в 1854–1857 годах, пятый том, посвященный римским провинциям, появился в 1885 году, четвертый том, в котором предполагалось изложить правление императоров, написан не был. Одно из последних изданий книги в нашей стране: Теодор Моммзен. История Рима / Пер. с немецкого. СПб.: Наука, Ювента, 1994. В данной работе мы пользуемся текстом книги Теодора Моммзена «История Рима» (кратким вариантом), размещенным в интернете на сайте «Библиотека Гумер» (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Momm/).

большое количество работ, в которых касался этой темы. У нас изданы некоторые из них¹.

Из последних работ на тему капитализма древнего мира можно назвать обширную статью Питера Темина «Экономика Римской империи раннего времени»².

Все упомянутые выше авторы различают *ранний капитализм*, который существовал в древнем мире (Вавилон, античная Греция, Рим), и *поздний, или зрелый капитализм*, который стал складываться в Европе после Реформации и победы буржуазных революций. Уже тысячи лет назад существовали наемный труд, капитал, рынок, прибыль и другие атрибуты капиталистической модели общества. Ранний капитализм, по всеобщему мнению, создательным потенциалом не обладал, а лишь обострял противоречия тогдашнего общества.

Зрелый капитализм (который появился после разрушения феодального общества) имеет историю, исчисляемую несколькими веками, за это время он также сильно видоизменился. Капитализм XIX века выгодно отличался от раннего (античного) капитализма, демонстрировал незаурядные потенции в деле развития производительных сил (вспомним «промышленную революцию» в Англии), вселял некоторые надежды в то, что на его основе будет построено «светлое будущее» (капиталистическое или коммунистическое).

А вот капитализм XXI века такие потенции уже окончательно исчерпал. Сегодня он находится в такой «старческой» форме, которая напоминает кое в чем ранний капитализм Древнего Рима, подобно тому как впа-

¹ Наиболее последовательно мысль о существовании капитализма в древнем мире выражена Ростовцевым в доступной всем отечественным читателям монографии «Общество и хозяйство в Римской империи» (в 2-х томах. Пер. с нем. М.: Наука, 2000–2001).

² Peter Temin. The Economy of the Early Roman Empire // Journal of Economic Perspectives. Vol.20, #1. – Winter 2006 (имеется в Интернете: <http://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/089533006776526148>).

дающие в старчество люди начинают порой напоминать несмышленных детей. Однако «детство» и «старость» капитализма не столь забавны и безобидны, как «детство» и «старость» обычных людей.

Именно наличие многих общих черт у раннего и позднего капитализма делает актуальным изучение политико-экономической истории Древнего Рима. Глядя в прошлое, мы лучше поймем будущее того общества, в котором оказались и которое называется «капитализм».

То, что капитализм существовал в Древнем Риме, сегодня уже не представляет никакого откровения и никакой сенсации. Но большинство авторов ставят древний капитализм рядом с рабовладельческим способом производства (строем). То есть создается впечатление, что капитализм и рабовладение в Древнем Риме как бы *существовали*, что рабовладение могло существовать и само по себе – без капитализма. Мы же хотим обратить внимание на следующее: *капитализм и рабовладение – «две стороны одной медали». То есть рабовладение (по крайней мере, в его «классическом», римском варианте) предполагает капитализм, а капитализм предполагает рабовладение. Если мы поймем эту органическую связь капитализма и рабовладения в Древнем Риме, тогда нам легче будет понять и такую очевидную истину: современный капитализм – это лишь одна сторона медали, называемой современным общественным строем. Другая сторона этой медали – рабовладельческий характер этого общественного строя.*

2. О варварах прошлого и настоящего

Мне уже не раз приходилось писать и говорить, что внешне нынешняя капиталистическая глобализация выглядит как процесс построения мировой империи Рах

Americana Соединенными Штатами – главным капиталистическим государством. Вместе с тем построение мировой империи осуществляется даже не в интересах Соединенных Штатов. Уже сегодня видно невооруженным глазом, что они не являются суверенным государством, а превратились в квазигосударство. Тем более квазигосударствами становятся те страны, которые входят в состав Рах Americana.

Опоры современного государства во всем мире рушатся, и его место нацелились занять современные «варвары». «Рах Americana» – это вывеска, за которой уже просматриваются контуры другой империи – *империи современных варваров*. Они будут, пожалуй, еще более жестокими, чем те варвары, которые завоевывали Римскую империю.

Современные «варвары» – транснациональные корпорации и транснациональные банки. Вернее, их хозяева, которые до поры до времени предпочитают оставаться анонимными, скрываясь за вывесками своих корпораций и банков. А свою агрессию против суверенных государств и народов прикрывать разговорами об «объективном характере глобализации».

Есть некоторая схожесть тогдашних и современных варваров.

Во-первых, и те, и другие не привыкли что-то создавать, они привыкли захватывать созданное другими. Современные варвары навязали человечеству «рыночную экономику», суть которой предельно проста: она нацелена не на создание нового, а на перераспределение уже созданного. Перераспределение, основанное на силе и обмане.

Во-вторых, и те, и другие не «привязаны» к «почве», они кочуют по обширным пространствам в поисках добычи. В полной мере это относится к современному транснациональному бизнесу, который перемещает свои производственные, торговые и финансовые операции из страны в страну, стремясь урвать самые жирные куски. Все это пространство разбоя сегодня принято называть

мало что значащим термином «*мировой рынок*». При этом может меняться местоположение штаб-квартир корпораций, по всему миру могут создаваться и закрываться оффшорные структуры, открываться и банкротиться фирмы-однодневки, в считанные минуты перемещаться миллиарды и десятки миллиардов долларов из страны в страну, за одну ночь обваливаться курсы валют и котировки фондовых бирж и т.п. Это на первый взгляд хаотическое движение современного транснационального бизнеса организуется ради максимальной прибыли. В конечном счете это броуновское движение ведет к разрушению и хаосу в экономике: банкротствам, кризисам, безработице, деградации промышленности и сельского хозяйства, росту бедности и нищеты.

Жак Аттали, бывший президент Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР), в своей книге «Евреи, мир и деньги» и других работах¹ современных банкиров и торговцев прямо называет «кочевниками», стремительно перемещающимися по всей планете в поисках «добычи». Как идеолог, обслуживающий главных транснациональных (и наднациональных) олигархов современного мира, он оценивает роль современных «кочевников» как «прогрессивную». Не замечая при этом смерть, кровь и слезы, которые сеют эти варвары по всему миру.

Теперь о различиях тех и нынешних варваров.

Те варвары завоевывали только территории в пределах Римской империи, в первую очередь в Южной Европе и районах Средиземноморья. Современные варвары нацелены на завоевание глобальной империи, то есть всего мира.

Те варвары разрушали Римскую империю извне, совершая набеги и грабя население. Современные варвары

¹ См.: Attli Jacques. Les Juifs, le monde et l'argent. Paris, 2002; Attali Jacques. Un homme d'influence. Sir Siegmund Warburg. Paris, 1985. Ж. Аттали. Мировой экономический кризис... А что дальше? / Пер. с фр. СПб.: Питер, 2009.

начинают разрушение покоряемых народов изнутри – разлагая общество через своих «агентов влияния» (а уже затем начинается вторжение извне – экономическое, а если необходимо, то и военное).

Те варвары не посягали на культуру и религию завоевываемых народов; более того, они даже их принимали (в том числе принимали христианство) и постепенно ассимилировались в среде покоренных народов¹. Современные варвары нацелены на уничтожение ненавистного им христианства и христианской культуры и выставляют жесткий «санитарный кордон» для того, чтобы не соприкасаться с «низшими» расами.

Те варвары не стремились целенаправленно уничтожать население покоряемых стран. Современные варвары ставят задачу очистить планету от «лишних» людей и оставить на ней лишь один миллиард, причем отнюдь не «золотой», как наивно думают некоторые футурологи и политологи; новый мировой порядок создается для «золотого миллиона» («высшей расы»), который будет обслуживать оставшийся миллиард рабов².

Те варвары жили одним днем, и их цели были весьма «приземленными», «материальными» – захватить добычу, а когда добыча кончалась, они искали новую жертву. Современные варвары имеют «высшие» цели – политические и «духовные». Цели, которые они вынашивают уже более двадцати столетий, – добиться мирового владычества и подготовить мир к приходу своего мессии. Того самого, который в Священном Писании назван антихристом. Вероятно, про этих предтеч антихриста сказал апостол Иаков: «Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет

¹ Как говорят святые отцы, таков был замысел Творца: просветить мир варваров светом Христовым, который зародился на территории Римской империи.

² См.: И. Медведева, Т. Шишова. Орден глобалистов: российская ложа. М.: Алгоритм, 2006.

свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни»¹.

3. Почему гибнут империи?

Если бы современные люди лучше представляли себе трагичность исторических событий, происходивших в Древнем Риме, думаю, что, по крайней мере некоторые задумались бы. А задумавшись – прекратили бы свое бездумное и безумное участие в разрушении всего и вся (и в первую очередь самих себя). А может быть, даже включились бы в борьбу с *возрастающей энтропией*² той цивилизации, которую принято называть «капитализмом», или «денежной цивилизацией». *Надо четко усвоить: в свое время возрастающую энтропию раннего капитализма, духовной сутью которого было язычество и поклонение маммоне, остановило христианство.*

Мы в работе неоднократно цитировали немецкого историка Теодора Моммзена. На протяжении всего своего труда он пытается выявить главные причины разложения римского общества и заката Римской империи. Таких причин, по его мнению, две.

Первая из них – разложение (деградация) власти.

Например, говоря о Риме I века до н.э., Моммзен рисует следующую картину причинно-следственных связей между деградацией власти и кризисом римского общества: «Было очевидно, что Сенат более не может править государством, но ясно было и то, что не может выполнить эту задачу и партия демократическая. Никогда дела Рима не шли так плохо, так позорно <...> Сенат вел дела так, что люди, жившие под властью Рима, не имели ничего из

¹ Иак. 5:3.

² В теоретической физике этим термином выражают процессы разрушения, распада. Сегодня это слово активно взяли на вооружение социологи для описания деструктивных процессов в обществе.

тех выгод, которые государство обязано доставлять своим подданным: не существовало более ни личной безопасности, ни покровительства законов и спокойного управления, ни обеспеченных торговых отношений, ни ненарушимой целостности государства. Не только люди, способные наблюдать и мыслить, видели упадок государства – он ощущался всеми, его чувствовал всякий, кто чем-либо торговал или покупал хоть меру хлеба, временами страшно дорожавшего благодаря пиратам»¹.

Всякий, прочитавший этот отрывок, написанный в XIX веке и описывающий ситуацию 20-вековой давности, может подумать, что это описание сегодняшней жизни. Только надо заменить некоторые слова: «Сенат» – на «Государственную думу», «демократическая партия» – на «партию “Единая Россия”», «Рим» – на «Москву». Те, кто называет себя властью, не обеспечивают нам ни «личной безопасности», ни «покровительства законов», ни «спокойного управления», ни «обеспеченных торговых отношений», ни «ненарушимой целостности государства». Такое ощущение, что Моммзен писал не про Рим I века до н.э., а про Москву XXI века н.э. Сегодня «упадок государства» в России наблюдается не только профессорами, изучающими историю государства и права или умственно одаренными личностями. Он ощущается и теми, кто «торгует» (это, в частности, бизнес, не относящийся к категории олигархического, компрадорского), и теми, кто «покупает хоть меру хлеба» (это, например, наши пенсионеры, которые действительно сталкиваются с постоянным удорожанием хлеба и других жизненно необходимых продуктов). Моммзен упоминает «пиратов», которые способствуют этому удорожанию. И «пираты» сегодня есть. Только это не те «морские волки», которые курсировали вдоль берегов Италии и по всему Средиземному морю (корсары), а транснациональные

¹ Т. Моммзен. История Рима. С. 196.

корпорации, которые могут грабить простых людей более эффективно, чем тогдашние пираты.

Впрочем, я думаю, что если этот фрагмент работы Моммзена дать прочитать жителю США или гражданину какой-нибудь другой страны, то всякий прочитавший скажет, что это про него, про его страну, про его правительство.

Вторая причина кризиса римского общества и заката Римской империи – деградация человеческой личности.

Для этого приведем отрывок, следующий за приведенным выше: «...также плоха и виновата была и вся нация, которая уже почти не давала простых, твердых людей, любивших прежде всего и больше всего свою родину, готовых жертвовать для нее своим достоянием, трудом и самой жизнью. Теперь богачи-рабовладельцы стремились лишь к обогащению, солдаты не хотели повиноваться, командиры были или безрассудно самоуверенны, или трусливы, демагоги только разжигали страсти толпы»¹.

Моммзен оставляет «за кадром» более глубокие причины измельчания и деградации человеческой личности. Причины эти духовного порядка. Он лишь констатирует, что больше родины и ближнего своего римляне полюбили деньги. Фактически это означало, что римляне, уже и так бывшие язычниками и поклонявшиеся своим мертвым и живым богам (некоторые живые императоры были приравнены к богам), в качестве главного своего бога выбрали маммону. А еще Христос сказал: нельзя поклоняться Богу и маммоне².

Римское язычество, с его пантеоном богов и божков, было чисто декоративным, формальным. Ни о какой настоящей вере в языческих богов в Древнем Риме и речи не было. Фактически у римлян был *монотеизм*, они поклонялись одному богу, но не Богу с большой буквы, а маммо-

¹ Там же, с. 196.

² Мф. 6:24.

не. А маммона – одна из масок того, кого *Христос* называл «человекоубийцей» и «лжецом»¹. Это тот, кто заставляет своих поклонников «исполнять похоти» его². А «похоти» его таковы, что он постоянно требует человеческих жертвоприношений. И такие жертвоприношения в Древнем Риме приносились на протяжении нескольких столетий.

Во-первых, в виде человеческих жизней. Убийство людей осуществлялось в форме: массовых казней рабов; их медленного умерщвления в результате нечеловеческих условий труда; «зрелищных» убийств (гладиаторы); военных потерь в завоевательных походах; многочисленных жертв так называемых гражданских войн; ранней смертности «свободных» римских граждан, предающихся развратной жизни, и т.п.

Во-вторых, в виде духовного умерщвления людей, принадлежавших практически ко всем классам и сословиям. Человек Древнего Рима все больше утрачивал «образ и подобие Бога», превращаясь в хищное и лукавое животное. Он все больше приобретал «образ и подобие» того, кто скрывался за маской маммоны. То есть сам становился «человекоубийцей» и «лжецом».

Давайте честно и беспристрастно присмотримся к среднестатистическому человеку – обитателю **Rax Ameri-**сапа. Причем человеку, не только обитающему в метрополии (с американцами вроде бы все ясно), но на всех необъятных просторах этой империи. Мы увидим, что он (несмотря на все культурные, расовые, социально-имущественные, формально-религиозные различия отдельных индивидуумов), этот человек, также приобретает «образ и подобие» этого забытого некогда бога с маленькой буквы. Мир, населенный такими людьми, обречен на гибель. Ибо такой мир противоречит замыслу Творца.

¹ Ин. 8:44.

² Ин. 8:44.

В. Катасонов

ДУГЛАС РИД. «ЗАГОВОР ПРАВДЫ»

25 лет назад на русский язык была переведена одна из величайших книг XX века — «Спор о Сионе»

Дуглас Рид как уникальный исследователь мировой истории

Принято считать, что наиболее полно и глубоко законы и механизмы мировой истории человечества раскрыты в работах таких широко известных авторов, как Арнольд Тойнби (многотомный труд «Постижение истории»), Освальд Шпенглер («Закат Европы»), Фрэнсис Фукуяма («Конец истории»), Самуэль Хантингтон («Столкновение цивилизаций») и некоторых других авторитетов, имена которых у всех на слуху.

Книга английского журналиста и писателя Дугласа Рида «Спор о Сионе», написанная в середине прошлого века, не может конкурировать с работами маститых авторов-историков ни по тиражам, ни по цитируемости, ни по известности среди тех, кто считают себя профессионалами в области истории, философии, политики и социологии. Автор указанной книги называл свою творческую деятельность «заговором правды»; правда же, как известно, в наш «просвещенный век» не в почете, можно даже прямо сказать: она гонима. Но правда, как и Бог, поругаема не бывает. В «последние времена» (которые, как говорят, не за горами) многие вспомнят, что выше Бога и правды ничего нет. Вот тогда и выбросят на помойку сочинение Фрэнсиса Фукуямы и будут жадно вчитываться в каждую строчку «Спора о Сионе» и с удивлением спрашивать себя: «Каким образом этот Дуглас Рид, простой смертный, мог

заранее все это предсказать?» С точки зрения православия, все очень просто: автор искал правду, причем он искал ее не ради личной корысти (славы, карьеры и денег), и он получил ее от Бога. «Не в силе Бог, а в правде», – говорил благоверный князь Александр Невский. В XX и тем более XXI веке, с учетом «духа времени», эту фразу, наверное, можно было бы скорректировать: «Не в деньгах Бог, а в правде». Большинству наших современников (надеюсь, пока) правда не очень нужна, есть более насущные потребности (все те же презренные деньги!).

Но уже сегодня, когда тучи над человечеством быстро сгущаются, число желающих читать и число прочитавших книгу «Спор о Сионе» неуклонно растет. Бог все так устроил, что сегодня, несмотря на непрекращающиеся со стороны властей предрержащих гонения на книгу, любой желающий может с ней познакомиться: она несколько раз издавалась небольшими тиражами в нашей стране; кроме того, текст книги размещен на многих сайтах в интернете. В мае этого года в Швейцарии проходила очередная годовая встреча мировой олигархии в рамках так называемого Бильдербергского клуба (БК). Один из главных вопросов повестки дня БК – установление контроля над обращением информации в интернете. Думаю, что книга Дугласа Рида – образец такой «неприятной» для мировой олигархии информации, так как она раскрывает многие тайны ее могущества.

Среди быстро растущего потока конспирологической литературы (причем некоторые из книг можно смело отнести к разряду «мусора») книга Дугласа Рида – это никем не превзойденный труд, раскрывающий движущие силы мировой истории, борьбу тайных сил за мировую власть, идеологию (возведенную в ранг религии) этих тайных сил, механизмы захвата ими власти в отдельных странах Запада (прежде всего Великобритании и США), закулисную деятельность по подготовке рево-

люций (в том числе так называемой русской революции), Первой и Второй мировых войн, неизбежность Третьей мировой войны. Пожалуй, лишь одну книгу по масштабности и фундаментальности поднимаемых проблем можно поставить в один ряд с книгой Дугласа Рида. Это книга нашего соотечественника Льва Александровича Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», написанная в начале прошлого века (в годы Первой мировой войны и Гражданской войны). Дуглас Рид и Лев Тихомиров – два непревзойденных мыслителя нашего времени, которые ставили правду выше любых политических и материальных расчетов, во имя правды мужественно шли на большие жертвы и подвергали свои жизни опасности. О каждом из этих авторов можно было бы написать целый роман, причем придумывать ничего не пришлось бы. Сейчас же хочу отметить, что указанные книги Дугласа Рида и Льва Тихомирова органично дополняют друг друга: первый из авторов больший упор делает на раскрытие идеологических и политических механизмов борьбы тайных сил за мировое господство, второй – философско-религиозных аспектов этой борьбы. Книга Дугласа Рида захватывает события мировой истории вплоть до конца 1956 года, а в книге Льва Тихомирова конечной временной точкой исследования является Первая мировая война и так называемая «русская» революция 1917 года. Вместе с тем прогнозы обоих авторов относительно будущего развития мировой истории хорошо дополняют друг друга.

Жизнь и творчество Д. Рида

Хотелось бы кратко остановиться на биографии Дугласа Рида. Родился он в Великобритании в 1895 году, умер в 1976 году в Южной Африке. Таким образом, большая часть сознательной его жизни пришлась на время двух мировых войн и многих других знаменательных событий

XX века (революция 1917 года в России, экономический кризис 1929 года и депрессия 1930-х годов, «новый курс» Ф. Рузвельта, начало «холодной войны», создание государства Израиль, бурные события на Ближнем и Среднем Востоке, включая Суэцкий кризис, и др.). При этом ему пришлось быть в гуще некоторых из этих событий. В годы Первой мировой войны Рид был солдатом английских войск во Фландрии, где его дважды ранили. Между двумя мировыми войнами был журналистом всемирно известной газеты «Таймс», быстро стал широко известным среди читателей как корреспондент в Германии, Австрии, других странах Европы, имел возможность напрямую общаться со многими государственными и политическими деятелями Запада и даже вместе с делегацией Энтони Идена посетил в 1935 году СССР. Обладал редким сочетанием многих способностей: пытливостью ума, памятью, наблюдательностью, коммуникативностью, смелостью и вместе с тем трезвостью, настойчивостью, целеустремленностью и работоспособностью. А главное – честностью, благородством и жадой правды, которая, по его мнению, необходима для исправления и улучшения окружающего мира. Внимательные читатели обращают внимание еще на одно качество Рида, которое в полной мере проявилось уже после его смерти, – дар предсказания; некоторые даже называют его пророком. Острое восприятие творившейся в 1930-е годы неправды и лжи в мире политики, а с конца 1930-х годов – лишение средств массовой информации права доносить до своих читателей правду (введение жесткой цензуры, фактически – поощрение дезинформации) привели к уходу Д. Рида из «Таймс» (где он проработал в общей сложности 13 лет). Конкретным событием, подтолкнувшим его к этому шагу, был так называемый «Мюнхенский сговор», которым западные правители развязали бесноватому фюреру руки и фактически дали «зеленый свет» к подготовке большой войны.

Дуглас Рид как широко мыслящий человек никогда не довольствовался форматом газетных публикаций, параллельно он писал книги. В 1934 году появилась первая его книга «Поджог Рейхстага», посвященная одной из величайших в XX веке провокаций, которая дала старт к подготовке Второй мировой войны; примечательно, что Рид своими глазами видел, как горел Рейхстаг. Но это была небольшая книжечка, читатели ее почти не заметили. В 1936–1937 годах им была написана, а в 1938 году издана первая полноформатная книга «Ярмарка безумия», в которой Рид предупреждал, что если западные политики не прекратят политику потворства Гитлеру, то не позднее 1940 года начнется большая война. Эта книга уже принесла Риду некоторую известность как писателю-публицисту. Позднее вышли еще две книги, которые продолжили начатую тему, – «Беспредельное бесчестие» (1939) и «Пророк в своем отечестве» (1941). Эти книги составили единую трилогию, которая стала очень популярной и читаемой благодаря точности содержащихся в ней предсказаний. В 1940 году была написана и издана книга «Пламя и бомба» (она представляла собой переработанную книгу «Поджог Рейхстага» и была дополнена размышлениями о последствиях Мюнхенского сговора западных лидеров с Гитлером; этот сговор Рид назвал «бомбой»). В этом же году была опубликована еще одна книга Рида: «Немезида: история Отто Штрассера» (работа была написана на основе личных встреч Рида с О. Штрассером, бывшим сподвижником, а затем первым публичным противником Адольфа Гитлера)¹.

В годы войны и еще два года после ее окончания писатель находился в Англии, где написал еще ряд книг: «Все наши завтра» (1942), «Чтобы мы не сожалели» (1943),

¹ Эта книга под другим заголовком недавно была издана на русском языке: Дуглас Рид. Хотел ли Гитлер войны: к истокам спора о Сионе. М.: Алгоритм, 2010.

«От копоты до пепла» (1947). В 1947 году он уезжает в Южную Африку, где пишет следующие свои книги: «Где-то к югу от Суэца» (1950), «Повсюду» (1951), «Узник Оттавы»¹ (1953). Последние книги Дугласа Рида очень существенно отличались от первых тем, что в них он уже ставил четкие вопросы о тайных силах, оказывающих влияние на государства, на все стороны общественной жизни, на ход мировой истории, и так же четко давал на них ответы. Подконтрольные мировой олигархии издательства с большой настороженностью стали относиться к такому «неудобному» автору. В конце концов все издатели прекратили свои отношения с Ридом. Он стал «персоной нон грата».

В конце 1940-х – начале 1950-х годов он, будучи не скованным никакими ограничениями цензуры, начинает писать «для себя» главный труд своей жизни – «Спор о Сионе». Книга имела подзаголовок «2500 лет истории еврейского вопроса». Для написания книги Рид, оставив свою семью в Южной Африке, уехал в Северную Америку, где более трех лет работал в Нью-Йоркской центральной библиотеке или сидел в спартанских условиях за пишущей машинкой в Нью-Йорке и Монреале. Несколько раз книга переписывается. Лишь в конце 1956 года автор ставит точку на труде объемом более 600 страниц убористого машинописного текста. Рид прекрасно понимал ничтожную вероятность того, что эта книга будет издана при его жизни.

После завершения своего главного труда Рид прожил еще два десятилетия. В этот финальный период своей жизни он написал еще две книги: «Битва за Родезию» (1966) и «Осада Южной Африки» (1974). В этих книгах он говорил о противостоянии «белой» и «черной» Африки, описывал тайные маневры Запада вокруг южной части Африканского континента, предсказывал «черную революцию» (поддержанную тайными кругами Запада), быстрое воз-

¹ «Узник Оттавы» – продолжение книги «Немезида: история Отто Штрассера» (1940).

вращение Африки к первобытному состоянию. Как глубокий мыслитель Рид в своих размышлениях о состоянии и судьбах юга Африки просматривал общемировую тенденцию: не объявленную и не афишируемую войну против мира белого человека, а фактически против остатков христианской цивилизации. Движущей силой этой войны он видел те же самые закулисные силы разрушения, которые в свое время провоцировали революции в Западной Европе и России, Первую и Вторую мировые войны, сионизм и создание государства Израиль. Те силы, выявлению которых он посвятил «Спор о Сионе». Рид предупреждал о той волне цветной иммиграции, которая захлестнет в последние десятилетия XX века страны Запада (а сегодня захлестнула и Россию).

Автор ушел из жизни в 1976 году, а рукопись «Спора о Сионе» пролежала еще 22 года в трех больших папках на платяном шкафу в его доме в Дурбане. В 1978 году она наконец была опубликована на английском языке. В середине 1980-х годов труд был переведен на русский язык за пределами СССР, а впервые на нашем книжном рынке появился в сокращенном виде в 1991 году (как приложение к журналу «Кубань»). Первое полное издание вышло еще через два года (М.: Твердь, 1993; тираж 10 тыс. экз.). После этого, по нашим данным, в России книга переиздавалась по крайней мере пять раз, но небольшими тиражами. Книга также размещена в интернете¹.

Один из ближайших друзей Д. Рида, шведский журналист и политик Айвор Бенсон (также проживал в Южной Африке; автор известной российскому читателю книги «Фактор сионизма», которая была у нас издана в прошлом десятилетии; умер несколько лет назад), написал предисловие к русскому изданию. В этом предисловии он подчеркивает, что вся предыдущая профессиональная

¹ См. напр.: http://lib.aldebaran.ru/author/rid_duglas/rid_duglas_spor_o_sione/

и творческая деятельность Д. Рида была лишь подготовкой к написанию грандиозного труда под названием «Спор о Сионе»: «...Когда стало очевидным, что его (Дугласа Рида. – В. К.) официальная карьера подошла к концу, автор наконец обрел время приступить к своей главной задаче, по сравнению с которой весь его предыдущий опыт был лишь подготовкой и образованием, – образованием, которое не может дать ни один университет и которое может полностью усвоить лишь счастливец и умница: годы работы автора зарубежным корреспондентом, его поездки по Европе и Америке, его встречи и контакты с великими лидерами политики современности, прибавив к этому жажду писателя “впитывать” знания посредством чтения и наблюдения всего лучшего, что могла предложить европейская культура».

Еще до начала работы Рида над «Спором о Сионе» издатели, журналисты и политики просто объявили бойкот мужественному писателю, начавшему разоблачать тайны мировой власти. После выхода книги в свет они, не будучи способными полностью замалчивать это знаменательное событие, занялись его очернительством. Одни принялись выискивать в работе фактические ошибки и, найдя две-три «блохи», делать заключение: такому автору нельзя доверять. Другие поступили еще проще: объявили Дугласа не вполне здоровым человеком¹. Однако сегодня предсказания Дугласа о дальнейшем развитии событий в мире сбываются, и с этим не поспоришь. Поэтому мировая закулиса опять вернулась к замалчиванию книги и ее автора.

¹ Примером такого очернительства может служить публикация российского политолога Д. Галковского, в которой он одаривает Рида такими эпитетами и ярлыками: «кадровый сотрудник Интеллидженс Сервис», «мастер черного пиара», «разоблачитель жидомасонского заговора», «шарлатан», «сторонник геббельсовских методов пропаганды» и т.п. (Дмитрий Галковский. Три тезиса о хазарах // Завтра. № 40 (672), 4.10.2006).

Основные положения «Спора о Сионе» (события до конца XIX века)

Чаше всего и почитатели, и противники «Спора о Сионе» на вопрос: «О чем эта книга?» дают короткий ответ: «О еврейском вопросе». Отчасти они правы, отчасти нет. Для противников такая постановка вопроса выгодна, так как она позволяет прибегнуть к традиционному приему: автора и его сторонников обвинить в так называемом «антисемитизме», что очень эффективно в современных условиях и не требует со стороны критиков никакого интеллектуального напряжения. Для некоторых почитателей такая постановка также удобна, так как им «и так все понятно» («во всем виноваты евреи»), а книгу можно пробежать по диагонали (для того чтобы найти в ней необходимые примеры и факты, подтверждающие «виновность евреев»).

Но «Спор о Сионе» – это не коллекция фактов и примеров, иллюстрирующих жизнь евреев и их влияние на окружающие народы и весь мир на протяжении последних трех тысяч лет (именно такова временная панорама работы Д. Рида). Это осмысление человеческой природы, это рассмотрение мировой истории как борьбы добра и зла, это изучение тех ошибок и грехов, которые допустило человечество за многие века, это тонкое исследование той духовной мутации, которой подверглись такие традиционные религии, как иудаизм и христианство, и многое другое, что условно можно назвать метафизикой мировой истории. Примерно об этом же писал Л. Тихомиров в «Религиозно-философских основах истории». Однако у Рида другой стиль изложения: это историческая публицистика, большое число действующих лиц (многие из них – его современники), ссылок на политические документы и т.п. Неопытный и невнимательный читатель может увидеть лишь отдельные деревья, но не весь лес, и ошибочно решит: «Это книга о евреях».

Между тем бóльшая часть книги как раз о людях, которые не имеют никакого отношения к евреям. Евреи – достояние глубокой истории, которая описана в книгах Ветхого Завета. Евреи – это народ, заселивший территорию Палестины после того, как Моисей привел потомков Авраама, Исаака и Иакова из Египта более трех тысяч лет назад. Это народ, состоявший из двенадцати колен Израилевых, имевших монотеистическую религию и веривших в Иегову. Еврейский народ как единое целое просуществовал сравнительно недолго. После смерти царя Соломона распался на два государства – Израиль (северное царство, состоящее из 10 колен) и Иудею (два колена – Иуды и Вениамина плюс часть колена Левия – левиты, которые служили в Иерусалимском храме, находившемся на территории Иудеи). Фактически с момента построения в Иерусалиме храма (при царе Соломоне) началась мутация религии еврейского народа. Левиты стремились «модернизировать» ее таким образом, чтобы она помогла занять им первенствующее положение в обществе, эффективно управлять остальным еврейским народом. Именно тогда наметилась тенденция превращения религии еврейского народа в иудаизм (до этого, как считает Рид, еврейский народ не исповедовал иудаизм). По мнению Рида, именно северные племена (10 колен Израиля) стремились сохранять свою веру, противодействуя попыткам левитов провести религиозную модернизацию в свою пользу.

В VIII–VII веках до н.э. Израильское царство было завоевано ассирийцами, а десять колен Иакова переселены на другие территории и постепенно ассимилировались. Таким образом, бóльшая часть евреев перестала существовать еще более 2,5 тысячи лет назад, а вместе с тем постепенно исчезла та религия евреев, которую по недоразумению многие называют иудаизмом.

В VI веке до н.э. было покорено также Иудейское царство – вавилонским царем Навуходоносором. Часть

жителей Иудеи была переселена на берега Вавилона. Это также очень важный момент в истории еврейского народа. Во-первых, в это время произошла новая религиозная мутация; среди левитов появилась воинствующая секта, которая позднее стала называться фарисеями и которая претендовала на роль духовных вождей еврейского народа (подробно об этом читатель может узнать из книги Рида). Во-вторых, возникло рассеяние евреев по миру; после завоевания Вавилона персидским царем Киром он разрешил евреям вернуться на родину, но этим воспользовалось очень незначительное число пленников. Рассеяние евреев ускорило процесс их смешения с другими народами, ассимиляции. В-третьих, наметилась четкая тенденция к превращению евреев в замкнутое сообщество; фарисеи как духовные вожди еврейского народа боялись полной ассимиляции и стали всячески загонять евреев в свои гетто (кстати, первые гетто появились во времена вавилонского плена и их создавали не завоеватели, а вожди еврейского народа).

Опуская многие яркие страницы истории еврейского народа, содержащиеся в книге Д. Рида, отметим, что в начале нашей эры уже не было государства Иудея (римляне его захватили, разрушили Иерусалимский храм, жителей царства выгнали из Палестины). Еврейский народ стал народом в изгнании. Большая часть потомков колен Иуды и Вениамина, а также Левия растворились среди других народов. Кстати, если внимательно читать Еврейскую энциклопедию и другие «еврейские» источники, то неизбежно приходишь к такому выводу. Однако те же источники утверждают, что в мире число евреев в последнее столетие устойчиво находится на уровне около 15 млн человек. Кто это такие? Это, по образному выражению Артура Кестлера, – «тринадцатое колено», которое берет свое начало от хазар, относящихся к тюркской группе народов и не имеющих ни малейшего отношения к потомкам палестинских

евреев¹. Сегодня о происхождении так называемых современных евреев знают даже в современном Израиле, где, как принято считать, собрались «потомки Авраама, Исаака и Иакова». Достаточно адресовать читателя к книге профессора Тель-Авивского университета Шломо Занда с очень выразительным названием: «Кто и как изобрел еврейский народ»². Не умаляя роль данных авторов, отметим, что Дуглас Рид обратил и заострил внимание читателей на этом «нюансе» «еврейского народа» намного раньше; при этом политические последствия такой «метаморфозы» «еврейского народа» проанализировал намного глубже.

Не менее радикальной была также метаморфоза религии древнего еврейского народа. Мы уже выше отметили, что первоначально это была чисто монотеистическая религия на основе Завета, который евреи получили от Бога через Моисея (Рид специально подчеркивает, что это не иудаизм, а *религия древних евреев*). Затем она под влиянием левитов трансформировалась в иудаизм (после построения Иерусалимского храма и разделения единого царства на Израиль и Иудею), а единый Бог (Иегова) стал постепенно превращаться в племенного божка (название религии «иудаизм», как считает Рид, происходит от названия нового государства «Иудея»). Еврейские духовные вожди после вавилонского плена занялись радикальной модернизацией религии, и Божественное откровение стало все больше замещаться измышлениями фарисеев, которые стали создавать новые и переписывать и исправлять старые книги Ветхого Завета (особенно интересен анализ Ридом Второзакония – одной из главных книг еврейской Торы). В результате явившийся в свое время Моисею Бог

¹ Артур Кестлер (1905–1983) – британский писатель и журналист, уроженец Венгрии еврейского происхождения. Автор книги «Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие» (книга переведена на русский язык и издана у нас в 2001 году).

² Недавно эта книга была переведена на русский язык и издана в России (М.: Эксмо, 2011).

как Творец и воплощение Любви у фарисеев превратился в агрессивного по отношению к другим народам и племенам божка, разрушителя, убийцу, мстителя. Одновременно он превратился в строгого и мрачного надзирателя над евреями, дав им 613 правил поведения (365 запретов и 248 требований выполнять необходимые действия), при этом строго карающего (через своих представителей в лице левитов и фарисеев) нарушителей. Д. Рид образно назвал Тору «уголовным кодексом», а иудаизм (особенно модернизированный фарисеями) – «духовным гетто».

Дальнейшая духовно-религиозная мутация произошла уже после изгнания евреев из Палестины. *Ветхозаветный иудаизм* превратился в *талмудический иудаизм*. В дополнение к Торе был написан Талмуд. По мнению Д. Рида, главная причина появления Талмуда – реакция на появление христианства, автор обращает внимание на ярко выраженную антихристианскую направленность этого документа (составляющего бесчисленное количество томов). Кроме того, Талмуд был необходим как дополнительная «ограда», защищающая евреев от ассимиляции и внешних влияний. Фактически он способствовал тому, что где бы ни жили евреи, они организовывались как «государство в государстве» (свои законы, свой бюджет, свои школы, свой суд и т.д.). Период талмудического иудаизма продолжался очень долго – до начала XIX века.

XIX век – *век быстрой ассимиляции евреев*. Рид очень подробно пишет об этом противоречивом процессе, о тех всплесках социальной и политической энергии еврейства, которые наблюдались в Западной Европе (особенно наглядно это проявилось в 1847–1848 годах, когда в ряде европейских стран разразились революции). Английский премьер-министр Дизраэли (из иудеев, перешедший в англиканство, ратовавший за ассимиляцию евреев) прямо указывал на еврейские корни революций и стоящих за этими революциями тайных обществ – иллюминатов, ма-

сонов, карбонариев и т.п. (автор об этом подробно пишет в главе 21 «Предостережение Дизраэли»). Рид убедительно показывает, что 99 процентов евреев в Западной Европе ратовали за ассимиляцию, никто из них не хотел возвращения в удушающую атмосферу гетто под контроль раввинов и других иудейских начальников. Если бы эта ассимиляция продолжилась в XX веке, то к сегодняшнему дню «еврейский вопрос» исчез бы сам собой.

Но вот этого как раз и боялись вожди «еврейского народа». Мы специально ставим в кавычки это словосочетание, потому что в конце XIX века неожиданно оказалось, что «еврейский народ» – это потомки хазар, а действительные потомки еврейского народа, которые проживали преимущественно в Западной Европе и назывались сефардами, составили меньшую долю этого социума. Все вожди «еврейского народа» были исключительно из так называемых ашкенази, то есть обитателей Российской империи, Польши, Венгрии, других стран Восточной Европы, имевших хазарские корни. Именно в этот момент на историческую арену выходит *сионизм* – политическое движение за возвращение «еврейского народа» на свою «историческую родину», в Палестину.

И уже в который раз вожди «ломают об колено» тот народ, который они хотят «осчастливить». Большинство иудеев, проживавших в Западной Европе и Северной Америке, были категорически против сионизма, так как прекрасно понимали: сионисты не дадут спокойной жизни ни иудеям (сефардам), ни тем народам, среди которых они проживают и с которыми у них в «золотой век» ассимиляции наконец-то начали складываться нормальные отношения. Категорически против сионизма были настроены и те немногочисленные евреи (судя по всему, действительные потомки Авраама, Исаака и Иакова), которые в конце XIX – начале XX века проживали в Палестине и мирно сосуществовали с арабами.

Основные положения «Спора о Сионе» (события первой половины XX века)

Дальше начинается XX век. Рид сравнивает историю этого столетия с «игрой в карты»: «вроде всем доступная для обозрения, но мало кому понятная». Автор пытается разгадать правила этой «игры в карты» и рассказать о них тем, кто лишь наблюдает. Дуглас Рид был свидетелем многих событий этого периода или общался с людьми, которые были их очевидцами. Этому отрезку времени посвящено более половины всей книги, и здесь много таких деталей, которых не найдешь в других источниках. Подробно описываются ключевые события первой половины XX века: сионистское движение под руководством его формального основателя Теодора Герцля, переход власти в этом движении к Хаиму Вейцману (лидер сионизма на протяжении сорока лет), события в России (русско-японская война, революции 1905 и 1917 года, Гражданская война, ритуальное убийство царской семьи и т.д.), Первая мировая война, «декларация Бальфура» (первое официальное признание требований сионистов со стороны английских властей), учреждение Лиги наций и выдача ею Великобритании мандата на управление Палестиной, приход к власти в Германии Гитлера, выборы президента США Ф. Рузвельта, Мюнхенский сговор западных держав с Гитлером, ввязывание Америки во Вторую мировую войну, боевые действия союзников на разных театрах (Европа, Ближний и Средний Восток), создание атомного оружия в Америке и Советском Союзе, Ялтинская конференция, Хиросима, учреждение Организации объединенных наций (ООН), начало Холодной войны, действие агентуры советской разведки в недрах государственного аппарата Америки и Великобритании (Гарри Дакстер Уайт из министерства финансов США, Альджер Хисс из Государственного департамента США и др.), смерть Сталина, Суэцкий кризис,

события в Венгрии в 1956 году и многое другое. Особое место в повествовании Рида занимает такой сюжет, как создание государства Израиль в 1948 году и его агрессивные действия в отношении местных (палестинских) арабов и окружающих новое государство арабских стран.

В принципе эти события описывались, описываются и, наверное, еще не раз будут описываться многими другими авторами. Особенность книги Дугласа в том, что он стремится за этими внешними событиями рассмотреть невидимые пружины, заставляющие публичных политиков принимать те или иные решения (особенно в тех случаях, когда такие решения не укладываются в нормальную логику, вытекающую из национальных интересов тех стран, которые представляют эти политики). Предоставляем читателю самому внимательно познакомиться с описанием этих событий и «невидимых пружин». Здесь лишь отметим некоторые общие моменты, присущие рассматриваемым событиям, на которые обращает внимание сам Д. Рид.

1. Действия политиков в XX веке все чаще идут *вразрез с национальными интересами* тех государств, от имени которых они действуют.

Об этом автор с болью в сердце говорит, анализируя политику таких государственных деятелей, как Вудро Вильсон, Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн, Дуайт Эйзенхауэр, Уинстон Черчилль, Дэвид Ллойд-Джордж, Невилл Чемберлен, Артур Джеймс Бальфур и многие другие.

2. Этот парадокс заключается в том, что политики начинают все в большей степени работать не на «свои» государства, а на *интересы сионизма*, под влияние которого они начинают все больше подпадать (Рид это наглядно и документировано доказывает на примере США и Великобритании).

3. «*Пятая колонна*» международного сионизма в Великобритании США сложилась в результате массовой иммиграции «восточных» «евреев» (то есть потомков хазар)

в последние десятилетия XIX – начале XX века. Основной поток таких «евреев» шел из России (к началу XX века в США въехало 3 млн «евреев» из Российской империи), а также Восточной Европы. Влияние этой «пятой колонны» на внутреннюю социально-экономическую и политическую жизнь Запада стремительно усиливалось. Рид назвал это «захватом западной цивилизации»¹.

Предоставим слово Дугласу Риду: «Между 1881 и 1920 гг. свыше трех миллионов легально зарегистрированных иммигрантов переселилось в Соединенные Штаты из России, почти все из них – евреи. По данным Статистического бюро США, в 1877 году в стране было 230 000 евреев, в 1926 году их было четыре с половиной миллиона. О полном количестве еврейского населения в стране имеются лишь приблизительные данные, так как еврейское руководство не допускает поголовного подсчета еврейского населения “чужими”; приведенные цифры считаются сильно сниженными. В последовавшее за этим десятилетие проверка этих цифр стала невозможной, главным образом благодаря изменениям в классификации иммигрантов, внесенным по распоряжению Рузвельта с целью сокрытия еврейского проникновения в страну, а учесть незарегистрированную и нелегальную иммиграцию не пытаются даже и правительственные органы: осведомленные источники оценивают общее число евреев в Соеди-

¹ Это отражено даже в названии главы 30: «Захват Америки». В этой главе, между прочим, подробно рассказывается о созданной «пятой колонной» организации, которая называется «Антидиффамационная лига» (АДЛ). Эта организация сыграла важную роль в установлении со стороны «пятой колонны» контроля над средствами массовой информации, политической и общественной жизнью Америки. Важную роль в деятельности АДЛ стали играть так называемые «черные списки», составляемые этой организацией. В нее вносились имена всех тех американцев, которые так или иначе вставали на пути продвижения преступной группировки к власти. «Черные списки» насчитывали сотни тысяч имен и, что самое главное, со временем приобрели статус государственных. Автор называет АДЛ «еврейским гестапо». АДЛ продолжает свою активную деятельность и в сегодняшней Америке.

нённых Штатах в десять миллионов. Как бы то ни было, в Соединенных Штатах проживает в настоящее время самая многочисленная еврейская колония в мире, пересаженная туда в течение двух последних поколений.

В отношении к общему населению Америки даже самая высокая оценка не подошла бы и к одной десятой. Сама по себе эта группа населения была бы сравнительно малой; однако ее спаянная политическая организация дает ей возможность нарушить равновесие власти, и это придает ей решающее значение»¹.

4. Особую роль в усилении влияния сионистов на государственных деятелей Запада стали играть так называемые *советники* президентов и премьер-министров. Эти «советники» не выбираются народом и народу неподконтрольны. Они назначаются лидерами сионизма и несут ответственность только перед ними. Примечательно, что многие «советники» имели хазарские корни. «Советники» – своего рода приводной ремень, связывающий закулису с официальными властями западных «демократий». Таким образом, в XX веке была сконструирована новая жесткая вертикаль «теневой» власти, которая превратила западные «демократии» в полную фикцию.

Дуглас Рид пишет: «Чтобы достигнуть этого (мирового господства. – В. К.), нужны послушные политики, о которых в “Протоколах” говорится: “Администраторы, которых мы выберем в строгом соответствии с их способностью к раболепному подчинению, вовсе не будут лицами, обученными искусству управления, и легко превратятся поэтому в пешки в нашей игре, в руках знающих и способных мужей, которые будут их советниками, являясь специалистами, воспитанными и тренированными с раннего детства для управления делами всего мира”».

Предоставляем читателю судить самому, насколько эта характеристика приложима к демократическим “ад-

¹ Глава 37 «Заправила пророки и народные массы».

министраторам” западного мира нашей эпохи; мерилом служит их отношение к сионизму, мировой революции и мировому правительству, а последующие главы дадут необходимую информацию по этим трем пунктам. Но “убийственная точность” предсказаний, как нам кажется, выступает особенно ясно в указании на роль “советников”. Здесь мы снова сталкиваемся с тем “таинственным знанием”, обнаруженным более 50 лет тому назад. В 1905 г. фигура никем не выбранного, но влиятельного “советника” не была известна общественности. Немногие хорошо осведомленные люди, вроде Дизраэли, знали уже давно, что “миром управляют совсем не те, которых считают правителями люди, не знающие, что творится за кулисами”, но для широкой публики эта фраза в “Протоколах” осталась бы непонятной. Однако во время Первой и Второй мировых войн, никем не выбранные, неофициальные, но весьма влиятельные “советники” стали знакомой политической фигурой. Они выступили совершенно открыто на основе данных им чрезвычайных полномочий, став известными общественности, пассивно и безропотно принявшей их появление; презрение “Протоколов” к “черни” оказалось, по-видимому, оправданным этим ее подчинением управлением из-за кулис, даже когда оно появилось на открытой сцене. В Соединенных Штатах, например, “советники по еврейским вопросам” стали постоянными резидентами при Белом доме и главных штабах американских оккупационных властей. Один известный финансист (открыто рекомендовавший драконовские меры для “управления мировой политикой”) был советником у стольких президентов подряд, что пресса услужливо титуловала его “старейшим государственным деятелем” (*Elder Statesman*), а британские премьер-министры, приезжая в Америку, являлись к нему, как к носителю верховной власти, на аудиенцию (Рид имеет в виду Бернарда Баруха. – В. К.). Отметим еще раз, что “Протоколы” предсказали режим этих “советни-

ков” в то время, когда никто еще не понимал, что это могло значить, и не поверил бы, что они смогут появиться в правительственных сферах на самом “высшем уровне”»¹.

5. На должности первых лиц западных «демократий» (президентов, премьер-министров) закулиса заранее отбирает своих кандидатов. При отборе учитываются два главных момента: а) лояльность кандидата сионизму; б) его «послушность», готовность исполнять любые указания упомянутых выше «советников». Занятие отобранным кандидатом высшего поста в условиях «усовершенствованной» избирательной системы становится почти техническим вопросом. Еще в начале XX века в Америке были внедрены и отработаны технологии «выборов» первых лиц (президентов), которые исключали возможность каких-либо сбоев и «сюрпризов».

Рид отмечает особый вклад «полковника» Э. Хауза в разработку и практическое применение таких технологий. Именно успех кандидата от демократической партии Вудро Вильсона на президентских выборах благодаря интеллектуальной и практической поддержке Хауза позволил последнему стать ближайшим «советником» Вильсона. В силу того, что Хауз полностью разделял идеи сионизма, сионистская закулиса получила возможность управлять президентом, внутренней и внешней политикой Америки. Рид писал: «Секрет того, как Хауз мог управлять демократической партией, заключался в разработанной им стратегии, обеспечившей победы на выборах. Демократическая партия не была у власти уже почти 50 лет, и он избрал метод, позволявший выигрывать выборы почти с математической точностью. Применению планов Хауза демократическая партия была обязана своими победами в 1912 и 1916 годах, а также выборными победами Рузвельта и Трумана в 1932, 1936, 1940, 1944 и 1948 годах. Именно в этом избирательном плане, который в своем роде может быть

¹ Глава 27 «Протоколы сионских мудрецов».

назван гениальным, и заключался секрет непрекращавшегося влияния Хазуза на политическую жизнь Америки; хотя его собственные политические идеи никогда не были ясно сформулированы и к тому же часто менялись, он создал великолепное орудие для проведения чужих идей»¹.

6. Фактически все достигнутые в первой половине XX века успехи сионизма (а главный его успех – создание в 1948 году государства Израиль) объясняются усилиями не только и не столько мирового «еврейства» (мы уже выше отметили, ссылаясь на Рида, что бóльшая часть «еврейства» была настроена против сионизма), сколько западных государственных деятелей, которые для этого использовали находящиеся в их распоряжении финансовые, военные и административные ресурсы).

7. Сионизм – прежде всего политическое движение, целью которого является достижение мирового господства «избранными». Достаточно трудно определить состав этой группы «избранных», но, судя по всему, в ней нет потомков Авраама, Исаака и Иакова. Ядро этой группы – потомки хазар. Д. Рид отмечает, что, судя по всему, в этой группе «контрольный пакет» принадлежит даже не представителям талмудического иудаизма, а каббалистам (события конца XX – начала XXI века дают много подтверждений этой версии Рида).

8. К сионистам примыкают «прозелиты», которые формально не принадлежат к иудаизму, но разделяют основные положения «устава» сионизма. Среди таковых Рид называет «новых протестантов» (тех политиков и финансовых деятелей Запада, которые формально остаются протестантами, но активно участвуют в реализации планов сионизма).

Дуглас Рид приводит множество примеров, когда западные политики первой половины XX века при принятии политических решений руководствовались не национальными интересами своих государств и даже не

¹ Глава 29 «Эдвард Мандель Хауз и его роль».

нравственными и духовными нормами Нового Завета, а установками Ветхого Завета. Хаим Вейцман, постоянно общавшийся с политическими и государственными деятелями Запада, обосновывая планы сионизма, всегда повторял: «Наш мандат – Ветхий Завет». Европейские и американские политики с ним полностью соглашались. Приведем отрывок из книги Рида, раскрывающий суть этого духовно-политического феномена XX века: «Оливер Локер-Лампсон, консервативный член парламента в начале нашего столетия. Сам он никогда не играл особой роли и позже стал известен лишь своей фанатичной поддержкой сионизма в парламенте и вне его, но он был близким другом многих ведущих политиков, отдавших британский народ под надзор сионистов. В 1952 году он писал в одном из лондонских еженедельников: “Уинстон, Ллойд Джордж, Бальфур и я – мы все были воспитаны как ярые протестанты, верившие, что приход нового Спасителя совершится после возвращения Палестины евреям”. Это не что иное, как мессианская идея кромвелевских тысячелетников, пересаженная на почву XX столетия. ... Насколько же все это могло быть действительной основой протестантизма, “ярого” или не ярого, мы предоставляем судить нашим английским читателям. Никто, однако, не рискнет утверждать, что на подобной идее можно строить государственную политику или вести операции во время войны. Кроме того, она выражает... нечестивую мысль: что Господь Бог забыл Свои обязанности и что, раз Он их не исполняет, то их нужно выполнить за Него. Так или иначе, была организована группа людей, которых мы можем называть тем именем, которое они сами себе избрали: “ярые протестанты”. Когда началась Первая мировая война, эти “ярые протестанты” поставили себе целью добиться власти и переключить военные операции в Европе на передачу Палестины сионистам»¹.

¹ Глава 30 «Решающее сражение первой войны».

Впрочем, лидерами сионизма такие «новые протестанты» всегда воспринимались как люди «второго» или «третьего» сорта. После того как «прозелит» выполнял возложенную на него сионистской закулисой миссию, он предавался забвению.

В качестве примера такого «одноразового» «помощника» сионистов Рид называет «полковника» Хауза. Если при президенте Вильсоне он обладал неограниченными полномочиями и негласно считался главным человеком в окружении президента, то в администрации Ф. Рузвельта ему места уже не нашлось. Закулиса получила от «полковника» все необходимое (прежде всего технологии беспроектных выборов) и отправила на «помойку истории».

9. Лидеры сионизма отнюдь не пекутся об интересах и благополучии простых «евреев». Они между собой называют таких «евреев» словом *«ам гаарец»*, что можно перевести как «плебей» или «невежда в законе».

Вспомним слова из Нового Завета, сказанные иудейскими начальниками и фарисеями в отношении простого народа Иудеи: «Невежда в законе, проклят он» (Ин. 7:49). За две тысячи лет ничего не изменилось в отношениях между начальниками и простыми людьми в «еврейском народе». Для первых вторые – лишь средство достижения своих глобальных целей, «расходный материал». Андрей Буровский очень выразительно обозначил таких «рядовых» «евреев» термином «люмпен-евреи»¹.

Чтобы держать таких «ам гаарец» в узде, вожди используют самые жестокие методы, включая устрашения, проклятия, отлучения и даже убийства. «Ам гаарец» нужны мировой закулисе в качестве «расходного материала», «горючего», с помощью которого можно быстро и эффективно создавать «социальные пожары» (войны, бунты, революции), а также проводить разные социальные эксперименты.

¹ А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Яуза-Пресс, 2010. С. 303.

Многие факты, характеризующие эту сторону сионизма, на момент написания книги не были известны даже Риду.

Приведем информацию, относящуюся к одному из главных «героев» книги Рида – лидеру сионистов Хаиму Вейцману. В книге американского раввина М. Шонфельда «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках» (Нью-Йорк, 1977) Вейцман аттестуется как главный из этих самых преступников. Особое внимание обращено здесь на заявление сионистского фюрера (именно так называют Вейцмана ортодоксальные иудеи), сделанное им еще в 1937 году: «Я задаю вопрос: “Способны ли вы переселить шесть миллионов евреев в Палестину?” Я отвечаю: “Нет”. Из трагической пропасти я хочу спасти два миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они – пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить»¹.

Таким образом, предполагалось, что четыре миллиона европейских евреев должны погибнуть. Это «пророчество» Вейцмана сегодня довольно широко известно. Вот как его прокомментировал наш известный русский писатель Вадим Кожинов: «Поразительна уже сама уверенность прогноза: ведь к 1937 году еще ни один еврей не погиб от рук нацистов по “обвинению” в том, что он еврей (хотя, конечно, евреи, как и люди других национальностей, с 1933 года подвергались нацистским репрессиям по политическим обвинениям). Первые нацистские убийства евреев по “расовому признаку” произошли в так называемую “хрустальную ночь” – то есть в конце 1938 года (тогда погиб 91 человек). Тем не менее Вейцман уверенно предсказывает глобальное уничтожение евреев, которое действительно началось лишь через пять лет»².

¹ M. Shonfeld. The Holocaust Victims Accuse. Documents and Testimony on Jewish War Criminals. N.-Y., 1977. P. 25.

² В. Кожинов. Германский фюрер и «царь иудейский» // В. Кожинов. Победы и беды России. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Приведенное выше обвинение сионистов в уничтожении евреев в годы Второй мировой войны выдвигается также другими ортодоксальными иудеями. Например, Мойше Арье Фридман, главный раввин ортодоксальной антисионистской еврейской общины Австрии, заявляет, что «истинными подстрекателями, финансистами, а частично и исполнителями жестокостей Второй мировой войны были сионисты»¹. Этот раввин также отмечает, что с самого начала создания сионистского движения оно ставило задачу создания еврейского государства через принудительное переселение туда миллионов евреев, а лучшим средством такого принуждения могла быть большая война: «Основатель сионизма Теодор Герцль уже в первых записях своих “Дневников” удивительным образом называет цифру шесть миллионов евреев, которым в Европе якобы угрожает опасность, и единственный шанс создания т. наз. еврейского государства появится лишь в том случае, если эти шесть миллионов европейских евреев постигнет катастрофа»².

10. Главным средством достижения целей сионизма является *разрушение всего и вся* – природы, общества, государства, человека³. Разрушение достигается через войны, революции, кризисы. Рид блестяще показал *связь двух внешне разных политических и революционных движений – коммунизма и сионизма*. Коммунизм (в варианте так называемой «русской» революции 1917 года) несет народам разрушение и хаос, а это и надо вождям сионизма.

«Наиболее полную информацию о родственных корнях двойников – коммунизма и сионизма – как и об их общей конечной цели дает книга доктора Хаима Вейцмана

¹ Мойше Арье Фридман. Сионизм и холокост с точки зрения ортодоксального еврея-антисиониста // Исследование холокоста. Глобальное видение. Материалы международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2008 года. М.: Алгоритм, 2007. С. 35.

² Там же, с. 37.

³ У Рида в книге глава 17 так и называется – «Миссия разрушения».

(речь идет о книге «Пробы и ошибки». – В. К.). Он присутствовал при рождении сионизма и был его полномочным коммивояжером во многих странах; в продолжение сорока лет он был любимцем монархов, президентов и министров, став затем первым президентом сионистского государства, и он же описал все это с удивительной откровенностью. Он показывает, как почти сто лет тому назад в отдаленных местечках еврейской черты оседлости была выработана стратегия, результаты которой закружили, словно в водовороте, народы Европы и всего Запада. Захваченными этими событиями оказались американцы и англичане, немцы и французы, итальянцы, поляки и русские, скандинавские, балтийские, балканские и все другие народы. Человеческая кровь и богатства всего мира лились как вода из открытого крана, только чтобы помочь коммунистам и сионистам достигнуть своих целей. Миллионы людей, еще живых и уже умерших, участвуя в двух войнах, помогали этим двум дополняющим друг друга силам. Родившиеся сейчас также унаследуют свою часть в неизбежных взрывах, к которым эти обе силы приведут человечество. От их действий страдают и евреи, в пропорционально меньшей степени, чем широкие массы других народов. Книга Вейцмана показывает нынешним историкам начала и истоки всего этого; теперь это предприятие достигло нашей действительности, день ото дня придавая ей форму, задуманную много раньше.

Вейцман пишет, что в России было три группы евреев. К первой из них относились евреи, искавшие “мира в городе” и хотевшие стать лояльными гражданами России, как большинство евреев на Западе стали лояльными немцами, французами и т.д. Эта группа стремилась к эмансипации и состояла, главным образом, из способных и работающих людей, которые боялись власти талмудистов и рады были освободиться от местечкового гнета. Для Вейцмана эта группа – лишь малочисленные и вовсе нетипичные “рене-

гаты”, и как он пренебрегает ими, так должны и мы выбросить их из нашей истории, поскольку ею овладевают обе другие группы. По указу талмудистов эта группа тоже “исчезает с лица земли”, вернее – их отлучают.

Остальные евреи в России (местечковая масса, жившая под властью Талмуда) делились на две группы по линии, проходившей по вертикали внутри домов и семей, включая дом и семью самого Вейцмана. Обе группы были революционными, то есть они дружно работали по разрушению России. Они расходились только в своем отношении к сионизму. Группа “революционеров-коммунистов” считала, что полная “эмансипация” евреев будет достигнута когда мировая революция уничтожит все национальные государства, заменив их собой. Группа “революционеров-сионистов”, полностью признавая необходимость мировой революции для их дела, считала, что эта “эмансипация” наступит только после того, как еврейская нация будет восстановлена в своем государстве.

Ясно, что сионистская группа стояла ближе к ортодоксальному талмудизму, поскольку, согласно Закону, разрушение было только средством для достижения господства, а господствующей нации предписано было обосноваться в Иерусалиме. В общинах и семьях шли жестокие споры. Коммунисты обвиняли сионизм в подрыве дела революции, которая отрицала “расу и веру”; сионисты отвечали, что революция должна привести к восстановлению избранной нации, для которой раса одновременно являлась и верой. Тот или иной член семьи, возможно, искренне придерживался одной или другой точки зрения, однако в действительности все это не имело никакого значения. Ни одна, ни другая группа не могли бы возникнуть в крепко зажатых в тиски еврейских общинах без согласия раввинов. Если бы они объявили коммунизм “проступком”, а сионизм – “соблюдением” талмудистских “законов и предписаний” – в местечках остались бы одни

сионисты. Глядя в будущее поверх голов местечкового еврейства, правящая секта считала обе группы полезными для достижения ее конечной цели, а цитированный нами выше Дизраэли указал и ее мотивы. Начиная с середины прошлого столетия, история революции – это коммунизм и сионизм, направляемый из одного центра по разным путям к единой цели».

11. Сионисты сыграли ключевую роль в развязывании мировых войн. Одна из главных целей, которую они преследовали при развязывании второй войны, – создать государство Израиль на территории Палестины и заселить его евреями, которых Гитлер должен был «выдавить» из Европы. Сионисты фактически принудили Гитлера выполнять роль «антисемита».

Этот вопрос более детально исследован в вышедшей в наше время книге Хеннеке Карделя «Адольф Гитлер – основатель Израиля»¹. Автор этой книги участвовал в войне на стороне Германии на Восточном фронте. Книга основана как на личных впечатлениях и наблюдениях Карделя (это псевдоним, настоящее имя автора неизвестно), так и на архивных материалах. Впервые книга вышла в свет в 1974 году в Женеве (то есть даже несколько раньше, чем «Спор о Сионе»). Вполне вероятно, что Д. Рид еще мог успеть познакомиться с этой книгой.

Рид отмечал, что две мировые войны помогли частично решить стоящие перед сионизмом задачи (создание государства Израиль). Однако для окончательного их решения потребуются еще одна война. Таким образом, автор предсказывал *Третью мировую войну*.

12. Антисемитизм Гитлера (как и вообще любой антисемитизм) – важнейшее средство заставить евреев уезжать (бежать) на свою «историческую родину» (и вообще загонять в «сионистское гетто»). Изначальным (и

¹ Хеннеке Кардель. Адольф Гитлер – основатель Израиля / Пер. с нем. М.: Русский вестник, 2002.

тщательно маскируемым) источником любого проявления массового антисемитизма является тайная сионистская закулиса. Автор справедливо обращает внимание на такую закономерность: резкое возрастание волны «антисемитизма» в той или иной стране – верный признак того, что против этой страны готовится война или иные агрессивные акции (вспомним неожиданно начинавшиеся и также внезапно прекращавшиеся в нашей стране кампании «антисемитизма» и что за ними следовало).

13. Ход как первой, так и тем более Второй мировой войн в значительной мере направлялся сионистской закулисой. В результате возникали постоянные конфликты между первыми лицами союзных держав (США и Великобритании), которые действовали по указке своих «советников», и большей частью военных руководителей, которые на полях войны продолжали руководствоваться национальными интересами своих государств, проявлять героизм и патриотизм. В результате предательской политики первых лиц отвлекались громадные силы на ведение боевых действий в районе Ближнего и Среднего Востока (ибо там была Палестина, интересующая сионистов), а на европейском театре военных действий союзники терпели поражения (от себя добавим: нередко советским войскам на Восточном фронте приходилось начинать наступления, чтобы спасти своих непоследовательных союзников).

14. Как журналист Д. Рид особое внимание обращает на такое средство захвата и укрепления сионистской закулисой власти, как *средства массовой информации*. В начале своей журналистской карьеры он имел большую свободу в высказывании своих взглядов. Однако уже в конце 1930-х годов закулиса полностью установила свой контроль над СМИ. Особенно табуированной была тема еврейства и сионизма. Любые высказывания на эту тему трактовались как «антисемитизм» и создавали большие проблемы для журналистов и владельцев газет и журна-

лов. Как отмечает Рид, со временем закулиса добилась большой скоординированности различных СМИ «свободного мира» – независимо от их национальной принадлежности и собственников¹.

15. Конкретной формой своего господства лидеры сионизма рассматривали *мировое правительство*. Д. Рид оценивал такие институты, как Лига наций и Организация объединенных наций, первой «пробой пера» в деле создания наднационального правительства.

16. Запад (конкретно – Великобритания и США) после Второй мировой войны начали стремительно терять свой национальный суверенитет (этот процесс начался еще в годы Первой мировой). Рид обратил особое внимание на такие проявления этого процесса, как создание и деятельность ООН, а также создание мощного израильского лобби (как в законодательных, так и исполнительных органах власти).

Рид также считал, что Верховный суд США также является важным институтом, через который действуют израильские лоббисты. Автор обращает внимание на то, что вывеска этого учреждения дезориентирует многих людей. В состав Верховного суда назначаются люди, которые чаще всего не являются юристами, их скорее можно назвать политиками, которые устраивают сионистов. Типичным верховным судьей был Луис Брандейс – последовательный сторонник сионизма, один из активных «советников» президентов Вильсона и Рузвельта. Рид называет Верховный суд США американским «политбюро»; он мог даже отменять решения (и законы) высшей законодательной власти – Конгресса США.

17. Завоевание сионистами «исторической родины» – Палестины – и последовавшие за этим действия нового го-

¹ Еще в 1946 году Рид в одной лондонской газете написал, что сила прессы используется не для того, чтобы информировать людей, а для того, чтобы вводить их в заблуждение.

сударства Израиль в отношении местного арабского населения, а также сопредельных государств сопровождалось (и до сих пор сопровождается) насилием, жестокостью и массовыми убийствами.

По мнению Рида, на этой земле возродились те дикие нравы и нормы в отношении «чужих», которые начали складываться среди древних иудеев еще за несколько веков до Рождества Христова.

18. Рид неоднократно вспоминает 9 апреля 1948 года, когда сионисты совершили резню в палестинской деревне Дейр-Ясин, что знаменовало возвращение к диким временам Иудеи: «В этот знаменательный день “активисты” из террористической организации сионистских убийц “полностью уничтожили” арабскую деревню, точно и дословно выполняя “закон”, установленный Второзаконием (читатель не забыл, что оно является основным иудаистским законом, представляя собой расширенное толкование первоначального Моисеева закона израилитов). Эта дата стала особо знаменательной во всей истории сионизма. Для арабов, хорошо знавших Тору (“нам уже две тысячи лет известно то, чему вам пришлось научиться с помощью двух мировых войн”), она означала, что сфабрикованный левитами между 700 и 400 годами до Р.Х. варварский иудейский закон восстанавливается в XX веке по Р.Х. с помощью как “христианского” Запада, так и коммунистического Востока. Они знали, что резня должна была показать им, чего они должны были ожидать, оставаясь в Палестине. После этого почти все арабское население Палестины бежало в соседние арабские страны. Резня в Дейр-Ясине удостоилась в западной печати лишь краткого сообщения; в нью-йоркском журнале “Тайм” стояло: “Еврейские террористы из организации “Банда Звезды” и “Иргун Цвай Леуми” ворвались в деревню Дейр-Ясин, перебив все население. 250 трупов арабов, главным образом женщин и малых детей, были затем обнаружены брошенными в колодцы”.

В свое время, еще на Версальской конференции в 1919 году, доктор Хаим Вейцман заявил: “Наш мандат – Библия”, и эти слова звучали неплохо для западных ушей. Дейр-Ясин показал, что эти слова означали в действительности, будучи повторенными сионистскими вожаками в Палестине 30 лет спустя. Резня в Дейр-Ясине была актом исполнения древних “законов и предписаний”, включая соответственный текст во Второзаконии (7, 2): “Когда введет тебя Господь Бог твой в землю, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею, и изгонит от лица твоего... семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя... и поразишь их; тогда передай их заклятию, не вступишь в союз и не щади их”; и далее: “Не оставляй в живых ничего, что дышит, но предай их заклятию”. Семь арабских государств в наши дни награждены каждое своей долей палестинских беженцев 1948 года, являющихся живым напоминанием того, какой общей судьбой грозит им сионизм, осуществляя свой древний “закон”»¹.

Сегодня, по истечении более чем полувека с момента завершения работы Рида над книгой, мы видим, что политика Израиля в отношении палестинского народа и соседних арабских государств ничем не отличается от того варварства, которое Рид наблюдал в конце 40–50-х годов в этом регионе. Рид предупреждал, что если мир не одумается и не остановит наступление сионизма, то жертвами действия варварских древних законов левитов станут все народы Земли.

Действующие лица (первая половина XX века)

В книге Рида представлена большая галерея портретов «героев» XX века. В галерее представлены очень разные типы «героев».

¹ Глава 43 «Сионистское государство».

Во-первых, это идеологи и политические лидеры сионизма (Моисей Гесс, Лев Пинскер, Ахад-Гаам, Теодор Герцль, Хаим Вейцман, Владимир Жаботинский, Бен-Гурион и другие).

Во-вторых, государственные деятели Запада, которые в качестве «марионеток» сионистов участвовали в реализации их планов (американские президенты Вудро Вильсон, Франклин Д. Рузвельт, Гарри Труман, Дуайт Эйзенхауэр; английские премьер-министры Ллойд Джордж, Уинстон Черчилль, Энтони Иден; английский министр иностранных дел Артур Джеймс Бальфур и многие другие). Рид называет их «новыми протестантами», «духовными последователями Кромвеля».

В-третьих, упоминавшиеся выше «советники» («советники» президента В. Вильсона «полковник» Эдуард Мендель Хауз, Бернард Барух, раввин Стефан Уайз, верховный судья Луис Брандейс; «советники» президента Франклина Рузвельта Генри Моргентау, Феликс Фракфуртер, Морис Розенблюм, Самуил Розенман, Дэвид Найлс, а также уже упоминавшиеся Б. Барух, Л. Брандейс, С. Уайз). Примечательно, что в этой группе все «советники» позиционировались как «евреи». За исключением «полковника» Хауза, который не был «евреем», его можно отнести также к группе «новых протестантов».

В-четвертых, финансовые олигархии, поддерживавшие сионизм (Ротшильды, венский банкир барон Гирш, сэр Эрнест Кассель из Германии, глава большого банковского дома в Гамбурге Макс Варбург, президент Парижско-Нидерландского банка в Париже Эдуард Нецлин, брюссельский банкир Франц Филипсон, банкиры Вертхейм и Гомперц из Амстердама, глава фирмы «Кун, Леб и К^о» Яков Шифф из Нью-Йорка).

Идеологи сионизма «обработку» богатой еврейской буржуазии начали прежде всего с Ротшильдов. В клане

Ротшильдов далеко не все изначально поддерживали идеи сионизма. Примечательно, что «декларация Бальфура» (первое официальное признание и поддержка английскими властями планов сионизма) была адресована лорду Лайонелю Уолтеру Ротшильду, который среди Ротшильдов был наиболее последовательным сторонником сионизма.

В эту группу следует также включить Бернарда Баруха, который был не только «советником» многих американских президентов, но также богатейшим человеком Америки, нажившимся прежде всего на военных государственных закупках в годы Первой мировой войны; в первые десятилетия существования сионизма он занимал по отношению к этому движению нейтральную позицию, а после Второй мировой войны неожиданно стал активным его сторонником и сыграл не последнюю роль в создании государства Израиль.

В-пятых, *противники сионизма*. Эта группа очень разнообразна. Например, в нее входят многие политические деятели, которые действовали в интересах своих стран и не желали подчиняться требованиям сионистского лобби. Примером таких деятелей в Америке после Второй мировой войны были сенатор Маккарти и министр обороны Дж. Форрестол. Подконтрольные сионистам СМИ на протяжении многих лет и даже десятилетий создавали ложные образы этих национальных патриотов, представляя их как психически не вполне здоровых людей. Некоторые из таких государственных деятелей физически устранялись преступной мафией сионистов. Например, тот же Дж. Форрестол (власти представили дело таким образом, что он якобы покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна).

В эту группу входят также многие представители еврейства, не желающего своего возвращения в гетто (на этот раз – сионистское). Например, на Версальской мир-

ной конференции против планов сионистов (устроение еврейского государства в Палестине, как это было сформулировано в «декларации Бальфура») выступил член французской делегации еврей Сильвер Леви. Однако его «поставили на место», но не евреи, а европейские политики, которых Д. Рид называет в своей книге «новыми протестантами» и «духовными последователями Кромвеля». Другой пример – доктор Иуда Магнес, ректор и президент Иерусалимского университета. Увидев, как еврейские террористы после Второй мировой войны расчищали «жизненное пространство» в Палестине для нового государства, не гнушаясь убийствами местного арабского населения, он сравнил их с нацистами, преследовавшими евреев в годы Второй мировой войны. В 1948 году при невыясненных обстоятельствах доктор И. Магнес скоропостижно скончался. Сионисты всячески стремились перетянуть на свою сторону лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна, однако, к его чести, им это сделать не удалось.

Известный ученый, который позиционировал себя как приверженец иудаизма, считал, что сионизм и иудаизм несовместимы: «Мое понимание существа и природы иудаизма отвергает идею еврейского государства с границами, армией и светской властью, сколь бы малой она ни была; боюсь, что от этого пострадает внутренняя сущность иудаизма» (1950)¹.

Наконец, в эту же группу входят представители «четвертой власти» (СМИ), которые первые десятилетия XX века еще пыталась высказывать свое мнение по вопросам «еврейства и сионизма». Яркий пример – лорд Нортклифф. Он был главным совладельцем самой влиятельной после Первой мировой войны газеты «Таймс» (той самой, где работал Рид). По инициативе Нотклиффа газета на-

¹ Глава 43 «Сионистское государство».

чала публикацию серию статей о «Протоколах сионских мудрецов» (которые были изданы небольшой брошюрой на английском языке). Не хочу рассказывать всю историю лорда, предлагаю читателям самим почитать ее...¹

Фактически в группу противников сионизма попал и премьер-министр Великобритании Дизраэли. Это достаточно парадоксально: ведь он жил и осуществлял свою государственную деятельность еще до того, как на политической арене появился сионизм. Но Дизраэли, будучи крещеным евреем и сохраняя связи с еврейским миром, как показывает Рид, многое понимал и предвидел. Он видел, что за революционерами и тайными обществами XIX века всегда стояли евреи. Он очень опасался усиления тайной политической активности еврейства, понимая, что это может плачевно кончиться для его собратьев. Это была типичная точка зрения тех евреев, кто позиционировал себя как «сефарды»²: они энергично сопротивлялись любым попыткам вернуть их к временам еврейских гетто³.

Наконец, есть *еще одна группа «героев»*. Они представляют те страны и регионы, которые не находились в главном фокусе внимания автора. Это, например, государственные и политические деятели большевизма и СССР (Троцкий, Сталин, Молотов, Литвинов, Вышинский), арабского мира (король Ибн-Сауд). Они обычно упоминаются в контексте их отношений с западными государственными и политическими деятелями. Например, в феврале 1945 года король Ибн-Сауд встречался с американским президентом Рузвельтом на борту крейсера (сразу же после Ялтинской конференции). Ибн-Сауд сумел объ-

¹ Глава 34 «Конец лорда Нортклиффа».

² Потомки испанских евреев, которые сохраняли какие-то генетические связи с древними евреями Палестины.

³ Глава 21 «Предостережения Дизраэли».

яснить американскому президенту быстро и убедительно суть палестинской проблемы и той угрозы, которую таит в себе поддержка Западом проекта создания государства Израиль. Кажется, впервые около Рузвельта оказался «советник» иного рода, чем те, которые «окормляли» его на протяжении трех сроков президентства. На той встрече король Ибн-Сауд сказал президенту Рузвельту, что «вам пришлось с помощью двух мировых войн научиться тому, что мы знаем уже две тысячи лет». У президента раскрылись глаза... и через несколько недель его не стало. Дуглас прямо не пишет об убийстве Рузвельта, но намек на это звучит между строк; более поздние исследователи подтвердили эту версию.

Что касается фигуры Сталина, то о нем Рид пишет весьма скупое. Судя по всему, у автора было мало информации, а домысливать и сочинять было не в его духе. Не до конца понимая, какова степень зависимости Сталина от мировой сионистской закулисы, он тем не менее уверенно считал и показывал в своей книге: Сталин в проведении своей политики был несравненно более независим и последователен, чем его «союзники» Рузвельт и Черчилль (хотя бы на примере конференции в Ялте в феврале 1945 года). Говоря о таком событии, как создание государства Израиль в 1948 году, Д. Рид просто констатирует, что Советский Союз поддерживал этот проект. Очевидно, что это было решение Сталина. Однако чем руководствовался советский вождь, поддерживая создание нового государства, автор не говорит¹.

¹ В те времена не только Д. Рид, но и никто из журналистов, ученых и писателей не мог этого сказать, не впадая в разного рода фантазии, – слишком все было засекречено (не только в СССР, но и в других странах). Лишь по прошествии нескольких десятков лет картина начала проясняться. По вопросу о причинах поддержки Сталиным создания государства Израиль рекомендую, в частности, следующую работу: А. Б. Мартиросян. Сталин после войны, 1945–1953 годы (200 мифов о Сталине). М.: Вече, 2007.

Заключение

Мне не хотелось бы дальше пересказывать книгу, тем более столь объемную и содержащую информацию в очень концентрированном виде. Почитайте сами. Чтение не из легких, но те, кто дойдут до финиша, не пожалеют: получают целостное представление о современном мире, поймут принципы современной политической жизни и, что еще более важно, получают способность предугадывать будущее (как это умел делать сам Рид). Впрочем, Рид предвидел, что не всем будет по зубам его серьезная книга. Поэтому незадолго до смерти (в 1974 году) он написал брошюру, которая называется «Грандиозный план XX столетия» (другой вариант названия на русском языке – «Великий проект XX столетия»). Опубликована она была уже после смерти Рида – в 1977 году. По сути – это резюме всего материала, содержащегося в «Споре о Сионе». Ему удалось сократить историю с 300 тысяч слов до тринадцати страниц. Поэтому рекомендую начать знакомство с Дугласом Ридом с брошюры, которая переведена на русский язык и размещена в интернете¹.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что все содержание книги Дугласа подводит нас к выводу, что сегодня не существует «еврейского вопроса». И по очень простой причине: в мире давно уже нет «еврейского народа». Кстати, после окончания работы над книгой, как отмечает Айвор Бенсон, Рид почти не использовал указанные термины, а говорил о «закулисной власти», «тайных силах», «силах под маской либерализма» и т.п. Не потому, что боялся быть обвиненным в «антисемитизме», а потому (это моя версия), что полагал: используя эту терминологию, исследователь невольно «льет воду на мельницу» той самой «закулисной власти», которая делает все возможное

¹ См. напр.: <http://rus-sky.com/history/library/rid3.htm>

для поддержания иллюзии существования в мире «евреев» (а также «иудеев»). За последние более чем полвека после выхода книги Дугласа и особенно в начале XXI века становится понятным, что этой «закулисной власти» удобно пользоваться в качестве прикрытия (и обоснования) своей преступной деятельности такими вывесками, как «еврейство», «иудаизм», «Тора», «Талмуд» и т.п.¹ Ортодоксальные иудеи сегодня даже в Израиле становятся маргинальной группой, скоро они будут помещены, как выразился один израильский политик, в этнографический музей².

Так что это за фантомы под названием «еврейство» и «иудаизм»? По нашему мнению, в современных условиях под вывесками «еврейства» и «иудаизма» скрывается идеологическая и политическая общность людей, которая формируется по принципу секты или партии с очень жесткой тоталитарной структурой и большой агрессивностью по отношению к остальному человечеству, имеющей своей конечной целью захват мировой власти

А. Буровский называет эту общность «сектой»: «Механизм образования идеолого-политической общности («еврейства». – В. К.) очень напоминает механизм образования новой секты... выбираются некие постулаты, начинается сплочение вокруг них, образование общины. Члены общины укрепляют друг друга в приверженности идее, формируют общинный быт, дорабатывают идеоло-

¹ Вспомним еще раз лживый аргумент Х. Вейцмана, которым он козырял перед западными политиками для обоснования планов сионизма: «Наш мандат – Библия». Названная нами секта (партия) в равной степени для обоснования своей преступной деятельности использует также Талмуд и Каббалу. Впрочем, если Библия (Ветхий Завет) – аргумент для «внешних», «профанов», «акумов» (презрительное название христиан), то Талмуд и Каббала – это для «своих», «посвященных». Особенно активно преступники стали использовать Каббалу (подробнее см.: Отто Нойегард. Полдень магов. Оккультная перестройка мира. М.: Крымский мост-9д, Форум, 2004).

² См.: В. И. Королев. Битва за Иерусалим и ядерный Армагеддон. М.: Вече, 2004.

гию, проверяя на пригодность в тех или иных условиях. Они же начинают широкую волну пропаганды...»¹

Д. Хмелевский называет эту общность «партией»: «Как должен вести себя еврей с самосознанием, чтобы его не перепутали с неевреем, ведь очевидных этнографических различий нет, да к тому же он неверующий... Ответы всегда бывали туманными, но в общем сводились к стандартному набору: свинину не есть, праздники соблюдать, субботу, только на своих жениться. Но ведь это все религиозные ритуалы, теряющие всякий смысл за пределами конфессии. Идеологизированное национальное самосознание вдыхает в них новую, потустороннюю жизнь, превращая их в идеологические символы. Соблюдение их всеми желающими в народ, конечно, превратить не может, но может превратить в партию. Религиозный ритуал, отрываясь от религии и не становясь народным, становится партийным»².

Изначальным источником этой безумной страсти к захвату власти выступает дьявол, который 2000 лет назад искушал Иисуса Христа в пустыне, предлагая Спасителю власть над всем миром в обмен на поклонение ему. Это и есть тот самый главный заговорщик, который руководит указанной преступной общностью (а все «герои» книги Рида – Т. Герцль, Х. Вейцман, Б. Барух и им подобные – «шестерки», которых дьявол использует «втемную»).

Некоторые авторы называют такую указанную преступную общность *сектой каинитов*, что указывает на духовную связь этих людей с первым убийцей в истории человечества³. Но думаю, что наиболее точным и кратким

¹ А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Яуза-Пресс, 2010. С. 312.

² Д. Хмелевский. Под звонкий голос крови, или с Самосознанием на перевес // Континент. 1992, № 2. С. 317.

³ См.: О. Н. Забегайло. Духовное понимание истории / Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Серебряные нити, 2009.

определением этой общности будет то, которое содержится в Новом Завете: «*сатанинское сборище*».

В Откровении от Иоанна Ангел, посланный Иисусом Христом к Иоанну, говорит последнему (применительно к Смирнской церкви): «...знаю злословие от тех, которые говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2:9). Чуть позже Ангел повторяет: «...говорят о себе, что они иудеи, но не суть таковы, а лгут» и еще раз называет их «сатанинским сборищем» (Откр. 3:9). Второй раз слова Ангела относятся к Филадельфийской церкви, далее он говорит, что у этой церкви (в отличие от Смирнской) будет надежда на исправление и спасение (Откр. 3:9).

Дуглас Рид не использовал в своей работе указанные слова Иоанна Богослова, но нарисованная автором картина деятельности мировой закулисы в первой половине XX века позволяет в полной мере применить к тайной секте это определение евангелиста.

В целом можно сказать, что книга Дугласа – подлинная *энциклопедия мировой истории первой половины XX века*. Она отличается от большинства других работ по истории этого периода. Во-первых, тем, что Дуглас был очевидцем ее событий (впрочем, таких было немало); во-вторых, умел видеть то, что находилось за кулисами спектакля, называемого «мировой политикой» (таких было очень немного); в-третьих, обладал способностью положить это на бумагу (таких также было не слишком много). В результате такого счастливого (для нас) сочетания обстоятельств и родилась одна из величайших в XX веке книг «Спор о Сионе»¹.

¹ Конечно в этой своеобразной «энциклопедии» не все вопросы прописаны с одинаковой глубиной. Так, достаточно схематично и кратко дана картина СССР, особенно после Ленина и Троцкого (фактически – картина «сталинского» периода советской истории). Выше мы уже отмечали, что для этого существовали объективные причины – отсутствие достаточной информации о Советском Союзе на Западе (информации западных СМИ об СССР Рид явно не доверял).

Я не назвал еще одного отличия книги Дугласа от многих других. Он умеет по-человечески переживать за то, что происходит вокруг него. Он сам в этом признается: «В первую очередь я думаю о таких вещах, как религия, патриотизм, свобода, человеческое достоинство и честь...»

Более того, автор справедливо и убежденно считает, что ум (и знание фактов) – необходимое, но недостаточное условие для постижения Истины и Правды. Вторым условием являются чувства (не в смысле рефлексивных эмоций, а в смысле нравственно-духовного реагирования на события).

В эпилоге Рид пишет: «Автору случилось наблюдать большее число событий, а также манипуляций национальными интересами, чем это выпадает на долю большинства современников, и он «мог убедиться на основании собственного опыта, что дело идет не о случайностях, а об определенном плане. Все написанное им представляет собой поэтому протест, но не против естественного течения жизни, а против подавления правды о ней. Настоящий труд – рассказ современника о том, как делается история. После него придут историки, которые попытаются на основании раскопанных фрагментов составить историю событий во всех ее деталях; с таким же успехом можно

Еще одна проблема, которая осталась «за кадром» исследования Рида, – финансирование сионистской деятельности. Автор лишь ограничился перечислением богатых еврейских банкиров, которые своими деньгами поддерживали планы «сионских мудрецов». Не будучи экономистом, Рид, видимо, не решился погружаться в сложную тематику механизмов финансового обеспечения сионизма. Он даже не упомянул такого знаменательного факта, как создание в 1913 году центрального банка Америки – Федеральной резервной системы (ФРС). Между тем именно еврейская олигархия (Ротшильды и К^о) учредила и стала владельцем контрольного пакета акций этого частного института. Это дало сионизму неограниченные возможности для финансирования своих проектов, поставило под финансовый контроль нескольких еврейских ростовщиков сначала Америку, а после Второй мировой войны и весь западный мир (подробнее см.: В. Ю. Катасонов. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». М.: НИИ школьных технологий, 2011).

пытаться определить чувства, владевшие человеком при жизни, на основании его откопанного скелета. Однако им, возможно, удастся проникнуть в детали, скрытые в настоящее время от автора, и прежде всего они непременно найдут, что все происшедшее было совершенно необходимо для достижения того положения вещей, в котором находятся они сами – а в случае историков это обычно очень удобное положение. Где-то между упомянутыми методами изложения событий расположена полная и истинная правда; роль автора ограничивается живым протестом живого участника.

Несомненно, что все происшедшее существенно необходимо для достижения скрытой от нас конечной цели, в характере которой у автора не существует сомнений; однако многое из происшедшего было в момент своего совершения абсолютно ненужным и излишним, и именно в этом и заключается тема авторского протеста. Автор считает, что неизбежный, по его мнению, хороший конец мог бы быть достигнут гораздо скорее без этих досадных и ненужных событий; однако ему также ясно, что все это лежит за пределами понимания простых смертных и что, согласно Божьему произволению, повторяющиеся испытания могут быть нужными для конечного самоосвобождения человеческой души. Согласно тому же произволению верующий должен восставать против них, как только они случаются».

Я думаю, что мудрые слова английского писателя и мыслителя могут быть очень полезными для нас всех, являющихся свидетелями многих событий мировой и российской жизни (большинство из которых нам представляются несправедливыми, а часто и просто чудовищными). Тем более к этим словам следует прислушаться тем, кто описывает эти события. Нам, пишущим, есть чему поучиться у Дугласа Рида.

В. Катасонов

МЕТАМОРФОЗЫ «ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА» И ПРОЕКТ ТРЕТЬЕГО ХРАМА

Горе вам, вожди слепые, которые говорите: если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен. Безумные и слепые! Что больше: золото или храм, освящающий золото?

Мф. 23:16–17

Евреи привязаны к деньгам вовсе не ради их материальной пользы, а потому, что находят в них ныне главное орудие для торжества и славы Израиля.

Владимир Соловьев, русский философ

1. Химеры «еврейства» и «иудаизма»

Для еврейских вождей после разрушения Второго храма римлянами в 70 году н.э. и окончательного рассеяния евреев по всему миру создалась серьезная угроза потери своей «паствы» в результате быстрой ассимиляции евреев среди тех народов, где они жили. Речь идет не только о кровосмешении, но также об отходе части евреев от иудаизма (частично в результате обращения в язычество, частично вследствие перехода в христианство, а позднее – также в ислам). Для того чтобы евреи не исчезли с лица земли, этим вождям пришлось прибегнуть к хорошо уже подзабытой политике *прозелитизма*. Прозелитизм позволял если не расширять «паству», то хотя бы нейтрализо-

вать утраты, связанные с ассимиляцией. Еврейские вожди, несмотря на их ярко выраженный национализм, вынуждены были пойти на превращение некогда строго локализованной («местечковой») религии иудаизма в мировую. Современные еврейские вожди не любят афишировать этот прозелитизм послехрамовой эпохи, поскольку знакомство с историческими фактами ставит крест на представлении о евреях как едином народе (этноте).

Наиболее крупные случаи обращения в иудаизм других народов во времена после Второго храма – в Абиссинии (так называемые «черные евреи» – фалаши), Индии (индусы на Малабарском берегу Индостана). Активно занимались еврейские раввины прозелитизмом в арабских странах, поскольку арабы принадлежали к семитской группе народов, что облегчало задачу. Вот что по поводу прозелитизма в арабском мире пишет Дуглас Рид: «Представления о совершенно особом народе, избранном править миром на трупах поверженных язычников, привлекало примитивных людей многих племен. Обрезанный араб легко мог стать евреем, едва заметив это; раввины в североафриканской пустыне и городах были далеко от “центра” и охотно увеличивали свою паству»¹. Современный израильский историк Шломо Занд обращает внимание на то, что так называемые сефарды (по принятой версии, они – потомки палестинских евреев, расселившихся в Европе) – преимущественно потомки арабов². Финансовые соображения при проведении иудейского прозелитизма в новых условиях занимали не последнее место: расшире-

¹ Дуглас Рид. Спор о Сионе. М.: Твердь, 1993. С.112.

² В частности, по мнению Ш. Занда, еврейская община Испании (сефарды) выросла из арабов, принявших иудаизм, которые завоевали Испанию у христиан-европейцев (см.: Шломо Занд. Кто и как изобрел еврейский народ / Пер. с иврита. М.: Эксмо, 2011). По вопросу об обращении арабов в иудаизм см. также: «По вере вашей да будет вам...» Священная книга и глобальный кризис. М.: НОУ «Академия управления», 2010. С. 117–118.

ние паствы означало увеличение еврейской общины и расширение, таким образом, «налоговой базы» кагала.

Самым масштабным обращением в иудаизм было обращение тюркоязычных кочевников, обитавших на территории нашей страны – в низовьях Волги и восточной части Северного Кавказа (территория нынешних Дагестана и Чечни). Речь идет о хазарах, которые после уничтожения хазарского каганата князем Святославом¹ рассеялись по многим местам и в дальнейшем стали представлять собой наиболее активную часть мирового еврейства².

С одной стороны, еврейский прозелитизм обеспечивал выживание иудаизма как религии; с другой стороны, неизбежно вел к «растворению» среди других народов того еврейского народа (относящегося к семитской расовой группе), который некогда проживал на территории Палестины.

Наш отечественный ученый Лев Гумилев современный еврейский народ в связи с многовековой ассимиляцией и прозелитизмом называл «химерой».

В энциклопедии «Британника» в статье «Евреи» мы находим аналогичное заключение: «Данные физической антропологии показывают, что вопреки распространенному мнению, никакой еврейской расы не существует. Антропологические измерения групп евреев в разных частях мира доказывают, что они сильно отличаются друг от друга по всем существенным характеристикам облика и сложе-

¹ Князь Святослав (942–972) – сын великого киевского князя Игоря и святой равноапостольной княгини Ольги, уничтожил хазарский каганат в конце 960-х годов.

² О хазарах см.: А. Геркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. Вып. 1. СПб., 1874; С. А. Плетнева. Хазары. М., 1976; А. Новосельцев. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; М. И. Артамонов. История хазар. СПб., 1992; Н. Голб, О. Прицак. Хазарско-еврейские документы X века. М.–Иерусалим: Гешарим, 1997; Л. Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; А. Кестлер. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие / Пер. с англ. СПб.: Евразия, 2001; Шломо Занд. Кто и как изобрел еврейский народ / Пер. с иврита. М.: Эксмо, 2011.

ния: ростом, весом, цветом кожи, формой черепа, строением лица, группой крови и т.д.»¹.

Из последних работ российских авторов, в которых содержится подобный же вывод, можно назвать книгу Андрея Буровского «Правда о “еврейском расизме”». Он сделал следующее заключение: «...Евреи ничем не отличаются от народов, среди которых живут. Никакая это не раса и никогда расой не были»².

Химерический характер современного еврейства признают и наиболее вдумчивые представители этой искусственной общности людей. Предоставим слово такому признанному еврейским истеблишментом в Америке, Израиле и России авторитету, как раввин Штейнзальц: «С этнической же точки зрения трудно утверждать, что существует такой этнос, как евреи. Даже попытки антисемитов отыскать общие этнические черты, объединяющие евреев, потерпели неудачу. Географическая разобщенность, с одной стороны, и принятие в свою среду прозелитов – с другой за долгие века размыли черты общего этнического происхождения евреев. Особенно важна проблема прозелитов. Можно констатировать, не вдаваясь в подробности того, сколь велика доля прозелитов и их потомства среди еврейского народа, что сам факт вхождения их в еврейскую среду и растворения в ней лишает силы концепцию этнической общности евреев»³.

В интернете на сайте «Иудаизм против сионизма» относящий себя к группе «ортодоксальных иудеев» Григорий Синайский (судя по всему, это псевдоним) делает неутешительное для современных «евреев» заключение:

¹ Цит. по: А. З. Синельников. Средневековая империя евреев. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 197; Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2011.

² А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Яуза-Пресс, 2010. С. 17.

³ Рав. А. Штейнзальц. Что такое еврей? // Интернет. Режим доступа: http://www.bookorbita.com/library/religiya/shteynzalc_adin/cho_takoe_evrey.html

«Нацисты создали целые научные институты по определению расовых признаков евреев и не добились никаких результатов. С другой стороны, сами евреи, даже сионисты, видимо, тоже не умеют отличать евреев от неевреев по внешнему виду. Например, просионистски настроенная секта любавических хасидов регулярно проводит кампании на улицах Нью-Йорка и в других американских городах с целью привлечь секулярных евреев в свою секту. Чтобы найти секулярных евреев в уличном потоке людей, они спрашивают всех проходящих: “Вы еврей?” – другого способа у них нет»¹. Этот автор резюмирует: «Итак, слово “еврей” в современном употреблении – это мифическое племенное определение этнически разнородной группы людей, искусственно введенное в язык для обозначения потомков иудеев в эпоху их массового отпадения от религии предков в конце XIX века, когда религия стала считаться пустым предрассудком, не заслуживающим серьезного внимания, а псевдонаучные расовые теории стали одной из движущих сил истории. Только понимание того, что секулярные евреи, динамическое, неравновесное, преходящее явление, река, текущая от правоверных иудеев в забвение, позволяет разгадать парадокс секулярного еврейства, религиозной группы без религии или расы, без родовой общности. Секулярные евреи образуют видимость расы и видимость религиозной группы, потому что происходят родовым способом от разноплеменных правоверных иудеев, религию которых они отвергли»². По мнению Г. Синайского, именно то, что иудеи, начиная с конца позапрошлого века, стали отходить от религии своих отцов (религии Моисея, или религии Торы), привело к тому, что их перестали называть иудеями и им дали новое название – евреи. В мире есть еще некоторое количество

¹ Григорий Синайский. Кто такой еврей // Интернет. Режим доступа: http://iudaizm-protiv-sionizma.ru/kto_evrej/

² Там же.

правоверных (или ортодоксальных) иудеев, но их доля в общем количестве «евреев» стремительно падает¹.

Любопытно наблюдение знатока Ветхого Завета И. Ш. Шлифмана, который также не сомневается в отсутствии кровного единства той группы людей, которые называют себя евреями. Он считает, что современное слово «еврей» происходит от слова «иври», которым обозначались «люди, утратившие общественные связи и обреченные на бродяжничество, ставшие рабами, которых на седьмой год порабощения отпускали на свободу»².

Наиболее фундаментальное обоснование того, что современный еврейский народ – плод вымысла (причем вымысла, необходимого финансово-жреческой верхушке этого эфемерного социума), содержится в работе современного израильского историка Шломо Занда «Кто и как изобрел еврейский народ». Наиболее любознательных читателей отсылаем к этой интересной, смелой и очень информативной книге³. Подчеркиваем, что автор проявил большую смелость, после выхода книги в свет Ш. Занд подвергся граду нападков со стороны властей Израиля и тех, кто обслуживает интересы финансово-жреческой верхушки так называемого еврейского народа. В одном из комментариев на работу Занда суть его исследования резюмируется следующим образом: «Существование общин, исповедовавших иудаизм, среди всех рас и на всех континентах натолкнуло Занда на мысль, что бóльшая часть общепринятых истин об истории еврейского народа является вымыслом основоположников сионизма, которые придумали ряд догм, граничащих с расистскими тезисами»⁴.

¹ Там же.

² И. Ш. Шлифман. Ветхий Завет и его мир. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С.19. См. также: «По вере вашей да будет вам...» Священная книга и глобальный кризис. М.: НОУ «Академия управления», 2010. С.121.

³ Шломо Занд. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2011.

⁴ «По вере вашей да будет вам...Священная книга и глобальный кризис». – М.: НОУ «Академия управления», 2010. С. 117).

С учетом сказанного слово *еврей* применительно к современным условиям целесообразно ставить в кавычки. В этой связи возникает резонный вопрос: что такое (или: кто такие) «еврей» в современных условиях?

Потомок раввинов Карл Маркс со знанием дела писал, что еврейство как национальность – химера; главным признаком еврейства, по его мнению, выступает тяга человека к богатству, поклонение «золотому тельцу»: «Химерическая национальность евреев есть национальность купца, вообще денежного человека»¹. Трудно не согласиться с тем, что дух стяжательства, торгашества – важный и необходимый признак еврейства. Но таким признаком сегодня обладают многие люди, которые формально находятся за «чертой еврейства». *Поклонение «золотому тельцу» – это современная сверхрелигия (метарелигия), объединяющая в своих рядах людей разных национальностей и формально принадлежащих к разным официальным религиям.* Маркс писал: «Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом»². Число людей, поклоняющихся «мирскому богу евреев», то есть «золотому тельцу», в мире сегодня исчисляется миллиардами. Можно сказать, что это «евреи» в широком смысле слова. Но, согласно статистике и переписям населения, «евреев» в мире всего около полутора десятков миллионов. Это «евреи» в узком смысле слова.

Иногда говорят, что истинное еврейство – это небольшая группа людей, которые особенно усердно поклоняются «золотому тельцу», достигли в этой связи больших успехов и составляют ядро мировой финансовой элиты. Это действительно так, но это не все. Истинные евреи имеют более высокую цель, чем просто обогащение. Для них деньги – средство, а цель – мировое господство. Они поклоняются тому самому, кто искушал Христа

¹ К. Маркс. К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., 2-е изд., т.1.

² Там же.

в пустыне и кому Он отказался поклониться. Напомним, что дьявол трижды пытался искушать Христа в пустыне. Третье и самое сильное искушение, к которому прибег дьявол, – искушение властью. «Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи»¹. Еврейским вождям хорошо известны эти слова из Второзакония², однако они отвернулись от Господа Бога и ради «всех царств мира и славы их» поклонились дьяволу.

Итак, «еврейство» – это сообщество разнообразных по своему этническому происхождению людей, объединенных идеей *мирового господства «избранного народа»*. Данная идея заимствована из иудаизма, где она с момента появления на свет этой религии (за несколько веков до Рождества Христова) заняла центральное место. Весь остальной «багаж» иудаизма в виде многих тысяч обременительных и архаичных предписаний Торы и Талмуда стал для миллионов «евреев» в лучшем случае историей и традиций, а чаще всего выброшен как ненужный хлам. Для большинства тех, кто принадлежит к «избранному народу», идея «мирового господства» утратила сакрально-религиозный смысл и стала чисто политической. Люди, принадлежащие к современному еврейству, по своим религиозным взглядам могут быть агностиками, атеистами, иудеями, а в некоторых случаях формально даже принадлежать к другим религиям, в том числе христианству. Вместе с тем следует признать: в высшем слое той общности, которая сегодня называется еврейством, имеется небольшая группа лидеров, которая характеризуется высокой религиозностью. Ее члены исповедуют различные

¹ Мф. 4:8–10.

² Втор. 6:13; 10:20.

варианты талмудического иудаизма, причем некоторые секты иудаизма характеризуются крайним фанатизмом и высокой агрессивностью.

Небольшая группа ортодоксальных (или правоверных) иудеев (основная часть их находится в Израиле), не относящихся к высшему слою «мирового еврейства», квалифицирует идейно-религиозные взгляды еврейской верхушки как отход от иудаизма (религии Торы и даже Талмуда) и называет их «еретическими», «фанатическими», «гибельными» (для еврейского народа)¹.

В том сообществе, которое называется «еврейский народ», имеется своя *сегментация* и *иерархия*.

Если говорить о сегментации еврейства, то прежде всего необходимо указать на деление его на две группы – *ашкенази* (т. наз. восточноевропейские евреи) и *сефарды* (потомки тех евреев, которые проживали в Испании и Португалии). Эти две группы существуют автономно друг от друга и даже иногда враждуют. «Хорошо известны факты существования во многих восточноевропейских городах двух разных еврейских общин. Сефардские и ашкеназийские общины веками существовали параллельно, не смешиваясь, в Амстердаме, Бухаресте, Крыму, Иерусалиме и Нью-Йорке. Да и в сегодняшнем Израиле далеко до гармонии между ними... Даже иудаизм у сефардов и ашкенази разный, и в современном Израиле одновременно два верховных раввина: ашкеназский и сефардский»².

Коротко об иерархии. На верхнем «этаже» находится финансово-жреческая олигархия, которая разрабатывает стратегию и тактику мирового еврейства и управляет «еврейским народом»; это «ядро» «еврейского народа». На «ядро» приходится несколько процентов официальных «евреев».

¹ См., например, материалы интернет-сайта «Иудаизм против сионизма» (<http://iudaizm-protiv-sionizma.ru>).

² А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Язуа-Пресс, 2010. С. 169–170.

На нижних «этажах» располагаются «рядовые» «евреи», которые сортируются на основе разработанных олигархией методик («евреи» первого, второго и более низких «сортов»).

Наименее полноценными являются «евреи», которые присоединились к еврейскому сообществу с помощью «*гиюра*» – специальной процедуры обращения неевреев в евреев (современная форма прозелитизма). В Израиле «гиюр» в первую очередь применяется в отношении тех лиц, которые вступили в брак с официальными «евреями» и/или имеют с ними родственные связи. По данным А. Буровского, «40% выехавших в Израиль даже официально – не евреи. Это собратники или родственники собратников тех, кто уезжает. Едет один еврей, а с ним пятеро русских»¹.

К евреям «первого сорта» в Израиле относят так называемых «*сябров*». «“Сябров”, то есть израильтян, с рождения говорящих на иврите, в Израиле провозгласили солью палестинской земли. Их не более 30% населения Израиля»².

Финансово-жреческая олигархия также определяет те критерии, на основе которых идет формирование «избранного народа», ту границу, которая позволяет отделить «избранных» от остальных³.

Многие рядовые члены «еврейского сообщества» даже толком не знают истинных планов еврейской олигархии. Этим «рядовых» «евреев» финансово-жреческая олигархия использует «втемную» и очень цинично – часто просто как «расходный материал» для осуществления своих амбициозных проектов. Андрей Буровский очень выразительно обозначил таких «рядовых» «евреев» термином «*люмпен-еврей*»⁴.

¹ Там же, с. 260.

² Там же.

³ Если судить по правилам государства Израиль, дающим право гражданам других стран на въезд и получение гражданства в еврейском государстве, то эти критерии постоянно меняются.

⁴ А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Яуза-Пресс, 2010. С. 303.

Современная *еврейская финансово-жреческая олигархия* представляет собой такой же симбиоз двух типов еврейских вождей, который сложился в Иудее ко времени земной жизни Иисуса Христа. Тогда еврейским народом руководили саддукеи, которые были напрямую связаны с казной храма и храмовым бизнесом (финансовая олигархия), и фарисеи, которые были духовными руководителями еврейства. За две тысячи в верхушке «еврейского народа» – финансово-жреческой олигархии – ничего принципиально не изменилось.

Мировые ростовщики (современные саддукеи) поклоняются маммоне, «золотому тельцу», исповедуют религию денег и действительно добились больших успехов, заняв ключевые позиции на мировом финансовом олимпе. Миллиардными капиталами они сумели доказать свою «богоизбранность» и получить право войти в состав мировой олигархии. В число еврейской финансово-жреческой олигархии могут входить некоторые очень богатые люди, которые вообще не имеют никаких еврейских корней. Это так называемые *саддукеи-прозелиты*. Типичным примером являются Рокфеллеры, которые никогда не исповедовали иудаизм, не принадлежат к семитской расовой группе, но входят в состав еврейской финансово-жреческой олигархии. Они демонстрируют стремление к мировому господству «избранных» и отношение к «неизбранным» как к рабам.

Об этом свидетельствует, в частности, откровенное интервью режиссера и политика Аарона Руссо (автора фильма «Америка: от свободы к фашизму»), в котором он рассказал о своем общении с Николасом Рокфеллером. Это интервью было обнародовано в 2007 году (оно размещено в интернете), после этого Аарон Руссо подозрительно быстро скончался. В интервью Руссо рассказал о чудовищных планах Рокфеллеров и мировой олигархии по захвату власти в мире.

Духовные лидеры, носители идеологии талмудического иудаизма (современные фарисеи) поклоняются тому, кого они считают своим национальным богом¹. По их мнению, это Иегова; но они заблуждаются. Христос еще две тысячи лет назад сказал тогдашним фарисеям: «Ваш отец – дьявол»². Подчеркнем, что сегодня **талмудический иудаизм – не только и не столько религия, сколько идеология**, в которую время от времени вносятся коррективы с учетом изменяющихся условий. Современный иудаизм не имеет ничего общего не только с религией древних евреев до вавилонского пленения, но даже с талмудическим иудаизмом, который сложился в первые века после Рождества Христова. Внутри партии современных фарисеев существует множество течений и сект, говорить о какой-то «единой официальной религии» «еврейского народа» достаточно сложно и даже бессмысленно. Как отмечает А. Буровский, современные «евреи» – это не только разные этносы и даже расы; «даже версии иудаизма у них разные. Между иудаизмом сефардов и иудаизмом ашкенази так мало общего, что существуют отдельные сефардские и ашкеназские синагоги»³.

При всех различиях, которые существуют между современными саддукеями и фарисеями, а также внутри этих

¹ Описание и анализ деятельности современной мировой жреческой олигархии (современных мировых фарисеев) выходит за рамки данной работы. Рекомендуем по данному вопросу обратиться к произведениям руководителя еврейской общины Харькова Эдуарда Ходоса. Им по этой теме опубликовано уже более 15 книг, наиболее известные из них – «Еврейский синдром», «Еврейский фашизм, или Хабад – дорога в ад». Интересные факты о современных фарисеях, находящихся на вершине власти, можно также найти в работах израильских авторов Исраэля Шахака и Исраэля Шамира.

² Ин. 8:41, 44. В Откровении от Иоанна также говорится об иудеях, которые поклонились дьяволу: они «говорят о себе, что они Иудеи, но они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2:9).

³ А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Язуза-Пресс, 2010. С. 213.

двух групп (партий), их сплачивает два важнейших и взаимосвязанных момента: стремление к мировому господству и презрительное отношение (даже ненависть) к остальному человечеству. В современных условиях такое отношение к «неевреям» приобрело ярко выраженные черты «еврейского расизма»¹. В конечном счете, союз современных саддукеев и фарисеев имеет единую духовную основу: он «цементируется» поклонением главному врагу Бога – сатане.

Почему не происходит раскола в рядах еврейской финансово-жреческой олигархии? Ведь две партии формально поклоняются разным богам: саддукеи поклоняются маммоне, прося у этого языческого бога богатств всего мира, фарисеи – своему национальному (еврейскому) божку, обещающему «избранному народу» власть над миром.

Вспомним сцену из Евангелия, когда фарисеи заявили, что Иисус изгоняет бесов силою веельзевула: «Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его?»² Маммона и еврейский племенной божок – это два веельзевула, над которыми стоит общий начальник – дьявол (денница). Как и в мире светлых ангелов³, в мире падших духов существует строгая иерархия, «вертикаль власти». Царство дьявола само по себе разделиться не может⁴. Современные саддукеи и фарисеи, а также «окормляемая» ими «паства» находятся в рабском подчинении у

¹ По вопросу «еврейского расизма» см.: А. Буровский. Правда о «еврейском расизме». М.: Яуза-Пресс, 2010; Ю. Мухин. Тайны еврейских расистов. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

² Мф. 12:25–26.

³ См. сочинение Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии».

⁴ Подробнее см.: Священник Родион. Люди и демоны. Образы искушения современного человека падшими духами / 2-е изд. Киев, 2003; Священник Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословское исследование. М: Пренса, 2003.

того, кому Христос две тысячи лет назад в пустыне сказал: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу твоему поклоняйся и Ему одному служи»¹.

2. Сионизм

Борьба финансово-жреческой верхушки «евреев» за мировое господство в настоящее время облекается в форму так называемой *глобализации*. Сегодня уже почти никто не отрицает того очевидного факта, что важнейшей особенностью глобализации является размывание и в конечном счете уничтожение национальных государств. О деструктивном влиянии «евреев» на государственные устои написано очень много; считается, что это некое побочное следствие их торгово-ростовщической деятельности, которая оказывает разрушительное действие на многие стороны жизни общества. Отчасти это так, но при этом разрушение национальной государственности – важнейшая часть программы завоевания «евреями» мирового господства, замещения многих суверенных государств всемирным царством «евреев». Об этом триста лет назад писал французский историк Э. Руллан в известной работе «История евреев». Описывая обряд посвящения в сан «князя изгнания», историк отмечает: «Он (посвящаемый в сан. – В. К.) заканчивал обряд молитвою, произносимой про себя, из боязни, чтобы кто-либо не услышал и не передал другим правителям, что он желает их гибели, ибо действительно царство евреев не может возникнуть иначе, как на развалинах других государств»².

В XIX веке «национальная идея» «избранного народа» была облечена в форму политического движения, получившего название *сионизм*. Официальной целью сиониз-

¹ Мф. 4:10.

² Цит. по: Е. Ф. Глушков. Сионизм и потери России. Вечная схватка. Книга 1. М., 2004. С. 47.

ма было провозглашено возвращение «избранного народа» в «землю обетованную», то есть в Палестину, и воссоздание еврейского государства. Вместе с тем с самого начала у сионизма была другая – высшая цель, которая не афишировалась: завоевание мирового господства. Создание еврейского государства в планах сионизма – лишь ступень к достижению высшей цели¹. В 1975 году Генеральная ассамблея ООН по инициативе арабских стран и Советского Союза приняла большинством голосов Резолюцию № 3379, осуждающую сионизм как разновидность расизма².

Об основных средствах достижения сионистами своих целей мы также можем прочесть в Евангелии. Их две – убийства и ложь: «Вы делаете дела отца вашего... Ваш отец дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи»³.

Сионизм очень многолик, он может использовать самые разные лозунги и идеологии для маскировки своей

¹ Подробнее о сионизме см.: Т. Герцль. Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. М.: Текст, 2008; Л. Пинскер. Автоэмансипация. М.: Текст, 2008; Исраэль Шахак. Еврейская история, еврейская религия: тяжесть трех тысяч лет / Пер. с англ. Киев: МАУП, 2005; Исраэль Шамир. Сорвать заговор сионских мудрецов. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010; М. А. Князев. Будущее мирового сионизма. М.: Шихино, 1997; О. Платонов. Тайна беззакония: Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. М.: Алгоритм, 2004; А. С. Шмаков. Международное тайное правительство / Дополненное и переработанное исследование. М.: Городская типография, 1912 (переиздание: М.: Институт русской цивилизации, 2011); М. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004; Дуглас Рид. Спор о Сионе. М.: Твердь, 1993; В. И. Королев. Битва за Иерусалим и ядерный Армагеддон. М.: Вече, 2004; И. Р. Шафаревич Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. СПб.: Библиополис, 2002; Е. Ф. Глушков. Сионизм и потери России. Вечная схватка. Книга 1. М., 2004.

² Примечательно, что эта резолюция была отменена ООН в самом конце 1991 года – буквально сразу же, как только СССР прекратил свое существование.

³ Ин. 8:44.

основной цели. Один из руководителей еврейских коммунистических секций при ЦК РКП(б) С. Диманштейн в 1919 году писал: «Сионизм многолик. Он наклеивает на себя какую угодно теорию. Он был эсеровским, марксистским – всех оттенков. Мы могли его видеть под любой окраской. Из этого видно, как еврейский национализм может приспособливаться, какой он мастер в этом смысле. Ни один другой национализм какого-либо народа не дошел до этого, на это способны лишь сионисты»¹.

С созданием в XIX веке движения международного сионизма его лидеры попытались восстановить традицию сбора налога аналогичного храмовой подати с каждого взрослого еврея мужского пола. I Сионистский конгресс (Базель, 1897) библейским названием «шекель» обозначил членский ежегодный взнос в центральную кассу организации и удостоверение об уплате шекеля (шекельная карточка). Взнос в виде шекеля равнялся одному франку, одной марке, одной австрийской кроне, двум шиллингам, половине доллара, сорока копейкам (перед Первой мировой войной – пятидесяти копейкам) и т.д.

Шекель также служил удостоверением при выборах делегатов на сионистские конгрессы. До XXV Сионистского конгресса (1960) количество делегатов от определенного региона или страны рассчитывалось из числа проданных там шекелей (первоначально каждые двести обладателей шекеля избирали одного делегата). Эрец-Исраэль (государство Израиль) имел привилегию «двойного шекеля», то есть двойного представительства перед странами диаспоры. На «сионистском шекеле» был приве-

¹ Цит. по: М. А. Князев. Будущее мирового сионизма. М.: Шихино, 1997. С. 93. О том, как марксизм использовался в целях сионизма см.: Е. Ф. Глушков. Сионизм и потери России. Вечная схватка. Книга 1. М., 2004. С. 92–97. Е. Ф. Глушков пишет, что «марксизм создавался как еще один приводной ремень сионизма, помимо масонства, для достижения своей сверхзадачи» (там же, с. 92).

ден отрывок из текста сионистской программы, а с 1933 по 1958 год (после XVIII конгресса) – еще и так называемый дисциплинарный пункт устава, в котором говорилось, что решения центральных органов Всемирной сионистской организации имеют приоритет перед постановлениями любых других сионистских организаций. Согласно уставу, принятому на XXV конгрессе, шекель был сохранен в качестве эмблемы принадлежности к сионизму и карточки для голосования, его стоимость устанавливалась между 15 и 50 американскими центами или их эквивалентом в других валютах, однако состав представительства на сионистских конгрессах устанавливался независимо от количества проданных шекелей¹.

Конечно, достичь такого охвата еврейского народа шекельным сбором, какой был во времена Иерусалимского храма, лидерам международного сионизма не удалось. Вместе с тем успехи в этой области были достаточно впечатляющими, особенно после Второй мировой войны. Рост Всемирной сионистской организации отражался в числе «шекеледателей»:

164 333 в 1907,
584 765 в 1923,
1 042 054 в 1939,
2 159 840 в 1946,
2 148 029 в 1960.

В 1968 году XXVII конгресс, приняв решение о предоставлении каждой стране права вводить свою систему выборов на Сионистский конгресс, отменил шекель в качестве обязательного института, передав этот вопрос на усмотрение местных организаций².

¹ Шекель // Электронная еврейская энциклопедия / Интернет. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/14795>

² Шекель // Электронная еврейская энциклопедия / Интернет. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/14795>

После почти 19 веков скитаний евреев по миру они наконец создали свое государство – Израиль (1948). Когда-то известный исследователь истории еврейского народа С. Я. Лурье писал, что после вавилонского пленения евреи диаспоры с большими трудами сумели восстановить разрушенный Иерусалим и храм на Сионской горе, и назвал тогдашний Иерусалим «искусственным образованием диаспоры с центром в Вавилоне»¹. С таким же основанием можно назвать нынешнее государство «искусственным образованием диаспоры», только в этом случае центром диаспоры оказались Соединенные Штаты Америки. Сегодня, как и во времена Древней Иудеи, еврейская государственность зиждется на мощной «корневой системе», которая охватывает почти все страны мира. По данным Электронной еврейской энциклопедии, в 1980 году численность евреев во всем мире составила 14 286 тыс., при этом в Израиле проживало 3283 тыс. евреев, то есть 23%. Примечательно, что в США в том же году проживало 5290 тыс. евреев, то есть в 1,8 раза больше, чем в Израиле². Так же как и 2,5 тыс. лет назад, мы видим нежелание евреев покидать насиженные места и ехать в «обетованную землю». Без определенного нажима на евреев диаспоры и одновременной финансовой поддержки со стороны США и крупного частного еврейского капитала в Израиль, по мнению некоторых современных израильских авторов, переселилось бы лишь небольшое число религиозных фанатиков.

В марте 2006 года профессором Гарвардского университета Стивеном Уолтом и профессором Чикагского

¹ См.: С. Я. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Пг., 1922 (цит. по: И. Р. Шафаревич. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. СПб.: Библиополис, 2002. С. 25).

² Демография. Численность и географическое размещение мирового еврейства // Электронная еврейская энциклопедия / Интернет. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/15494>

университета Джоном Миршаймером была опубликована работа под названием «Израильское лобби и внешняя политика США». В ней, в частности, отмечается, что к середине прошлого десятилетия общий объем американской финансовой помощи Израилю достиг 140 млрд долларов¹. Следует также иметь в виду, что экономическое благополучие нового государства Израиль в значительной мере поддерживалось финансовыми «вливаниями» из ФРГ. Речь идет о репарациях Германии. К 1995 году объем таких репараций уже составил 100 млрд марок. Немецкие репарации и сегодня поступают в Израиль. В отдельные годы за счет этих репараций формировалось до 40% бюджетных доходов еврейского государства². Без масштабной помощи извне государство Израиль нежизнеспособно. Наум Гольдман, многолетний председатель Всемирного еврейского конгресса, в книге «Еврейский парадокс» пишет: «Без немецких компенсаций, которые были выплачены в первые 10 лет после основания Израиля, государство не смогло бы развить и половины существующей инфраструктуры: весь железнодорожный парк, все корабли, все электростанции, а также большая часть промышленности – немецкого происхождения»³.

¹ Перевод статьи был впервые размещен в интернете на сайте Санкт-Петербургского центра изучения современного Ближнего Востока (<http://meast.ru/article/izrailkoe-lobbi-i-vneshnyaya-politika-ssha>). Подробный анализ данной работы американских профессоров содержится в следующем источнике: Ю. Мухин. Кому выгодны мировые войны? М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. Об израильском лобби в США см. также: В. Фридман. Социалистические Штаты Америки. Дежа-вю, или Новые песни о старом. М.: НЦ ЭНАС, 2006. С. 141; Исраэль Шамир. Каббала власти. М.: Алгоритм, 2006; Исраэль Шамир. Сорвать заговор сионских мудрецов. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010; Исраэль Шахак. Еврейская история, еврейская религия: тяжесть трех тысяч лет / Пер. с англ. Киев: МАУП, 2005.

² А. Буровский. Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории. Книга 1. М.: АСТ, 2004. С. 256.

³ Ю. Граф. Миф о холокосте. М.: Витязь, 2000. С. 11; см. также: Юрий Мухин. Тайны еврейских расистов. М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 111–112.

3. Третий храм: подготовка строительной площадки

Зачем же евреям диаспоры нужно это «искусственное образование» под названием «государство Израиль»? – Прежде всего для того, чтобы иметь доступ к Храмовой горе и восстановить на ней Иерусалимский храм. А для чего им необходимо восстановление храма?

Во-первых, для того, чтобы возродить иудаизм как религию. Сейчас иудаизм религией в полном смысле не является, так как иудеи не могут выполнить важнейшие требования Закона Моисеева – принесение жертв (во славу Бога, за грех и очищение от греха) и участие в богослужении. Эти действия могут осуществляться лишь в Иерусалимском храме. Коль скоро у современных иудеев нет жертвоприношений, то у них нет и священства (раввины – учителя, а не священники; синагоги – не храмы, а молитвенные собрания, школы изучения Закона Моисеева).

Во-вторых, восстановление Иерусалимского храма – необходимый шаг еврейской финансово-жреческой олигархии к мировой власти. Олицетворением этой власти является ожидаемый ею машиах (мессия), который, по понятиям ортодоксальных иудеев, может воссесть только в Иерусалимском храме. Получается, что без наличия Третьего храма эти ожидания бесплодны.

Впрочем, по мнению некоторых святых отцов, планам современных иудеев не суждено будет осуществиться в полном объеме; антихрист рано или поздно придет, но воссядет он не в Иерусалимском храме, а в одном из христианских храмов.

Среди святых отцов нет единого мнения, будет ли антихрист восседать в Иерусалимском храме или ему будет уготован другой храм. Апостол Павел говорил об антихристе: «в Церкви Божией сядет он, выдавая себя за бога» (2 Сол. 2:4). Св. Ипполит, св. Кирилл Иерусалимский,

св. Иоанн Дамаскин, св. Иерей Лионский полагали, что таким местом будет именно восстановленный Иерусалимский храм. Вместе с тем ряд святых отцов под «Церковью Божией» разумели Церковь христианскую. Таково мнение блаж. Иеронима, блаж. Феодорита, блаж. Феофилакта, св. Андрея Кесарийского, блаж. Августина, преп. Ефрема Сирина.

Интересна по этому вопросу точка зрения св. Иоанна Златоуста: Иерусалимский храм никогда не будет восстановлен, иудейские жертвы никогда уже приносятся не будут, настоящего иудейского священства также никогда не будет¹. Эта мысль вполне подтверждается и Священным Писанием, где Сам Господь незадолго до Своих крестных страданий произнес следующее пророчество относительно Иерусалимского храма: «се оставляется вам дом ваш пуст»². Действительно, Святой Дух засвидетельствовал оставление храма Своей благодатью тем, что произошло раздрание завесы церковной на две части³. Объясняя приведенные выше слова Христа, св. Иоанн Златоуст обращает внимание на то, что Он называет Иерусалимский храм уже не *дом Мой*, а *дом ваш*, то есть дом иудеев-отступников, и указывает на совершенное его запустение. Итак, *мерзость запустения* существует на бывшем святом месте уже почти две тысячи лет; антихрист же воссядет на том месте, которое до его пришествия было священно, этим местом может быть только Церковь христианская.

Преп. Ефрем Сирин говорил о приходе антихриста: «Он явится и войдет в храм Божий, чтобы сесть внутри и именно в Церкви Божией. Он не отклоняет в другое какое-либо общество из еретических сект, чтобы не узна-

¹ Св. Иоанн Златоуст в своем трактате «Против иудеев» писал, что «Иерусалимский храм никогда не восстановится... иудейские жертвы прекращены и никогда уже не восстановятся, а на место их введена другая жертва... прежнего священства нет и не будет» (Св. Иоанн Златоуст. Против иудеев. М.: Лодья, 2000, с. 62, 89; курсив мой. – В. К.).

² Мф. 23:38.

³ Мф. 27:51.

ли его, – но с презрением отвергает все культы ложные, чтобы можно было пленить Церковь»; и далее: «...будет управлять Церковью *под личиной истины*»¹. Блаж. Федорит пишет, что апостол Павел «храмом Божиим называет церкви»². С последним мнением соглашается и святитель Феофан Затворник³.

Впрочем, лидеров международного сионизма высказывания святых отцов мало интересуют, свою политику они выстраивают на основе Талмуда и доктрины мирового господства. Попытки восстановления храма предпринимались и раньше, но посрамлялись Богом. Мы уже выше упоминали имя римского императора Юлиана Отступника (361–363 гг. н.э.), при котором (уже после провозглашения христианства официальной государственной религией) начались гонения на христиан. В это же время император разрешил иудеям восстановить Иерусалимский храм и даже выделил на это средства из казны. Живший в то время святитель Кирилл Иерусалимский предсказал провал этого богохульного проекта, ссылаясь на слова Спасителя о разорении самих камней храма (Лк. 21:6). Так оно и получилось. Однажды ночью произошло такое сильное землетрясение, что даже уцелевшие основания древнего Соломонова храма сдвинулись с места, а вновь возведенные пали и рассыпались в прах. Когда иудеи все-таки снова начали постройку, с неба пал огонь и истребил рабочие орудия. Великий ужас объял всех. На следующую ночь на одеждах иудеев появилось знамение креста, которое они ничем не могли уничтожить.

Мы не знаем, будет возведен Третий храм или нет, но даже если будет, то скорее всего станет лишь архитек-

¹ Творения, ч. 7, с. 246–247.

² Творения, т. 6, с. 79–84.

³ См. также: Священномученик Ипполит, епископ Римский. О Христе и антихристе. СПб.: Братство свт. Геннадия Новгородского, 1996. С. 29–30 (примечание).

турным и историческим памятником, а мерзость запустения останется.

Две тысячи лет назад иудаизм без храма превратился в идеологию и набор различных правил и регламентаций. Образованные евреи это прекрасно понимают. Восстановление храма упирается в то, что на месте Второго храма сегодня находится мусульманская мечеть Аль-Акса, откуда, по преданию, вознесся Магомет. Суть современного арабо-израильского конфликта – борьба лидеров международного еврейства за Храмовую гору¹. Можно уверенно констатировать, что в планы мирового еврейства входит не только возведение здания Третьего храма, но также воссоздание ряда обычаев и правил еврейского народа, связанных с этим храмом. В том числе и восстановление обязательной уплаты храмового налога в казну храма. Здесь мы поставим точку на теме Третьего храма.

4. «Финансовая башня» как конкурент Третьего храма

Следует иметь в виду, что часть мировой финансовой и политической элиты, которая формально относит себя к категории «евреев», достаточно равнодушно и скептически относится к планам воссоздания Иерусалимского храма, считая их ненужной «ностальгией», «иррациональным традиционализмом», «старомодной ортодоксией» и т.п. Выше мы назвали такую группу олигархов «современны-

¹ Читателям, интересующимся этими вопросами, можем порекомендовать следующие источники: В. И. Королев. Битва за Иерусалим и ядерный Армагеддон. М.: Вече, 2004; Ю. Ю. Воробьевский. Путь к апокалипсису: стук в золотые ворота. М., 1999; М. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004 (глава VI); Исраэль Шамир. Каббала власти. М.: Алгоритм, 2006; Исраэль Шамир. Сорвать заговор сионских мудрецов. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010; Шломо Занд. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2011; «Третий храм: строительство иудеями третьего храма в Иерусалиме – сообщения и аналитические статьи» (Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/tema/religia/tretij_hram/).

ми саддукеями». Эти самые «саддукеи» не особенно нуждаются в Третьем храме, так как они давно уже организовали альтернативные площадки, называемые «храмами маммоны». Речь идет о банках, фондах, биржах, финансовых компаниях. В мире создана густая сеть таких «храмов маммоны», причем в некоторых точках скопление этих «храмов» особенно велико. Такие скопления притягивают к себе миллионы поклонников бога «маммоны» со всего света, спешащих со своими «жертвоприношениями», исчисляемые миллиардами и даже триллионами долларов. Такие точки скопления называются «мировыми финансовыми центрами». Эти центры невидимо управляются современными жрецами, подобно тому как Иерусалимский храм управлялся первосвященниками и приближенными к ним начальниками. На современном языке таких «жрецов» принято называть «мировой финансовой олигархией». Они являются не только «менеджерами», но также главными «бенефициарами» этих центров религиозного поклонения, трансформируя обильные жертвоприношения в реальные активы по всему миру и политическую власть. Конечная цель таких жрецов-олигархов – мировое господство. Им даже не нужен машиах (мессия), они сами себе и «машиахи» и «боги»¹.

Следует обратить внимание на то, что современные международные финансовые центры напоминают не только и не столько Иерусалимский храм, сколько архитектурное сооружение гораздо более древних времен – Вавилонскую башню. Современная мировая финансовая олигархия пытается сегодня построить «башню до небес», подобно тому как это пытался сделать правитель

¹ Недавно известный западный исследователь Уильям Ф. Энгдаль даже написал и опубликовал книгу, которая посвящена мировой финансовой олигархии и называется «Боги денег: Уолл-стрит и смерть американского века». Книга переведена на русский язык и размещена в интернете (см. напр.: <https://lib.rus.ec/b/362326>).

древнего Вавилона Нимрод¹. В послепотопный период он стал продолжателем той цивилизации, основателем которой был первый человекоубийца и богоборец Каин. В строительстве той Вавилонской башни участвовали сотни тысяч людей, которые были воодушевлены призывами вавилонского правителя. Напомню, что башня была разрушена Богом, причем ее обломки накрыли многих строителей, одних искалечили, а других убили.

Сегодня в мире современные Нимроды строят несколько гигантских финансовых башен (точнее – долговых пирамид): в Нью-Йорке, Лондоне, Цюрихе, Франкфурте, Токио, Гонконге и других частях света. Видно невооруженным глазом, что эти финансовые башни шатаются и вот-вот рухнут. Весьма символичны события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке: там рухнули небоскребы Международного торгового центра, которые были символами современной каинитской цивилизации. Через несколько лет начался глобальный финансовый кризис, который продемонстрировал шаткость и обреченность долговых пирамид, которые на протяжении многих десятилетий выстраивали международные ростовщики – нимроды денежного мира. Следующая волна мирового финансового кризиса может окончательно обвалить долговые пирамиды и уничтожить большую часть человечества под обломками этих пирамид.

Результаты нашего исследования помогают лучше разобраться и во многих сегодняшних российских делах. Затронем лишь один вопрос. Нынешнее руководство Рос-

¹ Нимро́д (Не́мрод, Не́мврод; др.-евр. נִמְרוֹד – букв. «восстанем») – в Пятикнижии, агадических преданиях и легендах Ближнего Востока герой, воитель-охотник и царь. По родословию, приведенному в книге Бытия – сын Куша и внук Хама. Упоминается как «сильный зверолов перед Господом»; его царство помещено в Месопотамии (Быт.10:9, 10). В различных легендах акцентируется образ Нимрода-тирана и богоборца; ему приписывается строительство Вавилонской башни, крайняя жестокость, идолопоклонство, преследования Авраама, соперничество с Богом.

сии сделало широковещательное заявление о *превращении Москвы в международный финансовый центр*. В короткой истории государства под названием «Российская Федерация» было уже немало подобного рода заявлений. В ранг «национальных проектов» и «национальных идей» возводились следующие лозунги-заклинания: «удвоение ВВП», «переход на инновационное развитие», «модернизация», «построение социального государства», «борьбы с коррупцией» и т.п. Большинство из них оказались мертворожденными, и о них все успели забыть. Но вот идея «построения международного финансового центра» в граде Москва продолжает жить (начиная с 2007 года). Создана целая куча различных комиссий и рабочих групп по проекту международного финансового центра – как на уровне правительства страны, так и уровне московского правительства. Среди руководителей комиссий и рабочих групп – Герман Греф, Александр Волошин, Игорь Шувалов и другие «звезды» «демократической» России. А вторые (и реальные) фигуры в этих комиссиях и рабочих группах – лица с труднопроизносимыми иностранными именами, имеющие статус «советников» и «консультантов». Так же, как это было в 90-е годы, когда Россию затащивали на путь капитализма и проводили приватизацию и иные «шоковые» «реформы».

Судя по всему, вера в возможность в течение «ударной капиталистической пятилетки» возвести такой центр у руководителей Российской Федерации перешла в разряд религиозной веры. Подобно тому, как в Древнем Вавилоне строители вавилонской башни поставили задачу «быть выше Бога» и при этом фанатично верили в успех своего предприятия. Полагаем, что наш скромный труд о первой в мире международной финансовой системе, здание которой венчал Иерусалимский храм как финансовый центр, поможет лучше понять безумность (или лживость) идей тех, кто навязывает нам проект превращения Москвы –

столицы Святой Руси – в международный финансовый центр. Ведь тогдашний храм был некоей вершиной, которая венчала широкий и устойчивый базис в виде разветвленной сети торгово-ростовщических точек (еврейских общин), разбросанных по всему миру. Проект создания международного финансового центра в Москве подобен попыткам посадить дерево без корня.

Но главное даже не в этом. Главное, что нам такой центр вообще не нужен. Он имеет ярко выраженную богоборческую направленность. Остается только надеяться, что народ России не воодушевится призывами наших доморощенных нимродов¹. Для этого он должен крепко помнить слова Спасителя: *Никто не может служить двум господам: или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6:24).

В. Катасонов

А. Д. НЕЧВОЛОДОВ – РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ, ИСТОРИК, ЭКОНОМИСТ

(Доклад, прочитанный на заседании Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова 3 апреля 2014 года)

На днях исполняется 150 лет со дня рождения известного русского генерала Александра Дмитриевича Нечволодова. Он родился в Санкт-Петербурге 25 марта 1864 года по старому стилю; скончался 5 декабря 1938 года в эмиграции, в Париже.

¹ Забавно, что в рейтингах международных финансовых центров Москва не сумела подняться за эти годы. Даже наоборот. Если в марте 2007 года она занимала 45-е место, то в сентябре 2013 года опустилась на 69-е. Бог промыслительно не попускает России стать «конкурентоспособной» в деле строительства финансовых пирамид.

Биография

Приведу краткие биографические сведения о Нечволодове. Александр Дмитриевич происходил из семьи военных. Его отец, генерал-майор Дмитрий Иванович Нечволодов, дворянин Екатеринославской губернии, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, был соратником генерала Скобелева. У Александра Дмитриевича был брат Михаил. Михаил Дмитриевич Нечволодов (1867–1951) – герой Первой мировой войны, закончил военную службу в звании генерал-майора, кавалер многих боевых наград, после революции оказался в эмиграции. Оба брата окончили свой жизненный путь во Франции.

Вернемся к Александру. Он с детства определил, что будет военным. Закончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию. После гимназии поступил в 3-е Александровское военное училище. Прервав обучение в училище, Александр пошел служить вольноопределяющимся в лейб-гвардии Павловский полк. Молодой человек оказался очень способным, сумел в возрасте 19 лет экстерном сдать экзамены за полный курс военного училища. Летом 1883 года ему было присвоено первое офицерское звание подпрапорщика, а через месяц – и прапорщика. В 1889 году Нечволодов окончил Николаевскую академию Генерального штаба (по первому разряду). После Академии его служба была связана с военной контрразведкой. Социально-политическая обстановка в России в конце XIX века была беспокойной. Возникали террористические и подпольные революционные группировки, пытавшиеся дестабилизировать ситуацию в стране. В этих целях они широко использовали оружие. Значительная его часть попадала к этим антигосударственным элементам из арсеналов и со складов русской армии. Революционеры и террористы вербовали своих агентов среди офицеров и рядового состава, и они за деньги и/или по убеждени-

ям крали казенное оружие и передавали его смутьянам. Кстати, ситуация весьма схожа с тем, что мы сейчас наблюдаем на Украине (тысячи стволов из разграбленных воинских частей в руках боевиков «Правого сектора»). Нечволодов выявлял предателей в воинских подразделениях и пресек кражи большого количества оружия. В дальнейшем Александр Дмитриевич занялся и таким направлением, как контрабанда оружия из-за границы. Он вышел на крупных заграничных поставщиков. Занимаясь ими, он сделал для себя неожиданное открытие: все эти поставщики были связаны с зарубежными масонскими кругами и крупным банковским капиталом. Террористические операции на территории Российской империи не были хаотическими и разрозненными, а планировались из единых центров, и центры эти создавались и контролировались крупным капиталом, прежде всего банкирами. В это время у Александра Дмитриевича появляется интерес к углубленному изучению мировой финансовой системы, а также мирового масонства.

В 1903–1905 году Нечволодов был военным агентом в Корее. Следующей вехой жизненного пути Александра Дмитриевича стало его участие в русско-японской войне. Он состоял при штабе наместника на Дальнем Востоке и занимался организацией разведки в штабе Маньчжурской армии.

Важным событием в жизни не только лично Нечволодова, но и России стал выход в свет в конце мая 1906 года небольшой книги (немного более 100 страниц), принадлежавшей перу Александра Дмитриевича. Она называлась «От разорения к достатку». Это главное экономическое произведение Нечволодова. Ниже мы о нем будем говорить подробно. Здесь же отметим, что книга вызвала бурную реакцию как в Санкт-Петербурге (где вышла работа), так и далеко за его пределами. «Просвещенная» публика столицы, зараженная идеями либерализма и западными

теориями, набросилась на автора работы, обвиняя его в различных «фобиях» и консерватизме. Это очень похоже на реакцию современных российских либералов, которые любые исследования, касающиеся планов и практической деятельности мировой закулисы, называют плодами «теории заговора» и всячески их высмеивают. А вот представители патриотических кругов России благодаря работе «От разорения к достатку» узнали о малоизвестном офицере Генерального штаба Русской императорской армии, который блестяще разбирался в мировой ситуации, финансах и квалифицированно определил угрозы будущему Российской империи. Они даже предложили Александру Дмитриевичу стать почетным председателем Союза русского народа (СРН), но Нечволодов отказался. Говорят, он сделал это потому, что ряды СРН были сильно разбавлены теми, кого мы сегодня назвали бы носителями «бытового антисемитизма». По мнению генерала, это наносило большой вред монархическому и патриотическому движению России.

В феврале 1907 года полковника Генерального штаба Нечволодова потихоньку переводят из Петербурга в Николаевскую губернию, где он принимает командование 58-м полком. Там он служит более двух лет, а затем (когда страсти по поводу книги «От разорения к достатку» улеглись) его как ценного специалиста и разведчика возвращают в Генеральный штаб. Он получает звание генерал-майора. В 1910 году Александра Дмитриевича командируют в Швецию и Норвегию, где он изучает масонские организации, их связи с российским революционным подпольем, организацию банковской и денежной системы, источники и схемы зарубежного финансирования антигосударственных сил в России. После возвращения из командировки Нечволодова назначают командиром 2-й пехотной бригады 4-й пехотной дивизии (12.05.1910). Вскоре после начала Первой мировой войны, в сентябре 1914 года, его предста-

вили к увольнению, но по ходатайству генерала Рузского Нечволодов продолжил службу в действующей армии. В 1915–1917 году командовал 19-й пехотной дивизией, в мае 1915 года получил звание генерал-лейтенанта. За участие в боевых операциях получил орден Святого Георгия 4-й степени, заслужив его в бою.

С приходом к власти Временного правительства был отстранен от командования дивизией. Участник Белого движения. Эмигрировал. Оставшуюся часть жизни Александр Дмитриевич жил в Париже. Работал в правой газете «Libre Parole» и эмигрантском издательстве «Долой зло!». Писал о связях зарубежных масонов и банкиров-евреев с революционным движением в России, в частности о подрывной деятельности банкира Якова Шиффа. А. Д. Нечволодов принял участие в первом переводе на французский язык «Сионских протоколов». На Бернском процессе по делу о «Сионских протоколах» в 1930-х годах Александр Дмитриевич выступил экспертом со стороны защиты.

Нечволодов всю жизнь был холостяком, в 1896 году усыновил годовалого мальчика. О приемном сыне сведений нет. Наверное, заслуживает внимания следующий эпизод из жизни Нечволодова в Париже. В 1928 году на одном из монархических собраний Александр Дмитриевич отказался пожать руку генерал-лейтенанту А. С. Лукомскому, публично заявив, что именно этот генерал несет прямую ответственность за отречение Государя Николая Александровича в 1917 году. Дело едва не дошло до дуэли. Еще ранее, в 1917 году, подобные стычки после Февральской революции происходили у Нечволодова с А. Гучковым и генералом Рузским. В отличие от значительной части Белого движения генерал-лейтенант Нечволодов был ярко выраженным монархистом, Февральскую революцию 1917 года не принял. Похоронен Александр Дмитриевич на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Нечволодов как историк

О генерале Нечволодове чаще всего вспоминают как об историке. Александр Дмитриевич был действительным членом Императорского русского военно-исторического общества. Увлечение историей началось очень рано. Своим учителем Нечволодов считал известного русского историка Ивана Егоровича Забелина (1820–1908). В тридцать лет Александр Дмитриевич уже выпустил первую свою книгу по военной истории. Она называлась «Очерк явлений войны в представлении полководца по письмам Наполеона за лето и осень 1813 года» (Варшава, 1894). Были публикации Нечволодова на исторические темы в периодических изданиях. Нечволодов как историк известен прежде всего своим фундаментальным трудом «Сказания о русской земле». По некоторым данным, издание первой части «Сказаний» увидело свет в 1909 году в Николаеве, когда Александр Дмитриевич еще командовал 58-м полком. Судя по некоторым источникам, идею написания всеохватывающего труда по русской истории Нечволодову подсказал сам Государь Николай II во время их разговора на одном из официальных приемов после возвращения Александра Дмитриевича из Николаевской губернии в столицу. Царь сказал Александру Дмитриевичу, что в России существует большая потребность в доступном и национально ориентированном учебнике по истории, что книги Н. Карамзина по русской истории безнадежно устарели. К 300-летию дома Романовых была издана полная четырехтомная версия «Сказаний». Напомню названия томов:

1. «С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославле Мудром».
2. «Разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Дмитрия Иоанновича Донского».

3. «Образование Московского государства при преемниках Димитрия Иоанновича Донского».

4. «Иоанн Грозный и Смутное время. Избрание на царство Михаила Феодоровича Романова».

Между прочим «Сказания» – любимая книга святых царственных страстотерпцев. После выхода «Сказаний» император Николай Александрович сказал: «Вот наконец та книга русской истории, которую наш народ так долго ждал». Царь читал ее вслух всей семье за обедом, книга была с семьей до последних дней жизни страстотерпцев. Вскоре после появления на свет полного труда Нечволодова по русской истории подоспели Февральская и Октябрьская революции 1917 года, на многие десятилетия «Сказания о русской земле» оказались в забвении. Имя русского генерала советским историкам было неизвестно, книга Нечволодова – строго запрещена. Хотя бы потому, что имела ярко выраженную монархическую направленность. А уж о некоторых интерпретациях страниц отечественной истории и говорить не приходится. Так, в «Сказаниях» подробно раскрывается «хазарский сюжет», который советская историческая наука трактовала как проявление откровенного «антисемитизма».

Сегодня «Сказания» уже неоднократно издавались (переиздания юбилейного выпуска 1913 года), работа может быть использована как учебник в школах и как книга для чтения. Президент Российской Федерации В. В. Путин даже рекомендовал «Сказания» в качестве учебного пособия по истории для кадетских училищ. В этой книге Нечволодов проявил себя и как историк, и как прекрасный литератор, и как специалист по военному делу, и как глубокий экономист.

Нечволодов как знаток мира финансов

О том, что Нечволодов был не только военным и историком, но также экономистом, знают немногие. А между

тем он не просто разбирался в экономике, но был блестящим ее знатоком. Об этом свидетельствует небольшая книга (почти брошюра, немного более 100 страниц), которая называется «От разорения к достатку». Вышла она в 1906 году в Санкт-Петербурге и наделала тогда много шума не только в столице, но и во всей России. Некоторые положения указанной работы были углублены в брошюре под названием «Русские деньги», которая вышла годом позже. В наше время, к сожалению, «Русские деньги» остаются библиографической редкостью¹. В последние годы жизни Нечволодов работал над рукописью «Революционные финансы. История главного еврейского банка и его мировое господство», собрал для нее около 250 редких фотографий. Труды Нечволодова по финансам периода его эмигрантской жизни нам неизвестны. Они хранятся в зарубежных архивах, в частности в США (Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле).

Кое-какие моменты, относящиеся к финансовой тематике, присутствуют в книге Нечволодова, которая называется «Император Николай II и евреи. Очерк о русской революции и ее связях с всемирной деятельностью современного иудаизма». Книга была написана генералом в эмиграции на французском языке, опубликована в 1924 году в Париже. Особый интерес с точки зрения понимания международных финансов представляет первая глава, которая называется «Яков Шифф». В ней подробно описывается роль американско-еврейского банковского капитала в финансировании революционных сил в России. Отмечается, что идейным и политическим лидером американско-еврейского капитала был Яков Шифф. Показана его личная роль в организации экономических санкций против России (денонсация российско-американского торгового договора

¹ С факсимильной копией указанной книги можно познакомиться на сайте Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова: <http://reosh.ru/russkie-dengi-a-d-nechvolodov.html>

1832 года в 1911 году). Нечволодов, как мы отметили, был участником русско-японской войны 1904–1905 годов, он изучал потаенные пружины, которые двигали Японию к войне против нашей страны. Решающую роль в подталкивании Страны восходящего солнца к войне, по твердому убеждению Нечволодова, сыграл все тот же Яков Шифф, который организовал предоставление двух синдицированных кредитов Японии. В 2012 году книга «Император Николай II и евреи» была издана на русском языке в Москве Институтом русским цивилизации¹.

Нечволодов рассматривал книгу «Император Николай II и евреи» как первую в серии. Он планировал издать еще три тома:

«Россия и евреи – от французской революции 1789 года до русской революции 1905 года»;

«Евреи и Великая война»;

«Убийство императора Николая II евреями».

К сожалению, генерал не успел выполнить этот замысел. Вместе с тем в архивах за границей остается еще много неизданных рукописей генерала.

Прошло более века с момента выхода этих работ, но они не только не устарели, но, наоборот, содержащиеся в них выводы приобретают все бóльшую актуальность. О чем работы? Во-первых, о мире денег и о банкирах. Во-вторых, о золоте как «ядре» мира денег. В-третьих, о России, которая в конце XIX века оказалась втянутой в мир золотых денег. В-четвертых, о путях выхода России из того «золотого капкана», в котором она оказалась.

Сразу отметим, что А. Д. Нечволодов был не единственным русским мыслителем и патриотом, который видел опасность в золотой валюте. Его оценки совпадали, например, со взглядами известного русского экономиста Сергея Федоровича Шарапова (1856–1911), написавшего еще в 1895 году

¹ Нечволодов Александр. Император Николай II и евреи. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

свой бессмертный труд «Бумажный рубль». В этот же ряд можно поставить Георгия Васильевича Бутми (1856–1917), автора книги «Капиталы и долги» (1898), сборника статей и речей «Золотая валюта» (1906) и других работ.

А. Д. Нечволодов
как разоблачитель лукавства
английской политической экономии

Для понимания того, что такое золотая валюта, Нечволодов дает краткий обзор истории становления золотого стандарта в Европе. В любом учебнике по экономике можно прочитать, что золотой стандарт начался с Англии. Также известно, что именно в Англии произошла первая промышленная революция. Но вот тонкий момент, на который обращает внимание Нечволодов: классик английской политической экономии Адам Смит (1723–1790) *был сторонником не золотых, а бумажных (причем неразменных на золото) денег*. Впрочем, об этом мы можем узнать не только из знаменитого произведения А. Смита «Богатство народов»¹, но также из бессмертной поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И как живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

Вот что пишет Нечволодов по поводу приверженности Адама Смита бумажным деньгам: «Даже Адам Смит, на-

¹ Полное название работы А. Смита – «Исследование о природе и причинах богатства народов». Книга вышла в свет в 1776 году.

зываются грабителями всех государей средних веков за то, что они, вынужденные увеличить количество денежных знаков в своих государствах, поневоле прибегали к перече- канке монет с уменьшением в них содержания драгоценно- го металла, во второй части своего труда доказывает <...> всю благодетельность увеличения денежных знаков страны вдвое путем выпуска частными банкирами бумажных де- нег, которые они давали бы в долг на проценты».

Второй тонкий момент, мимо которого проходят мно- гие историки и экономисты: *промышленная революция в Англии совершалась с помощью бумажных, а не золотых денег*. Нечволодов эту мысль формулирует еще более жест- ко: если бы Англия имела золотую валюту, то никакой промышленной революции там не состоялось бы. Заслу- га введения неразменных бумажных денег принадлежала Уильяму Питту-младшему (1759–1806), который занимал ключевые позиции в правительстве Великобритании в по- следние два десятилетия XVIII века и в начале XIX века (министр финансов в 1782–1783 гг., премьер-министр Ве- ликобритании в 1783–1801, 1804–1806 гг.).

Кстати, переход Англии к бумажным деньгам был в немалой степени спровоцирован Наполеоном Бонапартом, который организовал континентальную блокаду британ- ских островов. Во многих учебниках эта блокада датиру- ется периодом 1806–1814 годами, однако первые меры по бойкоту английских товаров были приняты Конвентом Франции еще в 1793 году.

Свежее прочтение истории английского капитализма (с учетом тех акцентов, которые сделаны Нечволодовым) крайне полезно для современной России. Уроки более чем двухвековой давности подсказывают нам, что те санкции, которые нам сегодня пытается выставить Запад (в связи с событиями на Украине и присоединением Крыма к Рос- сийской Федерации), надо воспринимать как благо. Божий Промысл подталкивает нас к тому, чтобы мы отказались

от накопления долларов, под запасы которых центральный банк осуществляет выпуск рублей, а перешли бы к эмиссии бумажного рубля, не зависящего от иностранной валюты. А создав суверенную денежную систему, основанную на бумажном рубле, приступили бы к восстановлению нашей промышленности (второй индустриализации).

А вот другой классик английской политической экономики Давид Рикардо (1772–1823) не только склонялся к золотой валюте, но даже дал развернутое теоретическое обоснование ее преимуществ по сравнению с бумажными деньгами¹. В чем дело? – Дело в том, что Адам Смит и Давид Рикардо жили в разное время, ситуация в стране кардинально изменилась. Что же нового произошло во времена Давида Рикардо? Это было уже по окончании наполеоновских войн. На небосклоне финансового мира появились Ротшильды, которые сказочно обогатились на этих войнах. При этом они сумели сосредоточить в своих руках большую часть европейского золота. Но драгоценный металл, по замыслу Ротшильдов, не должен лежать мертвым грузом, его следует сделать капиталом, приносящим прибыль. А для этого надо обеспечить постоянный спрос на золото. Соответственно, обществу необходимо внушить, что самыми лучшими деньгами является золото, которое идеально может выполнять не только функцию накопления (образования сокровищ), но также функции меры стоимости (всеобщий эквивалент), средства платежа и средства обращения (обмена). Сначала появилось «научное» обоснование золотых денег, а затем последовали шаги по практическому внедрению золотого стандарта.

Говоря о метаморфозах английской политической экономики, можно добавить еще такую деталь: Давид Рикардо был в первую очередь не кабинетным ученым, а биржевым спекулянтом. Видимо, так же как Ротшильды, наш «политэ-

¹ Основная работа Рикардо – «Начала политической экономики и налогового обложения» (1817).

коном» на войнах и биржевых спекуляциях «заработал» немало золота. Кроме того, Давид Рикардо был лично знаком с Натаном Ротшильдом.

Не следует думать, что Адам Смит принадлежал к какому-то иному лагерю «политэкономов», нежели Давид Рикардо. Нечволодов отнюдь не идеализирует А. Смита. Просто предшественник Д. Рикардо обосновывал ту экономическую политику, которая была нужна денежному капиталу на первом этапе развития английского капитализма. Нечволодов полагал, что А. Смит не хуже Рикардо понимал, что такое золото в руках ростовщиков: «...Адам Смит скрыл от широкой публики ростовщическую природу золотых денег, чтобы облегчить масонам достижение цели – создать всемирное царство главарей капитала на развалинах современных государств. Еврейские банкиры вынуждают бессознательных каменщиков разрушать свой государственный строй, а вместе с ним свою силу, здоровье и нравственность. Международные ростовщики выстроили пагубную денежную систему, сущность которой затемняется целой армией гнусных мошенников, интернациональных аферистов и подкупленных государственных людей... Масоны уже окончательно распяли человечество на золотом кресте, и настолько крепко, что никакая сила не может снять его с него...»

О «тайне золота»

Золотой стандарт – денежная система, которая предусматривает использование золота не только и не столько как непосредственного средства обращения (золотые монеты), сколько как средства обеспечения бумажных денежных знаков (банкнот), выпускаемых центральным банком. Золотой стандарт предусматривает фиксированный процент покрытия эмиссии бумажных денежных знаков драгоценным металлом, который находится в резер-

вах центрального банка. Сторонники золотого стандарта обосновывают необходимость его использования тем, что, мол, такая денежная система гарантирует защиту от злоупотреблений властей «печатным станком» и обеспечивает доверие общества к денежным знакам.

Многие представляют, что золотой стандарт – такая денежная система, при которой бумажные деньги во внутреннем обращении заменяются металлическими монетами, а в международных расчетах обращаются стандартные слитки золота. Такие представления были распространены и в России в конце XIX века. Нечволодов многократно подчеркивает, что главной особенностью золотого стандарта является то, что «желтый металл» становится узаконенной мерой стоимости, неким универсальным измерителем стоимости. Однако это далеко не металлическая линейка (именно такое представление о золоте пытается сформировать К. Маркс в «Капитале», называя его «всеобщим эквивалентом стоимости»). Скорее, как отмечает Нечволодов, это «резиновый» измеритель, он очень выгоден хозяевами золота. Трудно придумать более ненадежный эталон стоимости. Ведь издержки на добычу физической единицы металла сильно зависят от природно-географических условий добычи. К тому же, в отличие от остальных продуктов труда, золото является неуничтожимым продуктом. Нечволодов говорит, что все другие товары потребляются после их производства (например, хлеб) или амортизируются (даже египетские пирамиды). Поэтому стоимость 1 грамма денежного золота, добытого много сотен или тысяч лет назад, надо умножить на количество операций, осуществленных с этим золотом. Стоимость 1 грамма будет уходить в бесконечность. Уж никак нельзя считать, что его стоимость равняется количеству часов труда работника, который его добывал. Маркс все эти тонкости и сомнения обошел стороной. И это понятно, потому что классик выполнял социальный заказ Ротшильдов.

Нечволодов обратил внимание на то, что хотя большая часть золота была сосредоточена в руках небольшой кучки мировых банкиров, доля золота в общем их богатстве была незначительна. Золото играло роль своеобразного магнита, притягивавшего богатства всего мира. Нечволодов обратил внимание, что в начале XX века сумма денежных обязательств всех государств мировым банкирам в два раза превышала стоимость всего золота, находившегося на планете.

Весь мир экономики можно представить в виде двух частей, или полюсов. Один полюс – все продукты труда, товары, создаваемые человечеством. Другой полюс – золото, находящееся в руках банкиров. Между этими полюсами существует в каждый момент времени равновесие, паритет. Запас золота почти не увеличивается – по такой естественной причине, как ограниченность драгоценного металла в мире. А вот производство товаров растет, физические масштабы продуктов живого труда увеличиваются каждый год под влиянием демографического роста, технического прогресса и других причин. В результате покупательная способность каждого грамма, каждой унции драгоценного металла автоматически возрастает. Таков принцип действия «золотого магнита», такова «тайна золота» в простом и понятном изложении генерала Нечволодова.

Нечволодов о разрушительных последствиях введения золотого стандарта в Европе

Но, несмотря на, казалось бы, убедительную «научную» аргументацию, власти всех стран достаточно настороженно отнеслись к идее введения золотого стандарта. Первой золотую валюту ввела Англия в 1821 году. Это не удивительно, поскольку Ротшильды в лице Натана Ротшильда, захватившего контроль над Банком Англии, имели в стране безграничное влияние. Это произошло на

пике промышленной революции. Еще лет тридцать в Англии по инерции продолжалось промышленное развитие, хотя страна стала постепенно терять позиции «мировой мастерской», сальдо торгового баланса стало ухудшаться, наметился отток золота из страны. Особенно сильно экономическое положение Англии ухудшилось, когда в 1840-х годах были отменены так называемые «хлебные законы», которые устанавливали заградительные пошлины для защиты внутреннего рынка. Началась эпоха фритредерства. В 1857 году Англия столкнулась с банковским кризисом, начался мощный отток золота. Остановить его удалось только благодаря повышению процентных ставок по банковским депозитам. Деньги внутри английской экономики стали крайне дорогими, в этот момент началось медленное умирание английской промышленности, Лондон стал превращаться в международный финансовый центр, английский капитализм стал приобретать признаки паразитического капитализма. Так вкратце Нечволодов описал историю английского капитализма, увязав ее с золотым стандартом.

Еще более драматичными были последствия введения золотого стандарта в континентальной Европе. Франко-прусская война 1870–1871 года завершилась победой Пруссии и созданием единого германского государства под руководством «железного канцлера» Бисмарка. Правильнее, впрочем, было бы назвать его «золотым», потому что именно Бисмарк инициировал введение золотой марки в 1873 году. Обеспечением ее стало золото, которое Германия получила в виде контрибуции от побежденной Франции, – всего 5 млрд золотых франков. Тут повествование Нечволодова об истории перехода Германии к золотой валюте хочется дополнить сведениями, которые мы находим в работах единомышленника и современника Александра Дмитриевича – С. Ф. Шарапова. Сергей Федорович раскрывает некоторые пикантные детали франко-прусской

войны. Эти детали показывают, что война была дьявольским проектом Ротшильдов, а Бисмарк находился под их влиянием. Банкиры предложили ему сделку, от которой тот не мог отказаться: единая Германия в обмен на золотую валюту. Благодаря нерекламируемой поддержке Ротшильдов Бисмарк без особого труда одержал победу над Францией. Франция была разорена, платить миллиардные контрибуции золотом она была не в состоянии. Опять помогли Ротшильды, которые организовали в Европе заем в пользу поверженной Франции, которая в свою очередь передала все собранное золото только что созданному Второму Рейху. В итоге Бисмарк не мог не выполнить обещание, данное Ротшильдам – то есть ввести золотую марку.

После Германии в Европе и в мире начался бурный процесс перехода к золотому стандарту. Везде такой переход сопровождался хитростью, раздачей обещаний, иногда угрозами. Не везде Ротшильдам удавалось добиться успеха с первого раза. Например, в Североамериканских Соединенных Штатах борьба за золотой стандарт велась более 30 лет, золотая валюта там утвердилась лишь в 1900 году. Японию удалось сломить лишь в 1897 году.

Нечволодов обладал удивительной способностью увязывать события финансовой жизни с событиями политическими. Взять, к примеру, ту же Японию. «Добровольно-принудительное» принятие Страной восходящего солнца золотого стандарта сразу же обострило ее экономическое положение. Это помогло мировым банкирам подтолкнуть Японию к подготовке войны со своими соседями (Россией, Кореей, Китаем). Страна восходящего солнца надеялась выйти из тяжелого экономического положения, рассчитывая на захват территорий, рынков сбыта и получение контрибуций. Великобритания также развязывала войны в целях получения золота. Именно для этого она инициировала в XIX веке опиумные войны против Китая. С их помощью Великобритания рассчитывала выкачать

из Поднебесной накопившийся там за многие века драгоценный металл в обмен на наркотическое зелье. В конце XIX века Лондон начал англо-бурскую войну с целью установить эффективный контроль над запасами золота в Южной Африке. За опиумными войнами и англо-бурской войной стояли Ротшильды.

В учебниках по экономической истории упоминается, что с 1873 года в Европе началась экономическая депрессия. Однако при этом редко упоминается, что завершилась она лишь через 23 года, в 1896 году. Это была Великая депрессия, даже более продолжительная по сравнению с той, которая началась на Западе с паники на Нью-Йоркской фондовой бирже в октябре 1929 года. Нечволодов подчеркивает, что депрессия 1873–1896 года была вызвана исключительно массовым переходом стран на золотую валюту. Разрушительные последствия золотой валюты были налицо. Нечволодов собрал большое количество статистического материала, показывавшего сжатие денежной массы, рост безработицы, дефляцию цен, увеличение количества банкротств. Впрочем, это было время, когда хозяева золота несказанно обогащались на кризисе и депрессии. В. И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) назвал последние три десятилетия XIX века периодом перехода капитализма в его высшую, монополистическую стадию. Он также отметил повышение внешней агрессивности, склонности к аннексиям и войнам зрелого, монополистического капитализма. С выводами Ленина трудно не согласиться (впрочем, это были выводы, заимствованные им из авторитетных иностранных источников – работ К. Каутского, Р. Гильфердинга, Дж. Гобсона и др.). Но при этом Ленин умудрился не заметить связи происходивших трансформаций капитализма с повальным введением западными странами золотых валют.

О денежной реформе С. Витте, обмане народа и предательстве элиты

Итак, Нечволодов дал обзор экономической депрессии в странах Европы в последние десятилетия XIX века. Тем удивительнее, что Россия в конце XIX века на всех парах мчалась к золотому рублю. Нечволодов объясняет этот печальный феномен рядом причин. Во-первых, предательством многих представителей правящей верхушки Российской империи, которые фактически были агентами влияния, действовавшими в интересах клана Ротшильдов. Главным агентом влияния Нечволодов и другие русские патриоты называли тогдашнего министра финансов С. Ю. Витте. Он был тесно связан с масонскими ложами и мировыми банкирами Запада. Витте вел подрывную работу против России по многим направлениям. Но, пожалуй, главным была подготовка по введению в России золотого рубля.

Во-вторых, смутным представлением большей части простого народа о том, что же такое деньги, банки, золото. Это было неудивительно, так как значительная часть населения России была неграмотна, не умела ни читать, ни писать.

В-третьих, тем, что бóльшая часть «образованного» общества была «отравлена» разного рода экономическими теориями, которые убеждали, что настоящими деньгами может быть только золото. И тут немалую роль сыграла не только английская политическая экономия в лице Давида Рикардо, но также марксизм. Через «Капитал» Маркса красной нитью проходит мысль о том, что золото и только золото годится на роль денег как всеобщего эквивалента – на том основании, что, мол, золото имеет устойчивую внутреннюю стоимость, которая выражается затратами общественно необходимого труда. Нечволодов в своей работе дал убедительную критику этого лукавого положе-

ния марксизма. Он показал, что как раз золото (по сравнению со многими другими товарами) является тем товаром, затраты на производство которого подвержены сильным колебаниям. Эти затраты определяются геологическими условиями залегания металла. Можно также вспомнить революцию цен, которая началась в Европе в эпоху Великих географических открытий, когда из Америки хлынуло большие количества золота.

Нечволодов также обращает внимание на то, что уникальностью золота по сравнению с другими товарами является его неуничтожимость, в отличие от хлеба и даже египетских пирамид, которые потребляются и/или амортизируются и должны замещаться другими аналогичными продуктами труда. Золото может быть добыто много тысяч лет назад, за это время стать объектом тысяч и тысяч различных сделок, тысячи раз менять своих владельцев и пользователей, но изначальные затраты на его производство будут теми же. Тут возникает очень непростой вопрос: а какой же на самом деле является стоимость золота? Надо ли первоначальные затраты на его производство умножать на тысячи оборотов (сделок)? Или же, наоборот, следует эти затраты делить на тысячи оборотов (сделок)? При одном подходе получаем стоимость каждого грамма золота, уходящую в большую бесконечность, во втором случае – в малую. Маркс все эти вопросы обходит стороной. Трудно поверить, чтобы основоположник марксизма не понимал этих тонкостей. Скорее всего, он выполнял социальный заказ Ротшильдов по продвижению золотой валюты. Таков вывод Нечволодова.

Кстати, Нечволодов обращает внимание читателя еще на один обман основоположника марксизма. По мнению Александра Дмитриевича, этот обман заключается в том, что «вожди социализма, призывая пролетариев всех стран к борьбе с существующим порядком и капиталистами, под последними понимают только землевладельцев и фа-

брикантов, но ни слова не говорят о банкирах и биржах... Между тем деятельность мануфактуриста и организатора коллективных работ – это общественно необходимый труд, часть которого присутствует в конечном товаре. Следовательно, капиталисты не являются эксплуататорами, с какими нужно бороться, они такие же участники общего дела... Бороться необходимо с паразитами труда – торговцами золотом...». Я не буду подробнее раскрывать этот тезис Нечволодова, он полностью совпадает с выводами, которые я делаю в своих работах¹.

Опять-таки напрашивается общий вывод: Маркс выступал в качестве провокатора, работавшего в интересах банкиров-ростовщиков и торговцев золотом. Нечволодов и другие патриоты прекрасно понимали, что марксизм был такой же угрозой для российской государственности, как и золотой рубль.

Мистика золотого рубля

Роковой датой для России Нечволодов называет 29 августа 1897 года. Действительно, для судеб России она была не менее значима, чем даты Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Но если о последних событиях написаны тысячи книг и любой (даже самый необразованный человек) знает о случившемся в 1917 года, то вот о событии 29 августа 1897 года, к сожалению, не знают даже многие нынешние профессора истории и экономики.

В этот день государь Николай II находился на охоте в Беловежье. Витте удалось осуществить денежную реформу через внесение «технических» поправок в Монетный устав Российской империи. «Золотая интрига» тянулась в течение нескольких лет, а 29 августа 1897 года – ее трагический финал. Государь подписал указ, легализовавший

¹ См., например: Катасонов В. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном: В 2 т. М.: НИИ школьных технологий, 2011.

указанные поправки. Однако поправки оказались отнюдь не «техническими». Фактически на смену серебряному стандарту (да и тот был формальным, фактически деньги были бумажными) в России пришел стандарт золотой. Такие судьбоносные вопросы должны были решаться совсем по-другому – их обсуждение как минимум должно было пройти на Государственном совете. Но там были люди, которые прекрасно понимали замыслы хитрого и опасного министра финансов Витте. Например, граф Алексей Павлович Игнатъев, бывший непримиримым противником Витте¹. У нас в исторической литературе многие тонкости тогдашней закулисной «золотой интриги» до сих пор описаны очень поверхностно и даже неточно.

Символична и дата подписания указа. В этот день в Базеле открылся Всемирный сионистский конгресс под председательством Теодора Герцля. По некоторым данным, именно там родились на свет «Сионские протоколы» (полное название – «Протоколы сионских мудрецов»). Выше мы уже отмечали, что Нечволодов в рамках Бернского процесса выступал в качестве эксперта со стороны защиты по поводу указанного документа. Немалая часть «Сионских протоколов», между прочим, посвящена золоту как инструменту достижения мировыми ростовщиками власти на планете. Мы не будем погружаться в дискуссию о происхождении данного документа, но история XX века показывает, что все положения «Сионских протоко-

¹ Согласно некоторым данным, Нечволодов был знаком с графом А. П. Игнатъевым, который был убит террористами в Твери в 1906 году. Также, вероятно, Нечволодов был знаком и с сыном графа Алексеем Алексеевичем Игнатъевым (1877–1954). Алексей Алексеевич до революции был военным агентом (атташе) в Париже. После 1917 года перешел на службу к большевикам. Судя по некоторым данным, возглавлял личную разведку И. Сталина (до 1937 года продолжал находиться в Париже под «крышей» нашего торгпредства). А. А. Игнатъев написал в советское время книгу «Пятьдесят лет в строю». Она свидетельствует, что взгляды Нечволодова и А. А. Игнатъева по многим политическим вопросам совпадали, хотя формально после 1917 года они принадлежали к разным «лагерям».

лов», касающиеся золота, денег и банков, прошли проверку временем и должны быть признаны верными. Напомним, что всего в документе насчитывается 24 протокола. Во многих протоколах есть прямые или косвенные ссылки на золото и золотые деньги. Например, в протоколе 1 говорится: «В наше время заместительницей либералоправителей явилась власть золота». Протокол 5: «Все колеса государственных механизмов ходят под воздействием двигателя, находящегося в наших руках, а двигатель этот – золото. Измышленная нашими мудрецами наука политической экономии давно уже указывает царский престиж за капиталом». А вот выдержка из протокола 20: «Вы знаете, что золотая валюта была гибелью для принявших ее государств, ибо она не могла удовлетворить потребление денег, тем более, что мы изъяли золото из обращения, сколько возможно». В эмиграции Александр Дмитриевич продолжал напряженно изучать вопросы, связанные с финансами, золотом, масонством. Он осмыслил такие события новейшей истории, как Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции 1917 года, приход к власти в России большевиков (то есть те события, которые случились уже после выхода в свет его работы «От разорения к достатку»). Выше мы уже упоминали книгу Нечволодова «Император Николай II и евреи» (1924). Глава 4 указанной книги называется «Протоколы сионских мудрецов». В ней он показывает, что ход всемирной и российской истории полностью соответствовал тем установкам, которые содержались в «Протоколах».

Как мы отметили выше, генерал Нечволодов участвовал в качестве неофициального эксперта на стороне защиты в Бернском процессе 1930-х годов, на котором сионистские организации пытались оспорить истинность «Протоколов».

Мистический характер имеет не только время, но также место события. Злополучный указ был подписан в Беловежье. Как известно, через 94 года здесь было подписано

предательское и преступное соглашение руководителей трех союзных республик, приведшее к распаду СССР – правопреемника Российской империи.

Золотой рубль — удавка для России

Так вот, благодаря лукавой западной финансовой науке, благодаря усилиям хитрого и энергичного министра финансов С. Ю. Витте, России в 1897 году был навязан золотой рубль. А. Нечволодов, С. Шарапов, другие русские патриоты предупреждали, что эта денежная реформа приведет Россию к катастрофе. После восшествия на трон государя Александра II в России начались многочисленные реформы, которые развернули вектор социально-экономического развития страны. Россия встала на путь капитализма. И помещики, и бывшие крепостные крестьяне были брошены в объятия товарно-денежных отношений. По разным оценкам, денег при тех же масштабах производства и потребления стало требоваться в 2–3 раза больше по сравнению с серединой XIX века. А их после начала финансовых реформ стало даже меньше. Реформаторы руководствовались западными теориями, согласно которым дефицит денег гораздо лучше, чем их избыток. А когда Россия перешла к золотому стандарту, стало совсем худо. Наступило окончательное разорение.

Удивительно, но невежество наших верхов было запредельным. Их без труда удалось убедить в том, что золотой рубль будет содействовать экономическому развитию России. Их удалось убедить даже в том, что в результате денежной реформы 1897 года в стране произошла девальвация рубля – на том основании, что содержание металла в новом золотом рубле было ниже, чем это было до реформы. Но золотой рубль Витте нельзя было сравнивать с предыдущим золотым рублем, поскольку формально (согласно Монетному уставу) стандарт в России был серебряным, а

так называемый «золотой рубль» был чем-то наподобие «игрушки», нумизматической безделушки, цена которой должна была выражаться в серебряных рублях.

Но нашим властям внушили, что произошла девальвация рубля. А это, мол, нам на руку, будет способствовать продвижению российских товаров на мировом рынке. Но дело в том, что внешний долг России до реформы выражался в рублях серебряных, а серебро на протяжении предыдущих двух десятилетий постоянно обесценивалось по отношению к золоту. Когда в Европе начался «парад золотых стандартов», серебро тем более стало обесцениваться. Номинальная величина долга российского государства осталась неизменной, та же сумма рублей. Но теперь это были не серебряные, а золотые рубли. Долг, по оценкам Нечволодова, стал «тяжелее» примерно в 1,6 раза. Произошла громадная ревальвация рубля. Одним росчерком пера на шею русского народа была повешена гирия, которая тянула на многие миллиарды серебряных рублей. Если говорить еще понятнее, то для погашения долга, зафиксированного на момент реформы, надо было продать хлеба, леса, пеньки, нефти, пушнины в физическом выражении в 1,6 раза больше, чем до реформы. Для любых держателей долга, номинированного в рублях, реформа явилась поистине царским подарком. А это и зарубежные банкиры типа Ротшильдов, и свои, «местные», типа Адольфа Юльевича Ротштейна, Алексея Ивановича Путилова, братьев Рябушинских или семейства Рафаловичей.

Денежная масса в стране после реформы 1897 года сжалась до количества золота в подвалах Государственного банка Российской империи. В стране началась дефляция, которая особенно больно ударила по сельскохозяйственному производителю. Чтобы поддерживать денежную массу хотя бы на уровне, достаточном для выживания, требовалось поддерживать золотой запас. А он имел тенденцию «таять». В частности, золото требовалось для покрытия де-

фицита торгового баланса, выплаты процентов по кредитам и дивидендов иностранным инвесторам. Как Россия могла поддерживать золотой запас на минимальном уровне? Нечволодов называет три способа.

Во-первых, форсируя экспорт, особенно вывоз хлеба. Еще предшественник Витте министр финансов Вышнеградский любил повторять: «Недоедим, но вывезем». Это было в период подготовки к введению золотого рубля, это же продолжалось и после его введения. Нечволодов на цифрах показывает эту страшную картину недоедания, которое отражалось на физическом здоровье народа.

Во-вторых, добывая драгоценный металл на территории России. Наша страна богата и рудным, и россыпным золотом. Но в начале XX века масштабы его добычи были весьма скромными (30–40 тонн в год). Кроме того, часть золота, добывавшегося на Дальнем Востоке, уходила нелегально за границу через Китай в Гонконг и в конечном счете оказывалась в сейфах банков Ротшильдов. Нечволодов описывает эту контрабанду со знанием дела, поскольку был участником русско-японской войны и неплохо знал ситуацию на Дальнем Востоке и в Восточной Азии.

В-третьих, обращаясь за золотыми кредитами к Ротшильдам. И этот способ оказался главным. Это и позволило Нечволодову сказать, что золотой стандарт стал для России «золотой удавкой». Выплата Россией иностранцам процентов и дивидендов в валюте в начале XX века приближалась к полумиллиарду золотых рублей. И это при том, что годовой бюджет Российской империи в то время лишь немного превышал 2 млрд золотых рублей. Существовала некая иллюзия бурного экономического развития России в последние десятилетия перед Первой мировой войной. Но это была всего лишь иллюзия, потому что страна жила в долг, при этом незаметно переходила под контроль иностранного капитала. А знаменитый золотой рубль С. Витте был обеспечен на 100% золотом, но не

собственным, а заемным. Перед Первой мировой войной Россия по многим видам промышленного и сельскохозяйственного производства занимала 4–6 места в мире. А вот по величине внешнего государственного долга она оказалась на первом месте.

Вот что писал по поводу внешней задолженности России Нечволодов в работе «От разорения к достатку»: «По количеству внешней задолженности Россия – первая держава в мире. Мы уплачиваем иностранцам в каждые шесть с половиной лет дань, равную по величине колоссальной контрибуции, уплаченной Францией своей победительнице Германии в войне 1870–1871 гг.». Напомню, что Франция тогда уплатила 5 млрд золотых франков. В качестве альтернативы золотому рублю Нечволодов, Шарапов, Бутми, другие русские мыслители и патриоты предлагали бумажный рубль, причем неразменный на золото. Наиболее глубокая проработка такой альтернативной золотому рублю валюты содержится в работе Шарапова «Бумажный рубль» (1895). В качестве компромиссных вариантов предлагались: денежная система, привязанная к серебру, а также биметаллическая денежная система (одновременное использование серебра и золота). Такие компромиссные варианты были далеко не идеальными, но они ослабляли тугой ошейник золотого стандарта. Однако русские экономисты-патриоты не были услышаны властью, страна катилась к катастрофе. После того как к власти пришли большевики, они начали поиск наиболее приемлемой модели денежного хозяйства. В первой половине 1920-х годов была проведена денежная реформа, которая остановила безумную инфляцию в стране. Тогдашний нарком финансов Г. Сокольников (Бриллиант) предлагал вернуться к золотой валюте, которая бы обращалась во внутренней экономике СССР и одновременно обслуживала внешние расчеты. Речь шла о золотом червонце. Были напечатаны бумажные знаки червонца, а одновременно отчеканены зо-

лотые монеты с таким же номиналом. Сокольникова даже стали называть «советским Витте», поскольку он шел по стопам Сергея Юльевича. Однако в последний момент Сталин принял решение, которое предотвратило планировавшийся размен бумажных знаков червонцев на металл. СССР готовился к индустриализации, а ее можно было проводить только с помощью бумажного рубля.

Творческое наследие Нечволодова и современный мир денег

Экономические работы Нечволодова крайне актуальны для сегодняшней России. Современная денежная система России не базируется на золоте, но она базируется на долларе США. И тут напрашиваются аналогии. Тогда мы привлекали для обеспечения внутреннего денежного обращения желтый металл в запасы Государственного банка. Сегодня мы привлекаем иностранные займы и инвестиции, которые увеличивают международные (валютные) резервы Банка России. Тогда мы форсировали вывоз хлеба, сейчас мы наращиваем экспорт нефти и газа для приращения наших валютных резервов. Угрозы для экономической безопасности и независимости страны очевидны. Планы по финансовому закабалению современной России банковскими кланами Ротшильдов и Рокфеллеров также перестали быть военной тайной.

Сегодня мир живет в условиях бумажного денежного стандарта. Последняя связь денежного обращения с золотом была прервана в 1970-е годы. С «печатного станка» ФРС США был снят «золотой тормоз», он заработал на полную мощность. В течение примерно трех десятилетий мы наблюдали процессы, которые можно коротко назвать глобализацией. Прежде всего экономической и финансовой глобализацией. К настоящему времени процесс экстенсивного «освоения» банковским капиталом нашей планеты за-

вершается. В итоге мы получили глобальный финансовый кризис. Мы наблюдали в 2007–2009 годах лишь первую фазу этого кризиса. В любой момент мир может накрыть вторая волна, гораздо более мощная и разрушительная. В этой связи экономисты, политики, государственные деятели судорожно ищут способы предотвращения кризиса, кардинальной перестройки международной финансовой системы и национальных финансовых систем. Все чаще звучат ностальгические призывы вернуться к золотому стандарту в той или иной форме. Примечательно, что во время последних президентских выборов в США в 2012 году Митт Ромни и другие республиканские кандидаты в свои предвыборные программы включили пункты о необходимости возвращения к золотой валюте. Алан Гринспен, покинув пост председателя ФРС, вспомнил о золотом стандарте и активно его пропагандирует. От слов некоторые американские политики перешли к делу. В 13 штатах США идет подготовка к введению золотых денег, которые пока будут выполнять функции параллельной валюты (то есть обращаться наряду с долларом, выпускаемым Федеральным резервом). Ближе всех к цели приблизился штат Юта. Вопрос введения в качестве параллельной валюты золотого франка обсуждается в парламенте Швейцарии. Идут постоянные разговоры о возможности превращения китайского юаня в золотую валюту. Страны АТЭС и БРИКС на своих встречах последних лет не раз обсуждали вопрос о возможности создания альтернативных доллару США региональных валют, причем валют, обеспеченных желтым металлом. И в Государственной думе РФ также не раз звучали призывы вернуться к золотому рублю. Известный российский предприниматель Герман Стерлигов уже в течение нескольких лет пытается убедить всех в необходимости перейти от бумажных денег к использованию золотых и серебряных монет – даже отчеканил пробные монеты. После окончания финансового кризиса 2007–2009

годов центральные банки многих стран стали активно увеличивать свои золотые резервы. Список признаков того, что идет невидимая и осторожная подготовка к возрождению золотых денег, можно продолжать еще долго.

Человечество уже подзабыло уроки эпохи золотого стандарта XIX – начала XX века, которые проанализированы в трудах русского генерала Александра Дмитриевича Нечволодова. Выводы генерала звучат как предупреждение нашему поколению, которое может еще раз наступить на «золотые грабли», подброшенные мировыми хозяевами золота.

В. Катасонов

СЕРГИЙ БУЛГАКОВ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА И ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ «ФИЛОСОФИЮ ХОЗЯЙСТВА»

1. Введение

В годы перестройки и реформ творческое наследие С. Булгакова, замалчивавшееся на протяжении советского периода нашей истории, стало доступно широкой аудитории. Достаточно большими тиражами в последние два десятилетия издавались такие работы Булгакова, как «Два града. Исследования о природе общественных идеалов», «Философия хозяйства», «Свет невечерний. Созерцания и умозрения», «Философия имени», «Икона, ее содержание и границы», «Апокалиптика и социализм», «Православие. Очерки учения Православной Церкви» и ряд других.

Пожалуй, наиболее востребованной со стороны нашей интеллигенции оказалась работа «Философия хозяйства». Особый интерес к ней был вызван, видимо, назва-

нием. В годы Перестройки и реформ вопросы экономики в нашей стране вышли на первый план. При всем обилии литературы по экономике, финансам, предпринимательству на полках книжных магазинов, сохранялся голод на литературу, в которой бы раскрывались не частности, а давалось метафизическое осмысление экономики и хозяйственной жизни.

«Философия хозяйства» Булгакова сразу же привлекла к себе внимание взыскательных читателей своим многообещающим названием. Однако многим даже подготовленным читателям книга оказалась не «по зубам». Из нее «выковыривались» отдельные цитаты и обсуждались периферийные вопросы. Выяснилось, что «Философия хозяйства» совсем не легкое чтение, к какому многие стали привыкать в постсоветский период. Было также определенное разочарование: выяснилось, что она посвящена не столько экономике, сколько философии и требовала специальной философской подготовки. А философия, согласно «духу времени», – совершенно ненужный хлам, на копание в котором в нашей динамичной современности совершенно нет времени.

Уж не знаю про современных философов, но экономистами Булгаков понят не был. От Булгакова ожидали ответа на вопрос: «Какой должна быть экономика?» А вместо четкого ответа в духе привычного рационализма его книга «грузила» читателя новыми вопросами и «антиномиями», весьма далекими от прагматичных запросов нашего времени.

В учебниках по экономике про «Философию хозяйства» Булгакова вообще забывают упомянуть или пишут коротко и невнятно. Даже в учебниках по «Основам философии экономики» (в экономических вузах появилась такая дисциплина) «Философии хозяйства» Булгакова уделяют не более одной страницы¹. В нескольких строках или абза-

¹ См., например: А. И. Самсин. Основы философии экономики: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ, 2003. С. 79–80.

цах изложить суть и своеобразие «Философии хозяйства» Булгакова, конечно же, невозможно. Попытаемся сделать это на двух-трех десятках страниц (но в то же время придерживаясь строгого формата тезисов).

Почти в любой серьезной публикации о Булгакове констатируется противоречивость творчества русского мыслителя. Действительно, трудно найти как абсолютных поклонников, так и абсолютных отрицателей его интеллектуального наследия. То же самое можно сказать и о книге «Философия хозяйства». С учетом этого соображения построим нашу статью по следующему плану: а) очевидные достижения, конструктивные идеи «Философии хозяйства»; б) ее недостатки, ошибки, ереси; в) выводы и предложения.

2. «Философия хозяйства» как философский взгляд на мир через призму хозяйства

1. Булгаков дал метафизическое осмысление хозяйства, хозяйственной деятельности человека и общества, выйдя за узкие, привычные рамки политической экономии (предметом которой, строго говоря, выступает не хозяйство, а «экономические отношения» в обществе по поводу этого самого хозяйства). Как экономист он попытался укрепить фундамент экономической науки (прежде всего политической экономии) за счет философского осмысления экономики.

Приведем несколько определений «хозяйства», разбросанных по разным страницам «Философии хозяйства»¹.

(1) «Борьба за жизнь с враждебными силами природы в целях защиты, утверждения и расширения, в стремлении ими овладеть, приручить их, сделаться их хозяином

¹ Номера страниц даются по изданию: С. Н. Булгаков. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

и есть то, что в самом широком и предварительном смысле слова может быть названо хозяйством. Хозяйство в этом смысле свойственно всему живому, не только человеческому, но и животному миру...» (с. 79).

(2) «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организмом, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» (с. 79–80).

(3) «...Хозяйство можно определить как трудовую борьбу за жизнь и ее расширение» (с. 82).

(4) «Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой, и притом всякий хлеб, то есть не только материальную пищу, но и духовную: в поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура» (с. 83).

(5) «Все хозяйство представляет собой такую объективную деятельность, которая предполагает под собой, очевидно, некоторую объективную деятельность. Оно есть постоянное воздействие хозяина, субъекта хозяйства (пока здесь безразлично, единичного или коллективного) на вещи (природу или материю, как бы она далее философски ни конструировалась), то есть на объект хо-

зяйства. И всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, то есть объективирование субъекта» (с. 87).

(6) «Хозяйственная жизнь сводится к обмену веществ, к некоторому круговороту или чередованию выдыханий и выдыханий. На языке политической экономии выдыханиям соответствует производство, а выдыханиям – потребление» (с. 111).

(7) «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, – он творит культуру, как гласит распространенная формула наших дней» (с. 173).

В работе «Философия хозяйства», равно как и в других произведениях Булгакова, можно найти еще немало длинных, развернутых, и коротких, лаконичных, как формулы, определений хозяйства. Они не противоречат друг другу, а высвечивают разные грани сложного явления, называемого хозяйством. Некоторые определения изложены на сугубо научном (достаточно тяжеловесном) языке, другие не лишены поэтичности и демонстрируют полет творческой фантазии Булгакова. В синтезированном виде понимание Булгаковым хозяйства, хозяйственной деятельности можно свести к следующему: сознательно выстраиваемое человечеством взаимодействия с окружающим природным миром в целях сохранения, воспроизводства и расширения жизни.

2. Хозяйственная деятельность, по Булгакову, имеет своего субъекта и свой объект. Субъектом хозяйства выступает человечество. Именно человечество, а не отдельные люди. Общий хозяйственный процесс складывается из миллионов разрозненных действий отдельных хозяев.

Но это лишь кажущаяся разрозненность. Даже если индивидуальные хозяева осуществляют свою деятельность в рамках натурального хозяйства и не связаны формально между собой нитями рыночных товарно-денежных или иных экономических отношений, общий хозяйственный процесс имеет свою внутреннюю логику. Задача философии хозяйства – постичь эту логику и, быть может, обеспечить человечество необходимыми ориентирами планомерного, сознательного управления хозяйственной деятельностью. Человечество как субъект хозяйства – не только совокупность внешне разрозненных людей, живущих в данный момент на Земле, но также сумма всех поколений живших со времен Адама на Земле людей, которые создавали материальную и нематериальную культуру, являющуюся общим наследием человечества. На докторском диспуте при защите диссертации Булгаков отметил: «По вопросу о субъекте хозяйства или хозяйне точка зрения, защищаемая в “Философии хозяйства”, сводится к признанию всеобщего (трансцендентального) субъекта хозяйства, носителя хозяйственной функции. Таковым субъектом может быть только человечество как таковое, не коллектив или собирательное целое, но живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» (с. 370).

Что касается объекта хозяйства, то это не только непосредственные предметы труда (согласно положениям политической экономии), но также весь мир, вся вселенная. В конечном счете в качестве объекта может выступать и выступает сам человек (его духовное, культурное, физическое преобразование). Грань между субъектом и объектом хозяйства достаточно условная, размытая. При этом в процессе производства и потребления (два основных хозяйственных акта) происходит взаимное проникновение субъекта и объекта.

3. Взявшись решать ряд вопросов политической экономики, Булгаков вышел на уровень «вечных вопросов» бытия, смысла жизни и человеческой истории, свободы и необходимости, роли личности в истории и т.п.

Булгаков пришел к выводу, что философия хозяйства – не просто раздел (аспект) философии, а новая версия целостной философской системы со своей онтологией, гносеологией, антропологией, космологией. По мнению Булгакова, его философская система преодолевала некоторые недостатки и противоречия философской системы Канта и других немецких философов, идеи которых еще в XIX веке очаровали русскую интеллигенцию. Мыслители разных времен находили свои «калитки», через которые они проникали в бесконечный и таинственный мир бытия. Для Булгакова такой «калиткой» оказалось «хозяйство».

4. Человечество, по образному выражению Булгакова, – живой организм, функционирующий на основе свободных решений и поступков; окружающий мир – механизм, функционирующий по законам механического детерминизма. Вторжение человечества в окружающий природный мир приводит к тому, что последний постепенно из механизма превращается в организм. «Оплодотворенная» человеческим трудом природа становится как бы продолжением живого организма человечества. Жизнь расширяет свои владения, смерть и мертвая материя отступают. Впрочем, между жизнью (организмом) и смертью (костной природой) идет непрерывная борьба за сферу влияния. Сфера жизни ослабленного организма может сужаться, как шагреновая кожа.

3. Критика «экономизма» и его марксистской разновидности

1. Булгаков дал критику «экономизма», или «экономического материализма», который в конце XIX – начале

XX века стал господствующей парадигмой мышления и жизни человечества. Никакого рационального, научного (и тем более философского) осмысления этого феномена на тот момент не существовало. Булгаков не просто дал критику «экономизма», он рассмотрел за этим мировосприятием правду жизни. А именно вечную (с момента грехопадения человека в раю) борьбу человека и человечества за жизнь. «Экономизм», по мнению Булгакова – постоянная черта падшего человечества. По мнению Булгакова, «экономизм» отличается от маммонизма – поклонения маммоне; маммонизм – массовое явление новейшей истории, связанное с капитализмом. Кстати, в то время, когда писалась «Философия хозяйства», термин «маммонизм» стал достаточно широко использоваться в немецкой социологической литературе, с которой Булгаков (судя по многочисленным ссылкам в «Философии хозяйства») был хорошо знаком.

2. Вместо религиозно-философского осмысления корней «экономизма» мыслители эпохи Реформации и Просвещения создали прикладную экономическую науку, которая, по сути, стала инструментом маммонистских устремлений нарождающейся буржуазии. Особое внимание в «Философии хозяйства» Булгаков уделяет разбору меркантилизма – предтечи английской политической экономии XVIII века (Адам Смит и Давид Риккардо). «Политическая экономия родилась под знаком меркантилизма, то есть из вполне практических мотивов, из потребности разобраться в сложности хозяйственного механизма. Она есть дитя капитализма и, в свою очередь, является наукой о капитализме, давая основы правильного хозяйственного поведения. В политической экономии открыто или замаскированно решаются те или иные практические задачи...» (с. 327). Критерием оценки тех или иных экономических решений и проектов, согласно учению меркантилистов, является увеличение богатства, под кото-

рым в те времена понималось в первую очередь золото. Меркантилизм как экономическая политика государства (протекционизм, поощрение экспорта, добычи золота и др.) сыграл практическую роль в становлении капитализма в Европе. Меркантилизм как разновидность духа маммонизма сохранился и укрепился в политической экономии XVIII–XX веков (хотя формально он был заменен другими теориями и учениями).

Серьезный вклад в формирование меркантильного духа политической экономии внес Иеремия Бентам с его учением утилитаризма. Булгаков считает, что дух И. Бен-тама присутствует и в политической экономии начала XX века, в том числе в ее марксистской версии. Булгаков называет бентамизм «моральной арифметикой», стремлением «применения числа к этике». В целом Булгаков констатирует, что этика в современной ему экономической науке заменена числом. Можно сказать, что во многих экономических исследованиях нашего времени (XXI век) математические расчеты и формулы окончательно вытеснили проблемы этики, а заодно и создали видимость того, что это и есть наука. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Все, что содержит “факты”, особенно же в каббалистической форме статистической таблицы, теперь принимается за науку» (с. 329).

3. Автор «философии хозяйства» показал противоречия и непоследовательность марксизма как наиболее популярной идеологии «экономизма». Впрочем, ошибки и нестыковки в «Капитале» Маркса Булгаков стал замечать гораздо раньше, до написания «Философии хозяйства». Но в своих предыдущих работах Булгаков занимался критическим анализом марксизма в рамках политической экономии. В «Философии хозяйства» Булгаков показал несостоятельность марксизма как мировоззрения, претендующего на решение любых «вечных» вопросов человеческой жизни. Например, марксизм претендовал

на то, что создал свою социологию с «железными» законами (идея детерминизма). При этом марксизм был идеологией классовой борьбы, призывавшей пролетариат к свержению буржуазии. Но подобного рода призывы были адресованы не к «атомам» общества, а к людям, и апеллировали к их чувствам и разуму. Предполагалось, что в классовой борьбе рабочие перестают быть «атомами» и превращаются в людей, имеющих свободу выбора.

Образно выражаясь, Булгаков показал, что марксизм – «голый король», и попытался сделать все возможное, чтобы этот «король» перестал править умами интеллигенции (работа «Философия хозяйства», безусловно, была адресована наиболее интеллектуальной части русской элиты, которая в начале XX века была заморожена марксизмом).

4. Труд, творчество, культура

1. Ключевым признаком хозяйства является труд, трудовая деятельность человека. Труд – целенаправленное преобразование человеком окружающей его природы, а также познание ее тайн. Раскрытие тайн природы (ее законов, выявление новых объектов, раскрытие связей между отдельными элементами природы и т.п.), в свою очередь, представляет собой необходимое условие для последующего практического покорения природы. Таким образом, в концепции Булгакова труд рассматривается в гораздо более широком смысле, чем в традиционной политической экономии. В последней труд включает лишь такие затраты физического и умственного труда, которые приводят к созданию материальных продуктов: «...политическая экономия хотя с самого своего возникновения не расставалась с принципом труда (под этим принципом понимается, что труд – фактор производства, главный или единственный источник богатства. – В. К.), но вследствие низкой степени философской сознательности

и ограниченности ее духовных горизонтов она не знала, как воспользоваться этим принципом, какое отвести ему место. И ему было предоставлено место, совершенно не соответствующее философскому значению этого принципа. Прежде всего политическая экономия в лице Ад. Смита, фактически же в лице большинства своих представителей – сузила понятие труда до “производительного” труда, выражающегося в материальных благах» (с. 135). В концепции философии хозяйства Булгакова трудом являются даже размышления философа об устройстве мира, вселенной и бытии. По Булгакову хозяйство – не только материальное производство. Это также наука, в том числе фундаментальная. В состав хозяйства Булгаков также включает творческую деятельность в сфере искусства и культуры. Булгаков подытоживает свое понимание труда: «Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета» (с. 83).

2. Важным в учении Булгакова является деление труда на: а) принудительный, подневольный; б) свободный, творческий. Он рассуждает о том, как в истории человечества менялось соотношение принудительного и творческого труда. Приходит к выводу, что расширение границ жизни (сферы существования организма) в мире может происходить лишь в том случае, если хозяйственная жизнь будет осуществляться на основе свободного труда. Подневольный труд сужает сферу жизни. Более того, он разрушает созданный Творцом природный мир.

Даже в условиях самого непосильного хозяйственного «плена» (зависимость от природных и социальных условий) человек должен помнить, что он – сын Божий, и сохранять внутреннюю свободу. Христиане должны делать все возможное для того, чтобы: а) труд человека был свободным, творческим (творческий труд уподобляет человека Богу как Творцу); б) строго относиться к своим

трудовым обязанностям (независимо от присутствия или отсутствия творческого начала в труде).

3. Труд преобразует не только окружающий мир, но самого человека. Об этой стороне труда, как отмечает Булгаков, философия до сих пор ничего не сказала, а политическая экономия этой стороны труда вообще не замечает: «...политическая экономия в силу своего “экономического материализма” знает труд только в его продуктах, в объекте, и просматривает его в субъекте» (с. 136). Труд, по мысли Булгакова, имеет «незаменимое значение для человека, как средство воспитания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним». Он считает, что роль христианства в общественном и экономическом прогрессе трудно переоценить: оно изменило отношение человека к труду, сделало труд признаком доблести и достоинства, преодолело царившее в древнем мире высокомерное и презрительное отношение к труду, преобразило благодаря этому хозяйственную жизнь Европы.

Булгаков призывает христиан выбрать «царский путь» в своей жизни, имея в виду, что как уклонение от труда, так и чрезмерное (добровольное) обременение трудом в равной степени опасны для человека. Он писал: «Поскольку христианство велит каждому блюсти в себе свободу от хозяйства, не позволяя заботе до конца овладеть сердцем, повелевая оставаться духовно свободным от хозяйства при всяком хозяйственном строе, настолько же решительно оно никому не позволяет освобождать себя от труда под тем или иным предлогом»¹.

4. Результатом хозяйственной деятельности является культура в самом широком смысле слова. Хозяйственное происхождение имеет не только материальная культура, но также культура духовная, включающая произведения искусства, литературы, науки, философии. «Отпечатки»

¹ С. Н. Булгаков. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 212.

хозяйственной деятельности несет не только материальный мир, непосредственно окружающий человека и человечество, но также космос. Космос, по выражению Булгакова, «оживотворяется», «согревается» жизнью и трудом человечества. Булгаков постоянно подчеркивал, что какой бы «утонченной» и «духовной» ни была человеческая культура, в своей основе она всегда имеет материально-природное начало: «Культура, то есть трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу... Природа есть поэтому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее немислимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт» (с. 84–85). Подобного рода высказывания давали основания некоторым комментаторам «Философии хозяйства» называть эту работу Булгакова «религией материализма».

5. Наука. Критика механического детерминизма

1. Булгаков высветил истинную роль и место науки, научной деятельности в жизни человека. С одной стороны, он показал ограниченность науки как средства познания мира. Каждая наука находит свой объект исследования и далее начинает его внимательно изучать, используя наблюдение, эксперименты, расчеты, прибегая к осмыслению собранных фактов с помощью теорий и гипотез. Но у каждой науки есть своя «ахиллесова пята». И даже не одна. Во-первых, каждая из них пользуется набором аксиом, а аксиомы базируются на вере, а вера может ученого подвести. Во-вторых, каждая наука с ее конкретным объектом исследования смотрит на мир не через широкое окно, а через крохотную «форточку». Исследователь может не видеть весь объект целиком и тем более не видеть связи объекта с другими частями окружающего мира. Результаты

наблюдения могут быть неполными и даже искаженными. В эпоху Просвещения началось бурное развитие многочисленных наук, разные группы людей бросились изучать окружающий мир, предварительно расчленив его на части (объекты исследования). Фактически объектом исследования стал разрезанный на кусочки труп. А вот соединить эти части и воскресить труп ученые уже не могли. Итак, отсутствовал целостный, метафизический взгляд на мир. «Скальпели» таких «частичных» ученых наблюдаемый мир умерщвляли. Булгаков считал, что «философия хозяйства» может стать той метафизической базой, на основе которой человечество сможет изучать не расчлененный на куски мир с целью последующего его преобразования.

2. Булгаков считал, что научная деятельность – не просто бездеятельное созерцание мира. Он рассматривал науку как важную часть хозяйственной деятельности человечества. В «Философии хозяйства» он доказал, что «чистой» (находящейся вне хозяйства) науки не бывает. Любая наука появляется лишь как реакция на какую-то потребность человечества. При этом потребности не обязательно должны быть грубо материальными. Это могут быть потребности культурного и духовного порядка. Но удовлетворение таких «нематериальных» потребностей также необходимо для воспроизводства жизни. В конечном счете, усилия человека в сфере духовной и культурной жизни расширяют сферу его влияния во вселенной, «оживляют» мир.

3. Булгаков дал критику детерминизма в науке – идеи, которая безраздельно господствовала как в естествознании, так и в обществоведении со времен Декарта и Лапласа. Если в естествознании механический детерминизм был еще терпим, то в области социальных наук он выглядел более чем странно. Детерминизм в социологии фактически означал, что единственной причиной любых поступков человека являются условия внешней среды,

внешние факторы. Человек как существо, свободно принимающее решения, в социологии просто не существует, рассматривается лишь как некий социальный «атом». Булгаков анализирует эту методологическую несуразность на примере марксизма (о чем мы сказали выше).

6. Критика политической экономии

1. Особое внимание Булгаков уделял рассмотрению детерминизма в политической экономии. Такой детерминизм базируется на концепции «человека экономического», который ведет себя в экономическом пространстве подобно «атому», траекторию которого можно рассчитать. Политическая экономия в качестве объектов своего исследования рассматривает большие совокупности таких «атомов», которые называются социальными группами, классами, социумами. За «человеком экономическим», «классом», «социальной группой» не видно живого человека. Вернее, это уже и не живой человек, а автомат, лишенный какой-либо свободы. Но если автомат лишен свободы, он перестает быть творцом, а если он лишается творческого начала, то экономическое развитие останавливается. Хозяйство тем не менее развивается, появляются новые виды техники, происходит освоение земли и ее недр, человек рвется в космос и т.п. Если бы все люди были автоматами, то хозяйство не только остановилось бы, но и пришло в упадок. Стало быть, посыл политической экономии о том, что все люди – автоматы и атомы, неверен.

2. Говоря про политическую экономию (особенно ее марксистскую версию), Булгаков отмечает, что она дает «лишь геометрический чертеж человеческих отношений». Она изучает большие «социальные совокупности», за которыми вся индивидуальность человека пропадает. Для Маркса рабочий – лишь отвлеченный, совокупный представитель «пролетариев всех стран», люто ненавидящий

капиталистов-эксплуататоров. Этот рабочий не реальный человек, противоречивый, многогранный, а, как пишет Булгаков, – некий «методологический призрак».

Политическая экономия базируется на статистике, причем особое значение имеет статистика больших совокупностей и средние величины. При этом неправильное пользование статистикой может приводить к ложным выводам («суеверие цифр») или реальная действительность может сильно огрубляться («классовые маски, социальные схемы и чертежи»). «Интерес к совокупностям, к изучению массового, типического, среднего в политической экономии достаточно объясняет то преобладающее значение, которое имеют здесь статистические наблюдения. Статистика, не как самостоятельная наука, но как метод массового наблюдения и «категорического исчисления», естественно сделалась подсобной отраслью политической экономии, которая поэтому впадает нередко – впрочем, не она одна – в суеверие цифр, ища в них то, чего в них нельзя найти... Методом совокупностей, статистическим или иным, конечно погашается все индивидуальное, вместо него выступают классовые маски, социальные схемы и чертежи» (с. 320–321).

3. Политическая экономия представляет ход общественного развития как некий *perpetuum mobile* (вечный двигатель). Такая «линейность» социально-экономического движения общества совершенно не соответствует сложной, отнюдь не прямолинейной траектории исторического процесса. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Это основоположение политической экономии, что явления хозяйственной жизни обладают качеством повторяемости или типичности (курсив автора. – В. К.), есть общее методологическое предусловие экономических закономерностей. Вместе с тем очевидно, что этим положением наперед исключено не только индивидуальное, но и вообще новое, историческое: и в этом политико-экономическом

мире, как и ранее в социологическом, ничего не происходит, не совершается никаких событий, вращается лишь какое-то экономическое *perpetuum mobile*» (с. 322).

Концепция *perpetuum mobile*, или «ничего нового», не только искажает реальную динамику социально-экономического развития, но часто просто оказывается в руках «политэкономов» инструментом откровенного шарлатанства. «Прогноз» Маркса о неизбежной смене капитализма социализмом на основе экстраполяции существовавших тенденций концентрации капитала – типичный пример такого шарлатанства. Булгаков пишет: «Типичен в этом отношении “прогноз” Маркса касательно развития капитализма к социализму: он целиком основан на предпосылке *ceteris paribus* (при прочих равных условиях. – В. К.) и представляет собой мысленное продолжение одной из тенденций, то есть обобщение некоторых сторон современной действительности. И по тому же типу строятся вообще тенденции экономического развития, устанавливаемые как статистикой, так и политической экономией. *Ничего нового* (курсив автора. – В. К.), или отрицание исторического и индивидуального, есть поэтому боевой лозунг и политической экономии, этой старшей дочери социологии, в такой же мере, как и ее матери» (с. 323).

7. История и социология

1. Любая *социологическая наука* (и политическая экономия в том числе) – большая абстракция, исходящая из того, что человек – «атом», не обладающий свободной волей. Булгаков не доходит до вывода о том, что социологических наук, строго говоря, не может быть по определению. Но читатель сам неизбежно может додуматься до этого. Речь фактически идет не о науках с «железными законами», а о неких моделях, теориях, гипотезах, сценариях общественного развития. Булгаков справедливо от-

мечал, что такие «науки» не могут ответить на вопрос, что будет завтра. Человеку и человечеству будущее закрыто непроницаемой завесой. Булгаков несколько раз говорит, что такие «науки» могут быть лишь «ориентировкой», которая может и должна учитываться при разработке и реализации политики (в том числе в сфере экономики).

2. Что касается *истории*, то она тем более не может быть детерминистической картиной жизни человечества. История – прежде всего непрерывная череда проявлений свободной воли отдельных людей. Конечно, эта свобода реализуется в рамках необходимости (необходимости как природной, так и социальной). Марксисты (впрочем, не только они) пытались и пытаются втиснуть сложную последовательность исторических событий в прокрустово ложе неких «научных» схем. Марксистская схема истории – смена одной общественно-экономической формации другой. «Двигателем» истории выступает некое таинственное развитие производительных сил. Булгаков показал абсурдность марксистской методологии «экономизма», с помощью которой последователи автора «Капитала» пытались и пытаются объяснить любое историческое событие, равно как и любое явление духовной и культурной жизни.

3. Методологической базой истории во времена бурного расцвета «экономизма» становится политическая экономия. Конечно, прежде всего она концентрирует свое внимание на настоящем и будущем (прогноз социально-экономического развития). Но тем не менее она заставляет по-новому трактовать события прошлого, подгоняя их под свои схемы. Как отмечает Булгаков в «Философии хозяйства», «прошлое освещается здесь рефлектором научных понятий настоящего, впрочем, мы и всегда рассматриваем прошлое через очки современности» (с. 324). Такой подход приводит к огрублению, а нередко и карикатурному искажению истории: «Но очевидно, что хотя такая

стилизация истории во вкусе современной политической экономии и представляет немалые удобства в целях ориентировки и экономии мысли, достигаемых применением готовой уже символики понятий, однако эта схематизация и модернизация, в которой многие видят самую квинтэссенцию научности, иногда заслоняет от нас историческую действительность в ее красочной индивидуальности. Это причисывание греков и римлян, вавилонян и египтян под капиталистов и пролетариев нового времени, которое все больше входит в моду, имеет не только свои удобства, но и опасные отрицательные стороны, так что, быть может, придется когда-нибудь чистить историческую науку от этих плевел модернизации» (с. 324). Между прочим, эти «плевелы модернизации» стали активно засорять отечественную историю после революции 1917 года, когда главный историк-большевик Н. Покровский переписал заново почти все страницы прошлого России на основе марксистского учения об общественно-экономических формациях и «классовой борьбе» как двигателе исторического процесса. Сейчас происходит мучительно болезненный процесс очищения русской истории от «плевел» «исторической школы» Н. Покровского, постепенно начинает проступать «историческая действительность в ее красочной индивидуальности». Правда, одновременно историческая наука в России начинает засоряться «плевелами» иного рода – схемами экономического либерализма (которые, как и марксизм, пришли к нам с Запада).

4. Хотя основной вопрос «Философии хозяйства» – отношения общества (человечества) и природы (космоса), однако Булгаков некоторое внимание уделил также вопросам отношений между людьми внутри общества. Он, в частности, достаточно определил свое негативное отношение к капитализму. Впрочем, не менее негативно он оценил и марксистскую модель социализма. Что касается достижимого для человечества социального идеала, то

Булгаков назвал его социальным христианством. Понятие «социального христианства» в «Философии хозяйства» не получило достаточно глубокой проработки. Вместе с тем из его работы видно, что:

а) наиболее идеальное устройство жизни на Земле возможно лишь на основе христианской веры и христианских устоев;

б) жизнь христиан не должна замыкаться лишь на церковно-обрядовой стороне, они не должны отгораживаться от мира; христиане и Церковь должны проявлять активную социальную позицию в жизни, которая, как показал Булгаков, во всех ее проявлениях является хозяйственной деятельностью.

8. Капитализм, социализм, социальный идеал человечества

1. Один из «периферийных» вопросов «Философии хозяйства» – оценка Булгаковым конкретных типов общества, прежде всего капиталистического. Его отношение к капитализму – негативно-критическое. Он прекрасно видит противоречия, несправедливость, античеловечность капитализма. Например, в работе «Два града» он жестко обвиняет капитализм в «порабощении человека человеком»¹.

Можно заметить, что уже в «Философии хозяйства» (и тем более в последующих работах) Булгаков крайне редко использует слово «капитализм». Он отходит от марксистских идеологических клише (капитализм, социализм, рабовладельческий строй и т.п.) и пытается описывать социально-политические и социально-экономические феномены человеческой жизни с помощью других терминов, которые ближе не к материальной, а духовной стороне жизни. Так, в своей обширной лекции «Война и русское

¹ См.: Булгаков С. Н. Христианство и социальный вопрос // С. Н. Булгаков. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РГХИ, 1997.

самосознание» (1915) он прекрасно выявляет социально-экономические причины Первой мировой войны, однако крайне редко использует слово «капитализм» (примерно в это же время В. Ленин писал свою известную брошюру «Империализм как высшая стадия капитализма», почти на каждой странице которой говорит о капитализме и его высшей, монополистической стадии как главной и единственной причине войны). Булгаков использует понятия «новоевропейская цивилизация», «мещанская цивилизация», «цивилизация меркантилизма» и т.п. По нашему мнению, такой лексический подбор не случаен: Булгаков стремится показать, что корень всех зол не в социально-экономическом устройстве жизни, а в духовной сфере. Социально-экономическое устройство, которое тогда было принято называть «капитализмом», – лишь следствие духовного устройства общественной жизни.

2. Именно поэтому у Булгакова вопросы оценки различных форм собственности, рабства, прибавочной стоимости, ростовщического процента оказываются на периферии его размышлений. По его мнению, это вопросы – вторичные, чуть ли не «технические». Взять, к примеру, отношение христианства к частной и общественной (общей) собственности. В «Философии хозяйства» Булгаков не стал рассматривать этот вопрос как совершенно второстепенный. Через четыре года в специальной работе «Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве», вошедшей в состав книги «История экономической мысли» (Пг., 1916), Булгаков объяснил свою позицию по вопросам собственности, рабства, проценте на капитал и другим «жгучим» на тот момент социально-экономическим проблемам. Вот, в частности, его рассуждения о собственности: «...Поэтому вопрос о формах собственности для христианства превращается в вопрос чистой целесообразности, но не имеет в себе того принципиального острия, какое содержит он для социа-

лизма. Христианство столь же мало связано с хозяйственным индивидуализмом, как и социализмом, и одинаково как к тому, так и другому обращается с тем же призывом и предостережением: не погружаться в хозяйство до конца, не давать овладеть собою его инстинктам, но по возможности и живя в хозяйстве осуществлять свою свободу от богатства, подчинять его религиозно-этическим нормам. Одним словом, христианству в вопросах хозяйства и социализма принадлежит лишь аскетический обертон, религиозно-этический мотив самообуздания и служения ближнему, а не то или иное суждение, касающееся хозяйственного факта, где царит необходимость со своею целесообразностью. И поэтому все разговоры о "христианском социализме", как единственно нормальной форме христианства в вопросах хозяйства, основаны на недоразумении: утверждать общую собственность как именно христианскую форму собственности – значило бы овеществлять христианство, связывая его с частными формами экономической целесообразности: христианство проповедует свободу от собственности и попускает последнюю лишь при условии этического регулирования пользования ею. И между идеалом Франциска Ассизского и социализмом столь же мало общего, как между коммунистическими мечтаниями какого-нибудь Беллами и аскетическими заданиями, которые ставил себе в пору своего влияния Джироламо Савонарола, подобно Платону стремившийся сделать государство принудительным монастырем для воспитания нравов¹. Вопрос о форме собственности, по мнению Булгакова, утрачивает свое первостепенное значение, подчиняясь общей цели достижения экономической и социальной свободы человека.

3. Аналогичную по сути позицию занял Булгаков в отношении вопроса о преимуществах капитализма и со-

¹ Цит. по: О. Платонов. Русская экономика без глобализма. М.: Алгоритм, 2006. С. 446–447.

циализма. Он, в частности, писал, что «абстрактные категории социализма или капитализма, столь удобные для демагогии, оказываются совершенно неприменимы для углубленного рассмотрения вопроса в свете совести. Но есть высшая ценность, при свете которой и нужно давать сравнительную расценку разных хозяйственных форм. Это есть свобода личности, правовая и хозяйственная. И наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного состояния личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи. Поэтому в своих суждениях о хозяйственных формах и отношении к ним православие исторично. Это есть область релятивизма средств при неизменности цели»¹.

4. Булгаков – реалист, он понимает, что требовать ниспровержения того строя, который он называл «цивилизацией меркантилизма», до тех пор, пока для этого не созрели необходимые духовные предпосылки, – значит обрекать общество, людей на еще более серьезные испытания. Такую точку зрения Булгакова можно назвать позицией социально-политического реализма. Таковой, по мнению Булгакова, должна быть и позиция христианства в целом. По его мнению, христианство должно считаться «с пределами эластичности социальной ткани, чтобы не совершить ее разрыва или полома скелета во имя стремления придать социальному телу новую форму»².

Подобные высказывания Булгакова некоторые его политически наэлектризованные критики воспринимали как позицию недопустимой социальной толерантности и оппортунизма. Булгаков интуитивно чувствовал, какие

¹ С. Н. Булгаков. Православие. Очерки учения православной церкви. М: Terra, 1991. С. 367.

² С. Н. Булгаков. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 96.

жертвы и муки для русского народа может породить революционная борьба по ниспровержению «проклятого» капитализма, которая разворачивалась на его глазах.

5. Булгаков постоянно подчеркивал, что христианин обязан быть социальной личностью, не имеет права замыкаться исключительно на вопросах личного спасения. Все вытекает из общего духа «Философии хозяйства», которая апеллирует прежде всего к совести и чувству человека, душа которого по своей природе – христианка (Булгаков часто вспоминает эту крылатую фразу Тертуллиана). Такая душа не может не переживать по поводу несправедливостей и притеснений как близких, так и дальних людей. Подробнее свою точку зрения на социальную сторону жизни христианина он излагает в работе «Христианский социализм». Он, в частности, отмечал в ней: «И если заповедь о всеобщей обязанности труда и помощи нуждающимся в материальной поддержке понималась раньше исключительно как *обязанность личного поведения*, то теперь, после того, что мы знаем из общественных наук, одна она не может успокоить совесть, для нас выясняются, кроме того, и *обязанности социального поведения* (курсив мой. – В.К.)» (там же). Напомним, что Булгаков не только теоретически обосновывал необходимость для христиан активно участвовать в социально-политической жизни, но и сам практически пробовал это делать. Пытался создать свою политическую партию, участвовал в выборах в Государственную думу, был депутатом Думы второго созыва. Впрочем, все это было еще до написания и опубликования «Философии хозяйства». После окончания первой «русской» революции (1905–1907) Булгаков испытал разочарование в политической деятельности. Его взгляды на формы и методы, содержание и смысл социальной деятельности христианина в условиях «цивилизации меркантилизма» были существенно скор-

ректированы. Впрочем, почти все эти соображения оказались за рамками «Философии хозяйства» и нашли свое отражение в других работах Булгакова.

9. Блуждания по лабиринтам философии. Софианство

1. «Философия хозяйства» – некая развилка творческого пути Булгакова. Этой работой он фактически поставил точку на своих изысканиях в области политической экономии. Он окончательно в ней разочаровался, что хорошо видно из той же «Философии хозяйства». Данная работа – апогей творческого увлечения Булгакова «чистой» философией (о чем, впрочем, можно догадаться даже по названию произведения). Но в то же время, как очень требовательный исследователь, Булгаков вынужден был в свою философскую схему ввести некоторые богословские аксиомы (догматы), которые стали краеугольными камнями «Философии хозяйства». Например, положение о падшей природе человека (в результате грехопадения первых людей в рай), о конце человеческой истории (Апокалипсис), о заповеди Бога изгнанному из рая человеку добывать хлеб в поте лица и т.д. Там и сям по работе Булгакова разбросаны ссылки на Ветхий и Новый Завет, на пророков, святых отцов. Было бы неправильно назвать работу Булгакова «чисто философской» (подобно, например, произведениям Платона, Канта, Гегеля). Это философия с «примесями» христианского богословия (то, что принято называть религиозной философией). Некоторые очевидные для христианского мыслителя вещи (вытекающие из Священного Писания или Священного Предания) Булгаков доказывает, используя сложные философские рассуждения. Мне лично это напоминает проведение операции умножения $2 \times 2 = 4$ на мощном компьютере. В русском языке для обозначения этого есть меткое слово:

«заумность». Кстати, для отбора теорий, одинаково адекватно отражающих те или иные явления и процессы, ученые применяют предложенный австрийским философом Махом «принцип экономии». Булгаков сам вспоминает про этот принцип. К сожалению (это мое субъективное мнение) философская схема Булгакова в некоторых своих частях не отвечает «принципу экономии». Впрочем, многие представители интеллигенции со своей верой во всеисилие науки и философии двигаются к Истине (Богу) именно такими длинными, окольными тропами. Об этом мы еще скажем ниже.

2. Было бы полбеды, если бы все ограничивалось «заумностями». Есть попытки сделать «открытия», которые противоречат догматам христианского богословия. Речь идет об идее Софии. «Философия хозяйства» – первая серьезная работа Булгакова, в которой он изложил свои мысли по поводу Софии (софиология). Сразу заметим, что тему Софии Булгаков продолжал обдумывать и в последующих своих работах, которые из философских произведений постепенно превращались в богословские. Фактически это была смелая (скорее дерзкая) попытка Булгакова внести свой вклад в богословское учение Православной Церкви. Идея Софии впервые была озвучена русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым. У Соловьева это выглядело достаточно красиво и не воспринималось остро как ересь. Ведь Соловьев был не только философом, но также поэтом; многие усматривали в Софии Соловьева лишь поэтические рефлексии. Углублять и развивать идею Софии с философских и богословских позиций стал прот. Павел Флоренский, Булгаков продолжил эту эстафету. Даже в пределах работы «Философия хозяйства» трудно найти однозначную трактовку понятия «София», в переводе с греческого языка означающего «мудрость». Довольно часто автор называет Софию Премудростью Божией или просто Премудростью.

В рассматриваемой нами работе Софию автор трактует как:

идеальную основу мира;

мир идей;

некое начало, стоящее между Абсолютным духом (Богом) и космосом;

душу мира;

«третье бытие»;

демиурга;

основу всеобщей связи;

соединяющую все части мироздания скрепу;

творящую душу природного мира;

правлящий человеческой историей центр (с сокрытыми в нем объективными законами исторического движения человечества);

творящую душу природного мира (в том числе источник эволюции этого мира) и т.п.

Нетрудно заметить, что некоторые определения Софии, которые мы находим у Булгакова, дополняют и повторяют друг друга. Некоторые между собой не «стыкуются». Выше мы давали данное Булгаковым определение «субъекта хозяйства». Им является «человечество», но при этом Булгаков уточняет: «трансцендентальное человечество». Иначе говоря, какое-то «потустороннее человечество». В некоторых фразах Булгакова чувствуется, что София и есть «трансцендентальное человечество», а реально обитающее на земле человечество – лишь некая бледная, размытая тень потустороннего первоначала. При этом тень в разные периоды истории может больше или меньше соответствовать потустороннему первоначалу по имени София.

Из приведенных выше трактовок Софии, содержащихся в «Философии хозяйства», достаточно трудно понять, какое место по отношению к Богу занимает эта самая Премудрость. Если судить по контексту отдельных мест «Философии хозяйства», то в некоторых случаях София –

результат творения Бога, часть тварного мира. В других случаях – ипостась Самого Бога («четвертая ипостась»). Свое учение о Софии Булгаков продолжил и углубил в следующем своем крупном произведении «Свет невечерний». Вдохновение при создании своего учения о Софии Булгаков черпал не только из произведений уже упоминавшегося В. Соловьева и П. Флоренского, но также работ древних философов Платона и Плотина, средневекового мистика Якова Бёме.

3. Абсолютно «мертвого» мира, по Булгакову, нет. Признаком «живости» природы выступают происходящие в ней изменения, за которыми следует видеть не хаос, а некую эволюцию с вектором, развернутым на некую таинственную конечную цель. Источником этой эволюции выступает София. Нетрудно заметить, что софиология Булгакова пахивает пантеизмом. Речь идет об учении, согласно которому Бог – в природе, а природа – в Боге; в пантеизме нет грани между Творцом и тварью. Скорее, у Булгакова не «классический» пантеизм (как, например, в философии Спинозы), а «софианская» его разновидность: София – в природе, а природа – в Софии.

В первой главе «Философии хозяйства» Булгаков пишет: «На природе лежит мертвая маска вещиности, чуждости, непроницаемости для человека, и лишь избранные таинovidцы знают, что в действительности» это не так (с. 77). А как? Отвечает он строками из *Ф. Тютчева*:

Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик,
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Но если в поэтическом творчестве допустимы (и даже необходимы) различные метафоры, аллегории и фантазии, то для ученого и философа сослаться на «поэтическое оза-

рение» (ниже он использует это выражение) недопустимо. Видимо, Булгаков относил себя к упомянутым «избранным тайновидцам». Но обычные читатели «Философии хозяйства» (к коим я себя также отношу) не являются «избранными тайновидцами» и воспринимают подобные «откровения» с недоумением.

Упомянутые «откровения» русского философа не столь уже безобидны, как это кажется. В конце прошлого столетия, когда среди интеллигенции обострился интерес к экологии, космизму, теории «большого взрыва», НЛЮ и т.п., пышным цветом стали расцветать еретические теории «живой Земли», «живого космоса», «живой природы». Доморощенные авторы и пропагандисты таких «теорий» в поисках авторитетов уже тогда ссылались на имена ряда русских мыслителей, среди которых обязательно присутствовали В. И. Вернадский, Л. А. Чижевский, Н. Ф. Федоров и С. Н. Булгаков. «Напитавшись» идеями теорий «живой Земли», наиболее «поэтически озаренные» представители нашей творческой и технической интеллигенции эволюционировали в сторону йоги и других восточных философий, теософии, оккультизма, каббалы.

4. Следует иметь в виду, что идеи софиологии – типичный признак Серебряного века с его рефлексиями, мистикой, эпатажем, богоискательством и другими болезнями русской интеллигенции, которой наскучило ортодоксальное христианство с его «слишком простыми» истинами и законами. Тянуло в оккультные кружки, масонские ложи, на сеансы спиритизма. А наиболее «консервативные» представители «просвещенной» интеллигенции спешили не в храмы, а в религиозно-философские общества. Религия там была лишь внешним антуражем, а философские «изыски» Платона, Плотина, Бёме или Шопенгауэра или, на крайний случай, Шеллинга были намного интереснее, чем Нагорная проповедь Христа. Та же самая софиология стала повальной болезнью русской творческой

интеллигенции. О ней говорили и писали Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, князь Евгений Трубецкой, Андрей Белый, Александр Блок и многие другие поэты, писатели, философы. Впрочем, у поэтов и художников понимание Софии было совершенно размытым (некая поэтическая рефлексия) и не встраивалось ни в какую философскую систему. У «профессиональных» философов София играла роль первоначала всего мира и заменяла им реального Бога как Творца и Промыслителя. Именно так они демонстрировали свою искреннюю любовь к Софии (напомним, что в переводе философия – «любовь к Софии», или «любовь к мудрости»). Можно сказать, что софиология – узкокастовая религия «профессиональных» философов.

5. Не секрет, что слово «София» нередко встречается в работах святых отцов и православных богословов, но имеет иной смысл, чем у Соловьева, Флоренского, Булгакова. Оно берет свое начало в ветхозаветных писаниях в форме олицетворения Премудрости Бога. Там, особенно в местах, близких к новозаветному откровению о Христе, святые отцы единодушно видели прозрение Ипостаси Сына Божия. Таково, например, общецерковное понимание слов о Премудрости, содержащихся в книге Притчей (9:1–9). О том, что наименование «Премудрость Божия» относилось всею Православною Церковью ко Второй Божественной Ипостаси, свидетельствуют Деяния Первого, Третьего, Шестого и Седьмого Вселенских Соборов. Так, Первый Вселенский Собор говорит о непостижимой Премудрости, «Которая создала... все сотворенное», – о Премудрости несозданной, безначальной, то есть о Христе, потому что Христос есть Божия Сила и Божия Премудрость (1 Кор. 1:24). О наименовании Второй Божественной Ипостаси Премудростью Божией говорит и факт «посвящения храмов Господу Иисусу Христу именно как Премудрости Божией с самых древних веков и до настоящего времени в разных православных странах... Таким

образом, учение святых отцов Церкви об Иисусе Христе как Премудрости Божией и это наименование Второй Божественной Ипостаси было воспринято «всею вселенскою Церковью в качестве ясной и бесспорной истины»¹.

Наиболее последовательно и полно критический разбор софиологии Булгакова был дан русским мыслителем В. Н. Лосским в работе «Спор о Софии», а также архиепископом Серафимом (Соболевым) в работе «Новое учение о Софии Премудрости Божией». Архиепископ Серафим, говоря о софийном учении Флоренского и Булгакова, называет его «настоящим еретическим учением с гностицистическим и языческим мирозерцанием», порождающим «догматический хаос»². Отметим, что строгий критический богословский анализ софианства архиепископом Серафимом стал основанием для его осуждения как лжеучения на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви Заграницей. Ересь была осуждена также Московской Патриархией.

Несмотря на объявление софианства ересью (еще при жизни Булгакова), после Второй мировой войны эти семена дали ядовитые всходы. В интересной книге Л. Перепелкиной «Экуменизм – путь, ведущий в погибель» (Джорданвилль, 1992) говорится о том, что ересь софианства способствовала развитию экуменизма, а также она стала использоваться церковными модернистами для того, чтобы «феминизировать» Бога и Церковь (введение женского священства), «отредактировать» заново Священное Писание и т.п. Там, в частности, говорится, что «ее создатели – свящ. Павел Флоренский и прот. Сергей Булгаков посредством хитросплетенного учения о Софии (своими корнями связанного с языческой философией Платона, каббалистическим учением, а также с осужденным Церковью гности-

¹ Архиепископ Серафим (Соболев). Новое учение о Софии Премудрости Божией. София, 1935. С. 121.

² Там же, с. 513.

цизмом, особенно с гностицизмом валентиниан и рядом других позднейших гностиков-теософов) вводят в Божественную Троицу четвертую, женскую ипостась».

6. В последнее время можно наблюдать некоторый ренессанс софиологии в России. Наиболее рельефно он обозначился в вышедшей недавно книге «Ренессанс философии хозяйства»¹. Впрочем, и в сегодняшней России продолжается критический разбор софиологии Булгакова и его последователей².

10. «Религиозный материализм» Булгакова

1. Сергей Булгаков в «Философии хозяйства» несколько раз упоминал имя русского мыслителя Н. Ф. Федорова (1829–1903). Последний прославился своей философией «общего дела» (основная его работа «Философия общего дела» увидела свет почти одновременно с «Философией хозяйства» Булгакова). В своем труде Булгаков просто упоминал Федорова, но при этом с явными уважением и пиететом, не раскрывая притом причин своего преклонения перед этим автором. Главная идея Федорова: конечной целью человечества является постижение тайн и покорение энергий мира и воскрешение с их помощью всех умерших предков. У Федорова постоянно звучала мысль о человечестве как совокупности поколений от начала мира, об отношениях детей и отцов и о воскрешении предков (отцов) как первейшем долге детей. Сам Федоров, хотя и называл себя христианином, не вполне разделял все догматы православия, внося в них свои авторские «коррективы». Впрочем, эти «коррективы» при жизни их

¹ Ренессанс философии хозяйства / Под ред. Ю. М. Осипова и Е. С. Зотовой. М., 2011.

² В качестве примера можно привести вышедшую недавно статью: И. В. Назаров. Софиология Сергея Булгакова: pro et contra // Философия хозяйства. 2012, № 3.

автора рассматривались как частное мнение мыслителя; его фантазия о всеобщем воскрешении умерших самим человечеством даже не была квалифицирована как ересь. Справедливости ради следует отметить, что под очарование федоровских фантазий (очень талантливых) попадали многие известные современники Николая Федоровича (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев).

2. Полагаю, что Булгакова в учении Федорова очаровала не столько идея воскрешения на «научной основе», сколько космизм этого оригинального мыслителя. Космизм – религиозно-философское и художественно-эстетическое течение, ставшее популярным среди российской интеллигенции в начале XX века. Основная идея космизма – вера в то, что человечество, опираясь на науку, сможет добиться целенаправленного регулирования природных процессов не только на земле, но и за пределами нашей планеты, в долгосрочной перспективе выйдя даже за пределы Солнечной системы и покоря бескрайние пространства космоса. Человек станет «гражданином» Вселенной. Н. Федоров считал, что в случае воскрешения наших предков нашей планеты для размещения людей будет явно недостаточно, поэтому космос неизбежно должен стать домом постоянно растущего человечества. В общем, мы имеем дело с еще одной красивой научно-философской утопией, уводящей человека от живой веры в Бога в безусловное поклонение научному знанию. Федорова можно считать основателем русского космизма, а другими его яркими представителями стали К. Э. Циолковский (1857–1935), В. И. Вернадский (1863–1945), А. Л. Чижевский (1897–1964). Не чужды были космизму В. С. Соловьев и о. Павел Флоренский. Наиболее полная (с позиций православия) критика русского космизма содержится в работах наших известных философов Н. О. Лосского и Н. А. Бердяева.

Идеи космизма, безусловно, присутствуют в «Философии хозяйства» Булгакова, который хозяйство рассматривал как покорение человечеством не только и не столько природных сил нашей планеты, сколько бескрайних пространств космоса. Во всех публикациях по проблемам русского космизма в списке основных представителей этого направления религиозно-философской мысли имя Булгакова – на одном из первых мест.

3. Весьма сомнительны некоторые высказывания Булгакова в «Философии хозяйства» по поводу возможности установления Царства Божия на земле (идея т. наз. хилиазма). Примечательно, что в «Философии хозяйства» и других своих работах Булгаков последовательно и убедительно борется с марксистской разновидностью хилиазма (коммунизм как аналог Царства Божия, земного рая без Бога). В разъяснение этого тезиса он пишет: «Социализм – это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии переложение иудейского хилиазма, и все его **dramatis personae** (действующие лица (*лат.*) – В. К.) потому получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее в христианском сектантстве, народ “святых”, заменился “пролетариатом” с особой пролетарской душой и особой пролетарской миссией»¹.

В то же время некоторые высказывания Булгакова, содержащиеся в «Философии хозяйства», можно трактовать следующим образом: Царство Божие на земле – один из вариантов возможного развития человечества. Такую позицию С. Булгакова некоторые исследователи справедливо называют «религиозным материализмом»². Здесь я позволю себе процитировать фрагмент из книги

¹ С. Н. Булгаков. Апокалиптика и социализм // С. Н. Булгаков. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Том 2. С. 424–425.

² См.: Религиозный материализм С. Булгакова // Философия истории / Под ред. проф. А. С. Панарина. М.: Гардарика, 1999.

проф. А. И. Осипова: «Идея “Царствия Божия на земле”, то есть достижения в земной истории всеобщего духовного и нравственного благоденствия, энергично защищаемая почти до конца своей жизни В. С. Соловьевым и идейно близкими ему в этом мыслителями (прот. С. Булгаковым, С. Н. Трубецким, прот. П. Светловым, Н. Федоровым и др.), отсутствует в святоотеческих творениях и принципиально противоречит Откровению Нового Завета (см.: Мф. 24:5–31; Апокалипсис и др.)»¹.

Справедливости ради следует сказать, что в указанном списке последователей хилиазма Булгаков является, пожалуй, наименее последовательным его приверженцем. В его работах можно найти достаточно высказываний, в которых он соглашается с мнением святых отцов о принципиальной невозможности Царства Божия на земле в любых его вариантах и сам критикует наиболее одиозные проявления хилиазма, воцарившиеся в среде русской интеллигенции (Дм. Мережковский, З. Гиппиус и др.). В своей эмигрантской работе «Апокалипсис Иоанна» Булгаков еще раз возвращается к теме хилиазма, давая осторожную и, на мой взгляд, взвешенную его оценку.

4. Автор данной статьи не богослов, поэтому, вероятно, целый ряд отклонений Булгакова от православной догматики им не был замечен. В одном энциклопедическом словаре православного направления, содержащем краткую статью о Булгакове, называется точное количество таких «отклонений»: «В его философских воззрениях, однако, усматривается несколько (а именно 16) личных мнений, не приемлемых Церковью»². Впрочем, «отклонения» бывают разного рода и «веса». Думаю, что «отклонение» в виде софизма – главное и корневое. Некоторые же «отклонения»

¹ А. И. Осипов. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003. С. 206.

² Букварь. Наука, философия, религия / Под редакцией архимандрита Никона (Иванова) и протоиерея Николая Лихоманова. М., 2001. Т. I. С. 444.

можно отнести к предметам неоконченных богословских дискуссий. Среди них, например, особая трактовка Булгаковым «геенских страданий» и «вечности ада»¹.

Те «перегибы» и догматические искажения, которые Булгаков допускал в своих богословских и философских трудах, отчасти можно объяснить тем, что он как мыслитель относился к категории не столько «созерцателей», сколько «делателей» и «преобразователей». Булгаков воспринимает человека как существо действующее, активное, обладающее мощным творческим потенциалом. Недаром в своей речи на Съезде православной культуры в 1930 году он вновь вспомнил своего кумира Н. Ф. Федорова, приведя его слова: «... Мир дан человеку не для поглядения, а для действия»². Вероятно, подобные высказывания дали основание русскому философу Н. Бердяеву говорить о «таинственном родстве булгаковского православия с материализмом». Впрочем, в век расцвета «экономизма» среди философов и иных мыслителей «делатели» и «преобразователи» стали явно преобладать над «созерцателями». В этом отношении Булгаков не был уникальным мыслителем. Его своеобразие в том, что он попытался соединить «посустороннее» (трудовая хозяйственная деятельность человечества) с «потусторонним» (Богом). Для чего ему и потребовалась София как связующее звено между Богом и тварным миром.

Своеобразие Булгакова (на фоне других русских мыслителей начала конца XIX – начала XX века) в том, что он представлял личность, обладающую многими творческими ипостасями – ученого, философа, богослова, поэта. Именно это затрудняет использование традиционных подходов к оценке «Философии хозяйства» и других произведений Булгакова.

¹ См.: Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. М.: Сретенский монастырь, 2003. С. 412–414.

² Булгаков С. Н. Догматическое обоснование культуры // С. Н. Булгаков. Сочинения: В 2 т. Том 2. М., 1993, с. 290.

11. Булгаков: этапы движения к истине

Хотелось поделиться некоторыми мыслями, которые возникли у меня после прочтения «Философии хозяйства» и знакомства с другими работами Булгакова. На примере этого мыслителя видно, каковы логика и алгоритм движения «образованного» человека к истине. На этом пути он преодолевает несколько этапов.

Испытав немалое разочарование политической экономией Маркса, Булгаков попытался осмыслить хозяйственную жизнь преимущественно через призму философии. До конца ему это не удалось. Слишком много противоречий, двусмысленностей, «нестыковок» и «белых пятен». Впрочем, по моему личному мнению, это неизбежно сопровождает любую философскую конструкцию (теорию). Разница лишь в том, что созданные некоторыми авторами-философами конструкции поначалу могут выглядеть достаточно красиво, убедительно и казаться логичными. Однако по истечении некоторого времени их очарование блекнет, а иногда такие философские конструкции вообще уходят в небытие. В работе «Философия хозяйства» философия преобладает над богословием. Собственно, немногочисленные богословские «вставки» в работе «Философия хозяйства» играют чисто декоративную роль, напоминают то ли самому автору, то ли читателю, что автор исповедует православие. Это уже позднее, особенно когда Булгаков оказался в эмиграции, в его работах богословие стало превалировать над философией.

Здесь я вынужден сделать некоторое отступление. Вопрос о соотношении науки, философии и богословия в деле постижения истин бытия крайне сложен. Неистребимое желание постичь истину заставляет ученого понимать ограниченность своего взгляда на мир с позиций той науки, которой он занимается. Пытливый исследователь рано или поздно приходит к выводу о необходимости взглянуть на

объект своего исследования с высоты метафизики, то есть некоей системы, которая претендует на целостное восприятие мира. Это и есть философия.

Молодой Булгаков занимался политической экономией (особенно марксистской его разновидностью). Он преподавал политическую экономию, написал ряд работ по экономической тематике. Среди них статьи «О некоторых основных понятиях политической экономии» (1898), «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия» (1899). В 1900 году им была подготовлена двухтомная диссертация «Капитализм и земледелие» (в которой он, между прочим, ставил под сомнение правильность общих выводов К. Маркса о тенденциях развития капитализма применительно к аграрному сектору экономики).

Булгаков вскоре понял условность, неточность, а иногда и ошибочность многих положений научной дисциплины, называвшейся «политическая экономия». Из приверженца марксистской политической экономии он стал превращаться в ее критика (за что, кстати, сам подвергся резкой критике со стороны российских марксистов, среди которых был и В. И. Ульянов-Ленин). Итоги его критических размышлений и сомнений были изложены Булгаковым в изданном в 1903 году сборнике «От марксизма к идеализму». Автор стал пытаться разглядеть ответы на мучившие его вопросы, относящиеся к сфере социальной и экономической жизни, с высоты «птичьего полета» философии. Особенно молодой человек увлекся немецкой классической философией (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг). «Философия хозяйства» – результат таких настойчивых поисков экономиста Булгакова. Этому фундаментальному исследованию предшествовали такие работы в области философского осмысления социально-экономической проблематики, как «Церковь и социальный вопрос» (1906), «Загадочный мыслитель» (о Н. Ф. Федорове, 1908), «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909) и др.

Взойдя на высоты метафизики, он совершенно по-другому взглянул на многие вопросы экономики. Но, что примечательно, с этих высот ему открылись помимо экономической многие другие сферы бытия, которые были не менее интересными и актуальными, чем экономика. Вероятно, после написания «Философии хозяйства» интерес Булгакова к экономике как науке был в значительной степени утрачен. Философия вышла на первое место. В центре внимания оказались такие вечные предметы, как онтология (учение о бытии), гносеология (учение о познании), антропология (учение о человеке), космология, проблема соотношения свободы и необходимости и многие другие. Сейчас мы не будем оценивать результаты философских поисков Булгакова, об этом мы скажем позднее.

Отметим, что и увлечение философией также было не слишком продолжительным. Условно его можно определить хронологическими рамками 1903–1913 годов. Булгаков с каждым годом все острее чувствовал ограниченность философских методов постижения истины. Ноты сомнения во всемогущем философском знании звучат в заключительной части речи Булгакова на докторском диспуте при защите диссертации «Философия хозяйства» (сентябрь 1912): «Различные философские системы не только смотрят на мир чрез разные окна, но предполагают и различные, хотя и необходимые для них догматические базы, иногда сознательно, иногда бессознательно. Другими словами, они строятся из аксиом, интуитивных и недоказуемых. В основе всякой подлинной философской системы, то есть имеющей самостоятельный мотив (а не компилятивно построенной), лежит некоторая внутренняя интуиция, особым образом окачествованное мироощущение. Нельзя спорить об аксиомах, и, однако, различие аксиом с необходимостью ведет и к различию выводов. Ибо по-своему одинаково последовательны и евклидова и неевклидова геометрия, различаются их ак-

сиомы. И, исходя из такого интуитивизма в понимании философских систем, я наперед должен признать, что и системы философии хозяйства могут правомерно различествовать, если расходятся исходные их аксиомы. Здесь заложены возможность неистребимых, по крайней мере средствами теории, разногласий, единство мыслей достигается только жизненным единением. И потому для меня ясно, что наряду с данною философией хозяйства может быть построена и совершенно иная» (с. 376).

Условно можно сказать, что 1913–1923 годы были переходным периодом, временем постепенного превращения Булгакова из философа в христианского богослова. Превалирование богословия над философией хорошо видно уже в работе «Свет невечерний», вышедшей в 1917 году. Впрочем, вкрапления социально-экономической проблематики присутствуют и в работах переходного периода. Например, в третьей части третьего отдела «Света невечернего» можно найти много интересных мыслей о хозяйстве и теургии, хозяйстве и искусстве, эсхатологии хозяйства. Достаточно насыщена социальной проблематикой крупная работа «Христианство и социализм» (1917). Примечательно, что в этой работе автор начинает уходить от явно выраженного в «Философии хозяйства» крена в сторону «религии материализма».

От «классической» философии Булгаков почти полностью отошел после своего рукоположения в священника (1918) и вынужденной эмиграции из России (1923). Очевидно, что священническое служение помогало о. Сергию выходить за рамки чисто кабинетного богословия, опираться на личный практический опыт духовной жизни. А революция, Гражданская война и мытарства после прихода к власти большевиков наверняка заставили Булгакова по-новому взглянуть на многое из того, чтобы было им написано и продумано в «Философии хозяйства». После этого начинается «богословский период» жизни, который

продолжался до кончины прот. Сергия Булгакова в 1944 году. В эмиграции выходят такие его работы, как «Купина неопалимая» (1927), «Друг жениха» (1927), «Лествица Иаковля» (1929), «Агнец Божий» (1933), «Утешитель» (1936). Посмертно вышли: «Апокалипсис Иоанна» (1948), «Философия имени» (1953). В 1965 году в Париже на русском языке была издана книга о Сергии Булгакова «Православие. Очерки учения Православной Церкви» – сборник работ разных лет, в том числе и не издававшихся ранее. Последняя из названных книг является наиболее концентрированным изложением богословских воззрений о Сергии. Примечательно, что в этой книге есть небольшая главка «Православие и хозяйственная жизнь» (правда, ничего принципиально нового по сравнению с написанным ранее она не содержит; в том числе она повторяет целый ряд мыслей, изложенных в «Философии хозяйства»). Конечно, отца Сергия последних лет его жизни нельзя назвать «чистым» богословом, в его произведениях вкрапляются философская и социальная проблематика. Поэтому биографы и исследователи творчества Булгакова чаще всего квалифицируют его как «русского религиозного философа», и с таким определением можно согласиться.

Эволюция мыслителя от философии к богословию не является чем-то уникальным. Многие пытливые умы прошли по этому пути. Например, наш известный подвижник благочестия игумен Никон (Воробьев, †1963) также прошел этот путь исканий. Еще до революции он имел вкус к наукам, но потом, увидев их ограниченность, обратился к философии. Заметим, что при этом молодой человек был очень далек от Бога. Вот что говорил по поводу философии в конце своей жизни игумен Никон (Воробьев): «Изучение философии показало: каждый философ считал, что он нашел истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия – это все суррогат; все равно что вместо хлеба жевать рези-

ну. Питайся этой резиной, сыт будешь? Понял я, что, как наука ничего не говорит о Боге, о будущей жизни, так не даст ничего и философия. И совершенно ясен стал вывод, что надо обратиться к религии»¹.

Мы уже упоминали имя русского религиозного философа Н. Бердяева, который достаточно критически оценивал целый ряд идей Булгакова (не только идею софианства, но также «перекос» в сторону материализма, излишнюю толерантность в отношении капитализма и т.п.). Вместе с тем он признавал искренность и страстность Булгакова в поисках истины. А также обратил внимание на то, что Булгаков как мыслитель постоянно духовно и интеллектуально возрастал, проходя последовательно те этапы, о которых мы сказали. По мнению Бердяева, это типичный путь честного русского интеллигента (попавшего в трагические переплеты истории первых десятилетий XX века): «Искания Булгакова имеют большое значение и должны быть высоко оценены. В нем есть подкупающая серьезность и искренность. Он очень русский, и пережитый им религиозный кризис имеет значение для судьбы русского сознания. В лице Булгакова как бы русская интеллигенция порывает со своим атеистическим и материалистическим прошлым и переходит к религиозному созерцанию и христианству. Это процесс большого углубления»².

12. От «Философии хозяйства» — к «богословию хозяйства»

Итак, перейдя от размышлений преимущественно философских к размышлениям богословским, Булгаков почти перестал интересоваться вопросами хозяйства. Таким образом, Булгаков не использовал ту интересную возможность,

¹ Цит. по: А. И. Осипов. Путь разума в поисках истины. М.: Изд-во Средненского монастыря, 2003. С. 182.

² Н. А. Бердяев. Возрождение православия (о С. Булгаков) // Н. А. Бердяев. О русской философии. Часть 2. Свердловск, 1991. С. 193–194.

которая открывалась у него. Он так и не заложил камня в здание «богословия хозяйства». Впрочем, у Булгакова были свои приоритеты, вероятно, он считал, что другие богословские вопросы были еще более актуальными. Не нам об этом судить. Но замах и смелость автора в «Философии хозяйства» заслуживает уважения. Но, думаю, было бы намного продуктивнее, если бы Булгаков посвятил бы свою работу не философскому, а богословскому осмыслению хозяйственной жизни человека и общества. Мне кажется, что именно на этом пути можно достичь действительно серьезных результатов, которые так нужны православному человеку в современных условиях.

К сожалению, в течение целого века после выхода в свет книги «Философия хозяйства» С. Булгакова так и не появилось фундаментальных работ, которые были бы посвящены осмыслению экономики с позиций богословия (мы имеем в виду – православного богословия; в лоне Католической и протестантских церквей таких работ выходило и выходит достаточно много).

Пожалуй, единственное исключение составляет статья Н. В. Сомина, которая называется «Надо создавать “богословие экономики”»¹. Основная цель богословия экономики, как отмечает автор, – «осмысление всей сферы экономических феноменов с позиций православия». Конкретные задачи богословия экономики, как отмечается в указанной статье, заключаются прежде всего в определении тех нравственных ориентиров, которыми православный человек должен руководствоваться в своей хозяйственной деятельности. В принципе такие ориентиры заложены в Священном Писании и Священном Предании, в работах святых отцов, русских и зарубежных богословов и православных мыслителей. Но большая часть этого духовного и интеллектуального «капитала» лежит

¹ Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/nado_sozdavat_bogoslovie_ekonomiki.htm

под спудом. Современная жизнь, как отмечал Булгаков, характеризуется духом «экономизма», который заглушает «духовные рецепторы» человека. В атмосфере повальной эпидемии «экономизма», перерастающего в «маммонизм», знание этих ориентиров и умение правильно ими пользоваться становится главным условием нашего физического выживания и духовного спасения.

Можно согласиться с постановкой вопроса, содержащейся в статье Сомина, но лишь с одной оговоркой: это должно быть не «богословие экономики», а «богословие хозяйства».

13. Еще раз об «экономике» и «хозяйстве»

Дело в том, что «хозяйство» и «экономика» отнюдь не синонимы, как это принято считать. Обратим внимание, что Булгаков назвал свою работу «Философия хозяйства», а не «Философия экономики». Уже во времена Булгакова марксизм был доминирующей в Европе и России идеологией и философией. Так вот, «экономика» марксизмом (а также некоторыми другими течениями мысли) стала трактоваться как отношения между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления продуктов труда. Получалось, что «экономика» – нечто невидимое, неосознаваемое, называемое «производственными отношениями». При этом производственные отношения являются составной частью всего спектра общественных отношений, занимая в них главенствующее, определяющее место. Так нас учили в советское время в вузах на занятиях по политической экономии и историческому материализму.

Но ведь экономические (производственные) отношения – лишь одна сторона медали, называемой «хозяйством». Помимо этих отношений хозяйство включает само производство и потребление – процесс непрерывного материально-энергетического метаболизма в си-

стеме «природа–общество». Чаще всего в практической жизни люди, употребляя в разных сочетаниях слово «хозяйство», имеют в виду именно вторую, материально-вещественную, сторону жизни человека и общества («народное хозяйство», «домашнее хозяйство», «сельское хозяйство», «приусадебное хозяйство», «фермерское хозяйство», «подсобное хозяйство», «мировое хозяйство» и т.п.). И Булгаков, изучавший и преподававший политическую экономию, почувствовал ограниченность предмета этой экономической дисциплины. Поэтому он вышел на метафизический уровень понимания хозяйства как в первую очередь отношений между человечеством (обществом) и миром (природой). В «Философии хозяйства» он сделал акцент именно на этой стороне хозяйства, которой в то время не интересовались толком ни политэкономы, ни философы, ни представители конкретных наук.

В конце XX века в связи с резким обострением экологических проблем в мире возникла острая необходимость осмыслить причины этой глобальной катастрофы человечества. Одна из причин лежала на поверхности и была быстро определена: отсутствие целостного, единого взгляда человечества на свои взаимоотношения с окружающей природной средой. Бросалось в глаза, например, что между естественными и общественными науками за несколько столетий со времени Просвещения была воздвигнута самая настоящая «китайская стена». Об этом в советское время очень убедительно и интересно говорил и писал наш географ профессор В. А. Анучин, лекции которого мне в свое время посчастливилось прослушать¹. В последние десятилетия прошлого века нашим и зарубежным философам был поставлен неприятный диагноз: отсутствие философского осмысления взаимодействия человечества и природы, хозяйственного освоения человечеством окру-

¹ Его идеи изложены, в частности, в следующей работе: В. А. Анучин. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978.

жающего мира. А ведь такой целостный, метафизический подход еще в начале века как раз и предлагал в своей «Философии хозяйства» Булгаков. В этом смысле его работа даже опережала по своим идеям учение другого русского мыслителя – В. И. Вернадского, которого у нас принято считать основателем учения о биосфере и ноосфере, автором общей теории взаимодействия общества и природы.

Итак, мы выступаем с задачей создания именно «богословия хозяйства», предметом которого должны стать в равной степени как экономические отношения в обществе, так и отношения общества с природой. Имея в виду притом, что в процессе хозяйственной деятельности человек прежде всего находится в тех или иных отношениях с Богом. Напомним: в «Философии хозяйства» Булгаков неоднократно подчеркивал, что субъектом хозяйственной деятельности, то есть хозяином, выступает человечество. В богословии хозяйства происходит смещение: Хозяином выступает Бог, а человечество – лишь управляющим этого Хозяина, которому (управляющему) поручено возделывать землю.

Формирование «богословия хозяйства» – приоритетное направление деятельности недавно созданного Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова (РЭО). Основные задачи в области разработки «богословия хозяйства» зафиксированы в документе, который называется «Концепция деятельности Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова».

Внимательный читатель может заметить некоторое противоречие в изложенной выше позиции. А именно: общество, называемое «экономическим», заявляет, что будет заниматься «хозяйством». Противоречия нет, поскольку в названии нашего общества слово «экономическое» восходит не к марксистскому узкому пониманию слова «экономика», а к той трактовке, которая была дана еще Ксенофонтом (430–355 до Р.Х.) и Аристотелем (384–322 до Р.Х.) и

была общепринятой на протяжении более двух тысячелетий. Тогда под «экономикой» понималось «искусство управления домашним хозяйством», «домашнее хозяйство», «домострой», а позднее – просто «хозяйство».

«Экономика» и «хозяйство» в эпоху расцвета христианства совпадали, они разошлись лишь в Новое время. Сегодня пропасть между «экономикой» и «хозяйством» стала просто громадной. В понятие «экономика» стали включаться разного рода финансовые рынки и спекуляции (также «экономические отношения», но только не по поводу производства, а по поводу бесконечного передела созданного ранее общественного продукта). Связь современной «экономики» с трудом и созиданием общественного продукта исчезает на наших глазах. Мы имеем дело не с созиданием дома, «домостроем», а с разрушением ранее построенного дома. Фактически это «антиэкономика». Впрочем, еще Аристотель предвидел, что экономика может незаметно трансформироваться в свою противоположность, которую он называл «хрематистикой» (искусство накопления богатства) и предупреждал об этой опасности.

Булгаков смутно предчувствовал такую мутацию экономики и порождаемый ею кризис хозяйства и всего человечества. На докторском диспуте при защите диссертации «Философия хозяйства» (сентябрь 1912) он сказал: «Капитализм с его железной поступью, с его неотразимой, покоряющей мощью, влекущей человечество куда-то вперед по неведомому и никогда еще не испытанному пути, не то к последнему торжеству, не то к губительной бездне, – вот тот всемирно-исторический факт, которым мы невольно загипнотизированы, вот ошеломляющее впечатление, от которого мы не можем освободиться. Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства» (с. 364).

Преодоление кризиса хозяйства возможно лишь на путях возвращения человечества к истинному христианству, только в этом случае исчезнет расхождение между хозяйством и экономикой. И тем более исчезнет «антиэкономика» (она же – «хрематистика»). Будем надеяться, что с Божьей помощью РЭО, отталкиваясь от позитивных идей «Философии хозяйства» С. Булгакова, сумеет продолжить метафизическое осмысление хозяйственной жизни на базе православного богословия.

В. Катасонов

О МОДЕЛЯХ ОБЩЕСТВА И СХЕМАХ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. К КРИТИКЕ МАРКСИЗМА

Модель общества Маркса: «общественно-экономическая формация»

Большинство из нас до сих пор неосознанно воспринимает всемирную историю через призму марксистской схемы *общественно-экономических формаций (ОЭФ)*.

У нас марксизм уже более двадцати лет как официально низвергнут со своего пьедестала. Но идеи Маркса продолжают жить. Во время последнего экономического и финансового кризиса неожиданно начался «ренессанс» марксизма, что проявилось в увеличении числа публикаций по экономическому учению К. Маркса, появлении «Капитала» и других произведений Маркса на полках книжных магазинов, росте интереса студентов к теориям Маркса. Безусловно, марксизм – существенно более «тонкое» в интеллектуальном смысле учение, чем разные кондовые идеологемы неоллиберализма, монетаризма и «про-

гресса», которые обрушивались на наши головы в течение двух десятилетий и которые, как нам кажется, не смогли прочно укорениться в общественном сознании. Именно поэтому мы уделяем повышенное внимание марксизму как мировоззрению, которое глубоко засело в подсознании старшего и среднего поколений.

Мы вынуждены напомнить читателю некоторые азы марксизма для того, чтобы продолжить наш разговор. Упомянутая нами ОЭФ – совокупность «экономического базиса» и «надстройки». «Экономический базис» – система экономических отношений между людьми по поводу производства, обмена, обращения и потребления продукта трудовой деятельности. «Надстройка» – система отношений (и норм отношений) между людьми в сфере культуры, политики, права, идеологии и религии. «Базис» в этой конструкции первичен, «надстройка» – вторична, зависит от существующих в обществе экономических отношений. Согласно этой схеме, история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций: первобытно-общинного строя, рабовладельческого, феодального, капиталистического и коммунистического. «Двигателем» исторического процесса выступает «развитие производительных сил», которое сначала ведет к изменению «экономического базиса», а затем «надстройки» и всей формации.

Маркс занимал позицию воинствующего материалиста и потратил немало сил, времени и бумаги для нападков на религию для того, чтобы скинуть с нее покров «таинственности». Мысль его предельно проста: религия – «продукт» производственных отношений или даже «продолжение», «форма» производства. Вот пример его рассуждений на тему «производство и религия»: «Религия, семья, государство, мораль, наука, искусство и т.д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его

всеобщему закону»¹. В других работах он в разных вариантах повторяет один тезис: «Не религия создает человека, а человек создает религию»²

Марксизм: искаженная схема мировой истории

Как известно, К. Маркс мало что придумывал нового. Он был прекрасным компилятором, заимствуя идеи у своих предшественников и своих современников. Об этих компиляторских способностях классика марксизма прекрасно свидетельствует его ревнивый последователь В. И. Ленин в своей известной статье «Три источника и три составные части марксизма»³. Вот и учение об ОЭФ у Маркса также «заимствованное». Принадлежит оно французскому социалисту-утописту Сен-Симону (1760–1825). Марксу идея французского социалиста о формациях понравилась, так как «работала» на его идеи о «прогрессивности» капитализма по сравнению с эпохой «мрачного» феодализма и о «неизбежности» победы коммунизма⁴. Вот что пишет об этом «заимствовании» наш современный русский философ Ю. Бородай: «При внимательном рассмотрении вопроса обнаруживается, что историческая последовательность формаций – это запущенная в оборот Сен-Симоном кабинетная схема поступательного прогресса от рабского, крепостного, наемного – к свобод-

¹ К. Маркс. Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 117.

² К. Маркс. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 252.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23 (Март–сентябрь 1913). М. 1973.

⁴ Свое учение об общественно-экономической формации Маркс изложил в таких своих произведениях: «Нищета философии» (Соч. 2-е изд. Т. 4); «Предисловие “К критике политической экономии”» (Т. 13); «Капитал» (т. 1–3) (т. 23–25); «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» (Т. 46, ч. 1–2).

ному социалистическому труду. Эту схему в партийно-пропагандистских (но не исследовательских!) целях использовал и Маркс, и особенно Энгельс»¹.

Сегодня обнаруживается все больше материалов, появляется все больше исследований, из которых следует, что Маркс сам не особенно верил в схему истории, базирующуюся на «железной» последовательности смены общественно-экономической формации. В частности, Маркс постоянно внушал русским народникам и социалистам, что Россия неизбежно должна пройти через «горнило» капитализма, что прямой путь к социализму для нее заказан. Вместе с тем архивные материалы свидетельствуют, что Маркс считал возможным развитие России по некапиталистическому пути на основе ее сельской общины. Однако Маркс, как политически ангажированный писатель и «ученый», не мог об этом говорить вслух. Ему надо было любыми правдами и неправдами втянуть Россию в лоно капитализма².

Однако данная картина исторического процесса – слишком большая абстракция, упрощение и откровенное искажение.

Во-первых, марксизм не может внятно объяснить, каким образом «развитие производительных сил» оказывается «главным фактором» общественного развития. У марксистов иррациональное, почти религиозное восприятие «производительных сил», которые они наделяют какой-то мистической внутренней силой. Что-то напоминающее фетишизм или древнее язычество. Согласно такому «научному» мистицизму, приход в мир и в нашу страну капитализма – это результат действия «объективных

¹ Ю. Бородай. Третий путь // Наш современник. № 9, 1991.

² См. в частности: К. Маркс. наброски ответов В. И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 400–421; К. Маркс. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121. См. также: С. Г. Кара-Мурза. Карл Маркс против русской революции. М.: Алгоритм, 2008.

законов», запрятанных в «черном ящике» под названием «производительные силы».

Во-вторых, те же самые «производительные силы» у классика марксизма оказываются главным критерием «прогресса» общества. По мнению Маркса, капитализм с его промышленной революцией является шагом вперед в развитии производительных сил и, следовательно, более прогрессивен по сравнению с феодализмом. Мы привыкли рассматривать Маркса как непримиримого критика капитализма. Но вот что удивительно: Маркс оценивает капитализм как «прогрессивный» строй по отношению к феодализму и приписывает ему «цивилизующую» миссию: «В простом понятии капитала должны содержаться его цивилизующие тенденции»¹.

«Цивилизующее» значение капитализма К. Маркс видел, в частности, в том, что при этом строе капитал приучит человека трудиться на другого человека без какого-либо внешнего принуждения: «Историческое назначение капитализма будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения»². Надо отдать должное прозорливости Маркса: сегодня в странах Запада мы видим достаточно доказательств «всеобщего трудолюбия» на капиталистических предприятиях. О причинах такого «трудолюбия»

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 302.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 280. Маркс признает в «Капитале», что повсеместно, в Европе, Америке, Азии капитализм на первых порах – это «цивилизованный ужас чрезмерного труда» (там же, т. 23, с. 247). Далее он пишет: «Капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем прищипывании» (там же, т. 23, с. 393). И вновь проявляет уверенность в том, что в какой-то момент времени такое «прищипывание» (принуждение к труду) будет излишним: «дисциплинирование... на известной ступени... становится излишним» (там же, т. 23, с. 393).

и «сознательности» наемных работников мы будем говорить в следующих очерках¹.

Другим важным проявлением «цивилизующего» влияния капитализма Маркс видел освобождение общества от «предрассудков религии». Маркс потратил немало времени на то, чтобы разработать свою «научно обоснованную» богоборческую позицию, которую в советское время нам преподносили в вузах под названием «научный атеизм». Вся энергия его богоборчества была направлена против христианства².

Вот и мы сегодня в качестве эталона «цивилизации» часто рассматриваем страны «победившего капитализма». Но не очень-то укладываются в наше понимание «цивилизованности» те картины капиталистической эксплуатации и капиталистического разбоя, которые рисует Маркс в своем «Капитале» (в основном на примере Англии). Да и в сегодняшние дни капитализм – это не только Швейцария или Люксембург, но также Бразилия, Нигерия, Пакистан и многие другие страны Третьего мира, которые стали частью мировой капиталистической системы. А ведь там каждый день от голода умирают десятки тысяч людей. Да и с «цивилизованным» Западом не все понятно: там уже в течение нескольких десятилетий идет активный процесс деиндустриализации; нужно иметь богатую фантазию и не меньшую научную недобросовестность, чтобы называть страны Запада образцом развития производительных сил. Даже если смотреть на мир глазами материалиста, возникает сильное сомнение в том, что последовательная смена общественно-экономических формаций по схеме Маркса есть действительный «прогресс человечества».

¹ Конечно, даже в XXI веке еще далеко до идеала, т.к. периодически все-таки возникают забастовки и протесты. Но в основном это случается в моменты кризисов.

² Маркс, будучи потомком раввинов и крещеным (лютеранином), уже в молодости стал испытывать отвращение к христианству (граничащее с сатанизмом).

Общество как «цивилизация»

Чтобы получить реальное представление о мировой истории, векторе развития человечества, устройстве общества, нам придется отойти от привычных представлений, базирующихся на марксистском материалистическом учении об общественно-экономической формации. Для этого нам надо эту самую формацию поставить с головы на ноги. Тогда мы получим модель общества, которую условно можно назвать *общественно-духовной формацией*. Эта модель также состоит из двух элементов – базиса и надстройки. Только в качестве базиса общества выступает *духовное состояние общества*, а надстройки – *все общественные отношения – экономические, политические, правовые, а также культура, государство и иные общественные институты*. Понятие «общественно-духовная формация» – синоним более распространенного сегодня понятия *цивилизация*.

Основы учения о цивилизации заложил наш русский ученый Н. Я. Данилевский (1822–1885), автор известной книги «Россия и Европа». У Данилевского еще не было термина «цивилизация», он использовал термин «культурно-исторический тип». Через несколько десятков лет после Данилевского работы по истории человечества как процессу смены одних цивилизаций другими появились за рубежом (Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер). Духовное состояние общества – это прежде всего религиозное сознание общества, его отдельных членов. Это «базовые», «первичные» нормы, определяющие поведение членов общества, их отношение к Богу, другим членам общества, природе. Эти нормы формируют систему ценностей, цели жизни отдельного человека и общества в целом, обуславливают выбор средств достижения этих целей и т.п. Хотя духовный мир является невидимым и нематериальным началом, нормы поведения, формируемые в этом

мире, являются жесткой и очень устойчивой конструкцией, своеобразным фундаментом общества. Все, что надстраивается над этим фундаментом, может быть видимым и даже материальным, но менее устойчивым, более изменчивым. Но когда ломается фундамент («духовный базис»), тем более обваливается вся «надстройка». Духовный базис существует в любом обществе – даже атеистическом. И в этом случае люди «веруют»: они верят, что Бога как творца и промыслителя (управляющего Своим творением) не существует. При этом они обязательно находят себе замену Бога в чем-то другом (веруют в материю, «прогресс», деньги, науку и т.п.; чаще всего такая вера является неосознанной); исходя из этого «верования», они формируют свое сознание и свое поведение.

Если мы отойдем от приведенной выше схемы описания общества как общественно-экономической формации, то увидим следующее: древний мир (особенно Древний Рим) и современное капиталистическое общество имеют много общего. В частности, для них характерно *сосуществование рабства и капитализма*.

Подобное сочетание не является случайным. Если попытаться дать объяснение поразительному сходству общества Древнего Рима и современного капиталистического общества, то наш ответ будет очень коротким: *это два общества, представляющие одну и ту же общественно-духовную формацию (цивилизацию). Духовным базисом этой формации выступает язычество, имеющее тенденцию перерасти в свою «высшую» форму – сатанизм*. При таком взгляде на историю сразу рассыпается в пыль марксистское представление о «прогрессе», которое прочно въелось в сознание современного человека. Приходит понимание того, что человечество, выражаясь словами апостола Петра, как «пес возвращается на блевотину свою» и как «вымытая свинья идет валяться в грязи»¹.

¹ 2 Петр. 2:22.

Иначе говоря, человечество опять оказывается у опасной черты, за которой гибель – и духовная, и физическая.

Понимание органической связи рабства и капитализма подталкивает нас к тому, чтобы мы внимательнее присмотрелись к тому древнему миру, который в учебниках принято называть рабовладельческим строем. *Поняв тот мир, мы сможем лучше понять мир, в котором находимся сегодня, и мир, в котором можем оказаться завтра.*

Как нам в свое время объясняли преподаватели марксизма-ленинизма, опираясь на марксистскую теорию общественно-экономических формаций, «капитализм приходит на смену феодализму». На самом деле за этой стандартной фразой скрывается важнейший перелом земной истории человечества: на смену *христианской цивилизации* (которую замаскировали под невнятное понятие «феодализм») приходит цивилизация под кодовым названием «капитализм». Для маскировки ее духовной природы классик свел все к «капиталу», «прибавочной стоимости» и «прибыли». На самом же деле это цивилизация, отрицающая и преодолевающая христианство. Нельзя сказать, что это была абсолютно новая цивилизация. В определенном смысле это была «реинкарнация» той цивилизации, которая существовала в древнем мире и сочетала в себе элементы капитализма и рабства.

Капитализм и рабство: две ипостаси одного общества

Возвратимся к Марксу и его схеме «общественно-экономической формации». Никаких «чистых» формаций в истории не было. В любом обществе в любой момент времени можно видеть *сосуществование элементов многих форм экономических отношений («способов производства»)*. Считается, что XIX век – это эпоха «классического капитализма». Но в это время в колониях таких «капита-

листических» стран, как Великобритания, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия число настоящих (без кавычек) рабов было на порядок больше, чем число занятых во всех отраслях экономики метрополий. Да что там рабы колоний! В Соединенных Штатах до 60-х годов XIX века рабов было больше, чем наемных работников. Ю. Бородай пишет: «В первой половине просвещенного XIX столетия (до 1864 года) в буржуазных США рабов было больше, чем в Древнем Египте, Греции и Римской империи вместе взятых»¹. Сегодня на дворе «просвещенное» XXI столетие. Но в нынешней Африке, которая интегрирована в мировое капиталистическое хозяйство, можно встретить почти полностью легализованное рабство, причем наметилась тенденция к увеличению его масштабов и полному выходу из «подполья».

Никто не ставит под сомнение, что мы сегодня живем при капитализме (наши власти, правда, не любят слово «капитализм», заменяя его совершенно бессмысленным словосочетанием «рыночная экономика»). Но в то же время никто не может оспорить очевидный факт: в пределах нашей страны, особенно на Северном Кавказе, существует самое настоящее рабовладение (правда, в отличие от Африки пока нелегально)².

И в то же время в древнем мире наряду с рабовладением (частное, а иногда государственное право собственности на людей, работников) существовал капитализм, образуя причудливые сочетания того и другого. Более того, рабы в так называемых докапиталистических ОЭФ составляли, как правило, далеко не основную часть населения. Вот что по этому поводу пишет Ю. Бородай: «Конечно, и до капитализма все традиционные общества зна-

¹ Ю. Бородай. Третий путь // Наш современник. № 9, 1991.

² С. Л. Басов. О современном рабстве в России // Интернет. Режим доступа: http://samlib.ru/b/basow_s_/http555.shtml

ли так называемое патриархальное рабство (дворцовые слуги больших господ, наложницы, евнухи, личная гвардия и т.д.), но что касается производства, то все эти общества, как правило, держались на труде самостоятельных производителей – крестьянских и ремесленных общин (редкие исключения – такие эпизоды, как, например, производство рабами товарного хлеба для римской армии на сицилийских плантациях). И только капитализм начинает с подлинно массового производственного применения рабского труда на своих колониальных плантациях и в горном деле. Та же самая картина и с крепостничеством – в странах, втянутых в систему мирового рынка, но сохранивших свою независимость и элементы традиционной структуры»¹. Факт: европейское крепостничество – явление относительно позднее. В своей классической форме оно устанавливается в Германии под воздействием мощного спроса на хлеб в переживающей «чистку земли» Англии, что был вынужден зафиксировать в «Капитале» и сам Маркс: «В XV веке немецкий крестьянин хотя и обязан был почти всюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком... но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейна были низведены до положения крепостных»². В России помещичье настоящее крепостничество появилось еще позже, чем в Европе, в эпоху «реформ» Петра I, и продержалось полтора столетия.

На сосуществование в одном обществе разных «способов производства» (или «хозяйственных укладов») обращали внимание многие исследователи, о существо-

¹ Ю. Бородай. Кому быть владельцем земли // Наш современник. 1990, № 3. С. 107.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. С. 248.

вании которых нам было не положено знать в эпоху торжества марксизма¹.

Если отойти от схемы описания общества как общественно-экономической формации, очевидным станет следующее: у древнего мира (особенно Древнего Рима) и современного капиталистического общества – чрезвычайно много общего. Так, для обоих характерно *сосуществование рабства и капитализма*. С цивилизационной точки зрения данный тип общества можно назвать *«денежной цивилизацией»*².

Это сочетание, повторим, не является случайным. *Это два общества, представляющие одну и ту же общественно-духовную формацию (цивилизацию). Духовным базисом этой формации выступает язычество, имеющее тенденцию перерасти в свою «высшую» форму – сатанизм*. И в свете этого в пыль рассыпается марксистское представление о «прогрессе», которое прочно въелось в сознание современного человека. И вместе с тем приходит понимание того, что человечество, выражаясь словами апостола Петра, как «пес возвращается на блевотину свою» и как «вымытая свинья идет валяться в грязи». Человечество опять оказывается у опасной черты, за которой гибель – духовная и физическая. Никакие политтехнологии, никакие экономические и политические реформы, никакие «креативные» идеи и идеологии человечеству уже не помогут. Единственное его спасение – возвращение к Христу.

¹ Между тем сами классики марксизма вскользь об этом говорили. Примечательно, что Маркс для характеристики отношений «капиталист – наемный работник» использует слово «рабство» достаточно часто (почти так же часто, как слово «эксплуатация»). То, что сегодня слово «рабовладельческий строй» употребляется еще реже, чем слово «капитализм», можно объяснить все теми же «партийно-пропагандистскими» соображениями. Трудно представить себе проведение в России «реформ» под флагами и лозунгами построения «нового рабовладельческого строя».

² Подробнее см.: В. Ю. Катасонов. От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. М.: Кислород, 2014.

В. Катасонов

МАКС ВЕБЕР И «ПРОТЕСТАНТСКИЙ КАПИТАЛИЗМ»

Каждый отдельный человек, даже отвергая религиозно-этические нормы, по-человечески живет в их сфере.

Макс Вебер, немецкий социолог

1. М. Вебер: свежий взгляд на капитализм

Сегодня у всех на слуху имя немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920). В своей нашумевшей книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905) он дал (как считают многие современные почитатели Вебера) исчерпывающий ответ на происхождение капитализма¹. Капитализм как общественно-экономический строй можно сравнить с деревом, у которого есть видимая часть (ствол, ветви, листья), а есть невидимая часть – корни. Большинство социологов и экономистов изучают видимую часть этого диковинного дерева – его экономику, право, политику, культуру. А вот М. Вебер решил взглянуть на невидимую, корневую часть дерева – духовно-нравственное устройство общества. И дал четкий ответ: корнями капитализма является протестантизм и его этика.

Сегодня основные идеи Вебера, касающиеся роли протестантской этики в становлении капитализма, очень популярны и воспроизводятся в учебниках по истории, социологии и экономике. Поэтому кратко напомним суть теории Вебера.

¹ Одно из изданий книги: Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. С книгой также можно ознакомиться в интернете (<http://www.kara-murza.ru/books/Veber/>).

1. Протестантизм исходит из представления, что все люди изначально (еще до рождения) делятся на «избранных» и «прочих». Внешним, видимым признаком «избранности» является деловой успех и богатство человека.

2. Человек в течение своей жизни мучается вопросом: «избранный» он или нет? Для этого он стремится добиться материального успеха и удостовериться в своей «избранности».

3. Материальный успех в протестантизме достигается за счет полной самоотдачи человека в своей сфере профессиональной деятельности, а также за счет аскетического образа жизни, в чем и проявляется в первую очередь служение человека Богу.

4. Протестантизм с его своеобразной этикой богатства обладает наибольшим «духом капитализма», и он внес основной вклад в становление и развитие капитализма.

Комментаторы Вебера с разной степенью детализации описывают теорию немецкого социолога и нередко добавляют что-то «от себя». Количество публикаций о Вебере и его теории сегодня исчисляется тысячами¹. Вебер сегодня – непререкаемый авторитет в социологии. Френсис Фукуяма, известный современный философ и политолог, назвал работу Вебера «самым известным социологическим трактатом за всю историю человечества». Самого автора работы «Протестантская этика и дух капитализма» называли «Эйнштейном в социологии».

¹ Наиболее известные работы на русском языке: А. И. Патрушев. Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во МГУ, 1992; Е. И. Кравченко. Макс Вебер. М.: Весь Мир, 2002; Марианна Вебер. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007; П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991; П. П. Гайденко. **Социология Макса Вебера // История буржуазной социологии XIX – начала XX века.** М.: Наука, 1979; Ю. Н. Давыдов. Макс Вебер и современная теоретическая социология. М.: Мартис, 1998; Дж. Льюис. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера. М., 1981.

2. Теория Вебера: аргументы и контраргументы

Несмотря на столь высокий «рейтинг» Вебера и его работы, однозначно признать верность его теории возможным не представляется. У Вебера еще при его жизни было много оппонентов. Сегодня их стало еще больше. Многие логические построения Вебера оказывались слишком зыбкими. Кроме того, некоторые моменты (особенно касающиеся догматики протестантизма) Вебер, по нашему мнению, просто присочинил.

Казалось, у Вебера был один совершенно «железобетонный» аргумент в пользу своей теории: в странах, где после Реформации протестантизм стал доминирующей религией, капиталистическое развитие шло намного быстрее, чем в тех странах, которые остались преимущественно католическими. К первой категории прежде всего относятся: Нидерланды, Великобритания, Швейцария, Соединенные Штаты Америки, Германия. Ко второй – Испания, Италии, Португалия, Франция. На этот счет имелась соответствующая статистика, и, казалось, никаких оснований для сомнений в правильности вывода Вебера быть не может. Однако главный оппонент Вебера Вернер Зомбарт подверг серьезному сомнению данный аргумент Вебера, предложив свое не менее убедительное объяснение различий в динамике развития двух групп стран: католические страны, сохраняя юридические и религиозно-нравственные ограничения на развитие капитализма, «выталкивали» за пределы своих границ наиболее капиталистически «заряженную» часть населения – евреев. Евреи эмигрировали в протестантские страны и активно строили там капитализм.

Было обращено внимание и на то, что в протестантских странах темпы развития капитализма были неодинаковы. Например, в Германии они были намного ниже,

чем, например, в Нидерландах или Англии. В этом отношении Германия была ближе к католическим странам, чем к Нидерландам, Англии или Америке. У Вебера и на это замечание готов ответ. Протестантизм очень разный: в Германии преобладает такая его разновидность, как лютеранство, которое не обладает необходимым потенциалом капиталистического развития, а вот в Нидерландах, Англии и Америке – другие разновидности протестантизма. Это кальвинизм и пуританизм. Дадим краткую справку по этим двум ветвям протестантизма.

Пуританизм – от английского слова *pure* – чистый. Пуритане хотели «вычистить» англиканскую церковь (направление протестантизма, возникшее в Англии) от уцелевших элементов католицизма. Как сообщает энциклопедия, пуритане «требовали уничтожения епископата, замены его выборными старейшинами (пресвитерами), удаления из церкви украшений, замены мессы проповедью, упрощения одних и уничтожения других церковных обрядов (то есть создания “дешевой” церкви, отвечающей интересам буржуазных кругов). “Мирская этика” П. поощряла скопидомство, расчетливость, поклонение богатству и презрение к бедности, трудолюбие. П. отличало бесстрашие, упорство в достижении целей, религиозный фанатизм, уверенность в своей “предызбранности”»¹.

Кальвинизм – одно из главных направлений протестантизма, которое было основано в Женеве в 1536 году. Кальвинизм получил свое название по имени его основателя – Жана Кальвина (1509–1564), французского юриста, теолога и проповедника. Если Мартин Лютер начал протестантскую Реформацию церкви в XVI веке по принципу «убрать из церкви все, что явно противоречит Библии», то Жан Кальвин пошел дальше – он убрал из церкви все, что в Библии не требуется. Поэтому кальвинистское богословие

¹ Пуритане // Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. Т. 21. М.: Советская энциклопедия, 1975.

характеризуется склонностью к рационализму и большим недоверием к мистике. Основные течения современного кальвинизма – пресвитерианство, реформаторство, конгрегационализм. Кальвинистские взгляды глубоко проникли в иные протестантские деноминации (баптисты, методисты, пятидесятники, евангельские христиане и др.).

По мнению Вебера, именно пуританизм и кальвинизм (а не лютеранство) обладают мощным потенциалом капиталистического развития. Вебер, например, обращает внимание, что Лютер и его последователи решительно выступали против ростовщичества в то время, как Кальвин и его последователи реабилитировали и легализовали взимание процента по ссудам.

У критиков Вебера еще один аргумент против его теории: протестантизм (в форме кальвинизма и пуританизма) появился лишь в XVI–XVII веках, а человечеству капитализм к этому времени был уже хорошо известен. Речь идет прежде всего о древнем капитализме Ассирии, Вавилона, античной Греции и античного Рима. Кстати, представление о существовании древнего капитализма и его особенностях Вебер получил благодаря работам известных немецких историков Т. Моммзена и Э. Майера, которые написали свои основные труды во второй половине XIX века. Им принадлежит приоритет в открытии древнего капитализма.

В средние века капитализм уже процветал в городах-полисах Южной Италии (Флоренция, Генуя, Венеция и др.)¹. У Вебера и на это замечание находится ответ: до Реформации человечество имело лишь «нецивилизованный» капитализм. Протестантизм породил иной, «цивилизо-

¹ Об итальянском капитализме этой эпохи см.: Е. В. Тарле. История Италии в новое время. СПб., 1901; И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951; Н. П. Соколов. Образование венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; Л. А. Котельникова. Феодализм и город в Италии в VIII–XV веках. М.: Наука, 1967.

ванный», капитализм. В чем же отличие «протестантского» капитализма от более ранних форм? – Прежде всего в том, что в условиях «протестантского» капитализма прибыль получается в основном без прямого насилия: «Капитализм, безусловно, тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к “рентабельности”. И таким он должен быть... Капиталистическим мы будем называть здесь такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования обмена, то есть мирного (формально) приобретательства»¹. Мы не находим у Вебера четкого разграничения капитализма на «цивилизованный» («протестантский») и «нецивилизованный» («старый»). Сделать Веберу это крайне трудно по одной простой причине: в протестантских странах «цивилизованный» капитализм начинался именно с убийств и разбоя, которые в учебниках по истории и экономике называются *«первоначальным накоплением капитала»* («огораживания», «борьба с бродяжничеством», колониальный разбой и т.п.). Впрочем, и после завершения этапа «первоначального накопления капитала» капитализм не брезговал и не брезгует любыми способами приобретательства – как мирными, так и военными (силовыми). В конечном счете, две мировые войны в XX веке – результат борьбы капиталистов за передел мировых ресурсов. За многими так называемыми мирными способами капиталистического приобретательства чаще всего стоит угроза силового принуждения (прежде всего со стороны государства, находящегося на службе капиталистов).

В другой своей работе, «Аграрная история древнего мира» (1909), Вебер продолжает думать над различиями

¹ М. Вебер. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 48. Обратим внимание, что Вебер, чувствуя натяжку в своем тезисе, к словам «мирное приобретательство» добавляет в скобках: «формально».

между древним и современным капитализмом: «Среди составных частей капитала (имеется в виду капитал античной эпохи. – В. К.), разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний “постоянный” капитал... среди способов эксплуатации капитала отступает на задний план помещение капитала в промышленность, и в частности в “крупные производства” в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению отступил на задний план: государственный откуп»¹. Далее Вебер называет главных капиталистов древнего мира – это: откупщики, военные поставщики, ростовщики, крупные торговые предприниматели, финансовые магнаты. Вебер называл древний капитализм «политическим», имея в виду, что своей пуповиной он был связан с государственной фискальной политикой. Но разве всех этих признаков «политического» капитализма во времена Вебера не было? Разве к началу XX века в ряде западных стран капитализм не стал превращаться в ростовщический? Все это было, но рамки статьи не позволяют привести факты и цифры, подтверждающие сходство двух видов капитализмов. Говоря о «цивилизованном» капитализме, Вебер имел в виду прежде всего английский капитализм эпохи промышленной революции, однако к началу XX века такой капитализм стал уже достоянием истории. Англия превратилась в колониальную державу, опирающуюся на военную силу, а также в мирового ростовщика и опытного финансового спекулянта. Мы можем резюмировать: попытки Вебера отделить «цивилизованный» капитализм от древнего, «нецивилизованного», «языческого» капитализма успехом не увенчались. Тем

¹ М. Вебер. Аграрная история древнего мира. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1923. С. 19.

более сегодня нам с высоты XXI века хорошо видно поразительное сходство современного капитализма с древним «политическим» и ростовщическим капитализмом.

Зомбарт продолжал опровергать Вебера и после смерти автора «Протестантской этики» (в 1920 году). В XX веке на путь капиталистического развития встали страны, которые находились за тысячи километров от Европы и в которых протестантизмом и не пахло. Наиболее ярким примером была Япония с ее восточными религиями (синтоизм, буддизм, дзен-буддизм). Применительно к таким странам Зомбарт в конце 1920-х годов предложил использовать термин *«новый капитализм»*. Фактически Зомбарт поставил под сомнение жесткую веберовскую схему зарождения капитализма (этакая «одноколейка» с начальной станцией под названием «протестантизм») и стал склоняться к тому, что в мире существует несколько капиталистических маршрутов движения человечества.

3. Протестантизм и капитализм: что первично?

Главное замечание в адрес Вебера заключалось в том, что в рассматриваемой им паре понятий «протестантская этика» и «дух капитализма» немецкий социолог без каких-либо колебаний и сомнений первое рассматривает в качестве причины, а второе – в качестве следствия, результата. Однако с таким же успехом можно утверждать, что, наоборот, развитие в недрах традиционного общества капитализма привело к Реформации и появлению протестантизма. Кстати, именно такой точки зрения придерживаются некоторые исследователи. Современный социолог Ю. Кузнецов прямо отмечает: «В некоторых случаях причинно-следственная связь может быть прямо противоположной той, которую усматривает Вебер, – то есть именно развитие капитализма создавало благоприятные условия для

развития протестантизма. Например, в XVI веке в Южных Нидерландах экономическая экспансия действительно совпала с распространением кальвинизма, причем охотнее всего в него переходили купцы и предприниматели. Но именно эти люди составляли наиболее подвижную группу населения, это были люди, легко идущие на контакт, готовые обсуждать с чужаками религиозные вопросы и принимать чужое мнение. Кроме того, эта группа по понятным причинам была весьма оппозиционно настроена к испанской короне. С другой стороны, возможности Инквизиции в торговых центрах всегда были меньше, чем в аграрных областях. Наконец, большую роль в экономической жизни Антверпена играли мараны – бывшие иудеи, принудительно обращенные в католичество. С началом Реформации они обратились к лютеранству, но потому предпочли последовательный кальвинизм»¹. Кальвинизм (по крайней мере, в Голландии) представлял собой разнородную смесь купцов, предпринимателей и бывших испанских иудеев. Получается, что в ряды кальвинистов влились люди, которые уже были заряжены «духом капитализма».

Британский социолог финского происхождения Эдвард Вестермарк (1862–1939) вопреки Веберу считал, что произошло обратное влияние «капиталистического духа на теологическую догматику»².

Известный английский историк экономики Ричард Тоуни (1880–1962), один из самых известных критиков Вебера, в своей книге «Религия и становление капитализма» (1926)³ отмечал, что в связке «протестантизм – капитализм» первичен капитализм, а протестантизм – детище

¹ Ю. Кузнецов. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. http://www.sapov.ru/journal/2003-01/kuznets-ov_weber.htm

² М. Оссовская. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. С. 346.

³ R. H. Tawney. Religion and the Rise of Capitalism. New York: Harcourt, Brace & World Inc., 1926.

капитализма. Тоуни отмечает, что Венеция, Флоренция и Южная Германия в XV веке (накануне Реформации) уже были переполнены «духом капитализма». А капиталистическое развитие Голландии и Англии в XVI–XVII веках было обусловлено не тем, что они стали протестантскими странами, а значительным притоком туда экономически активных людей, а также Великими географическими открытиями, плоды которых достались именно этим двум странам.

Амиторе Фанфани (1908–1999), итальянский экономист и историк, в своей работе «Католицизм, протестантизм и капитализм»¹ считает, что капитализм проник в Европу более чем за столетие до того, как на свет появился протестантизм. Фанфани считает, что не протестантская этика стала причиной капитализма, а та «капиталистическая ментальность», которая была заложена в людях, преследовавшихся в католических странах. Постепенно все они собрались под знаменами антикатолического движения. Фанфани полагает, что лидеры этого движения – не только Лютер, но даже Кальвин – препятствовали капитализму. Как пишет современный итальянский исследователь истории капитализма Синдра Пьеротти, ссылаясь на А. Фанфани, «Лютер был консервативен к экономическим вопросам. Особенно это касалось его патриархальных идей в вопросах торговли. Многие в новом укладе вызывало у него отвращение. Кальвин же осуждал и считал противозаконным весь доход, который приобретается за чей-то еще счет, а также выступал против накопления богатства. Многие гугенотские и голландские реформаторы также высказывались против различных аспектов капитализма. Они боялись снятия ограничений с ростовщичества, а также считали, что замена в интересах людей служения Богу на жадную наживу была признаком безумия. Фанфани соглашается с Вебером в том, что капитализм процветал по-

¹ Amintore Fanfani. *Catholicism, Protestantism, and Capitalism*. Norfolk, 2003.

сле Реформации, но когда речь заходит о причинах (такого процветания. – В. К.), то тут их взгляды расходятся. Он говорит: то, что мы сегодня понимаем под капитализмом, возникло на итальянских торговых путях под зонтиком Католической церкви. Однако, по его мнению, ни одна религия не оказала большого влияния на рост капитализма как основной мировой экономической системы»¹.

Подобного рода авторов, считавших, что Вебер перепутал причину со следствием, достаточно много. Но при такой трактовке событий позднего Средневековья вопрос о причинах появления в обществе «духа капитализма» остается открытым.

4. Протестантизм по Веберу: а была ли такая религия?

У Вебера возникают сплошные натяжки при изложении догматики и этики протестантизма. Носители новой христианской религии, конечно, польщены той «пальмой первенства», которую Вебер вручил протестантизму, но между собой признают, что «портрет» протестантизма, нарисованный этим немецким социологом, не вполне соответствует действительности. В частности, Вебер «переборщил» с религиозной мотивацией обогащения. На первом месте среди христианских ценностей у протестантов стояла трудовая деятельность, которую они считали служением Богу. Трудовая повинность у них заменялась потребностью в честном, напряженном и профессиональном труде. Труд у протестантов (в первую очередь у кальвинистов) приравнивался к молитве, богослужению и чтению Священного Писания. Богатство, как считают некоторые исследователи протестантизма, было лишь

¹ Sandra Pierotti. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: Criticisms of Weber's Thesis / **Сандра Пьеротти. Протестантская этика и дух капитализма.** Критика теории М. Вебера / Пер. с англ. // Интернет. Режим доступа: <http://bhoga.ru/protestantskaya-etika-i-dukh-kapitalizma-kritika-teorii-m-vebera>

следствием напряженного труда и аскетического образа жизни¹. Кстати, на искажения догматики протестантизма Вебером обратил внимание уже упоминавшийся нами его оппонент Зомбарт. Последний в споре с Вебером приводит высказывания известного английского пуританского богослова Ричарда Бакстера (1615–1692): «Как мало значат богатства и почести этого мира для души, отходящей в иной мир и не знающей, будет ли она позвана в эту ночь. Тогда возьми с собой богатство, если сможешь». «Работай над тем, чтобы почувствовать великие нужды, которых не могут устранить никакие деньги». «Деньги скорее отягчат твое рабство, в котором держат тебя грехи, нежели облегчат его». «Разве честная бедность не много слаще, чем чрезмерно любимое богатство?» Что-то в этих фразах не чувствуется того «духа капитализма», о котором нам говорит Вебер.

Примечательно, что одним из мест распространения радикального протестантизма – пуританизма и кальвинизма – была Шотландия. Между тем Шотландия в плане развития капитализма ничем себя не проявила, отставая даже от лютеранской Германии. У Вебера ответа на подобный «парадокс» мы не находим. Экономист и историк Якоб Винер утверждает, что именно кальвинистская доктрина, которая навязывалась церковью и государством, стала сдерживающим фактором для развития капитализма в Шотландии². Шотландские пресвитерианцы видели смысл жизни в страданиях и мучениях, считая их свидетельством приверженности человека к добру. Богатство, комфорт и довольство были, по их мнению, проявлениями зла. Целый ряд исследователей приводили шотландских протестантов в качестве примера последователь-

¹ См.: Н. В. Сомин. Блеф «Протестантской этики» // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/blef_prottestantskoi_etiki.htm

² Jacob Viner. *Religious Thought and Economic Society*. Durham: Duke University Press, 1978.

ных борцов с «духом капитализма». Неужели М. Вебер не знал этого? Видимо, Шотландия с ее последовательно антикапиталистическим протестантизмом не «вписывалась» в красивую схему Вебера, и он решил про Шотландию «забыть».

Несколько переоценил Вебер также «заслуги» Кальвина в легализации ростовщичества. Действительно, Кальвин оспорил тезис Аристотеля о «бесплодности» денег (который был полностью поддержан католическими схоластиками). Да, деньги «бесплодны», утверждал Кальвин, если они лежат без дела. Если они пущены в оборот, принося прибыль, то процент законен (здесь точка зрения Кальвина на процент очень близка к точке зрения Фомы Аквинского). Но Кальвин не столь радикален, как его представляет Вебер. Например, он против взимания процентов, если кредит выдается на пропитание (и здесь он сходится с Фомой Аквинским). Кроме того, он считает, что государство имеет право устанавливать предельную ставку процента и ее никому не позволено превышать. Он против того, чтобы проценты превышали прибыль заемщика от использования кредита. По его мнению, нельзя выдавать кредиты, если они способствуют нанесению ущерба государству. Наконец, он против того, чтобы выдача денег под процент становилась профессиональным занятием¹.

Возвращаясь к вопросу догматики кальвинизма, следует иметь в виду, что сторонники и последователи Кальвина не особенно интересовались ее тонкостями. Многие просто услышали, что богатство в этой религии не только не возбраняется, но даже поощряется, и этого было достаточно для того, чтобы пойти за таким вождем. Догматика и богословие кальвинизма и пуританизма –

¹ См.: Ю. Кузнецов. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. http://www.sapov.ru/journal/2003-01/kuznetsov_weber.htm; Robertson H. M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N.Y., 1933. P. 117.

удел кабинетных теологов. К тому же протестантские «миссионеры» доводили до народа догматы своей религии в упрощенном, «адаптированном» для «черни» варианте. В «низах» религия протестантизма превращалась в чистую идеологию, которую венчали несколько броских политических лозунгов. Вот что пишет о распространении радикального протестантизма в народных массах Англии А. Ваджра: «...К началу 30-х годов XVII века Англия оказалась покрыта густой сетью нелегальных и полулегальных религиозных собраний, игравших роль своего рода народных “просветительских клубов”. Звучавшие в них кальвинистские проповеди, модифицированные в соответствии с английскими реалиями, достаточно эффективно “промывали мозги” низшим слоям общества. Религиозная трибуна была мастерски использована для политической пропаганды. Таким образом, народ психологически готовили к революции, убеждая его в том, что англиканская церковь покинута Богом, а существующий сословный строй лишен божественной санкции. Как следствие этого, в 1646 году была уничтожена епископальная система национальной церкви, а в 1649 году – монархический строй»¹.

И наконец, еще один принципиальный момент. Вебер совершенно неоправданно приписал всему протестантизму наличие «духа капитализма», отмечая лишь, что в одних направлениях протестантизма он был более ярко выражен, а в других – менее. Однако более глубокое изучение протестантизма показывает, что в некоторых его течениях присутствовал дух, прямо противоположный (с социально-экономической точки зрения) «духу капитализма». Речь идет о «духе социализма». Следует сказать, что подобно тому, как «дух капитализма» зарождался в недрах Католической церкви еще задолго до

¹ А. Ваджра. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: АСТ; Астрель, 2007. С. 96.

Реформации, точно так же и «дух социализма» витал над Европой уже в те времена, когда, казалось, позиции католицизма были незыблемы. Носителями этого духа были и катары (XI в.), и братья свободного духа, и апостольские братья (XII в.), и табориты (XV в.) и т.п. Они также внесли свою скромную лепту в Реформацию. Одной из первых протестантских сект, возникших на волне Реформации, были анабаптисты («перекрещенцы»). Движение анабаптистов началось в Германии, а затем в XVI веке распространилось на Швейцарию, Австрию, Чехию, Данию и Голландию. В XVII веке оно перекинулось в Англию. Наиболее видными фигурами анабаптизма были «апостолы» Клаус Штрох, Томас Мюнцер, Иоганн Бекельзон (Иоанн Лейденский). Движение анабаптистов носило ярко выраженный антиклерикальный характер, выдвигало лозунги тотального обобществления имущества и даже жен. Кровавый эксперимент по созданию «социалистического строя» был проведен Иоганом Бекельзоном в германском городе Мюльгаузене в 1534–1535 годах. Мы не ставим своей задачей дать критический анализ теологической и социалистической доктрины анабаптистов и рассказать об их «социалистических экспериментах». Все это читатель может найти в интересной книге И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории». Мы вспоминаем в данном случае о «протестантском социализме» лишь для того, чтобы показать, насколько М. Вебер упрощал и искажал социальную доктрину протестантизма. Кстати, анабаптисты не были единственным течением в рамках протестантизма, которое выдвигало социалистические идеи. Тот же Шафаревич отмечает, что к идеям социализма в Англии были близки также наиболее радикальные пуритане, секты мормонов, «рентеров», «диггеров», «левеллеров» и др. Некоторые из них позднее переродились в чисто социально-политические движения, утратив свою религиозную природу.

5. Западная философия как источник «духа капитализма»

Если в отношениях с народом последовательные борцы за капитализм делали ставку все-таки на религиозное чувство, то, обращаясь к «верхам», они апеллировали к разуму. Для этого главные носители «духа капитализма» стали активно прибегать к помощи совершенно нового типа проповедников – «профессиональных» философов. Философы уже вообще обходились без религии, они делали ставку на логику, рационализм, «естественное право» и т.п. Такие светские философы – предтечи буржуазной революции – появились в первую очередь в Англии. Среди них особенно выделялись Фрэнсис Бэкон (1561–1626) и Томас Гоббс (1586–1679). Мы не собираемся детально анализировать их философские взгляды. Отметим лишь, что они проповедовали откровенный материализм, агностицизм и даже откровенный атеизм. Первый, в частности, предлагал провести четкую грань между верой и знанием, религией и наукой. Второго часто называют «отцом неверия». Так что «дух капитализма» породила не столько новая религиозная этика, как это представлял Вебер, сколько безбожная английская (и не только английская) философия. Она представляла человека не как творение Бога, а как эгоистичное животное с определенным набором чувств и инстинктов (прежде всего – алчности, честолюбия и страха). Фактически в этом эгоистичном животном уже просматривался идеал «рыночной экономики» – *homo economicus* («человек экономический»). Последующие поколения «профессиональных» философов и экономистов занимались тем, что пропагандировали этот идеал, продвигали его в «массы». Вот как кратко А. Ваджра описывает «вклад» английской философии XVII века в формирование «духа капитализма» как в самой Англии, так и за ее пределами: «Постепенное редуцирование че-

ловеческой природы во взглядах английских мыслителей стимулировало ее трансформацию от человека как духовного существа, созданного Богом, до разумного животного, погрязшего в пороках. Возникнув в высших слоях общества, данное мировоззрение со временем овладело и народными массами. Естественно, что оно не могло не выдвинуть на первое по своей значимости место инстинкты. При этом превращение индивида в некую совокупность первичных, диких инстинктов было подано как величайшее достижение европейской науки, как раскрытие наиглавнейшей тайны человеческой природы. Так через идеологическое индуцирование, путем целенаправленной информационно-психологической обработки масс создавался человек нового типа. Настойчиво внедряемое в сознание англичан, а затем и европейцев представление о человеке как о плохо поддающемся окультуриванию опасном животном постепенно делало его таковым. Это, в свою очередь, привело к духовно-психологической изоляции индивидов и их деятельному противопоставлению, требовавшему создания соответствующих эффективных социальных и психологических конструкций укрощения якобы хищнической природы человека¹.

Так называемое гражданское общество, которое сегодня в России рассматривается в качестве идеала социальной организации, было обосновано еще философами эпохи раннего капитализма. Постоянно внушавшийся западному человеку страх должен был, по замыслу философов, стать гарантией «вечного мира». Гоббс считал, что именно изначальный страх породил в обществе законы и государственный аппарат для подавления изначально порочной человеческой природы. Государство с его репрессивным аппаратом фактически призвано было стать «земным Богом» для порочного человека.

¹ А. Ваджра. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: АСТ; Астрель, 2007. С. 97–98.

Вебер явно переоценивал религиозную мотивацию «первопроходцев» капитализма. Диакон Андрей Климов подмечает эту особенность психологии пионеров протестантизма (кальвинизма): «Объективности ради следует заметить: Кальвин говорил, что Бог метит своих избранных не только богатством, но и страданием, но вторая часть как-то не нашла признания. Люди слышали только то, что деньги есть признак богоизбранности. Это было революционно новое заявление. Поначалу на него мало кто обращал внимание. Религия к тому времени утратила статус института, задающего направление обществу. Католические и протестантские богословы спорили на обочине жизни, хорошо это или плохо. У Кальвина находились последователи. Не потому, что они разбирались в тонкостях доказательной базы, утверждавшей за деньгами спасительную для души силу, а потому, что это заявление соответствовало их внутреннему стремлению. Религия Кальвина фактически узаконила добывание денег любыми путями... Корни колоссального успеха здесь в том, что масса охотнее принимает не то, что истинно (в этом она разобраться не может), а то, что соответствует ее желаниям и чувственной сфере»¹.

К тому времени, когда Вебер начал писать свою работу «Протестантская этика и дух капитализма» (конец XIX – начало XX века), всякая религиозная этика вообще исчезла из сферы экономических отношений. Английский философ Джон Локк (1632–1704), которого считают основоположником современного либерализма, выдвинул идею тотальной правовой регламентации всех сторон жизни человека, в первую очередь экономической стороны. Почти полная несовместимость миллионов эгоистических «Я», стремившихся к обогащению любой ценой, требовала разработки детальных «правил игры», называемых юридиче-

¹ А. Климов. Православный социализм и западный капитализм // Национальные интересы. № 2, 2009.

скими нормами. Детальная законодательно-нормативная регламентация экономических отношений между эгоистическими «Я» дополнялась созданием мощнейшего судебного аппарата. Шло активное формирование так называемого правового государства (которое так активно навязывается сегодня России). *Юридические нормы стремительно заменяли нормы религиозной этики.* Рождение «правового государства» – лишь юридическое оформление того духовно-психологического состояния, в котором оказалось западное общество в XVI–XVII веках.

Со временем главной функцией государства, согласно философским «обоснованиям», стала *защита частной собственности* – «самого святого», что есть на земле.

6. Альтернативные версии зарождения капитализма

Основным оппонентом Вебера при жизни был уже упоминавшийся нами немецкий социолог Вернер Зомбарт (1863–1941). Кстати, одно время они были коллегами, работая в Гейдельбергском университете. Зомбарт написал книгу «Евреи и хозяйственная жизнь» (1911), в которой доказывал, что основными носителями «духа капитализма» были евреи, а не протестанты. Эту идею Зомбарт развивал и в некоторых других своих работах: «Участие евреев в создании современного народного хозяйства» (1910), «Будущее евреев» (1912), «Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека» (1913).

Вебер, не отрицая вклада евреев в развитие капитализма, тем не менее заслуги кальвинизма в этом вопросе ставит выше роли иудаизма. Первый, по его мнению, нацеливает человека на бесконечное накопление капитала; второй – поощряет всяческое богатство, но богатство остается средством, не превращаясь в самоцель. Вот как резюмирует эти рассуждения М. Вебера о различиях иудаизма

и кальвинизма наш отечественный философ Ю. Бородай: «... Даже принцип наживы в иудаизме не столь универсален, как в кальвинизме: во-первых, он не распространяется на отношения между “своими”, и, главное, нажива здесь сохраняет “традиционалистский” характер, то есть нацелена на потребление, и потому не превращается в столь пожирающую, как в кальвинизме, страсть <...>. В отличие от иудейской установки, где капитал лишь средство непосредственного наслаждения или господства, то есть вернейшее средство максимального благоустройства своего земного материального бытия, для протестанта, подлинного господина нового строя, накопление капитала становится самоцелью»¹.

Тезис Вебера о превосходстве кальвинизма над иудаизмом, с нашей точки зрения, и верен и неверен. Протестанты с их религиозно-фанатическим отношением к деньгам на «коротких дистанциях» могли даже обыгрывать иудеев и казаться более «конкурентоспособными» капиталистами². Исторические факты свидетельствуют о заметном вытеснении протестантами евреев на начальном этапе развития капитализма даже из их традиционной ниши – ростовщического бизнеса. Однако в стратегическом плане неоспоримое преимущество на стороне евреев – именно потому, что деньги они рассматривали и рассматривают не как самоцель, а как средство. Протестанты инвестировали деньги только в деньги, иудеи – в деньги и во власть. А власть обеспечивала вторым преференции в той же экономике. Например, с ее помощью они добились контроля над эмиссией денег, то есть над «печатным станком». Так что в стратегическом плане иудаизм оказал

¹ Ю. М. Бородай. Почему православным не годится протестантский капитализм? // Наш современник. 1990, № 10

² Еще раз напомним, что Вебер явно преувеличивал религиозный фанатизм протестантов в деле накопления капитала. Если у протестантов и был фанатизм, то, скорее, он распространялся на сферу профессиональной трудовой деятельности.

ся более «конкуренентоспособен», чем протестантизм. Сила протестантизма обернулась его слабостью.

Впрочем, некоторые авторы подходят к объяснению капитализма с иных позиций, нежели Зомбарт и Вебер.

Еще до того, как Вебер родился, человечеству было предложено избавиться от каких-либо сомнений и поисков в вопросе причин появления капитализма. Карл Маркс, автор «Капитала», заявил, что всегда и везде экономика первична, а религия вторична, производна от экономики. А поскольку, с его вульгарно-материалистической точки зрения, капитализм – это экономика, то очевидно, что капитализм породил протестантизм, а не наоборот. С этой точки зрения, как писал второй классик марксизма, Фридрих Энгельс, «политические и религиозные теории (эпохи Реформации. – В. К.) были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение»¹. Сегодня серьезно данную точку зрения воспринимать нельзя. Дело в том, что классики марксизма само появление капитализма (как и любой другой общественно-экономической формации) выводят напрямую из развития производительных сил общества. Такой взгляд на общество и человеческую историю можно назвать вульгарно-материалистическим. Мы даже не будем сейчас погружаться в его критику. Достаточно сказать, что данная теория не может объяснить многих вещей в истории человечества. Например, существование капитализма в древнем мире (Вавилон, Греция, Римская империя и др.), где тогдашние производительные силы не могли сравниться с производительными силами позднего Средневековья и эпохи Реформации.

Рассмотрим иные трактовки причин появления капитализма. Например, современный исследователь капита-

¹ Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 16. С. 412–413.

лизма С. В. Вальцев отвергает «протестантскую» версию Вебера и выдвигает в качестве главной причины появления капитализма *особую природу западного человека*: «Реформация не свалилась с неба, а в основе своей была сформирована этническим духом западного человека. Реформация была лишь идеологической оболочкой тех идей, которые были и без всякой Реформации близки западному человеку. Ментальные особенности западного человека – вот та идейная точка отсчета начала капиталистической эры»¹. Данная точка зрения на «капиталистическую» природу западного человека не нова, она высказывалась многими философами, социологами и антропологами. Однако с ней мы вряд ли согласимся. Прежде всего, такая позиция противоречит христианской антропологии, согласно которой человек любой расы и национальности по причине своей поврежденной природы предрасположен к греху. А «капиталистический дух» – концентрат человеческих грехов и страстей. Просто у некоторых народов механизмы защиты от искушения грехами и страстями капитализма уже полностью сломаны, а у других народов эти защитные механизмы еще кое-как функционируют. Так, некогда японцы были крайне далеки от капитализма. Однако по истечении полутора веков после так называемой революции Мейдзи (1867–1868) они (не принадлежа к Западу) стали вполне капиталистической нацией. В Китае двадцать лет назад еще никто толком не знал, что такое капитализм, а сегодня миллиард людей, географически и культурно далеких от Запада, начинают быстро проникаться «духом капитализма».

Более заслуживает внимания другая мысль Вальцева: «Лютер со своей Реформацией никогда не являлся начальным пунктом движения к капитализму. Сначала

¹ С. В. Вальцев. Закат человечества. Почему человечество вырождается? 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Книжный мир, 2010. С. 274.

появился Колумб (1492 г.) с кораблями, набитыми золотом, и только потом Лютер (1517 г.) со своими 95 тезисами против продажи индульгенций. Продажа индульгенций как бизнес уступила место новому бизнесу, более выгодному, – грабежу колоний. В Средние века некого было грабить, и ментальные особенности западноевропейцев не имели материальной базы. В Россию сунулись – тут Александр Невский, попробовали к арабам, османам, так те вообще до Вены дошли.

Почему, пренебрегая историческими реалиями, во главу угла ставится Реформация? Такой подход не случаен. Ложный тезис порождает ложную цепочку рассуждений о трудолюбии, бережливости, освященных неким религиозным чувством.

На самом деле в хозяйственной этике западного человека труд никогда не был окружен ореолом почитания. Деньги, желательны быстрые, желательны много. Вот ядро западного мировоззрения. И старт капитализма был дан не Реформацией, а нещадным грабежом колоний»¹.

Если не обращать в данном отрывке внимание на ошибочное представление автора о западном человеке как генетически предрасположенном к капитализму, то в «твердом остатке» можно выделить следующую мысль: *открытие Америки Колумбом*, положившее начало колониальным грабежам, было гораздо более существенным фактором развития капитализма в Европе, чем Реформация с ее «протестантской этикой».

Кстати, точка зрения Вальцева касательно роли географических открытий в становлении капитализма достаточно распространена. Причем другие авторы обращают внимание на открытие не только Америки, но также – морского пути в Индию. Опровергая Вебера, современный исследователь капитализма Юрий Кузнецов пишет: «Процветание протестантских стран Северной Европы,

¹ Там же, с. 275.

начиная с XVI века, во многом объяснялось фактором Великих географических открытий – открытием Америки и в особенности морского пути в Индию. В результате Северная Италия и прилегающие к ней области (Венеция, Марсель) потеряли свою исключительную роль торговых посредников, находящихся на главных торговых путях в страны Востока»¹. Подобную точку зрения можно назвать условно *геополитической*. Она вполне аргументированна, с ней следует согласиться. Однако она не исключает ответа на вопрос: каковы духовные и религиозные причины (корни) капитализма?

Из всех известных нам точек зрения на духовно-религиозные причины происхождения капитализма нам близка позиция современного исследователя хозяйственной этики христианства Н. В. Сомина². Он считает, что протестантизм никаким особым мистическим «духом капитализма» (который пытался разглядеть Вебер) не обладает. *Протестантизм, по его образному сравнению, оказался подобен большой «пробоине», которая возникла в стене христианских запретов и ограничений*. Эта стена выстраивалась и поддерживалась Христианской церковью в целях защиты общества от разрушительной стихии капитализма с тех пор, когда христианство приобрело статус официальной государственной религии (то есть со времен императора Константина Великого). Христианская церковь хорошо понимала человеческую природу, отягощенную грехами и страстями сребролюбия, стяжательства, зависти, сластолюбия, властолюбия, тщеславия и т.п. Од-

¹ Ю. Кузнецов. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. http://www.sapov.ru/journal/2003-01/kuznetsov_weber.htm. Ю. Кузнецов в данном вопросе ссылается на работу известного английского историка и социолога Робертсона (одного из наиболее известных ранних критиков Вебера): Robertson M. Aspects of the Rise of Economic Individualism: A Criticism of Max Weber and his School. N.Y., 1933 (pp. 168–206).

² См.: Н. В. Сомин. Блеф «Протестантской этики» // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/blef_prottestantskoj_etiki.htm

нако в силу целого ряда причин (разбор которых выходит за рамки нашей статьи) Церковь как земная организация, состоящая из грешных людей, стала ослаблять свое противостояние страстям. У Вебера они называются красивым словом «дух капитализма», а у святых отцов Церкви это называется по-другому: «дух падших ангелов», «дух inferнального мира», «дух бесов» и т.п. Через внезапно образовавшуюся «дыру» в стене ограничений и запретов в традиционное общество стремительно ворвался «дух капитализма» и стал быстро уничтожать христианство и сложившийся социальный порядок.

Кстати, протестантизм оказался «дырой» не только в стене, защищавшей духовное пространство Европы. Протестантизм сыграл роль «дыры» в ее экономическом пространстве. Напомним, что, по мнению Зомбарта, главными носителями «духа капитализма» были евреи. Будучи скованы разными запретами и ограничениями в католических странах, они устремились в страны победившего протестантизма, где получили режим наибольшего благоприятствования и способствовали быстрому капиталистическому развитию принявших их стран. Хотя считается, что наиболее либеральный для евреев режим предлагали страны с преобладанием кальвинистов и пуритан, однако и страны с лютеранским протестантизмом оказывались вполне подходящими для раскрытия потенциала их «капиталистического духа». Достаточно вспомнить, что Ротшильды, Варбурги, Шиффы, Мендельсоны и многие другие известные еврейские банкиры начинали свою капиталистическую карьеру в лютеранской Германии.

7. «Свой» — «чужой» как принцип капитализма

За «кадром» теории Вебера о происхождении капитализма остался еще важнейший источник «духа капита-

лизма». Речь идет о принципе «свой – чужой», которым руководствовались пионеры капитализма и который формально не входил в этические нормы протестантизма. Ряд исследователей истории капитализма и протестантизма придерживаются примерно следующей схемы объяснения причин необузданной энергии кальвинистов:

а) кальвинистский фанатик тем или иным способом получает начальный капитал;

б) этот капитал для него служит подтверждением его «богоизбранности» и «исключительности»;

в) это дает ему уверенность в том, что он, как «избранный», обладает правом господствовать над другими людьми.

Другие люди, не получившие «знак» «избранности» в виде богатства, – люди «второго сорта», которых его протестантский бог предопределил быть рабами «избранного». По сути это «протестантский расизм», который имеет не этническую, а социально-экономическую природу. Наблюдаются определенные параллели с иудаизмом, который характеризуется презрительным отношением иудеев (евреев) к тем, кто не принадлежит к их племени. Согласно талмудическому иудаизму, для иудеев остальные – не просто «чужие», они даже не люди, а просто живые существа, имеющие внешность человека. В Ветхом Завете мы встречаем много мест, где проводится четкое деление на «своих» и «чужих». В контексте рассматриваемых нами экономических проблем весьма значимым является следующая установка иудаизма: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (Втор. 23:19–20). Евреи почти две тысячи лет находились в рассеянии, то есть среди «чужих». Поэтому приведенная выше установка из Второзакония последовательно реализовывалась (и продолжает реализовываться) носителями

иудаистской идеологии через практику ростовщической эксплуатации всех «чужих».

Если не принимать во внимание упомянутого «*протестантского расизма*», трудно понять, откуда бралась такая хладнокровная жестокость, которую проявляли первые носители «духа капитализма» в эпоху первоначального накопления капитала. В Европе эта жестокость проявлялась по отношению к мелким землевладельцам, которых сначала лишали земли, а затем убивали или заставляли работать как рабов. В Америке белые протестантские колонисты проявляли эту жестокость по отношению к индейцам, которых поголовно уничтожали «как зверей» (кстати, колонисты-католики, которые осваивали Южную Америку, такой жестокости не допускали). В Африке протестантские купцы (вместе с купцами-иудеями) проявляли эту жестокость по отношению к местным жителям, которых захватывали или покупали в рабство.

Впрочем, жестокостью отличались и католики. Но у католиков физическое насилие удивительным образом сочеталось с «христианской заботой о душе» захватываемых в рабство аборигенов. Португальские монархи вместе с папой Римским требовали, чтобы захватываемые рабы обязательно были крещены. По этому поводу был издан даже специальный королевский эдикт 1519 года. Если речь шла о невольниках, которых отлавливали в Африке, то они должны были быть крещены обязательно до погрузки на корабли, которые отправлялись к берегам Америки. Это требование было обусловлено тем, что многие рабы в пути умирали: в этом проявлялась «трогательная забота» о душах невольников. Позднее другие католические страны также приняли аналогичные законы. Так, французский король Людовик XIII издал в 1648 году акт об обязательном крещении рабов.

Принцип «свой» – «чужой» в протестантизме в течение нескольких столетий превратился в освященную

«наукой» идеологию и психологию крайнего индивидуализма¹. В иудаизме имеет место *этнический индивидуализм* (этнос, племя, народ остается единым целым, не делимым на части); в протестантизме – *персональный индивидуализм* (общество дробится до мельчайших «атомов» – отдельных людей ego)². В экономической науке Запада моделью и эталоном такого индивидуализма является *homo economicus* – человек экономический. Он представляет собой крайнюю степень индивидуализма, когда к «своим» человек относит только самого себя (ego), а все остальные – «чужие».

Примечательны наблюдения, сделанные В. Зомбартом в его книге «Буржуа». В ней он совершенно справедливо обращает внимание, что наиболее последовательными и энергичными носителями «духа капитализма» были иноземцы, или пришельцы. Они не имели никаких кровнородовых связей с местным населением и не были обременены такими предрассудками, как «родина», «отечество», «исторические корни» и т.п. Для пришельцев (эмигрантов, колонистов) местные все поголовно было «чужаками», к которым можно (и нужно) относиться жестоко – как к скотам или зверям. То есть убивать, эксплуатировать, грабить и обманывать. Так же хищнически можно относиться к окружающей природе, культуре местного народа и его

¹ Впрочем, у ранних протестантов еще сохранялись какие-то элементы коллективизма и солидарности. Как пишет Н. В. Сомин, «протестантство, и кальвинизм в особенности, по большей части существовало небольшими общинами, борющимися за выживание в условиях враждебного окружения. В связи с этим вырабатывалась своеобразная идеология, согласно которой наживать деньги ради общины было не только не зазорным, но рассматривалось как христианская добродетель. Позднее наши старообрядцы продемонстрировали совершенно аналогичную психологию» (Н. В. Сомин. Блеф «Протестантской этики» // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/blef_prottestantskoi_etiki.htm).

² Само слово «индивид» происходит от латинского *individum*, что означает «неделимый». Имеется в виду, что мельчайшей неделимой частью общества (атомом социума) является человек (аналогия была взята философами из физического мира; еще недавно считалось, что атом – «неделимый кирпичик» Вселенной).

истории. Как пишет Зомбарт, «иноземец не ограничен никакими рамками в развитии своего предпринимательского духа, никакими личными отношениями: в своем кругу он встречает только чужих... Только беспощадность, которую проявляют к чужим, могла придать капиталистическому духу его современный характер»¹.

Зомбарт выделяет две основные категории таких беспощадных пришельцев: евреев, которые были перманентными мигрантами по всему миру, и европейских колонистов в Новом Свете. Первые имели очень длительный опыт наживаться на «чужих» и выступали в качестве учителей; вторые оказались очень способными учениками, которые нередко превосходили своих учителей. Как пишет Зомбарт, «приносящие выгоду дела вначале вообще совершались лишь между чужими, тогда как своему собрату помогали; займы за проценты дают только чужому... так как только с чужого можно беспощадно требовать проценты и капитальную сумму, когда он их уплачивает (здесь Зомбарт имеет в виду известную установку древних евреев из Второзакония. – В. К.). Правом иноземцев было, как мы видели, еврейское право свободной торговли и промышленной торговли».

Беспощадность и хищничество пришельцев усиливается тем, что их сознание ориентировано не на прошлое или даже настоящее, а устремлено исключительно в будущее, ради чего можно жертвовать прошлым и настоящим. Безусловно, такой фанатизм также имеет религиозное происхождение. «Для переселенца, – пишет Зомбарт, – как для эмигранта, так и колониста не существует прошлого, нет для него и настоящего. Для него существует только будущее. И раз уже деньги поставлены в центр интересов, то представляется почти само собою разумеющимся, что для него единственный смысл сохраняет на-

¹ Цит. по: А. Молотков. Христианство и идеология рынка // Молодая гвардия. № 4, 2011.

жива денег как средства, с помощью которого он хочет построить себе будущее»¹.

Зомбарт обращает внимание на схожесть двух групп носителей капиталистического духа – иудеев (вечных мигрантов) и протестантов (колонистов). Но между ними есть и серьезные различия. Во-первых, в первой группе все-таки остается понятие «свои» (по признаку религии и/или крови); во второй группе практически нет «своих», все (даже люди одинаковой веры и крови) оказываются «чужими». Во-вторых, в первой группе устремленность в будущее имеет вполне осознанный характер (целью иудаизма является мировое господство, и их капиталистическая деятельность подчинена реализации этой долгосрочной цели); во второй группе нет осознанных долгосрочных целей, понимание будущего является крайне размытым. Неудовлетворенность некоторых представителей протестантизма (особенно пуритан) отсутствием внятной конечной цели иногда приводило их в лоно иудаизма.

Западная социология не могла обойти стороной принцип «свой» – «чужой», которым в своей повседневной жизни руководствовались и руководствуются миллионы людей. Известный французский социальный психолог Серж Московичи называет это «социальной психологией меньшинств»².

Перенесемся мысленно из эпохи раннего капитализма в наше время. Как известно, после Второй мировой войны Запад стал активно реализовывать в жизнь так называемый мультикультурный проект: смешение разных народов, рас и этносов с помощью либерализации или даже отмены существовавших ранее миграционных ограничений. Причины, подтолкнувшие Запад к проведению такого ри-

¹ Цит. по: А. Молотков. Христианство и идеология рынка // Молодая гвардия. № 4, 2011.

² См.: С. Московичи. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

скованного (как это стало очевидно сегодня) эксперимента, многочисленны, и их анализ выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что, по мнению ряда социологов, такое мультикультурное смешение усиливает «капиталистический дух» в обществе, ибо в монокультурном (или моноэтническом) социуме нельзя достичь необходимого градуса ненависти и жестокости, который необходим для поддержания капиталистического тонуса. С таким мнением мы полностью согласны.

Развитие «дикого» капитализма в России в последние два десятилетия было бы немыслимо без ситуации, когда бывшее советское общество оказалось четко поделенным на «своих» и «чужих». Прежде всего, деление произошло по национальному признаку. У нас сегодня идут какие-то разговоры (в основном шепотом) об «этнической преступности». Но дело в том, что наш капитализм также оказывается «этническим», однако об этом в силу «политкорректности» и «толерантности» почти никто не заикается. Размышления на эту тему нашел в недавно вышедшей интересной статье Александра Молоткова. Он пишет: «... всем нам памятна волна первичной капитализации начала 90-х, когда наиболее радикальное принятие духа капиталистической наживы любой ценой наблюдалось, в первую очередь, в среде лиц нерусской национальности: евреев, азербайджанцев, чеченцев и т.д., а также тех этнически русских капиталистов (не случайна модификация: “новые русские”), которые утвердили свое фактическое отторжение от национального целого бесстыдством роскошных особняков на фоне нищенствующего народа»¹.

Добавим, что Россия все еще остается преимущественно монокультурным, моноконфессиональным и моноэтническим обществом, так как в ней пока преобладают русские и православные. По мнению «реформаторов»,

¹ А. Молотков. Христианство и идеология рынка // Молодая гвардия. 2011, № 4.

это тормозит дальнейшее развитие капитализма. Для того чтобы Россия стала окончательно и бесповоротно капиталистической, ее надо сделать поликультурной, полиэтнической, поликонфессиональной. Такое общество будет состоять исключительно из «чужих», в нем будет царствовать принцип: *homo homini lupus est* («человек человеку волк»). В этом истинный «цивилизирующий» смысл нынешней миграционной политики российских властей.

Вернемся к началам современного капитализма. Многие установки иудаизма были восприняты протестантизмом, а догматы последнего подхватила и стала развивать народившаяся на свет европейская философия (вероятно, она появилась для того, чтобы выполнять «социальные заказы» тех, кто был заинтересован в строительстве капитализма). Смысл ряда «догматов» европейской философии очень прост: «война всех против всех» как объективный, «естественный» закон общества. В том или ином виде эту мысль проводили Дж. Беркли, Д. Юм, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ф. Бэкон. Затем народившаяся на свет европейская экономическая «наука» (естественно, также для выполнения «социальных заказов») «облагородила» формулировку этого закона «всеобщего каннибализма» и назвала его «законом рыночной конкуренции».

8. Теория Вебера и современный капитализм

Следует также отметить, что современный протестантизм в значительной мере утратил тот религиозный фанатизм, который был присущ «первопроходцам» капитализма и о котором писал Вебер. Еще раз напомним читателям, в чем была религиозная подоплека этого фанатизма. Многие протестанты быстро накапливали большие богатства, но при этом придерживались аскетического образа жизни, продолжали держать себя в «черном теле». Некоторые ис-

следователи пытаются дать чисто «материалистическое» объяснение этому феномену: мол, аскетизм первым капиталистам был нужен для того, чтобы «экономить» и быстрее накапливать капитал. Вот и К. Маркс в «Капитале» пишет: «Капиталист грабит свою собственную плоть»¹ – и не может внятно ответить, зачем капиталист это делает. А не может потому, что смотрит на историю становления капитализма глазами материалиста. *А первыми капиталистами двигал не «экономический интерес» (как думал К. Маркс), а религиозное чувство.*

Центральным догматом кальвинизма был догмат о том, что все человечество делится на «избранных» и «прочих». Это очень похоже на центральный догмат иудаизма о делении человечества на «евреев» (они же – «избранные») и «всех остальных». Евреем нельзя стать в результате тех или иных заслуг в земной жизни, евреем рождаются. И тут уже ничего нельзя изменить. То же самое мы видим в кальвинизме: «избранным» нельзя стать в земной жизни. «Избранность» предопределена «свыше», «избранным» человек уже рождается. Но никаких внешних признаков «избранности» ни на теле человека, ни в его умственных или духовных способностях обнаружить нельзя. Этот признак «избранности» лежит вне самого человека и заключается в принадлежащем ему богатстве. Религиозный адепт кальвинизма всю свою сознательную жизнь мучается одним лишь вопросом: «Я “избранный” или нет?» Но он мучает не только свою душу, но также свое тело. Он живет на пределе своих физических и психических сил, добывая и приумножая свое богатство, пытаясь через это богатство доказать себе и окружающим, что он – «избранный». *Фанатическая страсть накопления капитала – на самом деле не «материальная», а «духовная», религиозная страсть.* Она отодвигает на задний план все другие страсти, в том числе страсть к материальным, чувственным удовольствиям.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 23. С. 611.

Впрочем, религиозно-мистическое восприятие богатства – феномен, присущий не только протестантскому сознанию, но и другим религиям. Вероятно, протестантизм в своем понимании и восприятии богатства и бедности заимствовал многое из древнего язычества. Вот что пишет прот. Андрей Ткачев: «Богатство – явление мистическое. В древние времена люди считали, что богатство – это явный признак богоугождения. Для того чтобы определить, кто грешен, а кто праведен, люди пользовались очень простыми критериями. Дети есть? – Есть. – Верблюды есть? – Есть. – Ослы есть? – Есть. – Ты праведник. Бог тебя наградил. Другого спрашивают: дети есть? – Нет. – Ослы есть? – Один. – Верблюды есть? – Сдох последний. – Дом есть? – Вот, перекосялся. – Значит, ты грешник. А как иначе определять? Люди были простые, все было “дешево и сердито”. В чем-то они были правы, но в основном ошибались. Потому что мы-то теперь знаем, что можно быть праведным и больным. Праведным и бедным. Праведным и одиноким. А можно быть неправедным и богатым. Неправедным и многодетным. Все это теперь бывает, мы это знаем»¹.

9. От «протестантской этики» к «естественному праву»

Сегодня, конечно, протестантизм уже не тот. Современный протестантский капиталист в своей повседневной жизни руководствуется лишь земными интересами. Фактически бессмертия души для него не существует; в лучшем случае он может на эту тему пофилософствовать, но для него «рай» и «ад» – лишь красивая сказка, метафора. Наличие капитала для него – «билет», который дает право на вход в «земной рай», а цифра, определяющая величину

¹ Прот. А. Ткачев. Беседы на Евангелие. О богатом юноше // Православный взгляд. № 6 (11), 2011.

этого капитала, указывает на то, в каком «сегменте» этого «земного рая» может находиться предъявитель «билета». Несколько веков назад было несколько иначе: наличие капитала рассматривалось в качестве «билета», дающего право на вход в «*небесный рай*»; величина капитала определяла, в каком «сегменте» или «ярусе» «небесного рая» окажется предъявитель «билета».

Конечно, в современной капиталистической деятельности религиозная мотивация человека сохраняется, но она уходит в сферу «подсознательного». Вот что пишет по этому поводу Ю. Бородай: «В соответствии с протестантской установкой, чтобы определить уровень нравственного достоинства, в США достаточно спросить: сколько стоит этот человек? Нам, православным, невдомек, что этот главный в США вопрос имеет не столько прагматическую, сколько глубоко религиозную значимость»¹.

В недрах кальвинизма (и протестантизма в целом) постепенно складывается система знаний и правил экономики (рационального использования) всех ресурсов, включая время, для достижения максимального денежного результата – прибыли. Наиболее законченный вид эта система обрела в рамках течения, называемого «методизм» (что-то вроде секты внутри протестантизма²). Позже система этих знаний и правил (наподобие детальных предписаний всех сторон жизни человека в иудаизме) обрела статус «экономической науки».

По мере развития капитализма даже «протестантская этика» становилась тормозом для такого развития. Перед протестантскими теологами и философами была поставлена непростая задача: полностью освободить носителя «духа капитализма» от каких-либо этических и религи-

¹ Ю. М. Бородай. Почему православным не годится протестантский капитализм? // Наш современник. 1990, № 10.

² Методизм сложился в первой половине XVIII века в Великобритании и Северной Америке на почве англиканства.

озных оков при сохранении его формальной принадлежности к протестантизму. Выход был найден путем новаторского переосмысления понятия «естественное право»¹. Таким «переосмыслением» занимались немецкий юрист и теоретик права Иоганн Алтузия (1557–1638) и голландский юрист, основоположник международного права Гуго Гроций (1583–1654). В сфере социально-экономических и политических отношений, по мнению последнего, главным ориентиром для принятия решений и оценки поступков человека главными критериями должны выступать не нравственные и религиозные нормы (справедливость, любовь, помощь ближнему, сострадание, сотрудничество и т.п.), а «целесообразность» и «польза» – высшие императивы «естественного права». При этом в сфере общественных отношений провозглашается еще один императив: «свобода человека». Что это за «свобода»?

Во-первых, это свобода от Бога и тех норм этики, которые вытекают из религиозных представлений. Бог не вмешивается в сферу действия «естественного права». Как подчеркивал Г. Гроций: «Естественное право... столь неизменно, что не может быть изменено даже самим Богом...»² Этот идеолог протестантизма считал, в частности, что объединение людей в государство состоялось не по воле Бога, а вследствие «естественной необходимости».

Во-вторых, это свобода «делать деньги». Как отмечает А. Ваджра, Г. Гроций «декларирует требования разума

¹ «Естественное право – «одно из широко распространенных понятий политической и правовой мысли, обозначающее совокупность или свод принципов, правил, прав, ценностей, продиктованных естественной природой человека и тем самым как бы независимых от конкретных социальных условий и государства. Е. п. выступало всегда как оценочная категория в отношении действующей в данном политическом обществе правовой системы и закрепляемого ею строя общественных отношений» (Естественное право // Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1972).

² История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О. Э. Лейста. М.: Юрид. лит., 1997. С. 165.

(императивы естественного права): защита имущества, возвращение полученной на время вещи и компенсация извлеченной из нее выгоды, обязанность соблюдения договоров, возмещение ущерба, а также наказание в соответствии с проступком. Как можно заметить, в данном случае имел место стандартный перечень необходимых условий торговой и финансовой деятельности»¹. Известный французский историк Люсьен Февр (1878–1956) писал по поводу появившегося на заре капитализма лозунга «свобода»: «Свобода, свобода; этим словом клянутся в Антверпене торгаши, жаждущие выгодных спекуляций; это слово повторяют капиталисты, сильные люди... это слово твердят в своем аугсбургском дворце несокрушимые и всевластные Фуггеры, чьи несметные богатства окружают их сиянием золотых легенд»².

Как известно, жизнь человека в христианской Европе всегда была в той или иной мере раздвоенной. Одна часть его жизни – религиозная, выражающаяся в том, что он посещает церковь по воскресеньям и в праздники, молится дома, исповедуется и причащается, крестит детей и отпевает умерших членов семьи и т.п. При этом он стремится, чтобы жизнь в его семье и при общении с родственниками и ближайшими соседями и друзьями выстраивалась строго на христианских принципах. Более или менее серьезные отклонения от этих принципов (то есть греховные поступки и даже мысли) добросовестным и богобоязненным христианином фиксируются в памяти, при этом он исповедует эти грехи.

Другая часть его жизни – хозяйственная, которая нередко оказывается большей по времени, чем первая

¹ А. Ваджра. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М.: АСТ: Астрель, 2007. С. 86.

² Люсьен Февр. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 206. Упомянутые Л. Февром Фуггеры – крупнейший, наряду с Вельзерами, купеческий и банкирский дом Германии XV–XVII веков, который вел дела по всей Европе и за ее пределами. Деятельность Фуггеров – высшая точка в развитии раннего европейского капитализма.

часть. В хозяйственной жизни человек вступает в отношения с другими людьми в качестве работника и работодателя, покупателя и продавца, кредитора и заемщика, истца и ответчика, заказчика и исполнителя, партнера по совместному труду и т.п. Хотя Христианская церковь формулировала этические нормы для выстраивания правильных отношений в хозяйственной сфере, даже в самые благополучные периоды истории христианства эти нормы очень слабо учитывались и исполнялись. Хозяйственная сфера оказывается автономной от церкви и религии. На протяжении многих веков существования христианства у людей сложилась система «двойных стандартов»: в семейно-бытовой сфере христианские нормы исполняются более или менее строго (собственно, это и есть религиозная сфера жизни человека); в хозяйственной сфере они исполняются намного хуже или не исполняются вовсе. Достаточно вспомнить средневековую Европу, в которой Католическая церковь устанавливала строгие ограничения и запреты на занятие ростовщичеством. Но они очень слабо исполнялись, причем их не исполняло в первую очередь само церковное начальство. В эпоху раннего христианства в обществе существовало рабство, но церковь достаточно спокойно относилась к этому явлению; многие даже искренне верующие христиане имели рабов и не собирались от них отказываться. Конечно, такая «раздвоенность» христианского сознания всегда создавала дискомфорт, тяготела над христианами (как клириками, так и мирянами), периодически это приводило к потрясениям в социально-политической и церковной жизни. Самое крупное такое потрясение – Реформация, которая была болезненной реакцией христианской Европы на грубое попрание самим святым престолом этических норм, относящихся к сфере социально-экономических отношений. Католицизм иногда искренне, а иногда лишь для виду пытался разными способами преодолевать эту «раздвоенность» путем раз-

работки христианских этических норм хозяйственной жизни и их практического внедрения в жизнь¹.

Выведение хозяйственной сферы за рамки религиозных норм, замена их императивами «естественного права» стало своеобразным способом преодоления этой «раздвоенности» христианского сознания². Кстати, в «старые добрые времена» экономику изучали как один из разделов христианской этики. В связи с протестантским открытием «естественного права» экономика почти полностью исчезла из учебников по этике, зато расцвела пышным древом различных самостоятельных «экономических дисциплин». Если раньше те или иные экономические действия (проекты) оценивались, прежде всего, с точки зрения их нравственности, то в эпоху «капиталистической эмансипации» экономики они стали оцениваться с точки зрения их коммерческой (финансовой) эффективности. На нравственную сторону экономических решений (действий) сегодня никто не обращает ни малейшего внимания. Ни в одном современном учебнике экономики мы не найдем даже намека на постановку вопроса об оценке экономических решений с нравственной точки зрения. Везде речь идет лишь о коммерческой (финансовой) эффективности. Авторы таких учебников, видимо, осознанно или неосознанно исходят из следующей посылки: «Что коммерчески эффективно (то есть прибыльно), то и нравственно».

¹ О подобной «раздвоенности» христианской жизни и христианского сознания достаточно обстоятельно пишет Н. В. Сомин в статье «Трансформация общества: очерк христианской социологии» (Интернет. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=114409>). Эту «раздвоенность», которая устойчиво существовала до капитализма в христианском обществе, он называет «своеобразным паритетом храмового христианства и экономического язычества». После прихода капитализма указанный «паритет» был сломан – в пользу «экономического язычества».

² Надо иметь в виду, что такое выведение хозяйственной жизни в сферу действия «естественного права» в протестантизме произошло не сразу же после того, как Г. Гроций и ему подобные заявляли о своих «открытиях». Это достаточно растянутый процесс, который в некоторых протестантских церквях еще не завершился до конца.

На полную «капиталистическую эмансипацию» экономики от норм христианской этики обратил внимание известный западный философ, социолог и социальный психолог Эрих Фромм (1900–1980). Он, в частности, писал: «Радикальный гедонизм и безудержный эгоизм не могли бы возникнуть как руководящие принципы экономического поведения, если бы в XVIII веке не произошло коренного изменения. В средневековом обществе, как и во многих других высокоразвитых и примитивных обществах, экономическое поведение определялось этическими нормами. Так, для теологов-схоластов такие экономические категории, как цена и частная собственность, были частью нравственной теологии... *В несколько этапов капитализм XVIII века претерпел радикальное изменение: экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей* (курсив мой. – В. К.)»¹.

Полное «отключение» экономической деятельности от христианской этики при капитализме стало еще одним серьезным поражением христианства на Западе.

10. Макс Вебер: мнимые и реальные заслуги

Из того, что мы сказали выше, можно заключить: теория происхождения капитализма, предложенная М. Вебером, искажает реальность. Современный исследователь капитализма С. В. Вальцев в связи с этим охарактеризовал Вебера словом «сказочник»². Мы не знаем, было ли это искажение результатом добросовестного заблуждения автора теории или же он действовал сознательно. Все сходится во мнении, что Вебер рассматривал капитализм как более совершенное общество по сравнению с предшествующим

¹ Э. Фромм. *Иметь или быть?* Киев, 1998. С. 196–197.

² С. В. Вальцев. *Закат человечества. Почему человечество вырождается?* 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Книжный мир, 2010. С. 274.

ему традиционным обществом, относился к капитализму с большой симпатией (хотя ради поддержания видимости «научной объективности» не афишировал свои субъективные пристрастия). Как бы то ни было, Вебер дал картину капитализма с «человеческим лицом». Его работа «Протестантская этика и дух капитализма» создает впечатление, что капитализм был «благословлен» христианством. Именно в этом ряд исследователей творческого наследия Вебера видят причину его сегодняшней популярности, которая, кстати, пришла к нему лишь через многие годы после смерти¹. Такого мнения, в частности, придерживается уже знакомый нам Н. В. Сомин: «Думается, что популярность теории Вебера заключается вовсе не в ее научных достоинствах. “Веберизм” как идеология оказался востребованным для оправдания капитализма. Суть этой идеологии в том, что, согласно ей, капитализм получает религиозное оправдание, причем оправдание, исходящее из самой основополагающей концепции христианства, — учения о спасении. Капитализм как бы получает благословение от христианства и тем самым принцип капиталистического накопления окрашивается в самые светлые моральные тона. По теории Вебера, “подлинный” капиталист — это верующий аскет, живущий очень скромно и вкладывающий всю прибыль в производство, причем делает это он не ради прибыли, а ради Бога. Столь “благообразное”, религиозное возникновение капитализма — слишком ценный подарок, чтобы от него отказаться. А потому весь современный Запад на все лады стремится доказать, что христианство благословило капитализм»².

¹ Сначала Вебер стал известен не в своей родной Германии, а в Америке, где его популяризации способствовал американский социолог, профессор Гарвардского университета Т. Парсонс (1902–1979).

² Н. В. Сомин. Учебное пособие по курсу «Экономические категории в Священном Писании и церковном учении». Лекция 10 «Влияние протестантизма на имущественную этику и экономическую теорию» (Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/posobie_10.htm).

Еще одна точка зрения на причину возросшей популярности Вебера: его теория пришла на место дискредитировавшего себя марксизма. Юрий Кузнецов в интересной статье, посвященной критике теории Вебера, заключает ее следующими словами: «...При всей научной, мягко говоря, небесспорности (а проще говоря, несостоятельности) тезиса Макса Вебера, его антикапиталистический заряд сегодня востребован и используется в полной мере, во многом заняв место дискредитировавшего себя марксизма»¹. С таким заключением согласиться нельзя. Внимательное прочтение работы Вебера «Капиталистическая этика и дух капитализма» позволяет заметить симпатии автора к капитализму (по возможности им скрываемые для придания книге «объективности»), никакого заряда «антикапиталистического духа» она не несет.

Несмотря на обилие справедливой критики в адрес Вебера, нельзя отрицать положительного вклада его работы «Протестантская этика и дух капитализма» в понимание истории, общества и экономики. До Вебера в исследовании капитализма доминировал так называемый экономизм: капитализм рассматривался преимущественно как экономическое явление и в расчет принимались лишь экономические факторы развития капитализма². Заслуга Вебера в том, что он четко заявил: *капитализм – не только и не столько экономическое, сколько духовно-религиозное явление*. Кстати, часто упоминавшаяся нами книга Зомбарта «Евреи и хозяйственная жизнь» появилась спустя шесть лет после выхода в свет труда Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Кто знает: может быть, именно Вебер подтолкнул Зомбарта к созданию альтернативной теории? Суть теории последнего проста: капитализм – детище религии евреев, или этики Торы.

¹ Ю. Кузнецов. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. http://www.sapov.ru/journal/2003-01/kuznetsov_weber.htm

² См.: П. Ульрих. Критика экономизма. М.: Вузовская книга, 2008.

В. Катасонов

КАТОЛИЦИЗМ И «ДУХ КАПИТАЛИЗМА»

Церквами христианскими... именуются, кроме Православной нашей Церкви, церковь латинская и многие христианские общества протестантские. Но ни латинской церкви, ни тем паче протестантских общин не следует признавать истинными Христовыми Церквами – потому что они несообразны с Апостольским Церкви Божией устройением.

Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный ее грех – страсть ковать новые догматы... Латиняне повредили и испортили Святую Веру, Святыми Апостолами преданную...

Святитель Феофан Затворник¹

У современной деловой экономики есть положительные стороны. Основа ее – свобода человека, осуществляемая в экономической сфере.

Папа Иоанн Павел II²

1. Католицизм: противостояние «духу капитализма»

Было бы неправильно говорить, что духовные корни капитализма лежат лишь в иудаизме и протестантизме. Именно такова на сегодняшний день общепринятая точка

¹ Феофан Затворник. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1892. С. 230–232.

² Centessimus Annus // 100 лет христианского социального учения. М.: Дом Марии, 1991. С. 46.

зрения тех, кто занимается исследованием капитализма как духовно-религиозного явления. Они забывают про католицизм, который также внес свою лепту:

во-первых, в подготовку почвы для появления капитализма в странах Европы в Средние века;

во-вторых, в формирование некоторых особенностей капитализма уже в Новое и Новейшее время (особенно в тех странах, где католицизм остался главной религией).

На протяжении многих веков (еще до формально зафиксированного в 1054 году раскола единой Христианской Церкви на западную – Католическую и восточную – Православную) Западная церковь занимала достаточно автономную, независимую позицию, развивая свое собственное богословие и хозяйственную этику. Вопросы экономической жизни достаточно обстоятельно исследовались в школе канонистов¹; наиболее известный ранний представитель этой школы – Блаженный Августин (354–430). Его взгляды на сферу хозяйственных отношений базировались на учении о богатстве и бедности, труде, благотворительности святых отцов раннего христианства, а также трудах античных философов (в первую очередь Аристотеля). Некоторые моменты их учения Августин подверг достаточно детальному схоластическому рассмотрению.

Однозначно греховным почиталось взимание процента по ссудам (ростовщичество), и в этом вопросе позиция Августина полностью совпадала с позицией христианских и античных предшественников, а также живших и творивших в это же время великих учителей Восточной Церкви Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Столь же греховной, по мнению Августина, считалась прибыль от крупных торговых операций. Неприемлемость процента и торговой прибыли объяснялась тем,

¹ Канонисты – лица, занимавшиеся в древности собиранием, истолкованием и кодификацией церковных канонов; представители науки канонического, или церковного, права.

что их получение основывалось не на личном труде и при этом зачастую превращалось в самоцель. Вводилось понятие «справедливой» цены, которая складывалась в результате честной торговли на основе свободного волеизъявления обеих сторон сделки. Идеально «справедливой» была такая цена, при которой ни одна из сторон не получала преимуществ (эквивалентный обмен). При «справедливой» цене трудовые и материальные издержки купца должны включаться в цену товара, а торговая прибыль должна равняться нулю.

Блаженный Августин был, по сути, предшественником возникшей в XVIII веке теории трудовой стоимости (в рамках «классической» политической экономии)¹. Он считал, что источником богатства является лишь труд. Поэтому материальные блага должны принадлежать тем, кто их создает своим трудом. Нетрудовое накопление богатства (через ростовщический процент, торговую прибыль) он называл «искусственным», или греховным, богатством. Развивая учение о труде, Августин считал, что любой труд важен для общества, физический и умственный труд должны быть равноценными. Распределение материальных благ «по труду» должно предотвращать сильную социально-имущественную дифференциацию людей в обществе.

Деньги являются искусственным предметом, который служит лишь в качестве средства товарного обмена, они не должны накапливаться и превращаться в «искусственное» богатство. Такое накопление денег создает соблазн для занятий ростовщичеством.

¹ Теория трудовой стоимости – теория, согласно которой единственным источником благ и стоимости (с помощью которой измеряются эти блага) является труд человека. В наиболее завершенном виде эта теория была сформулирована представителем классической политической экономии Давидом Рикардо (1772–1823) в его работе «Начала политической экономии и налогового обложения» (Соч. Т. 1. М., 1955). Данная теория была полностью воспринята К. Марксом в его «Капитале».

Еще раз подчеркнем, что экономические взгляды Блаженного Августина в целом совпадали с взглядами святых отцов Восточной Церкви, отличаясь в некоторых моментах даже большей жесткостью (в частности, по вопросу торговой прибыли).

На протяжении многих веков в Западной церкви проповедовались принципы нестяжательства и благотворительности, порицалось богатство и превозносилась бедность, не одобрялась частная собственность и поощрялась общая (коллективная), осуждались (и даже преследовались) ростовщичество и масштабная (оптовая) торговля. Заметный вклад в экономическую доктрину Западной церкви внесли «Декреты» болонского монаха Грациана (составлены в 1139–1142 гг.), по которым несколько столетий (до середины XVI века) в Западной Европе изучали каноническое право. В них говорится, что разделение благ на «мое» и «чужое» – установление так называемого позитивного закона (нормы жизни падшего человечества). А вот общность имущества – норма так называемого естественного закона (соответствующего безгреховному началу, заложенному Богом в человеке). Естественно, что Католическая церковь рассматривала вторую форму собственности как христианский идеал, призывая своих членов к его практической реализации.

Наиболее последовательно нормы «естественного» закона внедрялись и исполнялись в монашеских орденах. Основатель западного монашества Бенедикт Нурсийский (†512 г.) запретил своим монахам употреблять слово «мое» и велел всегда говорить «наше». В различных монашеских орденах (доминиканцы, августинцы, цистерцианцы, францисканцы и др.) провозглашалась общность имущества, полностью (или частично) запрещалась личная собственность, в обязанность вменялись занятие телесным трудом, аскетизм и т.п.

2. Грехопадения Западной церкви

И в сфере теологии (богословия), и в сфере практической церковной политики католицизм после отделения от Православной Церкви¹ пошел по пути мелких (на первый взгляд, не очень видимых) реформ, уступок, послаблений, которые и подготовили условия для Реформации.

Чем обусловлены были эти уступки и послабления?

Во-первых, давлением реальной жизни: капитализм явочным порядком появлялся и укреплялся в Европе; например, появление капиталистических городов-полисов в Южной Италии.

Во-вторых, тем, что Католическая церковь вынуждена была заниматься хозяйством (особенно крупные монастыри). Слишком жесткие ограничения и запреты мешали самой церкви осуществлять такую хозяйственную деятельность. Прежде всего – запреты (или ограничения) на частную собственность, доходы от аренды земли и другого имущества, использование наемного труда, выдачу и получение кредитов.

В-третьих, стремлением римского престола усилить свое политическое влияние на королей и князей. Для этого нужны были деньги, причем немалые. Ведением обычного монастырского хозяйства таких денег не заработаешь. Большие деньги тем более требовали снятия церковных ограничений (или закрытия глаз на нарушения этих ограничений). Большие деньги церковь могла получать (и получала), используя преимущественно два средства: ростовщичество и торговлю индульгенциями.

Наиболее наглядно расхождения между тем, что проповедовала Западная церковь, и тем, что происходило в реальной жизни христианской Европы, видно на примере ростовщичества. Официальная позиция церкви в отношении

¹ Формальное отпадение Западной (Католической) церкви от православия датируется 1054 годом. Вместе с тем первые «трещины», приведшие к такому отпадению, появились уже в IX веке.

ростовщичества – самая непримиримая, жесткая и где-то даже жестокая. Несмотря на расхождения между Восточной и Западной церквями в догматической сфере, в вопросе ростовщичества принципиальных отличий у них не наблюдалось. Восточная и Западная церкви руководствовались решениями Вселенских соборов. Первый (Никейский) собор 325 года запретил заниматься ростовщичеством духовным лицам. Позднее запрет был распространен и на мирян.

В Западной церкви вопросу ростовщичества, пожалуй, уделялось даже больше внимания, чем в Восточной. Там ростовщичество приравнивалось к греху содомии. На Западе еще во времена раннего Средневековья появилась фраза: «*Pecunia pecuniam non parit*» – «**Деньги не порождают деньги**». Католические схоласты также разъясняли: получение процентов, которые начисляются с учетом срока кредита, – это фактически торговля временем, а время принадлежит только Богу, следовательно, ростовщичество есть посягательство на Бога. Ростовщик грешит непрерывно, так как даже во время его сна происходит приращение процентов. В 1139 году Второй Латеранский собор постановил: «Кто берет проценты, должен быть отлучен от церкви и приниматься обратно может только после строжайшего покаяния и с величайшей осторожностью. Взимателей процентов нельзя хоронить по христианскому обычаю». В 1179 году папа Александр III **запрещает процент** под страхом лишения причастия. В 1274 году папа Григорий X устанавливает более строгое наказание – изгнание из государства. В 1311 году папа Климент V вводит наказание в виде полного отлучения от церкви.

Однако параллельно происходили другие процессы. Крестовые походы, начавшиеся в 1095 году, дали мощный толчок обогащению церковной верхушки за счет полученной крестоносцами добычи. В этом смысле особенно знаменателен Четвертый крестовый поход, апогеем которого было разграбление Константинополя (столицы Ви-

зантии) в 1204 году. По разным оценкам, стоимость добычи от этого разграбления составила от 1 до 2 млн марок серебром, что превышало тогдашний годовой доход всех европейских государств¹.

Резкий рост доходов церковной иерархии привел к тому, что у церкви появились возможности давать деньги в рост. Также надо иметь в виду, что такие доходы приучили священство к высоким стандартам потребления (проще говоря, – к роскошной жизни); поэтому в тех случаях, когда доходы падали, оно стремилось компенсировать такие падения заимствованиями.

Особенно резким контрастом на фоне церковных запретов ростовщичества выглядела финансово-ростовщическая деятельность ордена храмовников, или тамплиеров. Примечательно, что первоначально этот орден назывался «Нищие рыцари» (1119). После папского благословения и освобождения от налогов в 1128 году рыцари ордена стали называться храмовниками, или тамплиерами². Историки утверждают, что рыцари ордена в бедности пребывали недолго. Одним из источников их богатства была добыча, полученная в результате разграбления Константинополя в 1204 году (кстати, еще раз тамплиерам удалось пограбить город спустя сто лет, в 1306 году). Другим источником доходов ордена были добровольные пожертвования. Например, Альфонс Спорщик, король Наварры и Арагона, завещал тамплиерам часть своих имений. Наконец, уходя в крестовые походы, рыцари-феодалы передавали свое имущество под наблюдение (как сейчас сказали бы – в трастовое управление) братьев-тамплиеров.

¹ О. Н. Четверикова. Ватикан и финансы: о роли католицизма в формировании современного капитализма // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/22/vatikan_i_finansy_o_rol_i_katolicizma_v_formirovanii_sovremennogo_kapitalizma/

² Название связано со Вторым Иерусалимским храмом. Штаб-квартира ордена находилась в Иерусалиме около развалин указанного храма (разрушенного римлянами в 70 году н.э.).

Однако назад имущество забирал лишь один из десяти: одни рыцари погибали, другие оставались жить в Святой Земле, третьи присоединялись к ордену (и их имущество по уставу становилось общим). Орден имел разветвленную сеть опорных пунктов (командорий) по всей Европе (всего более 9000 командорий). Было также несколько штаб-квартир, которые назывались «тампли». Две основные штаб-квартиры находились в Лондоне и Париже.

Тамплиеры занимались самыми разными финансовыми операциями: расчетами, обменом валют, переводом средств, доверительным хранением имущества, депозитными операциями и т.п. Однако на первом месте у них находились кредитные операции. Кредиты выдавались как сельскохозяйственным производителям, так и (в первую очередь) князьям и даже монархам. Тамплиеры были более конкурентоспособны по сравнению с еврейскими ростовщиками. Они выдавали кредиты для «солидных заемщиков» под 10% годовых. Еврейские ростовщики в основном обслуживали мелких клиентов, и цена их кредитов составляла примерно 40%.

Как известно, орден тамплиеров был разгромлен в начале XIV века французским королем Филиппом IV Красивым, в этом ему помогал папа Климент V. У тамплиеров удалось изъять более 1 млн полновесных ливров (для сравнения: постройка одного рыцарского замка средних размеров обходилась тогда в одну-две тысячи ливров). И это при том, что значительную часть средств ордена перед его разгромом тамплиерам удалось эвакуировать за пределы Франции¹.

¹ А. Ваджра. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М: АСТ: Астрель, 2007. Глава 2 «Итальянские города-государства»; К. Мямлин. Системное ростовщичество. От Средневековья до наших дней. Часть 1 // Интернет. Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/istoriya_finansov/sistemnoe_rostovshchичество_ot_srednevekovya_do_nashikh_dney_tampliyery_rytsari_rostovshchiki/; О. Н. Четверикова. Ватикан и финансы: о роли католицизма в формировании современного капитализма // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/22/vatikan_i_finansy_o_rol_i_katolicizma_v_formirovanii_sovremennogo_kapitalizma/

Ростовщичеством в средневековой Европе занимались не только тамплиеры, но и многие другие лица, которые формально принадлежали к Католической церкви. Речь идет прежде всего о ростовщиках, конторы которых находились в таких городах Италии, как Ломбардия, Венеция и Генуя. Некоторые историки считают, что итальянские банкиры Средних веков – потомки тех ростовщиков, которые существовали в этих местах еще в эпоху Римской империи и относились к «латинам». В Древнем Риме ростовщичеством занимались не римские граждане, а «латины», которые имели усеченные права и обязанности. В частности, на них не распространялись римские законы о наказаниях за ростовщичество¹.

Уже в XIII веке банки были в любом сколь-нибудь крупном итальянском городе. «К 1250 году в каждом большом итальянском городе было не менее дюжины крупных торговых и банковских фирм; в одной Флоренции их насчитывалось 80»². Капиталы, необходимые для занятий ростовщичеством, предприниматели сумели заработать на международной торговле. Говоря о средневековой Венеции, А. Ваджра подчеркивает, что первоначальное накопление капитала ее купцы сумели осуществить благодаря своему уникальному положению между Византией и Западной Римской империей: «Политически лавируя между Византийской и Западной Римской империями, она (Венеция. – В. К.) захватила под свой контроль основные товарные и денежные потоки того времени»³. Многие итальянские купцы превратились в банкиров, впрочем не оставляя прежнего торгового дела⁴.

¹ Впрочем, многие еврейские авторы считают, что итальянские банкиры того времени были преимущественно евреями, которые пришли в Италию уже в Средние века. Об этом пишет, например, Л. Поляков в «Истории антисемитизма» и С. Дубнов в «Краткой истории евреев».

² А. Ваджра. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М: АСТ: Астрель, 2007. С. 67.

³ Там же, с. 69.

⁴ Подробнее см.: К. Мямлин. Системное ростовщичество. От Средневековья до наших дней. Часть 1 // Интернет. Режим доступа: http://communitarian.ru/publikacii/istoriya_finansov/sistemnoe_rostovshchичество_ot_srednevekovyya_do_nashikh_dney_tamliery_rytsari_rostovshchiki/

Между итальянскими банкирами и папским престолом сложились очень деловые, «творческие» отношения. Банкиры активно кредитовали папу и его окружение, а римский престол «прикрывал» этих банкиров. Прежде всего он закрывал глаза на нарушение ими запретов на занятие ростовщичеством. Банкиры со временем стали кредитовать священство по всей Европе, а римский престол использовал свой «административный ресурс», заставляя своих подчиненных в полном объеме выполнять свои обязательства перед банкирами. Он также оказывал давление на феодалов-должников, угрожая им «отлучением от церкви» в случае невыполнения обязательств перед кредиторами. Среди банкиров, кредитовавших престол, особенно выделялись флорентийские дома Моцци, Барди и Перуцци. Однако в 1345 году они обанкротились, причем последствия банкротства распространились далеко за пределы Италии. По сути, это был *первый мировой банковский и финансовый кризис*. Примечательно, что он разразился в католической Европе еще задолго до Реформации и появления протестантизма с его «духом капитализма».

Английский король Эдуард III **влез в большие долги** перед флорентийскими банкирскими домами в связи с тем, что ему потребовалось оплачивать расходы по ведению войны против Шотландии (фактически с этого началась так называемая Столетняя война). Эдуард III проиграл войну и вынужден был выплачивать контрибуции. Опять-таки эти выплаты осуществлялись за счет кредитов, полученных от итальянских банкиров. Кризис возник в результате того, что в 1340 году король отказался выплачивать свой долг флорентийским банкирам. Сначала лопнули банкирские дома Барди и Перуцци, а затем обанкротилось еще 30 связанных с ними компаний. Кризис распространился на всю Европу. Это был не только банковский кризис. «Дефолты» также объявили папская курия, Неаполитанское королевство, Кипр, ряд других

государств и королевств. После этого кризиса место обанкротившихся кредиторов папского престола заняли известный банкирский дом Козимо Медичи (Флоренция) и банкирский дом Франческо Датини (Прато).

Говоря о банковской деятельности в средневековой Европе, нельзя забывать, что банки наряду с активными (кредитными) операциями стали все активнее развивать пассивные операции – привлечение средств на депозитные счета¹. При этом владельцам таких счетов выплачивались проценты. Это дополнительно развращало христиан, формируя у них сознание буржуа-рантье, желающего, подобно ростовщику, не трудиться, а жить на проценты.

Выражаясь современным языком, итальянские города-государства были в средневековой католической Европе своеобразными офшорами. И не только в финансово-экономическом смысле (особый режим налогообложения и т.п.), но также в религиозно-духовном смысле. Это были «островки» Европы, где нормы хозяйственной этики католицизма не действовали или действовали в очень усеченном виде. По сути это были уже «островки капитализма», которые разными способами заражали «духом капитализма» всю католическую Европу.

Известный немецкий историк, основоположник геополитики Карл Шмитт писал о политической, экономической и духовно-религиозной уникальности Венеции (на фоне средневековой Европы) следующее: «Почти половине тысячелетия республика Венеция считалась символом морского господства и богатства, выросшего на морской торговле. Она достигла блестящих результатов на поприще большой политики, ее называли “самым диковинным

¹ Как пишет Андрей Ваджра, «именно денежные магнаты итальянских городов-государств Средневековья заложили технологическую основу финансовой системы Запада, сформулировав ее главные принципы и правила. После древних римлян они стали первыми, кто осуществлял депозитную банковскую деятельность...» (А. Ваджра. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. М: АСТ: Астрель, 2007. С. 67).

созданием в истории экономики всех времен”. Все, что побуждало фанатичных англоманов восхищаться Англией в XVIII–XX веках, прежде уже было причиной восхищения Венецией: огромные богатства, преимущество в дипломатическом искусстве... толерантность в отношении религиозных и философских взглядов, прибежище свободолобивых идей и политической эмиграции»¹.

Итальянские города-государства с их «духом капитализма» дали толчок хорошо известному Возрождению, которое проявило себя как в искусстве, так и философии. Возрождение, как пишется во всех учебниках и словарях, – система светских гуманистических взглядов на мир на основе возврата к культуре и философии античного мира. Отсюда можно заключить, что это возрождение античного язычества и отход от христианства. Возрождение (Ренессанс) внесло немалый вклад в подготовку условий Реформации. Как точно заметил О. Шпенглер, «Лютера можно объяснить только Ренессансом...»².

Трудно переоценить развращающее влияние ростовщичества на христианское сознание средневекового европейца. Вот что по этому поводу пишет исследователь католицизма О. Н. Четверикова: «Таким образом, крепко связав себя с ростовщичеством, римская курия сделалась по существу олицетворением и заложницей коммерческих сделок, в интересах которых нарушалось и право, и закон. *При официальном запрете на процент последний превратился в главный стержень всей финансовой системы католицизма, и этот двойной подход роковым образом сказывался не только на развитии экономики, но и, самое главное, на со-*

¹ К. Шмит. Земля и море: Созерцание всемирной истории // Интернет. Режим доступа: <http://evrazia.info/article/100>

² О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. С. 63. Кстати, это признает и М. Вебер: «Крупнейшие представители пуританизма глубоко восприняли идейное богатство Возрождения – проповеди представителей пресвитерианского крыла этого движения пестрят классицизмами» (М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 195).

знании западного человека. В условиях полного расхождения между учением и практикой происходило раздвоение общественного сознания, при котором следование нравственным нормам принимало чисто формальный характер»¹.

Впрочем, ростовщичество было не единственным греховным делом, которым в Средние века занимались полуполюгально (или полуооткрыто) католики, как рядовые, так и принадлежащие к церковной иерархии. Последние активно занимались так называемой симонией – торговлей церковными должностями. Один из епископов Флера следующим образом описал механизм обогащения церковной иерархии с помощью симонии: «Архиепископ приказал мне для получения епископской должности передать 100 золотых су; если бы я не передал ему, я бы не стал епископом... Я дал золото, получил епископство и в то же время если я не умру, то вскоре компенсирую свои деньги. Я рукополагаю священников, посвящаю в диаконы и получаю золото, оттуда ушедшее... В церкви, являющейся собственностью одного только Бога, нет почти ничего, что не давалось бы за деньги: епископство, священство, дьяконство, низшие звания... крещения»². Дух сребролюбия, стяжательства и лихоимства проник и прочно обосновался внутри церковной ограды в Западной Европе. Очевидно, что случаи, подобные тому, который описал епископ Флера, были не единичными, а массовыми. Они способствовали распространению этого духа во всем западноевропейском обществе. Одновременно они подрывали доверие к Католической церкви, вызывали недовольство среди прихожан и части рядового священства. В католицизме вызревал кризис, который закончился Реформацией.

¹ О. Н. Четверикова. Ватикан и финансы: о роли католицизма в формировании современного капитализма // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/22/vatikan_i_finansy_o_rol_i_katolicizma_v_formirovanii_sovremennogo_kapitalizma/

² Цит. по: Там же.

3. Фома Аквинский: смена экономических парадигм церкви

Разговор на тему о трансформации западного христианства выходит за рамки нашей работы, это тема для историков – прежде всего историков Христианской церкви и историков религии в целом. Здесь мы отметим лишь четыре идейные уступки (под уступками мы имеем в виду отход от традиционных установок христианства), которые имели самое непосредственное отношение к созданию условий для зарождения капитализма. Чтобы было понятно, в чем суть уступок, отметим, что в истории христианства существовало несколько хозяйственных парадигм.

Напомним, что означает слово «парадигма»: «Парадигма (греч. *paradeigma* – пример, образец) – 1) понятие античной и средневековой философии, характеризующее сферу вечных идей как первообраз, образец, в соответствии с которым бог-демиург создает мир сущего; 2) в современной философии науки – система теоретических, методологических и аксиологических установок, принятых в качестве образца решения научных задач и разделяемых всеми членами научного сообщества»¹. Применительно к рассматриваемому нами случаю под парадигмой понимаются некоторые ключевые положения (принципы) хозяйственной этики. Такие парадигмы могут разделяться всеми членами церкви по умолчанию или фиксироваться в решениях церковных органов (например, в решениях церковных соборов). В хозяйственных парадигмах отражаются принципы (правила) христианского отношения к таким предметам, как богатство и бедность, формы собственности, труд и трудовые отношения, благотворительность, деньги, ростовщичество, торговля и цены и т.п. В работах Н. В. Сомина по христианской хозяйственной этике выде-

¹ Интернет. Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/6/207/770924.html>

ляется три основные парадигмы отношения христианства к богатству и собственности:

- 1) «святоотеческая»;
- 2) «умеренная»;
- 3) «протестантская».

Первая из них предполагает неприятие богатства, отвержение частной собственности, общность имущества в рамках христианских общин. Вторая исходит из допустимости богатства (при условии правильного к нему отношения) и предпочтительности частной собственности (при условии соблюдения принципа социальной справедливости). Третья рассматривает богатство как цель и идеал человека, частную собственность рассматривает как единственно допустимую¹.

Если исходить из такой классификации, то в Западной церкви до Фомы Аквинского преобладала «святоотеческая» парадигма собственности. После него вплоть до Реформации доминирующей стала «умеренная» доктрина. После появления протестантизма в его лоне появилась «протестантская» парадигма собственности. В католицизме, как мы ниже покажем, до XX века доминирующей оставалась «умеренная» доктрина. Сегодня католицизм «умеренную» доктрину фактически сменил на «протестантскую» доктрину.

Существовавшие парадигмы нашли свое отражение в трудах по хозяйственной этике наиболее известного в те времена католического богослова Фомы Аквинского (1225–1274)², а также его последователей.

1. *Уступка в понимании богатства и бедности.* До Фомы Аквинского социальным идеалом Западной церкви была бедность, он же придал бедности и богатству рав-

¹ См.: Н. В. Сомин. Экономические категории в Священном Писании и церковном учении. Курс лекций. Лекция 6 «Основные парадигмы христианского отношения к хозяйственной сфере» // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/posobie_6.htm.

² Основная его работа на эту тему называется «Сумма теологии».

ный статус (с традиционной оговоркой, что богатство не вредно, если к нему не привязываться сердцем). Большое внимание в работах Фомы Аквинского уделяется средствам накопления богатства – через рационализацию всех сторон жизни. В конечном счете этот рационализм способствовал формированию капиталистического менталитета европейцев. Особой критике подвергалось расточительное поведение человека, пропагандировалась идея «разумной экономии». Среди основных грехов особенно выделялся грех праздности (со ссылкой на то, что происходит бесполезная растрата самого главного блага человека, полученного им от Бога, – времени).

2. *Уступка в вопросе частной собственности.* До Фомы Аквинского христианским социальным идеалом выступала общность имущества (учение, которое берет свое начало от Иоанна Златоуста и других святых отцов первых веков христианства). Фома Аквинский, формально не отбрасывая принцип «общности имущества», внес в него совершенно иное понимание: это не общественная (нераздельная коллективная) собственность, а обособленная, то есть частная собственность, причем она должна быть более или менее равномерно распределена среди всех членов общества. Ф. Аквинский не только допускает частную собственность, но считает ее предпочтительной: «Человеку позволительно владеть благами на правах собственности. Это даже необходимо для человеческой жизни по трем причинам. Во-первых, каждый человек больше заботится о том, что является его собственностью, чем о том, что принадлежит всем или многим; действительно, в этом случае каждый избегает усилий и предоставляет другим заботу об общем благе. Во-вторых, в управлении благами больше порядка, когда забота о каждой вещи доверена одному человеку, тогда как был бы полный беспорядок, если бы все занимались всем. В-третьих, мир между людьми лучше гарантируется, если каждый довольствуется тем, что име-

ет; действительно, мы констатируем частые ссоры между теми, кто владеет вещью сообща и нераздельно»¹.

3. *Уступка в вопросе о ссудном проценте. Одобрение капиталистической прибыли.* Она была продиктована необходимостью легализовать ростовщическую деятельность, которую практиковала Католическая церковь очень широко и которая, в конечном счете, укрепляла ее политическую власть в Европе². Было произведено деление ссудных операций на «справедливые» и «несправедливые», «дозволенные» и «недозволенные». К «несправедливым» и «недозволенным» операциям относились ссуды на приобретение товаров и иных благ для личного потребления – потребительские кредиты. Такие ссуды не развивают экономику, усиливают паразитизм ростовщиков, разоряют должников. А вот «справедливыми» и «дозволенными» считались ссуды, за счет которых их получатели могли бы осуществлять свои коммерческие и производственные проекты; кредитор получает право на часть прибыли от проекта; процент может также рассматриваться как плата за риск возможной потери денег. Признавая законность некоторых ссудных операций под процент, Фома Аквинский одновременно признал законность прибыли на капитал. «Справедливые» ссуды способствуют развитию экономики, появлению инициативных и предприимчивых людей в обществе (в противовес вялым, праздным и ленивым ростовщикам прошлого).

4. *Уступка в вопросе о «справедливых» ценах.* До Фомы Аквинского «справедливыми» рассматривались цены, которые покрывали издержки производства и не давали продавцу торговой прибыли (так называемая естественная цена). Фома Аквинский расширил понятие

¹ Цит. по: Жан Канапа. Социальная доктрина церкви и марксизм / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1964. С. 77.

² Подробнее об этом см.: А. С. Пасынков. Феномен ростовщичества. Глава «Тайна тамплиеров, Черная чума, Колумб и флорин» // Интернет. Режим доступа: http://samlib.ru/p/pasynkow_a_s/usurydata.shtml

«справедливой» цены: таковой может быть и цена, обеспечивающая продавцу «нормальную» торговую прибыль («законная», или «нормальная рыночная» цена). Недопустимой оставалась лишь цена, обеспечивающая продавцу спекулятивную прибыль («спекулятивная» цена).

Этическое учение Фомы Аквинского ставило своей целью воспитание Европы с упором на такие качества человека, как: благоразумие, память, рассудок, изобретательность, предприимчивость, осмотрительность, предвидение, осторожность. Все это, естественно, в достаточной «умеренных дозах» и под прикрытием крайне осторожных формулировок.

Многие вполне справедливо обращают внимание на двойственность, противоречивость, непоследовательность экономической доктрины католицизма. Фактически такая доктрина уже поощряла развитие капитализма и духа предприимчивости, но при этом ее авторы (Фома Аквинский и его последователи) постоянно подчеркивали необходимость соблюдения «этических норм». Например, очень осуждался обман в торговле, поддерживался принцип милосердия и социальной справедливости и т.п. Как бы там ни было, но экономическая доктрина католицизма уже позволила наполовину легализовать «дух капитализма» в Европе – еще до того, как на свет появился протестантизм¹.

4. «Католическая этика» и «дух капитализма»

Макс Вебер с его «Протестантской этикой и духом капитализма» все заслуги по строительству капитализма отнес на счет протестантизма. Однако «заслуга» католицизма в данном случае не меньшая.

¹ См.: С. А. Толкачев. Этически ориентированная модель капитализма в католицизме // Интернет. Режим доступа: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/174313>

Сначала влияние католицизма на формирование «духа капитализма» было трудноразличимым. Одна из «заслуг» католицизма – формирование *рационалистического мышления* у средневекового человека. Схоластика католицизма – исходный пункт рационализма материалистического мировоззрения современного «экономического человека». Первоначально рационализм рассматривался как чисто рассудочный метод изучения и объяснения Священного Писания, сводящий даже мистическое и иррациональное к логическим построениям. Считается, что основоположником рационализма был французский католический богослов Абельяр (1079–1142). Позднее рационализм стал использоваться как универсальный метод познания мира, полагающийся лишь на рассудок и отметающий любой чувственный опыт, противоречащий рассудку. О рационализме как важнейшем атрибуте капиталистического сознания много и убедительно писали наши славянофилы. Приведем, например, рассуждение Константина Леонтьева: «Люди захотели приложить теорию рассудка к жизни, к политической и социальной практике. Всякая мистическая ортодоксия не рациональна; неограниченная власть одного не рациональна; наследственная привилегированная аристократия, дворянство и т.д. не рациональны. Все это – мистическое, наследственное и т.д. ограничило и уничтожило. Но так как равенства полного достичь при этом не могли, то явилось, как логическое неизбежное последствие – преобладание капитала, торжество буржуазии и т.д. Ведь это преобладание при поверхностном взгляде кажется даже гораздо более рациональным, чем мистические и наследственные привилегии. Так как люди не равны способностями, умом, терпением, твердостью, физической силой, то пусть более сильные, терпеливые, умные, твердые и выдвигаются – богатея. Вот всем известное оправдание для буржуазного общества и капитализма. Рядом с

этим рациональным усилением капитализма (которому до начала ассимиляционной революции мешало преобладание духовенства, монархов и дворянства) стало возрастать и другое детище того же рационализма – точная наука, механика, физика, химия, техника. Рационализм точных и прикладных знаний естественно вступил в теснейший союз с рационализмом капитала»¹.

Современный исследователь капитализма и критик Вебера Ю. Кузнецов подчеркивает, что «заслуга» формирования у европейцев рационалистического сознания принадлежит не протестантизму (как это ошибочно полагал Вебер), а именно католицизму: «Хотя нельзя не признать, что протестантизм (особенно в кальвинистской форме) способствовал распространению рационализма, ему не принадлежит ни первенство, ни ведущая роль в этом деле. Гораздо большее значение для утверждения престижа и навыков рассудочного мышления имела ранняя и поздняя схоластика»². Кстати, под влиянием рационализма хозяйственная деятельность человека и общества как объект изучения превратилась в самостоятельную «науку», которая очень быстро порвала всякие связи с богословием³.

Выше мы уже отметили: «дух капитализма» прочно поселился внутри церковной ограды католицизма (занятия ростовщичеством, симония, торговля индульгенциями). Кроме того, католические богословы (начиная с

¹ К. Н. Леонтьев. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 651–652.

² Юрий Кузнецов. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. http://www.sapov.ru/journal/2003-01/kuznetsov_weber.htm

³ До этого хозяйственная деятельность изучалась преимущественно в рамках нравственного богословия (хозяйственная этика). О влиянии рационализма на формирование самостоятельной «экономической науки» на Западе писал известный представитель австрийской экономической школы Мюррей Ротбарт: Rothbard M. N. *Economic Thought before Adam Smith (An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. Volume 1)*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 1995 (главы 2–4).

Фома Аквинского) начали перестраивать экономическую доктрину Западной церкви, делая ее более «толерантной» в отношении некоторых форм проявления «духа капитализма». О том, что Макс Вебер недооценил вклад католицизма в развитие капитализма в Европе, пишет современный исследователь католицизма О. Н. Четверикова: «Как известно, в экономической истории твердо закрепилось положение Макса Вебера о том, что идейно-духовной основой капитализма явилась протестантская этика в ее кальвинистском варианте, давшая религиозное обоснование права на получение прибыли и способствовавшая сакрализации предпринимательства. Действительно, учение Кальвина представляло собой открытое оправдание ростовщического процента и откровенный призыв к накоплению богатства, истолкованного как главное свидетельство Божьей избранности. Это подготовило почву для обособления экономических мотивов и интересов человека в отдельную сферу и их высвобождения из-под традиционного нравственного контроля, что привело в итоге к формулированию концепции “экономического человека”. Однако при популяризации веберовской идеи оставляли в тени более опасное явление – то скрытое оправдание и поощрение ростовщического процента и прибыли, которое очень рано утвердилось в Католической церкви и позволило ей создать *совершенную модель долговой экономики с отработанными механизмами финансового закабаления, легшую в основу банковской системы нового времени*»¹.

Историки экономики и хозяйственного права обращают внимание, что все *необходимые для развития капитализма методы и инструменты* уже были апробирова-

¹ О. Н. Четверикова. Ватикан и финансы: о роли католицизма в формировании современного капитализма // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/22/vatikan_i_finansy_o_rol_i_katolicizma_v_formirovanii_sovremennogo_kapitalizma/

ны и усовершенствованы в недрах католицизма. «Такие важнейшие интеллектуальные и институциональные инструменты капитализма, как бухгалтерия, основанная на принципе двойной записи, векселя, аккредитивы, вексельное и вообще торговое право, были созданы в католических странах»¹.

Кстати, многие исследователи истории капитализма выпускают из поля зрения такой важный момент, как появление в католической Европе *института «юридического лица»*. В хозяйственной жизни до этого присутствовали только физические лица, то есть отдельные личности, которые были субъектами экономических отношений. Эти субъекты должны были руководствоваться не только и не столько юридическими нормами, сколько нравственно-религиозными нормами. Последние были, как правило, более строгими, чем юридические нормы. Нравственно-религиозные нормы сковывали «дух капитализма» средневекового предприимчивого католика. Именно поэтому он стал использовать институт «юридического лица», который формально существовал еще в римском праве, но не получил в древнем мире сколь-нибудь значительного развития. Это некий абстрактный субъект хозяйства, который живет лишь по юридическим нормам, а нравственно-религиозные нормы на него не распространяются. Папа Римский Иннокентий IV заявил, что корпорации являются «фиктивными лицами». На Лионском соборе 1245 года, отвечая на вопрос, можно ли отлучить от церкви корпорацию, этот папа сказал, что всякое отлучение распространяется на душу и совесть, поэтому корпорации не могут быть отлучаемы от церкви, т.к. не имеют ни души, ни совести, ни воли,

¹ Юрий Кузнецов. Тезисы о Вебере. Протестантизм и генезис европейского капитализма // Интернет. http://www.sapov.ru/journal/2003-01/kuznetsov_weber.htm. См. также: Дж. Г. Берман. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Московского университета, 1994. Гл. 11.

ни сознания; они являются лишь отвлеченными понятиями (*nomen intellectuale*), правовыми наименованиями (*nomina sunt juris*), фиктивными лицами (*persona ficta*). «Юридическое лицо» стало очень удобным прикрытием для предприимчивого европейца, позволяя ему без зазрения совести нарушать нравственно-религиозные нормы. Юридическое лицо могло обманывать, эксплуатировать, доводить людей до нищеты, накапливать богатства и т.п., не неся никакой морально-религиозной ответственности перед другими людьми, обществом, церковью и Богом. Наиболее известные юридические лица позднего Средневековья и Нового времени – торговый дом Фуггеров в Германии, генуэзский банк св. Георгия, английские и голландские Ост- и Вест-Индские компании. Позднее появились корпорации¹ (юридические лица) с ограниченной гражданско-правовой ответственностью лиц, выступавших учредителями и владельцами корпорации (ответственность ограничивалась взносами учредителей, пайщиков, акционеров). Это позволяло таким лицам осуществлять разного рода сомнительные операции и сделки без риска потери личного имущества.

¹ Корпорация (от новолат. *corporatio* – объединение) – юридическое лицо, которое, будучи объединением физических лиц, при этом является независимым от них. В западной юридической науке и философии даже появились теории, согласно которым юридическое лицо имеет свою «душу» и свою «волю», но они несводимы к «душам» и «волям» отдельных людей, являющихся членами корпорации. В широком смысле под корпорацией можно понимать всякое объединение с экономическими целями деятельности. Учредители часто создают предприятия в форме акционерных обществ, и, поскольку в настоящее время эта форма предприятий преобладает, термин «корпорация» применяется как синоним термину «акционерное общество». Первые корпорации возникли в Древнем Риме. В период республики разрешалось свободное создание новых корпораций (коллегий), при условии, что их устав не противоречит законам, но в период империи создание новых корпораций было затруднено, и для этого требовалось специальное решение Сената. Дела корпорации вели лица, избираемые ее членами. Собственность корпорации при ее ликвидации делилась между составом участников на момент ликвидации.

Конечно, появившись на свет, протестантизм сразу заявил о себе как о религии, гораздо более радикальной (с точки зрения «духа капитализма»), чем католицизм. Протестантская модель капитализма оказалась более «конкурентоспособной» по сравнению с католической¹. Первая модель была практически наиболее последовательно реализована в таких странах, как Англия, США, Швейцария, Нидерланды. Там, как известно, капитализм развивался быстрее, чем в странах католических (Италия, Испания, Португалия).

5. Социальная доктрина католицизма: курс на сближение с протестантизмом

До конца XIX века католицизм на фоне протестантизма оставался на очень консервативных позициях по вопросам частной собственности, капиталистической эксплуатации, многих методов получения прибыли (например, монопольные цены), ссудного процента и т.п. К этому времени капитализм уже окончательно утвердился в Европе и Северной Америке, даже стал перерастать в свою высшую форму – монополистический капитализм. Противодействие развитию протестантского капитализма закончилось для римского престола поражением. Он перешел в оборону. Католицизм решил скорректировать свою социально-экономическую доктрину с учетом новых реалий. Суть корректив – придание капитализму «цивилизованных» форм, устранение наиболее вопиющих недостатков этого строя.

Важным событием в истории католицизма стало издание 15 мая 1891 года *папой Львом XIII энциклики «Rerum novarum»* («Новые вещи»)². В указанном документе

¹ Кстати, те же юридические лица с ограниченной ответственностью в массовом порядке стали появляться именно в протестантских странах.

² Римским престолом это событие оценивается как неординарное: 15 мая 1891 года считается днем рождения официальной социальной доктрины католицизма. После этого периодически стали выходить так

утверждалась незыблемость частной собственности, критиковались теории социализма, содержались призывы к преодолению классовых противоречий между работодателями и наемными работниками (фактически обосновывалась возможность существования и развития капитализма без таких противоречий), утверждалась необходимость более тесного вовлечения Католической церкви в решение социально-экономических вопросов.

Обратим внимание на энциклику папы Пия XI «*Quadragesimo Anno*» (1931), в которой сформулирована идея корпоративного строя как альтернативы существовавшему «классическому» капитализму. Этот строй предполагает организацию экономической жизни с помощью корпораций, в которых работники и работодатели на паритетных началах договариваются о заработной плате, условиях труда, ценах на производимую продукцию и т.п. Гарантом паритетного принципа выступает государство. Важным отличительным моментом корпоративного капитализма является резкое сужение сферы товарно-денежных отношений в силу того, что все перемещения сырья, полуфабрикатов, продуктов труда внутри корпорации осуществляются на безденежной основе, ведется лишь учет затрат труда и материальных ресурсов и результатов производства. Данная модель экономики была практически реализована в фашистской Италии и нацистской Германии, причем во второй на базе не христианства, а языческого национализма¹. «Корпоративная модель» экономики была

называемые социальные энциклики, которые развивали и корректировали социальную доктрину католицизма. Одна из последних социальных энциклик – «*Centessimus annus*» («Сотый год») – была издана папой Иоанном Павлом II в 1991 году в ознаменование столетия с момента появления на свет энциклики «*Regum novagum*».

¹ О корпоративном капитализме фашистского типа см.: История фашизма в Западной Европе. М.: Наука, 1978 (глава 3 «Фашистский корпоративизм и империализм. Крах фашистского режима в Италии»; глава 6 «Фашистский режим и развитие государственно-монополистического капитализма в Германии»).

дискредитирована, и после Второй мировой войны о ней уже не вспоминали. Н. В. Сомин пишет по поводу этой альтернативы «классическому» капитализму: «Естественно, что после разгрома фашизма говорить о “корпорациях” уже было нельзя. Мы зачастую недооцениваем один из итогов Второй мировой войны: капитализм на Западе пошел не “корпоративным”, а либерально-монетарным путем со всеми прелестями свободного рынка и надувания финансовых пузырей»¹.

В 1991 году в ознаменование столетия выхода в свет энциклики «*Regum novarum*» *папой Иоанном Павлом II* была издана социальная энциклика – «*Centessimus annus*» («Сотый год»). Этот документ стал важным событием в истории католицизма. Прежде всего в нем приветствовалось крушение «реального социализма» и обусловленный этим переход человечества к новому мировому порядку. Фактически крах «реального социализма», как отмечается в энциклике, означает доказательство преимуществ капитализма как социально-экономического строя, а также преимущество частной собственности перед общенародной формой. Энциклика апеллирует к понятиям либерализма – «свобода», «демократия», «права человека», «рынок» и т.п. Например: «У современной предпринимательской экономики есть положительные стороны. Основа ее – свобода, осуществляемая в экономической сфере». Признаются также и отрицательные стороны капиталистической экономики (отчуждение человека, увлечение потребительством в экономически развитых странах; эксплуатация человека в странах «третьего мира» и т.п.). Однако тон этой критики предполагает, что указанные недостатки вполне преодолимы в рамках капиталистической модели общества. Таким образом, католицизм до такой степени «усо-

¹ Николай Сомин. Трансформация общества: очерк христианской социологии // Сайт «Христианский социализм как русская идея» // Интернет. Режим доступа: Интернет. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=114409>

вершенствовал» свою социальную доктрину, что она стала мало отличимой от протестантской доктрины¹.

Подытоживая обзор развития экономической доктрины католицизма, следует отметить, что она прошла *три основных этапа*. Для краткого их описания сошлемся на работы по христианской хозяйственной этике отечественного автора Н. В. Сомина. Он выделяет три основные парадигмы отношения христианства к собственности – это: 1) «святоотеческая»; 2) «умеренная»; 3) «протестантская». Первая из них предполагает неприятие (греховность) богатства, бедность как идеал личной жизни, отвержение частной собственности, общность имущества в рамках христианских общин как идеал социальной жизни. Вторая исходит из допустимости богатства (при условии правильного к нему отношения, при условии благотворительности и милостыни) и предпочтительности частной собственности. Третья рассматривает богатство как цель и идеал человека, частную собственность рассматривает как единственно допустимую.

Если исходить из такой классификации, то в Западной церкви до Фомы Аквинского преобладала «святоотеческая» парадигма собственности. После него вплоть до Реформации доминирующей стала «умеренная» доктрина. После Реформации на Западе появилась «протестантская» парадигма собственности, но католицизм отчаянно с ней боролся; в католицизме еще на протяжении нескольких веков (по крайней мере, до середины XX века) доминирующей оставалась «умеренная» доктрина. К началу XXI века католицизм «умеренную» доктрину фактически сменил на «протестантскую» доктрину. Идейная «конвергенция» католицизма и протестантизма завершилась под знаменем капитализма.

¹ Подробнее о современной социальной доктрине католицизма см.: О. Н. Четверикова. Измена в Ватикане, или Заговор пап против христианства. М.: Эксмо, 2011.

В. Катасонов
**«ТЕОЛОГИЯ БОГАТСТВА»,
ИЛИ ФИНАЛ ХРИСТИАНСКОЙ
ИСТОРИИ ЗАПАДА**

Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие, ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся.

2 Тим. 3:1–5

**1. Капитализм
и кризис протестантизма**

Как известно, протестантизм появился в позднем Средневековье как результат Реформации, отпочковавшись от католицизма. С легкой руки немецкого социолога Макса Вебера протестантизм получил звание «капиталистического первопроходца». В книге под названием «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер объявил, что лишь благодаря протестантизму (особенно кальвинизму и пуританизму) капитализм появился на белый свет. Конечно, в таком тезисе содержится явное преувеличение. Мы уже писали об этих искажениях и о причинах того, почему эта версия рождения капитализма, созданная более века назад, до сих пор воспринимается многими как истина в последней инстанции.

Но, с другой стороны, мы не можем утверждать, что протестантизм не сыграл никакой роли в становлении капитализма. Роль эта не в какой-то своеобразной хозяйственной этике протестантизма, тайны которой пытался раскрыть Вебер. Роль протестантизма в другом: он стал своеобразной дырой в стене различных ограничений и запретов, которые на протяжении многих веков возводила Христианская церковь. А возводила она ее для того, чтобы оградить свое стадо от тех страстей, которые Вебер и назвал «духом капитализма». Список этих страстей внушительен: сребролюбие, стяжательство, лихоимство, зависть, властолюбие, сластолюбие, тщеславие и т.д. В этом списке на первом месте стоит сребролюбие, которое составляет суть «духа капитализма» и тянет за собой все остальные грехи и страсти. Недаром апостол Павел говорил, что «сребролюбие есть корень всех зол» (Тим. 6:10). С точки зрения учения святых отцов о грехах и страстях, благообразное выражение «дух капитализма» означает всегонавсего толпу «духов inferнального мира». Протестанты пробили эту «дыру», через которую «духи inferнального мира» с визгом и гиканьем ворвались в христианскую жизнь, начав самый настоящий погром в душах людей и в обществе. Протестанты вольно или невольно (скорее – невольно) совершили акт разрушения, но ничего созидательного (как утверждает Вебер) они не совершили.

Самое парадоксальное: протестантизм, совершив акт разрушения и дав первоначальный толчок формированию антихристианского общества под вывеской «капитализм», в дальнейшем перестал соответствовать «стандартам» нового общественного строя. Он оказался старомодным, консервативным, сохраняющим «родимые пятна» христианства (проповедь аскезы, догмат о трудовой деятельности как служении Богу, вера в загробную жизнь и надежда на спасение души и т.п.). Протестантизм явно начал отставать от победной поступи капитализ-

ма. В первую очередь это касается такой консервативной разновидности протестантизма, как лютеранство. Но в определенной степени в похожем положении оказались и некогда «радикальный» кальвинизм, старомодный пуританизм, «рациональный» методизм и т.д.

Специалист по экономической этике христианства Е. А. Орланский пишет, в частности, о нынешней «отсталости» некогда сыгравшего революционную роль кальвинизма: «...Даже кальвинистская этика содержит элементы, неприемлемые для современной рыночной экономики. Сам Вебер отмечал, что удостоверением в богоизбранности у кальвинистов “является неутомимая деятельность в рамках своей профессии. Она, и только она, прогоняет сомнения религиозного характера и дает уверенность в своем избранничестве”... Но между “неутомимой деятельностью в рамках своей профессии” и “стремлением к наживе” наблюдается “дистанция огромного размера”». Кроме того, Орланский обращает внимание еще на один серьезный «недостаток» протестантизма: «...Даже радикальный протестантизм не содержит культ потребления как неизбежный элемент современной рыночной экономики»¹.

Исследователь творчества Макса Вебера В. Н. Кравченко также считает, что «для Кальвина профессия – это место служения Богу, она является самоценностью, а не средством достижения каких-то земных благ. Поэтому в исполнении профессиональных обязанностей главное значение имеют моральные факторы: дисциплина, честность, ответственность, исполнительность, тщательность»². Соответственно и для кальвинизма с его «идеей предопределения» главное значение имеет не нажива как результат экономической деятельности, а сам процесс трудовой де-

¹ Е. А. Орланский. Генезис современной рыночной экономики: традиционные и альтернативные подходы // Проблемы современной экономики. № 2(30), 2009.

² От Лютера до Вайцзеккера: Великие протестантские мыслители Германии (Очерки). М.: Раритет, 1994. С. 85.

тельности с морально-этической точки зрения. Капитализм же, по Веберу, «безусловно тождествен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия»¹.

«Конкурентоспособными» в условиях современного капитализма оказались носители тех идеологий и религиозных воззрений, которые полностью порвали со всякими «предрассудками» христианства (или изначально не были ими обременены). Прежде всего, это идеология атеизма, которая имеет бесчисленное количество различных модификаций (в зависимости от исповедуемой атеистами философии и политических пристрастий)². Что касается религиозных (и квазирелигиозных) воззрений с ярко выраженной капиталистической ориентацией, то это, прежде всего, талмудический иудаизм, оккультизм, каббала, масонство, различные вариации замаскированного и неприкрытого сатанизма³.

2. «Теология процветания» как способ адаптации протестантизма к современному капитализму

Конечно, протестантизм на протяжении уже почти пяти веков своего существования не стоял на месте. Происходило его дробление на различные толки и конгрегации, «корректировалась» догматика, приводились в соответствие с «духом времени» этические нормы. Мы не ставим

¹ Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 48.

² См.: Л. А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. (Отдел девятый «Воскресение языческой мистики и экономический материализм»).

³ См.: Л. А. Тихомиров. Указ. соч. (Отдел восьмой «Тайные учения и общества»); Священник Николай Карасев. Путь оккультизма: Историко-богословские исследования. М.: Пренса, 2003; Г. В. Попов. Невидимая брань: конспирологический анализ религиозно-политических учений. М.: Крафт+, 2009.

своей задачей обрисовать даже в кратком виде историю протестантизма. Отметим лишь, что того протестантизма, который нарисовал в начале прошлого века Макс Вебер, сегодня уже давно нет¹. Оценки общей численности приверженцев протестантизма весьма разнятся: от 400 до 700 млн человек на начало нынешнего века (что составляет примерно 1/3 численности членов всех религий и конфессий, относящихся к категории христианских).

В последние 20–30 лет в протестантизме происходили беспрецедентно бурные изменения. Отметим, что главной причиной тектонических сдвигов в протестантизме стал начавшийся в конце прошлого века процесс всеобщей либерализации, захватившей в той или иной степени весь мир. Самым значительным результатом этих изменений стало возникновение особой протестантской доктрины, которую чаще всего называют «теологией богатства». Другое название этого феномена – «теология процветания» или «Евангелие Процветания». Вот на этой доктрине мы остановимся подробнее. «Теология богатства» – достаточно детально разработанная и настойчиво внедряемая в общественное сознание система взглядов, оправдывающая и поощряющая стремление человека к богатству, успеху, удовольствию от траты денег и потребления. Доктрина зародилась и развивается в лоне протестантской церкви, прежде всего в Соединенных Штатах Америки. Отметим, что США – ярко выраженная протестантская страна. По данным Хартфордского института по изучению религии, в США в начале нашего века насчитывалось около 335 тыс. религиозных конгрегаций, из которых около 300 тыс. – протестантские, 22 тыс. – католические и ортодоксальные (православные), 12 тыс. – нехристианские². Религиоведы

¹ Справедливости ради следует отметить, что его, вероятно, вообще никогда в природе не было, поскольку Вебер, по мнению ряда исследователей, существенно искажил догматику и этику раннего протестантизма.

² Е. Иванова. Торжество Маммоны // Крестьянка. Сентябрь 2008.

утверждают, что «теология процветания» впервые стала широко проповедоваться в американской церкви пятидесятников в 80-е годы прошлого столетия, а затем была подхвачена евангелистами, харизматами, методистами и другими протестантскими конгрегациями.

«Теоретический» фундамент под здание «теологии процветания» заложил еще в первой половине XX века пастор-евангелист Е. Кенйон (E. W. Kenyon; 1867–1948) в своем «Слове веры» («**Word of Faith**»). Он – автор известной сегодня в Америке «крылатой фразы»: «Что я исповедую, то я и имею». Последователь Кенйона – К. Хагин (Kenneth Hagen; 1917–2003). Он развил «учение» и начал его практическое внедрение в жизнь. Главный тезис «теологии процветания» – «Бог желает финансового процветания всем верующим и вознаграждает их деньгами согласно силе их веры». При этом идеологи и проповедники «теологии процветания» изыскивают необходимые им цитаты о материальном богатстве из Священного Писания. Правда, подавляющая часть из них – из Ветхого Завета. Что касается цитат из Нового Завета, то здесь наблюдается откровенная фальсификация. Так, например, в Новом Завете достаточно часто упоминаются слово «дары». Но речь идет о духовных дарах, дарах Святого Духа, а не о материальных богатствах, которые Бог обещает и дарует своим последователям.

Сегодня многие американские протестантские мегацеркви (под ними понимаются общины, насчитывающие от 2 тыс. членов; в некоторых мегацерквях численность общин достигает 50 тыс. человек) себя позиционируют как последователи «Евангелия Процветания». В нынешнем, 2011 году в Америке число мегацерквей достигло 1210, что вдвое больше, чем пять лет назад. Отчасти такой стремительный рост «религиозности» населения США может быть объяснен быстрым распространением «теологии богатства». Эта доктрина оказалась очень созвучна чаяниям

многих американских обывателей. Журнал «Тайм» провел опрос американцев, считающих себя христианами. Что же показал этот опрос? 17% ответили, что они являются сознательными последователями «Евангелия Процветания». Однако, судя по всему, влияние этой «теологии богатства» выходит за рамки указанных 17%. 61% опрошенных оказались согласны с утверждением: «Бог хочет, чтобы люди процветали». 31% опрошенных согласились с тем, что если ты даешь деньги Богу, то Бог благословит тебя еще большими деньгами¹.

Даже если формально протестантские церкви не относят себя к этой категории, незримое влияние «теологии процветания» сказывается на сознании их членов. Американский теолог Дж. Карпентер в своей работе «Contemporary Evangelicalism and Mammon» пишет: «Хотя большая часть религиозных лидеров никогда не будет ассоциировать себя с идеологией “Евангелия Процветания”, они глубоко включены в американскую капиталистическую культуру понимания Евангелия: Бог измеряет успех количеством, больше денег означает больше служения, следовательно, большой успех для Царства Божьего»².

Сегодня все большую популярность завоевывает облегченный вариант доктрины – «Процветание Лайт». Для того чтобы стать последователем идей «Процветание Лайт», не требуется никаких физических, умственных и душевных усилий, поскольку эти идеи находятся в полном согласии с внутренним состоянием среднестатистического американца и для него очень комфортны. Слоганы «Процветания Лайт» очень просты и легко запоминаются: «Бог хочет, чтобы ты был богатым!», «Христос – это продукт, не нуждаю-

¹ Time. 10.09.2006.

² Joel A. Carpenter, Chap. Contemporary Evangelicalism and Mammon: Some Thoughts // «More Money, More Ministry: Money and Evangelicals in Recent North American History». Larry Eskridge and Mark A. Noll, eds. Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans Publishing, 2000.

щийся в рекламе», «Бедность – личная глупость», «Молись о ниспослании финансового успеха» и т.п.

«Теология процветания» во всех ее модификациях нацелена на создание положительных эмоций, формирование «позитивного мышления» и «конструктивные шаги» в трех основных сферах жизни человека: 1) финансы; 2) здоровье; 3) отношения с окружающими. Конечно, финансовое благополучие стоит на первом месте. Будут деньги – будет и здоровье, будут и добрые отношения с близкими и не очень близкими людьми.

Все негативные стороны жизни сознательно замалчиваются в проповедях пасторов. Главное – из церковной жизни ушли полностью традиционные понятия (и тем более понимание) греха, бессмертия души, рая и ада, спасения и т.п. Либеральный пастор Б. МакЛорен пишет: «Одним из основных привлекательных элементов учения “теологии процветания” является уход от традиционных тем христианства – грех, искупление, рай, Страшный суд – и стремление дать ответы на вопросы, волнующие людей здесь и сейчас, в этой жизни»¹.

3. «Теологии процветания» и культ потребления

Мы уже отмечали, что важной целью религии денег является насаждение в обществе не только духа алчности, но и духа потребительства. Это две стороны одной медали под названием «капитализм». Это две головы «духа капитализма». Любой экономист вам скажет, что самое «узкое» место «рыночной экономики» – платежеспособный спрос, то есть спрос, который подкреплен деньгами (а не просто потребность в товаре или услуге). Следовательно, чтобы капиталистическая экономика функционировала бесперебойно и приносила капиталистам прибыли, необходи-

¹ Цит. по: Е. Иванова. Торжество Маммоны // Крестьянка. Сентябрь 2008.

мо всячески стимулировать платежеспособный спрос. А для этого, в свою очередь, необходимо: а) стимулировать желание потреблять; б) обеспечивать народ деньгами для такого потребления.

Культивирование духа потребления (желания потреблять) началось еще задолго до того, как на свет появилась «теология процветания». Протестантизм с его догматом об «аскезе» (неприятие праздного времяпрепровождения, роскоши и даже комфорта), как мы уже отмечали, выступал своеобразным тормозом развития капитализма. «Теология процветания» от этого догмата отказалась, заменив его на догмат «потребительства». Суть последнего догмата предельно проста: Бог хочет, чтобы все были счастливы, а счастье – это прежде всего высокий уровень потребления различных товаров и услуг. Повышая свои потребности и стремясь их максимально удовлетворить, человек «выполняет волю Бога». При этом допускаются потребности не только в жизненно необходимых благах, но также в благах, которые обеспечивают комфорт, в роскоши, в развлечениях.

Конечно, и до «теологии процветания» предлагались разные обоснования культа потребления. Но они были не «теологическими», а «философскими» и «научными». Основоположником философского обоснования был англичанин Иеремия Бентам (1748–1832). Он является основателем *теории утилитаризма*. Ее суть предельно проста: человеческая жизнь есть стремление к наслаждению и желание избежать страдания. Причем как стремление к наслаждению, так и предотвращение страдания достигаются деятельностью, которую можно назвать полезной для общества. Конечно, каждый человек действует изолированно, исходя из личных стремлений к удовольствию и предотвращению страданий. Но мудрое государство в состоянии гармонизировать эти индивидуальные стремления и обеспечить в обществе максимум удовольствия и минимум страданий.

В XX веке «мудрое государство», согласно рецептам Бентама, стало всячески поощрять в обществе рост удовольствия и наслаждения, насаждая культ потребления. Частный капитал стал это делать еще намного раньше, навязывая обществу свои товары и услуги с помощью рекламы и разного рода изощренных технологий «маркетинга». По мнению некоторых социологов, «бум потребительства» на Западе начался после Второй мировой войны (его назвали «революцией потребительства»). А «профессиональные» философы и прочие «ученые» даже создали теорию «потребительского общества».

Развив в народе неумную жажду потребления, капиталисты сумели превратить наемных работников в «живых роботов», «трудоголиков», готовых трудиться день и ночь для того, чтобы зарабатывать деньги и удовлетворять эту неумную жажду. Если в XIX веке наемные работники могли устраивать стачки, забастовки и даже восстания, то «живые роботы» для капиталистов безопасны. Их энергия сублимируется не в сфере классовой борьбы, а в сфере потребления.

Однако даже самый интенсивный труд не в состоянии обеспечить работникам достаточное количество денег для удовлетворения жажды удовольствий. Это все равно что бесконечный бег за собственной тенью. В странах Запада доля заработной платы наемных работников в валовом продукте, несмотря на все потуги «живых роботов», не растет, а в последнее время даже наметилась тенденция к ее снижению.

Выход капиталисты нашли в том, что стали увеличивать платежеспособный спрос населения за счет кредитов работникам. «Живые роботы» стали брать потребительские кредиты, попав в долговую ловушку. Многие обыватели в Америке сегодня живут в хороших домах, имеют несколько автомобилей на семью, их жилища оборудованы всеми видами бытовой техники и т.п. Но при этом, строго говоря,

им ничего не принадлежит: сумма долгов «домашнего хозяйства» (вместе с набравшими процентами) превышает стоимость всего того имущества, которым американская семья пользуется. Получается в чистом виде долговое рабство. Все это можно прочитать в различных книгах по экономике и социологии капитализма.

Таким образом, современный капитализм зиждется на поощрении трех основных и взаимосвязанных страстей: а) жажды богатства; б) жажды потребления; в) жажды кредитов. Соответственно человек оказался поработанным богатством, вещами и долгами.

Мы здесь вспомнили о насаждении в западном обществе духа потребления лишь потому, что теперь это насаждение получило не только «научное», но и «теологическое» «обоснование». Раньше обывателю страсть потребления навязывали через рекламу, образование, светскую литературу и поп-культуру. Теперь это же самое ему навязывается, когда он приходит в воскресенье на церковную службу. Церковь, проповедующая такую «теологию», получает полную поддержку (моральную, политическую и финансовую) со стороны промышленных, торговых и банковских капиталистов. На основе «теологии процветания» происходит полное сращивание бизнеса и церкви. Религия на основе «теологии процветания» является на сегодняшний день наиболее завершенной формой религии денег.

4. Утрата последних признаков христианства

Формально в «теологии процветания» остаются некоторые атрибуты церковной жизни, однако они наполняются новым содержанием.

Прежде всего *молитва*. «Модернизированная» молитва стала походить на мантры или приемы аутотренинга: она часто адресуется не к Богу, а к самому себе или еще

какому-то неведомому субъекту. Формулы примерно такие: «Постоянно говори себе: что-то очень хорошее произойдет сегодня со мной!»; «Сегодня самое лучшее утро этого мира!»; «Это самый лучший год моей жизни» и т.п. Эти сеансы внушения (или самовнушения) имеют «теологическое обоснование»: Бог создал Вселенную Словом. Человек как создание Божье также наделен даром слова. Если человек будет произносить слова «с сильной верой», у них появится «энергетика», они станут «заряженными», с их помощью человек сможет создавать богатство, восстанавливать здоровье, семью, хорошие отношения с окружающими.

Большое внимание уделяется *пожертвованиям*. Главный принцип здесь таков: «Чем больше ты отдаешь Богу, тем больше от Него получаешь». Здесь есть два нюанса. Во-первых, под отдаваемым и получаемым понимаются прежде всего деньги и богатство (о «духовных» дарах Бога не говорится – это слишком сложно для понимания среднестатистического последователя «Евангелия Пророчества»). Во-вторых, денежные дары от имени Бога принимает церковная организация. Формула здесь примерно такова: «Богу надо доказывать свою веру, следует отдавать много и отдавать самое дорогое, десятину и еще больше, дорогую одежду, машины, это все потом вернется с лихвой». Благодаря практической реализации этой формулы многие протестантские церкви превратились в процветающие коммерческие корпорации. «Дух времени» привел даже к изменению традиционной терминологии в церкви: часто вместо слов «жертвовать Богу» стали говорить «инвестировать в Бога». А сама церковь стала называться «эксклюзивным клубом», отношения внутри церковного сообщества – «христианским рынком».

Некоторые проповеди в протестантских церквях Америки превратились в своеобразные лекции, в которых пастыри дают прихожанам советы, как зарабатывать деньги. Проповеди могут подкрепляться специальными занятиями

(что-то типа бизнес-школ). Вот, например, протестантский чернокожий пастор (в ранге епископа) Джордан организовал для своих последователей на Манхэттене две школы – «Школу пророков» и «Школу космической экономики». Там он преподает профетологию. Что это за наука такая? Ее название происходит сразу от двух английских слов, которые имеют почти одинаковое звучание:

Prophet [profit] – пророк, предсказатель

Profit [profit] – выгода, прибыль.

Джордан обещает своим слушателям, что они разом «поймают двух зайцев»: 1) приблизятся к Богу и станут пророками; 2) благодаря первому станут получать большие прибыли.

Епископ Джордан проповедует: «Профетология – это окно в рай. Школа экономики – это чудо материализации. Ваши мысли определяют ваши деньги. Деньги – ваши друзья». Епископ Джордан призывает к предпринимательству. «Библия говорит тебе, что ты должен быть головой, а не хвостом. Ты никогда не разбогатеешь, работая на кого-то». Деньги являются ключевым понятием в его учении.

Проповедники «теологии процветания» стали «цветущими» людьми. Они этого не стесняются. Более того, они себя рекламируют, выставляют в качестве образцов для подражания. На поступающие в их адрес обвинения в любви к богатству и роскоши они уверенно и с гордостью отвечают: «Богатство – это доказательство того, что мы говорим правду и Бог заботится о нас, доказательство того, что мы учим истине. Вот молодое поколение стремится зарабатывать так же много, как поп-звезды и спортсмены, и видит, что можно стать богатым, проповедуя “слово Божье”, веруя в Бога. Чем больше вы жертвуете, тем больше вы получите от Бога в ответ. Вы являетесь членами самого эксклюзивного клуба во всем мире! Вы должны хорошо проводить время с Богом. Он ваш друг!»¹

¹ Цит. по: Е. Иванова. Торжество Маммоны // Крестьянка. Сентябрь 2008.

В связи с расцветом в Америке «церковного бизнеса» вспоминаются слова К. Маркса из работы «К еврейскому вопросу», которую он писал в 1843 году. Напомним, что в этой работе Маркс говорит о «еврействе» не в этническом смысле, а как о «духе торгашества». По его мнению, первоначально носителями этого духа были действительно сыны Израиля, но при капитализме «дух торгашества» захватил христианские народы. Так вот, Маркс писал: «Практическое господство еврейства над христианским миром достигло в Северной Америке своего недвусмысленного, законченного выражения в том, что сама проповедь Евангелия, сан христианского вероучителя превращается в товар, что обанкротившийся купец начинает промышлять Евангелием, а разбогатевший проповедник Евангелия берется за торговые операции»¹. Так что «коммерциализация» протестантской церкви началась не в конце прошлого века и даже не после Второй мировой войны (как считают некоторые исследователи). «Дух торгашества» прочно поселился в ней уже в первой половине XIX века. А скорее всего, этот дух был там с момента появления на свет протестантизма: если протестантский священник проповедует благодатность богатства, разве не логично, что он сам будет к нему стремиться?

Американцам, которых приглашают примкнуть к движению «теологии богатства», проповедники и миссионеры стараются не афишировать те вполне земные издержки, с которыми приходится сталкиваться как пастырям, так и последователям. Для пастырей нередко все оборачивается судебными делами с обвинениями в мошенничестве и вымогательстве. Так, в 2007 сенатор Чак Грассли начал расследование финансовых дел шести известных телевизионных проповедников, представлявших движение «Евангелие Процветания». Для рядовых последовате-

¹ К. Маркс. К еврейскому вопросу // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Том 1.

лей издержки могут быть еще более серьезными. И дело не только в тех деньгах, которые они добровольно сдают своим пастырям. Такие последователи проповедями своих пастырей «программируются» на постоянный успех. А такого в природе не бывает. Поэтому столкновение с любой неудачей может вогнать человека в серьезную депрессию. Психологи утверждают, что подобного рода «программирование» сознания человека повышает риск совершения им суицида при столкновении даже с незначительным препятствием в жизни. На фоне «теологии процветания» особенно хорошо видно, что воспитание человека в духе истинного христианства резко повышает его способность противостоять трудностям и позволяет правильно воспринимать и переносить неудачи.

«Теология процветания» совершенно утратила всякую связь с христианством. Это даже не протестантизм, который описан Максом Вебером в его книге «Протестантская этика и дух капитализма», с аскетизмом «первопроходцев» капитализма и их фанатической (по-своему понимаемой) борьбой за «спасение души». В новейшей версии протестантизма вообще не осталось следов ни «души», ни «спасения». Остался лишь «бренд» под названием «Христос» – «бренд», «который не нуждается в рекламе». За этим «брендом» фактически стоит антипод Христа – маммона. Маммона даже не скрывается, а рекламирует себя. Об этом антипode Спаситель сказал две тысячи лет назад: «Не можете служить Богу и маммоне». Христос говорит о жизни вечной, а маммона – лишь о жизни земной. Христос призывал бороться с грехом, а маммона – наслаждаться грехом. Христос призывает взять на себя Его крест, а маммона – взвалить на себя мешок с деньгами. Таким образом, «теология процветания» – прямое отрицание христианства. Следовательно, это «теология антихриста». «Теологией процветания» христианство на Западе завершает свою почти двухтысячелетнюю историю.

Сегодня на фоне умирания христианства происходит становление религии антихриста в его крайней форме – сатанизма. В ряде стран Запада официально зарегистрирована церковь сатаны. В США, например, по некоторым данным, число ее членов превышает 100 тыс. человек. Новейшие сатанинские веяния захватили часть американского правительства, крупнейшие корпорации. Так, 1 марта 1990 года на одном из шоу американского телеведущего Фила Донахью выступили руководители корпорации «Проктер энд Гэмбл». Они сообщили телезрителям, что являются последователями церкви сатаны и отчисляются на ее поддержку часть своей прибыли. На вопрос Донахью, а не боятся ли руководители корпорации повредить таким признанием своему бизнесу, сатанисты ответили: «В Соединенных Штатах нет столько христиан, чтобы причинить нам вред».

В. Катасонов

«РУССКИЙ КАПИТАЛИЗМ»

Капитализм как фрагмент русской истории

В более чем тысячелетней своей истории Россия почти не знала капитализма. Лишь в последние несколько десятилетий XX века и в начале XIX века (то есть не более полувека) Россия двигалась по капиталистическому пути. Таким образом, история так называемого русского капитализма крайне коротка.

В течение последних 20 лет существования Российской Федерации и непрерывных «реформ» в стране идут непрерывные разговоры и дискуссии по поводу того, какой путь выбрать России. То есть «реформы» осуществляются, а цели социально-экономического движения страны

не определены. Или, по крайней мере, эти цели не продекларированы.

Современную реально сложившуюся социально-экономическую модель России ученые, политики, экономисты, богословы и журналисты оценивают по-разному. Выше мы называли основные социально-экономические признаки капиталистической модели общества:

а) отчуждение свободного работника от средств производства (земля, орудия производства, сырье);

б) превращение свободного работника в наемного работника;

в) эксплуатация наемного работника капиталистом-работодателем, присвоившим средства производства;

г) получение капиталистом в результате эксплуатации прибавочной стоимости;

д) превращение товарно-денежных отношений в доминирующую форму экономических отношений в обществе.

В той или иной мере все эти признаки присутствуют в нашей сегодняшней жизни, поэтому никто особенно не оспаривает тот факт, что в России сегодня утвердился именно капитализм. Споры и дискуссии идут в основном вокруг вопроса: что это за капитализм? Существуют различные определения нашего капитализма: «государственный», «феодальный», «отсталый», «периферийный», «зависимый», «дикий», «варварский», «бандитский», «олигархический» и т.п. На самом деле большинство из этих и подобных определений лишь дополняют друг друга, делая акцент на различных аспектах существующей социально-экономической модели общества, которую условно можно назвать «новый русский капитализм» (в отличие от «старого русского капитализма», который существовал до 1917 года). С большинством авторов этих определений мы полностью согласны. При этом критики «нового русского капитализма» предлагают свои рецепты по преодолению отдельных «дефектов» этой модели.

Например, критики «олигархического» капитализма считают, что самое главное, что мешает социально-экономическому развитию России, – это высокая степень монополизации российской экономики, и предлагают меры по последовательному демонтажу монополий, принадлежащих отечественным олигархам, и всяческому поощрению развития малого и среднего бизнеса. Такая альтернатива в нашей литературе называется «народным», или «демократическим», капитализмом.

Критики «зависимого» (а также «периферийного») капитализма уверены, что происшедшая за два десятилетия глубокая «интеграция» российской экономики в мировую превратила Россию в «сырьевую колонию», которая нещадно эксплуатируется западными монополиями. Последние установили жесткий контроль над российской экономикой через скупку российских активов, предоставление кабальных кредитов, привязку денежной системы к американскому доллару и т.п. Такой «зависимый» капитализм ведет, в конечном счете, также к утрате суверенитета России и к ее полному исчезновению с политической карты мира. Соответственно предлагаются меры по приоритетному развитию внутреннего российского рынка, восстановлению промышленности и сельского хозяйства, постепенному отходу от «сырьевой» специализации и т.п. Короче говоря, предлагается модель «зависимого», или «колониального», капитализма заменить на модель «национального» капитализма. Социально-экономической базой последнего являются отечественные банки, промышленные компании и торговые фирмы, выстраивающие между собой прочные экономические связи и формирующие внутренний рынок.

Критики «государственного» капитализма (близки к этому направлению и критики «феодалного» капитализма) акцентируют внимание на том, что государство в сегодняшней России превратилось в тормоз социально-эко-

номического развития. Государство порождает коррупцию и искажает «рыночные стимулы». Чаще всего критики «государственного» капитализма предлагают сократить масштабы присутствия государства в экономике и больше полагаться на «невидимую руку» рынка. Фактически речь идет о модели так называемого рыночного капитализма, называемого еще «свободным» капитализмом.

Критики «дикого» капитализма вспоминают приватизацию 1990-х годов, когда государственная собственность была за бесценок роздана «новым русским». Они справедливо называют такую приватизацию грабежом и предлагают провести пересмотр ее результатов. А вслед за этим провести «правильную» приватизацию и развивать российскую экономику на путях «рыночного», «национального» или какого-либо иного капитализма. На языке критиков «дикого» капитализма эта альтернатива называется «цивилизованным», или «классическим», капитализмом.

Некоторые критики «дикого» капитализма в противовес критикам «государственного» («феодалного») капитализма считают, что необходимо усиление позиций государства в экономике. То есть предлагается модель именно «государственного» капитализма. Среди сторонников модели «государственного капитализма» можно особо выделить поклонников модели так называемого корпоративного капитализма. Такой капитализм впервые был апробирован в фашистской Италии во времена Муссолини, а затем был использован в нацистской Германии (данная модель предполагает жесткое государственное регулирование корпораций в разных отраслях экономики; последние формально сохраняют статус частных структур; в условиях «корпоративного» капитализма резко сокращается сфера товарно-денежных отношений).

Можно до бесконечности продолжать обзор различных концепций современного социально-экономического развития России. Все они содержат очень острую и спра-

ведливую критику различных сторон «нового русского капитализма». Однако, к сожалению, 90% этих концепций в качестве альтернативы нынешней модели предлагают различные альтернативные модели капитализма. С нашей точки зрения, все эти альтернативные модели сеют иллюзию, что Россия может развиваться по капиталистическому пути, при этом оставаясь православной страной. Все они в той или иной мере предполагают наличие тех пяти важнейших социально-экономических признаков, которые присущи любой модификации капитализма. Каждый из этих признаков противоречит христианским принципам.

Особо стоит остановиться на идее возрождения «старого русского капитализма». Такая идея витает в воздухе еще со времен последних лет существования СССР, когда стали появляться интересные публикации о дореволюционной России и ее экономике. Возникла определенная идеализация той социально-экономической системы, которая складывалась в России до 1917 года.

Один из примеров такой идеализации дореволюционной экономической модели – фундаментальная работа М. В. Назарова «Вождю Третьего Рима». Автор стоит на православно-патриотических позициях, в целом работа очень глубокая и интересная. Но вот с содержащейся в ней оценкой социально-экономического положения России перед революцией согласиться нельзя. М. Назаров пишет: «...Благодаря реформам Александра II и политике Александра III с 1890-х годов начался небывалый подъем российской экономики. Этому способствовали также введенные в 1891 году протекционистские таможенные тарифы, защищавшие отечественного производителя. Вместо притока импортных товаров это дало приток иностранных капиталов для организации производства... В 1897 году была введена устойчивая золотая валюта, покупательная способность которой не колебалась в дальнейшем даже в годы войны»¹.

¹ М. В. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004. С. 77.

Говоря об уровне жизни народа в начале XX века, Назаров отмечает, что «кое в чем дореволюционная Россия не уступала даже современным странам» (автор приводит сравнения отдельных социальных показателей по России 1913 года и СССР и ФРГ 1976 года)¹. Заключает обзор социально-экономического положения России накануне Первой мировой войны Назаров следующими словами: «...В начале XX века у России были шансы стать для всего мира воочию вселенским Третьим Римом в современном варианте, сочетающим экономическое развитие, социальную справедливость и истинную веру»².

Почему же в России произошли три «русские» революции, которые увенчались захватом власти большевиками? Назаров усматривает здесь целый ряд причин, как внешних, так и внутренних.

Внешние причины – деятельность так называемой мировой закулисы – сил, враждебных России, сил, которые преследовали в нашей стране свои экономические, политические и духовные цели. Экономические цели – установление полного контроля над ресурсами и хозяйством России. Политические цели – превращение России в марионетку Запада, ликвидация в ней ненавистного Западу монархического строя. Духовные цели – ликвидация христианства, по крайней мере в его православной форме. В целом мы согласны с описанием и оценкой внешних причин, приводимых Назаровым.

Среди внутренних причин Назаров выделяет следующие: «крестьянский вопрос» (незавершенность аграрной реформы, начатой Столыпиным); «национальный вопрос»; «еврейский вопрос»; особая роль в российском обществе так называемого «ордена русской интеллигенции» (как источника демократических, антимонархических идей; решающая роль интеллигенции в создании политических

¹ См.: там же, с. 81–83.

² М. В. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004. С. 89.

партий и учреждении Государственной думы как рассадника революционных идей и т.п.). Не будем сейчас анализировать подробно характеристику подробно описанных Назаровым внутренних причин. В чем-то он прав, в чем-то он неточен, в чем-то ошибается. Но если говорить о главной ошибке в объяснении социально-экономических причин «русских» революций, то это отсутствие в списке причин быстрого развития капиталистических отношений в русском обществе.

Назаров совершенно справедливо говорит о высоких темпах экономического развития России накануне Первой мировой войны. Но вот про «цену» этих достижений он почти ничего не говорит. Он восхищается быстрым притоком иностранных инвестиций в российскую экономику. А между тем постепенно и незаметно западный капитал захватывал ключевые позиции в экономике России – добывающей и обрабатывающей промышленности, торговле, и что особенно важно – банковском секторе. В 1910 году в нефтяной промышленности России 80% капитала находилось в собственности трех иностранных компаний – американской «Стандарт ойл», англо-голландской «Шелл» и шведской «Нобель». В 1912 году у иностранцев было 70% добычи угля в Донбассе. Кроме того, иностранцам принадлежало 90% добычи платины, в их собственности находилось 90% акций электрических и электротехнических компаний, все трамвайные предприятия и т.д.¹

Примечательно, что банки распространили свои щупальца на всю российскую экономику, приобретая контрольные пакеты акций. В 1910 году 88% всех акций российской металлургии находились в руках банков, причем 2/3 этих акций принадлежали парижскому банковскому консорциуму из трех французских банков. В судостроении банкам принадлежало 96% капитала, в том

¹ М. Ф. Антонов. Капитализму в России не бывать! М.: Яуза; Эксмо, 2005. С. 588.

числе 77% – парижским. В паровозостроении 100% акций находилось в руках двух банковских групп – парижской и немецкой¹.

Россия обеспечивала быстрое экономическое развитие также с помощью иностранных (в первую очередь ротшильдовских) займов. И накануне Первой мировой войны Россия, добившись ценой невероятных усилий четвертого (по другим данным – пятого) места в мире по объему промышленного производства, прочно заняла первое место по величине внешнего долга. Назаров говорит о «золотом рубле», который был, по его мнению, самой прочной валютой в мире. Но российский рубль поддерживался за счет золотых кредитов все того же Ротшильда. А «золотой рубль» был навязан России в самом конце XIX века Западом (денежная реформа С. Ю. Витте 1897 года) для того, чтобы обеспечить возможность вывоза из России дивидендов и процентов по займам в «самой прочной валюте в мире». Об этом убедительно писал царский генерал А. Нечволодов в своей книге «От разорения к достатку» (1906): «Привлечение иностранных капиталов в государство сводится к эксплуатации этими капиталами отечественных богатств и рабочих рук страны, а затем и вывозу за границу золота, приобретенного в стране за продажу продуктов производства»².

И еще о «быстром экономическом развитии» России в начале XX века. Результаты растущего производства в нашей стране доставались преимущественно не русскому народу, поскольку параллельно с ростом производства шло увеличение экспорта продукции за пределы России. В основном экспорта сырья и полуфабрикатов. Обрабатывающая промышленность явно отставала от добывающей, а ассортимент готовой промышленной продукции

¹ Там же, с. 588.

² А. Нечволодов. От разорения к достатку. СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии, 2007. С. 10.

был крайне узок. Поэтому параллельно нарастал импорт готовой промышленной продукции, особенно машин и оборудования, другой высокотехнологичной продукции. Россия все больше превращалась в сырьевой придаток Запада, нарастало ее техническое отставание. Хотя темпы экономического развития России после отмены крепостного права были выше, чем у многих европейских стран и США, разрыв в уровнях душевого потребления между Россией и капиталистическим Западом не уменьшался, а, наоборот, рос. Согласно совместному исследованию, проведенному Хьюстонским университетом США и НИЭИ при Госплане СССР в конце 1980-х годов, в 1861 году душевой национальный доход России составлял примерно 40% от немецкого и 16% – от американского. В 1913 году соответствующие цифры были равны 32 и 11,5%¹. Таковы плоды того, что Россия вступила на путь зависимого капиталистического развития.

Развитие капитализма вело к разрушению крестьянской общины, социальной поляризации общества, появлению в городах безработных и тех самых люмпен-пролетариев, которые «орденом русской интеллигенции» и мировой закулисой использовались позднее в качестве «расходного материала» революций. И самое главное – капитализм вел к быстрому духовному разложению общества, упадку веры, кризису Русской Православной Церкви (об этом кризисе, кстати, Назаров пишет). Капитализм (причем еще не в полной мере развившийся) привел к тому, что сочетание «экономического развития, социальной справедливости и истинной веры» в России стало невозможно. В 1917 году русский народ оказался перед альтернативой:

- а) дальнейшее капиталистическое развитие (Февральская революция);
- б) социалистическое развитие (Октябрьская революция).

¹ Ю. Мухин. Наука управлять людьми: изложение для каждого. М.: Фолиум, 1995. С. 116.

Из двух зол русский народ выбрал меньшее. По крайней мере, в рамках социалистической альтернативы им предлагали «социальную справедливость», идея которой находилась в генах русского православного человека. Идеи «экономического развития», «демократии» и «прогресса», которые выдвигались в рамках капиталистической альтернативы, были малопонятны русским, и они интуитивно воспринимались как чуждые.

Конечно, большевики в дальнейшем отказались от многих своих лозунгов, фактически обманув русский народ. Но события 1917 года стали «лакмусовой бумажкой», отразившей антикапиталистические настроения русского православного человека¹.

Капитализм и Церковь

Отсутствие серьезной духовной оценки нынешнего общества не способствует, мягко говоря, спасению души христиан в современных крайне трудных (не только с социально-экономической точки зрения) условиях. Уже не приходится говорить о том, что это делает малопродуктивной деятельность наших социологов, экономистов и политологов по поиску выхода России из социально-экономических и политических «тупиков».

Определенная отстраненность Церкви от социальных проблем имеет свои исторические корни. На протяжении многих веков Церковь существовала в условиях традиционного общества и руководствовалась так называемой умеренной хозяйственной доктриной. Суть ее в том, что Церковь не возражает против богатства, накапливаемого человеком, но призывает не привязываться к нему душой. При этом допускается частная собственность. Большая часть жизни человека традиционного общества протекает

¹ Подробнее см.: М. Ф. Антонов. Капитализму в России не бывать! М.: Яуза; Эксмо, 2005 (глава 12 «О дореволюционном российском «капитализме»»).

в «малом» круге, – круге своих единомышленников (для христианина это окружение таких же, как он, христиан). При распаде традиционного общества и быстром развитии товарно-денежных отношений христианин оказывается втянутым в «большой» социум, где привычное ему христианское окружение почти отсутствует. Невольно такой человек начинает задумываться над вопросом: как ему, будучи христианином, жить в этом «большом» социуме? Приспосабливаться? Бежать из этого социума «в леса»? Преобразовывать «большой» социум на христианских началах? Искать пути возвращения в традиционное общество? Церковь, к сожалению, слабо помогает человеку разобраться в этих сложных вопросах, продолжая по инерции общаться со своей паствой как сообществом асоциальных людей.

Но в какой-то момент времени не только перед паствой, но перед самой Церковью как земной организацией, которая сама существует не в «четвертом» измерении, а в «большом» социуме, такие вопросы встают в полный рост. Становится очевидным, что «умеренная» хозяйственная доктрина христианства, асоциальная по своей сути, сегодня не устраивает никого. Остается выбор двух достаточно «социально заточенных» доктрин:

а) «святоотеческая» доктрина (идея коллективизма, общественной собственности и т.п.);

б) «протестантская» доктрина (ориентация на прибыль, частная собственность, наемный труд и т.п.).

И церковная иерархия делает выбор в пользу «протестантской» доктрины. Выбор этот не афишируется. Иногда он даже прикрывается небольшими дозами антикапиталистической риторики.

Наши церковные власти порой критикуют отдельные стороны сложившейся в России социально-экономической системы, но при этом не дают принципиальной и целостной духовной ее оценки. Здесь мы имеем в виду

прежде всего такой документ, как «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (принят на Архиерейском соборе РПЦ в 2000 году). Также можно отметить «Соборное слово XI Всемирного Русского Народного Собора», посвященного проблеме богатства и бедности в мире и современной России (март 2007 года) и т.д. К большому сожалению, подобного рода документы не дают сколь-нибудь ясного представления о том, каков социально-экономический идеал нашей Православной Церкви, и могут создавать иллюзию относительно того, что капитализм и христианство способны ужиться и даже в чем-то дополнить друг друга.

В своем ощущении отсутствия внятной позиции нашего церковного руководства по социально-экономическим вопросам я не одинок. Например, А. Журавлев в своей статье «Религиозная этика и бизнес» в начале 2004 года писал: «“Основы социальной концепции Русской Православной Церкви”, принятые Юбилейным архиерейским собором в августе 2000 года, к сожалению, не дают ясного представления о православном взгляде на экономическую жизнь во всем ее разнообразии. Возможно, это является следствием компромиссного характера данного документа, четко формулирующего позицию РПЦ в основном по вопросу собственности: “Церковь признает существование многообразных форм собственности. Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм...” Видимо, “Основы социальной концепции” – не тот документ, в котором пристало разбирать в подробностях макроэкономическую и даже политэкономическую проблематику. Однако когда автор, готовя эту статью, обратился в службу коммуникации Московской Патриархии с просьбой назвать иные, кроме “Основ...”, источники,

имеющие отношение к экономическим воззрениям русского православия, ответа не было»¹.

Однако как раз в начале 2004 года на свет появился «православный» документ, имеющий отношение к экономической проблематике, – «Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании» (он активно разрабатывался при участии наших церковных властей и был принят в феврале 2004 года на VIII Всемирном Русском Народном Соборе»). Мне пришлось провести детальный анализ данного документа, в результате которого я пришел к следующему выводу: «Свод нравственных принципов» призван лишь упорядочить «дикий» капитализм в России и придать ему некий вид «цивилизованного» капитализма, а погоню бизнеса за прибылью узаконить как «норму» нашей жизни (на языке разработчиков документа это называется «православное предпринимательство»). В этой связи у меня родилось предложение дать ему более короткое и точное название: «Моральный кодекс строителя капитализма»². Некоторые скажут, что автор данной книги слишком строг и придирчив в своей оценке. Но, слава Богу, он в ней не одинок.

Вот что пишет по поводу данного документа современный исследователь капитализма Александр Молотков: «Даже при самых благонамеренных попытках христианского оправдания предпринимательской деятельности, основанной на личном интересе, при самых обтекаемых и сбалансированных формулировках, никогда не преодолевается этот принципиальный нравственно ущербный барьер – служения себе. К сожалению, наглядный пример подобной ущербной (если не сказать извращенной) попытки христианского оправдания предпринимательской нрав-

¹ Андрей Журавлев. Религиозная этика и бизнес // Русский предприниматель. 2004, № 1–2.

² Наш анализ данного документа см.: В. Ю. Катасонов. «Моральный кодекс строителя капитализма» // Наше дело. 2010, № 2.

ственности дает “Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании”, принятый в феврале 2004 года на Всемирном Русском Народном Соборе. Этот документ невозможно читать без какой-то внутренней тошноты, настолько густо он замешан на духовно-нравственном лукавстве. Каждый его пункт, каждая его мысль, как бы высоко и благородно ни поднимались, в итоге все равно замыкается на себя, на отчужденную от общества самость предпринимателя, ищущего даже в самых высоких заповедях личный предпринимательский интерес. В этом документе нет ничего специфически христианского или русского, в своей нравственной обтекаемости он вполне удовлетворит и любого предпринимателя-иудея (что, видимо, и подразумевалось разработчиками), так как всегда оставляет некоторую нравственную нишу для относительно-личного понимания меры экономической справедливости в отношениях с обществом и ближним. Это же относится и к мере жертвенности и благотворительности – в любом случае она ограничивается личной (остаточной) мерой достатка, которую предприниматель определяет для себя сам. В то время как христианское понимание жертвенности предполагает полную самоотдачу Богу и ближнему по примеру “лепты вдовы” (Мк. 12:41–44)»¹.

Под эгидой Московской Патриархии РПЦ все чаще стали проводиться семинары, круглые столы и конференции с достаточно непривычной для нашей Церкви тематикой: «православный бэнкинг», «православный фандрейзинг», «православные эндаументы», «православные финансовые инструменты» и т.п. Слова исключительно иностранные, которые и на Западе появились сравнительно недавно, когда там уже прочно утвердился капитализм. Часть нашей церковной иерархии, видимо, хочет не отставать от «прогресса» и внедрять капитализм не только в

¹ Александр Молотков. Христианство и идеология рынка // Молодая гвардия. 2011, № 4.

стране, но внутри церковной ограды. Появляются сообщения о том, что в Патриархии обсуждаются проекты создания и использования в интересах Церкви «православных эндаументов» (фондов, инвестиционные доходы которых могут использоваться на финансирование текущих расходов Церкви, а основной капитал остается в неприкосновенности) и различных «православных финансовых инструментов» (банковские депозиты, ценные бумаги)¹. Все это в точности повторяет тот путь, по которому шла Католическая церковь, превратившаяся ныне в весьма профессионального «игрока» на финансовых рынках и вполне «вписавшаяся» в «рыночную экономику»². Справедливости ради отметим, что попытки «вписаться» в «рыночную экономику» наблюдались в нашей Церкви и до 1917 года, однако они тогда своевременно пресекались; свободные средства Церкви могли размещаться лишь в государственных учреждениях (Государственный банк, Министерство финансов). Дадим небольшую справку по данному вопросу: «Все церковные денежные капиталы должны были в обязательном порядке помещаться в государственные ценные бумаги и храниться в Государственном банке. Когда в 70-е годы XIX века появились городские и частные банки, платившие больший процент, чем Госбанк, и церковные учреждения стали помещать в них свои средства, правительство оценило это как преступление, и в 1882 году Синод отдал строжайший приказ передать все церковные

¹ См.: Русская Православная Церковь создает первый эндаумент-фонд // Интернет. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-3/>; Православный банкинг и финансовые инструменты в России // Интернет. Режим доступа: <http://kpp-russia.ru/2011/01/pravoslavnyj-banking-i-finansovye-instrumenty-2/>; А. Мельников, С. Минин. Духовно-нравственному возрождению потребовались финансовые инструменты // Интернет. Режим доступа: <http://www.gazetaprotestant.ru/2011/02/duhovno-nravstvennomu-vozrozhdeniyu-potrebovalis-finansovye-instrumenty/>

² См.: О. Н. Четверикова. Измена в Ватикане, или Заговор пап против христианства. М.: Эксмо, 2011 (раздел «Католическая “этика финансов” как легитимизация спекулятивного капитала»).

вклады из частных банков в Госбанк и впредь не иметь дела с частным денежным рынком»¹.

Вот самая последняя информация на тему того, как наша Церковь стремится «вписаться» в «рыночную экономику». 12 сентября 2011 года в Храме Христа Спасителя состоялось заседание экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси совместно с Центром социально-консервативной политики партии «Единая Россия» и Клубом православных предпринимателей на тему «Вера, труд и капитал. Базовые социально-консервативные ценности – основа новой промышленной и кадровой политики»². Даже само анонсированное название мероприятия навело на мысль, что его организаторы попытаются «синтезировать» православие («веру») и капитализм («капитал»). Интуиция нас не подвела. Как следует из материалов о проведенном заседании, одним из главных обсуждавшихся вопросов были «перспективы построения в России “социального капитализма”». Вот так: оказывается, «социальным идеалом» «экспертов» при МП РПЦ является построение в России «социального капитализма»!

«Социальный капитализм» – словосочетание примерно того же разряда, что и «человеколюбивый убийца», «целомудренная блудница» или «христоролюбивый сатанист». «Круче» «социального капитализма» разве что «православный капитализм». Впрочем, скоро может прийти и до этого. Религиозный обозреватель и публицист Егор Холмогоров, считающий себя православным человеком, сумел в своем сознании «синтезировать» капитализм и православие и делится своим «открытием» с читателя-

¹ В. И. Гараджа. Социология религии: Учебное пособие. М.: Инфра-М, 2007. С. 257.

² «Протоиерей Всеволод Чаплин выступил на заседании на тему “Вера, труд и капитал. Базовые социально-консервативные ценности – основа новой промышленной и кадровой политики” // Интернет. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1621500.html>

ми: «Если проецировать основы “православной этики” (ее идеалом он считает этику русских дореволюционных старообрядцев. – В. К.) на хозяйственную и социальную жизнь, то можно сказать, что ее внедрение (точнее – восстановление) приведет в России к формированию *постиндустриального социального капитализма*»¹.

Мы не отрицаем необходимости изучения положительного опыта хозяйственной деятельности старообрядцев в дореволюционной России. По нашему мнению, одной из главных причин торговых и промышленных успехов старообрядцев был дух солидарности и взаимной поддержки. И такой дух нам сегодня надо возрождать в Церкви. Мы против того, чтобы, ссылаясь на успехи старообрядцев, начать возрождение «духа капитализма», который как раз и ведет к разрушению духа солидарности и взаимной поддержки. Если подходить к оценке старообрядчества честно и непредвзято, то следует признать: оно действительно сыграло немалую роль в становлении в дореволюционной России «духа капитализма». Сегодня неопровержимо доказано, что старообрядчество (наряду с масонством) было той силой внутри страны, которая активно вела Россию к февралю 1917 года².

Кстати, даже в Православной нашей Церкви (не старообрядческой) до революции существовало достаточно «толерантное» отношение к капитализму. Как пишет Н. В. Сомин, «теория благодатности русского капитализма бытует в нашей Церкви, к сожалению, давно. Весь XIX век в наших семинариях и академиях учили, что частная собственность “священна”»³. Даже сегодня, когда перед на-

¹ Е. Холмогоров. Православная этика и дух «социального капитализма» // Русский обозреватель. 26.07.2010.

² См.: П. Пряшников. Страна дяди Тома. Как русский старообрядческий бизнес боролся за свои права и против царизма // Интернет. Режим доступа: <http://svpressa.ru/blogs/article/23730/>

³ Н. В. Сомин. Возможен ли «христианский капитализм»? // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/chri_cap.htm

шими глазами имеется печальный опыт революций 1905 и 1917 года и Гражданской войны, многие патриоты и христиане ностальгически вспоминают об «успехах» «русского капитализма» начала XX века. Приводятся цифры прироста промышленной продукции, с гордостью говорится о «золотом рубле», о растущем вывозе зерна на мировой рынок и т.п.¹. Это одна сторона медали под названием «русский капитализм». А другой ее стороной стали быстро растущая внешняя задолженность России, установление контроля иностранного капитала над рядом ключевых отраслей российской экономики, социальная поляризация общества, рост бедности и обезземеливание крестьянства на селе и т.п. Кроме того, началось быстрое разрушение крестьянской общины (которая была общиной не только экономической, но и религиозной), ослабление веры и утрата благочестия во всех слоях населения России.

Тот же Сомин совершенно правильно указывает, что всякого рода проекты создания (или возрождения) «православного капитализма» свидетельствуют о непонимании сущности капитализма и христианства, сеют опасные иллюзии: «“Капитализм с православным лицом” противоречив – это гибрид волка с ягненком. И неважно, какой он – русский или западный. Надежды на то, что гигантская машина капитализма вдруг вместо греха начнет производить добродетель, иллюзорны. Полагая в основу экономики капитализм, создать подлинно православное государство вряд ли возможно»².

Даже в Америке, где, как известно, христианство существует в форме протестантизма и где интенсивная «промывка мозгов» среди населения велась на протяжении длительного периода, очень многие люди интуитивно

¹ См., например: М. В. Назаров. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея. 2004. С. 76-89.

² Н. В. Сомин. Возможен ли «христианский капитализм»? // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/chri_cap.htm

ощущают: христианство и капитализм несовместимы. Об этом свидетельствуют различные социологические исследования. Например, в ходе опроса общественного мнения, проведенного в 2011 году в США, 44% респондентов согласились с тем, что «капитализм и свободная рыночная экономика противоречат христианским принципам»; не согласились 36% респондентов; остальные затруднились с ответом¹. С учетом таких настроений американские пасторы и проповедники воздерживаются от прямого восхваления капитализма как социального идеала, иногда даже позволяя критику отдельных его сторон. Мы не питаем никаких иллюзий насчет этой критики: она рассчитана на публику, является заигрыванием с паствой. По умолчанию Западная церковь давно уже приняла капитализм. Капитализм «научно обоснован» в западной богословской литературе (которую простые граждане не читают): «Западные богословы утверждают, что капиталистический способ производства справедлив, эффективен и, главное, обеспечивает людям свободу. Да и сами бизнесмены – люди совершенно необходимые: они производят нужные людям товары и предоставляют рабочие места. Так что именно их следует считать настоящими христианами»². В западном богословии речь идет не об отмене капитализма, а об «исправлении отдельных его недостатков». Примечательно, что в *энциклике папы Римского Иоанна Павла II «Centessimus annus»* (1991) социально-экономическая доктрина римского престола была «скорректирована» таким образом, что католицизм встал полностью на позиции «протестантской этики». Произошла полная «конвергенция» католицизма и протестантизма во взглядах на капитализм и финансово-экономическую сферу общественной

¹ Капитализм противоречит христианским ценностям, считают американцы // Мир религий. 27.04.2011.

² Н. В. Сомин. «Ты не можешь более управлять» (к евангельской притче о неверном управителе // Интернет. Режим доступа: http://www.chri-soc.narod.ru/ti_ne_mojesh_bolee_upravlat.htm

жизни. Теперь у Запада стоит задача, чтобы такой «конвергенции» подвергнуть православие.

Наши религиозные «эксперты» и некоторые представители церковной иерархии стараются в вопросах «научного осмысления» капитализма не отставать от западных (католических и протестантских) коллег. Мы не удивимся, если следующим шагом в направлении осмысления нашими иерархами и их «экспертами» общественной жизни станет «богословское заключение» о том, что лишь капитализм создает условия для реализации христианством своей духовной миссии, и в России появится гибрид под названием «протестантское православие» или «православный протестантизм». Впрочем, в России уже был «православный протестантизм» в виде старообрядчества, хозяйственная этика которого весьма была похожа на западную протестантскую этику. Упомянутый нами Е. Холмогоров фактически и призывает к возрождению «православного протестантизма», который, в свою очередь, позволит построить в России «социальный капитализм», а одновременно и спасти души его строителей. Ему вторит кандидат богословия М. В. Первушин (сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата), который считает, что будущее России – в так называемом «русском капитализме», который можно построить на базе возрожденной хозяйственной этики старообрядцев¹.

Метания наших «православных теоретиков» в вопросе определения экономической модели для России доходят даже до того, что они предлагают ориентироваться на «исламскую модель экономики». Правда, слава Богу, это не мнение церковной иерархии, а «частные мнения», высказываемые на форумах в интернете или в периоди-

¹ М. В. Первушин. Православие и экономика: аксиологические ориентиры русского капитализма // Интернет. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/316074.html>

ческих изданиях¹. Даже не погружаясь в многочисленные тонкости «исламской этики» хозяйствования, можно сказать, что «исламская модель экономики» – «дугый пугырь». Главная норма «исламской этики» в экономике – запрет на взимание процента по ссудам и кредитам. Для практической реализации этой нормы были созданы так называемые исламские банки. Однако фактически конкурентоспособность таких банков, функционирующих в капиталистической среде, обеспечивается за счет разных форм государственного субсидирования (часто хорошо закамуфлированного). «Исламские банки» – это искусственные оазисы в мире капитализма.

Небольшие по числу жителей страны Персидского залива обеспечивают своему населению высокий уровень жизни не за счет «исламской модели экономики», а за счет продажи капиталистическому Западу заложенной в их недрах природной нефти. А те мусульманские страны, где нет больших запасов углеводородного сырья, имеют очень скромный уровень жизни или даже влачат нищенское существование. Все мусульманские страны (и богатые, и бедные) – периферийные части глобальной капиталистической экономики. Ориентируясь на них как на эталон, мы фактически ориентируемся на *модель зависимой (полуколониальной) капиталистической экономики*.

Экономический кризис или Суд Божий?

Так, в последние годы в связи с развернувшимся в России и во всем мире экономическим и финансовым кризисом даже самые отстраненные от светской и мирской жизни представители церкви (православной, католической, протестантской) вынуждены были обсуждать

¹ См., например: Марк Смирнов, Андрей Журавлев, Адалет Джабиев, Тарас Черниченко. Ислам без процентов. Есть ли в России перспективы для экономики «по шариату» // НГ-Религии. 22.09.2006.

вопросы, связанные с причинами указанного кризиса и путями выхода из него. Примечательно, что большинство этих представителей (не только в протестантской и католической церквях, но, к сожалению, также в Православной Церкви) обсуждение вели и ведут на языке экономистов и социологов. Совершенно справедливо указывается: на социально-имущественную дифференциацию и поляризацию капиталистического общества; на недостаточность платежеспособного спроса, вызванного снижением доли заработной платы в валовом продукте; на неконтролируемую эмиссию американского доллара и т.д. и т.п. Для преодоления кризиса предлагается совершенствовать механизмы перераспределения общественного продукта, умерить алчность корпораций, прекратить строительство «финансовых пирамид» и т.п. Все это необходимо, но недостаточно. Все это вторично по отношению к духовным средствам борьбы с кризисом. К сожалению, серьезная оценка причин кризиса и определение путей выхода из него с позиций истинно христианской социологии встречаются в выступлениях представителей нашей Церкви крайне редко. Иногда они могут даже «лягнуть» капитализм, но подобные смелые заявления «повисают в воздухе», поскольку не вписываются в общий контекст их заявлений и выступлений.

Приведем в качестве примера мероприятие, которое проходило летом 2011 года в Париже, – XVIII ежегодная конференция Межпарламентской ассамблеи Православия (МАП). В конференции участвовали также представители Русской Православной Церкви. Прочитируем фрагмент из официальной информации об этом мероприятии: «По благословению Святейшего Патриарха Кирилла в конференции принял участие священник Андрей Елисеев, секретарь Представительства Русской Православной Церкви при европейских международных организациях в Брюсселе. В своем выступлении он отметил, что Церковь призвана на

основании Священного Писания пророчески и действенно утверждать в сердцах людей Высший Закон и давать нравственную оценку всем важнейшим событиям, происходящим в мире, содействовать справедливому общественному устройству. “Очевидно, – подчеркнул он, – что мировой экономический кризис – это очередное напоминание о том, что необходимы такие механизмы, которые бы ограничивали благосостояние отдельных личностей и мегакорпораций с целью перераспределения ресурсов планеты в интересах людей, в том числе будущих поколений, а не узких деловых кругов. Экономические решения не дают ответов на все вопросы, связанные с кризисом. Он сам является порождением порочной практики и духа капитализма, все более утрачивающего гуманистическую составляющую. Нам нужен не только эффективный, но и нравственно ответственный бизнес, экономика должна иметь в том числе и духовное, и человеческое измерение”¹.

Данное публичное заявление представителя церковной иерархии является типичным (или «типовым»).

Во-первых, в нем есть ритуальный «камень», брошенный в адрес капитализма: кризис «является порождением порочной практики и духа капитализма». Тезис правильный, но нераскрытый.

Во-вторых, в нем есть ритуальный призыв создать «механизмы» по обеспечению более равномерного распределения ресурсов и ограничению благосостояния «отдельных личностей». В истории человечества уже были случаи, когда одни личности «ограничивали благосостояние» других «отдельных личностей». Например, в 1917 году в нашей стране. Мы это уже проходили. К сожалению, в данном тезисе не раскрываются тонкости предлагаемых «механизмов», а без этого он превращается в декларацию.

¹ Представители Русской Православной Церкви приняли участие в XVIII ежегодной конференции Межпарламентской ассамблеи Православия // Интернет. Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/2011/06/28/news43853/>

Но дальше (как всегда) начинаются странности. Выступающий сказал, что капитализм все больше утрачивает «гуманистическую составляющую». Здесь он показывает полное непонимание духовной сущности капитализма. По его логике получается, что есть «плохой», а есть «хороший» капитализм и что кризис – порождение «плохого», утратившего «гуманистическую составляющую» капитализма. Заметим, что капитализм уже по крайней мере два столетия переживает так называемые циклические кризисы, на которые в свое время обратил пристальное внимание К. Маркс.

Кроме того, выступающий предложил делать ставку на «эффективный» и «нравственный» бизнес. Заметим, что «бизнес» – слово английского происхождения. Смысл этого слова не вызывает сомнений: «бизнес – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Эффективность предпринимательской деятельности может оцениваться не только размерами полученной прибыли, но и изменением стоимости бизнеса (рыночной стоимости предприятия)»¹. Нетрудно заметить, что бизнес с его стремлением к максимальной прибыли (а выступающий призывает делать ставку на «эффективный» бизнес!) и есть суть капитализма. Капитализм без бизнеса (эффективного или, по крайней мере, стремящегося быть эффективным) – такая же бессмыслица, как и церковь без прихожан или лес без деревьев.

И наконец насчет призыва священника к тому, чтобы экономика имела «духовное измерение». Вообще-то экономики без «духовного измерения» в природе не бывает.

¹ «Что такое бизнес?» // Интернет. Режим доступа: <http://daz.su/nash-otvet/biznes/14/index.aspx>. **Заметим, что бизнесмены стремятся к повышению рыночной стоимости предприятия ради получения все той же вожделенной прибыли.**

Вопрос в том, каково это «духовное измерение». Даже «дикий капитализм», который появился на просторах нашей страны, также имеет «духовное измерение». Кто-то называет это «язычеством», кто-то – «протестантской этикой», кто-то – «талмудическим иудаизмом» и т.п. А вот какое «духовное измерение» экономики нужно нам, православным, священник так и не рассказал.

К сожалению, подобные малосодержательные (а порой бессмысленные) заявления и выступления от имени Церкви стали нормой, что не помогает выходу России из кризиса, а наоборот, затрудняет его. По сути, это попытка если не служить, то, по крайней мере, оправдать служение Богу и маммоне одновременно. А это, как сказал Иисус Христос, невозможно. Следовательно, имеет место вольное или невольное поощрение тех, кто служит маммоне.

Примечательно, что наши церковные иерархи и окружающие их «эксперты» очень полюбили всякие иностранные слова, смысл которых, как мне кажется, они не всегда хорошо понимают: фандрейзинг, бэнкинг, маркетинг, консалтинг и т.п. Причем всегда стараются добавить «православный», чтобы казалось благопристойно и «духовно». И в то же время русские слова им кажутся устаревшими и неубедительными. Подмена слов в лексиконе христианских людей – знамение нашего времени, она все больше затрудняет понимание духовных причин нашего жизненного неустройства и незримо меняет христианское сознание. Например, «кризис» – слово греческое и означает «суд». Если бы мы говорили не «кризис», а «суд» (естественно, суд Божий), то до нас быстрее дошло бы понимание духовной сущности современной капиталистической экономики. Еще в прошлом веке верующие люди (не только православные, но даже католики и протестанты) понимали духовный смысл кризиса как некоего сигнала (часто очень «болевого»), посылаемого Богом человеку за грехи. Понятно, что если кризис экономический, то он напоминал о

таких грехах, как алчность, сребролюбие, любостяжание, лихоимство, зависть, отсутствие любви к ближнему, жадность и т.п. Повторим: даже протестанты (наиболее духовно чуткие) понимали причинно-следственную связь между грехом и экономическим кризисом. Швейцарский протестантский богослов Карл Барт (1886–1968) даже создал новое направление в богословии – «теологию кризиса»¹.

К сожалению, в XX веке уже очень немногие христиане (в том числе православные) воспринимали кризисы как «суд Божий». Вот что писал святитель Николай Сербский (1880–1956) во время экономического кризиса, разразившегося на Западе в 1929 году: «До теперешнего времени европейские народы употребляли слово “суд” вместо слова “кризис”, когда их постигало какое-то несчастье... Когда была засуха, говорили: “Суд Божий!” Война или мор – “Суд Божий!”, наводнение – “Суд Божий!”, землетрясение, саранча и другие беды – опять “Суд Божий!» Это значит: кризис от засухи, кризис от наводнения, от войны, от мора и т.д. И теперешнее финансово-экономическое неблагополучие народ понимает как суд Божий, не говоря “суд”, но “кризис”. Чтобы беда была увеличена непониманием...

Современным грехам – современный и кризис. И действительно, Бог использовал современное средство, ударив по современным людям: ударил по банкам, по биржам, по финансам, по валюте. Опрокинул столы менял по целому свету, как некогда в Иерусалимском храме. Произвел небывалую панику среди купцов и менял. Поднимаются, борются, волнуются, пугаются. Все – чтобы гордые головы европейских и американских мудрецов пробудились, опомнились. Лишенные материальной обеспеченности, больше думали бы о своих душах, признали бы свои беззакония и поклонились бы Богу Всевышнему, Богу Живому.

¹ Наиболее полно идеи «теологии кризиса» изложены в работе Барта «Послание к римлянам (Комментарий к Посланию апостола Павла к римлянам)», изданной в 1919 году.

Долго ли будет продолжаться кризис? Пока не переменится дух людской, пока гордые виновники этого кризиса не преклонятся перед Всемогущим, пока люди не догадываются перевести непонятное слово “кризис” на свой язык и со вздохом и покаянием не воскликнут: “Суд Божий!” Говори и ты, честный отче, “Суд Божий” вместо кризиса, и все тебе будет ясно¹.

Вместо разговора об экономическом кризисе как о Суде Божиим некоторые «эксперты», находящиеся под крылом Патриархии, сводят его преимущественно к причинам нравственного порядка и возрастанию имущественного неравенства в обществе². Это не может не настораживать. Именно такой «мирской», «земной» взгляд на кризисное состояние общества давно уже стал характерным для Католической церкви. «На Западе, – отмечает А. Митрофанова, – наблюдается такой упадок религиозного сознания, что религия перемещается в земную сферу. Для среднего католика религия приравнивается к нравственности, социальной работе, а собственно духовные аспекты христианства размываются и утрачиваются. Западный человек может сказать, что он католик, но “не практикующий”. Это значит, что он разделяет католические представления о нравственности, социальной справедливости, но при этом не исповедуется, не причащается, и даже детей не крестит (многие современные католики считают, что дети вырастут и сами решат, креститься им или нет). Духовые аспекты христианства в сознании многих католиков размыты. Они не понимают разницы между нравственным и духовным, социальным и догматическим. Отсюда – разговоры о “совместном

¹ Письмо святителя Николая Сербского священнику К. о мировом кризисе // Московский журнал. 2009, № 1.

² См.: Заявление Экспертного Совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси в связи с мировым финансово-экономическим кризисом // Интернет. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1233732.html>

свидетельстве” и “единой вере” христиан и представителей других религий»¹.

Сегодня в православии появилось большое число людей, которых условно можно назвать «христианскими агностиками». Они демонстративно устраниются от размышления над метафизическими вопросами устройства современного общества, заявляя, что такие «ненужные» вопросы лишь отвлекают человека от дела личного спасения.

Довольно часто даже маститые богословы говорят о том, что христианство не должно заниматься поиском путей преображения социальной действительности. Но это мнение вступает в противоречие с положениями главы I «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Церковь должна пройти через процесс исторического кенозиса, осуществляя свою искупительную миссию. Ее целью является не только спасение людей в этом мире, но также спасение и восстановление самого мира». Чуть далее «Основы» гласят: «Недопустимо манихейское гнушение жизнью окружающего мира. Участие христианина в ней должно основываться на понимании того, что мир, социум, государство являются объектом любви Божией, ибо предназначены к преображению и очищению на началах богозаповеданной любви. Христианин должен видеть мир и общество в свете его конечного предназначения, в эсхатологическом свете Царства Божия».

Впрочем, о том, что внешние, социальные условия совсем не безразличны для христианина – как с точки зрения его земной жизни, так и тем более с точки зрения спасения его души, говорили некоторые святые отцы – как раннего христианства, так и уже нашего времени. Священномученик архиепископ Андроник Пермский, например, говорил: «Пусть никто не верит наговорам

¹ Анастасия Митрофанова: на Западе религия перемещается в земную сферу // Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2011/05/14/anastasiya_mitrofanova_eto_konechno_iskazhenie_hristianskogo_veroucheniya/

обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни. Нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем (1 Кор. 5:10). А потому нам вовсе не безразлично, что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения, а в иных случаях и вовсе его преследовать насмерть... Итак, если все в этом видимом и даже невидимом, ангельском мире существует для нашего душевного спасения, то мы имеем самое твердое основание и непременную обязанность разобраться в том старом, что было доселе, и том новом, что нам предлагают, насколько то и другое способно помочь главному назначению нашей жизни на земле – спасению – или, наоборот, препятствовать ему»¹.

Вспомним, что Православная Церковь, согласно Символу веры, является «святой, соборной и апостольской».

Если Церковь *святая*, это значит, что ее главой является Бог – Тот, кто противоположен маммоне («Не можете служить Богу и маммоне»).

Если Церковь *соборная*, это значит, что она представляет собой сообщество объединенных любовью людей. Истинная любовь исключает частную собственность. Невозможно себе представить соборную общность людей, в которой каждый разделяет имущество по принципу «мое» – «чужое». Истинно соборная общность людей может существовать только на основе общественной собственности.

Если Церковь *апостольская*, это значит, что она должна следовать по стопам двенадцати ближайших учеников Христа, которые после сошествия на них Святого Духа создали в Иерусалиме первую христианскую общину (коммуну), основанную на общности имущества.

¹ Епископ Андроник. Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или Основание и смысл царского самодержавия. М., 1995. С. 6.

Итак, Православная Церковь не может рассматривать общество, основанное на погоне за богатством, на частной собственности и индивидуализме, своим идеалом. Более того, такая модель социальной организации, называемая капитализмом, противоречит Символу веры, а стало быть – основным принципам христианства. Идеалом социальной организации христианской жизни является общество верующих людей, базирующееся на любви, совместном труде и общей (общественной) собственности. Самый главный принцип – любовь, из которого вытекают и справедливость, и взаимопомощь, и творческий характер труда, и бережное отношение к общей собственности, и многие другие правила социальной организации жизни, которую можно назвать христианским социализмом.

В. Н. Тростников
**ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ
В СВЕТЕ ЕВАНГЕЛИЯ.
БЕСЕДЫ**

Беседа первая
«Без Меня не можете делать ничего»

На шестой день Творения Бог увенчал все созданное до этого богоподобным существом – человеком. И с самого своего появления на свет это существо, более или менее регулярно, соблазнялось искушением принять свое богоподобие за божественность и сидеть со своим Творцом «на одном суку», а то и занять Его место.

Соблазненные Адам и Ева, вавилонские столпостроители, жители Содомы и Гоморры, а в более близкие време-

на – древнеримские язычники, введившие своих императоров в сонм богов. И это неизменно кончалось очень плохо.

Но история учит только тому, что она ничему не учит. Ее уроки забываются, и человек опять начинает путать свое богоподобие с божественностью.

Банальный сюжет «хотим сами быть как боги» начал разворачиваться в Европе в XV веке новой эры. Поскольку это движение ставило в центр бытия человека, оно было названо антропоцентризмом. Другое название – Возрождение (имеется в виду возвращение к античному культу человеческого тела).

Прежде во всех случаях, когда люди, слишком много возомнив о себе, претендовали на то, чтобы занять Его место, Бог довольно быстро пресекал их намерения. Адама и Еву Он изгнал из рая, у строителей Вавилонской башни разделил языки, Содом и Гоморру сжег серным огнем. Наказания, как видим, очень разные и неожиданные. На этот раз реакция Творца на очередной приступ людской заносчивости была особенно удивительной: отсутствие реакции. Похоже, теперь Господь решил: хотят устраивать свою жизнь по собственному разумению без Моих подсказок – пусть устраивают, посмотрим, что из этого получится. Так начался грандиозный исторический эксперимент, поставленный над собой частью человечества: как проживем мы без Бога? Развиваясь, он с неизбежностью распался на два отдельных эксперимента. Дело в том, что для практической апробации установок «человек – хозяин вселенной», «человек – это звучит гордо», «все для человека, все ради человека» и т.п. необходимо уточнить, какой «человек» имеется в виду – индивидуальный, личный или коллективный, общественный, ибо этот термин имеет одновременно два значения. В обычной речи значение определяется контекстом, и разьяснять ничего не надо. Например, когда говорят «человек не толкнет штангу весом в триста килограммов», всем ясно, что речь идет

об индивидуальном человеке, а когда мы слышим фразу «человек вывел более ста пород собак», мы понимаем, что здесь слово «человек» означает множество людей, живших в разное время. Человек как личность и человек как людское сообщество нераздельны, неслиянны и равнозначимы, как отдельное Лицо Троицы и вся Троица в целом, и в этом – один из признаков его богоподобия. Поэтому когда европейцы решили поставить в центр мира человека, между ними возникли разногласия: одни считали, что туда нужно поставить человеческое «Я», а другие – человеческое «Мы».

Первым стали осуществлять эксперимент с «Я». Он начался с лютеранской революции начала XVI века. Выдавая свое мировоззрение за исправленное христианство, протестанты положили в его основу индивидуализм, рационализм и безрелигиозность. Последнюю характеристику нужно прокомментировать. Подавляющее большинство православных называют протестантизм христианской конфессией, незначительное меньшинство скажет, что это – религия, далеко отошедшая от христианства. Оба определения ошибочны: протестантизм вообще не является религией и не был ею никогда. «Религия» в переводе с латинского означает «связь с Богом», а эта связь может осуществляться только мистически, ибо Бог есть чистый Дух. Мистическая же связь обеспечивается таинствами, которые потому так и называются, что рассудочно объяснить их действие невозможно. Харизма же совершать таинства дана Богом Церкви, и только ей. Поэтому, отвергая таинства, а вместе с ними и Церковь, протестанты полностью отрезают себя от единственно возможной, то есть мистической, связи с Богом и превращают свое учение в чисто секулярную (светскую) идеологию, высшей ценностью которой провозглашается человеческое «Я».

Борьба протестантов со все еще религиозными европейцами (католиками) длилась почти три столетия. До-

бившись в результате Тридцатилетней войны 1618–1648 годов значительных уступок, они отпраздновали окончательную победу, совершив Великую французскую революцию 1789 года. Как раз к этому времени в Северной Америке образовались Соединенные Штаты с конституцией, в основу которой были заложены протестантские ценности, объявленные абсолютными (общечеловеческими), так что возникли идеальные условия для «чистоты» эксперимента: вот вам новая обширная и богатая ресурсами территория без воспоминаний, без призраков прошлого, без традиций – выстраивайте на ней свой уклад жизни как сможете. С этого времени США стали главным испытательным полигоном, а затем и оплотом протестантской цивилизации.

Одной из важнейших составляющих уклада жизни является тип хозяйственной деятельности. Протестантизм породил тот ее тип, который известен под названием «капитализм». Теория переходит в практику по следующей схеме: индивидуализм воплощается в право частной собственности на средства производства и в конкурентную борьбу собственников, подстегиваемую усовершенствованием технологии и организации труда; рационализм воплощается в поощрении точных и прикладных наук; безрелигиозность воплотилась в значительное снижение нравственности и вытекающее отсюда возникновение лицемерного и корыстолюбивого «буржуазного общества».

Каков же результат этого эксперимента? Строго говоря, он еще не кончился, но подходит к завершению на наших глазах, так что можно уже подводить его итоги. А итоги таковы: *попытка основать жизнь людского общества, приняв за высшую ценность индивидуальное человеческое «Я», полностью провалилась*. Капитализм, став глобальной системой хозяйствования, подвел человечество к финансовому, экономическому, политическому и

нравственному кризису, для выхода из которого у него нет ни сил, ни возможностей, ни программы действий. Сегодня всем уже ясно, что эта формация себя изжила.

Даже в самый продуктивный свой период, в XVIII–XIX веках, когда капитализм приносил богатейшие материальные плоды, многие люди, живущие в капиталистических странах, были недовольны этой системой. Среди них были как рабочие, которых на первых порах нещадно эксплуатировали хозяева предприятий, так и представители обеспеченных слоев, которых возмущала несправедливость распределения доходов. Поэтому в Европе высказывались предложения перейти к социализму – жизнеустройению, при котором в центр бытия вместо Бога ставится не человеческая личность, а человеческий социум, то есть не «Я», а «Мы». Карл Маркс (1818–1883) даже разработал целое учение, включившее в себя идеи Адама Смита, Гегеля и французских просветителей, из которого следовала неизбежность такого перехода. Европа поаплодировала Марксу, но идти по указанному им направлению поостереглась, зато Россия отважилась поставить на себе эксперимент, параллельный тому, который происходил на Западе. Русским людям, как позже отпавшим от Христа, идея всеобщего братства, которое установится при коммунизме, была ближе, чем проникшимся протестантским индивидуализмом европейцам.

Так в 1917 году началось всемирное историческое соревнование двух вариантов человекобожия, и весь мир затаив дыхание следил за их противостоянием. Кто-то симпатизировал одной стороне, кто-то – другой, но все понимали, что их будущее зависит от того, кто выиграет это соревнование.

Прогнав фабрикантов и помещиков, наш народ исполнился великой надеждой: теперь жизнь потечет совершенно по-другому, исчезнет несправедливость, разделение людей на богатых и бедных, на господ и рабов,

на власть имущих и подданных. Общество будет брать от каждого по способностям, а воздавать по труду. Все богатства страны будут принадлежать нам – простым людям. Эти упования вызвали большой энтузиазм, позволивший в короткий срок осуществить индустриализацию, – это был настоящий подвиг. Люди, совершавшие этот подвиг, мерзли, недоедали, уставали от непосильного труда, но их питала и согревала мечта о светлом будущем, в котором вырастет новый прекрасный человек. Каким же видели они этого нового человека? На этот вопрос легко найти ответ, прочитав «Моральный кодекс строителя коммунизма». Ответ таков: это человек, исполняющий заповеди Христа, – скромный, любознательный (блаженны алчущие и жаждущие правды), способный к самопожертвованию, чистый сердцем и т.д.

Почему же светлое будущее так и не наступило и «новый человек», который был просто переименованным христианином, не появился?

Причина в следующем. Чтобы стать христианином, недостаточно носить в своем сознании образец для подражания, необходимо еще найти в себе силы постоянно следовать этому идеалу, а такие силы может дать человеку только Бог. Но российский эксперимент с самого начала был задуман как попытка жить без Бога, поэтому, как и западный эксперимент, он был обречен на провал. Он и провалился. Социализм стал не нравиться нам все больше, и наконец мы решили сменить его на капитализм, присоединившись в типе хозяйствования к Западу. И по иронии судьбы выбрали до этого как раз тот момент, когда Запад сам не знает, как жить дальше. Это грустно. Но зато мы получили неопровержимое опытное доказательство истинности слов Христа «Без Меня не можете делать ничего».

Пятисотлетний цикл отпадения значительной части человечества от своего Творца и Благодетеля завершается. И снова завершается жестоким наказанием. Но на сей

раз не Бог, а мы сами наказали себя. Ведь это о нас говорил пророк Исаия:

«...О грехе своем они рассказывают открыто, как содомляне, не скрывают: горе душе их! ибо сами на себя навлекают зло» (Ис 3:9). Разве это не мы хвастаемся своим безбожием и не стыдимся своей распущенности? Чего же еще можно было ожидать, кроме того, что с нами сегодня происходит?

Беседа вторая **«Дух животворит, плоть не пользует нимало»**

Беря интервью у какой-то знаменитости, журналисты обычно в конце задают вопрос: «Вы – счастливый человек?» Не глупо ли это? Ведь тот, кого спрашивают, достиг большого жизненного успеха (иначе у него не брали бы интервью), он богат и знаменит, так о чем спрашивать? А вы знаете, в этом шаблонном вопросе есть глубокий смысл, ибо можно добиться славы, денег и комфорта, но быть при этом несчастнее бедняка. Это подтверждается жизнью многих «звезд», головокружительная карьера которых вела, как выяснялось, к потребности в искусственном счастье – в наркотиках. Но эти частные трагедии никого не учат – мир продолжает думать, что счастье есть богатство и слава, а это уже общая трагедия современного человечества. И как всякая историческая трагедия Нового времени, она имеет своей причиной забвение наставлений Христа. В данном случае такого: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16:26).

Стоит хоть чуточку вдуматься в эти слова Иисуса, как их справедливость становится очевидной. Действительно, ведь счастье есть характеристика состояния души, то есть категория внутренняя. Если быть точным, надо говорить не о «счастье», а об «ощущении счастья». Человек счаст-

лив, когда в нем нет мучающих его страстей, нет гнева и злости, когда его чувства находятся в гармоничном согласии и ему открывается главная тайна прочности бытия – его причастность к той «широкой, как море», любви, о которой писал Алексей Константинович Толстой. Именно к такому состоянию, которое и есть счастье, бессознательно стремится душа каждого человека. Ибо оно для нее естественно, и только в нем она обретает себя как полноценную духовную единицу. Всякое же повреждение не дает ей достигнуть этого состояния, и в качестве такой единицы она себя теряет, становясь несчастной. Причинами же повреждений души чаще всего бывают внешние соблазны, особенно соблазны славы и богатств, вернее, страсти, порождаемые этими соблазнами, и как раз об этом предупреждает нас Христос. Но мы давно уже пропускаем Его предупреждения мимо ушей.

Эта глухота к Божьему слову не есть следствие нашего легкомыслия или глупости – это следствие того принципиального, упорного и вполне сознательного *нежелания* допустить какое бы то ни было вмешательство Бога в нашу жизнь, о котором мы говорили в предыдущей беседе. Мы уподобляемся упрямым и злым детям, которые считают, что уже не нуждаются в советах родителей, и на зло им делают все наоборот.

Сегодня в мире редко можно встретить по-настоящему счастливого человека, то есть человека с неповрежденной душой. Это значит, что у большинства людей души повреждены. Повреждает же их тот образ жизни, к которому они приучены с детства и который разрушает их внутреннюю гармонию. Мы страдаем в основном потому, что *живем неправильно*, ориентируясь на какие-то второстепенные ценности (вроде обогащения или публичности) и совершенно игнорируя главную ценность – собственную душу. Мы обеспокоены ростом неврозов и нервных срывов, но в их предотвращении уповаем на психологию – набор противо-

речащих друг другу человеческих фантазий об устройстве человеческой души, само существование которой признается этой наукой как-то неохотно. А в это время в любой стране мира можно купить совсем дешево или даже получить бесплатно книгу, в которой нас учит, как надо вести себя, чтобы не повредить своей душе, Тот, Кто сотворил эту душу и знает все ее особенности, как не может знать ни один психолог. Эта книга – Евангелие.

И по форме, и по содержанию ее текст абсолютно уникален, ничего похожего за всю историю человечества не было написано. Форма уникальна своей доходчивостью – язык евангелистов понятен любому человеку от ребенка до старика, от полуграмотного пастуха до получившего блестящее образование интеллектуала. Но самое поразительное в том, что при всей своей простоте эта форма оказывается пригодной для наполнения многослойным содержанием, углубляясь в которое находишь ответы на все более серьезные вопросы – пока не доберешься до таких, ответить на которые человеку не дано. Но на вопрос о том, как нам надо жить, чтобы не повредить свою душу и спасти ее, Евангелие дает исчерпывающий ответ. А поскольку этот вопрос для нас самый важный, мы говорим, что Евангелие содержит в себе полноту истины, подразумевая под ней *спасительную* истину. Здесь от Евангелия можно получить ответ на любой вопрос – хоть самый общий, хоть конкретный.

Зададим для начала вопрос в общей форме: как надо поступать, чтобы спасти свою душу?

Ровно такой вопрос задает Христу в Евангелии некий богатый юноша, и там, конечно, дается на него ответ.

Сначала Иисус напоминает юноше необходимость соблюдать заповеди Моисея. Узнав, что тот их соблюдает, но хочет большего, Христос говорит ему: «Еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, следуй за Мною» (Лк. 18:22).

Ответ звучит жестоко, но разговор был публичный, назидательный, и Христос знал, что он сохранится для будущих поколений, поэтому предельно заострил проблему. Если встает альтернатива – богатство или спасение души, материальные или духовные сокровища, что ты выбираешь? Юноша этого испытания его решимости спасти свою душу не выдержал, и это заставляет задуматься о себе каждого, кто читал Евангелие.

Вот вам самая общая, стратегическая рекомендация: во всех случаях, когда жизнь ставит тебя перед необходимостью выбирать между материальным благом, радующим плоть, и духовным благом, радующим душу, выбирай второе. Держись этого правила неукоснительно, и всегда в конечном счете будешь в выигрыше; отступишь от него – тебе будет плохо. Вот как просто. А мы сегодня нарушаем это правило и отдаем приоритет материальному, поэтому нам становится все хуже и хуже. Мы чувствуем это и ищем причины ухудшения. В СССР говорили: причина в том, что мы отступили от истинного марксизма и заменили его тоталитаризмом. На Западе говорят: причина в том, что мы отошли от истинного капитализма и заменили его финансовыми спекуляциями. Может быть, это было бы верно, если бы нынешний кризис был социальным или экономическим, но это кризис более глубокий – *кризис материализма*. Факел нашей жизни чадит, коптит и тухнет по той причине, что отключено питающее его начало – животворящий дух, и мы надеемся на бесполезную для воспроизведения жизни плоть. Но это напрасная надежда, ибо плоть может воспроизвести только саму себя, но сама по себе плоть еще не есть жизнь, а есть лишь материальная предпосылка жизни, и ее воспроизведение только в этом качестве бессмысленно. Жизнь есть *одухотворенная плоть*, если же она не одухотворяется, она остается нереализованной возможностью жизни. Дух же, пробуждающий плоть

к жизни, дается ей Богом. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). О том же говорит Христос Никодиму: «Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божие: рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (Ин. 3:5–7). Обратим внимание на такую деталь: то, что дается человеку свыше и одухотворяет его плоть, есть Дух с большой буквы, то есть Дух Божий, а то, во что Он претворяется, соединившись с плотью, становится личным человеческим духом, который пишется с маленькой буквы.

Итак, Евангелие с полной определенностью ставит дух выше плоти. Современный же человек исповедует материализм, то есть ставит плоть выше духа. Когда же возникло это принципиальное расхождение и что было его причиной? Современный человек скажет, что учение о первичности духа есть ложное учение, оправдывающее существование такого паразитического института, как церковь, опровергаемое логикой и несовместимое с научными данными. На самом же деле логика как раз с неизбежностью приводит к этой точке зрения, а научный материал ее убедительно подтверждает.

Начнем с логики. Совершенно ясно, что прежде, чем мы совершим какой-то материальный поступок, то есть приведем в движение нашу плоть, в нас должно возникнуть желание совершить этот поступок или же осознание необходимости его совершить. Но и желание, и осознание суть духовные категории, значит наше духовное управляет нашим материальным, то есть плотью. Что же первично – управляющее или управляемое?

Обратимся к науке, взяв только один ее результат. Наука установила, что материя Вселенной возникла в момент «Большого взрыва», произошедшего 13,7 млрд лет

назад, до этого ее не было. Но принцип причинности, без которого ни о чем невозможно было бы рассуждать и вся наша жизнь стала бы абсолютно непредсказуемой, не может быть нами отброшен, следовательно, «Большой взрыв» имел какую-то причину. Эта причина не могла быть материальной, ибо до «Большого взрыва» материи не было, значит, она была духовной. Что же первичнее – причина или следствие?

Концепция приоритетности материи перед духом не только не подтверждается логикой и научными данными, она вопиюще противоречит и тому, и другому. А если называть вещи своими именами, это полный абсурд, дикость, издевательство над здравым смыслом и фактами. Но этот абсурд положен современным «цивилизованным» человечеством в основу своего мировоззрения и своего поведения. Как могло распространиться это массовое умопомешательство, как взрослые люди могут всерьез утверждать, будто мертвая материя обладает животворящей силой?

Объяснение элементарно. Материализм был закономерным следствием апостасии. Как только европейцы вознамерились поставить себя на место Бога, они начали превращаться в материалистов. Повреждение ума было следствием повреждения воли. Иначе и быть не могло: воля в человеке первична, она подчиняет себе все остальное – и разум, и чувства. Она заставляет разум изобретать теоретические построения, которые обосновывают ее решения, а чувства заставляет придавать этим решениям облагораживающую эмоциональную окраску. В XV веке бывшие христиане пожелали «сами стать как боги» – это был акт их воли. Но пока настоящий Бог считался Творцом всего, в том числе и человека, объявить себя высшими Его было невозможно. Значит, надо было приказать разуму «доказать», что Вселенную не Бог сотворил, а она была всегда, и человека тоже не Бог сотворил, а он возник как-то иначе. Когда есть спрос, непременно появляется и предложение.

Лаплас выполнил первый заказ, «доказав», что научное объяснение возникновения Вселенной «не нуждается в гипотезе Бога», а Дарвин выполнил второй заказ, «доказав», что человек произошел от обезьяны.

Беседа третья «Аз есмь путь и истина и жизнь»

Яд материализма отравляет сегодня сознание людей как на Западе, так и в России. Но действует он на них и на нас по-разному. Это очень важное обстоятельство, на котором следует остановиться.

Европейцы начали вдыхать этот дурман много раньше нас и успели привыкнуть к тому патологическому миропониманию, которое он рождает. Противоестественное восприятие окружающего мира и самого себя стало для западного человека нормой. Люди же, доверяющие своему религиозному чувству, которое подсказывает им совершенно другое мировосприятие, выглядят для них ненормальными. Кто же прав?

Лев Толстой сказал как-то на старости лет: «У меня иногда возникает такое чувство, что все вокруг сумасшедшие, а я один в здравом уме». То же самое может сказать о современном мире всякий христианин. Он и его братья по вере правы, а все остальные, хотя их подавляющее большинство, неправы. В этом нет ничего удивительного, ибо вопрос о правоте не решается голосованием. В IV веке все епископы Римской империи, кроме нескольких, придерживались арианской ереси, но правы оказались эти несколько, не согласные с тысячью. В нашем случае тоже право меньшинство, то есть мы с вами. А как еще может быть, как могут быть правы те, сколько бы миллионов их ни было, кто исходит из шизофренического допущения, будто из материального может само собой возникнуть духовное, что мертвое вещество способно породить жизнь?!

Европейский человек долго сопротивлялся принятию этой шизофренической картины мира, изобретая компромиссные теории, позволяющие сохранить представление о высоком как о чем-то независимом от материи, но в конце концов капитулировал. Он обкорнал свою душу, отсек все ее потребности в высоком и заставил заботиться только об удовлетворении низменного – потребностей тела. Он поборол свои «прекрасные порывы» и смирился с тем, что превратился в *consuming animal* – потребляющее животное, и единственное, что он хочет изменить в своей жизни (естественно, в сторону увеличения), – количество и разнообразие потребляемых им материальных благ. У западного человека атрофированы духовные потребности.

Совершенно по-другому подействовал материализм на Россию. Дело в том, что она приняла его в усеченном виде, а именно – в виде марксизма-ленинизма, в котором два основополагающих принципа – рационализм и антицерковность – были такими же, как на Западе, а третий – индивидуализм – был заменен коллективизмом. В «истмате» в центр бытия вместо Бога ставилось не «Я», а «Мы», то есть социум, поэтому принятый русскими вариант материализма был назван *социализмом*. Это привело к огромному психологическому различию между русскими и западными материалистами. Западный, воспитанный в духе индивидуализма, делался эгоистом, наш, выращаемый в духе коллективизма, остался человеком, «отдающим душу за други своя», каким и был в православии. Советский человек, исповедуя материализм, не утратил такие качества, как самоотверженность, чувство долга, желание служить обществу. Поэтому, когда нас переселили из социализма в капитализм, заставив перейти от коллективизма к индивидуализму, мы почувствовали, что «все не так, как надо», и стали брюзжать.

Так что же, нам теперь следует вернуться в социализм? Нет, в этом не будет никакого смысла. Социализм

неустойчив, он снова начнет агонизировать. Христианское начало коллективизма, называемое в православии соборностью, несовместимо с рационализмом и антицерковностью. Выходить из неустойчивого состояния социализма нам следовало бы путем отмены рационализма и атеизма, а мы именно их оставили. Капитализм более логичен – в нем все три начала созвучны друг другу, так, может, давайте к нему привыкать и, привыкнув, вместе с Западом существовать вечно?

Ни в коем случае нам нельзя этого делать, ибо капиталистический Запад тоже живет «не так, как надо», поэтому и его уклад жизни неустойчив. Только период распада у него длиннее, чем у социализма. Там нет внутреннего противоречия, и это продлевает ему жизнь, но есть противоречие с требованиями, предъявленные внешней инстанцией. Эта инстанция – Творец и Вседержитель всего Бытия, в том числе и людского бытия, Который нас создал, и «жить, как надо» – значит делать то, для чего Он нас создал.

Здесь мы возвращаемся к вопросу «зачем Бог сотворил человека?».

Из Откровения Иоанна Богослова мы знаем, что Богу нужно набрать из людских миллиардов определенное число святых, чтобы заселить предуготованное для них от начала времен Царство. Святые – это обóженные люди, пригодные для пребывания в Небесном Царстве. Процесс их отбора описан в знаменитой евангельской притче. Господь сеет доброе семя, а ночью приходит диавол и сеет плевелы. Господь дает вырасти и тому, и другому, а когда приходит время жатвы, наполняет пшеницей свои закрома, а сорняки сжигает в огне, но добрый плод – это не только святые души, но и вся та часть тварного мира, которая оказалась обóженной – как непосредственно исходящим от Бога Отца Святым Духом, так и отраженной благодатью, исходящей от праведников. Это значит, что Бог ожидает от человека не только того, чтобы он сам пришел

в Царство, но и чтобы привел туда обóженную им тварь. Симеон Новый Богослов в X веке высказал мысль, что в обожении окружающего мира состоит предназначение человека, и этому нас учит Православная Церковь. А как нам обоживать нашу среду обитания? Для этого нужно жить в ней так, как велит Бог, то есть Евангелие.

Как же могла такая дикость, как материализм, овладеть значительной частью человечества? Ответ мы найдем все в том же Евангелии, в притче о человеке, посеявшем пшеницу:

«Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы» (Мф. 13:25).

Сеятель – это Бог; Он сеет Слово, то есть учение Христа. Враг Бога – дьявол; он сеет антислово и противоположную учению Христа о первенстве Духа над плотью философию – материализм. Семенами материализма были догматы протестантизма – индивидуализм, рационализм, антицерковность; хотя Лютер и швырнул в дьявола чернильницу, семена эти были успешно посеяны и через пару веков дали всходы.

Концепция главенства материи – очень коварное изобретение лукавого: приняв ее, попадаешь в заколдованный круг, из которого трудно выйти. Это наглядно показывает нынешняя трагедия нашего народа. Поверив врагу рода человеческого, будто материальное первичнее духовного, мы приняли ложную шкалу ценностей, стали строить по ней свою жизнь – и от этого страдать. Разумеется, мы хотим избавиться от страданий, но для этого надо найти и устранить их причину. А поскольку мы считаем материю началом всего, мы ищем причину в материальном – в низкой зарплате и т.п., а там ее можно искать до бесконечности, ибо она совсем в другом – в духовном убожестве нашей жизни, в ее сосредоточенности на угождении плоти, в ее примитивности, совершенно не устраивающей живую душу и наводя-

щей на нее тоску. Но не в том цель хвостатого, чтобы люди тосковали, – он загадывает дальше. Будучи отменным психологом, он знает, что долго тосковать человек не захочет, и если потребительская жизнь утвердится прочно, высокие запросы его души атрофируются и перестанут его беспокоить. Человек, задуманный Творцом как богоподобное существо, превратится в существо скотоподобное – разве это не будет победой дьявола над Богом?

Тут мы с вами подходим к вопросу вопросов: для чего Бог создал человека? Хотя богословы всегда задумывались над этим вопросом, единого ответа на него – такого, который мог бы быть принят в качестве догмата, – пока не существует. Высказывалось мнение, что переизбыток любви, наполняющий Пресвятую Троицу, заставил Ее сотворить существо, на которое Она могла бы выплеснуть этот переизбыток, поделаясь с ним радостью бытия. Но тут возникают по меньшей мере два вопроса. Почему в качестве соучастников пребывания в океане любви и радости Богу не хватало одних ангелов, почему Ему понадобилось еще и двухприродное, духовно-материальное существо? И еще: если Бог создал человека для радости, зачем Он допускает зубную боль?

Другое объяснение заключается в том, что человек создан как единственное богоподобное в тварном мире существо, задачей которого является *обожение* остального творения. Это – искра духа, внесенная в косную материю, чтобы ее преобразить и приобщить к Творцу. Именно такого рода преобразование и одухотворение мира библейский Бог включает в наказ человеку «возделывать» его (Быт. 2:15). Это звучит убедительно, но порождает новый безответный вопрос: а зачем Богу обоживать тварное бытие?

Очень интересна третья точка зрения, согласно которой конечной целью того грандиозного предприятия, которое именуется «сотворение мира», является обретение Богом в качестве конечного продукта определенного чис-

ла святых, которыми Он заселит предуготованное для них еще до начала творения Небесное Царство. В пользу этой версии свидетельствует такой серьезный документ, как Откровение святого Иоанна Богослова (Апокалипсис): тайнозритель видел своими глазами, как гибнет весь тварный мир и у Бога остаются лишь мученики и праведники, основное ядро которых составляют сто сорок четыре тысячи душ. Логика сотворения мира получается такой: физика создана для биологии, биология для одушевленных тварей, одушевленные твари для человека, человек для святости.

*Как только объем человеческой святости станет соразмерным Небесному Царству, все предприятие свернется и произойдет *рассотворение мира*, описанное в Апокалипсисе.*

Какому варианту отдать предпочтение? Скорее всего, третьему. Во-первых, только он находит *прямое подтверждение* в Священном Писании – остальные два являются плодами размышлений богословов. Во-вторых, в нем имеется стройная причинно-следственная цепочка, одно из звеньев которой подтверждено современной научной космогонией, установившей так называемый антропный принцип: законы физики с самого начала были именно такими, чтобы на их основе оказалось возможно существование биологических полимеров – нуклеиновых кислот и белков, – без которых не было бы жизни, а следовательно, и человека. Значит, богословы ошибались? Как ни удивительно, и они были правы! Достигая святости, человек чувствует в своей душе мир и покой – а это и есть земное счастье; покинув же землю, обретает на небесах вечное блаженство. Что же касается обожения плоти, то способность к этому святых людей доказывается тем, что их тела часто остаются нетленными.

Итак, материальный мир есть не что иное, как почва, сотворенная Богом для того, чтобы на ней произрастали святые души; сама по себе она никакой ценности для Бога

не представляет. Это с очевидностью следует из самой Книги Бытия: «И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что сотворил их» (Быт. 6:5). Как видим, с ликвидацией вершины пирамиды Творцу становятся ненужными и предыдущие ее ступени. А вершина, то есть человек, становится ненужной, если в ней нет святости, а есть одно развращение.

На вопрос же, для чего Богу нужны святые людские души, правильнее всего ответить так: нам, живущим на земле, этого знать не дано. Чтобы понять до конца весь Божий Замысел, надо обладать мудростью божественного уровня, а мы *не божественны*, мы только *богоподобны*. Не будем повторять греха Адама и Евы, дерзнувших проникнуть в непостижимую для человека тайну всего сущего, вкусив от древа познания добра и зла.

Как разведчик или контрразведчик должен неукоснительно исполнять данные ему инструкции, не пытаясь вникнуть во все тонкости плана операции, разработанного в центре специалистами, так и мы должны заботиться и думать только об одном: чтобы выполнить то, чего требует от нас наш Создатель. А Он требует, чтобы мы принесли плод. Как же это сделать? На это нам даны совершенно четкие инструкции:

«Я есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы больше принесла плода... Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» (Ин. 15:5). Пребывать во Христе означает следовать Его заповедям. В них Он указывает нам путь к истине и жизни.

Беседа четвертая «Не вы Меня избрали, но Я вас избрал»

Когда на Тайной Вечере Иуда вышел из горницы и за ним закрылась дверь, Иисус сказал ученикам: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:34).

Почему эта заповедь названа Иисусом «новой» – ведь задолго до этого Он разъяснил фарисею в присутствии большого числа народа, что надо любить ближнего как самого себя и это есть одна из главнейших заповедей (Мф. 22:37)?

На первый взгляд, Христос на Тайной Вечере просто повторил эту заповедь, так что ее никак нельзя назвать новой. На самом деле между этими двумя обращениями имеется принципиальное различие – оно заключается в том, кому они адресованы. В одном случае Христос обращается к конкретному лицу (фарисею) и к каждому индивидуальному человеку, который Его слышит, и говорит «люби», а в другом случае Он обращается сразу ко всем собравшимся, говоря «да любите», так что субъектом восприятия заповеди становится весь коллектив, рассматриваемый как *новая духовная единица*. Отсюда и заповедь делается новой.

Нам необходимо в этом разобраться, иначе мы, имея уши, не услышим того, что хочет сказать нам Спаситель. В этом поможет философия – ведь она, по определению Фомы Аквинского, есть служанка богословия, так пусть проделает черновую подготовительную работу, которая позволит нам перейти к богопознанию.

Философия начинается там, где производится тонкое различие понятий, сваленных в одну кучу под общим термином, она расщепляет эти термины, как магнитное поле расщепляет спектральные линии атомов. Нам надо расщепить слово «Мы», в котором смешиваются два со-

вершено разных понятия: «Мы» как множественность, как совокупность отдельных «Я», и «Мы» как единство, как целостное «сверх-Я».

«Мы» во втором смысле есть не что иное, как духовная единица более высокого порядка, чем духовные единицы, обеспечивающие ее появление, то есть личности. На возражение, что это мистика, ответим, что не меньшей мистикой является возникновение духовной личности из совокупности нервных клеток мозга. Единое «Мы» рождается из множественного «Мы» лишь при определенных условиях, но если рождается, то начинает управлять отдельными «Я», входящими в эту множественность. Каковы же условия его появления? Для этого у совокупности «Я» должны образоваться общие идеалы, общие верования, общие жизненные установки и общие критерии добра и зла; короче, они должны быть *одного духа*. Тогда этот общий дух объективизируется, оторвется от физических лиц и вознесется над ними, являясь автономным и господствующим над физическими лицами. Такие духовные лица второго порядка, называемые народами, нациями, государствами или цивилизациями, и составляют субъекты мировой истории. Специфика духа, наполняющего такой субъект, определяет его особенности и его историческую судьбу. Такова точка зрения философии. Философия говорит нам, что всякий земной человеческий коллектив, психологически настраиваясь на общую идею, тем самым призывает к себе эту идею в ее онтологическом выражении и получает ее с «платоновских небес», поступая в ее распоряжение. Именно так спиритуалисты вызывают дух умершего, который начинает двигать их блюдечко.

Чтобы пойти дальше, нам надо вступить в область богословия.

Ярчайшим и нагляднейшим примером акта (психологический запрос – онтологический ответ) является хорошо известное и документированное зарождение Христианской церкви. Общим чувством апостолов, собравшихся на Тай-

ной Вечере, была любовь ко Христу. Это – психология. На ее запрос апостолам была ниспослана с небес уже онтологическая реальность – Святой Дух Христов.

Перед Своим Вознесением Христос специально наказал ученикам держаться в Иерусалиме вместе, находясь в одном помещении, и ниспосланный Им Святой Дух сошел на всех сразу и почил на каждом отдельно в виде огненного языка. После этого, уже за пределами города, в результате потрясшей народ богодухновенной проповеди Петра, крестившись, присоединились к святому сообществу еще три тысячи человек. «И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2:42). Но такого рода святое сообщество есть не что иное, как Христианская церковь: апостолы играют в нем роль епископов, совместные молитвы – роль церковных богослужений, преломление хлеба – роль евхаристии (причащения). Эта, первая, Церковь Христова была относительно малочисленной – меньше любой современной епархии, поэтому ее можно назвать первым христианским церковным приходом, родившимся в день Пятидесятницы вместе со своими прихожанами. Однако вскоре от него начали отпочковываться и другие приходы в разных областях Римской империи, и к моменту посланий апостола Павла (50-е – начало 60-х годов новой эры) их было уже достаточно много, так что возникла опасность появления разного истолкования учения Христа разными местными церквями вследствие их разобщенности. Во избежание этого началось объединение приходов в Единую Святую Апостольскую Вселенскую Церковь, разделенную на епархии, и была установлена практика созыва поместных и всеобщих (Вселенских) Соборов, на которых коллективный разум делегатов принимает обязательные для исполнения всех епархий вероучительные определения и организационные решения.

Так исполнилось обетование Бога Сына, данное Им ученикам еще во время земной жизни: «Я создам Церковь

Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:18). Уже из этих слов видно, что Христос придает основанию на земле Своей Церкви очень важное значение. Другое место Евангелия делает это еще более очевидным. Накануне своей казни, открыв ученикам, что Он скоро уйдет к Отцу, Иисус добавил: «Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я ушел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16:7). Под Утешителем Иисус имеет здесь в виду Святого Духа, ниспосланного Им в день Пятидесятницы и создавшего Церковь. Выходит, для людей, любящих Христа, лучше иметь Его Церковь, чем Его самого? Это кажется странным, но по зрелом размышлении понимаешь, что так оно и есть. Облекшись в человеческую плоть, Бог Сын подчинил себя законам материи и мог находиться в каждый данный момент времени только в одном месте и общаться только с теми, кто был рядом с Ним; освободившись от плоти, Он получил возможность при посредстве Святого Духа присутствовать одновременно во всех приходах Своей Вселенской Церкви, делая ее тем самым *Телом Христовым*. Это новое воплощение Христа, которое не могло бы совершиться, если бы Он не взшел к Отцу, действительно было более плодотворным, чем вочеловечение, и именно оно породило неслыханную, невиданную и небывалую доселе великую христианскую цивилизацию.

Получается, что и сотворение мира, и вочеловечение Второго Лица Пресвятой Троицы, Его земное служение, крестная смерть, Воскресение и Вознесение к Отцу с ниспосланием Святого Духа на землю увенчалось созданием Церкви. Зачем она так нужна Творцу?

Конечно, полного объяснения этому человеческий разум дать не может, ибо дела Господни неисповедимы. Но частичные объяснения, делающие все менее странным, предложить можно, обратившись к гениальным прозрениям древнегреческой философии элейской школы, донесенным

до нас Платоном. Мудрецы учили, что Сущее не пребывает в одиночестве, а создает свое «Другое» (хетерос), имеющее то же содержание, но иную форму (модус), чтобы иметь возможность видеть себя как в зеркале. «Другое» не равно, но подобно Сущему. Пользуясь этой терминологией, мы можем сказать, что святой человек подобен Христу, а собор всех святых, которому уготовано Царство Небесное, есть подобие Троицы, то есть Ее «Другое». Сотворив мир и получив после его рассотворения сухой остаток в виде Царства святых, Бог обретает свое «Другое», в котором почему-то нуждается. Если поверить Пармениду, что Сущему надо иметь свое Другое и учесть, что, согласно Библии, Бог есть Сущий (Исх. 3:14), то шесть дней творения не покажутся напрасной тратой Богом времени и энергии.

Огромная ценность, каковой является для Бога небесное сообщество святых, делает исключительно ценным для Него и земное сообщество людей, ищущих святости, то есть Христову Церковь. Ее верные чада по окончании времен взойдут на небо и образуют коллектив, представляющий «Другое» Божественного Троиинства – Пресвятой Троицы.

Поскольку Церковь Христова является богоустановленным институтом, человек не может изменять ее назначение, которое сводится к трем видам деятельности.

1) *Сакральная деятельность* – мистическая подготовка пасомых к вечной жизни посредством свершения таинств, особенно Евхаристии. «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6,53).

2) *Просветительская деятельность* – ознакомление паствы и всех желающих с хранимым Церковью учением Христа о Боге, мире и человеке.

3) *Миссионерская деятельность* – донесение Божьего Слова до нехристиан, крещение и воцерковление тех из них, кто на него откликается.

Сакральная функция Христовой Церкви – самая консервативная: таинства как совершались тысячу лет назад, так совершаются и сегодня. Но просветительская и миссионерская функции, по сути оставшись неизменными, должны приспособливаться к меняющимся обстоятельствам – например, к появлению микрофонов, радио и телевидения, к состоянию общества, к политической ситуации и т.п. Церковные таинства свершаются на небесах, в Царстве вечности, социальное же служение Церкви осуществляется в потоке времени и должно соотноситься с особенностями момента.

Сейчас настал тот момент, когда социальные функции Христовой Церкви – просветительская и миссионерская – становятся настолько важными, что от их активизации зависит судьба человечества. Слава Богу, перед ними, соответственно, открываются небывалые возможности. Эти новые возможности связаны, с одной стороны, с глобализацией средств коммуникации, с другой стороны – с тем, что современная наука в возрастающих масштабах открывает все более убедительные подтверждения истинности той картины мира, которую нам рисует Священное Писание. Что же касается *актуальности* этой работы Христовой Церкви, то скажем об этом кратко: от того, как Церковь выполнит эту работу, зависит спасение человечества – не только спасение душ, которое всегда зависело от Церкви, а на этот раз спасение и тел, сохранение жизни на земле.

Речь, конечно, идет о неотвратимо надвигающемся на нас кризисе материализма. Зародившийся в XV веке в Европе и занесенный оттуда, как инфекция, в другие части света, материализм перевернул с ног на голову всю систему ценностей, вложенную в человека его Создателем, заставил людей забросить заботу о душе и сосредоточить все помыслы на заботе о теле, вопреки не только требованиям всех религий, но и советам мудрецов всех стран и эпох; ставить целью жизни получение наибольших телесных наслажде-

ний и предпочитать вниманию к внутренней жизни тягу к внешним развлечениям, тягу к гедонистическому образу жизни. К несчастью, этот губительный для души образ жизни вызывает привыкание, действует как наркотик. Это доказывается тем, что попав из еще живой России в комфортную западную страну, вроде Голландии или Норвегии, человек первые два года тоскует, а затем успокаивается и начинает, как и все окружающие, вести бессмысленную жизнь овоща. И если бы не один секрет мироустройства, то в результате глобализма в один прекрасный момент вся наша планета превратилась бы в овощную плантацию.

Секрет этот заключается в том, что *все* не могут вести гедонический образ жизни. Если какая-то группа людей сидит на наркотике комфорта и развлечений, то какие-то другие люди должны тяжело трудиться, чтобы обеспечить первых этим наркотиком. Сегодня такой наслаждающейся группой является так называемый «золотой миллиард», а обеспечивают ему его золотую жизнь остальные шесть миллиардов. Но грянула глобализация, и эти шесть миллиардов тоже захотели комфорта и развлечений вместо своего тяжелого труда. Но если никто не желает тяжело трудиться, откуда возьмется материальная база гедонического образа жизни? Так материализм сам себя уничтожает. И такое его самоуничтожение уже при дверях. Это и есть сегодняшний кризис.

Выход из него только один: вернуться к тому радостному и спасительному образу жизни, который предписан нам Евангелием. Сделать это следует всему человечеству, но какая-то страна должна стать зачинщицей, и ею может быть только Россия, а внутри нее – Русская Православная Церковь. Православие есть и в других странах, но там оно бессильно, а у нас имеет многомиллионную паству, самый большой и самый квалифицированный богословский корпус и находится под покровительством располагающего ядерным щитом могучего государства. И как главная

хранительница неповрежденного учения Христа наша Церковь обязана громко повторить Благою Весть Господа нашего Иисуса Христа о покаянии и спасении, обратив ее сначала к своему народу, а потом, вместе с ним, ко всем людям на земле.

Когда-то в Первом Риме прозвучала Благая Весть, которая вывела древний мир из тупика самоугождения, разврата и кровавых зрелищ. За два тысячелетия она забылась, и современный мир оказался в том же тупике. Громкое напоминание о Благой Вести прозвучит на этот раз в Третьем Риме – в хранимой Богом нашей Руси, и человечество его услышит. Да будет так!

Эпилог

*Вседержитель! Создатель Вселенной!
Просвети Твое малое стадо!
Снизойди к нашей просьбе смиренной,
Вразуми, чтоб мы жили как надо.
Знаем мы, что путем этим узким,
На чужие пути непохожим,
От веков предназначенным русским,
Мы с Тобою пройти только сможем.
Мы в грехе утопаем сегодня,
Но на нас, этот грех сознающих,
Да прославится сила Господня
Пред лицом поражений грядущих!
Да, мы были у Бога юроды,
Но грядет наше преображенье,
И тогда поведем мы народы
За собою дорогой спасенья.
Ведь лишь русские в век помраченья
Свет Христа в своем сердце носили,
И поэтому долг просвещенья
Он, как крест, возложил на Россию.*

Г. М. Шиманов

ПРИЧИНЫ ГИБЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

...Не ведают бо, что творят.

(Лк. 23 34)

Предисловие

Под христианской цивилизацией я понимаю пространство, на котором располагались некогда государства, называвшие себя христианскими и признававшие своими высшими ценностями истины Евангелия. Начало этой цивилизации положил в начале IV века Константин Великий, прекративший гонение на христиан и признавший их веру главной верой в своей империи.

Эта цивилизация просуществовала более полутора тысячи лет и закончилась в основном в 1917–1918 годах, когда рухнули три христианские империи – Российская, Германская и Австро-Венгерская. После этого христианская вера на былом пространстве христианской цивилизации осталась, Церкви христианские остались, но от христианской государственности остались в лучшем случае только обломки, обреченные на исчезновение. И действительно исчезнувшие к нашему времени.

На месте христианского мира выросла новая цивилизация, называющая себя либеральной, но на самом деле лишь маскирующая свою антихристианскую суть маской свободы.

В чем же причина (или причины) гибели христианской цивилизации? Можно ли объяснить ее случайными обстоятельствами? Случайными обстоятельствами нельзя

объяснить гибели даже одной христианской империи, а их погибло сразу три. Да и весь остальной христианский мир пришел в упадок задолго до краха этих империй.

В здоровых обществах революций не бывает. А если они происходят, то это верный признак болезни этих обществ. И не какой-нибудь легкой болезни, а очень тяжелой. Или даже не одной болезни, а сразу нескольких тяжелых болезней.

Понять причины гибели христианской цивилизации значило бы понять, какие ошибки и преступления, допущенные нашими предками, мы не должны повторять в своем будущем (если оно у нас будет). А без надежды христиан на лучшее будущее и без созидания ими его уже в настоящем христианство обречено на окончательное увядание. Вот почему разумные христиане должны распознавать не только достоинства своего христианства, каким оно складывалось в истории, но и его пороки. Считать свою Церковь, какую она была в истории, совершенной значит не понимать того, что совершен один только Бог.

Хороший полководец отличается от плохого тем, что после проигранной битвы старается выяснить причины своего поражения, понять свою собственную вину, а не переложить ее на кого-то другого. Плохой полководец, наоборот, старается объяснить свое поражение тем, что или солдаты оказались плохими, или ветер подул в ходе сражения не в ту сторону, или Церковь плохо молилась за его победу.

Мы, разумеется, не полководцы. Но оценивать свое прошлое должны по возможности справедливо, не перечеркивая в нем того ценного, что в нем было, и не умаляя того плохого, что в нем было тоже. Оправдывая свою веру, мы должны сосредоточиваться на ценном, а выясняя причины нашего поражения, должны не упускать ничего из того, что было действительно плохим.

В наше время полноценная апология христианства невозможна без выявления пороков исторического хри-

стианства, потому что смешение достоинств с пороками дискредитирует достоинства и не позволяет понять, что нас погубило в прошлом. И какие вещи мы не должны допускать в своем будущем.

Глубинная причина болезней христианской цивилизации

Глубинной причиной гибели христианской цивилизации было младенческое состояние Церкви и христианского государства, в котором возник их союз. Церковь была старше христианского государства, но у нее не было не только опыта общения с ним, но даже более или менее связных представлений о том, каким оно должно быть.

Более того, ранние христиане в своей массе вообще не думали о государстве, а если думали, то как о части порочного мира, который должен погибнуть после Второго Пришествия Христа, которое состоится вот-вот или совсем скоро.

Поэтому отношения между Церковью и христианским государством складывались в основном стихийно, причем ведущей силой в них было христианское государство. Церковь не была в этом союзе полностью пассивна: иногда, утверждая и защищая свои ценности, она решительно проявляла себя, но, повторюсь, в основном ее роль была пассивной.

Казалось бы, проходили столетия, обе стороны знакомились друг с другом, и была возможность сделать их отношения гармоничными. Но этого не произошло. А почему?

О том и пойдет далее речь.

Первая болезнь: профанация господствующего типа христиан

Пока Церковь была гонима, она очищалась этими гонениями от всего безнравственного, что могло к ней при-

стать. Гонения нельзя оправдывать, но нельзя и не замечать их очистительного влияния.

Гонение могучее, постоянное и повсеместное, могло раздавить Церковь или, по меньшей мере, загнать ее в такое глубокое подполье, в котором умножение ее членов стало бы невозможным. Но Бог не допустил этого. Он допустил гонение умеренное, которое очищало ее и создавало тем самым ее авторитет в ее собственных глазах, а также, со временем, и в глазах ее гонителей. И этот авторитет был особенно впечатляющим на фоне все увеличивавшейся нравственной порчи языческого общества.

Публичные казни христиан пропагандировали христианство наилучшим в тех условиях образом. Гонители не сознавали того, что работали на гонимых. Сравнивая две религии, свою и христианскую, лучшие из язычников все чаще отдавали предпочтение последней. Они все чаще принимали христианскую веру, несмотря на связанные с ней опасности. А то обстоятельство, что христианство, преследуемое самыми жестокими казнями, не исчезает, а продолжает расти, свидетельствовало в их глазах о силе христианского Бога.

Вот, думается, та основная причина, которая породила религиозный переворот в Римской империи. Язычники осознали бессилие своей прежней религии и увидели в христианстве силу, способную возродить все лучшее, что было в их империи.

О том, что христиане могут выродиться в условиях торжества христианства, едва ли кто думал. Об этом, скорее всего, не думали ни государственники, искавшие спасительную для государства религию, ни сами христиане.

Но что получилось на деле? Увидев, что государство перестало гнать христиан, язычники, внутренне тяготевшие к христианству, потянулись в Церковь. А после того как христианство стало господствующей религией, в Церковь повалило множество законопослушных граждан,

привыкших равняться на своих императоров. А к этому множеству прибавилось множество карьеристов самого разного толка и ранга. А после того как государство стало преследовать язычников, в состав Церкви вошли и они, запуганные угрозами наказаний. Но кем они стали на деле? Едва ли хорошими христианами. Однако по своей внешности они старались ими выглядеть.

И эта огромная разнородная масса затопила прежнее христианское меньшинство, растворила его в себе почти без остатка.

Ранее для того, чтобы стать полноценными христианами, требовалось пройти школу оглашения, обучения христианской вере и усвоения христианских норм жизни, которые были высокими. Неподготовленных не крестили. Поэтому множество христиан оставалось некрещеными многие годы. Они были членами Церкви, но только отчасти. Их не допускали к главному Таинству христиан и, естественно, к решению внутрицерковных вопросов. И это сознание их неполноценности поддерживало высокий духовный настрой как в уже крещеных христианах, так и в еще не крещеных.

Теперь барьер, отделявший лучших от худших, был снесен, и началось их смешение. А при смешении лучших с худшими всегда побеждают худшие по той причине, что они более эгоистичны. А если так, то и живут в той или иной мере за счет лучших. Они истощают высоко нравственных людей и усиливаются за их счет. А те, наоборот, слабеют. Не сразу, постепенно, но слабеют. И этот эффект особенно заметен при смене поколений.

С торжеством христианства прежние христианские общины, в которых происходило обучение и воспитание полноценных христиан, исчезли. Общины перестроились в большие приходы, в которых средний уровень нравственности прихожан был намного ниже прежнего, как и уровень понимания ими основ своей веры.

Наплыв в Церковь со стороны был так велик, что у прежних христиан теперь уже не было возможности заниматься с каждым новым христианином сколько-нибудь обстоятельно. Исчезла и высоконравственная среда, вне которой полноценное воспитание невозможно. Да и внутренней потребности к совершенствованию у новых христиан, как правило, не было тоже.

Чтобы спасти Церковь от затопления ее недозрелыми христианами, требовалось сохранить прежние жесткие условия для входа в ее актив бывших язычников. Но эта мера замедлила бы христианизацию империи. А медлить было нельзя. Во всяком случае, так, скорее всего, думали вожди империи. Им требовалось завершить религиозный переворот скорейшим образом, чтобы сделать его необратимым. Да и представители Церкви тоже, скорее всего, желали этого.

Промедление с этим делом позволило бы противником христианства организовать и, может быть, развязать в империи гражданскую войну на религиозной почве.

Как показала попытка императора Юлиана Отступника (годы правления 360–363) организовать оппозицию христианству, это опасение было, скорее всего, ложным: язычество в его прежнем виде уже исчерпало свои творческие возможности.

Но жизнь полна неожиданностей. Если одна попытка не удалась, то из этого не следовало, что не удалась бы и вторая попытка или третья. Может быть, на иной, не на языческой, основе. Может быть, на митраистской или на модернизированной иудейской. Поэтому стремление государственников-христиан и вообще всех равнодушных христиан завершить христианизацию империи скорейшим образом было, думается, естественным. И оно понуждало их заботиться не столько о качестве новых христиан, сколько об их количестве.

А каким стало качество новых мирян, таким должно было стать со временем и качество христианского священства. Или, во всяком случае, оно должно было тоже резко снизиться.

Священство формируется в громадной степени из мирян и зависит от их духовного состояния. Зависит не полностью, но все-таки зависит. Оно зависит от высших чинов в Церкви, но от духовного состояния своей паствы зависит тоже.

Прежние христиане были выше новых христиан в религиозно-нравственном отношении, а потому могли судить о качествах своих пастырей. Они могли отвергать тех, которые оказывались недостойными своего звания. И это право, признанное в те времена Церковью, заставляло священство быть на высоте.

Теперь положение изменилось. Низкий уровень паствы делал ее неспособной судить о качествах священства, которое стало зависеть главным образом от своего церковного начальства. Теперь паства не могла не только избирать своих священников и епископов, но даже обсуждать с ними на равных вопросы, связанные с религией. Ее делом стало внимать словам своих пастырей и руководствоваться ими. А если даже не соглашаться с ними, то молча, не подавая виду. Несогласия мирян со священством стали выглядеть со временем дерзостью даже в разговорах в неофициальной обстановке.

Однако примерно в таком же положении оказались со временем и сами священники по отношению к епископам, а епископы – по отношению к патриархам. А патриархи – по отношению к императорам.

В результате эволюции такого рода (которая была, как и положено эволюции, постепенной) у христиан слабела снизу доверху способность к самостоятельному мышлению.

Самостоятельное мышление вырабатывается и поддерживается соревнованиями на равных. Но если оппонент не смеет тебе возражать, то ты и сам утрачиваешь «высокую спортивную форму». Если даже имел ее раньше.

А что такое утрата способности мыслить самостоятельно или изначальное отсутствие в человеке такой способности? Это скрытная катастрофа Церкви и государства. Медленная катастрофа, очень медленная, но неизбежная, если ни Церковь, ни государство не найдут в себе силы осознать это зло и начать от него избавляться.

В первую очередь эта утрата способности мыслить самостоятельно сказывалась на самой большой и самой неграмотной в религиозном отношении части Церкви – на мирянах. Они привыкали быть пассивным материалом, из которого священство могло лепить угодные ему формы. Но только казалось, что могло.

Сама погруженность мирян в мирские дела, как и религиозное их невежество, спасали их от подобной участи. Миряне выслушивали поучения священников и вроде бы соглашались с ними, а потом о них забывали. Или, точнее, ограничивались каким-то минимумом из услышанного, толкуя его про себя уже по-своему. И сохраняли тем самым хотя бы отчасти самостоятельность своего мышления.

Но, похоже, в этом не было ничего страшного для множества из священства. Наоборот: являться вечными учителями вечных невежд было для него делом не только приятным, но и, как представлялось, полезным для общества. Не говоря уж о том, что священники совершали Таинства, без которых Церковь вообще невозможна.

Они удерживали своими поучениями население страны от скольжения во все бóльшую религиозную темноту. А погружение в религиозную тьму повлекло бы за собою все большее гниение и каждого отдельного человека, и всего общества в целом.

Вот какую спасительную миссию выполняло священство. Оно спасало страну от нравственной, а потому и фактической гибели.

А на то, что при этом в самой Церкви происходило нечто непотребное, стоило ли обращать внимание? Да и могло ли твориться в ней что-то непотребное, если она свята по определению?

Но вот что писал о состоянии Церкви в свое время Афанасий Александрийский (293–373): «То, что произошло у нас, превосходит по горечи все гонения. Вся Церковь изнасилована, священство поругано, и еще хуже, благочестие преследуется нечестием» (эту цитату я воспроизвожу из книги о. Всеволода Шпиллера «Страницы жизни в сохранившихся письмах» (Москва, 2004. С. 330)).

В то время в Восточной Церкви, позднее наименовавшей себя Православной, не оставалось ни одного православного епископа, кроме самого Афанасия (позднее причисленного к лику отцов Церкви).

Комментируя его слова, о. Всеволод Шпиллер пишет: «И это записано в четвертом веке, во время христианизации Империи! Какое изумительное свидетельство тому, насколько какое бы то ни было “становление” в Церкви в так или иначе новых для нее условиях всегда было трагически трудным...» (там же).

Другой величайший авторитет православия, вселенский учитель Церкви св. Григорий Богослов (329–389), писал, обращаясь к современным ему епископам: «Было время, что сие великое Тело Христово было народом совершенным, а что ныне – смешно то видеть. Всем отверст вход в незапертую дверь (то есть к сану епископа)... Приходите сюда утучневшие, винопийцы, одевающиеся пышно, обидчики, снедающие народ, лстецы перед сильными, двоедушные, рабы переменчивого времени – приходите смело: для всех готов широкий престол. Все толпитесь около Божественной трапезы, и теснясь и тесня других... Кто

смотрит на вас, тот пойдет противоположной стезей. И это единственная польза от вашей испорченности».

Другой вселенский учитель Церкви, св. Иоанн Златоуст (347–407), писал нечто подобное: «У нас, оттого, что нет никого совершенно здорового в вере, но все больны – одни более, другие менее, – никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и расстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще он мог представить себе других врагов хуже нас; потому что мы идем такой дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!»

Ему же принадлежат и такие слова: «...Ныне грехами страдают начальники Церкви... Беззаконники же, обремененные тысячею преступлений, вторглись в Церковь, откупщики сделались настоятелями. Это бесчиние получило некоторый законный вид и особенно распространяется: если кто согрешил и обвиняется, то такой старается не о том, чтобы доказать свою невинность, а о том, чтобы найти сообщников для своих преступлений».

Процитированные выше слова Григория Богослова и Иоанна Златоуста взяты мною из книги «Крестный путь Иоанна Златоуста» (Москва, 1996. С. 3, 5. Составительница О. В. Орлова).

Объясняя причину такого состояния Церкви, Иоанн Златоуст писал: «Безопасность есть величайшее из гонений на человечество – хуже всякого гонения. Никто не понимает, не чувствует опасности – безопасность рождает беспечность, расслабляет и усыпляет души, а диавол умерщвляет спящих» (цитата взята мною из статьи протоиерея Георгия Флоровского «Иоанн Златоуст»). «У него, – пишет Флоровский, – было впечатление, что он проповедует людям, для которых христианство стало лишь модной одеждой».

Возникает вопрос: если внешняя безопасность Церкви действительно смертельно опасна для нее, как думал Иоанн Златоуст, то не смертельный ли это приговор самому хри-

стианству? Ибо что же это за правда, которая может жить только в условиях гонения на нее, а как только гонение прекращается, то превращается в неправду?

Или, быть может, Иоанн Златоуст, при всех его достоинствах, отрицать которые невозможно, проявил в данном случае близорукость, вполне объяснимую исторически? Не догадался о том, что дело не в безопасности для христиан, а в их неспособности правильно организовать свое общество в условиях союза Церкви и государства?

Вторая болезнь: преследование еретиков

Преследование еретиков усугубляло профанацию самих православных христиан.

Не говоря уж о том, что принуждение к вере силой абсолютно несовместимо ни с духом, ни с буквой Евангелия, оно лишало православных христиан возможности спорить с инакомыслящими на равных. А что это значит?

Побеждать оппонента, которому зажали рот, – это никакая не победа над ним. Такая «победа» ослабляет «победителя»: он утрачивает свою «спортивную форму».

Вместо того чтобы соревноваться с иноверцами и еретиками в раскрытии правды своей веры и тем самым совершенствовать свою мысль, православные успокаивались на достигнутом и засыпали духовно. Засыпали не полностью, достигнутое не забывалось ими, но совершенствования их мысли, повторяю, не происходило.

Кроме того, преследование инакомыслящих способствовало развитию в православной среде лицемерия – умения быть православным снаружи, а внутри неизвестно кем.

Что должны были чувствовать и думать еретики, насильно загнанные в православие? Можно предположить, что наружно они старались выглядеть вполне православными, чтобы избежать наказаний, но что происходило у них внутри? Кто знает. Но едва ли что-то действительно согласное с православием.

И лишь в дальнейшем, со временем, и немалым, в силу привычки к наружному облику, навязанная им вера могла стать поначалу второй, а затем и первой их натурой. Потому что привычка – великая сила.

Но и вред, нанесенный православному обществу на ранней стадии его развития, – это тоже сила ничуть не меньшая. Если не большая.

Однако и сказанным не ограничивается тот вред, который порождался преследованием еретиков.

Соседние государства в ходе их войн с Византией сулили преследуемым византийским еретикам свободную жизнь в их собственном мире. И на первых порах действительно ее обеспечивали. Эта пропаганда не могла не действовать на еретиков, населявших прифронтовые окраины Византии. Они активно помогали врагам православной империи. Поначалу персам, а затем победителям персов – арабам с их новой мусульманской религией.

С ходом истории территория Византии постоянно сокращалась и в конце концов превратилась в смешную величину вокруг своей столицы. Вот что бывает, когда население страны эгоизируется. Все заняты своими делами, никому нет дела до своего государства.

*Третья болезнь: незавершенность
«симфонии Церкви и государства»*

Союз Церкви и государства складывался стихийно, активной стороной в нем было государство. Но это не значит, что Церковь была мягкой глиной в его руках. Там, где возникал вопрос об истинной вере, Церковь мужественно отстаивала ее. Не вся целиком, но в лице лучших своих представителей.

Правда, к моменту возникновения союза Церковь, похоже, стала уже уставать от ожидания обещанного, но так и не состоявшегося Второго Пришествия Иисуса Христа. Поэтому она восприняла обращение государства в ее веру

как сошедшее с Неба благо, что и соответствовало действительности в главном. В главном, но не во всем. Это было не только великое благо, но и великое для нее испытание.

Идеология союза Церкви и государства была сформулирована императором Юстинианом в VI веке и принята Церковью без обсуждения. А затем закрепилась на века под названием «симфония двух властей».

Эта теория до ее фиксации Юстинианом как бы носилась в воздухе в главных своих чертах, а ее зародышем можно считать слова Константина Великого, объявившего себя «епископом по внешним делам Церкви».

Эта теория была правильна в своей основе, но больше основы в ней не было ничего. Она была подобна фундаменту, сделанному для строительства дома, но самого дома на нем построено так и не было.

Она правильно ориентировала Церковь и государство на гармонический союз, но умалчивала о том, что совершенная гармония в этом грешном мире невозможна.

Умалчивала она и о том, что природа Церкви и природа государства различна, а потому и характер восприятия действительности ими тоже различен. Не полностью, но все же различен.

Церковь видит действительность в гораздо большей степени под знаком вечности, а государство – в гораздо большей степени с точки зрения конкретных политических нужд.

Поэтому какие-то противоречия между союзниками при всем их согласии в главном неизбежны. А если так, то как относиться к этим противоречиям? Как заключать их в разумные рамки, чтобы они не разрастались и не подрывали столь драгоценный союз? Чтобы ни Церковь не уродовалась подчинением ее государству при ее несогласии с ним, ни государство не уродовалось навязыванием ему несвойственного ему образа мышления и действий?

Об этом в теории Юстиниана не было ни слова.

В ней говорилось, что Церковь и православное государство одинаково служат Богу, а различие их только в том, что Церковь занята сугубо церковными делами, а государство в лице императора заботится о государственных делах и, сверх того, опекает Церковь в ее нуждах.

Вот такое «маленькое» различие в правах. Церковь не должна совать свой нос в государственные и общественные дела, это запретная для нее зона, а император имеет право «опекать» Церковь и наводить в ней порядок. Так получалось фактически, хотя сказано об этом было в высшей степени деликатно, и потому, надо думать, слова о заботе императора о Церкви ласкали слух ее представителей.

Но почему, спрашивается, Церковь не имеет права думать о государстве и обществе? Разве ее мысль не распространяется, начиная с Бога, на все мироздание и всю человеческую историю? А человеческая история – это история государств и обществ по преимуществу.

Да и может ли Церковь правильно думать о самой себе, если исключит себя из этого контекста? Сами церковные каноны, оторванные от общественной и политической жизни, утрачивают здравые новозаветные начала и ориентиры и превращаются в средства манипуляции сознанием членов Церкви в политических интересах церковного начальства.

Юстиниан не провел даже приблизительно точной границы между сферами приложения сил Церкви и государства. Не сказал ничего о том, как быть Церкви, если государство, используя свою материальную силу, начнет хозяйничать в Церкви под предлогом наведения в ней порядка. Не сказал ничего о том, каким должен быть механизм обуздания произвола с любой стороны и восстановления гармонии между ними.

Эта теория не предусматривала, как быть, если император, пользуясь своей материальной силой и правом «заботиться» о Церкви, начнет наводить в ней еретические порядки.

А ведь так и произошло. В 730 году император Лев III запретил культ икон, а в 754 году этот культ был объявлен собором ересью. Стало быть, иконоборчество было поддержано высшим священством, да и не только высшим. Сопrotивление иконоборчеству было. Его разоблачали и римские папы, и значительная часть монашества.

Но тем не менее иконоборчество господствовало в стране до 787 года, когда православие было восстановлено Седьмым Вселенским собором, созванным в царствование императрицы Ирины (так у митрополита Илариона Алфеева – «Православие». Т. 2. С. 58). А затем началась борьба с переменным успехом между двумя сторонами, и окончательное почитание икон было утверждено лишь в 843 году. Но и на этот раз решающую роль в победе православия сыграла православная жена императора-иконоборца после его смерти. Она сместила патриарха-иконоборца и назначила православного. А затем созвала православный по своему составу собор.

Но что же в таком случае получается? У кого власть, тот и решает, что истина, а что ересь? Или не так? А если не так, то в чем же тогда критерий истины?

Римские папы, обличая еретиков, вроде бы им обладали. Но затем сами приняли ересь «филиокве». Да и господство императоров-еретиков в Константинопольской Церкви – разве мелочь, не заслуживающая обсуждения в Церкви?

Но вот на какое еще обстоятельство обратил внимание историк А. П. Каждан. «Половина византийских императоров, – пишет он, – была насильственно лишена престола: одни из них отравлены, утоплены, ослеплены, других заточили в монастырь» (А. П. Каждан. Византийская культура. СПб.: Алетейя, 2006. С. 103).

Несколько иную информацию сообщает протоиерей Александр Захаров: «...Из ста девяти византийских императоров своей смертью умерли только тридцать пять, осталь-

ные семьдесят четыре были убиты. В 74 случаях из 109 престол переходил не к наследнику по праву наследства, а к цареубийце по праву захвата... И Византийская Церковь... *религиозно оправдывала* (выделено мною. – Г. Ш.) такие подвиги. Патриарх Полуевкт, коронуя цареубийцу Цхимицхия, провозгласил с церковной кафедры: «Помазание на Царство смывает все грехи, в том числе и грех цареубийства: победителей не судят» (см. книгу протоиерея А. Захарова «История русского народа» (СПб., 2009. С. 150, 151)).

А что оставалось делать Церкви? Не воевать же с новым императором...

Это к вопросу о совершенстве теории Юстиниана.

Дополнение к трем главам о болезнях

А теперь вот какое важное добавление к моим главам о болезнях ХРИСТИАНСКОЙ цивилизации. Читая их, легко впасть в крайность, решив, что ничего в ней, кроме болезней, и не было. Но это не так. Если бы не было, то не прожила бы она так долго. А она пережила гибель Византии, которая успела передать России свою еще относительно неповрежденную православную веру (но о России у нас будет особый разговор).

Что же до Западной и Средней Европы, по преимуществу еретической, то перечеркивать ее ценность полностью, думаю, было бы неправильно. При всех своих пороках еретики верили в Богочеловека Иисуса Христа и признавали основным источником своего вероучения Ветхий и Новый Завет. Игнорировать эту веру православные люди могут лишь в состоянии крайнего ослепления.

Какие же достоинства, порожденные христианской цивилизацией, нужно отметить хотя бы кратко?

Начну с того, что союз Церкви с христианскими императорами позволил последним организовать Вселенские соборы, переоценить значение которых невозможно. На них был отчеканен новый Символ веры, куда более со-

вершенный, чем прежние христианские Символы веры. На Вселенских соборах было развито христианское вероучение, куда более богатое, чем прежние христианские вероучения. Если сказанного кому-то мало, то пусть сам дополнит недостающее.

А я коснусь вкратце других достоинств христианской цивилизации.

До союза государства с Церковью последняя состояла из меньшинства населения Римской империи (примерно одна десятая часть). А по сравнению с другими народами, окружавшими империю, эта часть была и того меньше. И продолжалось бы умножение членов Церкви в прежних условиях ее существования или остановилось бы на достигнутом уровне – это вопрос, ответа на который мы не знаем. Могло и остановиться, потому что в неразвитом обществе на подвиг веры способно лишь его меньшинство.

Союз же Церкви с христианскими императорами (а в дальнейшем и с другими главами христианских государств) позволил привлечь к христианской вере не только подавляющее большинство населения Европы, но и соседние с ней народы. А в дальнейшем проповедовать христианскую веру едва ли не во всем мире.

Пусть это распространение веры среди большинства народов происходило за счет снижения ее качества и других отрицательных эффектов. Но учитывать лишь минусы, связанные с этим распространением, не замечая связанных с ним плюсов, нехорошо.

Ценнейшим плодом этого союза было то, что начатки христианства стали теперь доступны на территории христианских государств практически всем, кто хотел с ними познакомиться. А усвоившие их, как правило, могли совершенствоваться в христианской вере, если такое желание у них было. А не возникало оно в массовом масштабе лишь потому, что могучая сила привычки к пассивности и взаимозависимость пассивных людей друг от друга удерживала их.

живали их от стремления к совершенствованию самих себя и своего общества.

Все сказанное не имело бы никакого значения, если бы христианство было просто одной из религий, если бы оно не несло человечеству высших истин, спасительных для него.

Но оно открыло людям то, до чего они никогда не додумались бы сами. Оно открыло им такой масштаб понимания бытия, который был несоизмерим с привычным для них масштабом. Хотя этот связанный с вечностью масштаб, даже открытый людям в евангельских словах, постигался ими с большим трудом и был постижим только отчасти. Потому что сама человеческая природа отлична от природы Творца и, кроме того, отягощена первородным грехом.

При всех безобразиях, происходивших в Церкви и во внутренней жизни христианских государств, нравственное обновление человечества в их пределах действительно произошло, и оно было значительным. Измерить его меру более или менее точно человеческим умом невозможно, но уже тот факт, что языческая империя, умиравшая перед тем от бездуховности, приняв христианство, прожила еще более тысячи лет, свидетельствует об этом. И не просто прожила, а создала великую культуру, равной которой не было ни до нее, ни после нее.

Тот факт, что после веры в человекоподобных богов всем членам христианских государств стала доступной мысль о Боге как о нравственном совершенстве, переоценить невозможно. Как было связать эту мысль со сложностями конкретной жизни людей, это другой вопрос. Но думается, что работа умов в этом направлении была не бесплодной. И все лучшее, что было в последующей истории, было связано прямо или косвенно с этой мыслью.

Мало того. Христианство связывало мысль о Боге как о нравственном совершенстве с мыслью о том, что Он – Отец всех добрых людей, любящий их и заботящийся о них. А если так, то, значит, они братья и сестры. И как бы ни раз-

деляли их племенные, социальные и всякие иные противоречия, они родственники и потому обязаны не забывать о столь важном обстоятельстве.

Вот основные мои соображения на этот счет.

А теперь такой вопрос: чего было все-таки больше в христианской цивилизации – добра или зла? Я думаю, что добра. Она умерла, но не вся целиком. Она оставила после себя огромное богатство, в которое входят и ее достижения, и ее болезни, которые тоже поучительны для потомков.

В некотором смысле ее смерть можно сравнить со смертью зерна, которое, умирая, изводит из себя новый росток. Но в данном случае это росток духовный. И выживет он, нет ли, мы пока не знаем.

Первая явная катастрофа в жизни христианской цивилизации – раскол Церкви на две враждующие половины. Внутренние болезни Церкви, усиливая друг друга, порождали среди православных христиан эгоизм, который разрастался и разрушал ее изнутри. Спасти ее от этого разрушения могло бы только осознание своих болезней и изучение их причин. Но такого изучения не было. Было, в некотором смысле, их оправдание.

Оно происходило по той причине, что в истории христианской цивилизации на первых порах успехи союза Церкви и христианского государства намного превосходили связанные с ним пороки. И на эти успехи списывались пороки. «Лес рубят – щепки летят».

Однако со временем эти успехи уменьшались, а пороки делались все заметнее. Начальники Церкви и христианские императоры старались их прятать под парадной внешностью, но сама эта внешность становилась со временем все прозрачнее и плохо справлялась со своей задачей.

Как уже сказано, беда была в том, что болезни христианской цивилизации порождали в православных христианах эгоизм, который разрушал изнутри Церковь и христи-

анскую империю. Но православные идеологи и писатели, как можно предположить, или не очень-то сознавали их значение или, опасаясь дискредитировать Церковь и православное государство полной правдой, сообщали о них малость и вскользь.

А теперь к сути заявленной выше темы. Самым большим порождением эгоизма в православной империи было противоречие между православными императорами, с одной стороны, и православными римскими папами, с другой. Каждая из этих властей стремилась к полной власти и не хотела разумного компромисса в интересах Церкви и православного государства.

Православные монархи, как помним, считали себя носителями высшей благодати и потому не понимали, с какой это стати им отказываться от столь великого дара.

У православных римских пап были не менее веские основания считать себя высшей властью.

Их авторитет стал следствием не только того, что Римская кафедра была овеяна славой первоверховных апостолов Петра и Павла, закончивших в Риме свои жизни мученическими подвигами. И не только следствием того, что кровь мучеников за Христа, пролитая в Риме, была несравнимой по своему обилию с кровью, пролитой ими в других городах (в столицу языческой империи свозились многие тысячи «свидетелей веры» со всех ее концов).

Авторитет Римской кафедры был высок еще и потому, что римские папы в эпоху Вселенских соборов были намного бóльшими защитниками Православия, нежели восточные иерархи.

Так, например, «император Констанций неустанно преследует святого Афанасия, а папа Юлий поддерживает его и защищает против всего Востока. Папа Иннокентий энергично протестует против преследований святого Иоанна Златоуста и после его смерти первый поднимает вопрос об очищении памяти святителя от наветов. И,

наконец, папа Целестин поддерживает всей силой своего авторитета святого Кирилла Александрийского в его борьбе против ереси Нестория, пользовавшегося покровительством императора. И нет сомнения, что без помощи апостольского престола Патриарх Александрийский, несмотря на всю свою энергию, не в силах был бы одолеть дружного напора императорской власти и большей половины греческого клира. Этот контраст между образом действия Империи и папства можно проследить и далее в истории всех восточных ересей, которые не только пользовались покровительством императоров, но были иногда и их личным изобретением (ересь монофелитская – императора Гераклия, а ересь иконоборческая – Льва Исаврянина)...» (Владимир Соловьев. Россия и Вселенская Церковь. М., 1911. С. 286–287).

Мне могут сказать, что процитированный выше Владимир Соловьев – это западник и апологет римских пап, а потому можно ли доверять его словам? Я думаю, что можно, потому что не встречал еще нигде их опровержения.

Разъясняя причину того, почему римские папы были такими смелыми, а восточные иерархи такими покорными императорам, отметим, что восточные находились в непосредственной близости от центра императорской власти, а римские папы – далеко за морем. Дотянуться до них императорам было нелегко даже в лучшие для империи времена, а затем, по мере ее сокращения, стало и вообще невозможно.

Останавливал императоров и авторитет Римского престола, который по традиции признавался всей Церковью более высоким, чем авторитет любой другой из местных церквей. «Первая среди равных» – так называли Римскую Церковь, и эта формула выражала истинно православное отношение к ней и ко всей Православной Церкви в целом. Первая по своему достоинству, но никак не первая по своим правам.

Однако среди православных римских пап далеко не все принимали эту формулу православия. Среди них были такие формально православные, которые, если не ошибаюсь, уже с V века настаивали на верховной власти римских пап.

Возможно, это противостояние двух несогласных взглядов на природу Церкви продолжалась бы еще долго в Западной Церкви. Но расколу помогла новая ересь, зародившаяся в Испании и учившая, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Сына (т. наз. «филиокве»).

Кто изобрел эту ересь, точно сказать нельзя. Но если исходить из того, кому она была выгодна, то можно указать на живших в Испании маранов (крещеных евреев, сохранявших в тайне свою верность талмудическому иудаизму).

Талмудическое иудейство в лице его идеологов и вождей было крайне заинтересовано в раздроблении Церкви и последующей вражде между ее частями. В этом случае талмудисты могли помогать (разумеется, скрытно) той из них, которая отвечала бы их политическим интересам в наибольшей степени. И таким образом формировать нужную им псевдоцерковь.

А если они были заинтересованы, то и должны были прилагать усилия к этому, ибо они не голые теоретики, а по преимуществу практики.

Если бы все православные христиане были действительно православными, то талмудисты, при всех их талантах и возможностях, были бы бессильны. Но в том-то и дело, что болезни Церкви внутренне раздробили православных и породили в них эгоистические интересы, которые росли при сохранении этих болезней. А если росли, то иудейские разведчики могли находить полезных для своего дела православных эгоистов и помогать им незаметно для них самих. Даже в том случае, если те были антисемитами.

Так или иначе, но ересь успешно росла, перекинулась из Испании в Италию и завоевала Рим. Католическая цер-

ковь включила ее в свой Символ веры. И не только включила, но настаивала на признании ее Православной Церковью.

А это была уже достаточная причина для окончательного разрыва между православными и католиками. Две Церкви в лице своих предстоятелей анафематствовали друг друга, после чего вражда между ними усиливалась чем дальше, тем больше.

В результате христианский мир резко ослаб. Его истожала не только вражда, но и взаимная борьба двух половин друг с другом.

Вторая явная катастрофа в жизни христианской цивилизации – гибель Византии и раскол Католической церкви на две враждующие половины.

О гибели Византии достаточно сказать, что она была столь же позорной, как и последующая гибель Российской империи, а также не менее позорная гибель СССР.

Византия сгнила от собственных болезней, ее император принял унию, и его поддержала в этом значительная часть священства. В Софийском соборе до прихода турок звучал униатский Символ веры.

Что же касается катастрофы в Католической церкви, то ее в двух словах не опишешь.

Протестантская революция в западном христианстве была порождена во многом самим Римом. Это он подготовил для нее нравственную и умственную почву. И на этой почве стали расти умозаключения смельчаков, державших критиковать своих руководителей все более жестко. Но была ли их критика конструктивной?

За исключением некоторой их части, желавшей восстановить в Католической церкви соборность или приблизиться к ней, критика большинства была сходна с критикой советской системы нашими «демократами», то есть антисоветчиками, которые сумели, не без помощи Запада, развалить СССР и создать на его месте систему, запрограмми-

рованную на самоуничтожение. Но если антисоветчикам удалось столкнуть в пропасть всю страну в целом, то протестантам удалось столкнуть в пропасть лишь половину западного христианства.

Первым по времени протестантом стал Лютер (1483–1546). Этот католический монах, священник и богослов начал с того, что прибил в 1517 году к дверям соборного храма в городе Виттенберге (Саксония) 95 тезисов, в которых обличал безнравственную торговлю индульгенциями. Эти тезисы объединили различные сословия Германии в их борьбе за независимость от римских пап. Особенно активно поддержали Лютера немецкие князья, мечтавшие освободиться от власти Ватикана.

Обвиненный Римом в ереси, Лютер отказался предстать перед церковным судом, а в 1520 году публично сжег папскую буллу, отлучавшую его от Церкви. Вскоре он становится центральной фигурой антиримской оппозиции и разрабатывает основы протестантизма.

Лютер был, несомненно, искренним христианином, но искренность не гарантирует от заблуждений. Нужна духовная трезвость и зоркость, а их у Лютера не было.

Пороки папизма действовали на него, как на быка действует красная тряпка. Праведный гнев Лютера ослеплял его разум.

В нем было что-то роднившее его с нашим Петром I и российскими большевиками. Те и другие ненавидели порядки, которые были в прошлом и с которыми они стали бороться не на жизнь, а на смерть. Но вместо того чтобы увидеть в них болезни общества и лечить его, они, выражаясь образно, вырубали эти болезни топором вместе с больными органами.

Вместо того чтобы очищать священство от налипших на него грехов, Лютер упразднил его в своем протестантизме вместе с его грехами. А заодно упразднил и церковные Таинства, которые были невозможны без священства. А за-

одно и Предание Церкви, которое использовалось католическим священством для защиты папизма. А заодно и монашество, которое препятствовало, по его мнению, торжеству правильного христианства. Он упразднил и почитание святых, потому что они тоже не вмещались в его учение.

Обновление жизни в результате этих «реформ» было разительным, и оно радовало обновителей. Но к чему оно приведет в дальнейшем – об этом они не знали. Не знали и не хотели об этом думать.

Если бы Лютеру приснился вещий сон о будущем, в котором он увидел бы современное нам западное общество (с его фактическим безбожием, с его нравственной деградацией, с его отмиранием семьи, с его педерастией и другими «цветами зла»), то, скорее всего, он схватился бы за голову. А затем, придя в себя, задумался бы о том, почему так получилось.

Лютер великолепно скомпрометировал своими ложными крайностями то дело, за которое боролись лучшие из католиков, осознавшие еще за столетие до него пагубность папизма в его крайних формах и выступавшие за подчинение римских пап Вселенскому собору (в их числе был знаменитый философ и богослов Николай Кузанский). В отличие от Лютера, эти критики папизма не связывали очищение Западной церкви от ее скверн ни с отвержением Таинств, ни с отвержением священства, ни с отвержением монашества, ни с отвержением святых, ни с отвержением Священного Предания Церкви.

Но возможна ли была их победа? Думается, что в условиях того времени едва ли. Соборное движение, возникшее в католическом мире в XV веке, было правильным по своей направленности, но неполноценным в том отношении, что, борясь с папизмом, сохраняло догматику, выросшую на почве папизма.

Кроме того, борясь за соборность, католики едва ли хорошо сознавали, что она есть такое. Ведь это совсем не про-

стая тема. Как соединить иерархию, без которой Церковь невозможна, со свободой лиц, ее образующих?

Эту тему не сумел раскрыть даже православный Восток, который агонизировал в это время вместе с остатками своей империи.

Однако не менее важным обстоятельством, препятствовавшим торжеству соборного движения в Католической церкви, была заинтересованность могучих капиталистических сил в том, чтобы не только не допустить возрождения Западной церкви, но и расколоть ее, ослабив тем самым еще больше.

А если эти могучие силы, действовавшие как внутри католического мира, так и вне его, были заинтересованы в этом, то, несомненно, прилагали усилия для достижения этой цели. Сначала содействовали нравственной деградации верхушки Западной церкви, а затем, раздувая ее пороки, незаметно помогали восстанию против нее.

Идейные союзники Лютера (и в то же время его соперники) стали рождаться во множестве после того, как он дал им пример.

Одним из самых значительных новых идеологов протестантизма стал Жан Кальвин (1509–1564). В отличие от Лютера, страстно обличавшего ростовщиков, он оправдал ссудный процент, ограничив его размеры пятью процентами и оговорив предоставление ссуды благочестивыми условиями. И в эту брешь, пробитую им в христианском мире, бросились, расширяя ее, поклонники несправедливого стяжания.

Здесь надо сказать, что римские папы еще задолго до рождения Кальвина разрешили заниматься ссудными операциями так называемым крестоносцам, но лишь в порядке исключения. А остальные католики занимались ими едва ли не с тех же пор полулегально: и банкиры итальянских городов-республик, успешно финансировавшие римских пап, и католические ордена, и католические монастыри, и

отдельные католические епископы. Так что заслуга Кальвина перед капитализмом была в том, что он легализовал банковскую деятельность в глазах своих последователей и сделал тем самым кальвинизм привлекательным для всех, искавших обогащения посредством нетрудовых доходов.

Но не только этим. Другая заслуга Кальвина перед капитализмом была в том, что он сумел облагородить капиталистическое предпринимательство, придать ему самые привлекательные черты.

Результатом стала идейная двойственность кальвинизма: снаружи – истинно христианская забота о спасении своей души посредством угодного Богу служения бедным, внутри – материальное обогащение со всеми сопутствующими ему удобствами.

Эта двойственность усиливалось еще оттого, что сам Кальвин и первые его последователи делали упор на благочестии (и не исключено, что вполне искренне), а последующие кальвинисты расслабились по этой части и рассуждали примерно так:

«Человек должен верить в Бога и творить добро. А добро заключается в неустанном труде, имеющем своей целью умножение его собственного капитала. А зачем христианину умножение его капитала? Чтобы иметь возможность помогать людям. Как будешь им помогать, если ты нищ и сам нуждаешься в помощи?

Поэтому, умножая свой капитал, человек не имеет права транжирить его на личные и семейные удобства, кроме самых необходимых. И тем более не имеет права предаваться развлечениям и наслаждениям, даже самым, казалось бы, невинным. Соединение личного и семейного аскетизма с полной сосредоточенностью на трудовой деятельности, понятой вышеозначенным образом, – вот путь в Царство Небесное».

Это была революция в христианском представлении о смысле человеческой жизни и человеческого труда. Тра-

диционно труд понимался как способ содержания своей семьи или как способ служения Церкви и государству, позволяющий трудящемуся содержать себя и свою семью. Но и только. Ни о какой желательности умножения личного капитала в проповеди Христа не было ни слова. Наоборот, Он предупреждал об опасности личного обогащения. На что Кальвин и его последователи закрыли свои благочестивые глаза. Или объясняли соответствующие евангельские тексты самым благоприятным для честных дельцов образом.

«Всякий истинный христианин, – учили они, – должен с детства готовить себя к будущему труду, приобретать общую грамотность и изучать досконально свою будущую профессию. Он должен вести здоровый образ жизни, быть чистым, опрятным, подтянутым. Должен быть глубоко нравственным в своих отношениях с людьми и безукоризненно честным в своих деловых отношениях. Не унывать и всегда надеяться на Бога».

На фоне царивших в то время в западном мире невежества и нищеты такая проповедь была убедительна для многих. Сравнивая благочестивого преуспевающего дельца с грязными нищими, с пьяницами и развратниками всякого рода, трудно было не отдать предпочтения богобоязненному обладателю все увеличивающегося капитала. Он выигрывал даже в сравнении с неплохими, но заурядными и, главное, небогатыми людьми, которые не могли состязаться с ним по части благотворительности. А потому и по части уважения, которым он пользовался в обществе.

Жена за таким обеспеченным и высоконравственным мужем была как за каменной стеной. Голод ей не грозил. Жила она не в грязной лачуге, а в хорошей чистой квартире. Удобной, но, разумеется, без излишеств. Одевалась скромно, но не в тряпки, которые унизили бы не только ее, но и ее мужа. А как ей должны были завидовать многие женщины! Как должны были заискивать перед нею не только

женщины, но и мужчины, нуждавшиеся в помощи. Она же главный информатор своего мужа по части благотворительности. Именно от нее, при его-то занятости, он знал, кому помочь, а кто не заслуживает помощи.

И дети такого правильного христианина были тоже обеспечены. Они получают лучшее образование, а затем, пользуясь связями своего отца и его ценными советами, займут достойное место в обществе. Не говоря уж о том, что наследуют его капиталы.

Не прогадают от близости с благочестивым дельцом и его родственники, друзья и помощники. Как и члены его религиозной общины, особенно ее руководители. Какой интерес им иметь в своей общине нищих и бедных, ничего не умеющих и ни на что не способных? А богатый (и потому обладающий властью в обществе) человек станет не только ее украшением, но и ее основанием. Одним из тех камней, на которых строится благополучие их церкви.

А государство? Какой интерес королю иметь в числе своих подданных всякую сволочь, готовую при первой возможности напиться или что-то украсть, а то и начать драку – не говоря уж о большем? А вот иметь в своем государстве умелых и богобоязненных людей, чей труд обогащает не только их самих, но и само государство, действительно важно. Чем больше будет таких богачей, тем сильнее будет его государство. А если так, то как им не помогать? Ты помогаешь им, а они помогают тебе. И вместе вы сила.

Но в ходе такого рода жизни приобретательский интерес должен был постепенно вытеснять из сознания благочестивого дельца его благочестие. Если не в ходе его личной жизни, то при смене поколений. Сохранявшие благочестие попросту отставали в гонке за материальным успехом: все возраставшая конкуренция вынуждала снижать нравственные нормы при использовании своих работников, изготовлении товаров и пользовании рекламой.

Включаясь в эту гонку и усиливая ее, кальвинисты не догадывались о том, чем она обернется, когда станет всеобщей или почти всеобщей. Как она изменит души людей и характер общества. Каким внутренним концлагерем для них она обернется.

Чтобы успешнее отстаивать свои интересы против других сословий и против самого государства (если оно станет препятствовать дельцам в их стремлении к наибольшим выгодам), было необходимо их объединение. Скорее скрытное, нежели явное. Чтобы они не только соперничали друг с другом в захвате лучших позиций в своем государстве, но и разумно ограничивали свою вражду общими сословными интересами. Чтобы они подчиняли свои личные амбиции общей сословной выгоде. А такое будет возможно лишь в том случае, если их множество будет выстроено в подобие пирамиды, в которой каждый горизонтальный слой будет иметь свою долю доходов при условии подчинения более сильным слоям, расположенным ближе к ее вершине.

Такая пирамида не могла выстраиваться снизу, но только сверху, и возглавлять ее могли только самые богатые, самые властные и организованные люди. В лице, естественно, международных банкиров. Используя кнут и пряник, они должны были создавать, согласно логике все большего обогащения и укрепления своей власти, такую социально-политическую систему, при которой любой король и любое государство должны стать пешками в их руках. Должны стать лишь инструментами их собственной власти и политики.

В качестве иллюстрации к сказанному можно сослаться на еще одно направление в протестантизме – на англиканство, представляющее собою одну из трех самых крупных его ветвей.

Оно возникло в Англии в начале XVI века в результате разрыва местной Католической церкви с Римом. Этот

разрыв произошел под давлением короля Генриха VIII, которого английский парламент объявил главой церкви. Но окончательный облик англиканство приобрело позднее, после Английской революции, с восшествием на престол Карла II, который дал согласие на свою зависимость от парламента. При этом главенство короля в Церкви сохранилось, но сам король стал декоративной фигурой. Ему воздают королевские почести, ему предлагают скреплять своей подписью важнейшие государственные документы, но попробовал бы он их не подписать. Вся фактическая власть в стране стала принадлежат парламенту, а если сказать точнее, то тем самым международным банкирам, которые предпочитают не выпячивать свою власть перед народами, а по возможности ее скрывать.

Да и не только выборная власть принадлежит им. Вся фактическая власть в стране и в значительной части мира.

Но кто же в таком случае глава англиканской церкви?

Образование США.

Что такое светское государство

Начну главу об Америке с размышлений о том, что такое светское государство. Я задумался о нем лишь после того, как увидел на экране телевизора мусульманскую девочку в хиджабе (в женском головном уборе, закрывающем не только голову, но и шею). Ее не допустили в нашу общеобразовательную школу за этот хиджаб как слишком яркий символ ее религиозной принадлежности. Не допустили на том основании, что у нас светское государство, а потому ходить в школу в таком головном уборе недопустимо.

Вот тогда-то я и задумался о том, что такое светское государство. Когда и где оно появилось? Кто его создал? И с какой целью?

Но я не нашел ответов на эти вопросы в доступной мне литературе. А почему? Неужели наши философы,

социологи и политики проморгали столь важную тему? Светское государство есть, а литературы о нем нет. Как такое возможно?

Или тут дело нечисто?

Первая зацепка, пришедшая мне в голову, была мыслью о светском обществе у нас в России. Еще со школьной скамьи я знал, что наши поэты первой половины XIX века то ли заглядывали в это светское общество, то ли были его завсегдатаями. Но имело ли оно отношение к светскому государству? Оказалось, что имело, хотя и несколько отдаленное.

Когда-то светским обществом называлась та часть столичной российской аристократии и высшего дворянства, которая отличалась большей степенью образования и талантов и потому испытывала потребность в общении в своем кругу ради приятного и культурного препровождения времени. Она именovala себя «светом», потому что сознавала свое превосходство над остальной частью правящего слоя России. Она говорила, как правило, на французском языке и сочетала свою верность российскому трону (искреннюю или неискреннюю) со своей верностью европейской культуре. Она светилась, за редкими исключениями, ее светом.

Весьма выразительный портрет (чутьочку карикатурный, но в основном справедливый) этого общества дал наш Грибоедов в своем знаменитом монологе Чацкого из «Горя от ума»:

...Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию к варварам, со страхом и слезами;
Приехал, – и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями,
Своя провинция! Посмотришь, вечером

Он чувствует себя здесь маленьким царьком...
...Ах! Франция! Нет в мире лучше края! –
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.
Куда деваться от княжон!

А чем светила сама Европа в Россию в то время? Уже XVIII век был временем расцвета в Европе так называемого Просвещения. Главным его источником была «прекрасная Франция». Здесь сосредоточились лучшие умы человечества, пообщаться с которыми считали для себя честью даже некоторые венценосные особы.

Так, например, наша Екатерина II переписывалась с Вольтером и, кажется, с некоторыми другими вождями этого движения. Видимо, она ценила их за тот свет, который те несли человечеству. А они, в свою очередь, ценили монархов, которые впитывали в себя их идеи и признавали их умственный и нравственный авторитет.

Но справедливости ради надо сказать, что далеко не все ученые и мыслители XVIII века были сторонниками Просвещения. Однако в европейской культуре того времени погоду делали не они. Ее делали просвещенцы. А их оппоненты выглядели, при всех их талантах, какими-то обломками прошлого.

Что же касается виднейших представителей Просвещения, то они создали знаменитую «Энциклопедию», ставшую в своем роде новой Библией для громадного множества умов. Которым после рождения молодого еще тогда капитализма стало неудобно жить в рамках прежних католических и протестантских представлений о жизни. Новая капиталистическая эпоха нуждалась в новых идеях, которые оправдывали бы ее и почти незаметно, но неотвратимо, гасили бы прежние христианские идеи.

У нас как-то не любят писать о том, что издание 35-томной «Энциклопедии» и ее переводов с французского языка

на иностранные было делом заведомо непосильным для, как правило, небогатых философов. Тем более что вслед за первым ее изданием тиражом в 30 тысяч экземпляров последовали все новые переиздания. И это в то время, когда книги были намного дороже книг, печатающихся сегодня. Когда читательская аудитория была неизмеримо меньшей по сравнению с нынешней. А среди читателей круг людей, интересующихся философией, был, как и в наши дни, совсем небольшим по сравнению с любителями романов и другой развлекательной литературы.

Здесь как-то невольно напрашивается мысль о том, что издатели «Энциклопедии» имели могучую финансовую подпитку от тех, кто остался по своей скромности за кулисами мировой истории.

Если это были крупнейшие купцы и банкиры (а кто мог быть еще?), то реклама их имен и предприятий, конечно, не только не помешала бы им, но облагородила бы их профессии. «Какие это благородные существа, – подумали бы о них люди. – Не для себя одних добывают богатства. Заботятся о просвещении всего народа».

Но... видимо, была в этом деле другая тонкость, куда более значительная, чем первая. А что если купцы и банкиры опасались бросить тень на столь важное для них предприятие? Что делать, такая уж репутация у них, что они люди прежде всего корыстные и денег на ветер никогда не бросающие. Если же они финансировали «Энциклопедию», могли подумать читатели, то, значит, был в этом их собственный интерес. И тогда тень, от которой они не могли избавиться, упала бы на их драгоценное издание.

Догадливые читатели могли бы связать дух новых идей с духом коммерции и кое-что начать понимать. Так вот, значит, откуда ветер дует, подумали бы они. Вот, значит, кто оплатил эти новые идеи.

А вольнодумство такого рода было совсем не нужно купцам и банкирам. Им хотелось такого вольнодумства,

которое гасило бы христианство и возвеличивало новых философов вместе с их новыми идеями.

Нет, видимо, не простыми купцами и банкирами были финансировавшие «Энциклопедию». Простым – нахапать денег побольше, а все остальное – «до фонаря». А эти заботились о будущем человечества.

Будучи людьми практичными, они понимали, что для проповеди материализма (а именно к нему, в конечном счете, вели и деизм, и пантеизм, и агностицизм «просветителей») какая-то степень его идеализации необходима. Товару нужен «товарный вид». Чтобы успешно пропагандировать материю в качестве первопричины всего, следовало представить ее в самом прекрасном по возможности виде. Наделить ее качествами, по существу, чудесными. А если материя будет выглядеть простым пассивным материалом, то кто на нее позарится? Какая же это будет ее пропаганда?

Вот почему творцов учения о первородстве материи следовало представить читателям в самом лучшем виде. Не какими-то зависимыми от плутократов свихнувшимися теоретиками, а, наоборот, самыми свободными в мире искателями правды и ее бескорыстными защитниками.

Да и сама правда, которую они возглашали, должна была заключаться не только в чудесных способностях материи, но и в свободе всякого разумного человека. В свободе, ограниченной только его естеством. А против естества, как говорится, не попрешь. Это же очевидно. Зависимость человека от его тела, этой основы его духа, не может быть для него позорной. Что естественно, то не стыдно. Только одни святоши, учили новые философы, не в состоянии понять эту простую и вместе с тем величайшую истину.

Но вернемся к тому, с чего мы начали.

«Просветители» создали новую идеологию, предложившую своим читателям развернутую систему представлений о жизни; систему, имевшую своим источником

не господствовавшее ранее христианство, а деизм, пантеизм, агностицизм или даже материализм в его чистом виде. Вынужденные в борьбе с цензурой маскировать свои истинные взгляды, «просветители» иногда признавали историческую ценность христианства, но догадливые читатели не обманывались этой маскировкой и учились сами маскировать свои истинные взгляды.

Энциклопедисты создали идейную базу для «Великой французской революции» и других последовавших за ней революций и эволюций.

Переоценить значение этой новой «Библии» для дальнейшего хода истории невозможно. Но, как уверяют ученые, даже на солнце есть пятна. Был и в трудах создателей «Энциклопедии» существенный недостаток. В ней не было разработанного и убедительного для всех обоснования государства нового типа, более совершенного по сравнению со всеми бывшими в прошлом и имеющимися в настоящем. Более совершенного с точки зрения мировой плутократии.

Но, может быть, это умолчание как раз и нужно было плутократам? Зачем разглашать раньше времени задуманный ими проект?

Чем были хороши и чем были плохи протестантские государства, возникшие после Реформации и утвердившиеся в доброй половине Европы? С точки зрения мировой плутократии, их достоинство было в том, что они (вслед за Католической церковью и в гораздо большей степени, чем она) сокращали полноту истинного христианства и ослабляли тем самым его. Порок же их был в том, что они ослабляли его еще недостаточно. Протестантские государства оставались, увы, еще христианскими, при всей малости оставшегося в них христианства.

А что это значит – христианское государство? В идеале это значит, что оно утверждает христианскую религию в качестве своей идейной основы. И, следовательно, подчиняет ей всю систему ценностей в государстве. Все цели,

которые оно ставит перед собою. И, соответственно, весь государственный аппарат. Потому что не могут осуществлять эти цели представители государства, отвергающие их или их игнорирующие.

Но если так, то христианское государство утверждает христианские начала и в системе образования, и в культуре, и в нравах населения. И, разумеется, в экономике. Что, конечно, никак не могло нравиться представителям религии денег. Им было нужно, чтобы люди учились торговать всем и вся и видели в этом свою свободу. Вот тогда вся власть будет принадлежать хозяевам денежного мира. И они утвердят свои ценности во всем и везде. Будут иметь, как писал Маяковский, бублик, а все остальные – дырку от бублика.

Вот почему даже далекие от идеала протестантские государства, которые были в наличии, не устраивали плутократов. Они, как и все вообще люди, стремились к лучшему. Но понимали его, конечно, по-своему.

Они мечтали и думали о том, как осуществить в христианском мире вслед за протестантской революцией (делikatно названной Реформацией) еще одну революцию, которая обеспечила бы им путь ко всей полноте власти на Земле. Им было нужно такое государство, которое выглядело бы самым совершенным из всех возможных и вместе с тем позволяло бы им поступательно и почти незаметно для людей увеличивать свою власть над ними.

Но это была задача не для средних умов. И, разумеется, не для тех умников, которые сочиняли свою «Энциклопедию».

Это была наитруднейшая задача. И тем не менее она была решена. Она была решена теми, кто презирал мирскую славу и предпочел остаться за кулисами мировой истории.

Попытка создания антихристианского государства в ходе «Великой французской революции» (1789–1794) была заведомо неудачной. Эта революция лишь понача-

лу парализовала влияние Католической церкви во Франции, но затем оно восстановилось почти полностью. Да и власть перехватил какой-то наглец, сделавший себя императором. Разве об этом мечтали лучшие представители религии денег?

Но возникает вопрос: а не была ли эта попытка все-таки для них полезной? В том смысле, что она великолепно отвлекала внимание христиан, напуганных этой революцией, от главного дела строителей нового денежного мира.

Организаторы второсортной «Великой французской революции» не понимали, что откровенное антихристианство, высаженное в не подготовленную для него почву, должно было дать не столько положительный для него результат, сколько отрицательный. Оно могло разбудить христиан от их исторической спячки и заставить задуматься о своей религии и своей организации более глубоко, чем это было принято у них раньше. Вот в чем была опасность.

Однако попугать христиан было, видимо, все же полезно. Чтобы, как уже сказано, отвлечь их внимание от происходившего в то время в Северной Америке.

Чтобы разрушить христианство в христианском народе, нужна или очень большая внешняя физическая сила, способная сделать это (которой тогда у плутократов не было), или же предварительная продолжительная работа, чтобы постепенно разрушать в нем организующие его начала. Религиозные, национальные, культурные, общинные и семейные. Потому что все они взаимосвязаны. Разрушать их следовало не столько наружно, сколько изнутри, чтобы от них оставалась все более пустая оболочка, которую плутократы могли использовать в дальнейшем в своих интересах, воспитывая руководителей соответствующих христианских организаций и обществ.

Дело следовало организовать так, чтобы христианство ослаблялось как бы само собою. Чтобы оно, по всей видимости, умирало не оттого, что кто-то создал условия, обе-

спечивающие его умирание, а оттого, что сам ход истории и само совершенствование человечества обнаруживали его несостоятельность все больше и больше.

Новая революция должна была выглядеть по своей внешности не революцией, а, наоборот, самым мирным развитием всего лучшего, что только было в христианстве. Она должна была провозгласить и осуществить на практике как бы главную его ценность – ценность свободы и достоинства всякого человека.

Новое государство должны были создавать люди, не имевшие никакого отношения к мировой плутократии. И, действительно, его создали, согласно официальной легенде, самые строгие в нравственном отношении христиане, вошедшие в историю под именем пуритан («чистых»). Это была та часть протестантов, которая, будучи гонимой на своей родине, была вынуждена переселиться из Англии в Северную Америку.

Пуритане на собственной шкуре познали всю несправедливость религиозных гонений и потому основали государство, главной ценностью которого стала свобода совести человека. И все другие свободы, связанные с ней органически.

Пуритане думали так: пусть всякий человек ищет свободно правильную, с его точки зрения, религию и свободно ее исповедует. Пусть он объединяется со своими единоверцами и вместе с ними определяет характер своей Церкви. Пусть он вместе с ними свободно проповедует свои религиозные взгляды, но при этом не навязывает никому своей веры.

И они действительно ее никому не навязывали.

Правда, осваивая новый континент, они уничтожили практически все местное население Северной Америки (всего лишь 2,5 млн человек, по самым скромным подсчетам). И завезли из Африки миллионы рабов, которых использовали на своих плантациях. Сам первый прези-

дент США, Джордж Вашингтон, как я где-то читал, был рабовладельцем и не видел в этом ничего плохого.

Как это можно понять? Или пуритане не были на самом деле такими строго нравственными людьми, какими их выставляет американская пропаганда? Или же США были созданы не ими, а совсем другими людьми, которые лишь использовали пуритан в качестве ширмы, чтобы, прикрываясь ими, осуществить совсем иной замысел, диаметрально противоположный по смыслу официальному?

Если посмотреть на то, что происходило в истории США в дальнейшем, то это второе предположение получит весомое подтверждение.

Вся история США вплоть до последнего времени – это история насилия над поначалу соседними народами и государствами, а затем, по мере превращения США в могучую державу, над теми народами и государствами, которые они были в состоянии подчинить себе или разрушить.

Вот лишь некоторые факты, свидетельствующие не о свободе совести, которую якобы несло американское государство другим народам и государствам, а о полном отрицании им этой свободы.

«...В 1823 году президент США Джеймс Монро обнародовал доктрину, которая якобы давала США право на господство в Центральной и Южной Америке. На основании этой доктрины США в 1846 году спровоцировали войну с Мексикой, в результате которой захватили 2/5 ее территории, что составляет почти треть современной территории США (без Аляски).

В конце XIX века Америка решила прибрать к рукам испанские колонии в Новом Свете. С этой целью в 1898 году секретные агенты США взорвали на рейде Гаваны американский крейсер “Мейн”. При взрыве погибло двести с лишним американских моряков. На основании этого инцидента США объявили войну Испании, в ходе которой захватили все ее колонии в западном полушарии и установили кон-

троль над странами Центральной и Южной Америки. Через 70 лет США признали, что ни Куба, ни Испания не имели отношения к взрыву крейсера “Мейн”»¹.

«Известно, что в 1853 году американский коммодор (командир военной эскадры. – Г. Ш.) Перри, угрожая пушками, заставил Японию открыть порты для американских судов и товаров. В 1899 году госсекретарь США Хэй бесцеремонно заставил Китай открыть двери в Поднебесную для американских товаров и капиталов...» (там же, с. 136).

Но это лишь бесспорные факты, которые не отрицаются никем, но и не высвечиваются по вполне понятной причине в истории «самой свободной страны в мире».

Если же обратить внимание на перекачку европейских капиталов в США во второй половине XIX века (которая, в общем-то, тоже несомненна, но опять-таки не высвечивается историками или же объясняется ими всего лишь стремлением европейских банкиров к наживе, и только), то и здесь, думается, все не просто.

Здесь утаивается от мирового общественного мнения куда более важная цель мировой плутократии: превратить столь богатый в самых разных отношениях Североамериканский материк с уже утвержденной на его территории государственной системой, максимально отвечающей долгосрочным планам хозяев мирового капитала, в главную базу мировой плутократии. С тем, чтобы в дальнейшем сделать ее господствующей над всеми другими странами не только в финансовом отношении, но и в экономическом, технологическом, научном и, что особенно важно, в военном. Чтобы затем, используя все возможности, связанные с этим обстоятельством, навязывать и навязать всему человечеству американский образ мысли и жизни. И таким образом подчинить со временем все человечество закулисным хозяевам США.

¹ В. Швед. Так кто же после этого «империя зла»? // Наш современник. № 9, 2012. С. 129.

К сказанному нужно добавить, что США сказочно разбогатели на двух мировых войнах, в то время как Европа и Россия (а затем Советский Союз) были в громадной степени обескровлены и разорены ими. Случайно ли это?

О том, как готовилась Первая мировая война и кто ее спровоцировал, написал две хорошие книги Н. П. Полетика (Сараевское убийство. Л.: Красная газета, 1930; «Происхождение Первой мировой войны» – издана у нас же в начале 30-х, но точных данных у меня нет). Однако обе эти книги мало кому известны. И, думается, неслучайно.

В известной же литературе на эту тему роль Англии, этого почти «сиамского близнеца» Соединенных Штатов, в организации и провоцировании Первой мировой войны скрыта практически полностью. Вина за ее развязывание возложена на Германию, которая на самом деле никогда не решилась бы ее развязать, если бы не подталкивалась к этому лукавой английской политикой.

Что же касается организации Второй мировой войны, то на эту тему правдивой литературы на русском языке несколько больше. Но здесь я ограничусь лишь небольшими выписками из уже цитированной выше статьи Владислава Шведа:

«В 1929 году Гитлер получил миллион долларов от финансовых воротил Уолл-стрита на функционирование нацистской партии. В гитлеровский период американские банки осуществили огромные финансовые вливания в милитаризацию германской экономики. Представляет интерес тот факт, что посредником в этих операциях являлся Эрнст Ганфштенгль, бывший резидент американской разведки в Берлине и однокашник президента Ф. Рузвельта по Гарвардскому университету.

В своих воспоминаниях “Мой друг Адольф, мой враг Гитлер” и “Титлер. Потерянные годы” Ганфштенгль рассказал, как он помогал фюреру создавать нацистскую партию, учил его искусству выступления перед массами и сформу-

лировал для Гитлера основные тезисы книги “Майн кампф”. Не случайно Ганфштенгль входил в ближайшее окружение Гитлера, будучи его пресс-секретарем.

В 1937 году Ганфштенгль вернулся в США и стал у Рузвельта советником по Германии. Отношение США к Гитлеру оставалось благожелательным вплоть до начала Второй мировой войны. Известно, что накануне войны посол США в Лондоне Дж. Кеннеди выражал надежду на вооруженный конфликт между СССР и Германией, так как это “принесло бы большую выгоду всему западному миру...”» (с. 129–130).

А теперь еще несколько выписок из этой же статьи, но уже не о вскармливании Гитлера англо-американцами, а о том, как они вели себя после Второй мировой войны.

«...С обретением атомного оружия США преисполнились гордыни и стали в позу главного вершителя судеб мира. Впервые публично об этом заявил уже упомянутый Черчилль. Будучи в США, он 6 марта 1946 года произнес в Фултоне известную фразу: “Соединенные Штаты Америки, имея атомную бомбу, находятся на вершине мирового могущества, могут разговаривать с остальным миром с позиции силы и диктовать ему свои условия”.

Черчилль призвал США и Англию к военно-политическому союзу против СССР. Тогда же он предлагал... как видно из рассекреченных в 1978 году британским мидом документов, “воспользоваться американской монополией на атомное оружие и под угрозой разрушения советских городов заставить Советский Союз уйти из Берлина и Восточной Германии”» (с. 130).

«Видимо, не случайно в январе 2012 года В. Путин на встрече со студентами города Томска подчеркнул, что “США не нужны союзники, им нужны вассалы”» (с. 133).

«Разговор о советско-американских отношениях будет неполным, если не затронуть личность президента США Гарри Трумэна (1945–1953). В апреле 1945 года он

сменил внезапно умершего Ф. Рузвельта. Трумэна всегда отличал воинствующий антисоветизм. В июне 1941 года, в период начавшейся гитлеровской агрессии против СССР, Трумэн рассуждал так: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, и если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. Надо дать им возможность убивать друг друга как можно больше, хотя я при любых условиях не хочу видеть победу Гитлера»» (с. 134).

«Руководство США для обоснования вторжения в Ирак с сентября 2001 года по сентябрь 2003 года сделало 935 лживых заявлений о наличии у Саддама Хусейна оружия массового поражения. 260 из них прозвучали из уст президента США Дж. Буша-младшего, а 254 раза солгал госсекретарь Колин Пауэлл. Эти данные обнародовал Американский центр гражданской ответственности совместно с Фондом за независимость журналистики» (с. 134–135).

Итак, вот простой и понятный план монополистов мировой денежной системы: завоевание полной власти над всем человечеством. Не стремиться к этой цели они не могут, потому что наличие всякой иной власти – это угроза для сохранения ими их собственной власти. Чтобы гарантировать ее сохранение, надо ее увеличивать постоянно. А потому стремление США к мировому господству – это не чья-то злонамеренная выдумка, но самая очевидная реальность, которую могут не замечать, с одной стороны, лишь полные невежды и, с другой стороны, сторонники мировой капиталистической системы, выступающие в роли публицистов, историков, ученых и т.д.

Каков же механизм разрушения христианства и других религий, сохраняющих в себе в той или иной степени нравственное начало?

Изыятие из сознания населения страны христианского представления о том, каким должно быть общество и организуемое его государство, было изытием высоких о них

представлений. Оно совершилось посредством внушения населению ложной мысли, будто безрелигиозное государство есть наилучшая и единственно приемлемая форма государства с нравственной точки зрения.

А какими должны стать последствия этого изъятия? Представляя себе внерелигиозное государство как наилучший вид общества, население страны должно привыкать к внерелигиозному миру и его порядкам, втягиваться в эти порядки и проникаться ими в своей личной жизни.

А какими должны быть эти порядки?

В американской конституции сказано, что одним из основных прав гражданина является его право на стремление к счастью. Если перевести это выражение на более понятный язык, то получится, что всякий американец имеет право на участие в гонке за личным успехом в жизни. Но так грубо и откровенно сказать в конституции было бы непolitично. Гонке за личным успехом в жизни следовало придать возвышенный характер.

Кроме того, это «право» следовало поставить в ряду других основных прав человека, завуалировав тем самым то обстоятельство, что оно является в американской системе господствующим над всеми остальными правами. А почему господствующим? По той причине, что если ты не добьешься успеха в жизни, то все остальные права будешь иметь в урезанном виде. А то и в настолько урезанном, что они станут насмешкою над тобою.

Что такое человек свободный, если у него в кармане лишь пять долларов? И что такое человек свободный, если его капиталы так велики, что не поддаются точному учету? И он определяет их лишь приблизительно в миллионах и миллиардах долларов? Разница в степени свободы есть? Есть. Как и разница во всех остальных правах человека.

Так дополняет и редактирует американскую конституцию сама американская жизнь. Или, точнее, те, кто господствуют в ней и направляют ее ход.

Вот о чем умолчала американская конституция. Как и о том, что если высокие идеи изгоняются из общества в частную жизнь, то в общей жизни должны нарастать и стать господствующими идеи низкие, выгодные плутократам.

А выгодны они им потому, что подсовывают американцам лишь видимость их свобод, а на самом деле лишают их подлинного разума и подлинной свободы. Ибо действительно свободный и разумный человек опасен для религии денег. А с обманутыми и бессильными людьми делай что хочешь. Они как мягкая глина в руках подлинных господ положения.

Вот причина того, что плутократия не может смириться с существованием человека, созданного по образу и подобию Божию. Вот почему она должна лишить его этого образа и сделать его своим рабом, не сознающим своего рабства по причине своего низкого умственного и нравственного развития.

А низкий уровень умственного и нравственного развития обеспечивается американской системой образования, из которой изъяты наиважнейшие вопросы, связанные со смыслом человеческой жизни, и раздуты почти до бесконечности все остальные вопросы, имеющие в лучшем случае второстепенный характер. Однако, лишённые своей основы, они только запутывают людей, и чем дальше, тем больше.

Итак, следствием внерелигиозной организации светского государства должна была стать, и действительно, стала практически всеобщая гонка за личным успехом в жизни, понятым внерелигиозно. Она началась в США, а затем стала захватывать постепенно весь мир.

Но она не сводится к гонке за наибольшими деньгами в их чистом виде. Она имеет самый разнообразный характер. Здесь и борьба за самое выгодное образование, открывающее перспективы, недоступные для других. Здесь

и карьерный успех во всех его видах – профессиональном, должностном и всяком ином.

Но все эти успехи так или иначе связаны с денежным содержанием тех, кто добивается успеха.

В развитом капиталистическом псевдообществе любой талант и любая красота, любая честность и любое благородство имеют свое денежное выражение. Они знают себе цену или, во всяком случае, догадываются о ней. А если не знают и не хотят подчиняться негласным расценкам, то зачем, спрашивается, организованная преступность во всех ее видах? Чтобы учить дурачков и дурочек, не понимающих, в каком мире они живут.

Все бездоходные таланты не стоят в этом псевдообществе и ломаного гроша. Любая бездоходная нравственность заслуживает презрения или, в лучшем случае, искренней жалости. «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?»

За пределами гонки за материальным успехом остаются лишь единицы, какие-то неудачники, именуемые «аутсайдерами» или «лузерами».

Конкуренция в экономике, политике и культурной жизни, ограниченная лишь формальным соблюдением существующих в стране законов, – вот главный принцип, определяющий дух этого «общества». Она же и главный «воспитатель» едва ли не каждого человека, принадлежащего к этому псевдообществу. Конкуренция втягивает в себя даже тех, кто не хотел бы в ней участвовать, но вынужден это делать ради своих детей и своей жены. Чтобы не сделать их несчастными и не стать в их глазах презренным «лузером».

Принцип борьбы за свое личное «счастье» так близок греховной стороне человеческой природы, что, казалось бы, не нуждается в рекламе. Но на самом деле это не так. Реклама нужна, но не всякая реклама. Задача правильной

капиталистической рекламы в том, чтобы облагородить эгоизм, придать ему самые привлекательные черты, уверить всех, что стремление каждого к собственной выгоде имеет созидательный характер. «Если каждый будет стремиться к своей личной выгоде, то в результате выиграет все общество в целом и каждый его член. За исключением самых плохих людей – реакционеров. Но о них не стоит заботиться. Они вымрут сами, без посторонней помощи».

Итак, всеобщая конкуренция. Для одних это конкуренция за приобретение наибольшей власти, наибольшего богатства, наибольшей славы и наибольших наслаждений и развлечений. А для других, чьи возможности невелики, – просто за наилучший материальный достаток и доступные им наслаждения и развлечения.

Но что же в таком случае остается от христианства? Оно оказывается ненужным, разве лишь в качестве предлога для рождественской елки с традиционной на Западе индейкой.

Вот как все просто. Но на самом деле даже при этой простоте есть кое-какие сложности.

Дело в том, что американцев, как и американизированных европейцев, следовало оберегать от понимания того, что с ними происходит. Ведь не такие уж они сто-процентные бараны, чтобы погрузиться полностью в добывание денег и связанные с ними «шопинги».

Американцам следовало оставить иллюзию, что они по-прежнему добрые христиане или, во всяком случае, верят во что-то высокое. И не только оставить, но всячески ее укреплять. Эта иллюзия должна успокаивать их до какого-то времени, пока в них еще не уснул навсегда голос совести.

Вот почему американцы пока еще массово верят в Бога. Верят, но посещают храмы все реже. А руководствуются христианскими идеями и того меньше. Ведь, как

говорится, время – деньги, а свободного времени у современных людей все меньше. Оно поглощается полностью гонкой за успехом и сопутствующими этой гонке наслаждениями и развлечениями.

И лишь в самых необходимых случаях – крещение детей, венчание, отпевание близких – приходится посещать храмы. И то же самое происходит в американизированной Европе.

А теперь задумаемся о том, что было у нас, в православной империи, до ее разрушения.

Православность ее была дырявой, особенно с Петра Первого, идеализировать ее нельзя. Но при всех ее недостатках и пороках она, оставаясь во многом все-таки православной, давала основной части населения такую картину общества и мироздания, на которой ценности христианства были обозначены в основном понятно.

Понятны были и основные ориентиры в жизни людей, и основные нормы их жизни. Пусть окружающая действительность противоречила во многом этим ценностям, ориентирам и нормам, но христианское учение о греховной поврежденности человеческой природы объясняло это противоречие. Объясняло не полностью, но все-таки до известной степени объясняло. В целом же подданные православного монарха, даже при слабом их знакомстве с христианским вероучением, имели в своем христианском государстве свою духовную силу. Которая, по меньшей мере, мешала им скользить в эгоизм с той скоростью, с какой скользили в него граждане Соединенных Штатов Америки.

Хотя скольжение это было все же заметным. И оно было связано с капитализацией России.

Этому духовному опусканию препятствовало еще одно обстоятельство. Неграмотные русские крестьяне не могли вдаваться в тонкости православного вероучения, да и не учили их этому. Но они понимали главное: без Бога

не проживешь, а православный Бог – это как раз тот Бог, который близок их сердцу. А православные святые тоже были близки их сердцу. Особенно такие, как Никола Угодник, Мария Египетская, Владимир Красное Солнышко, отец Иоанн Кронштадтский.

Кроме того, русские крестьяне самими условиями своей жизни были приучены к тому, что в одиночку не проживешь. Жить можно лишь так, что ты помогаешь всем, а все помогают тебе. И этот спасительный принцип соответствовал вполне основным нормам христианской жизни. Поэтому эти нормы вошли так прочно в русскую душу.

Об этом спасительном принципе жизни русских крестьян едва ли слышали конструкторы американского государства. А если б услышали, то, несомненно, отвергли б его с негодованием. «Как можно! Как можно ограничивать права человека его обязанностью служить всем? Это же явное беззаконие!»

Вина России перед плутократами Запада была еще и в том, что она опровергала самой своей историей главный его аргумент в защиту безрелигиозного государства. В православной России (вопреки утверждению американцев, будто господствующая религия обречена давить и унижать все остальные религии) все вошедшие в нее народы свободно исповедовали свою религию и жили в соответствии со своими собственными традиционными нормами жизни. Если какие-то исключения из этого правила все-таки были, то они касались в основном русского народа, чье православие было оказено Российской империей после того, как она стала строить себя по протестантскому образцу.

Думается, что нерусским народам России было бы и сегодня куда безопаснее жить в православной России, нежели в России «светской», то есть безбожной. А особенно в том случае, если б она возродилась в куда более православном виде, нежели была в прошлом, когда ее разьедали и свели на нет западные влияния.

Невинный вопрос: с каким народом безопаснее жить по соседству другим народам – с безбожным или религиозным, чья религия имеет высоконравственный характер?

Соседство с народом безбожным подобно соседству с дурным человеком – вором, развратником и больным различными болезнями. За таким только и следи, чтобы не натворил бед. А могучий и, что особенно важно, высоконравственный сосед, даже если он иноверец, – это сила всякого истинного хозяина своего собственного дома и своей собственной земли.

Из сказанного следует, что лишение русского народа его православной государственности было катастрофой не только для него самого, но и для других народов России. Катастрофой в указанном выше смысле, при всей неоднозначности процессов, происходивших в России как до 1917 года, так и после него.

А если так, то и возрождение в России православной государственности потянуло бы за собою, в первую очередь, религиозное, нравственное, национальное и политическое возрождение русского народа. А вслед за его возрождением или даже вместе с ним началось бы религиозное, нравственное, национальное и политическое возрождение других народов, ныне пребывающих, как и русский народ, в состоянии идейной дезориентации. В состоянии опаснейшем, из которого нет и не может быть другого выхода, кроме указанного.

Сохранение же в России государства безрелигиозного стало бы продолжением геноцида русского народа. Геноцида, маскируемого ныне фальшивыми словами о правах человека и недопущении религиозной и национальной розни. Ибо никакие права человека невозможны без права его народа на его самоорганизацию, а религиозная и национальная рознь в стране как раз и порождается светским государством, антирелигиозным и антинациональным по своей природе.

К сказанному добавлю, что продолжение геноцида русского народа связано с перспективой последующего геноцида и других народов России. Сегодня они нужны мировой плутократии лишь в качестве врагов русского народа, способных его обессилить. И только в этом качестве они получают или могут получать от мировой плутократии поддержку и поощрение. Но как только русский народ будет разрушен окончательно (если такое случится), то настанет очередь уничтожения и этих народов силами мировой плутократии. Задуматься о чем этим народам было бы полезно еще задолго до того, как они лишатся своего возможного союзника.

Сказанного, думается, достаточно, чтобы понять самое главное: спасением для народов стало бы государство религиозное. Но не всякое религиозное государство, а лишь такое, чья религия имеет высокоразвитый в нравственном отношении характер.

Вопросов, связанных с дальнейшим раскрытием этой темы, должно быть много. Но здесь отвечу лишь на самый важный вопрос: а способны ли народы России в их нынешнем состоянии решить столь трудную задачу – выстроиться в праведный Союз российских народов, имеющий своим основанием православный русский народ?

Не сомневаюсь в том, что они в их нынешнем состоянии этого сделать не могут.

Однако есть одно обстоятельство, спасительное для них. Если они поймут, какова истинная природа США и какая судьба ожидает русский народ и другие народы России при сохранении их нынешнего состояния, то спасительные перемены могут стать реальностью. Смертельная опасность разбудит в народах России такие внутренние их благие силы, которые сделают невозможное возможным.

Что же касается США с их союзниками, то главный их интерес заключается в том, чтобы не допустить понимания народами той опасности, которая им угрожает.

Рассредоточить их внимание на что угодно, чтобы они, утопая в противоречиях внутренних и внешних, слабели все больше и таяли все успешнее перед тем, как исчезнуть окончательно из истории.

О русском народе

Судьба русского народа и его государства может быть понята только в контексте всей истории человечества, понятой по-христиански. А наиболее правильным пониманием христианства является, на мой взгляд, православное его понимание.

Вне такого контекста судьба русского народа (как, впрочем, и всякого другого) может быть понята так же ущербно, как понимается всякая часть неизвестного целого, вырванная из этого целого.

Но почему, размышляя об истории христианства, я выделяю в ней роль именно русского народа? Только ли потому, что это самый большой православный народ, ставший после гибели Византийской империи основным носителем православия? Или не только поэтому?

Речь об этом пойдет далее. А пока отмечу, что ничуть не меньшую роль в истории христианства сыграли три другие великих народа: евреи, греки и римляне.

Роль евреев в истории заключалась в том, что Бог дал через них всему человечеству основополагающие знания о Самом Себе, о созданном Им мире и человеческой истории. Но мало того. Их роль заключалась еще и в том, что они послужили в лице Пресвятой Богородицы самой достойной частью всего человечества для воплощения через Нее Бога в лице Иисуса Христа. Однако и этого недостаточно для понимания роли евреев в истории. Именно они (а точнее – лучшие из них) стали первыми учениками Иисуса Христа и Его проповедниками среди других народов. А в силу этого – и величайшими учителями всех христиан в мире.

То обстоятельство, что евреи в истории вели себя часто не лучшим образом (выражаясь предельно мягко), не должно перечеркивать их великих заслуг, обозначенных выше.

И даже то обстоятельство, что они в их организующем центре приговорили к распятию на кресте пришедшего к ним Богочеловека Иисуса Христа и взяли на себя ответственность за Его убийство («кровь Его на нас и на детях наших», Мф. 27:25), а в дальнейшем стали самыми лютыми врагами последователей Христа, не должно перечеркивать того доброго, что они сделали в истории.

Всякое одностороннее суждение о евреях уподобляет судящих о них худшим из евреев, которые извратили неоднозначное отношение Бога к язычникам и тем самым извратили свое понимание своей собственной миссии в истории, что стало причиной отвержения ими Иисуса Христа и последующей их разрушительной роли в истории человечества.

«Апостол язычников» Павел предупреждал бывших язычников, принявших благую весть о Христе, об опасности повторения ими греха самопревозношения, которым еврейское большинство отломилось от правой веры. Он учил христиан из язычников смиренно думать о себе и не перечеркивать того доброго, что сделали лучшие из евреев в прошлом (Рим. 9 и 11).

Другим великим народом, сыгравшим выдающуюся роль в истории христианства, были греки. Будучи еще язычниками, они создали высокое для своего времени искусство мысли, которым обогатили все человечество.

Они выработали новый вид языка, предназначенный для выражения тончайших мировоззренческих смыслов, которых не было ни в общенародном греческом языке, ни в литературном их языке, ни в специальных их языках – математическом, медицинском и музыкальном. Ни в других специальных их языках.

Философский язык был тоже специальным их языком, но его значение стало неизмеримо бóльшим, чем значение других специальных языков. Он стал тем инструментом, который был использован в дальнейшем христианскими богословами для раскрытия ветхозаветных и новозаветных истин. Да и самими христианскими богословами стали в основном тоже греки, что не было, конечно, случайностью. А если не греки, то их соседи, воспитанные на греческой философской культуре.

Если лучшие из ветхозаветных и новозаветных евреев помогали Богу заложить фундамент Церкви, то лучшие из дохристианских и христианских греков помогали Ему в возведении ее стен и внутреннего ее устройства. Но, разумеется, сказанное есть только сравнение, потому что Церковь не здание, а нечто гораздо большее.

Однако роль греческой философии не исчерпывается сказанным. Она разрушала языческие верования греков и соседних с ними народов и подготавливала тем самым их сознание к восприятию истин христианства задолго до его появления в истории. А разрушала она языческие верования двояким образом.

Одни из дохристианских греческих философов ставили под сомнение или даже открыто отрицали верования язычников. Это были в основном материалисты. Но не только они.

Другие, наоборот, старались совмещать языческое многобожие с возвышенным единобожием, причем высказывали иногда такие высокие мысли, которые вошли в дальнейшем в идейный арсенал христианства. Так, например, мысли о Боге как абсолютном Благе и о невыразимости Божества человеческими словами были высказаны впервые именно ими.

Выразителями таких прохристианских идей были, например, Сократ, Платон и Аристотель, которых некото-

рые святые отцы называли «христианами до Христа». Но еще больше приблизился к христианским представлениям о Боге и созданном Им мире иудей Филон Александрийский (25 г. до Р.Х. – 50 г. после Р.Х.). Приблизился потому, что, оставаясь правоверным ветхозаветным иудеем, находился вместе с тем под влиянием греческой философии, особенно Платона.

Третьим великим народом в истории христианства были римляне. Подобно дохристианским грекам, не подозревавшим о том, что они подготавливают своей философией почву для произрастания на ней евангельских семян, они тоже не подозревали о том, что своими завоеваниями и своим юридическим гением служат неизвестному им Богу.

Если бы римляне не создали великой империи, раскинувшейся по всему Средиземноморью, с ее великолепными дорогами и сравнительной безопасностью на них, то проповедь христианства была бы невозможна. Или, по меньшей мере, затруднена чрезвычайно.

Если бы на месте империи остались, как в прошлом, враждующие между собою народы, каждый из которых говорил только на собственном языке, то проповедь христианства была бы затруднена тем более. Замкнутые на своей сугубо национальной или даже на сугубо племенной жизни, они были бы неспособны ни на восприятие высших идей, ни даже на совершенствование своей собственной внешней организации. А если даже способны, то в самой незначительной степени.

Но что же такого ценного внес русский народ в историю христианства? На первый взгляд, почти ничего. Или, точнее, его вклад несравним по своей важности с тем вкладом, который внесли в нее евреи, греки и римляне. Русский народ не участвовал ни в закладке основ Христианской Церкви, ни в возведении ее стен и внутренней ее отделке, ни в создании условий для ее распространения среди больших народов.

Хотя, конечно, он распространил православную веру на одной шестой части Земли. Он породил множество святых. Он создал великую иконопись, равной которой нет (за редчайшими исключениями) во всем мире. Он породил Достоевского, этого властителя дум едва ли не всех современных людей, думающих о смысле человеческой жизни.

Кроме того, русский народ оказался, похоже, самым спорным народом в мире. Ни один другой народ не удостоился таких крайних оценок, исключаящих друг друга полностью. И такого разнообразия в этих оценках. Но случайно ли это?

«Странные вы люди, русские, – сказал нашему офицеру на Кавказе местный татарин. – Драться никто с вами не сладит, а пользоваться своими победами не умеете. Ну что вы получаете от всех здешних богатых стран? Ровно ничего. Вы оставляете себе только труды и расходы, а выгоды отдаете одним туземцам над другими, и никто вам не благодарен, а недовольных множество». Эти слова запечатлел как характерные для многих местных иноплеменников историк Михаил Погодин (*Вечное начало. Русский дух*. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 47).

«Россия сгнила еще до того, как созрела», – сказал остроумный Вольтер. «Россия – это страна, граничащая с Богом», – писал австрийский поэт Рильке. «Русские – это недочеловеки», – считал Гитлер. «Мы – русские!.. Какой восторг!» – воскликнул Суворов.

«Мы, русские, друг друга едим и тем сыты бываем» – эти слова цитировал еще Юрий Крижанич. И они не устарели с тех пор.

А прибалтийский немец Вальтер Шубарт писал нечто иное: «Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жадной властью».

«Одинокие в мире, – вещал П. Я. Чаадаев в «Первом философическом письме», – мы миру ничего не дали, ни-

чего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили!»

Но если так, думаю я, то как же мог такой бездарный народ создать такой богатый язык, каким является, по словам знатоков, язык русский? Это загадка.

Однако, с другой стороны, продолжаю думать я, как мог русский народ, если он такой хороший, каким его иногда считают, создать столь знаменитый своим безобразием русский мат, которым ругается не только он сам, но даже, как говорят, моряки в портах всего мира? Да и не только моряки. Да и не только в морских портах.

«Русских положили возле параша – и правильно сделали!» – решила еврейская девушка Новодворская.

А англичанин Стивен Грахам писал веком раньше ее: «Я люблю Россию. Она для меня в некотором смысле есть нечто большее, чем моя родная страна» (Н. О. Лосский. Характер русского народа. М., 2005. С. 42).

«Увезите меня отсюда, – просил создатель первой русской национальной оперы Михаил Глинка, – я достаточно терпел эту гнусную страну...» И Пушкин писал нечто похожее: «Черт догадал меня родиться в России с душою и талантом». И, что показательно, писал эти слова не в зеленой юности, а в, казалось бы, зрелости, всего лишь за год до смерти. Но уже через полгода после этих слов написал в ответ на русофобское письмо Чаадаева нечто прямо противоположное: «Клянусь честью, ни за что на свете не хотел бы я переменить Отечество или иметь иную историю, чем история наших предков, какую Бог нам дал».

Эта противоречивость была характерна не только для Пушкина, но и для цитированного выше Глинки. И для Чаадаева. И для создателя русофобских литературных шедевров Салтыкова-Щедрина. И для неистового западника Белинского. И для многих, многих других русских.

Достоевский писал, что русские заявили такую силу в самоосуждении, какой не было даже близко в других народах. Русские далеко перехлестывали по этой части границы здравого смысла. Ни один другой народ не оплевывал себя так самозабвенно, как оплевывали себя русские.

Но, с другой стороны, и ни один другой народ среди христианских народов не вознес себя так высоко, как русский народ. Он назвал свою страну Святой Русью. И что знаменательно: эти слова родились и жили не в правящем слое страны, а в самом простом русском народе.

«Загадочная земля», – писал, имея в виду русский народ, славянофил Юрий Самарин. «Загадочная русская душа» – эти слова родились на Западе и повторялись теми европейцами, которые поднимались до бескорыстных суждений о русском народе. До бескорыстных и... безрезультатных.

А безрезультатными они были потому, что русский народ ускользал от всякого определения. Противоречия, заключенные в нем, были так велики по сравнению с противоречиями в других народах, что не позволяли понять их причину. Что и немудрено: если сами русские не понимали себя, то как было понять их другим?

Русский народ и его история – это такая сложная и глубокая тема, что в ней тонут едва ли не все, пытающиеся в ней разобраться. Тонут, так и не достав до ее дна. И, возможно, я тоже утону в ней с таким же «успехом». Но это не значит, что в ней и не надо разбираться. Потому что народ, не осознавший себя хотя бы в самом главном, не может строить себя правильно. Он обречен плутать в потемках. А потому обречен на гибель.

Загадочно уже само месторасположение русского народа. Почему он выбрал в своей древности, когда население Земли было еще незначительным, едва ли не самые неудобные места для своего проживания? Выбрал и постепенно их окультуривал, сделал их привлекательными для

представителей других народов, которые стали проникать в его страну и захватывать в ней все лучшее положение и все бóльшую власть.

Первая мысль, которая приходит в голову для объяснения этой загадки, заключается в том, что русские – это народ большой, но слабый, а потому и не способный бороться за лакомые места на Земле. Поэтому и занял на ней самые неудобные, холодные и малопродуктивные. А сильным народам было достаточно хороших земель, которыми они овладели, и не было для них нужды тратить свои силы на освоение худших земель.

Но если так, то в чем же причина слабости русских?

Отзывы иностранцев о древних славянах удивляют своими противоречиями. Но едва ли не все они отмечали, что славяне высоки ростом, физически сильны и свободолюбивы. Однако при этом они крайне неуживчивы друг с другом.

Что же касается других душевных их качеств, то здесь оценки расходились до полной противоположности. Особенно в самой глубокой славянской древности. Одни отмечали их хищный характер и даже их кровожадность; другие, наоборот, их мирный характер и человечность.

Правда, позднее иностранцы отмечали почти единодушно, что славяне в их собственных землях приветливы к иноземным купцам и путешественникам: сопровождают их до соседнего племени, чтобы никто их не обидел. Пленников, добытых на войнах, порабощают ненадолго и по прошествии известного срока предлагают им остаться у них в качестве свободных членов их племени. Или же выкупиться на волю. Хотя могли бы, как многие другие народы, порабощать их навечно или продавать с выгодой для себя работоторговцам.

Причина противоречивых оценок была, вероятно, в том, что на заре своей истории славяне были сами край-

не противоречивы по своему психическому складу. Выделившись из общегарийского древа, славянская его ветвь стала приобретать более высокие качества, нежели те, что были у других арийцев. Но приобретала она их постепенно, почему и возникало в ней гораздо больше внутренних противоречий, чем у других арийцев.

Однако с ходом истории (особенно после того, как часть славян ушла с Карпат на восток и север Европы и сделала земледелие своим основным занятием) хищное начало в этой ветви ослабло, а мирное укрепилось и стало ее основной чертой. Ведь земледелие, выбранное как основной род хозяйства, предполагает мирную жизнь, а мирная жизнь несовместима с хищничеством и паразитизмом, она невозможна без любви к справедливости.

А после Крещения Руси мирный характер восточных славян закрепился уже окончательно их православной верой.

Однако этот мирный в целом характер восточных славян не покончил с их внутренними раздорами, а дал для них новую пищу. А почему?

Одной из причин, объясняющих это, было то обстоятельство, что избавиться полностью от греховных вожделений людям на этой грешной земле не дано. И низкие вожделения русских, намного меньшие по сравнению с низкими вожделениями хищников и паразитов, продолжали в них жить. Однако, не имея выхода вовне (который был у хищников), эти низшие вожделения оборачивались против своих же соплеменников.

Да и высокие чувства и побуждения, неравномерно пробуждавшиеся в них, были тоже, думается, причиной их несогласий, переходивших в раздоры. И эта вторая причина была, возможно, не меньшей, чем первая. Или, может быть, даже большей.

Такие высокие качества восточных славян, как любовь к мирной жизни, стремление к справедливости, лю-

бовь к свободе и красоте (в частности, их явное неравнодушие к песням и танцам), – это не только прекрасные в принципе качества, но и опасные. Мирная жизнь ослабляет людей и может опускать их духовно; любовь к справедливости, понятой односторонне, порождает раздоры; свобода хороша лишь правильно направленная и в должных размерах, а тяга к красоте может не только поднимать людей к Богу, но и опускать их в бесовщину. Как говорил один из героев Достоевского, «красота – это страшная и ужасная вещь».

В славянской среде не было полной свободы, что и естественно, иначе славяне с их пробуждавшимися и поэтому неразвитыми представлениями о высших ценностях просто распались бы на элементы и быстро исчезли бы из истории. Их связывали в одно целое и общий язык, и общее происхождение, и общее место их проживания, а также их общие обычаи, унаследованные от прошлого. Но с изменением их представлений о жизни и с изменением самих условий их жизни (а они медленно, но все-таки менялись) старые обычаи приходилось менять, и на этой почве должны были происходить все новые разногласия.

Что же касается их наследников, русских, то их, как уже сказано, связало со временем православие, которое породило их с Богом. Православие было понятно в его основе не только великим, но и малым людям. Не только грамотным, но и безграмотным – если они были неравнодушны к добру.

А в результате получилось, что связь между русскими была достаточно прочной, но и раздоры плодились при ней такие, каких не было у других народов.

Разногласия и раздоры были не только у русских и не только у славян. Они были у всех народов. Но в хищных народах они не разрастались, а сокращались и загонялись внутрь их общественной жизни. Загонялись господством у них общего корыстного интереса, который их сплаци-

вал и организовывал. Стремление жить за счет чужих выстраивало своекорыстный народ в организацию военного типа, имеющую свои принципы, свои цели, свои правила поведения и жесткие наказания за их нарушение. А если были более жесткие наказания за нарушение норм жизни, то и порядок у хищников должен быть намного бóльшим, нежели у мирных народов. Как и взаимопонимание внутри этих народов. А порядок и взаимопонимание – это сила, и сила великая.

Но вот что удивительно. Казалось бы, мирный народ, приобретавший начала, которые его ослабляли, должен был вырождаться – сокращаться и численно, и территориально. И в конечном итоге исчезнуть из истории. А на деле происходило нечто прямо противоположное. По крайней мере, у восточных славян.

Занимавшие поначалу едва ли пятую часть Восточной Европы, они заняли ее в дальнейшем почти всю, а потом подчинили себе даже шестую часть суши всего земного шара. И выросли численно из маленького народа в большой народ. Но мало того: они выросли в большой народ даже в духовном отношении. Во всяком случае, создали свою самобытную культуру, не признавать значительность которой мало кто из историков осмеливался в прошлом. Да и сегодня, при все большей зависимости историков от сильных мира сего, на это решаются еще далеко не все.

Похоже на то, что Бог, видя внутреннюю тягу славяно-россов поначалу просто в Его сторону, а затем, с принятием ими православия, уже сознательную тягу к Нему, Сам восполнял недостаток их сил и помогал им превращаться в народ большой и сильный. Сильный главным образом внутренними его качествами, при всех его внешних слабостях, которым, казалось, не было конца.

«Ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь», – писал наш поэт.

А где же теперь некогда сильные хищные народы, терзавшие в прошлом восточных славян и русский народ? Где авары, хазары, печенеги, монголы и другие кочевники? Похоже на то, что Бог, видя, что они наращивают свою силу ради целей, прямо противоположных Его замыслу в истории, отказывал им в своей помощи, без которой их собственная сила оказывалась несостоятельной. И они либо исчезли, либо стали маленькими народами.

Этот количественный рост и территориальное распространение русского народа, а также духовное его возращание, в условиях, казалось бы, исключаящих это, чем-то напоминают происходившее некогда с христианством в языческой Римской империи. Тогда христианство, выглядевшее в глазах едва ли не всего населения каким-то безумием и преследуемое правительством жестокими казнями, вместо того чтобы завять и исчезнуть из истории, росло и выросло в могучую силу при всей своей внешней слабости. И это было какое-то чудо, необъяснимое разумом. В ходе преследований христианства оно становилось все привлекательней в глазах язычников. Причем не только в нравственном отношении, но и в религиозном. Наблюдая успехи христианства в условиях, казалось бы, исключаящих их полностью, они делали вывод, что, видимо, сам Бог покровительствует этой религии.

Мне могут возразить, сказав, что логика в моих словах отсутствует. А как же, скажут, евреи с их денежной и политической властью? А как же масоны с их денежной и политической властью? А как же вся мировая капиталистическая система с ее глубинным безбожием и стремлением переделать созданный Богом мир на свой безбожный лад? Почему Бог лишил сил каких-то кочевников, а не главных Его противников?

Отвечу гадательно, потому что никто из нас говорить от имени Бога о столь непростом предмете не уполномочен.

Может быть, потому, что с кочевниками русские воевали, и воевали много, прекрасно понимая необходимость этих войн. А разве они воевали с мировым еврейством и мировым масонством как силами антихристианскими и антинациональными? Разве они воевали с мировым капитализмом как силой антихристианской и антинациональной? По большому счету, не воевали, потому что не догадывались в своем большинстве об этих силах. И не догадываются до сих пор. Что свидетельствует о неразвитости русского мышления при всем его качественном превосходстве над мышлением хищным.

Однако дело, думается, не только в этом. На заданный выше вопрос можно ответить встречным вопросом: А почему Бог не отказал полностью в Своих энергиях дьяволу с его пособниками. Видимо, потому, что дьявол нужен в истории до какого-то времени. Нужен, во-первых, потому, что исходящие от него соблазны имеют не только разрушительный характер, но и созидательный. Наличие врага рода человеческого в истории мобилизует людей и делает их более зоркими. И во-вторых: не будь дьявола с его собственным промыслом в истории, люди не могли бы познать в полной мере своего бессилия одолеть зло без помощи Бога. То самое зло, которое их прародителям так захотелось познать еще в раю. А без полноты познания зла не может быть и полноты познания Добра. То есть того Самого Бога, Которого Адам и Ева фактически отвергли по наущению дьявола.

И нечто подобное сказанному о дьяволе можно сказать о человеческих антихристианских силах в истории, более сложных по сравнению с примитивными силами хищных кочевников. Эти более сложные виды зла тоже, думается, нужны Богу и людям до какого-то времени. Нужны для опознания людьми тех опасностей, которые, будучи неопознанными, сделают или могут сделать их неспособными совершить свое общество.

А что такое история, в ходе которой люди не совершенствуют себя и свое общество? Это бессмыслица. А бессмыслица Богу, думается, не нужна.

Общество, которое не развивается умственно и нравственно, становится застойным. А где застой, там начало гниения. А где начало гниения, там и его продолжение. Общество гниющее обречено завершить свою историю самым плачевным образом. И его гибель должна стать концом всей мировой истории.

Отдалить этот конец люди могут лишь в борьбе с мировым злом. Именно мировым. Это не значит, что они должны забыть о своих личных, семейных и других более или менее частных делах. Не забыть, но соединить их с мировыми делами и проблемами. Иначе история направится к своему концу, описанному апостолом Иоанном в его Откровении.

Вот как далеко увели нас размышления о русском народе. И это естественно, потому что короткая мысль не может обнять такую большую тему. Русскую тему можно раскрыть только в том случае, если соединить конкретные исторические явления русской жизни с общечеловеческими и общемировыми проблемами. Да и в этом случае нужно не просто их соединить, а соединить правильно. Или правильно в основном. А кто застрахован от ошибок?

Но, даже ошибаясь в чем-то в своих стараниях соединить правильно русскую тему с мировой темой, мы провоцируем более зорких людей исправить наши ошибки и развить правильные мысли, если они у нас есть, но развиты недостаточно. И помогаем тем самым своему народу и всему человечеству постигать свою историю более глубоко по сравнению с тем, как ее постигали историки прошлого.

А теперь вернемся к нашим предкам, чтобы попытаться понять, с чем были связаны такие резкие зигзаги в русской истории и такие губительные крайности, каких не

было в жизни других христианских народов. Эти ложные крайности терзают нас и сегодня.

Думается, что они были связаны в основном с тем, что у нас не было выработано правильного представления о правильном государстве. То обстоятельство, что его не выработали и другие народы, не столь важно, как то, что его не выработал русский народ, наиболее способный к этому, если судить о нем по его добрым задаткам. Хорошие его качества, о которых речь была выше, казалось бы, подталкивали его к решению именно этой задачи. Но одно дело желать чего-то и другое – осуществить свое желание.

Правильное государство является главной силой, стягивающей народ в единое умственное и нравственное целое. А почему? По той причине, что именно оно способно охватить все основные стороны жизни народа с целью организовать его в его же собственных интересах. А не религия и не родовая связь.

Если родовая связь не открывает людям высших истин (иначе – зачем было бы нужно Откровение?), то правильная религия их открывает. Но она не способна организовывать народ ни в политическом, ни в военном, ни в хозяйственном отношении. Ни во многих других отношениях. А что такое народ, не организованный в этих отношениях?

Правильная религия открывает людям истинного Бога и тем самым смысл мироздания, а также смысл самой их жизни. Она ставит перед отдельными людьми и отдельными народами праведные цели, но конкретные способы продвижения к ним оставляет в основном на их усмотрение. Чтобы они могли проявить себя и стать помощниками Бога в Его заботах о совершенствовании созданного Им мира.

Некогда родовая связь организовывала людей, но лишь в малой степени, явно недостаточной для дальнейшей исторической их жизни. А потому и сменилась свя-

зью национальной, условием которой стало государство или какое-то его подобие.

Русский народ представлял себе правильное государство по типу большой семьи. А оно должно быть большою семьею лишь в нравственном отношении. Государство есть куда более сложный организм, чем семья. И его устройство, как и связанные с ним проблемы, обнаруживаются в истории лишь постепенно.

Восточные славяне не могли не признать необходимости государства, потому что альтернативы ему не было. Но о том, какие опасности с ним связаны, какие превращения ему предстоят и как эти превращения скажутся на их потомках, они не знали и не могли знать.

Однако в дальнейшем они стали их познавать мало-помалу. После создания государства оказалось, что для того, чтобы успешнее отражать набеги кочевников, необходимо все более сильное и многочисленное войско. А из кого его набирать? Из кого набирать управленческий аппарат государства, который тоже должен расти с его развитием и усложнением? В основном из тех же крестьян, из которых и извлекали наиболее подходящих для того и другого дела.

Но если государство из века в век извлекало из крестьянства и городского населения самых способных к военному делу и организаторской деятельности, то каким должен был стать результат? Государство должно было все больше усиливаться, а простые люди – слабеть. В них должны были отмирать их воинские, организаторские и политические способности. И они стали со временем, незаметно для себя, окончательно неспособными ни контролировать свое государство, ни защищать от него свои законные интересы. Ни даже знать, в чем они заключаются и что такое оно, их государство.

Это бессилие подавляющего большинства народа перед правящим меньшинством облегчало последнему

управление большинством народа и потому представлялось поначалу обеим сторонам вполне разумным. Сильное государство отвечало правильно понятым интересам не только властителей, но и подвластных. Сильное государство было в общих их интересах.

В общих их интересах были и преимущества правящего слоя. Чтобы правители могли лучше править народом и успешнее защищать его от внешних врагов, они должны были овладевать соответствующими искусствами и науками и постоянно в них совершенствоваться. А для этого их следовало освободить от посторонних трудов и забот, которые отвлекали бы их от их главного дела. Чтобы успешнее служить народу, правящий слой должен располагать удобствами, недоступными для большинства народа.

Но кто должен определять меру этих преимуществ? Из сказанного выше следует, что только он сам. Потому что простой народ, невежественный и не способный к самостоятельному политическому мышлению, не мог быть судьей в этом деле.

Казалось бы, веское слово в решении этого вопроса должно было принадлежать Церкви. Ведь государство, признавшее православие своей религией, должно считаться с разумом представителей Православной Церкви.

Однако никакого разума по этой части у них не оказалось. За многие сотни лет своего существования в союзе с, казалось бы, православным государством Православная Церковь не выработала своего учения ни по этому конкретному вопросу, ни о том, каким должно быть правильное государство и какими должны быть правильные отношения между ним и Церковью. И даже, похоже, не стремилась к тому, чтобы выработать это учение. А почему?

То ли потому, что презирала мирскую жизнь, не сознавая своей зависимости от нее. То ли потому, что не обладала материальной силой, и по этой причине уже давно, с пер-

вых веков своего союза с византийскими императорами, оказалась в зависимости от них. А если в зависимости, то и помалкивала на эту неудобную для императоров тему.

И то же самое повторилось, с некоторыми вариациями, много позднее в России.

А если так, то, как уже говорилось ранее, фактическая зависимость Церкви от государства была началом их общего упадка. Церковь может быть здоровой только в том случае, если ее мысль и ее действия независимы от государства. Независимы, по крайней мере, в самом главном.

И государство может быть здоровым только в том случае, если рядом с ним находится здоровая Церковь, чья мысль независима от него и потому может одобрять или не одобрять какие-то государственные идеи и нормы жизни. Или воздерживаться до времени от их оценки.

Обе стороны могут ошибаться в отдельных вопросах, но в этих ошибках нет ничего страшного. Сегодня ошиблись, а завтра исправили свою ошибку.

Такое обнаружение ошибок происходит намного успешнее при свободном соревновании двух или нескольких мнений, имеющих общую вероучительную базу. А она была у Церкви и союзного с ней христианского государства. Была как минимум в виде общего для них Священного Писания, а также в виде общего их понимания спасительности для них их союза. И, следовательно, недопустимости его разрыва при всех частных противоречиях между союзниками.

Но если даже сегодня сказанное понятно далеко не всем православным христианам, то оно было еще менее понятно им в прошлом.

Однако вернемся к вопросу о том, кто должен определять границы власти правящего в государстве меньшинства и размеры его законных преимуществ. А также размеры свободы и минимального материального достатка, которые должны сохраняться у большинства народа и всякой его ча-

сти. Чтобы ни это большинство, ни какая-то его часть не утратили своего достоинства и не превратились в рабов или полурабов правящего слоя.

В идеале эти размеры должен определять весь народ в его целом. Но для того чтобы это стало возможным, он должен быть единым в идейном и нравственном отношении. А для этого нужно постоянное его совершенствование в ходе истории, которого не было.

Следствием стала гибель христианской цивилизации.

В России правящий слой отрекся от своего прошлого и стал перенимать враждебные православия западные порядки. При Екатерине II (могу ошибиться) крепостных крестьян продавали не только деревнями и селами, но и в розницу, отрывая их от семьи.

Это была крайность, но крайность показательная. Цветов зла в романовскую эпоху было достаточно и без того. Их было достаточно, чтобы извратить в корне смысл государства и его взаимные отношения с народом.

Постепенно правящий слой стал сознавать свои привилегии не как условные, обязывающие его использовать их в интересах государства и народа, а как естественные, не обязывающие его ни к чему. Исключения из этого правила были, но для истории важны правила, а не исключения из правил.

Однако действительно ли исключения из правил не играют никакой роли в истории? Думается, что я все-таки поспешил с этим выводом. Какие-то исключения могут играть роль, но не сразу, а по прошествии времени, если общество окажется в кризисе и начнет искать выхода из него. В этом случае оно заново оценивает идеи, отвергнутые им ранее, и может найти среди них спасительную.

Так языческая Римская империя отвергла поначалу христианство, но затем приняла его. И нечто подобное возможно при оценке типа культуры, спасительного для людей в условиях кризиса господствующего типа культуры.

Такой спасительной идеей мне представляется мысль о русском народе как наиболее пригодном для созидания нового типа цивилизации, для закладки ее фундамента. Которым может стать поначалу союз российских народов, а затем и более обширный союз (или просто сообщество) всех благонамеренных народов Земли, осознавших хищный характер Запада и необходимость цивилизации нового типа, еще небывалой в истории. Альтернативной по отношению к миру капиталистическому и намного более развитой в нравственном и умственном отношении по сравнению со всеми другими цивилизациями в прошлом и настоящем.

Но не самолюбивая ли это мечта? Глядя на современное состояние русского народа, слишком многим трудно в это поверить.

А я в это верю. И вот почему. Нынешнее состояние русского народа – это не глубинное его состояние. Оно порождено в громадной степени соседством с большими хищными народами и его зависимостью от них.

Да и не только соседством. Большие хищные народы стали влиять со временем не только на своих соседей, но и на все народы Земли. В том числе и на русский народ. И это влияние было разрушительным.

К сказанному добавлю, что сам ход катастрофичной русской истории (намного более катастрофичной, чем у больших хищных народов), ломавший неоднократно русский народ, был тоже в громадной степени следствием его хищного окружения и хищных влияний на него.

Не учитывать эти обстоятельства, наблюдая современное состояние русского народа, значит быть близоруким духовно.

Что же касается глубинных качеств русского народа, то, как уже говорилось ранее, это мирный по своему характеру народ, доброжелательный по отношению к другим народам, не злопамятный и не паразитический. Ищущий святых людей и мечтающий о святом мире. В каком другом

большом народе рождались мечты, подобные мечтам о Беловодье или граде Китеже?

Сегодня русский народ не в состоянии утвердить справедливость даже в своей собственной стране, но он явно за справедливость, и потому остается, в отличие от других больших хищных народов, главной надеждой для всего благонамеренного человечества.

К сказанному добавлю, что национальным качеством народа может быть и такое ценное его качество, которого нет у большинства его представителей, но которого нет в других народах либо вообще, либо в таких размерах, как у него.

Идеализировать русский народ нельзя, греховное начало в нем действовало и действует, как и в других народах. Но, думается, в куда меньшей степени, чем в других больших народах.

Что же касается народов малых, то они не способны стать организаторами союза российских народов просто по своей малочисленности. Да и сравнительно уединенная их жизнь в прошлом не позволяла им развить свои государственные способности в той степени, какая необходима для того, чтобы стать организаторами столь большого содружества.

Оценить достоинства и пороки каждого народа в их полноте может лишь Бог.

Но, на мой человеческий взгляд, добрые качества русского народа преобладали в нем не только в прошлом. Преобладают они и сегодня.

Современные средства массовой информации создают ложное представление о состоянии русского народа. На протяжении 20 лет после краха СССР они, за редкими исключениями, высвечивали отрицательные его черты и призывали его учиться у якобы развитых народов Запада. Да и сегодня эта политика западных СМИ и российского правительства загоняет множество русских, особенно молодых, в шоковое состояние, порождает у них ощущение,

что русского народа попросту нет, а если где-то и сохранились его остатки, то они не заслуживают уважения.

Русского народа в здоровом его состоянии сегодня действительно нет. Он тяжело болен. Болен, но жив и, чувствуется, умирать не хочет. Он ищет в лице своих лучших представителей средства для своего исцеления. Ищет идеи, способные его организовать более правильно, чем это было в прошлом. Он и сегодня остается народом-идеалистом в лучшем смысле этого слова.

Сталин сказал, что русские – это «мечтательный народ». А мечты – это тоже реальность, хотя и в своем роде. Мечты вредны монахам и тем, кто им подражает. А тем, кто живет в миру, как не мечтать о лучшем мире? Не о том, который планируется на ближайшие годы и десятилетия, а о своем идеале.

Но если бы русский народ был только народом-идеалистом по своим глубинным качествам, то он все равно оказался бы не способным на роль организатора союза российских народов. Однако он заявил себя в истории и народом, обладающий здравым смыслом и талантами едва ли не во всех добрых земных делах.

И как народ-воин, и как народ-государственник, и как народ-хозяйственник.

Я когда-то читал, что маршал Баграмян считал, что воинская часть в ходе Великой Отечественной войны, не имевшая в своем составе 60% русских, была небоеспособной. И эти слова, думается, применимы в принципе к общегосударственной российской жизни.

Так что в вопросе о русском народе как организаторе Союза российских народов дело не в самолюбии русских, а в их трезвом учете всех обстоятельств, свидетельствующих о том, что ни один другой из российских народов, кроме русского, не способен стать организатором этого союза.

А если такое чудо случится, если российские народы действительно объединятся ради своего спасения и

создадут цивилизацию нового типа, более совершенную в нравственном и умственном отношении, нежели все бывшие до этого в истории, то сколько она будет существовать? Я думаю, что она будет длиться, может быть, не тысячу лет, а миллион или даже больше. Если будет постоянно совершенствоваться.

Неужели Бог воспрепятствует этому совершенствованию? И неужели не будет помогать российским народам в этом?

Выводы и пояснения

Думается, что первый вывод фактически уже сделан в предыдущей главе трактата. Он заключается в том, что современная западная цивилизация – это ловушка и смерть для народов. Борьба народов друг с другом их ослабляет и подготавливает их общее порабощение, а затем и разложение на эгоистические единицы, из которых силы зла будут лепить в дальнейшем свой собственный демонический мир.

Второй вывод чуть более сложен, но ненамного. Он лишь поначалу может показаться более трудным, а по существу прост, как и первый. Он заключается в том, что всякое историческое событие и всякая частная жизнь обнаруживают свою ценность, свой вред или другие свои особенности лишь в контексте всей мировой истории, от сотворения мира Богом до настоящего времени. Или, во всяком случае, лучше видятся в этом контексте.

То, что всякая частность осмысливается лишь в контексте целого, это понятно. Но до того, чтобы применить эту истину к отдельным событиям и отдельным лицам в ходе истории, дело еще не дошло. А надо, чтобы дошло. Ради того, чтобы люди более здраво оценивали как исторические события, так и самих себя. Им нужно приобрести способность сочетания их бытового и приземленного поли-

тического мышления, с одной стороны, и историософского мышления во всемирном масштабе, с другой.

Когда-то они не умели ни писать, ни читать. И научиться этим наукам было трудно. Сначала ими овладевали лишь немногие, а затем число умеющих росло. И сегодня умеют писать и читать почти все.

Нечто подобное случилось и с географией. Сначала думали, что земля плоская, и знали, как правило, лишь сравнительно небольшое пространство вокруг места своего проживания. Если бы им показали глобус или географическую карту, то они не поняли бы, что это такое. А сегодня и глобус, и карты понятны школьникам средних классов.

И то же самое произошло с календарем, разбивкой года на месяцы и т.д. Сегодня это вроде бы простые и понятные вещи, без которых и шагу ступить нельзя. А когда-то их не было.

Если история продолжится, то, думается, так будет и с освоением ее смысла во всей совокупности, который соединит людей с Богом и Его Промыслом гораздо теснее, чем теперь. Да и людей, как и народы, соединит гораздо ближе, чем сегодня.

Люди поймут, что без освоения этой новой науки они останутся дикарями в самом главном отношении. При всех своих нынешних знаниях и способностях. А потому и будут постигать эту науку и в христианских учебных заведениях, и самостоятельно.

В школе история (как предмет изучения) соединится с историософией, и эта более сложная наука будет постигаться со временем все более легко.

Она даст и практические плоды. Имея более точный ориентир, позволяющий видеть одинаково хорошо и происходящие у них на глазах события (которые обычно завораживают людей), и значение этих событий в ходе мировой истории, они будут вести себя более здраво, чем это было в прошлом и чем это бывает теперь.

В частности, государство поймет куда более ясно и полно, что оно не может быть здоровым, если подавляющее число его граждан остается в ходе истории такими же невеждами, какими были и в прошлом. Невеждами главным образом в религиозном, национальном, социальном и политическом отношении. И, разумеется, в тех науках и искусствах, которые связаны органически с этими основными началами жизни.

А если поймет, то будет стремиться к тому, чтобы самая нижняя планка, отмечающая нравственный и связанный с нравственностью умственный уровень населения, поднималась с каждым новым поколением хотя бы немного. Слишком быстрый подъем невозможен, да и не нужен, потому что нужно время для закрепления достигнутого. Скороспелые знания опасны тем, что достигаются за счет внутренней их основательности.

Невежество подавляющей части народа (а невежество это бессилие) опасно и в том отношении, что оно влияет в худшую сторону на правящее меньшинство. Оно соблазняет его забыть об условном характере его прав и преимуществ, о том, что они даны ему не для того, чтобы он воспринимал их как свои естественные права, но использовал их только для служения своему государству и своему народу. Бессилие народа развращает правящее меньшинство, а его разврат, в свою очередь, развращает значительную часть народа. И это обстоятельство одна из основных причин гибели христианской цивилизации.

Далее пойдут уже не выводы, а пояснения к тексту трактата.

Первое пояснение

Я задаю вопрос себе самому: почему Бог допустил гибель христианской цивилизации? Где же был Его Промысл о ней? Разве не мог Он воздвигнуть провидцев, которые объяснили бы людям, какие ошибки и пороки возмож-

ны при созидании ими своей христианской цивилизации? Чтобы они, зная эти опасности, избегали их.

Вот это была бы действительно забота о людях.

Но далее я подумал вот о чем. Если бы даже Его указания относились только к настоящему положению в новорожденной христианской цивилизации, то и в этом случае произошло бы нечто подобное тому, что произошло в Церкви после того, как императоры стали христианами.

Тогда массы бывших язычников хлынули в Церковь и затопили в ней лучшую часть ее представителей.

И на этот раз произошло бы нечто подобное. Указания провидцев, воздвигнутых Богом, стали бы понятны лишь немногим христианам, а остальные, погруженные в привычные им дела, просто проигнорировали бы неподходящий для них образ мысли и жизни и навязали бы своей массой привычный им строй жизни.

Да и императорам тоже, думается, был недосуг заниматься столь трудным делом. Одни из них занимались государственными делами, которым нет конца. Главная забота других была в том, чтобы сохранить свою власть, обезопасив себя от способных их свергнуть с престола. Третьи пьянствовали. Четвертые распутничали. Да разве можно перечислить все страсти, не позволявшие людям – как простым, так и самим императорам – решиться на столь трудное дело – совершенствование самих себя и своей империи?

Но если было так трудно изменить положение в стране даже в ее настоящем, то что говорить о будущем? Оно вообще уходит в неизвестность, и что там будет, какие перемены в жизни – не угадать. А потому и приложить спасительные предупреждения не к чему. А без их приложения к конкретным условиям жизни они становятся чем-то вроде маниловщины. Сам Бог, воспитывая людей, соразмерял высоту даваемых Им законом с внутренним состоянием лю-

дей. А внешние условия жизни – это, думается, сила ничуть не меньшая, чем внутреннее их состояние.

Вот, думается, почему Бог не дал людям указаний насчет пороков христианской цивилизации. Они все равно не поняли бы Его.

Его вмешательство в ход ее истории было, скорее всего, предельно осторожным, чтобы не ущемить необходимой степени человеческой свободы, но в то же время и не позволить кому-либо направить историю вразнос беспределом чьей-то свободы. Как можно догадываться, Он вмешивался и вмешивается в ход истории таким образом, чтобы она раскрыла наиболее полно и понятно для будущего человечества те заблуждения и пороки, знание которых помогло бы ему не допускать их при созидании действительно христианской цивилизации.

Второе пояснение

Мне могут сказать: ты написал, что человечество может прожить еще миллион лет и даже, возможно, перейти в Царство Небесное на земле.

Но не ересь ли это? В Писании ясно сказано, что наша история закончится воцарением антихриста, после чего Иисус Христос поразит его и определит, кто из людей войдет в Царство Небесное, а кто попадет в ад.

Я отвечу на это, что идеализировать Священное Писание нехорошо. Идеален лишь Бог. А все остальное несовершенно и предназначено для совершенствования.

Ветхозаветные иудеи идеализировали Ветхий Завет, и что получилось? Его идеализация не помешала им извратить его своим ограниченным человеческим пониманием. Они не увидели в нем самого главного, а в результате стали убийцами Христа. И подтвердили свою вину словами: «Кровь Его на нас и на детях наших».

Напомню еще один эпизод из Евангелия. Схватив блудницу, они решили побить ее камнями. Так следовало

поступить по Закону. Но их остановил Христос словами: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит в нее камень». И они не решились.

Но ведь Закон был дан Самим Богом. И в нем не было сказано ничего о том, что палачи должны быть безгрешными. Как же понять это противоречие?

Его объясняет Сам Христос. Он говорит, что Закон был дан применительно к развратному состоянию евреев, что в борьбе со злом наибольшим следовало использовать зло наименьшее. Но с Его приходом то время прошло. Он освобождает блудницу от наказания, но не оправдывает ее грех. Он говорит ей: «Впредь не греши». Так своими словами я передаю этот эпизод из Евангелия (Ин. 8:2–11).

В Ветхом Завете много умного и праведного, и все это умное и праведное сохранено христианством. А вот идеализация Ветхого Завета им отвергнута, как и связанные с нею человеческие измышления иудеев.

Но повторять грехи иудеев могут и христиане. И повторяли нередко в истории. Или, по крайней мере, творили нечто подобное. Так что задаваться перед ними, считая себя безгрешными, они не имеют права. Тем более что и среди иудеев были и есть достойные люди, не причастные ни к убийству Господа, ни к ненависти по отношению к христианству.

Суд человеческий не суд Божий.

А теперь об Откровении Иоанна Богослова.

Уже не раз высказывалась мысль о том, что его книга имеет условный характер. Ее задача показать людям: вот что ожидает вас или ваших потомков, если вы в своем нравственном и умственном разложении перейдете черту, которую переходить нельзя. Ее знает один лишь Бог, а вы не знаете. А потому не подходите даже близко к опасной зоне, но держитесь от нее как можно дальше. Иначе провалитесь сквозь землю, полагая, что до опасной черты еще далеко.

Условность картины, нарисованной в Апокалипсисе, следует из того, что Бог дал людям свободу выбора добра и

зла, свободу самоопределения. Совместить фатализм с этой свободой нельзя. Фатализм отвергается нашей Церковью.

Вот почему человечество не обречено погибнуть позорно в безбожии, но может и должно совершенствоваться, созидая новый и лучший мир. Хотя и худшая возможность не исключена. И Сам Христос подтверждает ее своим вопросом: «Сын человеческий, придя на землю, найдет ли верующих на ней?» (Лк. 18:8).

Что же касается перерастания праведного мира в Царство Небесное на земле, то не надо забывать о том, что люди не одни будут созидать свое общество, но вместе с Богом.

Кроме того, я же не написал об этом перерастании как о неизбежности, а только как о возможности.

Кто знает конечный Замысел Бога о человеке и человечестве? Никто, кроме Самого Бога.

Захочет ли Бог допустить, чтобы люди в ходе своего совершенствования изжили сами первородный грех, хотя и с Его помощью? Или Он очистит их от него на каком-то этапе их развития? И то и другое в Его власти. Но в любом случае и то и другое в наших человеческих интересах.

А что еще добавить к этим двум пояснениям? Добавить можно было бы многое, но перегружать основной текст важными подробностями и вопросами значило бы затруднять его усвоение. Надо сначала осмыслить его, найти в нем верные мысли, неточности или ошибки, которые я, может быть, допустил. Не ошибается тот, кто ничего не делает, и это самая главная его ошибка.

Новые, более сведущие и зоркие авторы, если оценят важность предложенной мною темы, создадут более совершенные труды, и от этого будет польза для всех.

А я, если Бог даст мне еще годы жизни, буду совершенствовать первоначальный свой текст и составлять к нему примечания.

Г. Шиманов

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ И ЗАЧЕМ ОНА НУЖНА БОГУ И ЛЮДЯМ

Кажется, у Шекспира кто-то говорит, что история – это глупая сказка, пересказанная кем-то пьяным. Но если так, то, может быть, и все мироздание, в котором эта история совершается, тоже глупость, созданная непонятно зачем Творцом? Ведь эти две вещи – история и мироздание – взаимосвязаны. Как была бы возможна история, если бы не было мироздания? И стоило ли его созидать ради того, чтобы в нем совершалась какая-то глупость?

Но если вселенная поражает умы всматривающихся в нее мудрецов своей мудростью, то, значит, она созидалась ради чего-то не менее значительного, чем она сама.

Если бы Бог, обладающий всеведением (и, следовательно, знанием того, что произойдет с людьми в будущем), не стал тратить время на то, чтобы дать им прожить свои жизни, но сразу определил каждого человека к тому, что он заслужил бы в том случае, если бы тот действительно прожил свою жизнь, то люди могли бы сказать Ему: «Господи, Ты знал, что мы совершим в будущем, но мы же на самом деле не совершили ничего из того, за что Ты одних наказал, а других наградил. Разве это справедливо?»

Но Бог, конечно, понимал не хуже людей несправедливость таких наград и наказаний, а потому и создал историю, то есть такое время, в ходе которого каждый человек должен проявить себя по отношению к Добру и злу. И подтвердить тем самым справедливость Божественного приговора над ним.

Такое представление об истории, думается, правильно, но только отчасти. А в остальном порочно.

Бог создал историю, думается, не столько для того, чтобы выявить суть каждого человека, как она проявилась бы в ходе какого-то ограниченного времени, сколько для того, чтобы спасти по возможности всех для вечной благой жизни. Спасти, не лишая людей свободы, которую Он им дал.

А если так, то в истории действуют не только люди. В ней действует Бог, иногда для кого-то явно, а в основном непонятным для них образом. Или таким образом, который становится понятным только впоследствии и, скорее всего, только отчасти.

Вот почему представление об истории как времени, в ходе которого действуют только люди без участия их Творца, порочно в принципе. История это куда более сложная и таинственная вещь, чем та информация, которую дали и дают нам историки. Осознать эту сложность хотя бы отчасти значило бы для людей увидеть руку Божию там, где они ее не видели раньше. История (как наука) без историософии – это то же самое, что тело без души.

Будем рассуждать так: Бог дал людям свободу, чтобы они определили себя по отношению к добру и злу. А свобода – это свобода. Люди могли все до единого потянуться к добру, и в этом случае они совершенствовались бы не только лично, но и общественно. Потому что человек и общество взаимосвязаны. Хорошее общество порождает, как правило, хороших людей, а плохое, как правило, плохих. Исключения из этого правила бывают, но они исключения, а не само правило.

Однако люди могли потянуться все до единого и к злу. И в этом случае они деградировали бы тоже не только лично, но и общественно.

Кроме того, они могли разделить в своем отношении к добру и злу. Причем разделить в самых разных пропорциях и степенях своей приверженности к Богу или к противным Ему силам. В этом случае в истории должны были возникать противоречия между людьми, пересечи-

тать которые человеческим умом невозможно, а согласовать хоть как-то – тем более.

История, следовательно, таила в себе уже изначально и продолжает таить самые разные возможности.

Но какая из них любезна Богу? Конечно, первая из названных возможностей. Поскольку Бог есть абсолютное Благо, то, несомненно, Он желал и желает, чтобы люди совершенствовались в добре и познавали тем самым своего Творца все более полно. Приобретали познания, которых не было у Адама и Евы даже в райском их состоянии. И, приобретая эти познания, становились все в большей степени участниками Божественной Жизни.

Но Бог не всемогущ в Его отношениях с людьми. Или, точнее, Он всемогущ лишь потенциально. А актуально Он ограничил Сам Свою власть над людьми, наделив их свободой. И ограничил тем самым Свою власть над ходом истории.

Мне могут сказать, что говорить о том, что Бог не всемогущ, недопустимо, потому что эта мысль умаляет авторитет Бога. А я думаю, что она умаляет авторитет Бога лишь в глазах неразумных христиан. Что же касается христиан разумных, то она не только не умаляет авторитета Бога в их глазах, но позволяет им лучше понять и Бога, и ход созданной Им истории. А без правильного их понимания христианство обречено на бессилие, которое мы и наблюдаем сегодня.

Однако о ходе истории поговорим потом. А предварительно отметим, что мысли о самоумалении Божества характерны именно для христианства, а не для иудейства, не для язычества и не для мусульманства.

Если Бог сошел на землю и породнился с человеком, существом неизмеримо низшим Себя, то разве это было не самоумалением Божества? В каком-то смысле, конечно, было.

Более того. Это соединение Бога с человеком явилось на земле в виде слабого человека, которого можно было аре-

ствовать и бить по щекам, даже оплевывать; которого можно было распять на кресте, то есть казнить самой позорной казнью. Вот до чего умалил Себя Богочеловек Иисус Христос.

А как Ему надо было явиться, чтобы в Него поверили все – и иудеи, и язычники, и будущие мусульмане, и даже безбожники? Очень просто. Во всей Своей силе. Вот когда все бросились бы к Нему для поклонения. И в этом случае своекорыстные люди, думается, опередили бы намного людей бескорыстных.

Однако самоумаление Божества проявилось не только в даровании людям свободы и явлении к ним Богочеловека в образе такого же по видимости человека, как они сами. Кто-то из русских мыслителей XX века (не помню кто) писал, что сам акт творения мира Богом был уже Его «самостеснением»: Ему пришлось как бы подвинуться, дать место рядом с Собою своему творению. Дать место, естественно, не в пространственном отношении, потому что Бог вне пространства, а в самом бытии.

Но разве могло быть иначе, если Бог есть Любовь? Отличие истинной Любви от ее ложных подобию в том и заключается, что она жертвенна по своей природе. Вот причина самоумаления Божества. Вот что открыл Иисус Христос всему человечеству, позволив грешным людям распять Себя на кресте. Вот Откровение, выше которого не было никакого другого откровения ни до распятия Христа, ни после Его распятия. И не будет.

И в самой проповеди Христа это самоумаление отразилось тоже. Кто хочет быть бóльшим других, пусть станет слугою всем. И умывает ноги всем остальным. Если ударят тебя по одной щеке, то подставь ударившему другую. А если хочешь быть совершенными, то раздай все свое имущество и иди за Мною.

Как можно воспринимать такое?

Если человек еще не сошел с ума, то он, конечно, отвергнет весь этот бред. Да это же издевательство над

здравым смыслом! За этот бред Христа действительно следовало бичевать и распять на кресте. Чтобы не сбивал людей с толку.

Его нормы жизни работали бы, возможно, где-нибудь далеко-далеко от земли, где живут одни ангелы или похожие на ангелов люди. Но только не в нашем мире.

А если так, то почему же люди все-таки к ним потянулись? Вот это действительно загадка. Почему люди, нарушая эти нормы жизни на каждом шагу, все-таки не могут от них отказаться?

Или нет тут никакой загадки? Если Бог – это Любовь в ее высочайшем смысле, то, значит, и в людях, созданных Им по Его образу и подобию, есть нечто от этой Любви. Какое-то слабое ее подобие. Но хоть и слабое, все-таки самое для них драгоценное. Пусть сегодня еще не для всех, но в будущем, может быть, будет для всех.

В любви есть действительно нечто безумное для сынов и дочерей века сего. А для детей Божиих наоборот: мудрость мира сего – безумие перед Богом.

К сказанному добавлю, что если бы Бог не ограничил Свою власть над людьми дарованием им свободы, то люди так и не стали бы богоподобными людьми. Они стали бы чем-то вроде человекоподобных животных. А в этом случае вся ответственность за происходящее в мире зло была бы действительно на Боге. Хотя куда правильнее сказать, что в этом случае в мире не было бы никакого зла. Не было бы потому, что условием добра и зла как раз и является свобода их выбора и свобода служения этим столь разным вещам.

А теперь поговорим о зле. Так ли оно всесильно и однозначно, как думают многие? Я думаю, что преувеличивать силу и вред зла так же опасно, как и недооценивать их.

Зло, конечно, противно добру. Но в каком-то смысле оно необходимо для постижения людьми добра. Оно необходимо для их совершенствования. Как люди могли бы

познать своего Творца, если бы они не имели опыта своего грехопадения?

Адам и Ева были достаточно предупреждены Богом для того, чтобы выдержать искушение их змием. Но они его не выдержали. И вина, безусловно, на них.

Однако Бог мог не допустить их падения, чего, однако, не сделал. Если бы Он рассказал им заранее про змия и его клевету на Него, если бы Он объяснил им, в чем эта клевета заключается и почему она возникла у змия, если бы Он сделал свое объяснение понятным Адаму и Еве, то они, конечно, не съели бы яблока.

Но Бог, прекрасно знавший о том, что произойдет в дальнейшем, если Он не спасет наших прародителей от их падения, не захотел их спасти. Он «попустил» их падение. Значит, зло, совершенное ими, было в конечном итоге все-таки полезно для них и для их потомков. Полезно при всех тех бедствиях, которые обрушились на них и которые невозможно исчислить. И хуже которых, казалось бы, нет и не может быть ничего.

Бог угрожал Адаму и Еве смертью за вкушение яблока с древа познания добра и зла, но скрыл от них, что смерть эта постигнет их не сразу после вкушения, что она будет лишь временной, а в конечном итоге Он все-таки их спасет. А почему скрыл? По той причине, что, будучи их Отцом по благодати, не мог не быть при этом также и их Воспитателем. Отец, не воспитывающий своих детей, — плохой отец. Или даже вообще не отец.

А воспитание есть не только сообщение воспитанникам нужных им истин и не только приучение их к нужным нормам жизни, но и постепенность в этом деле, его соразмерность с их возрастом и способностями. А если так, то воспитание невозможно без умолчания о таких истинах, до понимания которых воспитанники еще не доросли. А если не доросли, то преждевременное знакомство с ними должно смутить их души и скрытно им повредить.

Как вредит, например, детям так называемое сексуальное их «воспитание», практикующееся сегодня в школах. Это никакое не воспитание, а развращение детей под видимостью их воспитания.

Разумная мать объясняет ребенку названия окружающих его вещей и говорит ему, что хорошо, а что плохо. Но на его вопрос, откуда он взялся, говорит ему неправду или, в лучшем случае, дает уклончивый ответ. Она говорит, что его или нашли в капусте, или принесли гуси-лебеди, или его принесли из больницы. А если бы она попыталась рассказать ему правду о его происхождении, то он не только не понял бы ничего, но, мало того, повредился бы внутренне от такого рассказа.

Но то мать. А может ли Бог говорить людям подобную же неправду?

А почему бы и нет? Если Он Воспитатель, то должен учитывать состояние умов Своих воспитанников. Способны ли они понять правильно сложные вещи? Или еще не способны? А если не способны, то чем заменить правдивые ответы на трудные вопросы, как не уклончивой неправдой? Все дело в том, какого рода эта неправда и ради чего она. Если она в правильно понятых интересах самого человека, то она неправда только по внешности, а по своей сути – правда.

В Евангелии сказано: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7:24).

Некогда, как рассказывает Библия, Бог повелел пророку Ионе идти в Ниневию и объявить ее жителям, что за их нечестие город будет разрушен. Пророк попытался уклониться от этой миссии, потому что боялся, что жители города его убьют. Однако в конце концов он подчинился Богу. Пришел в Ниневию и весь день говорил: «Еще сорок дней – и Ниневия будет разрушена!» (Иона. 3:4). Но вопреки его страхам ниневитяне его не тронули, потому что поверили его словам. Они наложили на себя пост, и

все, от царя до последнего человека, оделись во вретисце и перестали есть и пить. Они перестали даже кормить свой скот. И вопияли к Богу, чтобы Он их не погубил. И Бог вопреки предсказанию Ионы их пожалел. Он отказался от своего намерения.

Но разве всеведущий Бог не знал заранее, что Он не погубит Ниневию? Конечно, знал. Однако сказал через пророка ее жителям неправду. А почему? Видимо, потому, что хотел навести на них ужас. Навести тот спасительный страх перед Богом, который, как говорится, начало мудрости.

Если бы жители Ниневии слышали от пророка, что Бог их простит, если они покаются, то стали бы каяться кое-как. Стали бы торговаться с Богом о том, чем им поступиться ради своего спасения. И в этом случае Богу не осталось бы ничего, как действительно их уничтожить. Потому что они заслужили бы это уничтожение своим недостойным покаянием. Вот почему Он велел пророку сказать им неправду.

Это один пример спасительной для людей неправды Бога. Другой пример из Евангелия.

Я имею в виду слова Христа о Его Втором Пришествии: «Се, гряду скоро». Как понимать эти слова? Прошло почти две тысячи лет после того, как они были сказаны, а Его все нет и нет. Опять обман? Ведь слово «скоро» значит не что иное, как краткий срок. Причем не краткий срок в историческом масштабе, а в самом житейском, по человеческим меркам, которыми только и могли мерить слова Христа Его слушатели.

Правда, в другом месте Евангелия, рассказывая притчу о разумных и неразумных девах, Он говорит, что «жених задержался», намекая тем самым на возможность «задержки» Своего Второго Пришествия. А еще в одном месте говорит о том, что времени этого Второго Пришествия не знает никто, даже ангелы небесные, но «только Отец Мой один» (Мф. 24:36).

Да и апостол Петр, отвечая на недоумения христиан в связи с «задержкой» Второго Пришествия, говорит нечто подобное. Он говорит, что «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Пет. 3:8).

Но если так, то зачем же понадобились слова Христа о Его скором возвращении?

Самый правильный ответ на этот вопрос мог бы дать только Он Сам. Но, может быть, Он хочет, чтобы люди сами додумались до правильного ответа?

Мне думается, что слова о скором Втором Пришествии были сказаны Господом примерно по той же причине, по какой Бог сказал некогда жителям Ниневии неправду.

Если бы ранние христиане не были уверены в том, что Иисус Христос явится второй раз на землю вот-вот, то их сосредоточенность на подготовке себя к встрече с Христом явно ослабла бы. Их мысли стали бы отвлекаться на второстепенные, но вместе с тем самые необходимые в исторической жизни дела. А этим необходимым делам нет конца. Начиная с личных и семейных забот до забот общецерковных и общегосударственных. Ведь все они взаимосвязаны.

Если бы ранние христиане не были уверены в том, что все эти заботы суетны по причине скорого прихода Христа, то волей-неволей погрузились бы в них. И в них бы завязли. Завязли бы потому, что не было у них еще ни развитого вероучения, ни развитых представлений о том, какими должны быть правильное общество и правильное государство. Если даже нынешние христиане вязнут в спорах о том, какими должны быть правильное общество и государство, то тем более в этих вопросах должны были завязнуть ранние христиане.

Итак, чтобы христианство не выродилось в самом своем зародыше, чтобы оно победило враждовавшую с ним языческую империю и подчинило ее себе (пусть далеко не полностью, а хотя бы отчасти), требовалась вера ранних христиан в скорое Пришествие Христа. И эта вера поддер-

живалась в них гонениями на них, которые не позволяли им поверить в возможность продолжения истории.

Эти гонения были злом, но злом спасительным для христианства. И потому это зло промыслительно попускалось Богом в истории.

Вот для чего, на мой взгляд, были сказаны слова: «Се, гряди скоро».

А теперь подведем предварительные итоги, после чего пойдем дальше. Что мы обнаружили в истории? Перечислим наши открытия с некоторыми добавлениями и уточнениями.

Первое. История есть время, в ходе которого люди должны проявить себя в той мере, в какой они сумеют это сделать.

Но является ли эта проверка людей окончательной, после которой все получают то, что они заслужили? Если так, то почему же над каждым человеком после его физической смерти творится, согласно учению нашей Церкви, лишь предварительный суд, а не окончательный? Зачем мы молимся за наших усопших близких?

Стало быть, судьба человека зависит не только от того, как он проявил или проявит себя в своей личной жизни. А от чего еще? Конечно, и от милосердия Бога. Но, думается, не только от этого. Она зависит еще и от любви к нему его ближних, и, может быть, даже дальних. Зависит она и от того, кто из обиженных им простит ему его прегрешения. Зависит она, возможно, и от чего-то еще, знать которое нам до времени было бы вредно.

Второе. В истории действует Бог, давший людям свободу и ограничивший тем самым Свою власть над людьми. Ограничивший ее в надежде на то, что они сами, познав добро и зло, свободно запросят Его полной власти над собою. «Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли». Ибо только она спасительна для людей.

Третье. А из того, что в истории действует Бог, следует, что Он, будучи людям Отцом по Своей к ним любви,

создал историю ради их спасения. Которое, однако, невозможно без их совершенствования, зависящего, в свою очередь, от их свободной воли.

Поэтому история зависит не только от Бога, но и от людей. Ее продолжительность имеет не фатальный, а условный характер. История закончится тогда, когда станет окончательно бессмысленной по той причине, что люди в ходе своей нравственной и умственной порчи (если они ее допустят) перейдут ту критическую черту, за которой утратят свою свободу уже окончательно. Как это было перед Всемирным потопом, когда они стали рабами зла.

Скажут: а как же быть тогда с переходом к вечности, если люди сумеют избежать столь позорного конца своей истории? Не знаю. Глупо было бы «знать» весь замысел Божий о мире. Он остается для нас тайной во многом. И эта тайна – одно из условий нашей свободы.

Но знать о том, почему настанет конец истории, крайне важно. Чтобы люди не смотрели на происходящее как на нечто от них не зависящее, а, наоборот, сознавали свою личную ответственность за происходящее. И прилагали все усилия для спасения своего народа и всего человечества.

Четвертое. Бог допускает в истории зло не только для того, чтобы люди могли проявлять свою свободу, но и с педагогической целью. Так мать, приучая ребенка ходить, не водит его постоянно на помочах, но попускает ему иногда падать. А что было бы, если бы она постоянно поддерживала его? Он так и не научился бы ходить самостоятельно.

Познание зла есть условие познания добра, как и наоборот. Познание зла как именно зла вооружает людей, делает их способными побеждать зло. Добро освободится от связи со злом только в вечности, а пока есть время – добро будет иметь своим спутником зло. Спутником-антагонистом.

Говорят, что Бог ограничивает в истории проявления зла, иначе оно затопило бы все человечество. И я с этим согласен. Как ограничивает Он и меру человеческой

свободы. К полной свободе человек только призван, но по своему теперешнему состоянию к ней не способен. Она стала бы для него катастрофой, как твердая пища для грудного младенца. Однако той свободы, которую Бог дает людям, вполне достаточно для проявления ими их отношения к добру и злу.

И, наконец, **пятое**. Судить об истории, основываясь на отдельных текстах Священного Писания, вырванных из целого его смысла, нехорошо. Нехорошо потому, что смысл всякой частности зависит от целого, частью которого она является.

И столь же нехорошо консервировать православное вероучение, выдавая его за идеальное и нуждающееся якобы только в его охране.

Идеален лишь один Бог, а все остальное, даже очень хорошее, не идеально, а потому и нуждается в дальнейшем его совершенствовании. Охранять православное вероучение необходимо, но полноценная его охрана невозможна без его развития.

Что не развивается, то мертво.

Но развитие, говорят нам, опасно. Под видом развития можно так исказить истины Православия, что они перестанут быть истинами.

И я с этим согласен. Но лишь с той оговоркой, что сама жизнь – это тоже опасная вещь. В любой момент можно и заболеть, и ошибиться, и даже попасть в тюрьму.

А то и умереть. Да что там умереть. Можно попасть в ад. Вот тут и думай: не лучше ли было вообще не родиться? А если лучше, то зачем тогда Бог дал тебе жизнь? Для вечных мучений? Если всего бояться, то так оно и получится.

Опасной была и выработка в прошлом Никеоцареградского Символа веры. Сколько ересей она породила. Или, лучше сказать, выявила. Так не лучше ли было бы остаться с этими таившимися в самой жизни ранних христиан ересями и с их несовершенными символами веры,

чем выявлять куда более совершенный Символ веры? Не было ведь гарантии, что не победит та или иная ересь.

Но Бог, однако, помог справиться с ересями. Так, может быть, и с новыми ересями и расколами Он тоже сможет справиться?

Истины православия в законсервированном виде не только хранятся, но и мертвеют, как мертвеют со временем всякие консервы. Мертвеют медленно, но неизбежно. И люди отходят от мертвееющего христианства с каждым новым поколением все дальше.

Вот причина той «апостасии», на которую ссылаются иногда христиане, пытающиеся объяснить дехристианизацию некогда христианского мира. Пытаются объяснить, давая лишь видимость объяснения. «Объясняют» отступление от христианства, отрицая истинную причину этого отступления.

А теперь мы подошли к следующей теме в нашем размышлении об истории. Почему христианство с какого-то времени пошло вперед с головою, повернутой назад?

Думаю, что для этого были две главные причины.

Первая из них – это грех господства православных государей над Церковью и неспособность православного священства освободиться от этого господства. А следствием этого обстоятельства был застой церковной мысли, по крайней мере в тех областях, которые связаны с жизнью общества.

Православные государи и сами не размышляли о том, каким должно быть действительно христианское общество, и своим подданным не разрешали этого делать, воспринимая попытки таких размышлений как вторжение в их собственную сферу мысли, как покушение на их собственную самодержавную власть. Подданные должны были быть только исполнителями их воли, а если им разрешалось мыслить о государственных делах, то лишь в том направлении, которое им указывалось императорами.

Вот и получалось, что церковная мысль замыкалась на той проблематике, которая уже разрабатывалась в прошлом, и должна была лишь поддерживать прежние авторитетные суждения и кружить вокруг них, не покушаясь при этом на их развитие и распространение на жизнь общества. Как будто высшие истины не имеют никакого отношения к жизни общества.

И Церковь привыкла к такому порядку вещей, стала воспринимать его как естественный. А если и были какие-то исключения из этого порядка, то не они формировали характер Церкви и окружающего ее общества. Силой, формирующей общество, в том числе и церковное, являются правила, а не исключения из правил. Тем более не редкие исключения.

И все-таки. Неужели Бог не мог вдохновить никого из верных Ему людей на обличение такого порядка вещей и на предупреждение об опасности того пути, по которому пошла Православная Церковь? Пошла и пришла постепенно к нынешнему ее состоянию, когда уже нет ни православного государства, ни православного большинства среди населения, ни понимания того, почему так получилось и как надо жить дальше, чтобы спастись от, похоже, наступающего конца, предсказанного Иоанном Богословом в его Откровении.

Но если Бог не мог спасти Церковь от ее погибельного исторического пути, то в чем же тогда был Его Промысл о мире?

А здесь мы уже подошли вплотную ко **второй причине** того, почему Церковь пошла с какого-то времени вперед с головою, повернутой назад.

Бог, думаю я, мог спасти Церковь от ее погибельного пути, но не захотел этого сделать потому, что этот путь был на самом деле не погибельным, а, в конечном итоге, спасительным. Или, по меньшей мере, оставлял возможность спасения и для нее, и для всего мира. Этот путь

оставлял возможность не возврата к лучшим временам в прошлой их жизни, а возможность созидания Церковью и народами нового типа христианской цивилизации, более высокого по сравнению с той, что была в прошлом.

Чтобы создать такую более высокую цивилизацию, как раз и требовалось выявить в предварительной исторической практике не только все достоинства прежней христианской цивилизации, но и все ее пороки, а также такие возможности новой цивилизации, догадаться о которых ранее было нельзя. С тем историческим опытом, который был у ранних и средневековых христиан, выстроить цивилизацию высшего типа было возможно лишь чудом или под непосредственным руководством Бога. Но Бог, думается, не хотел, чтобы люди созидали свое более совершенное общество по существу вслепую, не осознав ни страшной ему альтернативы в лице капитализма, ни причин, почему это новое общество надо строить именно так, а не иначе.

Будет ли эта более совершенная христианская цивилизация Тысячелетним царством, предсказанным в Ветхом и Новом Заветах, или не будет, пока не столь важно. А важно понять, что христиане должны научиться смотреть не только назад, но и вперед, осмысливая одновременно и свое прошлое, и свое будущее. И лишь при этом условии они научатся правильно оценивать свое настоящее.

При этом важно научиться видеть в своем будущем не только Царство Небесное на земле, но и пути приближения к нему человечества, насколько это возможно для него в его еще грехопадном состоянии. Важно научиться планировать свое будущее и при этом не фантазировать, но трезво учитывать свое настоящее состояние и этапы на пути от него к тому идеалу, который возможен еще при остающихся в людях грехах и при господстве на земле смерти.

Вот это главный вывод, который, на мой взгляд, можно и нужно сделать, размышляя сегодня о смысле истории. А окружить этот вывод можно будет в дальнейшем еще

многими мыслями, которые будут и разъяснять его с разных сторон, и дополнять, и показывать, каким образом он должен осуществляться в самой исторической жизни.

Напрашивается аналогия сказанного выше об исторической практике Церкви в прошлом с тем, что было сказано о преступлении Адама и Евы: Бог мог не допустить грехопадения наших прародителей, но не сделал этого ради того, чтобы они вместе с их потомками познали добро и зло в полную меру. Или, во всяком случае, в меру достаточную для их дальнейшего совершенствования.

И нечто подобное первородному греху произошло в истории Церкви, этого авангарда всего человечества. Но это произошло ради дальнейшего их совершенствования.

«Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотелось бы надеяться, что книга оставит хотя бы какой-нибудь след в памяти и душе читателя. Еще раз хочется повторить простую мысль, которая была сформулирована во введении: авторы не пытались «изобретать велосипед» или «открывать Америки». Их скромная роль заключалась в том, чтобы вернуть нынешнему поколению тех мыслителей, которые думали и писали о смысле мировой и русской истории. Мыслителей, которые сегодня, с одной стороны, слабо востребованы, а с другой стороны, слабо доступны.

Их невостребованность в немалой степени объясняется тем, что имена многих достойных отечественных и зарубежных авторов замалчиваются средствами массовой информации и издателями. В качестве примера можно привести имена английского журналиста и писателя Дугласа Рида и русского генерала, историка и экономиста Александра Дмитриевича Нечволодова. Современные интеллектуалы хорошо знают имена таких западных философов и социологов, как Арнольд Тойнби и Освальд Шпенглер, Макс Вебер и Вернер Зомбарт, Фридрих Ницше и Эрих Фромм. А вот имя Дугласа Рида известно лишь единицам. Еще печальнее положение с А. Нечволодовым, хотя его как историка можно поставить в один ряд с Татищевым, Карамзиным, Соловьевым и Костомаровым.

Недоступность работ мыслителей прошлого объясняется отчасти тем, что современный читатель (за ред-

кими исключениями) не привык к восприятию толстых книг, написанных к тому же языком, заметно отличающимся от современного языка общения в интернете. Данную книгу следует рассматривать как некий мостик, по которому современный читатель начнет выходить из нынешнего информационного содома и возвращаться в мир русской цивилизации.

Питаем надежду, что книга «История как Промысл Божий» заставит читателя взять в руки работы вселенских учителей Иоанна Златоуста и Василия Великого, святителей Димитрия Ростовского и Филарета (Дроздова), философов Владимира Соловьева и Ивана Ильина, писателей Льва Тихомирова и Федора Достоевского, славянофилов Алексея Хомякова и Ивана Киреевского, историков Михаила Погодина и Александра Нечволодова, богословов протоиерея Георгия Флоровского и митрополита Иоанна (Снычева) и многих-многих других православных авторов. Они оставили нам ценные мысли о началах и концах мировой истории, ее движущих силах, Божественном Промысле, роли личности в истории и т.п.

Многие из тех авторов, о которых шла речь в нашей книге, слава Богу, сегодня стали доступны благодаря напряженной работе Института русской цивилизации. Уже двадцать лет это издательство публикует работы перечисленных авторов.

В какой-то мере Институту русской цивилизации помогает Русское экономическое общество им. С. Ф. Шарапова (РЭОШ). РЭОШ постоянно проводит заседания, посвященные обсуждению творчества издаваемых институтом работ русских философов, богословов, экономистов, социологов. Прошли уже обсуждения творческого наследия С. Ф. Шарапова, Л. А. Тихомирова, А. Д. Нечволодова, Н. А. Бердяева, протоиерея Сергия Булгакова, Н. Н. Неплюева, И. А. Ильина, К. П. Победо-

носцева, В. С. Соловьева. Такие обсуждения венчаются подготовкой публикаций докладов (некоторые из них вошли и в состав данной книги). С некоторыми такими публикациями можно познакомиться на сайте РЭОШ по адресу: www.geosh.ru.

Питаем также надежду, что наш скромный труд «История как Промысл Божий» позволит продвинуться и в решении такой актуальнейшей задачи, как издание учебника (учебников) по истории для русской школы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>В. Катасонов.</i> Постижение истории. Историософия Л. А. Тихомирова.....	12
<i>В. Катасонов.</i> Каинитская цивилизация и современный капитализм.....	68
<i>В. Катасонов.</i> О Нимроде и Евере.....	118
<i>В. Катасонов.</i> О соотношении социального и духовного рабства в истории	131
<i>В. Катасонов.</i> Христианство и социальное устройство человеческой жизни.....	159
<i>В. Катасонов.</i> О древнем Риме, рабовладельческом капитализме и конце истории	217
<i>В. Катасонов.</i> Дуглас Рид. «Заговор правды»	232
<i>В. Катасонов.</i> Метаморфозы «еврейского народа» и проект третьего храма	275
<i>В. Катасонов.</i> А. Д. Нечволодов – русский генерал, историк, экономист.....	301
<i>В. Катасонов.</i> Сергей Булгаков: попытка осмысления мира и истории через «философию хозяйства».....	330
<i>В. Катасонов.</i> О моделях общества и схемах мировой истории. К критике марксизма.....	377

<i>В. Катасонов.</i> Макс Вебер и «протестантский капитализм»	389
<i>В. Катасонов.</i> Католицизм и «дух капитализма»	431
<i>В. Катасонов.</i> «Теология богатства», или финал христианской истории запада	458
<i>В. Катасонов.</i> «Русский капитализм»	473
<i>В. Н. Тростников.</i> Историческое предназначение России в свете Евангелия. Беседы	502
<i>Беседа первая.</i> «Без Меня не можете делать ничего» ...	502
<i>Беседа вторая.</i> «Дух животворит, плоть не пользует нимало»	508
<i>Беседа третья.</i> «Аз есмь путь и истина и жизнь»	514
<i>Беседа четвертая.</i> «Не вы Меня избрали, но Я вас избрал»	521
<i>Г. М. Шиманов.</i> Причины гибели христианской цивилизации	529
<i>Г. Шиманов.</i> Что такое история и зачем она нужна Богу и людям	610
Заключение	626

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния сил мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 08.08.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 27,85 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10083-1

9 785426 100831

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
- Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
- Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
- Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
- Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
- Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
- Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
- Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
- Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
- Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
- Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
- Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
- Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
- Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
- Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
- Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
- Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
- Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
- Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
- Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
- Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
- Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
- Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
- Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
- Иван Грозный. Государь, 400 с.
- Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.

- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолубие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
- Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
- Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
- Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.

Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.

Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Мионов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верю разумеваем, 704 с.
Либомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

- Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

- Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.

- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Массонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)